

Д 247 [2 ВК II] 445
10

ГЕРОДОТЪ.

ИСТОРИЯ ВЪ ДЕВЯТИ КНИГАХЪ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ГРЕЧЕСКАГО

Ө. Г. МИЩЕНКА,

СЪ ЕГО ПРЕДИСЛОВИЕМЪ и УКАЗАТЕЛЕМЪ.

Издание 2-е, исправленное, добавленное въ предисловіи и снабженное картами.

Томъ I

(ПРЕДИСЛОВІЕ. — КНИГИ I—IV. — ТРИ КАРТЫ).

Издание А. Г. Кузнецова

МОСКВА.

Типографія Е. Г. Потапова, Старая Басманная, д. Марьяной.

1888

ТРОДОТЪ

НИКОЛАЕВЪ И ПЕТРОВЪ

ПЕРВОЕ СЪ ИЗДАНИЕ

ВЪ Г. МОСКВА

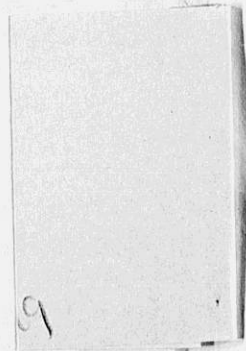

2011123018

996463-36

Сер. 1-ей картон

9

НАСТАВНИКУ СВОЕМУ,

АНДРЕЮ ДАНИЛОВИЧУ

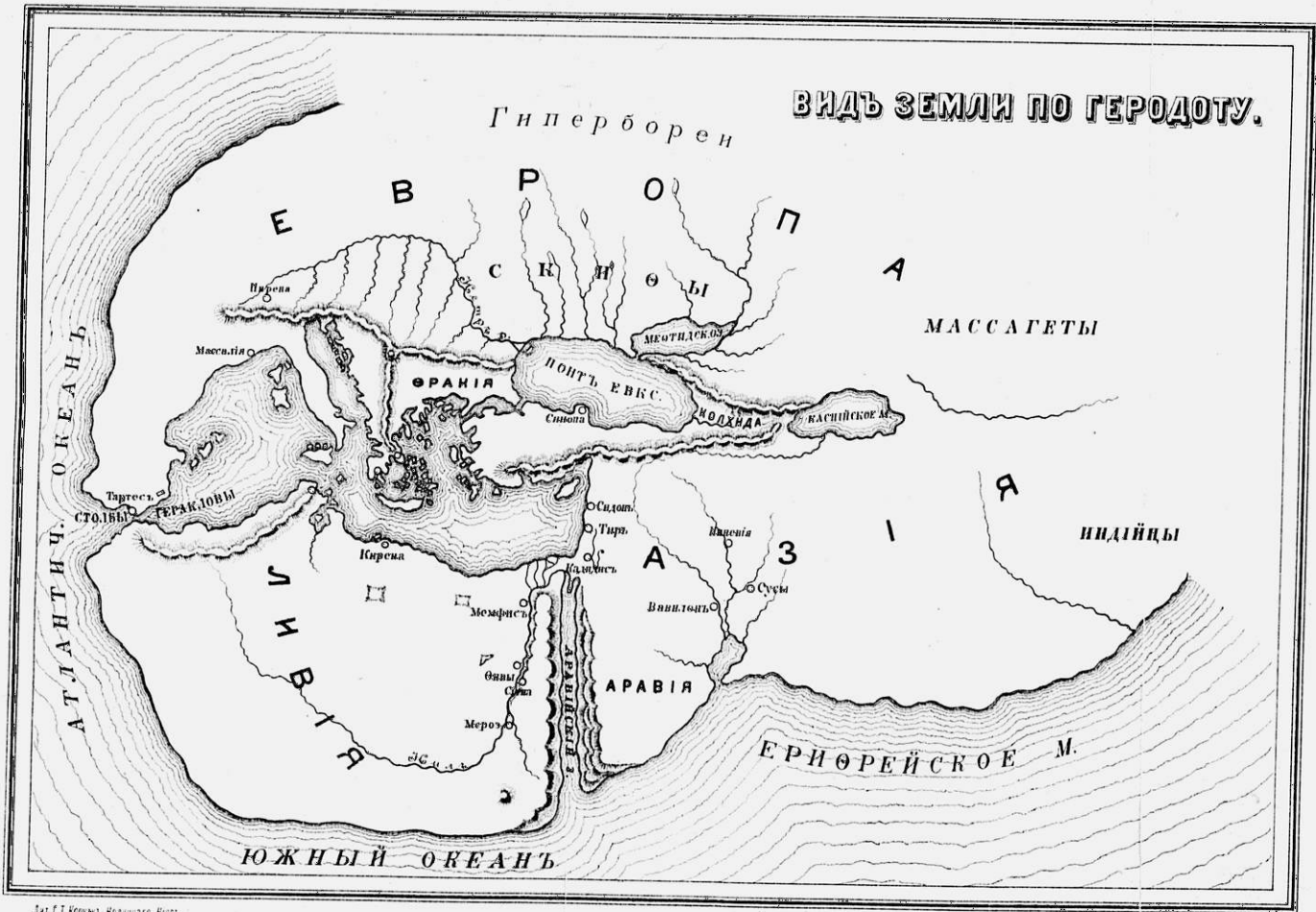
ЮРКЕВИЧУ,

УЧИТЕЛЮ ГИМНАЗИИ,

СЪ ПРИЗНАТЕЛЬНОСТЬЮ

ПОСВЯЩАЕТЪ

АВТОРЪ И ПЕРЕВОДЧИКЪ.

Геродотъ и мѣсто его въ древне-еллинской образованности.

„Современная наука можетъ смѣло гордиться тѣмъ между прочимъ, что ей удалось открыть истину тамъ, гдѣ почтенный еллинскій изслѣдователь вынужденъ былъ довольствоваться лишь локкимъ опросомъ сомнительныхъ свидѣтелей и слухами ихъ небрежныхъ и невѣдственныхъ показаній“.
Mahañy, History of classical gr. literature. II. p. 28.

I

Въ исторіи не одной только еллинской, но вообще европейской образованности Геродотъ занимаетъ выдающееся мѣсто. Онъ стоитъ на перепутьѣ двухъ настроеній общественной мысли: скептицизма, свободной критики, дѣятельной любознательности съ одной стороны, легковѣрія и благоговѣйнаго отношенія къ унаслѣдованному отъ предковъ достоянію съ другой. Кромѣ того, въ трудѣ Геродота отразились ярко и въ изобиліи тѣ свойства еллинскаго ума и характера, благодаря которымъ древняя Эллада сдѣлалась на многіе вѣка наставницей человѣчества какъ въ области искусства и науки, такъ и въ сферѣ общественныхъ и политическихъ отношеній. По всей справедливости Геродота

можно считать однимъ изъ наиболѣе типичныхъ представителей не историографіи только, но извѣстнаго періода умственного развитія вообще. Въ настоящемъ предисловіи мы желали бы выяснить для читателя положеніе Геродота въ исторіи древне-еллинской литературы въ связи съ другими сторонами жизни его современниковъ.

Прежде всего замѣтимъ, что почетное названіе «отца исторіи», присвоенное Геродоту Цицерономъ¹⁾ и сохраняемое за нимъ до нашихъ дней, можетъ быть удерживаемо лишь съ значительными оговорками. Во-первыхъ, въ послѣдовательномъ развитіи еллинской историографіи ему принадлежитъ скорѣе срединное, центральное, а ни въ какомъ случаѣ не передовое положеніе. Дѣйствительно историки, по времени слѣдованіе за нимъ въ различныхъ направленіяхъ, могли находить у него и исходные пункты, и отчасти руководящія пріемы для собственной литературной дѣятельности, но вмѣстѣ съ тѣмъ трудъ его представлялъ собою лишь наиболѣе выдающееся, почти одновременное явленіе въ цѣломъ рядѣ болѣе или менѣе удачныхъ и талантливыхъ опытовъ исторіи; въ числѣ сихъ послѣднихъ были и географико-этнографическія, и историческія сочиненія милетянина Гекатея, человека обширной учености и съ несомнѣнною склонностью къ критикѣ народныхъ преданій и дѣйствительныхъ житейскихъ отношеній. Вотъ почему извѣстный дублинскій профессоръ Магаффи полагаетъ, что Гекатей милетскій имѣетъ гораздо больше права, нежели кто-нибудь, называться отцомъ елли-

¹⁾ Cicero. *de legib.* I 1, 5 apud Herodotum patrem historiae.

ской исторіи¹⁾. Другой англійскій ученый Мьюръ замѣчаетъ, что съ Геродотомъ изъ за титула «отца исторіи» могъ бы съ успѣхомъ поспорить болѣе ранній историкъ Харонъ изъ Лампсака²⁾. Во всякомъ случаѣ безъ риска ошибиться можно сказать, что появленію Геродота на литературномъ поприщѣ не только предшествовала, но и содѣйствовала цѣлая школа историковъ, главнымъ мѣстомъ дѣйствія которыхъ былъ Милетъ, первенствовавшій въ еллинскомъ мірѣ во всѣхъ отношеніяхъ до начала V в. до Р. X.³⁾

Во-вторыхъ, наименованіе «отцомъ исторіи» еллинскаго писателя второй половины V в. до Р. X., если принимать наименованіе это безусловно, какъ бы закрѣпляетъ и освящаетъ не совѣмъ точное представленіе объ еллинской историографіи, то представленіе, согласно которому историческій видъ литературы начался для еллиновъ лишь въ весьма позднее время, примѣрно не раньше половины VI в. до Р. X. Подобное представленіе рѣзко противорѣчитъ всѣмъ нашимъ свѣдѣніямъ о патриотизмѣ древняго еллина, о той ревности, какую онъ всегда обнаруживалъ къ прославленію родины и къ достойному чествованію выдающихся услугами личностей съ одной стороны, къ примѣрамъ предковъ и къ предстоящему отношенію потомковъ съ другой. Достаточно

¹⁾ Hecataeus of Miletus, who seems to me to have the best right to be called the Father of History among the Greeks. *History of classical greek literature.* By the rev. J. P. Mahaffy. Lond. 1880. Vol. II, p. 10 (перев. на русскій языкъ г-жа А. Веселовская. Изд. К. Т. Солдатенкова. М. 1882—1883).

²⁾ W. Mure, *Critic. History of the language and literat. of ancient Greece.* Lond. 1853. Vol. IV, p. 165.

³⁾ Герод. V, 28.

напомнить, какъ нерѣдко уже Гомеръ внушалъ своимъ героямъ заботливость о доброй славѣ или страхъ позора у потомковъ ¹⁾, и какъ часто въ позднѣйшее время вниманіе къ оцѣнкѣ будущихъ поколѣній служило для эллина однимъ изъ сильнѣйшихъ стимуловъ дѣятельности на пользу и во славу родины. При наличности подобнаго настроенія древній эллинь долженъ былъ живо интересоваться и прошлыми судьбами своего маленькаго отечества, и сохраненіемъ важнѣйшихъ событій въ памяти современниковъ и потомства.

Дѣйствительно, у эллина и для эллина исторія существовала искони; только въ разные періоды ея развитія она облакалась въ различныя формы, въ каждомъ изъ такихъ періодовъ отличалась особыми характеристическими чертами, вѣрно отражая на себѣ современное состояніе общества, данный въ немъ уровень пониманія окружающаго.

Не слѣдуетъ при этомъ выпускать изъ виду, что именно тѣ части эллинскаго племени, которыя оказались для культуры наиболѣе производительными, какъ то іонійскія общины и болѣе всего аѳинская, отличались обыкновенно широкими демократическими стремленіями и обладали соответствующимъ общественнымъ устройствомъ. Успѣхи литературы и смѣна литературныхъ направленій опредѣлялись поэтому, по крайней мѣрѣ весьма долгое время, поступательнымъ движеніемъ огромнаго большинства свободнаго населенія, а не вкусами и потребностями отдѣльных личностей, кружковъ или классовъ. По этому же самому простота, об-

¹⁾ *Илиада* II, 119. III, 287. 460. VI, 358. XXII, 305. *Одиссея* III, 204. VIII, 580. XI, 76. 433. XXI, 255. XXIV, 433.

щедоступность и драматизмъ изложенія составляли неотъемлемыя свойства древне-эллинской литературной рѣчи. Эта исконная особенность литературнаго творчества выгодно отразилась и на произведеніяхъ позднѣйшаго времени, когда имѣлось уже на лицо раздробленіе общества на группы по степени пониманія задачъ и явленій художественныхъ, научныхъ и общественныхъ. Диалогическая форма платоновыхъ сочиненій, частые діалоги и рѣчи отъ перваго лица въ сочиненіяхъ Геродота и Фукидиды, ясность построенія рѣчи у Исократы, Исея, Демосфена, не говоря уже о болѣе раннихъ ораторахъ, были послѣдствіемъ демократизма или общенародности древне-эллинской и прежде всего аѳинской образованности. Отсюда же объясняется долговременное неключительное господство поэтической формы въ литературѣ.

Древнѣйшей эллинской исторіей, одинаково понятной, интересной и достовѣрной для всѣхъ классовъ населенія, были тѣ пѣсни, которыя составлялись въ гомеровское и до-гомеровское время: все великое и достопримѣчательное, по свидѣтельству того же Гомера, находило себѣ выраженіе въ пѣснѣ ¹⁾. Добродѣтели Пенелопы, пороки и преступленія Клитемнестры въ равной мѣрѣ становились предметомъ пѣсни, причемъ одна изъ этихъ женщинъ должна была возбуждать къ себѣ въ потомкахъ любовь и восхищеніе, а другая отвращеніе ²⁾. Пѣсни составлялись въ большомъ числѣ, потому что слушатели всегда съ наибольшимъ интересомъ относились къ новой пѣснѣ ³⁾.

¹⁾ *Ил.* VI, 357. *Од.* III, 204.

²⁾ *Од.* XXIV, 197. 200. — ³⁾ *Од.* I, 351.

Отдѣльныя короткія пѣсни и созданныя на основѣ ихъ цѣлыя поэмы выслушивались не только съ эстетическимъ наслажденіемъ, но и съ полною вѣрою въ историческую дѣйствительность Геракловъ, Ясоновъ, Агамменоновъ, Ахилловъ, Несторовъ и другихъ героев, самихъ Зевсовъ, Аполлоновъ, Афродитъ. Даже въ сравнительно позднее время спорившія между собою государства считали возможнымъ ссылаться на гомеровскія поэмы, какъ на авторитетные общепризнанные документы. Непрестанное участіе боговъ и богинь въ судьбахъ героев и простыхъ смертныхъ казалось древнему вѣрующему еллину столь же неизбѣжнымъ и, такъ сказать, естественнымъ, какъ намъ кажется вымышленнымъ и невѣроятнымъ. Тѣмъ же авторитетомъ пользовались и поэмы Гесіода, вмѣстѣ съ Гомеромъ считавшагося составителемъ греческой еоогоніи ¹⁾.

Только спустя вѣка четыре или и того болѣе замѣчаются въ литературѣ признаки недовѣрія къ повѣствованіямъ Гомера, Гесіода и другихъ древнихъ поэтовъ. Не только философы, какъ Ксенофанъ, Пинагора, Гераклитъ, порицають творцовъ греческой еоогоніи за возведеніе на боговъ разныхъ преступленій, но и такой глубоковѣрующій поэтъ, какъ Пиндаръ, осмѣливается открывать глаза публики на нѣкоторыя несообразности въ твореніяхъ древнихъ учителей. Впрочемъ рядомъ съ этимъ Персей, Горгона, стоголовый Тифонъ, кентавръ Хиронъ, великаны Алкіоней, Антей и т. п. для Пин-

¹⁾ Геродотъ II, 53. Философы-скептики считали этихъ поэтовъ подлинными виновниками ложныхъ представленій народа о божествѣ. Срви. Герод. V, 94. VII, 159. 161. 169. 171. Страбонъ IX, 1, 10.

дара дѣйствительныя существа, только отдѣленные временемъ и пространствомъ отъ воспѣваемыхъ имъ олимпійскихъ или неомійскихъ побѣдителей ¹⁾. Чудесное и сверхъестественное, по мѣрѣ накопленія и распространенія точныхъ знаній, все больше и больше возбуждало сомнѣнія и недовѣрія къ прежнимъ авторитетамъ; многія подробности въ произведеніяхъ древнихъ поэтовъ отвергались, какъ преувеличенія и выдумки; тѣмъ не менѣе въ основѣ своей они не переставали разсматриваться какъ историческія свидѣтельства о конкретныхъ лицахъ и событіяхъ. Въ этомъ отношеніи особенно поучителенъ Фукидидъ. Врагъ чудовищнаго и чудеснаго въ исторіи, онъ смѣло прилагаетъ къ доисторической старинѣ мѣрку современности, уничтожая всякую грань между ранними продуктами народной вѣры и фантазіи съ одной стороны и современными историческими ему дѣятелями съ другой. Существованія мифическихъ личностей и событій онъ не отвергаетъ; принимая ихъ отъ поэтовъ на вѣру, онъ старается только очистить рассказы о нихъ отъ всего того, что кажется ему искаженіемъ и вымысломъ, руководствуясь при этомъ не чѣмъ другимъ, какъ данными самихъ же поэтовъ, да субъективнымъ чувствомъ вѣроятности ²⁾.

Въ этомъ и въ подобныхъ случаяхъ вѣроятность ошибочно принималась за достовѣрность, а мѣсто научной критики заступалъ субъективный рационализмъ.

¹⁾ *Olymp.* I, 28 сл. III, 17. VII, 55. VIII, 63. IX, 32 сл. XIII, 50 сл. *Isthm.* III, 50 сл. V, 31. VI, 44 сл. *Pyth.* I, 17. 93. III, 4 сл. 25. *Nem.* IV, 27 сл. VII, 20 сл. и др.

²⁾ *Thucyd.* I, 9—12. II, 29.

Какъ долго Гомеръ и Гесиодъ сохраняли для слина значеніе историковъ, лучше всего показываетъ примѣръ Страбона, одного изъ просвѣщеннѣйшихъ людей Еллады I в. по Р. Х. «Иліада» и «Одиссея» имѣютъ по его мнѣнію историческую основу, которую географъ и пытается многократно возстановлять съ помощью пріемовъ древнѣйшихъ еллиническихъ историковъ. Вопреки Ератосвену Страбонъ не допускаетъ оцѣнки Гомера съ художественной только точки зрѣнія и въ одномъ мѣстѣ «Географіи» замѣчаетъ, что скорѣе можно довѣрять героическимъ поэтамъ, Гесиоду и Гомеру, нежели Ктесію, Геродоту, Гелланику и другимъ подобнымъ ¹⁾.

Въ виду сказаннаго ясно, что для массы еллинскаго народа Гомеръ, Гесиодъ и вообще древніе поэты были настоящими историками, и что присутствіе въ ихъ трудахъ чудеснаго элемента скорѣе укрѣпляло, а не ослабляло довѣрчивое отношеніе къ нимъ наивнаго слина.

Такимъ же значеніемъ, только быть можетъ въ большей еще степени, пользовались слѣдовавшіе за Гомеромъ и Гесиодомъ киклики, дѣятельность которыхъ помѣщается приблизительно между началомъ олимпіадъ и концомъ VI в. до Р. Х. Киклики черпали матеріалъ для своихъ произведеній изъ того же источника, что и Гомеръ, подобно ему вѣрили въ историческую дѣйствительность мионическихъ и легендарныхъ личностей и событій, но обладали меньшимъ художественнымъ дарованіемъ и преслѣдовали нѣсколько иные задачи. Они стремились обнять мионическую старину во всей полнотѣ ея, начиная

отъ сотворенія земли и перваго человѣка и кончая историческимъ временемъ; несравненно больше Гомера они были заинтересованы въ послѣдовательной передачѣ длиннаго ряда событій, наполнившихъ извѣстный періодъ времени. Киклики или продолжаютъ гомеровскія поэмы, или рассказываютъ о событіяхъ, предшествовавшихъ подвигамъ и испытаніямъ гомеровскихъ героев, или отправляются, какъ отъ исходныхъ пунктовъ, отъ краткихъ указаній или наменовъ, содержащихся въ «Иліадѣ» и «Одиссеѣ», и засимъ развиваютъ ихъ дальше въ рядѣ картинъ со множествомъ подробностей и дѣйствующихъ лицъ. Художественный интересъ боролся у кикликовъ съ стремленіемъ къ фактической обстоятельности и хронологической послѣдовательности; благодаря этому позднѣйшая древность обязана была главнымъ образомъ кикликамъ сохраненіемъ большинства мѣтовъ и героическихъ сказаній; при этомъ несравненно точнѣе, нежели у Гомера, басни были приурочиваемы къ опредѣленнымъ мѣстностямъ.

Такимъ образомъ хронологія, хотя и весьма несовершенная, и топографія, во множествѣ случаевъ мионическая, составляющія необходимыя элементы исторіи, замѣтно входили въ планъ киклическихъ произведеній и приближали ихъ къ историческому виду сочиненій въ позднѣйшемъ смыслѣ слова. За такія свойства киклики удостоивались названія «историческихъ поэтовъ», и творчество ихъ обозначалось тѣмъ же терминомъ, что и составленіе историческаго труда (συγγραφεῖν), а по свидѣтельству Прокла большинство цѣнило и сохраняло произведенія эпическаго кикла не столько за ихъ поэтическія достоинства, сколько за послѣдовательность

¹⁾ XI 6, 3. См. подъ сл. *Гомеръ* указатель къ нашему переводу Страбона. М. 1879.

изложения ¹⁾. Съ другой стороны прозаическій историкъ, Діонисій изъ Милета или изъ Митилены, носилъ названіе киллическаго писателя (*κιλλικὸς ἱστορικός*) ²⁾. Конечно съ точки зрѣнія собственно художественной пріемы килликовъ не были удовлетворительны, что и отмѣчаетъ Аристотель въ своемъ разсужденіи о поэзіи ³⁾; но тѣмъ въ большей степени отвѣчали произведенія ихъ интересу публики къ исторіи.

Если отъ килликовъ мы обратимся къ элегіи, лирикѣ и драмѣ, то и здѣсь въ огромномъ числѣ случаевъ замѣтимъ особенное вниманіе поэтовъ къ историческимъ фактамъ, современнымъ и прошлымъ. Каллины, Теогины, Солоны, Пиндары и другіе лирики отводятъ въ своихъ произведеніяхъ видное мѣсто историческимъ событіямъ, намекамъ и критическимъ о нихъ замѣчаніямъ. Эхиль, отецъ трагедіи, ставитъ на сцену вполне историческую драму «Персы» въ трилогической связи съ «Финесемъ» и «Главкомъ» ⁴⁾ и, по всей вѣроятности, низводитъ историческое, близкое ему событіе къ началамъ мнѣческимъ. Эхилова трагедія представляетъ много общаго съ изображеніемъ тѣхъ же событій и съ освѣщеніемъ ихъ у Геродота. Обработывая для сцены мнѣологическіе сюжеты, аеинскіе трагики не разъ пользовались мнѣческими именами и положеніями для того, чтобы высказываться въ томъ или иномъ смыслѣ о событіяхъ и личностяхъ современныхъ.

¹⁾ τῶ ἐπικῶ κίλλου τὰ ποιήματα διασώζονται καὶ σπουδάζονται τοῖς πολλοῖς οὐχ οὔτω διὰ τὴν ἀρετὴν ὡς διὰ τὴν ἄκλουθίαν τῶν ἐν αὐτῷ πραγμάτων. *Biblioth. der alten Liter.* n. K. I, S. 16.

²⁾ *Schol. ad Iliad.* III, 40. Athen. XII, 515 d.

³⁾ *Poet.* с. 23.

⁴⁾ Тетралогія состояла изъ пьесъ: *Финей, Персы, Главкъ, Прометей.*

Наконецъ всякій знаетъ, что въ исторіи еллинской литературы былъ особый видъ драмы, т. е. древняя аттическая комедія съ Аристофаномъ во главѣ, вся посвященная наблюденію и оцѣнкѣ современныхъ историческихъ явленій, между прочимъ по сравненію съ фактами прошлаго, и несомнѣнно свидѣтельствующая о живѣйшемъ интересѣ аеинскаго народа къ отечественной исторіи.

Какъ бы въ противорѣчій съ этимъ, такъ сказать, историографическимъ настроеніемъ и поэтовъ, и публики стоитъ общезвѣстный фактъ сравнительно поздняго появленія въ Елладѣ историографіи прозаической, посвященной собственно записыванію или восстановленію историческихъ данныхъ и распредѣленію ихъ въ смыслѣ хронологической и прагматической послѣдовательности. Дальше этого еллинская историографія и не пошла; она никогда не поднималась до задачи выяснить тотъ порядокъ, или законъ, по какому слѣдуютъ одна за другою группы общественныхъ явленій, объединяемыя въ данный періодъ господствующимъ настроеніемъ мысли и чувства и обнаруживающія въ своей послѣдовательности постепенное совершенствованіе.

Дѣло въ томъ, что во всѣхъ поименованныхъ выше случаяхъ изложеніе и задачи исторіи находятся въ подчиненіи у поэзіи, въ зависимости отъ поэтической или художественной тенденціи автора подобно тому, какъ въ той же поэзіи находили себѣ выраженіе религіозныя потребности древняго еллина, стремленіе его къ точному знанію, вопросы личной и общественной морали и т. п. Правда, такая совмѣстность въ разработкѣ задачъ дала въ результатѣ неподражаемыя гомеровскія поэмы и не-

много лишь уступающим им аттические трагедии, обеспечивая в то же время силу, продолжительность и всесторонность воздействия на публику. Тем не менее дальнейшие успехи умственной производительности древняго эллина достигнуты были при посредстве дифференцирования предметов и тенденций и образования отдельных дисциплин на место первоначально общей творческой деятельности поэтов. Одновременно с этим совершалось в обществе расчленение на группы по свойству стремлений каждой из них, по степени разумности ими теоретических и практических вопросов, причем органом нового движения являлась литературная прозаическая речь, которую пользуются для различных целей историки, географы, ученые, философы, ораторы. Задачею поэзии становилось не изображение внешних событий, но более и более детальное воспроизведение душевных состояний типических личностей. Потребность в истории искала более соответствующаго удовлетворения. Правда, вскоре не замедлила обнаружиться и отрицательная сторона процесса дифференцирования: первый великий прозаик Гераклит имеет в виду только отборную публику и пишет темною речью; за ним следуют в том же направлении несколько других философов; изысканностью и относительною неясностью речи отличаются Эсхил и Фукидид, но в общинах демократических, особенно в Афинах, это значительно умярялось противоположным общественным настроением ¹⁾.

¹⁾ „У насъ одинъ и тѣ же лица“, замѣчаетъ Периклъ, „ведутъ и свои домашнія, и политическія дѣла; отдаваясь другимъ занятіямъ, наши сограждане достаточно понимаютъ политическіе вопросы. Лишь

Условия, благоприятныя для дальнѣйшаго прусиженія, сложились наиранише въ колоніяхъ, преимущественно малоазійскихъ. Географическія удобства, благодатныя свойства климата, отсутствіе стѣснительныхъ привилегій и предрасудковъ, покинутыхъ въ метрополіи, быстро создавали на новыхъ мѣстахъ матеріальный достатокъ и будили духъ предприимчивости и изслѣдованія; необходимость устраниваться съизнова, въ новой обстановкѣ и рассчитывать во всемъ на собственные силы, многообразныя сношенія съ иноземцами воспитывали въ колонистахъ чувства независимости, терпимости и равенства, возбуждая вмѣстѣ съ симъ сознательное, критическое отношеніе къ окружающему. Торговля и знакомство съ отдаленными странами и народами расширяли географическій кругозоръ колонистовъ и исправляли нѣкоторыя мнѣологическія представленія, замѣняя ихъ точнымъ знаніемъ мѣстностей и обитателей. Наконецъ правильныя сношенія съ Египтомъ, установившіяся съ конца VII в. до Р. Х., — Навкратисъ былъ основанъ о. 37, 3, — открывали древнему эллину чудесный оригинальный міръ съ культурою, во многомъ опередившею эллинскую образованность, съ неизвѣстнымъ еще для эллиновъ запасомъ точныхъ знаній по математикѣ и астрономіи; съ этого времени посѣщеніе Египта становилось чуть не обязательнымъ для образованныхъ или ученыхъ людей Елады. Въ частности сношенія съ Египтомъ обеспечи-

мы одинъ считаемъ не бездѣтельнымъ только, но и безполезнымъ челоѣка, который вовсе не участвуетъ въ общественныхъ дѣлахъ.“ *Thucyd.* II, 40. Срвн. Герод. V, 29: хорошие земледѣльцы—достойные правители государства.

вали для еллиновъ болѣе или менѣе правильное получе- ние папируса, сравнительно удобнаго и дешеваго писчаго матеріала; употребленіе его было необходимымъ условіемъ прозаической письменности и въ то же время облегчало распространеніе знаній въ массѣ.

Во главѣ умственнаго и экономическаго движенія стоялъ до начала V в. Милетъ, хотя о какой-нибудь централизаціи въ то время не можетъ быть и рѣчи. Каждая область, каждый островокъ, каждый городъ, находившіеся въ благоприятныхъ условіяхъ для дѣятельности, развивали собственныя силы, принося что-либо свое, оригинальное въ общую сокровищницу древнееллинской образованности. Благодѣтельные послѣдствія этой независимости и многочисленности культурныхъ центровъ въ древней Елладѣ настойчиво и многократно отмѣчаютъ одинъ изъ недавно умершихъ знатоковъ еллинской древности, Э. Бергкъ ¹⁾.

¹⁾ „Dass es in dieser Periode kein ausschliessliches Centrum der Literatur gab, gereicht dem Ganzen nur zum Vortheil; denn um so leichter und rascher verbreitete sich die höhere geistige Cultur gleichmässig durch alle Theile des hellenischen Sprachgebiets“. *Griech. Literatur*. 2 B. Aus dem Nachlass herausgeg. von G. Hinrichs. Berl. 1883. II, стр. 20. Въ другомъ мѣстѣ онъ выражается еще болѣе категорически: „Der in dem vielfach getheilten Hellas so mächtige Trieb nach Vereinzelung hatte insofern wohlthätig gewirkt, als die verschiedenen Stämme sich im regen Wettstreit an der Gründung einer nationalen Literatur beteiligten. Die Sitze der Literatur hatten mehrfach gewechselt, ohne dass einer ausschliessliche Herrschaft gewann“. Стр. В. II. 456. Бергкъ ображдаетъ вниманіе на то, что даже жители одной Аттики, т. е. въ политическомъ смыслѣ аониане, разнились между собою по отдѣльнымъ деревнямъ и околоткамъ. Стр. 452. Срви. *ibid.* 19 сл. 471 сл. В. I, стр. 83.

Вотъ тѣ условія, при которыхъ вступила въ литературу прозаическая рѣчь въ древней Елладѣ, возникла и окрѣпла еллинская историографія, какъ особый видъ литературы съ собственными задачами и приемами изложенія.

II

По словамъ Страбона, проза развилась постепенно изъ поэзіи. «Прежде», говоритъ онъ, «появилось на свѣтъ и приобрѣло славу поэтическое изложеніе; потомъ, подражая ему, разрѣшая стихъ, по сохраняя прочія поэтическія особенности, писали свои произведенія Кадмы, Ферекиды, Гегатен; затѣмъ позднѣйшіе писатели, постоянно отнимая что-либо изъ поэтическихъ свойствъ, низвели рѣчь до ея настоящаго вида, какъ бы съ какого-нибудь возвышеннаго положенія» ¹⁾. Мнѣніе Страбона, до послѣдняго времени господствовавшее въ филологической литературѣ, имѣло за себя между прочимъ видимую хронологическую послѣдовательность поэтическихъ и прозаическихъ произведеній, — источникъ его, тотъ же самый, что и другаго, еще болѣе распространеннаго и не менѣе ошибочнаго представленія о возникновеніи аттической драмы изъ эпоса и лирики ²⁾. На самомъ дѣлѣ каждый видъ еллинской

¹⁾ I, 2, 6 (нашъ перев. на русск.). Основаніемъ для такого взгляда могли служить примѣры Акусиласа, переложившаго поэмы Гесіода въ прозу, Гелланика, писавшаго ирозою и стихами, наконецъ преданіе объ эпическомъ поэтѣ Евмелѣ (ол. 9), будто бы написавшемъ ирозою исторію Коринна.

²⁾ Срви. нашъ «*Очеркъ исторіи греческ. драмы*». Унив. Изв. Кіевъ. 1884. № 4.

литературы, равно какъ и прозаическій отдѣлъ ея, имѣтъ свое собственное начало, которое можетъ быть прослѣжено до незапамятной древности.

Подлинный источникъ прозы — обыденная разговорная рѣчь, а подлинно первоначальный опытъ ея — та запись или надпись, которая впервые понадобилась древнему еллину для сохранения на память какого-либо событія изъ личной, семейной или общественной жизни.

Уцѣлѣвшіе до нашего времени обломки древнѣйшей прозаической письменности, принадлежаціе далеко не первымъ шагамъ на этомъ полѣ, отличаются такою краткостью, отрывочностью, примитивностью изложенія, что не позволяютъ и думать о вліяніи поэзіи на первые опыты прозы или о преемственной зависимости послѣдней отъ первой. Отрывки эти неопровержимо свидѣтельствуютъ, что съ самаго начала эллинская проза шла своей дорогой и первыми успѣхами обязана была собственнымъ усиліямъ, а не услугамъ поэтической рѣчи. Въ этомъ именно смыслъ высказывается и упомянутый выше пѣмецкій ученый. «Уже въ самомъ началѣ», замѣчаетъ Бергкь, «старательно соблюдалась пограничная линія между поэтической и прозаической рѣчью. Изложеніе прозаическое было просто и безыскусственно; предложенія и мысли располагались въ немъ въ рядъ, слабо связанныя между собою. Достойно вниманія, какъ поэзія, за долго до того достигшая соединенія предложеній въ періоды и мастерски ими пользовавшаяся, какъ она мало воздѣйствовала на прозу древнѣйшаго времени. Прозаическая рѣчь, движущаяся по гладкой поверхности, представляла съ са-

мага начала отдѣльный видъ, умышленно (?) отрекавшійся отъ искусственныхъ средствъ поэзіи»¹⁾.

Прежде всего трудно допустить, чтобы древній еллинъ, по усвоеніи финикійскаго алфавита и по примѣненіи его къ фонетикѣ роднаго языка, долго воздерживался отъ употребленія прозаическаго письма для различныхъ ближайшихъ цѣлей. Дошедшія до насъ надписи не восходятъ дальше VIII в. до Р. Х., но это не значить еще, что болѣе древнихъ надписей вовсе не было. Для позднѣйшихъ историковъ, не исключая и Геродота, важнѣйшимъ источникомъ достовѣрныхъ свѣдѣній о старинѣ, служили краткіе документы, хранившіеся въ храмахъ и на публичныхъ мѣстахъ городовъ²⁾. Это были главнымъ образомъ списки именъ государственныхъ чиновниковъ, — въ Спартѣ царей и ефоровъ, въ Аѳинахъ архонтовъ, — или же жрецовъ, жриць и побѣдителей на народныхъ состязаніяхъ. Такъ, извѣстны перечни жриць Аргивской Геры и жрецовъ Посейдона въ Галикарнасѣ, списки побѣдителей на олимпійскихъ играхъ, съ начала III вѣка до Р. Х. легшіе въ основу счисленія по олимпиадамъ, и на другихъ общееллинскихъ празднествахъ; наконецъ существовали списки побѣдителей на карнейскомъ празднествѣ въ Спартѣ. Подобные документы содержали въ себѣ рядомъ съ именами и краткія замѣтки о выдающихся современныхъ событіяхъ. Сверхъ того было не мало надписей на пограничныхъ столбахъ, на пожертвованныхъ въ храмы предметахъ: треножникахъ, ста-

¹⁾ *O. c. II*, стр. 394 сл.

²⁾ *Dion. Halicarn. De Thucyd. c. 5.*

туяхъ и т. п. Святыищемъ, богатѣйшимъ подобными приношеніями, было несомнѣнно дельфійское. Гробницы также часто украшались надписями. Въ этихъ случаяхъ въ надписи входили болѣе или менѣе опредѣленные хронологическія даты и краткія повѣствованія о подвигахъ отдѣльныхъ гражданъ или цѣлыхъ государствъ ¹⁾.

По мѣрѣ развитія городовъ памятники письма умножались и увеличивались въ объемѣ; колоніи шли, разумѣется, впереди метрополій. Отдѣльныя распоряженія властей или постановленія народныхъ собраній, коммерческія сдѣлки и политическіе договоры, наконецъ собранія законовъ,—все это требовало прозаическаго письма и подготовляло вкусы публики къ чисто литературнымъ произведеніямъ въ прозѣ. Древнѣйшее писанное законодательство Залевка появилось въ эписифирскихъ Локрахъ около 660 г. до Р. Х., а вскорѣ послѣ того для Катаны и другихъ халкидскихъ колоній въ Великой Елладѣ обнародованы были т. п. законы Харонды. Въ 621 г. появилось въ Афинахъ писанное обычное право Аттики, подъ именемъ законовъ Дракона, а въ 594 выставлены на афинской площади солоновы законы.

Лѣтъ двадцать-тридцать спустя появляется въ Милетѣ (около ол. 50) первый опытъ прозы для цѣлей литературныхъ, именно историко-географическій трудъ

¹⁾ *The History of Herodotus. A new english version etc.* by G. Rawlinson, assist. by Coll. Henry Rawlinson and G. J. Wilkinson. Lond. 1858. Vol. IV, p. 483. — A. Schaefer, *Abriss der Quellenkunde der griech. Geschichte bis auf Polybios*. L. 1873. Стр. 6 сл.

Бадма, перваго прозаическаго писателя по свидѣтельству Плинія, Порфирія и др. За нимъ слѣдовалъ цѣлый рядъ историковъ-прозаиковъ, обозначаемыхъ обыкновенно по почину Фукидида именемъ логографовъ ¹⁾. Памятниками этого періода историографіи, не включая сюда Геродота, служатъ для насъ сравнительно немногочисленные и ничтожные отрывки нѣсколькихъ логографовъ: Гекатея изъ Милета, Агусилая изъ Аргоса беотійскаго, Харона изъ Лампсака, Ксанеа изъ Лидіи, Гелланика изъ Митилены и Ферекіда изъ Лера. Отъ прочихъ уцѣлѣли одни имена, да разнѣ названія сочиненій: Кадмъ и Діонисій изъ Милета, Гиппій изъ Регія, Деіохъ и Біонъ изъ Проконнеса, Дамаста изъ Сигея, Евхеонъ изъ Сама, Дамоклъ изъ Нигель, Евдемъ изъ Пара, Амелсагора изъ Халкедона, «и многіе другіе», заключаетъ Діонисій. Все это были предшественники или старшіе современники Геродота; каждый изъ нихъ прибавлялъ что-либо къ эллинской историографіи и въ смыслѣ матеріала, и въ смыслѣ усовершенствованія прозы и выработки соответствующихъ пріемовъ ²⁾.

¹⁾ I, 21. Въ разрядъ логографовъ заноситъ Фукидидъ и Геродота, — Геродота, быть можетъ, преимущественно передъ прочими. Такъ были названы имъ предшествовавшіе историки-прозаики въ отличіе отъ новѣйш. Гекатея называется у Геродота *λογόγραφος*; прозаикомъ (II, 143. V, 36. 125), какъ Ктесія называетъ самого Геродота. *Phot. Bibliothk.* cod. 72 ed. Bekker, p. 35. Изъ новыхъ ученыхъ Крэйцеръ, а за нимъ и другіе перевели Геродота изъ рядовъ „логографовъ“ въ число „историковъ“. У Фукидида, отъ котораго заимствованъ терминъ, слово „логографы“ имѣетъ общее значеніе „прозаическихъ писателей“; въ томъ же смыслѣ оно употреблено Полибомъ (VII, 71). Срви. замѣтку Г. Курциуса *Berichten d. Sächs. Gesellsch. d. Wissenschaften*. 1886, стр. 141 сл.

²⁾ Свѣдѣнія о логографахъ разбросаны у разныхъ древнихъ писателей; см. особенно Діонисія Галик. *Thucyd.* cc. 5. 7. 9. 23. Стр.

Усиленная дѣятельность логографовъ свидѣтельствовала, что въ обществѣ народился и возрастала живой интересъ къ предметамъ географіи, этнографіи, хронологіи, исторіи самимъ по себѣ, независимо отъ художественнаго изложенія.

То самое, что прежде составляло задачу и давало мотивы для поэтической разработки, излагалось теперь простою разговорною рѣчью безъ поэтического возсозданія душевныхъ состояній героевъ, съ единственнымъ намѣреніемъ закрѣпить факты письмомъ. Сходство съ прежними поэтами обнаруживалось въ міросозерцаніи, отчасти въ матеріалѣ, въ неизмѣнной вѣрѣ въ мнѣніи событія, но тѣмъ очевиднѣе становилась разница между поэтами и историками въ обращеніи съ матеріаломъ. И у историковъ немногія достовѣрныя данныя мѣшались со всякаго рода мѣрами и баснями, документальныя хронологическія показанія записались въ одинъ рядъ съ вычислениями по мѣологическимъ

бона, Диогена Лаэртскаго, Агаэмера, Гермогена, Свида и др. Позднѣйшее изданіе отрывковъ Ф. Дидо: *Fragmenta historic. graecorum*. V. I. Paris. 1874. Литература: кромѣ общихъ сочиненій по исторіи литературы и политической исторіи Ελλάды, см. G. F. Steuzer, *Die historische Kunst der Griechen*. Leipz. 1803. Второго изданія (1845 г) мы не имѣли подъ руками. R. H. Klausen, *Peccat. Miles. fragm. Berol.* 1831. Preller, *Commentatio de Hellenico Lesbio*. Dorp. 1840. Gutschmidt, *De rebus aegyptiacar. scriptoribus graecis ante Alexandr.* M. (*Philolog.* 1855. V. 3. III). На русскомъ языкѣ слѣдуетъ назвать трудъ В. Шеффера: „Очерки греческой исторіографіи“. *Утм. Изв. Киев.* 1883. №№ 1 и 3. 1884. №№ 5. 6. 7. Эта послѣдняя работа исполнена старательно и съ знаніемъ литературы предмета. Въ томъ же журналѣ за 1868 г (№№ 1. 5. 6) помѣщено было М. Драгомановымъ начало краткихъ очерковъ по тому же предмету, но по иному плану, нежели у Шеффера.

родословнымъ; но самое облаженіе письма отъ красоты поэтическаго вымысла способно было возбуждать сомнѣніе въ достовѣрности или возможности нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ наиболѣе чудовищныхъ образовъ и положеній, призывало читателя къ критикѣ.

Источниками для логографовъ, какъ историковъ прошлаго, служили, кромѣ скудныхъ документальныхъ свидѣтельствъ, тѣ же самыя устные преданія, изъ которыхъ черпали поэты, рассказы жрецовъ и наконецъ произведенія этихъ самыхъ поэтовъ. Такимъ образомъ значительная доля труда логографовъ въ этой области сводилась къ прозаическому переложенію извѣстій о лицахъ и событіяхъ, воспѣтыхъ раньше Гомеромъ, Гесиодомъ, кивлигами и другими поэтами. Акусилай перелаживаетъ въ прозу, не безъ нѣкоторыхъ отступленій впрочемъ, поэмы Гесиода, Діонисій изъ Милета называется «кивлическимъ писателемъ», а иные кивлики цитировались въ древности, какъ «поэтическіе историки». Только въ такомъ смыслѣ можно и должно допускать вліяніе поэзи на прозаическую исторіографію и нѣкоторую преемственность послѣдней отъ первой. Вліяніе другаго рода, болѣе прямое и дѣйствительное, поэзи на прозу, принадлежитъ позднѣйшей порѣ исторіографіи, обнаруживаясь впервые на Геродотѣ. И въ этомъ отношеніи аналогія прозы съ драмою очевидна: о вліяніи эпоса на драматурговъ до-эсхилевскихъ мы не знаемъ ничего, тогда какъ Эсхиль, по преданію, называлъ свои трагедіи крохами отъ гомеровской трапезы. Достаточно вспомнить здѣсь, какъ ближайшій наставникъ Геродота Паниасидъ обработалъ геракловы легенды въ четырнадцать пѣсняхъ и въ значительной поэмѣ изло-

жизль странствованія іонянъ и судьбу ихъ колоній, и какъ нашъ историкъ подъ вліяніемъ родственника-поэта обращалъ особенное вниманіе на тѣ же предметы. Потому зависимость Геродота отъ эпической поэзіи не подлежитъ сомнѣнію. «Одинъ только Геродотъ былъ вполнѣ гомеровствомъ», замѣчаетъ о немъ Лонгинъ ¹⁾. Близость къ Гомеру видна на каждой страницѣ геродотова текста, доказана учеными давно и состоитъ не въ тождествѣ отдѣльныхъ только словъ и оборотовъ, но также во всемъ планѣ труда и въ общемъ его характерѣ ²⁾. При некоторыхъ индивидуальныхъ особенностяхъ древнѣйшихъ историковъ въ соединеніи съ послѣдовательнымъ преуспѣяніемъ историографіи, труды логографовъ имѣли многія общія черты. Согласно господствовавшему въ обществѣ интересу къ судьбѣ колоній и ихъ метрополій, къ древнимъ эллинскимъ родамъ и племенамъ, къ посѣщаемымъ народамъ и странамъ, сочиненія логографовъ распались по содержанию, говоря вообще, на историко-генеалогическія и географико-этнографическія. Первые состояли главнымъ образомъ въ послѣдовательномъ изложеніи судебъ героевъ мѣстныхъ и общихъ, съ прибавленіемъ въ началѣ космогоніи и теогоніи и съ переходомъ въ концѣ къ историческимъ личностямъ и событіямъ; вторыя—въ перечисленіи геогра-

¹⁾ μένος Ἡρόδοτος ἀμνημονεύεται ἐπίνετο. De Sublimit. 12.

²⁾ Boettiger, Proclus. De Herodoti historia ad carminis epici indolem propius accedente. Opusc. I, 182 слл. 193 слл. Многочисленные примѣры см. въ изданіяхъ Вера, Штейна, Абихта и друг. Другое мнѣніе объ отношеніи первоначальной прозы къ поэзіи высказываетъ авторъ рецензіи на нашу книгу въ „Историч. Вѣстн.“ 1886, сент. стр. 614 сл. Намъ отвѣтъ въ томъ же журналѣ. 1886, февр.

фическихъ пунктовъ съ упоминаніемъ относящихся къ нимъ предметовъ: обитателей, животныхъ, растений, храмовъ и т. д. и т. д. Исторіи городовъ (κτίσεις πόλεων) пріурочивались къ судьбамъ племенъ или родовъ и излагались по мнелогическимъ родословнымъ.

Для характеристики сочиненій первой категоріи мы ограничимся немногими примѣрами. Отъ одного изъ логографовъ, Ферекида, осталось около 120 отрывковъ его «исторій», уже въ древности дѣланныхъ на десять книгъ. Это—ряды легендъ, пріуроченныхъ къ Фессаліи, Беотіи, Арголидѣ и другимъ частямъ Еллады и расположенныхъ въ хронологической послѣдовательности. Героогонія предшествовала, должно быть, вкратцѣ, теогоніи, а заключеніе составляли, по всей вѣроятности, еще болѣе краткія упоминанія объ историческихъ дѣятеляхъ съ относящимися къ нимъ историческими событіями: такъ, родъ филиидовъ доведенъ до марафонскаго побѣдителя, упоминается скиѣскій царь Иданеуръ ¹⁾, очевидно геродотовъ Иданеуръ, относящійся къ концу VI в. до Р. X. Потомства Аполлона, Посейдона, Геракла, Персея, Агенора, Инаха и др., начиная отъ божественныхъ родоначальниковъ ихъ и кончая человѣческими представителями, излагались на основаніи народныхъ сказаній и поэтическихъ произведеній, съ большими или меньшими подробностями, въ порядкѣ смѣны одного поколѣнія другимъ. Во многихъ случаяхъ историкъ отсутствовалъ отъ общераспространенной редакціи различныхъ сказаній. Одно это обстоятельство способно было колебать вѣру читателей въ священную неприкосновенность традицій.

¹⁾ Ferr. 20. 113.

Такъ, по Гесиоду Тифонъ низвергнуть въ Тартаръ, а у Фереида онъ погребенъ живымъ подъ островомъ Пиекусою; у него особые варианты генеалогіи ехидны, сказанія объ Электрионѣ и Амфитріонѣ, о задушеніи Геракломъ змѣй и пр.

Отъ «генеалогій» другаго историка, Гекатея, уцѣлѣло 37 отрывковъ, составляющихъ ничтожный обломокъ героической исторіи Еллады. Это былъ перечень поколѣній Девкаліона и другихъ еллинскихъ героевъ, родоначальниковъ отдѣльныхъ частей еллинскаго племени, и этотъ историкъ въ изложеніи судебъ героевъ не разъ уклонился отъ общепринятыхъ редакцій. Если нѣтъ никакихъ слѣдовъ того, чтобы Гекатей связывалъ героогонію съ оеогоніей, все же несомнѣнно, что человѣческій родъ онъ ставилъ въ преемственную связь съ мнѣческимъ поколѣніемъ героевъ и боговъ. Такъ, свою собственную родословную онъ возводилъ въ шестнадцатомъ колѣнѣ къ божеству ¹⁾:

По тому же плану построена была историческая хроника Гелланика, обнимавшая собою мнѣческую старину Арголиды, Фессалии, Аттики и Троянскую войну, подъ видомъ повѣствованій о потомствахъ Фороцея, Девкаліона, Кекропа и Атланта; въ исторіи Аттики онъ спускается до Пелопоннесской войны включительно.

Насколько можно судить по Діодору Сицилійскому, Діонисій изъ Милета пытался составить нѣчто въ родѣ цѣльной исторіи Еллады, начиная отъ временъ мнѣческихъ и кончая событіями современными писателю. О планѣ сочиненія можно составить себѣ понятіе по

¹⁾ Геродотъ II, 143.

тому же Діодору, неоднократно заявляющему, что въ изложеніи онъ слѣдуетъ за Діонисіемъ Милетскимъ. Не безъ основанія Крейцеръ приписываетъ труду логографа единство плана не хронологическое только, но и прагматическое; ряды и группы мнѣевъ о герояхъ слѣдуютъ одни за другими не столько въ порядкѣ хронологической послѣдовательности и не по отдѣльнымъ мѣстностямъ, сколько по внутренней связи между ними со стороны содержанія.

Еслибы логографы остановились на этой ступени исторіографіи, то и тогда дѣятельность ихъ представляла бы значительный шагъ впередъ сравнительно съ «историческими поэтами». Логографы обратили первостепенное вниманіе на мѣстныя сказанія, которыя при всей недостоверности отдѣльныхъ фактовъ и подробностей, въ нихъ сообщаемыхъ, содержали важныя указанія на историческія отношенія далекаго прошлаго: на движенія племенъ, на взаимныя ихъ отношенія, на судьбы различныхъ мѣстностей, памятникъ и т. п. Потому, только благодаря логографамъ сохранились для позднѣйшей древности и для насъ много вариантовъ мнѣевъ болѣе первобытной формации, нежели гомеровскія или гесиодовскія повѣствованія о тѣхъ же или иныхъ событіяхъ и лицахъ. Наконецъ, случаи уклоненія отъ законодателей оеогоніи и героогоніи были поучительны сами по себѣ, тѣмъ болѣе, что они имѣли за себя также авторитетъ давности или принадлежность опредѣленному святяищу. Но логографы на этомъ не остановились.

Имъ принадлежатъ первыя попытки введенія въ литературу точной хронологіи. Самое видное мѣсто въ этомъ отношеніи занимаетъ Гелланикъ, воспользовавшийся эпи-

скомъ жриць Геры Аргивской (*Ἡρακλῆδες*) для хронологическаго распредѣленія еллинской исторіи и мифологіи. Конечно, начало списка было мифологическое: во главѣ его стояло имя Іо; но онъ нисходитъ до времени самого историка. Тотъ же историкъ впервые обработалъ для цѣлей историко-литературныхъ другой подобный списокъ, *καρνεονίχαι*, побѣдителей на Карнейскихъ состязаніяхъ съ ол. 26; по всей вѣроятности съ именами побѣдителей внесены были въ лѣтописи выдающіеся факты изъ исторіи литературы. Подобнаго характера были, какъ можно предполагать, «Лѣтописи лакедемонянъ» и «Лѣтописи лампсакиновъ» Харона.

Съ другой стороны логографы, какъ замѣчено уже выше, имѣли дѣло не только съ мифическимъ прошлымъ, для точнаго ознакомленія съ которымъ они располагали крайне скудными средствами; не одинъ изъ логографовъ обращался и къ чисто историческимъ и современнымъ событіямъ. Предшественникомъ Геродота въ этомъ отношеніи былъ, кромѣ Гекатея, Ферекида, Гелланика, также Харонъ изъ Лампсака. Онъ составилъ исторію Персіи (*Περσικά*), посвященную между прочимъ тѣмъ же событіямъ, что и трудъ Геродота, именно еллино-персидскимъ войнамъ, и доведенную дальше очищенія Сеста. «Лѣтописями Лакедемона», какъ и «Исторіей Персіи», весьма вѣроятно, пользовался и Геродотъ¹⁾.

Заслуги логографовъ не ограничивались и этимъ: у нѣкоторыхъ изъ нихъ мы находимъ первые опыты критики. Такъ, историческое сочиненіе Гекатея начиналось

¹⁾ I. 60. 160. VI, 37 (Примѣч. Штейна и Бера). Срвн. К. Мюллеръ, *Fr. h. gr.* I, p. XVIII.

замѣчаніемъ, что «онъ будетъ излагать только то, что кажется ему достовѣрнымъ, ибо многія повѣствованія еллиновъ до очевидности смѣшны»¹⁾. Въ виду такого вступленія нельзя сомнѣваться, что историкъ относился къ материалу съ разборомъ, что многія басни были отвергнуты имъ, какъ вымыслы. Отрывки 346, 349 и 357—единственные уцѣлѣвшіе образчики скептицизма историка. Въ первомъ изъ нихъ онъ предлагаетъ разумѣть подъ Керберомъ о трехъ головахъ огромную змѣю, обитавшую на Тенарѣ, причѣмъ объясняетъ по своему превращеніе ея въ собаку преисподней: «потому что укушенный ею неизбежно тотчасъ умираетъ отъ яда»²⁾. Въ отрывкѣ 349 историкъ отвергаетъ всякое отношеніе Геріона къ Иберіи и странствованіе Геракла къ острову Ерносѣ по ту сторону Столбовъ: «Геріонъ былъ царемъ того материка, что подлѣ Амбракіи и амфилоховъ, изъ этой-то страны и угналъ коровъ Гераклъ». Въ третьемъ изъ названныхъ отрывковъ Гекатея вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими отрицалъ прибытіе Эгнаты въ Аргосъ: «такъ называется», заключаетъ онъ, «въ Аргосѣ мысъ, на которомъ творятъ судъ аргивяне». Сюда же можно отнести и фрагментъ 72, въ которомъ Гекатея объясняетъ происхожденіе названія рѣки Инаха у Ам-

¹⁾ *Fr.* 332.

²⁾ Ἐκαταῖος μὲν ἡ Μιλήσιος λόγος εὖρεν εἰκότα, ὅτι φησὶς ἐπὶ Ταυάριον τραφῆναι δεινόν, κληθῆναι δὲ Ἴλιθον κύβη, ὅτι εἶπε τὸν ἀρχαῖοντα τεθνήσκειν παραούτῃα ὑπὸ τοῦ ἰού. *Fr.* 346. Ἐ. ὁ λογοποιὸς λέγει, ἰουδὲ ἐπὶ νησὶν τινα Ἐρῖθειαν ἔξω τῆς μεγάλης Θαλάσσης σταλήναι Ἰρακλίαι· ἀλλὰ τῆς ἡπείρου τῆς περὶ Ἀμβρακίαν τε καὶ Ἀμφιλόχους βασιλεία γενέσθαι Ἰηρούονη καὶ ἐκ τῆς ἡπείρου ταύτης ἀπελάσαι Ἰρακλίαι τὰς βοῦς. *Fr.* 349. ἰδὲ δὲ Αἰγυπτῶς αὐτὸς μὲν οὐκ ἔλθειν εἰς Ἄργος· λέγεται δὲ τὸς ἐν Ἄργει πρώην, ὅπου θινύζουσι Ἀργεῖται. *Fr.* 357.

Филоховъ, отличной отъ рѣки того же имени въ Арго-лидѣ ¹⁾.

Характеристическими образчиками первоначальнаго рационализма могутъ считаться гекатеевы этимологіи, въ большемъ числѣ попадающіяся даже въ его отрывкахъ. Такъ, имя города Синопъ есть для него испорченное Сапана, а Сапаною названъ городъ отъ пьянствовавшей Амазонки, ибо у Фракіянъ пьяницы называются *сапанами*: «пьяница амазонка прибыла изъ этого города къ Литидѣ» ²⁾. Островъ Тенедъ по Гекатееу значитъ «жилище Тенна» (Τέννου ἔδος) ³⁾; Мигены названы отъ верхней части рукоятки меча (μυκήτης), потерянной на томъ мѣстѣ ⁴⁾; городъ Хиосъ на островѣ того же имени названъ такъ или по имени Океанонова сына Хиоса, или отъ снѣга (χιών), или отъ нимфы Хионы и др. ⁵⁾. Характеристическими назвали мы подобныя этимологіи потому, что въ сущности въ томъ же родѣ была вся критика первыхъ историковъ, не исключая въ большинствѣ случаевъ и самого Геродота, даже Фукидида, относительно далекой старины. Единственнымъ основаніемъ для такого рода критики является субъективное чувство вѣроятности или невѣроятности даннаго извѣстія или объясненія. Тотъ же самый скептикъ Гекатей, равно какъ и другіе ранніе историки

¹⁾ Ε. φησι τὸν ἐν τοῖς Ἀργολοχοῖς Ἰναχον, ἐκ τοῦ Λάχμου ῥέοντα, ἐξ οὗ καὶ ὁ Αἴας ῥεῖ, ἴτερον εἶναι τοῦ Ἀργολικοῦ, ἀνομάσθαι δ' ἀπὸ Ἀμφιλόχου τοῦ καὶ τὴν πόλιν Ἀργος Ἀμφιλοχικὴν καλεῖσθαι.

²⁾ Fr. 352.

³⁾ Fr. 139.

⁴⁾ Fr. 360.

⁵⁾ Fr. 99.

Еллады, обыкновенно признавали историческую реальность тѣхъ событій и лицъ, относительно которыхъ у нихъ не было другихъ свидѣтельствъ, какъ народныя преданія или поэтическія произведенія. Только отдѣльныя данныя этого мнѣологическаго прошлаго, противорѣчившія усилившемуся требованію естественности, возбуждали сомнѣніе и отвергались, какъ невозможныя. При этомъ скептикъ вовсе не входилъ въ тѣ историческія условія и въ то умственное и общественное состояніе своихъ предковъ, которые одни способны были произнести на свѣтъ то или другое «невѣроятное» сказаніе, дать содержаніе для этого послѣдняго, и знакомство съ которыми обязательно для уразумѣнія ихъ бытового смысла и значенія, какъ памятниковъ извѣстной степени умственного развитія. Впрочемъ у Геродота мы найдемъ не одинъ примѣръ объективной критики, когда онъ, не полагаясь на личное чувство вѣроятности и не принимая вѣроятность за достовѣрность, обращается для повѣрки извѣстія къ другимъ источникамъ: къ наблюденію на мѣстѣ, къ зараніе собранымъ свѣдѣніямъ о мѣстностяхъ и лицахъ, къ сравненію и т. п.

Не можетъ быть сомнѣнія, что и позднѣйшіи изъ логографовъ, Гелланникъ, примѣнялъ къ своимъ источникамъ такіе же приемы критики, какъ и Гекатей. По крайней мѣрѣ извѣстно, что вопреки общераспространенному мнѣнію онъ увѣрялъ, что Троя не была разрушена еллинами до основанія, что виновниками государственнаго устройства Спарты онъ называлъ Прокла и Еврисеопеса, а не Ликурга, о которомъ вовсе не упоминалъ ¹⁾.

¹⁾ Страбонъ XIII, 1, 42. VIII, 5, 5.

У логографовъ мы находимъ также пачатки литературной критики, образцами которой можетъ служить мѣтѣе Харона о принадлежности «Навпактійской поэмы» поэту изъ Навпакта, а не изъ Милета, какъ утверждали многие ¹⁾, а также перѣдкое разногласіе Гекатея съ Гесіодомъ и другими поэтами.

Дальнѣйшій успѣхъ исторіографіи долженъ былъ состоять въ усиленіи интереса къ близкимъ и современнымъ событіямъ, къ такимъ предметамъ и лицамъ, относительно которыхъ можно было собрать свѣдѣнія въ достаточномъ количествѣ и провѣрить ихъ, и соотвѣственно съ этимъ въ возможно полнѣйшемъ устраненіи изъ исторіи предметовъ мѣстической или героической старины, въ то время совсѣмъ еще недоступныхъ для точныхъ изысканій. Таковъ и былъ ходъ еллинской исторіографіи на самомъ дѣлѣ, — и заслуги логографовъ въ этомъ направленіи были чрезвычайной важности.

Еслибы до насъ дошла одна только общая характеристика логографовъ, сдѣланная Діонисіемъ Галикарнаскимъ, то и тогда первые историки Еллады представлялись бы намъ не только историками, но едва-ли не въ большей еще мѣрѣ и географами. «Одни изъ нихъ», по словамъ ритора I вѣка до Р. Х., «записывали еллинскія, другіе варварскія повѣствованія, не связывая ихъ между собою, но располагая по народамъ и городамъ и излагая отдѣльно одни отъ другихъ. Преслѣдовали они одну и ту же цѣль: сдѣлать общезвѣстными всѣ памятники, какіе только хранились у туземцевъ и были разсѣяны по народамъ и городамъ, именно

¹⁾ Char. fr. 5.

лежавшія въ храмахъ и другихъ общественныхъ зданіяхъ записи, въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ находили ихъ, ничего къ нимъ не прибавляя и не убавляя; въ томъ числѣ были и нѣкоторые мѣты, благодаря своей древности пользовавшіеся довѣріемъ, а также разсказы объ удивительныхъ происшествіяхъ, кажущіеся слишкомъ ребяческими нынѣшнимъ читателямъ» ¹⁾.

Наблюденіе Діонисія подтверждается удѣлѣвшими отрывками не только географическихъ трудовъ первыхъ историковъ, но самыхъ «генеалогій» ихъ, или «исторій». Перехода изъ города въ городъ, изъ страны въ страну, собирая въ нихъ мѣстные сказанія о прошломъ и запасаясь свѣдѣніями о разнаго рода достопримѣчательностяхъ въ настоящемъ, логографы распредѣляли добытый матеріалъ прежде всего въ топографическомъ порядкѣ, а затѣмъ приуроченныя къ различнымъ географическимъ пунктамъ легенды излагали по генеалогіямъ. Таковы «исторіи» Ферекида, Гекатея, Акусилла и др.; не подлежитъ сомнѣнію, что въ такъ называемыхъ «генеалогіяхъ» перѣдко находили себѣ мѣсто свѣдѣнія

¹⁾ οἱ μὲν τὰς Ἑλληνικὰς ἀναγράφοντες ἱστορίας, οἱ δὲ βαρβαρικὰς καὶ αὐτὰς διὰ ταύτας οὐ συνάπτουσι ἀλλήλαις, ἀλλὰ κατ' ἔθνη καὶ κατὰ πόλεις διαίρουσιντες καὶ χωρὶς ἀλλήλων ἐκφέρουσι, ἕνα καὶ τὸν αὐτὸν ρολάττοντες σκοπὸν, ὅσαι διεσφύζοντο παρὰ τοῖς ἐπιχωρίοις μνημαὶ κατὰ ἔθνη τε καὶ κατὰ πόλεις, εἴτ' ἐν ἱεροῖς, εἴτ' ἐν βεβήλοισι ἀποκειμένοι γραφαί, ταύτας εἰς τὴν κοινὴν ἀπάντων ἡρώων ἐξενεγκεῖν, οἷας παρήλαβον μῆτε προστιθέντες αὐταῖς τι, μῆτε ἀφαιρούσιντες, ἐν αἷς καὶ μῦθοι τινες ἐνῆσαν ὑπὸ πολλοῦ πεπιστευμένοι χρόνου, καὶ θεατρικαὶ τινες περιπέτεια, πολὺ τὸ ἡλίθιον ἔχον τοῖς νῦν δοκοῦσαι. De Πιστῶν. с. 5. Почти то же самое говорится немного ниже: ἐν ἅπασιν γὰρ ἀνθρώποις καὶ κοινῇ κατὰ τόπους καὶ κατὰ πόλεις ἰδίᾳ μνημαὶ τινες ἐσφύζοντο καὶ τῶν τοιοῦτων ἀνοουρατῶν ὡσπερ ἔργη, ἃς διαδοχόμενοι παῖδες παρὰ πατέρων, ἐπιμελῆς ἐποιοῦντο παραδιδόναι τοῖς ἐκγόνοις. Ibid. с. 7.

географическія и наоборотъ: въ сочиненіяхъ собственно географическихъ попадались отступленія въ исторію той или другой мѣстности, того или другаго древняго рода.

Какъ сохранившіеся отрывки, такъ и замѣчаніе Діонисія показываютъ слѣдовательно, что труды логографовъ были результатомъ болѣе или менѣе продолжительныхъ путешествій, наблюденій и отчасти изысканій на мѣстѣ. Вотъ почему наиболѣе выдающіеся логографы были прежде всего весьма усердными путешественниками, и въ этомъ отношеніи подготовляли появленіе Геродота: Гекатей и Гелланикъ, по всей вѣроятности, посѣтили большую часть извѣстнаго тогда міра ¹⁾). Рядомъ съ мѣстами и легендами, тщательно заносимыми въ свои сочиненія, логографы впервые открывали для читателей множество странъ, городовъ, племенъ, культуръ и другихъ невѣдомыхъ дотогѣ предметовъ, и сами благодаря опыту становились просвѣщеннѣйшими людьми своего времени ²⁾). Такимъ путемъ въ обществѣ увеличивался запасъ точныхъ разнообразныхъ свѣдѣній, а вмѣстѣ съ симъ усиливалась любознательность и охота къ дальнѣйшимъ изысканіямъ, вниманіе къ близкому или современному ослабляло интересъ къ баснословной древности.

Сохранившіеся фрагменты Гекатея или Ксанеа Лидянина не позволяютъ сомнѣваться въ томъ, что гео-

¹⁾ Гекатей называется у Агагемера „много странствовавшимъ“ (πολυπλανήτης); ему приписывается усвершенствованіе анаксимаандровой географической карты; Гелланикъ носить званіе „много знающаго“ (πολυστορος). *Agath.* 1—2.

²⁾ Геродотъ свидѣтельствуетъ о политической мудрости своего предшественника. V, 35—36. 125.

графическіе труды первыхъ историковъ представляли собою своего рода энциклопедію знаній о мѣстностяхъ, посѣщенныхъ лично или упоминаемыхъ и описываемыхъ со словъ другихъ лицъ. Названіе страны, поименованіе жителей ея, перечисленіе городовъ, рѣкъ, горъ, озеръ, иногда опредѣленіе разстояній между ними и т. п. служили во многихъ случаяхъ только пунктами отправленія для сообщенія свѣдѣній о естественныхъ свойствахъ мѣстности, о тамошней растительности и животныхъ, объ образѣ жизни и общественномъ устройствѣ обитателей, о культахъ и храмахъ и т. д. и т. д. Такъ Гекатей останавливается на особенностяхъ Эггита, на Нилѣ и его разливахъ, на крокодилахъ, гипнопотамахъ и другихъ животныхъ ¹⁾). Мѣстность близъ города Адри онъ называетъ весьма благоприятною для скотоводства, а относительно еракійскихъ жителей неоновъ сообщаетъ, что они приготавливаютъ себѣ напитки изъ ячменя или проса и вымазываются коровинымъ масломъ ²⁾).

Отъ Ксанеа Лидянина уцѣлѣли отрывки съ весьма интереснымъ содержаніемъ историческимъ и бытовымъ. Лидійскій историкъ въ описаніи страны несомнѣнно касался тѣхъ самыхъ предметовъ, о которыхъ позже пришлось говорить Геродоту: царствованія и судьбы Креза и другихъ владыкъ Лидіи, смѣны династій гераклидовъ и мермнадовъ и т. п. Ксанеъ отмѣчалъ геологическіе перевороты, которымъ въ разное время подвергалась Лидія, и вслѣдствіе которыхъ она превратилась изъ дна морскаго въ материкъ, говорилъ о

¹⁾ *Frr.* 276—278. 284. 290—298. 339.

²⁾ *Frr.* 58. 122. 123.

передвиженіяхъ различныхъ племенъ, о смѣшанныхъ половыхъ отношеніяхъ, объ обрѣзаніи женщинъ, сообщалъ мнѣю о богатахъ, герояхъ и о до-историческихъ царяхъ Лидіи.

Итакъ, уже до Геродота еллиническая историография обработывалась съ большимъ усердіемъ множествомъ писателей. Наибольше раннюю ступень ея составляло поэтическое воспроизведеніе прошлыхъ и современныхъ событій съ преобладаніемъ художественной тенденціи, съ попытками, нерѣдко весьма удачными, психологическаго анализа дѣйствующихъ лицъ, но съ склонностью къ морализаціи и съ слабымъ интересомъ къ достоверному установленію отдѣльныхъ фактовъ, ихъ времени и мѣста. Ранніе опыты прозаической историографіи обличаютъ въ авторахъ предпочтеніе къ событіямъ и личностямъ мнѣологическимъ, относительно которыхъ они располагали почти тѣмъ же самымъ матеріаломъ, что и древнѣйшіе поэты. Но у историковъ прозаическихъ, въ значительной мѣрѣ освободившихся отъ эстетическихъ тенденцій, стояли на первомъ мѣстѣ требованія хронологіи и топографіи событій, то есть, необходимыя условія правдивой исторіи. Кромѣ того, въ нѣкоторыхъ случаяхъ они спускались до личностей и событій вполне историческихъ и современныхъ, въ этой части своихъ трудовъ пользуясь и документальными источниками. Большое вниманіе они оказывали географическимъ и топографическимъ даннымъ, которые добывались ими во время путешествій, и вводили въ свои труды начало рациональныхъ объясненій и исторической критики. Примѣрами рационалистической географіи того времени могутъ служить, напримѣръ, по-

пытки Гекатея приурочить къ опредѣленному по возможности мѣстожителству гомеровскихъ питеецевъ, воюющихъ съ журавлями, и объяснить источникъ самыхъ этихъ войнъ ¹⁾, а равно попытку перенести Геріона изъ неопредѣленнаго далека въ Елладу ²⁾.

Къ числу логографовъ Фукидидъ и отчасти Діонисій Галикарнассскій относятъ и Геродота ³⁾.

III

По времени жизни и отчасти по характеру литературной дѣятельности Геродотъ принадлежитъ первой половинѣ периклова вѣка, который съ полнымъ основаніемъ можетъ быть наименованъ вѣкомъ рационализма въ Елладѣ. Дѣтство и юность провелъ онъ въ знаменательнѣйшій періодъ еллинической исторіи — побѣдоносной борьбы еллиновъ съ варварами, живѣйшихъ воспоминаній объ этой борьбѣ и торжества аѳинской республики, какъ спасительницы Еллады; въ возрастѣ возмужаломъ историкъ былъ свидѣтелемъ быстрого возрастанія Аттики, политическаго, умственнаго и экономическаго, напряженной борьбы партій въ демократическихъ Аѳинахъ и занятія ими первенствующаго

¹⁾ Ἔστι δὲ ἕνας γεωργικὸν ἀνδρῶντων μικρῶν κατοικοῦντων εἰς τὰ ἀνοτάτω μέρη τῆς Λυκτικῆς γῆς πλησίον τοῦ Ὀκεανοῦ, ὅπερ πολεμῶν ταῖς γιράνοισι φασὶ βλαπτέουσαι αὐτῶν τὰ σπέρματα καὶ λιμὸν ποιοῦσαι τῇ γῇ ἢ. φησὶ δὲ αὐτοῦ Ἐκκταῖος ἐπὶ σχημάτων κριῶν ἐξιόντας ἀλιεῖσθαι αὐτάς, τὰς δὲ καταφρονέουσαι τοῦ μήκου πολεμῶν πρὸς αὐτοῦς. *Fr.* 266. (Eustath. *Iliad.* III, 6).

²⁾ *Hecet.* fr. 349.

³⁾ Переводъ нашъ сдѣланъ съ рѣдкими только отступленіями ко тексту Штейна. *Herodotos, erklart von Heinrich Stein.* Berlin. 1877. 1881. 1882. 1883.

положенія не въ Елладѣ только, но въ цѣломъ извѣстномъ тогда мірѣ ¹⁾. Хотя въ трудѣ Геродота и содержится несомнѣнный указанія на то, что историкъ пережилъ по крайней мѣрѣ первые годы Пелопоннесской войны, однако изъ того же самаго труда видно, что по своему міросозерцанію и пониманію окружающаго онъ стоялъ въ то время уже позади совершившихся переменъ, и что событія Пелопоннесской войны и тогдашнее состояніе эллинскихъ государствъ оказывали мало вліянія на ранѣе сложившійся образъ мыслей историка ²⁾.

И въ другомъ еще отношеніи Геродотъ находился на перекресткѣ различныхъ направлений: онъ родился и первоначально воспитался въ персидскомъ подданствѣ, въ то еще время, когда владычество персовъ казалось всемогущимъ и несокрушимымъ, потомъ подвергся изгнанію за дѣятельное участіе въ борьбѣ съ тираномъ въ родномъ городѣ; но большую и наиболѣе плодотворную пору жизни историкъ нашъ провелъ въ совершенно иныхъ условіяхъ: въ продолжительныхъ путешествіяхъ, въ общеніи съ выдающимися личностями перикловыхъ Аѳинъ, въ средѣ гражданъ, славившихся терпимостью и человѣколюбіемъ и пользовавшихся широкой политической свободой ³⁾; это были тѣ самыя

¹⁾ Самъ Геродотъ приурочиваетъ начало процвѣтанія Аѳинъ къ ол. 67, 4. 510 до Р. Х., т. е. ко времени установленія вліссеновской демократіи (V, 78).

²⁾ Магифи заходитъ слишкомъ далеко, когда въ трудѣ Геродота отрицаетъ присутствіе слѣдовъ вліянія перикловскихъ Аѳинъ на міровоззрѣніе и языкъ писателя. Вместе съ тѣмъ терять всю силу предлагаемая имъ въ объясненіе этого явленія догадка, будто Геродотъ явился въ Аѳины съ готовымъ сочиненіемъ и здѣсь только

граждане или близкіе потомки ихъ, которые побѣдою на Евримедонтѣ (466/65 г. до Р. Х.) содѣйствовали освобожденію и его роднаго города отъ персидскаго владычества и тираніи.

Природныя дарованія, необыкновенно богатый личный опытъ, вліяніе пробуждающейся въ обществѣ критики соединились въ Геродотѣ съ глубокою вѣрою въ божество, въ божеское міроуправленіе, ревниво, на каждомъ шагѣ слѣдящее за соблюденіемъ мѣры не только въ житейскихъ отношеніяхъ людей, но вообще во всей природѣ, неизмѣнно возстановляющее нарушенную справедливость путемъ «равнаго возмездія».

Разумѣется, наличность точныхъ біографическихъ извѣстій могла бы выяснитъ намъ подлинный смыслъ и источники многихъ особенностей въ мѣровоззрѣніи автора, въ его политическихъ и племенныхъ симпатіяхъ и антипатіяхъ и въ самомъ построеніи исторіи. Но въ этомъ отношеніи Геродотъ раздѣлилъ участь огромнаго большинства античныхъ писателей. Ни современники его, ни ближайшіе потомки не имѣли обыкновенія закрѣплять въ точныхъ записяхъ хотя бы важнѣйшіе факты изъ жизни выдающихся литературныхъ дѣятелей; мы знаемъ, что такова же была судьба и Фукидида.

Слѣдуетъ точныхъ біографическихъ свѣдѣній о Геродотѣ восполняется теперь догадками; позднѣйшія же из-

дочинялъ и исправлялъ его: would rather infer from this curious want of influence that the main body of his work was finished when he came there, and that he spent his leisure in completing and perfecting it. *History of classic. greek literat.* II. 1880, Lond. стр. 19 сл.

мышления грамматиковъ и сообщаемыя имъ преданія обзываютъ читателя къ строго критическому отношенію ¹⁾).

При оцѣнкѣ произведеній и извѣстій этого послѣдняго рода, принадлежащихъ преимущественно византийской эпохѣ и непосредственно ей предшествовавшей, надлежитъ имѣть въ виду наиболѣе характеристическую ихъ особенность: позднѣйшіе компиляторы довели до крайности черту изложенія, унаслѣдованную отъ классической поры еллинской литературы и состоящую въ умолчаніи источниковъ, въ недостаткѣ различенія извѣстій, засвидѣльствованныхъ достовѣрными показаніями, отъ предположеній и комбинацій ближайшихъ предшественниковъ, въ томъ наконецъ, что и свои собственные соображенія и догадки, разъ они казались безошибочными, писатели этой поры и этого направленія выдаютъ подъ видомъ фактическихъ положительныхъ извѣстій ²⁾).

¹⁾ Образцомъ не критическаго изложенія біографіи Геродота можетъ служить въ русской литературѣ книжка Дячана *Геродотъ и его Музы*. Ч. I. Варшава. 1877. Автору совѣтъ неизвѣстна специальная филологическая литература. Насколько подъ вліяніемъ новыхъ изслѣдованій мѣняется біографическій очеркъ обь историкѣ, можно видѣть, наприм., изъ сравненія 4 и 5 изд. Геродота Штейна (1877. 1883) съ прежними. На русскомъ языкѣ о Геродотѣ писали: П. Рѣдкинъ. *Геродотъ и его повѣствованіе*, „Нов. библиот. для воспит.“. СПб. 1847, „Русскій Вѣстникъ“ 1858, ноябрь стр. 139 сл. переводъ прекрасной для своего времени статьи „Times“, и М. Драгомановъ „Университ. Извѣст.“ Киевъ. 1868, май, іюнь: не кончено.

²⁾ Нерѣдко случалось, что ограничительныя выраженія предшественниковъ въ родѣ „кажется“, „говорятъ“ и т. п. опускались въ позднѣйшей переработкѣ. Ничто подобное мы наблюдаемъ и у новыхъ филологовъ. Такъ, наприм. О. Мюллеръ говоритъ: wir wissen, dass er (Hellenikos) beim Beginne des Peloponnesischen Krieges 65 Jahr alt und

Насколько неопредѣленны и ненадежны имѣющіяся у насъ біографическія данныя о Геродотѣ, легко убѣдиться изъ чтенія нѣсколькихъ біографическихъ очерковъ, принадлежащихъ извѣстнымъ филологамъ и находящихя въ общихъ курсахъ исторіи древне-еллинской литературы, въ специальныхъ монографіяхъ или во введеніяхъ къ текстѣ писателя. Многое изъ того, что принимается однимъ біографомъ Геродота какъ безспорное, подвергается сомнѣнію у другаго или рѣшительно отвергается; или одно и то же древнее «извѣстіе» истолковывается различнѣйшимъ способомъ и сводится къ исключаяющимъ другъ друга заключеніямъ. Такъ, одни филологи, какъ Беръ, Крюгеръ, Штейнъ, допускаютъ чтеніе Геродотомъ различныхъ частей своей исторіи не только въ Аѳинахъ, но и въ Олимпіи и въ другихъ мѣстахъ Эллады; другіе, какъ Дальманъ, О. Мюллеръ, Мункъ, Шелль, Кирхгофъ, приурочиваютъ это извѣстіе только къ Аѳинамъ; третьи, какъ Цейцъ, Рюль, Магафи, Затль, отвергаютъ его цѣликомъ. Мѣстомъ смерти и погребенія историка одни называютъ италійскій городъ Фурин, дру-

als Schriftsteller noch thätig war. *Gesch. d. gr. Literat.* I, 478. Увѣреніе Мюллера основывается на „извѣстіи“ Памфила (Gellius *N. Att.* XV 23), гдѣ употреблено однако выраженіе *videtur*. Потому догадку Скалигера, приурочивающаго чтеніе Геродотомъ своей исторіи къ большому наваоенію, тотъ же Мюллеръ передаетъ какъ древнее достовѣрное извѣстіе: die alten Chronographen haben noch das genaue Datum einer Vorlesung erhalten, welche an den grossen Panathenäen zu Athen stattgefunden, Olymp. 83, 3 v. Chr. 446. *Ibid.* 485. Далѣе, Вилламовицъ высказываетъ предположеніе, что Геродотъ умеръ въ Аѳинахъ отъ чумы (wahrscheinlich an der Pest. Hermetes, B. XII. 1877, стр. 359), а Гахецъ выражается категорически: moritur sine dubio Athenis pestilentia. *De Herodoti itinerib. et script.* Gotting. 1878, стр. 9 и т. д.

гіе съ такою же увѣренностью хоронять его въ Аѳинахъ и т. п. Наибольшимъ разногласіемъ отличаются рѣшенія филологовъ по вопросу о путешествіяхъ Геродота, о мѣстахъ посѣщенныхъ имъ и о порядкѣ путешествій: по мнѣнію однихъ, Геродотъ посѣтилъ чуть не все тѣ мѣстности, о которыхъ говорить въ болѣе или менѣе положительномъ тонѣ; по мнѣнію другихъ, особенно Гильдебрандта, Сейса и Панофскаго, предѣлы путешествій «отца исторіи» должны быть сильно сокращены.

Въ виду сказаннаго читатель понимаетъ, что изложеніе геродотова жизнеописанія менѣе всего можетъ быть догматическимъ, хотя съ другой стороны отрицаніе уцѣлѣвшихъ преданій должно быть обосновано достаточно вѣскими соображеніями: или изобличеніемъ внутреннихъ противорѣчій въ извѣстіяхъ или выясненіемъ вѣроятнѣйшаго источника этихъ послѣднихъ и процесса образованія ихъ въ связи съ особенностями сочиненія писателя; менѣе всего позволительно превращеніе невѣроятныхъ по существу извѣстій въ правдоподобныя путемъ изытанія однихъ подробностей и замѣны ихъ другими, памятуя правило, что правдоподобіе само по себѣ составляетъ весьма слабое ручательство за достовѣрность.

Явные слѣды вымысла носить на себѣ связный рассказъ писателя II в. по Р. Х. Лугіана Самосатскаго о томъ, какъ Геродотъ, завершивши свой трудъ на азіатской родинѣ и желая возможно скорѣе и легче прославиться, рѣшилъ не читать его поочередно въ важнѣйшихъ городахъ Эллады, каковы Аѳины, Коринѳъ, Аргосъ, Лакедемонъ, но выступить на начинавшееся

тогда олимпійское празднество передъ знаменитостями, которыя собирались здѣсь изъ всей Эллады. Онъ занялъ мѣсто въ Олимпіи на площадкѣ храма и прочиталъ свое произведеніе передъ многочисленнымъ собраніемъ. Эффектъ получился необычайный. «Восхищенные слушатели привѣтствовали девять книгъ, на которыя сочиненіе было раздѣлено, наименованіемъ ихъ по девяти музамъ, каковое онъ навсегда и удержали. Съ этого момента извѣстность автора была такъ велика, что передъ нею померкла слава побѣдителей въ состязаніяхъ. Впослѣдствіи самый невѣжественный человѣкъ въ Элладѣ зналъ имя Геродота»¹⁾.

Недостоверность, самая невозможность рассказаннаго Лугіаномъ изобличается безъ труда. Во-первыхъ, дѣленіе на девять книгъ не принадлежитъ самому автору, тѣмъ менѣе наименованіе ихъ музами. Для обозначенія предыдущихъ и послѣдующихъ частей своего труда Геродотъ пользуется неопредѣленными выраженіями въ родѣ: «въ другомъ рассказѣ,» или повѣсти, преданій (ἐν ἄλλῳ λόγῳ II 38. VI 39), «въ первомъ изъ рассказовъ (ἐν τῷ πρώτῳ τῶν λόγων V 36), «въ послѣдующихъ рассказахъ» (ἐν τοῖσι ὀπίσσω λόγοισι I 175) и т. п.²⁾ Искусственность и, такъ сказать, насильственность нынѣшняго дѣленія ясно показалъ Ад. Бауэръ въ своемъ изслѣдованіи *die Entstehung des Herodotischen Geschichtswerkes* (Wien 1878, стр. 13 сл.); гораздо раньше

¹⁾ Lucian. *Herodotos sive Actio*, с. 1. Сравни его же *de conscrib. historia* с. 42. Ed. Bipont.

²⁾ ἀνεμί ἐπὶ τὸν πρῶτερον λόγον I 140. ἐν τοῖσι πρώτοις τῶν λόγων VII 93 Сравни I 5. 106. II 123. 161. VII, 213. Павсанія въ своихъ цитатахъ изъ Геродота не знаетъ дѣленія на девять книгъ, напр. III 2, 3.

его А. Кирхгофъ по разсмотрѣннн плана сочиненія пришелъ къ выводу, что дѣленіе на девять книгъ не могло исходить отъ Геродота, такъ какъ не имѣетъ ничего общаго съ подлиннымъ распредѣленіемъ всего матеріала ¹⁾. Кромѣ того, какъ примирить съ разсказомъ Лукіана о появленіи Геродота изъ Галикарнаса на олимпійскихъ играхъ присутствіе въ сочиненіи историка указаній и намековъ на событія Пелопоннесской войны, т.-е. послѣ 431 г. ²⁾ Дѣленіе на 9 книгъ, уже извѣстное Діодору Сицилійскому (IX 37, 6), т.-е. въ I в. до Р. Х., происходитъ отъ александрійскихъ грамматиковъ; обозначеніе книгъ именами музъ должно было послѣдовать позднѣе. Во-вторыхъ, сочиненіе Геродота не могло восхищать еллиновъ въ такой степени, какъ разсказываетъ о томъ Лукіанъ, потому что далеко не всѣ еллинскія государства изображены историкомъ въ выгодномъ свѣтѣ: многіе города въ знакъ покорности поспѣшили выдать персамъ землю и воду, и настоящими спасителями Еллады Геродотъ называетъ однихъ аэнианъ. «Здѣсь я вынужденъ высказать мнѣніе», замѣчаетъ историкъ, «ненавистное для большинства еллиновъ, но не стану умалчивать о томъ, что считаю истиной: еллибы аэниане изъ страха передъ угрожающей опасностью покинули свою страну или, не покидая и оставаясь на мѣстѣ, отдались Кеерксу, никто бы не рѣшился выступить противъ царя на морѣ (VI 139) ³⁾».

¹⁾ Kirchoff, *Ueber die Entstehungszeit des herodotischen Geschichtswerkes*. Berl. 1878, стр. 3 ²⁾ 1-е изданіе мемуара почти подъ тѣмъ же названіемъ вышло въ 1868: *uber die Abfassungszeit etc.*

²⁾ Додуель (*appar. ad. ann. Thuc.* р. 9) относитъ олимпійское чтеніе къ 81 ол. 458—454 до Р. Х.

³⁾ Срвн. VIII 3. 142. IX 60.

Въ 3-хъ, самое содержаніе геродотовыхъ «исторій», изобилующихъ географическими и топографическими показаніями и соображеніями, дѣльными перечнями царей, ссылками на предыдущія и послѣдующія части труда, дѣлаетъ невѣроятнымъ чтеніе ихъ на олимпійскихъ состязаніяхъ, для чего потребовалось бы нѣсколько дней къ ряду. Въ-четвертыхъ, Геродотъ ни при жизни, ни долгое время послѣ смерти вовсе не пользовался той славой, въ ореолѣ которой образъ историка рисовался позднѣйшему ритору; по объ этомъ подробнѣе послѣ. Наконецъ, судя по характеру рѣчи Лукіана о Геродотѣ, разсчитанной на то, чтобы позабавить слушателей занимательными разсказами, самъ авторъ ея не придавалъ нарисованной выше картинѣ значенія фактическаго извѣстія. Къ тому же мы не имѣемъ рѣшительно никакихъ основаній, слѣдуя за Лукіаномъ, переносить вѣковъ за пять-за шесть назадъ обычай II столѣтія нашей эры читать историческія сочиненія на олимпійскихъ играхъ, обычай, о которомъ свидѣтельствуетъ Діонъ Хрисостомъ ¹⁾.

Такимъ образомъ въ разсказѣ Лукіана соединилось, кажется, все, чтобы сдѣлать яеною самую невозможность сообщаемого имъ факта. Обстоятельный критическій разборъ его сдѣланъ впервые Дальманомъ, доводы котораго повторены и подкрѣплены убѣдительнѣйшими соображеніями у Мьюра и Шелля ²⁾. Писатель II в. по Р. Х. имѣлъ передъ собою обширную извѣст-

¹⁾ XII, 5.

²⁾ Dahlmann, *Forschungen auf dem Gebiete der alten Geschichte*. Altona 1822—23. II, 12—37. Mure, *critic. history of the language and literat. of ancient Greece*, Lond. 1859. V. IV, 256—270 ²⁾. A. Schöll, *Herodots Vorlesungen*. Philologus X, 1855, стр. 410 etc.

ность «отца исторій», быть можетъ, смутныя преданія о какихъ-то чтеніяхъ геродотовыхъ исторій самимъ авторомъ; изъ этихъ двухъ элементовъ при крайней скудости биографическихъ извѣстій объ авторѣ и при слабости приемовъ литературной критики онъ не постылся сложить эффектный разсказъ, находящійся въ противорѣчій и съ свойствами самого сочиненія, и съ условиями олимпійскихъ состязаній въ V в. до Р. X. Понятно, что извѣстія о томъ же чтеніи въ Олимпіи болѣе поздняго происхожденія, какъ наприм. у Свида подъ словомъ «Фукидидъ», не могутъ служить подтвержденіемъ Лукіана, тѣмъ болѣе, что чтеніе Геродота приукрашено здѣсь сказкой о трогательной встрѣчѣ двухъ историковъ въ присутствіи отца младшаго изъ нихъ ¹⁾. Слѣдовательно, не только второстепенныя подробности лукіанова извѣстія возбуждаютъ сомнѣніе, но и сущность его оказывается плодомъ фантазіи, мало справлявшейся и съ исторіей, и съ самымъ трудомъ Геродота; заключеніе это неизбежно помню какой бы то ни было гипотезы о времени оставленія историкомъ Каріи и пребыванія его на Самѣ ²⁾.

Шелль оровергаетъ возраженія противъ Дальмана, сдѣланныя Крюгеромъ (*Kritische Analekten* I. Berl. 1863 нов. изд., стр. 11—23).

¹⁾ Suidas Θεοκ. У того же Свида подъ сл. *ἱστορίων* не упоминается мѣсто чтенія, точно также у Маркеллина (§ 54). Фотій *cod.* 60 переноситъ его въ домъ отца Фукидида. Tzetz. *Chil.* I, 19. Сравн. наше предположеніе къ I т. Фукидида, стр. VI сл. По другому преданію (согр. *paroemiogr.* gr. ed. Leutsch et Schneidewin. Gott. 1839. I, *append. cent.* II, 35) Геродотъ только собрался читать свое сочиненіе въ Олимпіи, но номинальнѣ ему солнечный припекъ, откуда будто бы и поговорка: „до тѣмъ Геродота“ *εἰς τὴν Ἡροδότου σκιάν*.

²⁾ Голословно увѣреніе Штейна: *des Glaubens unwürdig erscheint in diesen Geschichtchen nur (?) die in ihnen zu Grunde liegende*

Болѣе вѣроятнымъ кажется извѣстіе, принадлежащее также позднѣйшей древности, о чтеніи Геродотомъ своего сочиненія въ Аѳинахъ; правдоподобность его усиливается тѣмъ, что преданіе знаетъ точно самое время чтенія и то лицо, по предложенію котораго авторъ былъ будто бы щедро награжденъ за свой трудъ. Такъ, въ хроникѣ Евсевія подъ ол. 83, 3 или 4 (446 или 445 до Р. X) говорится: «Геродотъ былъ удостоенъ почестей, когда прочиталъ въ Аѳинахъ книги свои въ совѣтѣ» ¹⁾, а у Плутарха или псевдо-Плутарха называется свидѣтель Диплль, аѳинскій историкъ конца III в. до Р. X., по словамъ котораго Геродотъ получилъ отъ аѳинянъ десять талантовъ за то, что въ своемъ произведеніи расточалъ лести имъ ²⁾. Но и въ этомъ извѣстіи невѣроятною оказывается сумма наградныхъ денегъ, выданныхъ Геродоту изъ государственнаго казначейства, и небывалою самая выдача подобной на-

Annahme, Herodot habe schon so früh,—denn er verliess Karien, wie wir sahen, um 445 v. Chr., sein Anfehalten auf Samos fällt noch viel früher, und des Thukydidens Jugend kann nicht später als um 456 angesetzt werden,—sein grosses Geschichtswerk ausgearbeitet; ganz glaublich dagegen das Faktum der Vorlesung. *Herodotos*. 5 Aufl. Berl. 1883, стр. XXI.

¹⁾ Herodotus cum Athenis libros suos in concilio legisset honoratus est. *Euseb. chron.* Hieronym. Въ армянскомъ переводѣ его же: ол. 83, 3 Herodotus Athenis libros legens honoratus est. Сипкеллъ изъ Евсевія ол. 85, 1. *Ἡρόδοτος ἱστορικὸς ἐτιμῆθη παρὰ τῆς Ἀθηναίων βουλῆς ἱκαναγοῦς αὐτοῦ τὰς βιβλούς.*

²⁾ *Τὴν διαβολὴν ἣν ἔχει κατακεῖσας τοὺς Ἀθηναίους ἀργύριον πολλὸ λαβὼν παρ' αὐτῶν.—Ἵτι μόντοι δέκα τάλαντα δωρεὰν ἔλαβον εἰς Ἀθῆνας Ἀνίτου τὸ ψήρισμα γράψαντος ἀντὶ Ἀθηναίων οὐ τῶν παρ' ἡμελημένων ἐν ἱστορίᾳ Δίλλο; εἰρήκην. Plut. *de malign. Her.* 31, p. 862.^{ab}*

грады за историческое сочинение ¹⁾). Потомъ, гдѣ и при какихъ обстоятельствахъ происходило чтение? Скалигеръ въ примѣчаніяхъ къ Евсевію (р. 104) ошибочно усмотрѣлъ панаеени, вмѣсто которыхъ читается у Иеронима *in concilio* въ собраніи, но въ какомъ, не известно. Относительно источника хронологической даты въ данномъ случаѣ мы ничего не знаемъ, а вообще известно, что подобныя категорическія опредѣленія въ позднѣйшихъ компиляціяхъ въ большинствѣ случаевъ бывали весьма гадательны. Наконецъ, трудно рѣшить, чтение ли въ Афинахъ и награда автора послужили къ баснѣ о мотивахъ, будто бы руководившихъ аеинянами при награжденіи лстиваго историка, или же наоборотъ: ложное представленіе о лстивости Геродота вызвало басню о небываломъ всенародномъ чтеніи. Этотъ послѣдній порядокъ едва-ли не болѣе вѣроятенъ, особенно въ виду замѣтокъ Діона Хрисостома и того же псевдо-Плутарха о причинѣ неодобрительнаго сужденія Геродота о коринѣянахъ и еивянахъ. Первый изъ нихъ напоминаетъ коринѣянамъ, какъ иѣкогда явился къ нимъ Геродотъ съ правдивыми еще повѣствованіями объ единахъ вообще и о коринѣянахъ въ частности и требовалъ за то вознагражденія отъ государства.

¹⁾ М. Бюдинггеръ обращаетъ вниманіе на то, что въ награду Г. получилъ ровно такую же сумму, какаѣ употреблена была государствомъ на подкупъ спартанцевъ въ видахъ отвращенія величайшей опасности. Sitzb. d. k. Akademie d. Wissenschaft. Wien, V. LXXII, 1872, стр. 564. Цейцъ напоминаетъ, что филіскіе вожди-тели, истратившіе на дѣло освобожденія родины отъ тирановъ большую часть своего состоянія, получили отъ государства всего десять мнѣвъ. Zeitz, *Bemerkungen zu den Vorlesungen Herodots*. Mariner. 1882.

«Не получивши мзды, ибо предки ваши не желали погнать славу на рынкѣ, онъ внесъ всѣмъ намъ извѣстныя передѣлки въ повѣствованіе о саламинской битвѣ и объ Адеймантѣ» ¹⁾). Псевдо-Плутархъ называетъ бестійца Аристарха, писавшаго, что Геродотъ требовалъ денегъ отъ еивянъ, но не получилъ, и потому-де еивяне изображены у него предателями Еллады ²⁾). Не говоря о томъ, что выставленное здѣсь противъ Геродота обвиненіе въ пристрастіи не оправдывается ни сочиненіемъ его, ни фактической исторіей персидскихъ войнъ, въ «извѣстіяхъ» Діона и Плутарха мы имѣемъ разительный примѣръ того, какъ въ пору позднѣйшей древности, когда классическіе писатели стали предметомъ систематическаго изученія, недостатокъ достовѣрныхъ свѣдѣній о личности писателя восполнялся выдумками, часто совершенно ошибочно построенными на тѣхъ или другихъ мѣстахъ самыхъ сочиненій интересовавшаго ихъ автора ³⁾). Если Геродотъ по мнѣнію малосвѣдущаго грамматика лстить одному

¹⁾ Αριστοφάνους δι τοῦ Πρωτοῦ γραψάντος δεῖ χρήματα μὲν ταῖστας οὐκ ἔλαβε παρὰ Ἑθναίων κτλ. *de malign. Herod.* 31 p. 864. ⁴⁾

²⁾ Dio Chrysost. or. XXXVII 7, p. 456 M. ἦκε δὲ καὶ Ἠρόδοτος ὁ λογοποιὸς ὡς ὑμᾶς λόγους γέροντος Ἑλληνικοῦ ἄλλους τε καὶ Κορινθίους οὐδέπω ψεῦδοις, ἀνθ' οὗ ἤξιον παρὰ τῆς πόλεως ἀρνεῖσθαι. διακροτῶν δὲ καὶ τοῦτου, οὗ γὰρ ἤξιον οἱ ὑμῖντρον πρόγονοι δόξαν ἀγοράζειν, μετσκεῖσθαι ἐκεῖνα ἃ πάντες ἐπιστάμεθα, τὰ περὶ τὴν Σαλαμίνα καὶ τὸν Ἀδείμαντον. Срвн. Маркелл. *Θυκιδ.* § 27. Преданіе имѣетъ въ виду Геродота. VIII 94; любознато, что въ этой самой главѣ неблагопріятному для коринѣянъ разсказу Г—ъ противопоставляетъ общее мнѣніе всей Эллады. Срвн. Zeitz, *Bemerkungen*, стр. 4 сл.

³⁾ Такъ составлена большая часть маркеллинова жизнеописанія Θυκιδіа. *Предисл. къ Θυκιδ.* I т. стр. V сл. Wilamowitz—Moellendorf, *Thukydideslegende*, Herm. XII, 1877, стр. 326—361.

народу, то сдѣлано это за деньги; если осуждается поведение другаго, то не почему иному, какъ изъ мести за отказъ въ деньгахъ; похвалы и осужденіе, сопровождавшіяся практическими послѣдствіями для автора, могли стать известными только путемъ публичнаго чтенія имъ своего труда, которое къ тому же было въ обычаѣ въ эпоху позднѣйшаго грамматика; — путемъ комбинаціи подобныхъ элементовъ возникали «извѣстія» о чтеніяхъ геродотовыхъ исторій въ разныхъ городахъ, а затѣмъ подыскивались, правда большею частью неудачно, учреждения, выслушивавшія чтеніе, устанавливались самыя даты его; именно таково происхожденіе большинства хронологическихъ даже у такихъ специалистовъ хронологи, какъ Ератосеенъ и Аполлодоръ ¹⁾.

Любопытно разногласіе ученыхъ по вопросу о томъ, что было читано историкомъ въ Афинахъ, такъ какъ все согласны относительно невѣрности показанія древнихъ о декламациі дѣлаго сочиненія. Въ изложеніи своей гипотезы о порядкѣ составленія геродотовой исторіи Кирхгофъ утверждаетъ, что предметомъ афинскаго чтенія были первыя дѣи съ половиною книги (I—III 119). Но тогда не видно, чѣмъ же такъ восхищены были афиняне въ повѣствованіи историка о первыхъ временахъ персидскаго царства и объ Эгинѣ ²⁾. Когда древ-

¹⁾ Diels, *Chronol. Untersuchungen über Apollodors Chronika*. Rhein. Mus. XXXI, стр. 12 сл.

²⁾ Виламовицъ (*Hermes* XII, стр. 331), раздѣляя гипотезу Кирхгофа, находитъ достаточное основаніе для восхищенія афинянъ въ рѣчахъ персидскихъ вельможъ, будто бы составленныхъ Геродотомъ съ цѣлью прославленія афинскаго народоуправства (III 80 сл.).

ніе говорятъ о необычайномъ впечатлѣніи, какое исторія Геродота произвела на афинянъ, то, разумѣется, имѣютъ въ виду прежде всего изображеніе доблестей афинянъ въ борьбѣ съ персами. Вотъ почему большинство ученыхъ, допуская публичное чтеніе въ Афинахъ, вынуждено отыскивать другія части исторіи, болѣе способныя оправдать и восторгъ афинянъ, и небывало щедрую награду автора ¹⁾. Но дѣло въ томъ, что попытки эти не имѣютъ для себя въ преданіяхъ никакой опоры.

Однимъ изъ основаній къ преданію о публичныхъ чтеніяхъ Геродота, каковыми пользуются и новые ученые, могли служить выраженія Фукидида о предшественникахъ его по исторіографіи, именно, что прежніе «прозаики» (*λογογράφοι*) слагали свои рассказы въ заботѣ не столько объ истинѣ, сколько о пріятномъ впечат-

Но по 1-хъ, восхваленію демократіи противнолагается тутъ же и осужденіе ея, а также похвалы другимъ формамъ управленія; во 2-хъ, не Геродотъ сочинилъ содержаніе рѣчей, оно извѣстно было до него; въ 3-хъ, самъ авторъ даетъ ясно понять, что подлинность рѣчи сторонника демократіи, Отани, подвергалась сомнѣнію въ публикѣ. Срви. Герод. VI 45.

¹⁾ Шелль (*Philolog.* X, 1855, стр. 419 сл.), Абихтъ (*Herod. Einleit.* 13), Бауэръ (*die Entstehung* стр. 147 сл. *Herodots Biographie* стр. 3), Вюдинггеръ (*zur ägyptisch. Forschung Herodots*, Sitzungsb. d. k. Akad. d. Wissensch. Wien. LXXII B. стр. 565) увѣряютъ, что не первыя, а три послѣднія книги читаны были въ Афинахъ. Иначе рѣшается вопросъ Гахеке: si historiam Lydorum nondum plane confectam fuisse putes, quae recitare poterit reliqua sunt rebellio Ionum, primum Persis in Europam illatum bellum, initia regni Darei, res a Cyro et Cambyse gestae. O. с. 57. Мнѣніе Шелля и Бауэра оспаривается О. Ницшею, *Abhandlung über Herodot*, Bielef. 1873, стр. 4), Бахофомъ, *Quaestiuacula Herodotea*. Eisen.-Prog. 1880. Штейнъ считаетъ пригодными для чтеній отрывочные замѣтательные эпизоды. *Herodot. Einl.* XXIII ⁵.

лѣвнн для слуха,» что его произведеніе не есть «предметъ состязанія для временныхъ слушателей, но достояніе навѣки (κτῆμα ἐς ἀεί) ¹⁾. Что Фукидидъ въ данномъ случаѣ не могъ разумѣть публичнаго чтенія историческихъ сочиненій, ясно изъ того, что подѣ «прозаиками» разумѣются у него кромѣ Геродота т. п. логографы, генеалогія и географія которыхъ менѣе всего могли быть пригодны для всенароднаго чтенія на празднествахъ. Потомъ, второе выраженіе аѳинскаго историка относится вѣроятнѣе всего къ софистамъ, а не историкамъ. Дѣйствительно, псевдо-Плутархъ изображаетъ «отца исторіи» въ видѣ софиста, ходящаго по городамъ для собиранія денегъ чтеніями своей исторіи; надо-полагать, что именно такое представленіе и послужило главнымъ источникомъ позднѣйшихъ разсказовъ о чтеніяхъ вообще. Наконецъ, мы не знаемъ, почему такъ, но до сихъ поръ критика оставляетъ безъ вниманія, что греч. гл. ἀκούω имѣетъ значеніе не только «слушать», но и *читать*. Такъ у Платона (Phaedr. 268) есть выраженіе ἐκ βιβλίου ἀκούω «я читалъ изъ книги». У самого Фукидида слово ἀκούη имѣетъ значеніе преданія, извѣстія, безъ отношенія къ тому, устное-ли оно, или записанное. У Полибія, у позднѣйшихъ ораторовъ и другихъ писателей οἱ ἀκούοντες употребляется обыкновенно въ смыслѣ *читателей* ²⁾.

Другимъ основаніемъ къ тому же представленію было недоразумѣніе, будто Геродотъ сразу, у своихъ же современниковъ стяжалъ себѣ славу великаго

¹⁾ Фукидъ I 21 1. 22 4. Срви. Heuse, *quaestio. Herodot.* 1827, стр. 36. Schoell, *o. c.* 427.

²⁾ См. *Thesaur. ling. gr. accae.*

писателя, возбуждавшаго своей исторіей восторги въ однихъ и негодованіе въ другихъ, недоразумѣніе, возникшее естественно въ пору прилежныхъ занятій писателями V вѣка; достойнѣйшимъ представителемъ этихъ занятій былъ современникъ Августа Діонисій Галикарнасскій ¹⁾. Такимъ образомъ самое большее, что можно признать относительно Геродота и болѣе раннихъ историковъ, это—чтеніе отрывковъ въ ограниченномъ кругу близкихъ людей.

Итакъ, если не съ полнымъ отрпцаніемъ, то во всякомъ случаѣ съ болышимъ сомнѣніемъ обязаны мы относиться къ этимъ «извѣстіямъ» о чтеніяхъ Геродотомъ своей исторіи; тѣмъ менѣе позволительно обосновывать на нихъ какія-либо соображенія и выводы касательно судьбы сочиненія, хронологическаго порядка составленія частей его и т. п. Еще менѣе понятно, какимъ образомъ Бауэръ, относясь съ чрезмѣрнымъ скептицизмомъ къ біографическимъ показаніямъ Свида, находитъ однако возможнымъ признать достовѣрность извѣстій о чтеніяхъ въ Коринѣ и Оивахъ ²⁾: въ текстахъ Діона и Плутарха, приведенныхъ нами въ примѣчаніяхъ, нѣтъ и рѣчи о чтеніяхъ Геродота.

¹⁾ „Dem Bildungsgange d. Thukydides nachzugehen, d. h. antik ausgesprochen nach seinen Lehrern zu fragen, hatte man erst Veranlassung, als man sein Werk als stilistisches Muster aufstellte und also nach dieser Richtung zu studieren begann. Dies ist erst in den Jahren 70—50 vor Chr. geschehen, als die hochverdienten Begründer des Classicismus in der ersten Hitze ihres Kampfes gegen den asiatischen Barockstil über die eigentlichen Classiker der Prosa hinaus auf die Meister der Vorblüthe, die Schriftsteller des fünften Jahrhunderts zurückgriffen“. Wilamovitz-Moellendorf, *Hermes* XII, стр. 332.

²⁾ *Herodots Biographie*, стр. 31.

Мы подольше остановились на этомъ эпизодѣ Геродотовой «біографіи» не только съ цѣлью изъять изъ обращенія явно ложныя или весьма сомнительныя измысленія позднѣйшей древности, но еще больше для предостереженія читателя отъ построенныхъ на нихъ ходячихъ сужденій о судьбѣ писателя и его сочиненія, а равно для характеристики той литературы вообще, которой принадлежитъ большинство жизнеописаній классическихъ писателей.

Признаніе заслугъ Геродота, какъ писателя и историка наступило сравнительно весьма поздно, едва-ли много раньше Діонисія Галикарнасскаго и Цицерона, древнѣйшихъ извѣстныхъ намъ писателей, которые отводятъ «отцу исторіи» первенствующее мѣсто въ елліинской историографіи ¹⁾. Раньше этого имя Геродота встрѣчается впервые у Аристотеля, который, пользуясь его сочиненіемъ, какъ примѣромъ историческаго изложенія въ отличіе отъ поэтическаго, называетъ его однако рассказчикомъ басенъ (μυθολόγος), неоднократно уличаетъ въ ошибкахъ по естественной исторіи; то же опредѣленіе въ нѣсколькой иной формѣ повторяетъ ученый риторъ IV в. по Р. X. Фемистій ²⁾. По всей видимости, Аристотель повторяетъ установленнаго задол-

¹⁾ «Геродотъ водилъ исторію на высшую и достойнѣйшую степень, ибо рѣшился начертать дѣянія не одного города и не одного народа, но соединилъ въ своемъ изложеніи многочисленныя разнообразныя повѣствованія европейскія и азіатскія». Dion. Halyc. *judic. de Thucyd.* p. 820 R. Cic. *de legib.* I 1, 5.

²⁾ Aristot. *Poet.* c. 9. *De gen. anim.* III 5, p. 756. *Hist. anim.* III 23, p. 523. Срвн. pp. 579. 605. 736. Ed. Ber. Themist. or. XXXIII. p. 367. *Ἡρόδοτος μυθολόγος.* Hermogen. *de ideis* p. 314 Walz. Геллій N. *Att.* III 10 называетъ Г-а homo fabulator.

го до него мнѣніе, ибо уже Фукидидъ многократно исправляетъ показанія предшественника, хотя и не называетъ его по имени; въ предисловіи же къ исторіи Пелопоннеской войны онъ зачисляетъ Геродота въ ряды прозаиковъ, мало заботившихся объ истинѣ ¹⁾. Трудно не признать насмѣшливыхъ намековъ на нѣкоторые мѣста Геродота въ комедіяхъ Аристофана ²⁾. Ближайшій преемникъ Геродота Ктесія, современникъ и лейб-медикъ Артаксеркса Мнемона, называлъ его пренебрежительно «сочинителемъ» λογοποιός, уличалъ во лжи и исправлялъ многочисленныя ошибки въ его повѣствованіяхъ о Кирѣ, Камбисѣ, Даріи и Ксерксѣ ³⁾. По словамъ Юсифа все изобличали лживость Геродота, а Маневонъ отмѣчалъ множество ошибокъ въ его рассказѣ объ Эгиптѣ ⁴⁾. Въ позднѣйшей древности слышится тотъ же голосъ осужденія. Цицеронъ, называющій Геродота «отцомъ исторіи», считаетъ его не болѣе правдивымъ, какъ и Эннія, а сочиненіе его преисполненнымъ басенъ ⁵⁾. Діодоръ Сицилійскій находитъ нужнымъ пройтись молчаніемъ выдумки и басни Геродота объ Эгиптѣ,

¹⁾ Наме *Προσλωγίον* къ переводу Фукидида. М. 1888, стр. СLXXXIV сл.

²⁾ См. прилѣчаніе Штейна къ I 4. 179. II 127. 136. VII 14.

³⁾ Κτησίας διέξεισι τὰ περὶ Κύρου καὶ Καμβύσου καὶ τοῦ μάγου Δαρείου τε καὶ τοῦ Ξέρξου, σχεδὸν ἐν ἅπασιν ἀντικείμενα Ἡρόδοτον ἱστορῶν, ἀλλὰ καὶ ψευστὴν αὐτὸν ἀπελήγχων ἐν πολλοῖς καὶ λογοποιὸν ἀποκαλῶν Phot *billioth.* p. 35 Bekk.

⁴⁾ Ἐρωτος μὲν Ἑλλάσκων ἐν τοῖς πλείστοις ψευδόμενον ἐπιδαίνοσαν—Ἡρόδοτον δὲ πάντες. Ioseph. *adv. Ap.* I 3. πολλὰ τὴν Ἡρόδοτον ἐλέγχε (Маневонъ) τῶν Αἰγυπτιακῶν ὅπ' ἀγνοίας ἐψευσμένον 14.

⁵⁾ apud Herodotum patrem historiae... innumerabiles fabulae. *De legib.* II, 5. Herodotum cur veraciorem ducam Ennio? *De divin.* I 56.

умышленно занесенныя въ повѣствованіе ¹⁾. Страбону, писателю I в. до и по Р. Х., Гомеръ, Гесиодъ и другіе древніе поэты казались болѣе заслуживающими вѣры, чѣмъ Геродотъ и прочіе древніе историки ²⁾. Мало того: существовало убѣжденіе, что многими извѣстіями «отецъ исторіи» обязанъ литературнымъ пособіямъ, которые онъ умышленно скрылъ; такъ, заимствованными у Гекатея почитались рассказы его о Феникскъ, гиппопотамъ и объ охотѣ на крокодиловъ ³⁾.

Если съ одной стороны приведенныя нами сужденія свидѣтельствуютъ, что съ самаго начала и до позднихъ временъ образованные люди Эллады и Рима относились къ содержанію геродотовыхъ повѣствованій скептически, и что слѣдовательно прошло довольно времени прежде, чѣмъ историкъ вошелъ въ ту славу, о какой говоритъ Лукіанъ, то они же не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что трудъ Геродота скоро получилъ извѣстность; только это послѣднее обстоятельство и обязывало критиковъ предостерегать читающую публику отъ излишняго довѣрія къ популярному писателю. Уже Аристотель въ своей *Поэтикѣ* упоминаетъ сочиненіе Геродота, какъ образецъ историческаго изложенія. Есть основаніе думать, что ученики и послѣдователи стагирскаго философа продолжали традиціи учителя и положили начало изученію Геродота въ раз-

¹⁾ οσα μιν οὖν Ἡρόδοτος καὶ τινες τῶν τὰς Ἀθηναίων πράξεις συντάξασθαι ἐσχεδιάσασιν, ἐκουσίως προκρίναντες τῆς ἀληθείας τὸ παραδοξολογικὸν καὶ μύθους πλάττειν ψυχαιομαχίας ἐνεκα, παρήσομεν. Diod. Sic. I 69. Срвн. Lucian II p. 127. III 30. Euseb. *praep. evang.* p. 478.

²⁾ Страб. XI 6, 3 p. 508.

³⁾ Porphyg. Euseb. *praep. evang.* X 3. Срвн. Hermogen. *de idcis* p. 399.

ныхъ направленіяхъ; по крайней мѣрѣ Свиды упоминаетъ, что Дурисъ, ученикъ Теофраста, называлъ Геродота еурійцемъ такъ же, какъ Паниасида самійцемъ. Помимо этого собственно литературныя достоинства Геродота цѣнились высоко, какъ можно судить по сочиненіямъ Діонисія Галикарнасскаго, въ которыхъ Геродоту отдается предпочтеніе передъ Фукидидомъ, а также Цицерона, Лукіана, Квинтиліана. Наконецъ въ императорскомъ же періодѣ составленъ канонъ великихъ историковъ, въ которомъ Геродотъ занимаетъ второе мѣсто ¹⁾.

Все предшествующее противорѣчитъ увѣренію послѣдняго біографа Геродота, Бауэра, будто интересъ къ нашему историку возникаетъ не раньше поры александрійской учености; напротивъ частое и многообразное упоминаніе Геродота Аристотелемъ, скептическое отношеніе къ нему Аристофана и Фукидида свидѣтельствуютъ о значительной распространенности геродотовыхъ исторій среди современниковъ и ближайшихъ поколѣній. Поэтому и память о личной судьбѣ историка не могла изгладиться у потомства въ такой мѣрѣ, какъ то желаетъ доказать Бауэръ, почти цѣликомъ отвергающій біографическія свѣдѣнія о Геродотѣ, содержащіяся въ статьяхъ Свиды подъ именами: Геродотъ и Паниасидъ ²⁾.

¹⁾ Biblioth. Coisl. p. 597. Не александрійскому періоду, какъ выражается Бауэръ, но императорскому принадлежитъ большинство именъ авторовъ, занимавшихся языкомъ Геродота: Филемонъ, Александръ изъ Котіянъ, Салустиій, Геронъ, Аполлоній. Bauer. *II. Biogr.* 24. Срвн. наше *предисл.* къ Фукид. стр. XXVIII сл. Весьма вѣроятно, что самое отсутствіе сходія къ Геродоту находится въ связи съ недостаткомъ вниманія александрійцевъ къ нашему историку.

²⁾ Н. Biogr. 7 сл. Вѣроятно во недоумогру Бауэръ не отмѣчаетъ весьма важнаго упоминанія о Геродотѣ въ *Поэтикѣ* Аристотеля с. 9.

Скептицизмъ Бауэра простирается до того, что самому Аристотелю онъ готовъ приписать мнѣніе о происхожденіи нашего писателя изъ Θυρίи, и потому только, что въ «Риторикѣ» приведено начало исторіи его въ такомъ видѣ: «Геродота Θυρίица нижеслѣдующее изложеніе изысканій» *Ἡρόδοτος Θουρίου ἡδ' ἱστορίας ἀπόδειξις*. Но вѣдь Θυρίи основаны были не раньше о. л. 83, 3=446/5; слѣдовательно по Бауэру выходитъ, что Аристотель или не зналъ даты возстановленія Сибариса, или грубо погрѣшалъ въ опредѣленіи времени жизни Геродота, считая его гораздо моложе Θυκιδίδα ¹⁾. Дѣло объясняется просто: Θυρίи стали вторымъ отечествомъ для Геродота благодаря долговременному пребыванію его въ этомъ городѣ, отсюда названіе историка Θυρίецемъ, попавшее и въ тотъ списокъ, которымъ пользовался Аристотель, по слѣдамъ Аристотеля шель историкъ III в. Дурисъ. Такимъ образомъ нѣтъ нужды въ неправдоподобномъ заключеніи Бауэра, будто галикарнаеское происхожденіе Геродота возстановлено было только александрійскими грамматиками ²⁾. Разумѣется, біографу слѣдовало бы указать и тѣ новые источники, изъ которыхъ почерпнуто было это свѣдѣніе. Мы не имѣемъ основанія сомнѣваться

¹⁾ Dion. Hal. *de Lys.* 1 p. 453. Diod. XII, 9—11. Страб. VI Plut. *vit. X orat.* p. 835. Clinton, *Fasti Hellen.* 64. Stein, *Herod. Einleit.* X s.

²⁾ у Страбона (XIV 2) и всево-Плутарха (*de malign. Herod.* c. 35 p. 408. *De exil.* p. 378) находится самое объясненіе впитера «Θυρίецъ», перемѣнее и къ позднѣйшимъ компиляторамъ. Steph. Byz. *Θουρίαι*. Schol. in Aristoph. *Nub.* 331. Cramer, *Anecd. oxon.* III, 350. Въ письмѣ Юліана Отступника Г-ль также называется Θυρίецемъ. Suidas *Ἡρόδοτος*. По той же причинѣ извѣстный архитекторъ Гипподамъ милетецъ назывался также Θυρίецемъ. Hesych. *Ἡπποδάμου ἑμίεσις*.

въ показаніяхъ свидѣтелей Свида, разъ они не опровергаются другими свидѣтельствами или не носятъ на себѣ явныхъ слѣдовъ сочинительства ради объясненія особенностей или какихъ-либо мѣсть геродотовской исторіи.

«Геродотъ», говоритъ Свидя, «сынъ Ликсеи и Дріо, галикарнасецъ знатнаго происхожденія, имѣлъ брата Θεοδωρα, переселился на Самъ черезъ Лигдамиду, третьяго отъ Артемисіи тирана Галикарнаса. Ибо Писиделидъ былъ сынъ Артемисіи, а Лигдамидъ сынъ Писиделида. На Самѣ Геродотъ научился іонійскому нарѣчію и написалъ исторію въ девяти книгахъ, начавши отъ перса Кира и царя лидійскаго Камдавлы. По возвращеніи въ Галикарнасъ и изгнаніи тирана онъ увидѣлъ зависть къ себѣ гражданъ и добровольно отправился въ Θυρίи, тамъ умеръ и погребенъ на площади. Нѣкоторые утверждаютъ, что Геродотъ умеръ въ Пеллѣ. Повѣствованія его называются Музами ¹⁾. Свѣдѣнія эти пополняются изъ Свида же подъ именами Панаіасидъ и Гелланикъ, откуда мы узнаемъ, что въ близкомъ родствѣ съ нашимъ историкомъ былъ эпическій поэтъ Панаіасидъ, двоюродный братъ его или дядя по матери, погибшій въ борьбѣ съ тираномъ Лигдамидомъ, что историкъ нашъ жилъ нѣкоторое время при дворѣ македонскаго царя Аминты ²⁾; этотъ послѣдній анахронизмъ обратился въ послѣдствіи въ извѣстіе о смерти историка

¹⁾ Suidas *Ἡρόδοτος*. Свидѣтельства древнихъ о Геродотѣ и прочихъ историкахъ собраны у А. Шефера *Abriss der Quellenkunde der gr. und röm. Geschichte.* 2 Aufl. Leipz. 1873, стр. 19 с.

²⁾ *ἱστέρηται δι Πανιάσις Ἡρόδοτος τοῦ ἱστορικοῦ ἐξ ἀδελφοῦ γέγονε γὰρ Πανιάσις Πελοπόννησου, ὃ δι Ἡρόδοτος Αἰξίου τοῦ Πελοπόννησου ἀδελφοῦ τινος δι οὗ Αἰξίου ἀλλὰ Ροίω τὴν μητέρα Ἡρόδοτος Πανιάσιδος ἀδελφὸν ἱστέρησαν.* Suid. Πανιάσις. Ἑλλάνικος.

въ Пеллѣ. Какъ мало освѣдомлены были относительно Геродота свидѣтели византійскаго компилятора, какъ мало самъ онъ озабоченъ былъ выборомъ достовѣрныхъ свѣдѣній, показываетъ прежде всего «извѣстіе» о томъ, будто бы историкъ задолго до переселенія въ Оуринъ, т. е. до 443 г. до Р. X., составилъ свою исторію въ девяти книгахъ на Самѣ, что здѣсь онъ научился и іонійскому нарѣчію, которымъ написано его сочиненіе. Учиться на сторонѣ іонійскому языку Геродоту не было нужды. Массу населенія въ Галикарнасъ составляли въ то время и раньше іоняне; найденныя Ньютономъ галикарнасскія надписи, относящіяся къ 450 годамъ до Р. X., написаны на іонійскомъ нарѣчій, очевидно господствовавшемъ тогда въ Галикарнасъ ¹⁾. Частое упоминаніе Сама Геродотомъ, вниманіе историка къ его достопримѣчательностямъ и роли въ судьбахъ еллиновъ, а главное, іонійское нарѣчіе сочиненія въ связи съ до-рійскимъ характеромъ Галикарнаса въ позднѣйшее время повели къ измышленію «извѣстія» о долговременномъ пребываніи историка на іонійскомъ островѣ ²⁾. Что трудъ не могъ быть законченъ на Самѣ и не былъ раздѣленъ авторомъ на девять книгъ, относительно этого

¹⁾ C. F. Newton, *a history of discoveries at Halicarnassus, Cnidus and Branchidae*. Lond. 1862. I, pl. LXXXV. II, стр. 671. Sauppe, Götting. Nachr. 1863, стр. 303. Одна изъ надписей издана въ сборникѣ Рёля *Inscript. gr. antiquiss.* Berl. 1882, n° 500. Во второй надписи строкъ 219 находится имя Λέξης, подтверждающее показаніе Свида объ отцѣ историка. Другія формы имени см. Stein, *Herodot.* IV Ann 5.

²⁾ Герод. I 70. II 148. 168. 182. III 26, 39—41. 54—55. 60. 120—122. 139—140. VI 13—14 и др. Объясненіе приобрѣло форму извѣстія объ отношеніи Геродота къ Саму во всякомъ случаѣ равнѣ-

не существуетъ разногласія. Равнымъ образомъ не вѣроятно передаваемое Свидою извѣстіе, что Геродотъ жилъ у Амниты, поведшее къ заключенію, что «отецъ исторія» и умеръ въ Пеллѣ. Достаточно было найти въ сочиненіи Геродота благопріятыя для царей Македоніи выраженія, чтобы тотчасъ подыскалось и объясненіе или оправданіе ихъ, превратившееся затѣмъ въ извѣстіе о личныхъ отношеніяхъ между авторомъ и македонскимъ дворомъ, хотя оно находится въ явномъ противорѣчій съ македонскою хронологіею ¹⁾. Далѣе, участіе Геродота въ междоусобицахъ Галикарнаса само по себѣ не вѣроятно, хотя противорѣчить ему отсутствіе въ исторіи даже отдаленнѣйшихъ намековъ на активную политическую роль автора въ родномъ городѣ, притомъ сопровождавшагося будто бы тяжелыми личными бѣдствіями; извѣстіе объ этомъ участіи у Свида облечено въ такую форму, что способно скорѣе возбудить недобѣріе къ самому факту. По словамъ византійскаго компилятора, Герододъ изгнанъ былъ изъ Галикарнаса Лигдамидомъ, жилъ долго на Самѣ, научился тамъ языку и написалъ все сочиненіе, потомъ возвратился на родину и участвовалъ въ борьбѣ противъ тирана. На все это требовалось конечно не мало времени. Что же намъ извѣстно

ше Стефана Византійскаго (V в. во Р. X), у котораго подъ словомъ „Оурин“ приведена синафія на гробѣ историка:

Ἡρόδοτος Λέξου κρύπτει κόμης ἕδε θανόντα
 Ἰάδου ἀρχαίης Ἰσταρίας πρώτου.
 Δωρίδος ἐκ πάτρης βλάστων' ἔπο. τῶν γὰρ ἄτλητον
 μακρὸν ὑπεκπροφυγῶν Θεούριον ἔσχε πάτρην.

¹⁾ О Македоніи у Геродота особенно V 22. VIII 137. Вазуру (*II. Biogr.* 26 сл.) нетрудно было показать шаткость утвѣреній Визамовица, будто въ извѣстіи о Пеллѣ, какъ глѣбѣ смерти Геродота, именемъ нашего историка замѣнено имя Оукидида (*Hermes XII 359 сл.*).

изъ источниковъ, болѣе заслуживающихъ вѣры? Свиды называетъ Лигдамида третьимъ отъ Артемисии тираномъ Галикарнаса, сыномъ Писиделида, внукомъ знаменитой вонпельницы. Отъ Геродота мы узнаемъ (УП 99), что въ 480 г. Писиделидъ былъ еще такъ юнъ, что нуждался въ опекаѣ, и что поэтому регентшей была мать его. Изъ лапидарнаго источника извѣстно, что въ 454 г. Галикарнасъ былъ свободнымъ городомъ: какъ таковой онъ поименовывается въ спискѣ обложенныхъ данью аѳинскихъ союзниковъ ¹⁾. Слѣдовательно, и регентство Артемисии, и правленіе Писиделида, и долговременная тиранія Лигдамида должны быть втиснуты въ промежутокъ времени по наибольшей мѣрѣ въ 25 лѣтъ! Вотъ почему усилія Кирхгофа открыть въ ньютоновскихъ надписяхъ подтвержденіе Свида и приурочить ихъ къ той самой распрѣ, жертвами которой лексикографъ называетъ Геродота и Паниасида, не могли увѣчаться успѣхомъ. По тому же самому сначала Шелль, а потомъ Рюль и Штейнъ прибѣгаютъ къ догадкѣ, что Лигдамидъ былъ не сыномъ, но братомъ Писиделида ²⁾. Гораздо естественнѣе допустить, что досужая фантазіи плохо освѣдомленныхъ грамматиковъ

¹⁾ С. I. A. p. 96. n° 226.

²⁾ А. Kirchhoff, *Studien zur Geschichte d. gr. Alphabets*. 2 Aufl. Berl. 1864, стр. 4 сл. Срвн. Вагер. *II. Biogr.* 16 сл. Н. Weil, *Revue crit.* 1880, janv. А. Schoell, *Herodots Entwicklung in seinem Bernf.* Philolog. X, 1855, стр. 35. F. Rühl, *Philolog.* XLI, 1882, стр. 68. Рюль убѣдительно доказываетъ, что лапидарный памятникъ содержитъ не договоръ между политическими партіями, какъ то казалось Кирхгофу, но изданный въ правленіи Лигдамида законъ, связь котораго съ политическимъ переворотомъ совершенно не ясна.

компиляторовъ, имѣя передъ собою смутное преданіе о политической роли историка, опираясь на явное нерасположеніе его къ тираніи вообще и на родство историка съ Паниасидомъ, нависшимъ жертвою Лигдамида, неудачно попыталась возстановить одинъ изъ эпизодовъ въ жизни Геродота и возможно тѣснѣе связать его съ судьбою города ¹⁾. Но и у свидѣтеля Свида неостало изобрѣтательности для объясненія причины, по которой историкъ вынужденъ былъ покинуть родину вторично, ту самую родину, за которую онъ пострадалъ, и которая ему же обязана была освобожденіемъ отъ тираніи,—и вотъ Свидя передаетъ, что Геродотъ удалился изъ Галикарнаса въ Фуріи, потому что увидѣлъ *зависть* къ нему со стороны гражданъ (*είδεν ἑαυτὸν φθούουμένον ὑπὸ τῶν πολιτῶν*).

При всемъ томъ мы не въ правѣ отвергать цѣлкомъ биографическія извѣстія Свида о Геродотѣ, какъ поступаетъ Бауэръ. Въ возраженіе новѣйшему биографу можно указать на галикарнаское происхожденіе историка, извѣстное и Свидѣ, имя отца, подтверждаемое галикарнаскою же надписью; должно быть вѣрно и имя брата его, Θεодора ²⁾. Весьма недостаточно основаніе, по которому Бауэръ заподозриваетъ подлинность извѣстія о родствѣ нашего историка съ Паниасидомъ. Онъ не-

¹⁾ Оцѣнка „биографіи“ Геродота должна производиться не иначе, какъ при помощи сравненія этой комиліаціи съ другими аналогичными. До сихъ поръ въ филологической литературѣ нѣтъ труда, посвященнаго общей характеристикѣ подобныхъ произведеній римской и византійской эпохи.

²⁾ Имя матери подъ сл. *Πρόδοτος*; пишется *Δρούς*, подъ сл. *Πανίασις*; *Ῥοιός*. Срвн. P. Tschirner, *Panias. Italic. Heracl. fragm.* Urtiscl. 1842, стр. 14.

ходить изъ того положенія, невѣрность котораго показана выше, будто происхожденіе Геродота изъ Галикарнаса установлено впервые все тѣми же александрійскими грамматиками ¹⁾, будто раньше этого господствовало убѣжденіе въ происхожденіи его изъ Фурій, и будто родственная связь Геродота съ галикарнасцемъ Панаасидомъ есть лишь измышленіе позднѣйшаго времени. Но разъ основаніе критики не вѣрно, теряетъ силу и его отрицательное заключеніе. Напротивъ самое сочиненіе Геродота представляетъ доказательства близкой связи между двумя писателями, именно: обширное знакомство автора съ древне-еллинской поэзіей, преимущественно эпической, а также многообразная зависимость его въ формѣ изложенія отъ гомеровскаго эпоса ²⁾.

Во всякомъ случаѣ компиліяція Свида даетъ нѣсколько больше того, что мы узнали изъ фантастической поѣвсти Лукіана.

Не болѣе надежны источники нашихъ свѣдѣній о времени жизни и о мѣстѣ смерти историка. Компилиторъ писательница конца временъ Нерона, Памфила, передаетъ заключеніе свидѣтеля, что въ началѣ Пелопонесской войны Геродоту было 53 года, чѣмъ рожденіе

¹⁾ Задолго до Бауэра Кирхофъ могъ съ полнымъ основаніемъ сказать: Dass später die Alexandrinische Philologie ihm (Геродоту) eine besondere Aufmerksamkeit zugewendet habe, davon findet sich keine Spur. *Ueber die Entstehungsz.* 9.

²⁾ Мьюръ (о. с. IV 558 сл.) даетъ списокъ выраженій Геродота аналогичныхъ съ гомеровскими; въ комментаріяхъ Штейна читатель найдетъ многочисленныя сближенія въ этомъ направленіи. Срвн. Р. А. I. Tomder, *Herodot und die älteste Poesie der Griechen*. Böhm. Leipz. Progr 1875. P. C. Hofer, *über die Verwandtschaft d. homerotisch. Stiles mit d. homerischen*. Meran's-Progr. 1878.

его относится къ 484 г. до Р. X. ¹⁾. Подлинный смыслъ и происхожденіе этой и подобныхъ датъ выяснено въ упомянутомъ изслѣдованіи Дильса объ аполодоровой хронологіи ²⁾. Хронологическія данныя, хотя бы въ формѣ положительнѣйшихъ извѣстій, добывались Ератосеевомъ и популяризаторомъ его Аполлодоромъ путемъ комбинацій за отсутствіемъ источниковъ. Въ жизни поэта, философа или историка хронологъ старался приурочить къ опредѣленному году какое-либо выдающееся событіе, участіе въ которомъ предполагало «цвѣтущій возрастъ» (ἀκμῆ) писателя, приблизительно сорокалѣтній. Такимъ событіемъ въ жизни Геродота было участіе въ еурійской колоніи, основанной въ 444/3 г. до Р. X.; отсчитывая 40 лѣтъ назадъ, хронологъ получалъ эпоху рожденія историка, 484/3 г., откуда и выведено число лѣтъ Геродота въ началѣ пелопонесской войны у Памфилы. Къ тому же «цвѣтущему возрасту» сводятся менѣе опредѣленные показанія Діонисія Галикарнаскаго, Діодора и Евсевія. Первый изъ нихъ замѣчаетъ, что «Геродотъ галикарнасецъ родился немного раньше персидскихъ войнъ», т. е. войнъ съ Ксергсомъ. По словамъ втораго Геродотъ родился во времена Ксеркса; по свидѣтельству третьяго извѣстность Геродота началась въ ол. 78, 1=468 г., т. е. въ шестнадцатилѣтнемъ возра-

¹⁾ Hellanicus, Herodotus, Thucydides, historiae scriptores, in isdem fere temporibus laude ingenti floruerunt et non nimis longo distantibus fuerunt aetatibus. Nam Hellanicus initio belli Peloponnesiaci fuisse LXV annos natus videtur, Herodotus LIII, Thucydides XL. Gellius, *N. Att.* XV 23.

²⁾ Rh. Mus. XXXI 48 сл.

ств¹⁾. Вычисления эти, кажется, могут объяснить и евсевиеву дату чтения Геродотомъ своихъ исторій: первый опытъ основанія Θυρίи изъ Аѳинъ сдѣланъ былъ по настоянію Перикла и Дампоиа въ ол. 83, 3=446/5 г. до Р. X. Въ слѣдующемъ году внутреннія распри въ новомъ городѣ, названномъ Θυρίями, или Θυρίемъ по имени источника, заставили поселенцевъ покинуть колонию; вскорѣ послѣ этого (444/3 г. до Р. X) колонисты изъ всѣхъ частей Эллады снова отправились для занятія новаго города²⁾. Къ этому же самому времени, какъ мы видѣли, относятся и публичное чтеніе въ Аѳинахъ, благодаря которому Геродотъ получилъ значительную сумму на дорогу и на новоселье. Точное совпаденіе годовъ основанія Θυρίи и геродотова чтенія вскрываетъ источникъ хронологической даты Евсевія.

Изъ сочиненія Геродота мы узнаемъ, что онъ бѣсѣдовалъ съ очевидцемъ керксова похода, орхоменцемъ Θερσανδρῶмъ вѣроятно во время путешествія по Беотіи (IX 16); само собою разумѣется, что авторъ встрѣчался и съ старыми мараонскими бойцами. Самыя войны съ персами описываются историкомъ по воспоминаніямъ; путешествіе по Эгипту совершено авторомъ послѣ 449 г. Все это вмѣстѣ съ переселеніемъ автора въ Θυρίи послѣ 446—443 г. приурочиваетъ рожденіе Геродота къ 490—480 г. до Р. X.

1) ὁ δ' Ἀλικαρνασσεύς Ἡρόδοτος γενόμενος ἐλίγγυ πρῶτον τῶν Περσικῶν. Dion. Hal. *jud. de Thuc.* p. 820. Ἡρόδοτος κατὰ Ξέρξην γεγονώς τοῦ χρόνου Diod. Sic. II 32. Ἡρόδοτος Ἀλικαρνασσεύς ἱστοριογράφος ἐγχερίσθητο Euseb. Chron. ol. 78, 1 (въ армянск. перев. cl. 78, 2).

2) Diod. Sic. XII 9—10. Dion. Hal. *de Lysia* c. 1, p. 452. Срви. Герод. IV 159. VIII 21.

Если считать сочиненіе Геродота неоконченнымъ, что могло случиться скорѣе всего по причинѣ смерти, то годъ кончины историка можетъ быть опредѣленъ довольно точно. Въ сочиненіи имѣются ясныя указанія на то, что историкъ пережилъ первые годы Пелопоннесской войны. Такъ, онъ упоминаетъ объ изгнаніи аѳинянъ съ острова, у Θυκιδίδα разсказанномъ подь 431 г.¹⁾ Къ началу апрѣля того же года относится нападеніе еивянъ на Платею при пособничествѣ Евримаха, разсказанное подробно Θυκιδидомъ и упоминаемое мимоходомъ Геродотомъ съ поименованіемъ того же Евримаха и отца его Леонтиады²⁾. Въ слѣдующемъ году совершена въ Аѳинахъ казнь спартанскихъ пословъ, по поводу которой Геродотъ высказываетъ свои сомнѣнія въ справедливости наказанія потомковъ за вину предковъ³⁾. Въ IX кн. 73 гл. историкъ упоминаетъ о разореніи Аттики пелопоннессцами, хотя не знаетъ еще объ оккупации Декелен, послѣдовавшей въ 413 г. VI 98 Геродотъ разсказываетъ, что «за время трехъ слѣдовавшихъ одно за другимъ поколѣній Дарія, Керкса и Артоксеркса Эллада частью отъ варваровъ, частью отъ собственныхъ вождей, воевавшихъ между собою за гегемонію», претерпѣла больше бѣдъ, нежели за двадцать другихъ поколѣній⁴⁾. Такъ какъ Артаксерксъ умеръ въ 425 г. до Р. X (Θυκιδ. IV 50), а три царствованія упоминаются рядомъ какъ закончившіяся, то необходимо

1) Герод. VI 91. Θυκид. II 27.

2) Герод. VII 233. Θυκид. II 2 сл.

3) Герод. VII 137. Θυκид. II 67.

4) Stein, Herodot. I 130⁵ прим. A. Schöll, *über H.-s Lebenszeit*, Philolog. IX, 199 сл. A. Kirchheff, о. с. 15 сл.²

заклѣчить, что 425 г. пережить историкомъ. Никакихъ указаний на событія позднѣйшія въ сочиненіи Геродота нѣтъ; по всей вѣроятности скоро послѣ этого онъ и умеръ. Съ другой стороны, судя по краткости упоминанія Дарія I безъ добавки эпитаѣ «сына Гистаспеса», которая отличала бы его отъ Дарія Нова (424—405 г. до Р. X.), съ большою вѣроятностью можно заклѣчить, что по вступленіи этого Дарія на царство историкъ не имѣлъ уже достаточно времени для соответствующаго измѣненія I 130. Болѣе точное обозначеніе царя было тѣмъ необходимѣе, что и при Даріи Новѣ повторилось возстаніе мидянъ противъ персовъ. Если въ сказанному прибавить, что въ аристофановой комедіи «Ахарняне», поставленной въ 425 г., есть намеки на рассказъ Геродота о первоначальномъ источникѣ эллиноперсидской борьбы (14), слѣдовательно сочиненіе историка было въ то время уже въ обращеніи въ публикѣ, то 425/4 г. можетъ считаться годомъ смерти «отца исторіи»¹⁾.

Гдѣ умеръ и погребенъ историкъ? Эпитафія у Стефана Византійскаго, сочиненная въ то время, когда намѣсто недостающихъ точныхъ извѣстій о судьбѣ писателя измышлялись всевозможныя комбинаціи, не можетъ имѣть для насъ никакого авторитета. Она же послужила источникомъ для Свида, мѣстомъ смерти и по-

¹⁾ Röse, *hat Herodot sein Werk selbst herangezogen?* A. Schöll, *über Her.-Lebenszeit.* Philolog. IX, 193—212. Конечнымъ предѣломъ жизни Геродота Кирхгофъ называетъ 428 г. до Р. X. О. с. 20 сл. Намекавъ въ комедіяхъ на нѣкоторые мѣста сочиненій Геродота и Фукидида можно придавать лишь относительную цѣну, такъ какъ историки записывали и то, что было извѣстно раньше другимъ современникамъ, слѣдовательно могли быть не единственными, и не первоначальными источниками для народій въ комедіяхъ.

гребенія Геродота называющаго Θυρίη. Кенотафъ съ именемъ историка былъ вполнѣ достаточенъ для образованія такой традиціи; подобнаго происхожденія и другое преданіе, о смерти историка въ Пеллѣ. Но съ другой стороны въ маркеллиновомъ жизнеописаніи гробница историка помѣщается въ Аѣнахъ въ фамильномъ склепѣ Бимоа рядомъ съ гробницей Фукидида. Но и это «извѣстіе», невѣроятное въ рукописной редакціи, есть скорѣе всего плодъ успѣй соединить двухъ знаменитыхъ историковъ и за гробомъ¹⁾.

До конца шестидесятыхъ годовъ преобладало мнѣніе, что историкъ умеръ и погребенъ въ Θυρίяхъ, гдѣ по свидѣтельству Плинія онъ и написалъ свое сочиненіе. Въ 1868 и 1871 годахъ появились мемуары А. Кирхгофа, вышедшіе потомъ подъ общимъ названіемъ *Ueber die Abfassungszeit des herodotischen Geschichtswerkes*, въ которыхъ съ свойственнымъ автору остроуміемъ проводится между прочимъ та мысль, что вторая часть геродотовой исторіи, начиная съ половины V книги и до конца, могла быть написана только въ Аѣнахъ, что слѣдовательно Геродотъ пріѣзжалъ сюда изъ новаго мѣстожительства, что сочиненіе Геродота осталось неоконченнымъ, причиною чего была, должно быть, преждевременная смерть автора; отсюда дѣлается заключеніе, что Геродотъ умеръ въ Аѣнахъ (стр. 27). Заключеніе это раздѣляется Виламовицемъ, Бауэрромъ, Гахецомъ.

¹⁾ Маркелл. § 17. Уже Коравъ исправлялъ имя 'Πρόδοτος въ 'Πρόδοτος, а Заунер (*Acta societatis. gr.* II, 2 p. 240) замѣняетъ его именемъ отца Фукидида 'Ολύριος. Последнюю конъектуру раздѣляетъ вполнѣ Виламовицъ (Herm. XII, 344). По нашему мнѣнію имя Геродота должно быть вычеркнуто совсѣмъ.

Однако помимо сомнительности всей гипотезы Кирхгофа, о которой мы скажемъ ниже, догадка его о смерти историка въ Аоннахъ не вытекаетъ неизбежно изъ положений самой гипотезы. Сдѣланныя въ Аоннахъ, по мнѣнію критика, замѣтки могли быть внесены въ исторію и по возвращеніи автора въ Фуріи, гдѣ, какъ полагаетъ Кирхгофъ, написаны имъ вторая половина третьей книги, вся четвертая и начало пятой. Къ тому же ни одно изъ цитируемыхъ берлинскимъ академикомъ мѣстъ исторіи не такого свойства, чтобы для написанія ихъ требовалось личное посѣщеніе Аоннъ авторомъ, его вторичное долговременное тамъ пребываніе. Слѣдовательно, если показаніе Свида и Стефана Византійскаго о Фуріяхъ, какъ о мѣстѣ смерти и погребенія историка, не можетъ быть рѣшающимъ, если свидѣтельство Маркеллина о геродотовой гробницѣ въ Аоннахъ справедливо устраняется критикой, то съ другой стороны не могутъ почитаться убѣдительными и тѣ соображенія, какія пытается извлечь критика изъ геродотова сочиненія въ пользу Аоннъ; за Фуріи мы имѣемъ по крайней мѣрѣ голосъ преданія, которому не противорѣчатъ ни сочиненіе автора, ни наши свѣдѣнія о немъ.

Не мало говорятъ еще о существованіи личныхъ дружескихъ отношеній между нашимъ историкомъ и трагикомъ Софокломъ, достаточнымъ свидѣтельствомъ чего выставляется сохраненный Плутархомъ отрывокъ элегіи, написанной Софокломъ на 55 году жизни для Геродота ¹⁾. Мало того, что годъ рожденія трагика въ точ-

¹⁾ φθόνον Ἡρόδοτον τρέψεν Σοφοκλῆς ἔτι μὲν ὄν κεν ἐπὶ πενήκοντα? Plat. an seni sit gerenda respublica c. 3. Moral. p. 785. Kirchoff, o. c. 8 ed. Nieberding, Sophokles u. Herodot. Neust.-Progr. 1875, стр. 7. Stein. Herod. Einleit. XXIV ².

ности не извѣстенъ, и что поэтому нѣтъ возможности, хотя приблизительно приурочить эту элегію къ какому либо возрасту историка и событію въ жизни послѣдняго, Плутархъ не даетъ намъ никакого права относить стихотвореніе Софокла къ нашему Геродоту, даже больше: изложеніе Плутарха едва-ли оставляетъ сомнѣніе, что элегія обращена была поэтомъ къ какому то одноименному съ историкомъ красивому юнопѣ, а нашему Геродоту въ 440 г. было ни въ какомъ случаѣ не меньше 40 лѣтъ отъ роду. Тѣмъ не менѣе между историкомъ и поэтомъ существовало общеніе понятій въ области религіи и морали, равно какъ между Геродотомъ и Эхиломъ, и нѣкоторыя части геродотовой исторіи были извѣстны Софоклу, о чемъ свидѣтельствуетъ близкое сходство въ выраженіяхъ историка и поэта объ однихъ и тѣхъ же предметахъ ¹⁾.

О важнѣйшемъ обстоятельстве его жизни, о путешествіяхъ по Елладѣ и разнымъ инымъ странамъ, мы узнаемъ только изъ самого сочиненія: древніе свидѣтели молчатъ о нихъ. Но и въ этомъ отношеніи трудъ автора не даетъ ясныхъ и точныхъ указаній, какъ на самыя мѣста, посѣщенные имъ, такъ равно и на хронологическій порядокъ путешествій. Дѣло въ томъ, что историкъ не озаботился въ своемъ изложеніи различіемъ видѣннаго имъ самимъ или слышаннаго на мѣстѣ изъ устъ туземцевъ отъ позанимтовавшаго изъ вторыхъ и третьихъ рукъ. Такія выраженія, какъ «до моего времени», «до меня», «говорятъ» сами туземцы и т. п., не служатъ еще ручательствомъ за личное

¹⁾ Nieberding. o. c. Fr. Hanna, Beziehungen des Sophokles zu Herodot. Straznic-Progr. Brünn. 1875. Mahaffy, o. c. II, § 308.

посѣщеніе авторомъ описываемыхъ мѣстностей; еще менѣе ручается за это положительный тонъ разсказовъ, ведомыхъ авторомъ отъ своего лица безъ поименованія источниковъ. Многія извѣстія, въ такой формѣ передаваемые историкомъ, оказались при ближайшемъ ознакомленіи съ предметомъ невѣрными, смутными или даже баснями, полученными авторомъ отъ легковѣрныхъ и плохо освѣдомленныхъ свидѣтелей. Но объ этомъ мы скажемъ въ другомъ мѣстѣ, когда постараемся установить степень достовѣрности «отца исторіи».

Что касается времени путешествій, то оно можетъ быть опредѣлено и то лишь приблизительно только для Египта. Страна эта посѣщена Геродотомъ въ то время, когда персидское владычество надъ нею было полное и безспорное, а на папремитскомъ полѣ сраженія, гдѣ вождь возставшихъ ливійцевъ Ипарсозъ разбилъ военачальника персовъ Ахемениса, Геродотъ видѣлъ кучу череповъ персидскихъ и египетскихъ и могъ сравнивать ихъ по твердости. Возстаніе случилось около шести лѣтъ, отъ 460 до 455 г.; въ болотахъ Дельты возставшія Амиртеи держались впрочемъ до 449 г., поддерживаемый аонскимъ флотомъ. Лишь послѣ того, какъ сокрушенъ былъ этотъ послѣдній оплотъ инсurreкціи, страна успокоилась и была безопасна для путешественника-еллина. Поэтому вѣроятнѣе всего, путешествіе Геродота по Египту совершено было послѣ 455, если не 449 года ¹⁾. Судя по тому порядку, въ какомъ слѣдуетъ описаніе страны, путь Геродота шелъ отъ с. къ ю. вверхъ по Нилу и

¹⁾ II 24. 30. 98—99. 149. III 12. Фукид. I 112 з. Срвн. Вагингер *о. с.* 570 сл.

окончился, какъ говоритъ самъ авторъ, у Влефантинны ¹⁾. Изъ его же словъ можно вывести, что побережье Аравіи и Сиро-Финикіи посѣщены на пути изъ Египта въ Тиръ, куда авторъ отправился для провѣрки египетскихъ извѣстій о геракловомъ культѣ, въ Аравію для удостовѣренія въ правдивости разсказовъ о крылатыхъ змѣяхъ; храмъ Геракла онъ видѣлъ и на Фасѣ ²⁾. Дальше Кирены на з. отъ Египта Геродотъ едва-ли проходилъ; здѣсь онъ получилъ свѣдѣнія о Ливіи и ея обитателяхъ ³⁾. Ранѣе египетскаго совершены путешествія по верхней Азій, гдѣ онъ доходилъ до Сусъ и Ардерикки въ Киссеи, посѣтилъ Вавилонъ и различныя мѣста древней Ассиріи, можетъ быть видѣлъ и развалины Ниневіи. Въ какомъ направленіи и порядкѣ путешествовалъ Геродотъ въ Азій, трудно рѣшить: царская большая дорога отъ Ефеса до Сусъ извѣстна ему мало; но объ Ассиріи у автора былъ собранъ матеріалъ для отдѣльнаго повѣствованія ⁴⁾. Побережье Малой Азій съ прилегающими къ нему на материкѣ странами также хорошо извѣстно историкъ; но сѣверо-восточная часть полуострова осталась за предѣлами его путешествій. Раньше Египта посѣ-

¹⁾ II 29. Срвн. Stein, Herod. *Einleit.* XV сл. По мнѣнію Гахеца, Г-ъ дважды посетилъ Египетъ. *О. с.* 36. 47. 61 сл. выходитъ такъ, что часть свѣдѣній о Мемфисѣ, Фивахъ и пр. авторъ сообщаетъ со словъ другихъ, а другую часть по личнымъ наблюденіямъ, сдѣланнымъ во второе путешествіе. Стр. 42, прим. 3.

²⁾ II 44. 75. III 7—8. 107—110.

³⁾ См. указат. къ Геродоту.

⁴⁾ I 98. 106. 184. 185. II 150. III 102. V 52—54. VI 119. VII 98. Основательнѣйшее изысканіе объ азіатскихъ путешествіяхъ Геродота Мадата: *über die Glaubwürdigkeit der geogr. Angaben über Asien.* Hermes. VI, 393 сл.

тилъ историкъ западные и сѣверные берега Чернаго моря, Фракію, Македонію. О сивахъ онъ слышалъ все что отъ Тимны, довѣреннаго лица у царя Арипейееса, преемника Иданейреса, отца Скилы. Царствованіе Арипейееса продолжалось не далѣе 460 г., такъ какъ Иданейрь царствовалъ еще около 575 г. (IV 120 сл), а Скила погибъ не задолго до Пелопоннесской войны ¹⁾. Во Фракіи Геродотъ былъ до объединенія ея подъ властью царя одрисовъ Ситалки, который вступилъ на царство не раньше 460 г. ²⁾. Въ Македоніи историкъ былъ въ царствованіе Александра, умершаго въ 454 г. ³⁾. Нѣтъ достаточнаго основанія относить путешествіе историка по южному побережью Понта и въ Колхиду ко времени, предшествовавшему посѣщенію Египта. П 104 Геродотъ выражается такъ: «колхидяне—очевидно египтяне; самъ я пришелъ къ такому заключенію прежде еще, чѣмъ услышалъ это отъ другихъ. Такъ какъ это занимало меня, то я разспрашивалъ и колхидянъ и египтянъ, причемъ первые лучше помнили послѣднихъ, нежели наоборотъ». Въ Колхидѣ же онъ получилъ вѣрныя, первыя по времени свѣдѣнія о природѣ Каспійскаго моря, окруженнаго со всѣхъ сторонъ землею, а не сливающагося съ сѣвернымъ океаномъ ⁴⁾. Упоминаемая въ исторіи различныя мѣстности собственной Еллады, южной Италіи, острова Эгейскаго моря не позволяютъ сомнѣваться, что все это Геродотъ обошелъ самъ, записывая частью то, что видѣлъ, большею же частью

¹⁾ IV 76. 80.

²⁾ Фукід. IV 101.

³⁾ V 17—22. VII 173. VIII 137 сл. IX 44.

⁴⁾ I 181 сл.

то, что передавали ему туземцы ¹⁾. Эти-то путешествія, захватывающія тысячь двадцать верстъ, если не болѣе, предпринятія отчасти по крайней мѣрѣ, только изъ любознательности ²⁾, отдающія автору первое мѣсто среди древне-эллинскихъ путешественниковъ, поддерживали и усиливали въ немъ духъ критика, внушали терпимость къ иноземцамъ и иноземнымъ, не исключая персовъ, и дали ему возможность обнять въ своихъ «исторіяхъ» почти весь извѣстный тогда міръ съ одинаковымъ вниманіемъ къ интересному и поучительному, гдѣ бы оно ни попадалось. «Онъ странствовалъ далѣе, чѣмъ Улиссъ, и имѣлъ передъ собою болѣе обширную цѣль, нежели Гомеръ» ³⁾. Въ болѣе или менѣе тѣсную связь съ путешествіями ставятся въ литературѣ вопросы о мѣстѣ и времени составленія отдѣльныхъ частей исторіи и окончательной редакціи цѣлаго. И въ этомъ отношеніи позднѣйшая древность не даетъ намъ руководящихъ указаній: она довольствовалась слишкомъ поверхностными и поспѣшными заключеніями, не проверяя ихъ внимательнымъ изученіемъ текста. Такъ, мы уже знаемъ, что Плиніи приурочивалъ всю литературную дѣятельность Геродота къ Фуріямъ, именно къ 444 г. до

¹⁾ Близкое знакомство съ Аоніями I 92—94. 98. 192. II 7. 156. 177, III 152—160. IV 36—45. 77—80, съ Лакедемонами III 45—56. VII 224, съ Фивами I 51, Орхоменомъ IX 16, съ храмами дельфійскимъ и додонскимъ I 52. II 55 (срви. Kirchhoff, *Entstehungszeit* 82 сл), съ знаменитыми мѣстами битвы Маравономъ, Фериопидами, Платеями (см. нашъ „Указатель“ къ Геродоту), знакомство съ южной Италіей, но не съ Сициліей I 57. 94. 145. 163. 166—167. III 125. V 9 и др.

²⁾ П 3. 44. 75.

³⁾ „Русск. Вѣсти.“ 1858, ноябрь, стр. 141.

Р. X.,—годъ основанія самой колоніи и предполагаемаго въ то же время переселенія туда Геродота. По мнѣнію Лукіана историкъ съ готовымъ трудомъ явился на олимпійское празднество изъ роднаго города, чѣмъ составленіе исторіи отодвигается назадъ лѣтъ на десять: въ 454 г. Галикарнасъ былъ уже свободенъ отъ тираніи. Свидѣтель Свида, по словамъ котораго Геродотъ написалъ свое сочиненіе на Самѣ, потомъ возвратился въ Галикарнасъ и вскорѣ вынужденъ былъ снова покинуть родину, не расходяся въ сущности съ Лукіаномъ. Но всѣмъ подобнымъ заключеніямъ противорѣчитъ прежде всего самое сочиненіе Геродота, въ которомъ есть ясныя намекы на событія послѣ 430 г.; потому они предполагаютъ исполненіе всѣхъ путешествій изъ Галикарнаса или Сама и завершеніе ихъ до прибытія въ Аѳины. Неизмѣримо большею старательностью, глубокомысліемъ и знаніемъ геродотова сочиненія отличаются новыя попытки рѣшить данный вопросъ.

Издавна въ филологической литературѣ существуютъ двѣ гипотезы. По одной изъ нихъ, Геродотъ еще до завершенія своихъ путешествій приступилъ къ труду съ опредѣленнымъ общимъ планомъ, по которому и расположилъ собранный раньше и собиравшійся потомъ матеріалъ. За смертью автора работа осталась неоконченной, въ нѣкоторыхъ частяхъ неотдѣланной, признакомъ чего служатъ повторенія и противорѣчія въ срединѣ сочиненія, отсутствіе подобающаго заключенія въ концѣ и позднѣйшія добавки. Мѣстомъ окончательной обработки матеріала были Θурин или Аѳины ¹⁾.

¹⁾ Dahlmann, *o. c.* 109 сл. Baehr, *Herodoti Musae*. Berol. 1856—61. v. IV, 415 сл. Его же статья въ *Real-Encyclopädie*, Pauly VI B.

По другой гипотезѣ, историкъ нашъ первоначально вовсе не думалъ о составленіи исторіи въ томъ видѣ и по тому плану, какъ мы имѣемъ его теперь. Напротивъ, различныя части труда написаны имъ въ разное время, независимо одна отъ другой, и нѣкоторое время представляли самостоятельныя повѣствованія, λόγοι, которые лишь въ послѣднюю пору жизни авторъ задумалъ связать въ одно цѣлое и расположить ихъ въ порядкѣ соотвѣтственно принятому теперь плану, а не хронологической послѣдовательности первоначальнаго составленія ихъ; повторенія и противорѣчія въ дошедшей до насъ редакціи служатъ основаніемъ этой гипотезы и вмѣстѣ указаніемъ на то, что послѣдняя редакція сочиненія не доведена была до конца. Читенія авторомъ отдѣльныхъ частей до завершенія цѣлаго допускаются представителями обѣихъ теорій ¹⁾.

Обѣ гипотезы въ недавнее время нашли себѣ видныхъ представителей въ лицѣ академика берлинскаго Кирхгофа и вѣнскаго ученаго Бауэра, которые вызвали на свѣтъ довольно значительную литературу.

Отправляясь отъ общихъ положеній Дальмана, Кирхгофъ попытался опредѣлить съ возможною въ подобныхъ случаяхъ точностью время и мѣсто написанія различныхъ частей исторіи. Исходнымъ пунктомъ его

Herod. K. O. Müller, *Gesch. d. gr. Literat.* I 484³. Kirchhoff, *Entstehungsz.* 3. H. Weil, *Revue Critique* 1878, I, стр. 26. Stein, *Herodot. Einleit.* XIX. XXIX. XLV². Sittl, *Gesch. d. gr. Literat.* II Münch. 1886, стр. 385 сл.

¹⁾ Мнѣніе это, высказанное впервые Geize *Quaestiones Herodoteae*. I развито было съ нѣкоторою обстоятельностью Ад. Шеллемъ *Herodots Vorlesungen*. Philolog. X. 1855, стр. 426 сл. Его же *Philolog.* IX. 1854 стр. 197 сл. X, 30 сл.

служить наблюдению, что обещание автора рассказать подробнее некоторые события ассирийской истории (I 106. 184) осталось невыполненным, хотя удобный для этого случай представлялся при описании восстания вавлонян III 150. Потомъ, упомянувши кратко о восстании мидянъ противъ Дарія (I 130), историкъ не возвращается болѣе къ этому факту въ той части истории, которая занята первыми годами царствованія Дарія (III 88 сл.). Признавая послѣдовательность и опредѣленный планъ въ работѣ, критикъ не находитъ иного объясненія этимъ пробѣловъ, какъ забывчивость автора, которая въ свою очередь вызвана была долговременнымъ перерывомъ въ дѣятельности автора, а перерывъ долженъ былъ наступить между 88 и 150 гл. III книги. Здѣсь помогаютъ Кирхгофу преданія о геродотовыхъ чтеніяхъ въ Афинахъ между 445/4 г., о выселеніи въ Фуріи, а равно нѣсколько стиховъ софокловой Антигоны, поставленной на сцену въ 440 г. Дѣло въ томъ, что героиня Софокла высказываетъ ту же своеобразную мысль, что и жена Иттафернеса у Геродота (III 114), именно, что терять брата тяжелѣе, чѣмъ мужа и дѣтей ¹⁾, сходство это могло быть только послѣдствіемъ заимствованія трагикомъ у историка. Далѣе, III 125 содержитъ подробный рассказъ о судьбѣ кротонскаго врача Демокедеса, составленный на основаніи свѣдѣній самихъ кротонцевъ, слѣдовательно въ южной Италіи; рассказъ этотъ входитъ эпизодически въ повѣсть объ Оронтьѣ и Поликратѣ, которая начинается съ гл. 120 той же, III книги. Такимъ образомъ

¹⁾ *Antig.* 905 сл. *Dind.*

119 гл. III книги является заключеніемъ первой части истории, написанной въ Афинахъ до переселенія автора на новое мѣстожительство. Въ Фуріяхъ написаны Геродотомъ конецъ III книги, вся четвертая и первая половина V. Вслѣдствіе продолжительнаго перерыва въ работѣ авторъ забылъ о своемъ обещаніи, равно какъ и о томъ, что не рассказалъ еще съ надлежащими подробностями восстанія мидянъ. Въ V кн. гл. 77 рѣчь идетъ о пропленяхъ на афинскомъ акрополѣ, оконченныхъ въ 432 г. при Периклѣ; слѣдовательно, заключаетъ Кирхгофъ, историкъ былъ вторично въ Афинахъ послѣ этого термина. Геродотъ не знаетъ о землетрясеніи на Делѣ, которое приурочивается Фукидидомъ (II 8) къ веснѣ 431 г.; по ему извѣстно изгнаніе египтянъ съ острова, случившееся въ лѣто 430 г. ¹⁾, къ каковому времени и относятъ критикъ вторичное прибытіе Геродота въ Афины. Самое позднее событіе, на которое намекаетъ Геродотъ въ своей исторіи, есть, по мнѣнію Кирхгофа, вторженіе пелопоннесцевъ въ Аттику въ 428 г. (IX 73); вскорѣ послѣ этого историкъ умеръ, не доведши труда своего до конца.

Такимъ образомъ въ краткихъ чертахъ теоретическое построеніе Кирхгофа, мастерски, съ неуклонною послѣдовательностью возведенное на основѣ геродотова текста съ привлеченіемъ къ дѣлу нѣкоторыхъ преданій.

¹⁾ Герод. VI 91. Фукид. II 27. Отъ одного изъ доводовъ въ пользу своей гипотезы К. отказался во второмъ изданіи мемуаровъ, хотя не пріемилъ перепечатать его въ текстѣ цѣликомъ; доводъ этотъ—сходство выраженій о веснѣ въ рѣчахъ Перикла и Гелона. *Kirchhoff, o. c.* 19.

Только громадный научный авторитет Кирхгофа и замѣчательная методическая послѣдовательность въ аргументаціи могли скрывать нѣкоторое время ея слабыя стороны ¹⁾.

Прежде всего критикъ измѣняетъ своему основному правилу—держаться исключительно текста писателя. На самомъ дѣлѣ онъ ищетъ опоры въ преданіяхъ о чтеніи Геродотомъ своей исторіи и государственной награды историка, вѣрять, будто элегія Софокла обращена была къ нашему историку; далѣе сомнительныя стихи «Антигоны» признаетъ подлинными или во всякомъ случаѣ весьма ранняго пропехожденія, тогда какъ почти несомнѣнная подложность ихъ лишаетъ этотъ аргументъ всякаго значенія ²⁾. Отъ одного изъ подобныхъ доводовъ критикъ впоследствии отказался самъ. По его увѣренію «ассирійскія повѣствованія» (*Ἀσσυρίαι λόγοι*) должны были эпизодически входить въ дальнѣйшее изложеніе, тогда какъ гораздо вѣроятнѣе, что Геродотъ собирался написать отдѣльное сочиненіе объ Ассиріи. Замѣчаніе Геродота о положеніи квадриги на пропилеяхъ (V 77) было бы невозможно, еслибы авторъ имѣлъ въ виду про-

¹⁾ Взглядъ Кирхгофа усвоенъ Е. Курциумомъ *Gr. Gesch.* II 242, Нибердингомъ *о. с.* 5, К. В. Иацшемъ *Rhein. Mus.* XXVII 13. 232, Видавоницеиъ-Меллендорфомъ *Hermes.* XII, стр. 365. Вейль выступилъ было рѣшительнымъ защитникомъ Кирхгофа противъ Бауэра (*Revue Crit.* 1878. I, 26), но впоследствии перемѣнилъ мнѣніе. *Ibid.* 1880. I, 10.

²⁾ См. кратк. прилѣч. къ ст. 904 сл. „Антигоны“ у Турнье *les tragédies de Sophocle.* Paris, 1877, стр. 539 ². Всѣхъ возраженій противъ этой части аргументаціи Кирхгофа у Керна *die Abschiedsrede d. Sophokleisch. Antigone* (891—928). *Zeitschrift. f. d. Gymnasialw.* XXXVI, 1—26.

пилеи Мнесикла, оконченныя при Периклѣ въ 432 г.: въ перикловыхъ пропилеяхъ геродотово положеніе квадриги не мыслимо, или же историкъ говорить объ этомъ только по слухамъ. Вообще во второй части геродотова сочиненія нѣтъ ни одного мѣста, которое вынуждало бы насъ приурочивать составленіе его къ Аѳинамъ. Съ другой стороны мы уже знаемъ, что знакомство автора съ южной Италіей обличается не съ III 125, а съ самаго начала первой книги ¹⁾. Мало того: II 177 историкъ говоритъ объ аѳинянахъ «тѣ» (*ἐκεῖνοι*), слѣдовательно пишетъ о нихъ не въ Аѳинахъ, а сравненіе пути отъ моря до Геллополя съ дорогою, идущею отъ аѳинскаго жертвенника до храма олимпійскаго Зевса (II 7) нисколько не обязывало писателя производить эти вычисленія въ Аѳинахъ. Потомъ, какимъ образомъ допустить, что писатель, работающій по определенному плану, чтѣ составляетъ одно изъ основныхъ положеній Кирхгофа, принимается послѣ перерыва за продолженіе работы, не справившись предварительно съ тѣмъ, что у него написано, и допускаетъ пробѣлы по забывчивости? Что историкъ не забылъ о Даріи, лучше всего показываетъ начало IV книги. Далѣе, первыя 2½ книги геродотовой исторіи менѣе всего способны были привести аѳиняны въ восторгъ и подвинуть ихъ на необычайно щедрое награжденіе автора. Наконецъ, гипотеза Кирхгофа вынуждаетъ насъ вѣрять, что текстъ Геродота съ самаго начала вышелъ изъ рукъ автора въ томъ видѣ, въ какомъ мы имѣемъ его теперь, что отдѣльныя выраженія, относящіяся къ какимъ-либо современ-

¹⁾ Наприм. I 57. 145. 167. II 123.

нымъ событіямъ, не могли быть занесены потомъ, въ другомъ мѣстѣ, со словъ болѣе или менѣе освѣдомленнаго свидѣтеля.

Въ виду всего сказаннаго понятно, почему число сторонниковъ Кирхгофа въ настоящее время весьма незначительно, а возраженія противъ его построений высказываются съ разныхъ сторонъ и съ различныхъ точекъ зрѣнія ¹⁾.

Десять лѣтъ спустя послѣ перваго появленія гипотезы Кирхгофа Ад. Бауэръ выступилъ на защиту и детальнѣйшее обоснованіе положеній, выставленныхъ раньше Гейзе и Шёллемъ ²⁾.

Присутствіе въ сочиненіи Геродота нѣкоторыхъ противорѣчій, повтореній, болѣе подробное повѣствованіе о предметахъ и лицахъ не въ переднихъ частяхъ исторіи, гдѣ они лишь кратко упоминаются, но въ послѣдующихъ, прибавка отчества не при первомъ упоминаніи лица составляютъ основу аргументаціи Бауэра. Самые термины *λόγος*, *λόγοι* имѣютъ у критика значеніе самостоятельныхъ первоначально повѣствованій, изъ которыхъ въ нынѣшней редакціи выдѣляются ясныя и

¹⁾ M. Büdinger, o. c. 563 сл. Bachof, *die Ἀσσιῶσι λόγοι des Herodotos*. N. Jahrb XV—XVI. 1877, стр. 577 сл. Ero же: *zu Herodotos*, V 77, *ibid.* CXXIII. 1882, стр. 177 сл. Hachez, *de H. itineribus et scriptis*, 1878, стр. 44 сл. Röse, *hat Herodot sein Werk selbst herausgegeben?* стр. 10—23. C. Wachsmuth, *der Standort des ehernen Viergespannes auf d. Akropolis von Athen*. Jahrb. CXIX, 1879 стр. 18 сл. Rühl, *Herodotisches*, Philolog. XLI 1882 стр. 54 сл. Stein, *Jahresb. v. Bursian*, XIII B. 1880, стр 179 сл.

²⁾ Ad. Bauer, *die Entstehung des herodotischen Geschichtswerkes*. Wien. 1878.

легче прочихъ эгипетскія, ливійскія, скиоскія и ливійскія исторіи; дополняемъ въ этимъ исторіямъ служить разсказъ о первыхъ временахъ персидскаго царства при Кирѣ, Камбисѣ и Даріи, а въ эту послѣдній вставлены извѣстія о Самѣ и его исторіи. Хронологическія опредѣленія Кирхгофа Бауэръ принимаетъ, считая ихъ однако показателями времени не первоначальнаго составленія частей, но заключительной редакціи цѣлаго труда; первая часть его приведена въ теперешній видъ въ Θυρίяхъ, вторая съ половины V книги въ Аоннахъ. Самійскія исторіи написаны на Самѣ, откуда авторъ отправился въ Елладу. Быть можетъ, тогда же, до прибытія въ Аонны составлено мидо-персидское повѣствованіе и обработанъ разсказъ о походѣ Кееркса, читанный въ Аоннахъ въ 445/4 г.; дополненіемъ къ нему, написаннымъ вѣроятно около того же времени, была повѣсть о походѣ Датиса и Артафернеса. Изъ Аоній совершены тѣ путешествія, плодомъ которыхъ были исторіи Лидій, іонійскаго возстанія, Аоній и Спарты. Въ Аоннахъ же написана повѣсть о скиоахъ, чему предшествовало посѣщеніе авторомъ Θракии и Скиѳій.

Между 445 и 432 г., ближе къ первой датѣ, историкъ посѣтилъ Эгипетъ, затѣмъ написалъ въ Аоннахъ свои эгипетскія исторіи и дополнилъ ливійскія. Эта часть сочиненія оказывается въ наиболѣе первоначальномъ видѣ; выдѣлить остальныя не такъ легко потому, что при заключительной редакціи авторъ тщательнѣе устранилъ все, что мѣшало внутренней связи ихъ съ цѣлымъ, или же потому, что съ самаго начала онѣ обработаны были настолько, что мало пуждались въ

дальнейшей отдѣлкѣ. Заключительная редакція не вездѣ исполнена равномерно. Авторъ былъ связанъ матеріаломъ въ такой степени, что пинѣйшему читателю есть возможность распознать первоначальный видъ составныхъ частей. Повѣствованіе объ Эгиптѣ больше другихъ проникнуто рационализмомъ и было вѣроятно причиною удаленія Геродота изъ Аѳинъ. Только въ Оурияхъ авторъ составилъ общій планъ труда и здѣсь же началъ приводить его въ исполненіе, но кончилъ работу въ Аѳинахъ, куда отправился послѣ 432 г. «При такомъ пониманіи», заключаетъ авторъ, «получаетъ свое полное оправданіе и объясненіе хронологическій порядокъ разсматриваемыхъ Кирхгофомъ мѣстъ и исторій» (стр. 173).

Основное положеніе и нѣкоторыя частности, напр. мысль о написаніи Ксерксова похода раньше другихъ частей, о чтеніяхъ въ разныхъ городахъ и т. п. усвоены Бауэромъ отъ Шелли¹⁾. Кирхгофъ также во многомъ подготовилъ трудъ Бауэра, а потому сказанное выше о гипотезѣ перваго должно быть обращено и противъ послѣдняго. То, что есть оригинальнаго въ аргументаціи Бауэра, сводится къ детальнѣйшему разсмотрѣнію текста, сближенію отдѣльныхъ выраженій, распределенію ихъ по мѣсту и времени написанія. За отсутствіемъ объективныхъ опорныхъ пунктовъ субъективнымъ догадкамъ, требующимся для подтвержденія предвзятой теоріи, нѣтъ предѣловъ; самое понятіе заключительной редакціи весьма растяжимо: подъ нею

¹⁾ Изъ сторонниковъ гипотезы Бауэра намъ извѣстны только Рёле *hat Herodot etc.* 1879. Мюнхъ, *G. d. gr. Lit.* I. 1879, стр. 609. Сосъ, *the ancient empires of the east.* Lond. 1880, стр. XVII.

разумѣется то механическое сопоставленіе готовыхъ частей, то переработка до неузнаваемости первоначальнаго ихъ вида, начала и конца; все, что указываетъ на связь и послѣдовательность изложенія, относится критикомъ къ позднѣйшей редакціи; все, что не мирится съ гипотезой, обходится молчаніемъ или насильственно подгоняется къ заранѣе готовому рѣшенію. Напримѣръ, въ началѣ третьей книги, написанной будто бы раньше второй, содержится не мало извѣстій объ Эгиптѣ и ссылки на вторую книгу, какъ извѣстную уже читателю. Критикъ объясняетъ это тѣмъ, что, вводя эгипетское повѣствованіе въ неизмѣненномъ видѣ въ общую редакцію, авторъ въ то же самое время передѣлалъ соответствующимъ образомъ раньше написанное, хотя по содержанію слѣдующее за эгипетскими исторіями, и при этомъ сумѣлъ сгладить слѣды разновременнаго, первоначальнаго составленія частей въ обратномъ порядкѣ. Отмѣчаемая Бауэромъ противорѣчія большою частью только кажущіяся: I 3—4 авторъ сообщаетъ преданіе о похищеніи Елены троянцами, II 118 сл. преданіе это подвергается критикѣ. Гдѣ же здѣсь противорѣчіе? (стр. 38—39); противорѣчіе между I 70 и III 47 самъ критикъ не считаетъ рѣшающимъ (36 сл.); никакого разногласія не существуетъ между I 105—II 157 вопреки извѣрженію критика (37 сл.); на стр. 46 перечисляются болѣе или менѣе важныя противорѣчія, изъ которыхъ выводится смѣлое заключеніе, что VII 200 написано раньше II 180. V 62. Случая VII 194 и I 137, Бауэръ совершенно произвольно заключаетъ, будто въ первомъ случаѣ Дарій дѣйствуетъ только по личному капризу (стр. 132) и

т. д. и т. д. Не точно увѣреніе критика, будто Геродотъ прибавляя отчество къ имени лица всегда при первомъ упоминаніи послѣднего (129 сл.), между тѣмъ какъ тотъ же способъ наименованія встрѣчается и на протяженіи трехъ послѣднихъ книгъ, написанныхъ, по мнѣнію самого автора, за-разъ. Слова *λόγος λόγος* въ сравнительно лишь немногихъ мѣстахъ могутъ имѣть то значеніе, какое нужно для Бауэра, самостоятельнаго повѣствованія; обыкновенно они употребляются въ смыслѣ народнаго или иного преданія, согласно съ чѣмъ и *λόγος* значитъ «свѣдущій въ преданіяхъ старины»¹⁾.

Сомнительность отдѣльныхъ доводовъ Бауэра изблечена была многократно въ нѣмецкой и французской литературѣ²⁾; на нашу долю остаются сверхъ сказаннаго выше нѣкоторыя соображенія, выясняющія неизбежность до поры до времени неудачи подобныхъ попытокъ.

Для оцѣнки особенностей въ построеніи геродотовой исторіи въ связи съ предполагаемымъ процессомъ литературной работы историка необходимо принимать во вниманіе многія обстоятельства, до сихъ поръ выясненныя весьма недостаточно: прежде всего общее состояніе историографіи во время Геродота и зависимость ея отъ эпической поэзіи. «Исторіи» Геродота представ-

¹⁾ Срви. Schweighäuser, *Lexicon Herodoteum*. 1824 подъ сл. *λόγος*. K. W. Nitzsch, *Rhein. Mus.* XXVII B., стр. 227.

²⁾ H. Weil, *Revue Crit.* 1878. I, 26. Cwiklinski, *Zeitschr. f. d. oesterr. Gymnas.* 1878, 4 II. Stein, *Bursian's Jahresh.* IX B. 1879. стр. 327 сл. Haehez, *o. e.* 6 и др. Bachof, *quaestiones Herodoteae*. Eisen.-Progr. 1880. O. Anhalt, *quaestio Herodotea*. Köthens-Progr. 1882.

ляютъ первый по времени опытъ всеобщей исторіи, которому въ прозѣ предшествовали историко-топографическія разрозненныя описанія отдѣльныхъ странъ, городовъ, племенъ, знаменитыхъ родовъ и т. п. Въ трудѣ «отца исторіи» мы встрѣчаемся впервые съ грандіозной попыткой воспользоваться для прозаическаго изложенія замѣчательныхъ событій и достопримѣчательностей искусствомъ изложенія, задолго до того достигнутымъ эпическими поэтами; отсюда стремленіе къ пластичности и драматизму въ изображеніи занимательныхъ положеній, выражающееся въ обилии прямыхъ рѣчей или точиѣ діалоговъ, нерѣдко интимнѣйшихъ по содержанию и произносимыхъ въ такой обстановкѣ, которая дѣлала ихъ доступными развѣ для поэтического воображенія; большинство подобныхъ діалоговъ глубоко проникнуто личнымъ настроеніемъ самого историка, которое онъ переноситъ на изображаемыя имъ личности и событія. Въ этомъ отношеніи геродотовскіе діалоги гораздо больше, нежели рѣчи у Фукидида, походятъ на хоры античныхъ трагиковъ того времени. Отсюда же множество повтореній и заключительныхъ, обобщающихъ выраженій, весьма употребительныхъ въ эпической поэзіи и совершенно чуждыхъ строгой исторіи: «такъ прибыла въ Египетъ Іо», «такъ разсказываютъ персы», «таковы разсказы персовъ и финціанъ» и пр. и пр.,—выраженія эти и подобныя встрѣчаются иногда на протяженіи нѣсколькихъ строкъ, и нельзя отрицать, что они содѣйствовали живости и легкости усвоенія въ массѣ читателей. Три раза Геродотъ упоминаетъ, что каппадокіянне называются у еллиновъ сирійцами (I 72. V 49. VII 72), три раза опредѣляется

длина парасага въ еллинискихъ мѣрахъ (II 6. V 53. VI 42), три раза упоминаетъ авторъ о пожарѣ, истребившемъ дельфійскій храмъ (I 50. II 180. V 62); въ нѣсколькихъ мѣстахъ мы находимъ повторительныя замѣчанія о предметахъ безъ всякихъ признаковъ того, что авторъ имѣеть въ виду сказанное о нихъ раньше ¹⁾. Подобные случаи, хотя рядомъ съ ними стоять другіе, гдѣ читатель отсылается самимъ авторомъ назадъ или читателю общаются подробности въ дальнѣйшемъ изложеніи, не могутъ служить указаніемъ на первоначально самостоятельное, въ всякаго плана лежащее составленіе отдѣльныхъ частей исторіи ²⁾; слѣдуя до конца этой гипотезѣ, пришлось бы раздробить геродотово повѣствованіе и въ такихъ частяхъ, цѣльность и единство составленія которыхъ ни въ комъ не возбуждаютъ сомнѣнія. Ссылки древняго автора на предыдущее и послѣдующее могутъ разсматриваться не болѣе, какъ уступки читателю, нуждающемуся въ нѣкоторыхъ виѣшнихъ средствахъ для образованія полнаго живаго представленія о событіи или участи интереснаго лица.

Такимъ образомъ непоследовательность древняго ав-

¹⁾ II 41. 60. 96. I 96. VIII 27. 32. III 47 и I 170. III 89 и I 192. IV 172 и I 216. VIII 136 и V 22. IX 73. VI 92. VII 74 и I 173. VII 205 и V 39. Бахофъ *quaestiones. Herodot.* 7 сл. собрала мѣста, гдѣ авторъ возвращается съ большими подробностями къ тому, что прежде сообщено кратко, наприм. I 46. 92 и 157. III 14 и 31 и ми. др.

²⁾ I 75 отсылаетъ къ I 107. Срви. II 38 и III 27. II 101 и II 149. II 161 и IV 159. IV 145 и IV 165. V 22 и VIII 137. VI 99 и 7 VI 77. VI 39 и VI 103. Ссылки на предыдущее: I 18 и 17. I 85 и I 34. III 61. 106. IV 16. 44. V 89 и ми. др.

тора въ приемахъ изложенія, неизбежная на раннихъ ступеняхъ прозаической исторіографіи, служить источникомъ недоумѣнія для новыхъ критиковъ, прилагающихъ къ первымъ опытамъ прозы несоотвѣтствующія литературныя понятія и притязанія.

Далѣе, присутствіе противорѣчій въ трудѣ Геродота не оспоримо, хотя и не въ той мѣрѣ, какъ кажется это сторонникамъ теоріи механическаго сцѣпленія частей. Говорятъ, авторъ не успѣлъ довести до конца редакціонную работу надъ матеріаломъ; но тогда непонятно, какимъ образомъ авторъ, задавшійся согласно этой гипотезѣ задачей создать органическое цѣлое, не позаботился прежде всего объ удаленіи столь явныхъ на новый взглядъ признаковъ самостоятельности составныхъ повѣствованій. Такъ, VI 112 по поводу марафонской битвы историкъ замѣчаетъ, что «аѳиняне первые изъ еллиновъ нападали на врага бѣглымъ маршемъ; они же первые могли выдержать видъ мидійской одежды и одѣтыхъ по-мидійски людей; до того времени самое имя мидянъ наводило ужасъ на еллиновъ». Въ противорѣчій съ этимъ замѣчаніемъ объ аѳинянахъ находятся собственныя извѣстія автора о другихъ еллинахъ (I 165. 169. V 120. VI 29). I 72 рѣка Галисъ отдѣляетъ Пафлагонію отъ земли капподокійнъ, или сирійнъ, а II 104 тѣ же сиріане живутъ по сю сторону Галиса на Фермопонтѣ и Пароеніи и т. д. и т. д. ¹⁾. Примеры какъ непоследовательности, такъ и противорѣчій объясняются забывчивостью автора, такъ какъ между занесеніемъ въ матеріалы противорѣ-

¹⁾ Срви. другія противорѣчія Bauer, *die Entstehung* 36 сл.

чивыхъ извѣстій проходило нѣкоторое время, а при редакціи всего труда онъ не успѣлъ-де сгладить вкрапшіяся противорѣчія. Но при этомъ не обращается никакого вниманія на то, что непоследовательность и противорѣчія охватываютъ у Геродота не извѣстія только о томъ или иномъ фактѣ, но и самыя возрѣнія автора, о которыхъ мы говоримъ ниже; это послѣднее обстоятельство тѣмъ поучительнѣе, что оно устанавливается лишь въ наше время, и что критика раньше обходила его молчаніемъ или всячески старалась согласовать между собою противорѣчивыя положенія. Несомнѣнно, что последовательность въ изложеніи, строгая гармонія частей идетъ рука объ руку лишь съ высокою сравнительно степенью критики, далеко не всегда отличающей и произведенія попой литературы ¹⁾. Свѣдѣнія свои Геродотъ черпалъ изъ разнообразнѣйшихъ источниковъ; въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ отмѣчаетъ это разнообразіе, называетъ и самыя источники, въ другихъ излагаетъ полученные свѣдѣнія прямо отъ своего лица, что несомнѣнно съ новѣйшей точки зрѣнія есть также большая непоследовательность. Гораздо поучительнѣе, не подгоняя литературныхъ особенностей давно минувшаго времени къ нашимъ понятіямъ, установить ихъ какъ историческую черту изложенія, находящую себѣ объясненіе и оправданіе въ общемъ умственномъ состояніи извѣстнаго періода. Что составленію Геродотомъ своихъ «исторій» предшествовало собраніе матеріала и обработка

¹⁾ См. интересные примѣры противорѣчія у новыхъ писателей въ статьѣ проф. Соколова: *Гомеровскій вопросъ*, Ж. М. Н. Пр. 1868, дек., стр. 863 сл.

его по частямъ, что предварительно однѣ части обработаны были меньше, другія больше, въ этомъ нельзя сомнѣваться; съ другой стороны все разсматриваемыя Геродотомъ событія, гдѣ бы и когда ни случались, объединены представленіемъ о суености и пзмѣнчивости всего человѣческаго, а равно о неизбѣжности кары за преступленіе и самоубійствіе, слѣдовательно тѣмъ представленіемъ, которое по убѣжденію автора съ наибольшою очевидностью оправдывалось на судьбѣ персовъ и на исходѣ непокойной вражды ихъ къ еллинамъ, и которое за нѣсколько десятковъ лѣтъ нашло себѣ выраженіе въ трагедіи Эсхила «Персы»; не ограничиваясь заключительными моментами борьбы «отецъ исторій» подобно соплеменникамъ своимъ, іонійскимъ философамъ, рѣшился проникнуть до самаго источника событій, которыя живо еще сохранялись въ памяти всехъ еллиновъ, и эхо которыхъ оглашало горы и долины, города и деревни не одного еллинскаго міра. По пути къ главному предмету сочиненія любознательный и многознающій Геродотъ закрѣплялъ письмомъ все чудесное, забавное и поучительное, занятый не столько соблюденіемъ строгой последовательности и согласія въ разныхъ частяхъ труда, сколько живостью, всесторонностью описанія всего, что останавливало на себѣ его вниманіе, въ разсказахъ очевидцевъ, въ преданіяхъ потомковъ. Всюду открываетъ «отецъ исторій» одинъ и тотъ же по своему понимаемый порядокъ явленій человѣческой жизни и тѣмъ даетъ первый образецъ міровой исторіи, въ которой варваръ и еллинъ, простой смертный и царственный владыка подвержены одина-

ковымъ превратностямъ и въ одинаковой мѣрѣ способны оправдать руководящія воззрѣнія автора ¹⁾.

И въ весьма богатой, нѣмецкой литературѣ не легко найти другой такой трудъ, какъ Гахена «О путешествіяхъ и сочиненіи Геродота» ²⁾, краснорѣчивѣйше свидѣтельствующій о томъ, какія чрезвычайныя и вмѣстѣ съ тѣмъ сомнительныя средства необходимы для того, чтобы съ субъективною лишь вѣроятностію возстановить хронологическій и топографическій порядокъ составленія геродотовой исторіи. Превращая показанія Свиды и другихъ прежнихъ писателей въ свидѣтельства, приурочивая отдѣльныя выраженія исторіи, имѣющія видъ записей на мѣстѣ, къ различнымъ частямъ Еллады, Азии и Египта, авторъ пытается возстановить со всею возможною точностію процессъ литературной работы «отца исторіи» съ приуроченіемъ каждой части къ определенному времени и мѣсту. Все то въ этихъ частяхъ, что не согласуется съ устанавливаемыми датами, исключается какъ позднѣйшая добавка, хотя въ то же время читатель не можетъ не видѣть, что самыя даты опираются въ огромномъ большинствѣ случаевъ на весьма шаткихъ субъективныхъ основаніяхъ. Трудъ Геродота есть результатъ продолжительныхъ литературныхъ записей, разспросовъ очевидцевъ и хранителей преданій, наконецъ личныхъ наблюденій во время путешествій.

¹⁾ Всесторонней оцѣнки Геродота въ связи съ тогдашнимъ состояніемъ историографіи и съ уровнемъ образованности того времени пока нѣтъ. Неудачная попытка въ этомъ направленіи сдѣлана А. Майромъ въ его *Herodot. Eine literarische Studie*. Ambr. Mayr, Komotau. 1877.

²⁾ *De Herodoti itineribus et scriptis*. Gottingae. 1878.

Самыя предѣлы этихъ послѣднихъ до сихъ поръ болѣе или менѣе гадательны потому, во-первыхъ, что въ немногихъ сравнительно случаяхъ мы находимъ ясныя выраженія автора о пребываніи въ томъ или другомъ мѣстѣ; даже и тогда не легко провести границу между тѣмъ, что сообщается историкомъ со словъ другихъ, и тѣмъ, что онъ видѣлъ и понималъ самъ. Во-вторыхъ, и это самое главное, «отецъ исторіи» подобно своимъ предшественникамъ и преемникамъ обыкновенно не считаетъ нужнымъ отмѣчать источники заимствованія. Правда, онъ нерѣдко употребляетъ выраженія, «говорить», «утверждаютъ» и т. п., давая тѣмъ понять, что передаетъ лишь слышанное или вычитанное, не ручаясь за его достовѣрность. «Я считаю своимъ долгомъ», говоритъ онъ, «передать то, что слышалъ, но вовсе не обязанъ вѣрить всему» ¹⁾. «Дѣйствительно-ли это такъ, я не знаю, и пишу, что слышалъ» ²⁾. «Пускай разсказы египтянъ принимаетъ тотъ, по мнѣнію кого они заслуживаютъ вѣры, а я во всемъ этомъ повѣствованіи намѣренъ изложить, что слышалъ отъ кого-либо» ³⁾. Но разъ древній историкъ убѣжденъ былъ въ вѣрности сообщаемого, какого бы источника оно ни было, онъ заносилъ извѣстія или собственные соображенія въ свое повѣствованіе въ положительной формѣ безъ добавки какихъ-либо ограниченій. Предшествующая Геродоту прозаическая литература извѣстна намъ лишь въ незначительныхъ немногихъ отрывкахъ; насколько она вошла въ повѣствованіе нашего историка, опредѣлять нѣтъ

¹⁾ VII, 152.

²⁾ IV, 195.

³⁾ II, 123.

возможности. Между тѣмъ признаки зависимости его отъ предшественниковъ есть несомнѣнные. Изъ прозаиковъ онъ называется по имени одного Гекатея, раньше его путешествовавшего по Египту и выпустившаго въ свѣтъ описаніе страны чудесъ ¹⁾. О заимствованіи изъ Гекатея неоспоримо свидѣтельствуетъ тождественное, равно ошибочное геродотово описаніе гиппопотама и крокодила, а также извѣстія его о Феникѣ ²⁾; о заимствованіяхъ этихъ знала уже и древность. По словамъ Гермогена, Порфирія, Свида Геродотъ многимъ обязанъ Гекатею, хотя самъ авторъ о заимствованіи не говоритъ ничего ³⁾. Кадмъ, Харонъ, Агуслай, Діонисій изъ Милета и мн. др. раньше Геродота составили тѣ сборники народныхъ преданій, извѣстій о разныхъ странахъ и народахъ, изъ которыхъ черпали потомъ Фукидидъ, Платонъ, Аристотель, Страбонъ и др., черпали между прочимъ и множество такихъ свѣдѣній и вариантовъ, которые отсутствуютъ въ исторіяхъ Геродота; у этого послѣдняго мы находимъ ясныя намеки на знакомство съ литературой, хотя обыкновенно намеки эти, какъ и у Фукидида, полемическаго свойства ⁴⁾; онъ знаетъ и раньше его составленныя географическія карты (IV 36).

Послѣ этого читатель самъ видитъ, насколько могутъ быть надежны заключенія новыхъ критиковъ о времени

¹⁾ II 143. V 36. 125. VI 137.

²⁾ II 70 сл. Срвн. наше указатель къ Геродоту подъ сл. *Gekatei*. Wiedemann, *Geschichte Aegyptens von Psammelik* I. Leipz. 1880, стр. 82 сл.

³⁾ Hermogen. *de ideis* II 12. p 399. Porphyg. *Enseb. praep. ev.* X 3. Suidas *Ἑκαταίης*.

⁴⁾ II. 20. 123. 134. III 111. VI 55.

и мѣстѣ составленія той или другой части геродотова повѣствованія, построенныя на отдѣльныхъ извѣстіяхъ историка, если мы не знаемъ въ точности, какія извѣстія сообщаются имъ по непосредственному наблюденію, какія со словъ туземцевъ и какія добыты изъ письменныхъ источниковъ, если остается неизвѣстнымъ, однажды-ли посѣщены имъ нѣкоторыя мѣстности, или больше. Сочиненія Геродота и другихъ древнихъ историковъ потребуютъ еще много анализа съ различныхъ сторонъ прежде, чѣмъ будетъ возможно объективное рѣшеніе такого труднѣйшаго и сложнаго вопроса, какъ вопросъ о самомъ процессѣ литературной работы и послѣдовательныхъ его моментахъ. При настоящемъ состояніи знаній мы совершенно согласны съ Бахофомъ, что нѣтъ возможности ни установить первоначальный видъ вошедшихъ въ трудъ Геродота отдѣльныхъ разсказовъ, ни опредѣлить тотъ хронологическій порядокъ, въ какомъ нынѣшнія книги исторіи написаны въ началѣ.

Степень законченности геродотовой исторіи также не поддается пока категорическому опредѣленію прежде всего потому, что мы не можемъ рѣшить, какая форма подобныхъ литературныхъ произведеній была для того времени законодательною вообще, и какой формой изложенія могъ вполне удовлетворяться нашъ авторъ. Равнымъ образомъ онъ оставляетъ насъ безъ отвѣта по вопросу о томъ событіи персидскихъ войнъ, которое по его плану достойнымъ образомъ завершало повѣсть объ эллино-варварской борьбѣ. Что касается перваго вопроса, то достаточно надежнымъ показателемъ незавершенности произведенія можетъ служить паллиность

въ немъ неисполненныхъ обѣщаній, въ особенности относительно Еоіалта (VII 213); два другія, касающіяся ассирійской исторіи (I 106. 184), могли быть рассчитаны на составленіе особаго сочиненія объ Ассириі (οὐ Ἀσσύριοι λόγοι). Быть можетъ также, что внимательная окончательная отдѣлка цѣлага устранила бы наиболѣе явныя противорѣчія и неровности въ изложеніи: эти послѣднія на нашъ взглядъ скорѣе показываютъ недостатокъ обработки, а не слѣды позднѣйшаго восполненія текста авторомъ, какъ думаетъ о томъ Штейнъ¹⁾; или же мы должны допустить какую-то своеобразную неумѣлость и неловкость писателя, не сглаживающаго первоначальныя неровности въ текстѣ, но приумножающаго ихъ въ дальнѣйшей отдѣлкѣ труда.

Что Геродотъ намѣревался написать всю переидею войну до битвы на Евримедонтѣ включительно (465 г.) или даже до побѣды еллиновъ надъ варварами на Кипрѣ (449 г.), объ этомъ ничего не говоритъ ни самъ авторъ, ни его сочиненіе. Какъ видно изъ предисловія, главною задачею его было выяснитъ причины войны между еллинами и варварами (I 1), что достаточно выполнено авторомъ и въ подлежащихъ предѣлахъ. Потомъ, взятіе Сеста и возвращеніе еллинскаго флота домой, рассказанныя историкомъ въ послѣднихъ главахъ IX книги, заканчиваютъ собою первый періодъ борьбы

¹⁾ См. примѣчанія Штейна къ I 184. 125¹⁰. II 584. 127⁶. 156²⁶. III 89⁸. 98³. 102⁴. 131¹². IV 2¹. 64¹⁷. 86¹⁵. V 27¹. VI 59¹. 79⁵. 98¹⁶. VII 20⁴. 96¹. 106⁴. 113⁴. 137⁶. 162⁷. 191². 193². 210⁶. 223¹². 238⁴. 239¹. IX 73¹⁴. 83¹. Возраженія Гомперца Штейну *Herodotische Studien*. II, Wien. 1883, стр. 78 сл. (Sitzungsab. d. Wiener Akad. CIII B. стр. 596 сл.).

съ ксерксовыми полчищами, подтвержденіемъ чего можетъ служить соответствующее мѣсто въ исторіи Оукидида (I 89. 97). Но Геродотъ не на этомъ пунктѣ кончаетъ свой трудъ; онъ присоединяетъ еще эпизодъ о дѣдѣ повѣшеннаго Артанкты Артембаресѣ, который совѣтовалъ Кирю перемѣнить свою страну на болѣе богатую и роскошную. Киръ не послѣдовалъ совѣту, предпочитая свободу въ тощей землѣ рабству въ странѣ тучной (IX 123). Читатель Геродота въ правѣ ожидать продолженія, гдѣ отъ лица-ли самого автора, или устами другихъ было бы показано, что, хотя завѣтъ Кира былъ соблюдаемъ персами, и они не перемѣнили стараго мѣстожителства, но во многомъ уклонились отъ простоты прежней жизни и потому подверглись тяжелымъ испытаніямъ. Съ другой стороны мы не находимъ никакихъ причинъ, по которымъ Геродотъ считалъ бы для себя излишнимъ продолжать исторію войны еллиновъ съ персами, изобиловавшей и въ дальнѣйшемъ своемъ ходѣ занимательными и поучительными случаями. Если прибавитъ къ этому нѣкоторые признаки незаконченности въ отдѣлкѣ цѣлага труда, то мы должны будемъ прийти къ заключенію, что только какія-нибудь внѣшнія обстоятельства помѣшали автору, прожившему до 428—425 г. и слѣдовательно пережившему всѣ фазы борьбы, довести свое повѣствованіе по крайней мѣрѣ до 465 г., т. е. до двойной побѣды еллиновъ надъ варварами у Евримедонта¹⁾.

¹⁾ Въ послѣднее время вопросъ о нѣкоторомъ заключеніи геродотовой исторіи снова сталъ предметомъ полемики. Кирхгофъ раздѣляетъ мнѣніе, установившееся со времени Дальмана, что Геродотъ не успѣлъ привести задуманный планъ въ исполненіе, и трудъ его

Въ виду значительнаго сходства общихъ понятій, высказываемыхъ Геродотомъ съ одной стороны и находящихся себѣ мѣсто въ трагедіяхъ Эсхила и Софокла съ другой, нѣкоторые ученые пытаются объяснить это сходство заимствованіемъ историкомъ руководящихъ мыслей и даже отдѣльныхъ сужденій у того или другаго изъ двухъ трагиковъ или подражаніемъ Софокла историкомъ¹⁾.

Дѣйствительно, у Эсхила и Софокла мы замѣчаемъ рядомъ съ благоговѣйнымъ отношеніемъ къ старинѣ и съ безусловнымъ признаніемъ повсемѣтнаго господства божества начатки свободнаго обращенія съ мѣрами и героями, попытки рациональнаго объясненія трагическихъ катастрофъ изъ столкновенія опредѣленныхъ индивидуальныхъ особенностей. У Эсхила и Софокла богамъ принадлежить верховное наблюденіе за существующимъ по-

остался не оконченными. *Ueber die Selbstheit Herodots* (VII 213). Sitzungsber. d. k. Academie d. Wissensch. Berlin 1885, стр. 301—320. Срви. его же: *Entstehungszeit* стр. 3. 27. Stein, *Herod. Einl.* XLIV⁵. Его же *Bursian's Jahresb.* I, 1875, стр. 293. Сочиненіе считаютъ оконченными Гомперцъ (*Zeitschr. f. oesterr. Gymnas.* 1859, стр. 820. *Herodot. Stud.* II, 596 сл. *Ueber den Abschluss d. herodot. Geschichtswerk.* Sitzungsber. d. k. Akad. d. Wissensch. CXII, II. Wien. 1886, стр. 507—531), O. Nitzsch, *Abhandl. über Herodot.* Bielef. 1873, стр. 11 сл. Его же: *kritische Bemerkung. zum Herod.* Bielef. 1882, стр. 5 сл. O. Anhalt, *quaestio Herodot.* Köthen. 1884. E. Meyer, *Rhein. Mus.* XLII B. 1886, стр. 142—146. Bauer, *H. Biogr.* 4. Къ этому же рѣшенію склоняются Марафи о. е. II, стр. 32. Калленбергъ, *Philolog. Anzeiger.* 1887, стр. 267—272.

¹⁾ Wecklein, *Ueber die Tradition der Perserkriege.* Münch. 1876. S. 13. Срви. выше стр. LXXVIII.

рядкомъ во внѣшней природѣ и въ человѣческихъ обществахъ; отъ нихъ исходятъ все блага и бѣды какъ для отдѣльныхъ лицъ, такъ и для цѣлыхъ народовъ. Законъ возмездія составляетъ основное правило обращенія божества съ человѣкомъ; законъ этотъ имѣетъ въ виду не только самого виновнаго, но и весь родъ его. Надменность и высокоуміе возводятся трагиками въ тяжкій грѣхъ противъ боговъ, въ оскорбленіе и даже въ отрицаніе божества, въ источникъ всехъ бѣдъ человѣка; напротивъ соблюденіе мѣры (*σωφροσύνη*)—вышая добродѣтель передъ судомъ божескимъ. «Ничего черезъ мѣру» (*μηδὲν ἄγαν*),—вотъ та формула, къ которой сводится мораль и Геродота, и Эсхила, и Софокла. Пораженіе и униженіе Ксеркса, смертельный поединокъ Етеокла и Полиника, гибель Эанта, насильственная смерть Агамемнона, Эгисея и Клетемнестры, гибель Креонта и т. д. — только справедливые акты возмездія за преступленія самихъ караемыхъ или ихъ предковъ, причемъ самыя преступленія состоятъ или въ насиліяхъ надъ людьми, или въ высокоуміиномъ оскорбленіи боговъ.

Однако въ опредѣленныхъ, богами или судьбою установленныхъ границахъ, «нихъ же не преjdeши», герои обоихъ трагиковъ дѣйствуютъ самопроизвольно, по собственнымъ побужденіямъ, въ силу личныхъ особенностей характера и положенія. Такъ, напримѣръ, Софоклъ надѣлялъ Эдина такими личными свойствами, поставилъ его среди такихъ обстоятельствъ, что каждый шагъ героя и каждый моментъ драматическаго дѣйствія достаточно мотивируются одними естественными причинами. Случившееся съ Эдиномъ могло случиться и безъ

всякаго сверхъестественнаго внимательства: оно изображено Софокломъ, какъ рядъ законосообразныхъ явленій, находящихся между собою во внутренней связи или по крайней мѣрѣ въ понятной возможной послѣдовательности. И въ то же время оказывается, что Эдипъ только несетъ кару за предковъ, что еще до рожденія онъ былъ обреченъ богами на преступленіе, и что Аполлонъ — настоящій виновникъ постигшей его катастрофы¹⁾.

Разумѣется, подобныя общія воззрѣнія поэтовъ и частое, многообразное выраженіе ихъ въ трагедіяхъ задерживали обстоятельное глубокое развитіе основныхъ мотивовъ и ослабляли драматическое движеніе въ пьесахъ, но далеко не исключали ни того, ни другаго. Аналогичныя черты находить читатель и у Геродота.

Однако близость въ воззрѣніяхъ между историкомъ и трагиками нисколько еще не свидѣтельствуетъ о зависимости въ этомъ отношеніи одного отъ другаго или о заимствованіи: какъ поэты, такъ и историки только выражали въ своихъ произведеніяхъ одно изъ умонастроеній, господствовавшихъ въ современномъ имъ обществѣ.

Въ «Исторіи» Геродота мы имѣемъ литературный примѣръ того самого умственнаго движенія, которымъ запечатлѣны были въ томъ же періодѣ еллинской исторіи поэзія, пластическое искусство, краснорѣчіе, самыя политическія учрежденія. Вездѣ замѣчается частью сознательная, частью безсознательная борьба новаго съ ста-

¹⁾ См. выше: *Отношеніе трагедій Софокла къ современной полнудействительности*. Кіевъ, 1874. Стр. 83. 85. *Опытъ по исторіи рационализма въ древн. Греціи*. Кіевъ. 1881. Стр. 242 сл. 253 сл.

рымъ, рационализма и критики съ традиціей и вѣрой въ отеческихъ боговъ. Свидѣтельствующія о прогрессѣ переменъ въ политическихъ учрежденіяхъ, въ техникахъ и манерѣ художниковъ и т. п. скорѣе обличали рядъ невольныхъ неизбѣжныхъ уступокъ времени, чѣмъ послѣдовательное сознательное проведеніе въ жизнь новыхъ началъ на мѣсто старыхъ: новое стояло въ нихъ рядомъ съ старымъ. Относительно политическихъ учрежденій достаточно вспомнить, что ареопагъ, облеченный неопредѣленною верховною властью, поставленный внѣ закона, не раньше потерялъ свое практическое значеніе, какъ при Периклѣ, что реформы Солона и Клисена имѣли въ своемъ основаніи исконныя учрежденія Атики, по частямъ только приспособляемыя къ неотложнымъ требованіямъ современности.

Непослѣдовательность и какъ бы нерѣшительность міросозерцанія отличаютъ поэтовъ-драматурговъ и художниковъ-скульпторовъ. Положеніе Геродота въ исторіи еллинской образованности и существеннѣйшія особенности его труда легче всего уясняются изъ сопоставленія его съ представителями еллинской пластики въ предшествовавшую Фидіи эпоху.

Плодотворнѣйшимъ моментомъ въ судьбахъ еллинской пластики былъ введенный во время Писистратидовъ обычай ставить статуи въ честь олимпийскихъ побѣдителей, причемъ лицо, трижды одержавшее побѣду, приобретало право на портретное изображеніе его въ той самой позѣ, въ какой одержана была побѣда, даже выѣстъ съ лошадей и колесницей. Съ этого времени нормально развитое и потому красивое человѣческое тѣло въ различныхъ положеніяхъ становилось мало по малу главною

цѣлью стремленій художника и верховнымъ его критеріемъ; личное наблюденіе и изученіе на мѣсто усвоенія традиціи и подражанія болѣе и болѣе становились обязательными для художника. Успѣхи въ этомъ направленіи достигались съ большою постепенностью: раньше и смѣлѣе обрабатывались въ новомъ свободномъ стилѣ предметы посторонней культуры и образы животныхъ; напротивъ образы людей, лики героевъ и особенно боговъ уступали гораздо медленнѣе новымъ вкусамъ.

Такая же одновременность наблюдалась и въ способахъ изображенія различныхъ частей тѣла: ноги и торсы статуй уклонились отъ условной сухой манеры гораздо раньше, нежели голова и лицо. Ближайшіе предшественники Фидіи прославились преимущественно изображеніемъ животныхъ, а не людей; такъ, только возница рѣзца Праксителя (IV в. до Р. X) могъ сравниться по художественной отдѣлкѣ съ четверкою лошадей Каламида. Атлеты Пинагоры превосходили его же героевъ, а герои боговъ. Слава Милона создана его *Коровой*, *Быглцомъ* и *Метательемъ диска*, но не кумирами боговъ; и тотъ же Милонъ въ обработкѣ волосъ на головахъ своихъ статуй не возвышался надъ художниками архаическаго періода.

Если отъ пластики обратимся къ Геродоту, то наиболѣе общими чертами его труда окажутся слѣдующія: во-первыхъ, преобладающій интересъ къ историческимъ временамъ и къ предметамъ, доступнымъ для точнаго изслѣдованія, не помѣшавшій однако историку отвести значительное мѣсто баснямъ о мифическихъ личностяхъ и событіяхъ; во-вторыхъ, неодинаковое отношеніе къ мифической старинѣ съ ея образами съ одной стороны, къ

предметамъ, лицамъ и событіямъ близкимъ или современнымъ съ другой; въ-третьихъ, рядомъ съ любознательностью и стремленіемъ къ точности, побуждающими его совершать путешествія съ спеціальною цѣлью провѣрить рассказы другихъ лицъ, совмѣщается въ немъ безусловное довѣріе къ большинству чудесъ, къ предзнаменованіямъ и т. п.; наконецъ, въ общихъ воззрѣніяхъ историка нѣтъ единства и послѣдовательности; мало того: одни воззрѣнія противорѣчатъ другимъ и не замѣчается никакой попытки согласовать ихъ между собою.

Геродотъ не останавливается передъ тѣмъ, чтобы поставить въ одну линію современныхъ ему историческихъ дѣятелей съ мифическими ихъ предками и съ самыми богами. Принимая различіе между богами, героями и простыми смертными, по степени силы и значенія ихъ въ судьбахъ міра¹⁾, историкъ считаетъ одинаково дѣйствительными всѣ три разряда существъ. Такъ, родословную спартанскихъ царей онъ возводитъ къ Кадму и Данавъ. «Эти цари доричъ», замѣчаетъ онъ, «до Персея, сына Данана, если только опустить божества, правильно нечисляются еллинами и считаются эллинскаго происхожденія; ибо тогда они уже принадлежали къ еллинамъ»..... «а кто пожелаетъ подняться выше Данана, дочери Акрисія, къ болѣе древнимъ предкамъ ихъ, тотъ убѣдится, что вожди доричъ по своему происхожденію были настоящими египтянами»²⁾. Ту же самую родословную, начиная отъ матери Еврисеенса и Прокла,

¹⁾ II, 43—45. 52 142—146. III, 122.

²⁾ VI, 53.

онъ ведетъ до Полиника, Эдила, Лаія, Лабдака, до Полидора и Кадма; даже найденныя имъ надписи въ храмѣ Аполлона Исменскаго въ Фивахъ онъ относитъ ко времени Лаія и Кадма ¹⁾. Похищенія Іо, Европы, Медуы, Елены, странствованіе Кадма въ цоискахъ за Европой, война еллиновъ съ троянцами изъ 4а Елены, походъ аргонавтовъ, осада Фивъ, вторженіе Амазонокъ въ Аттику, покровительство жителей Аттики гераклидамъ, пораженіе и смерть Евриссея, бѣдствія Адраста и Амфіараа въ связи съ еивскими войнами, — все это дѣйствительныя событія, только временемъ отдѣленные отъ Геродота и его современниковъ. Герои — эпонимы городовъ, околотовъ, рѣкъ, племенъ и другіе признаются безъ всякаго колебанія за индивидуальныя конкретныя существа, какъ: Девкаліонъ, Еллипъ, Доръ, Іонъ съ четырьмя сыновьями, эпонимами іонійскихъ колѣвъ, Агамемнонъ, Калхантъ, Менелай, Орестъ, Несторъ съ Писистратомъ, Талейбій, Тиндарида и Елена, Данай, Линкей, Персей, Амфилохъ, Декеель, Амфитрионъ, Аламена, Гераклъ, Ерехей, Кекропъ, Фесей, Асопъ, Фива, Семела, Эгина, Инахъ, Пенелопа, Эетесъ, Меланиппъ, Ясонъ и т. д. и т. д. Выводы большинство еллинскихъ божествъ изъ Египта, онъ не затрудняется даже вычисленіемъ времени жизни нѣкоторыхъ божествъ и героевъ. Такъ, отъ Семелы, матери Діониса, онъ насчитываетъ до своего времени 1600 лѣтъ, до Геракла 900, а до Пана, сына Пенелопы, 800. Но и въ этомъ пунктѣ Геродотъ довѣрялъ больше египетскимъ показаніямъ, нежели еллинскимъ; согласно съ этими показаніями двѣнадцать египетскихъ божествъ,

¹⁾ IV, 147. V, 59—61. Срвн. *ibid.* 76.

въ числѣ ихъ и Гераклъ, жили за 17,000 лѣтъ до Амасида (550 до Р. X), а Діонисъ, или Осирисъ жилъ за 15,000 лѣтъ до того же времени.

Миносъ, Менелай, Троянская война упоминаются и ставятся въ одинъ рядъ съ дѣйствительнымъ основаніемъ городовъ, какъ личности и событія вполне историческія. Современныхъ себѣ памфиловъ онъ производитъ отъ тѣхъ самыхъ памфиловъ, которые на обратномъ пути изъ подъ Трои разсѣялись, и вождями которыхъ были Амфилохъ и Калхантъ ¹⁾. Вторженіе Тиндаридовъ въ Аттику изъ за Елены и тогдашнее поведеніе Декеела и декеелянъ передаются, какъ историческіе факты, въ связи съ отношеніемъ вторгавшихся впоследствии въ Аттику лакедемонянъ къ деревнѣ Декеель ²⁾. Мионическій Меламподъ, умоизступленіе аргивскихъ женщинъ и обращеніе аргивянъ съ просьбою къ мионическому очистителю изъ Пила съ одной стороны, участіемъ въ персидскихъ войнахъ, гадатель Тисаменъ и его отношеніе къ лакедемонянамъ съ другой ничѣмъ не отличаются въ изложеніи Геродота: Меламподъ — только предшественникъ Тисамена, а сей послѣдній сверхъ того и подражатель перваго ³⁾. Теряющіеся въ баснословной давности начатки исторій еллиновъ и страны ихъ излагаются въ томъ же тонѣ, что и ближайшія по времени событія ⁴⁾. Финикияне заселяютъ Фасъ въ то время, когда были посланы въ погону за Европой, что случилось за пять поколѣній до рожденія Геракла въ Ел-

¹⁾ VII, 91. 171.

²⁾ IX, 73.

³⁾ IX, 33—34.

⁴⁾ I, 56. 145. II, 51. VI, 53. VII, 94. VIII, 44 и др.

ладѣ ¹⁾ Способъ лѣтосчисленія Геродота тотъ же самый, что и у предшествовавшихъ ему историковъ и поэтовъ-кикликовъ, именно, генеалогическій, по поколѣніямъ и мионическимъ именамъ, причѣмъ три поколѣнія составляютъ одно столѣтіе,—лѣтосчисленіе, лишенное, разумѣется, всякой фактической основы и лишь въ немногихъ случаяхъ приблизительно совпадающее съ дѣйствительной хронологіей ²⁾).

Однако ошибочно было бы думать, что Геродотъ съ одинаковымъ довѣріемъ относился ко всѣмъ мѣтамъ и народнымъ преданіямъ. Напротивъ, въ его «Исторіяхъ» есть нѣсколько примѣровъ скептицизма и рационалистическаго обращенія съ древними рассказами, и если подобныхъ примѣровъ нѣтъ больше, то это объясняется только случайностью, а вовсе не тѣмъ, будто все остальное миеологическое достояніе принималось Геродотомъ безусловно.

Наиболѣе яркій образчикъ рационализма историка представляетъ истолкованіе имъ сказаній объ основаніи Додонскаго прорицалища, сказаній, распространенныхъ въ Елладѣ и Эгиптѣ ³⁾. Отъ трехъ жрицъ прорицалища и отъ самихъ додоянъ Геродотъ слышалъ, что нѣкогда изъ Фивъ эгипетскихъ улетѣли двѣ голубки; одна изъ нихъ направилась въ Ливію и повелѣла тамошнимъ жителямъ основать прорицалище Зевса Аммонскаго; другая прилетѣла въ Додону и, сѣвши на дубъ, объявила человѣческимъ голосомъ, что въ этомъ мѣстѣ долженъ быть учрежденъ оракулъ Зевса; тре-

¹⁾ II, 44.

²⁾ I, 7. 13. II, 44. 100. 142 143. VI, 98 и др.

³⁾ II, 54—58.

бованіе говорящей голубки приведено было въ исполненіе. Другой рассказъ о томъ же предметѣ передаетъ историкъ со словъ египетскихъ жрецовъ въ Эгиптѣ, именно: всѣ прорицалища, какъ еллинскія, такъ и ливійскія, происходятъ отъ двухъ эгипетскихъ жрицъ, нѣкогда похищенныхъ въ Фивахъ финикійскими купцами и проданныхъ одна въ Елладу, другая въ Ливію; по словамъ египетскихъ жрецовъ, лишь съ большимъ трудомъ удалось узнать, что случилось съ похищенными женщинами. Съ своей стороны историкъ, больше довѣряющій эгипетскимъ жрецамъ, старается рационалистически истолковать додонскій вариантъ; при этомъ онъ неходитъ изъ наивно смѣлаго вопроса: «какимъ образомъ голубка могла говорить человѣческимъ языкомъ»? По его толкованію, прибывшая изъ Фивъ женщина названа была голубкою потому, что первоначально говорила на языкѣ чуждомъ додопцамъ, какъ бы на птичьемъ; послѣ того, какъ женщина научилась языку туземцевъ, сіи послѣдніе сказали, что голубка заговорила человѣческой рѣчью. Голубка названа въ преданіи черною потому, что таковъ цвѣтъ кожи эгипетской женщины.

Не менѣе любопытный примѣръ рационализма историка представляетъ обращеніе его съ троянской легендой, причѣмъ гомеровскому варианту онъ предпочитаетъ вариантъ, слышанный имъ отъ эгипетскихъ жрецовъ и болѣе сообразный съ требованіями его собственной логики. По эгипетскому варианту, елліны осаждали и разоряли Трою въ томъ заблужденіи, будто Елена вмѣстѣ съ похищенными сокровищами скрылась въ Троѣ; на самомъ дѣлѣ ни сокровищъ, ни Елены тамъ не было, въ чемъ убѣдились елліны лишь по взятіи го-

рода троянцевъ. Разсказъ жрецовъ историкъ признаеть достовѣрнымъ, исходя изъ слѣдующихъ соображеній: ни Пріамъ, ни родственники его не могли быть безразсудны настолько, чтобы рисковать своею жизнью, жизнью дѣтей своихъ и благомъ цѣлаго государства изъ за того только, чтобы Александръ могъ жить съ Еленою. Поэтому, разсуждаетъ онъ, еслибы дѣйствительно Елена была въ Троѣ, то съ согласія-ли, или противъ воли Александра троянцы выдали бы ее еллинамъ. «Еслибы даже въ первое время Пріамъ и его родственники были дѣйствительно такъ настроены, то послѣ гибели многихъ троянъ, павшихъ въ битвахъ съ еллинами, послѣ того, какъ въ каждомъ сраженіи самъ Пріамъ терялъ по два, по три и даже больше сыновей, — разъ только можно говорить на основаніи поэтическаго произведенія, — то я увѣренъ, что послѣ всѣхъ этихъ событій, еслибы даже самъ Пріамъ жилъ съ Еленою, онъ возвратилъ бы ее ахеянамъ въ надеждѣ избавиться отъ удручавшихъ Трою бѣдствій. Кроме того, царская власть не переходила къ Александру, такъ что при старости Пріама государственныя заботы не на немъ лежали; наследовать власть Пріама долженъ былъ Гекторъ, какъ старшій и болѣе мужественный; ему не подобало потворствовать несправедливымъ дѣйствіямъ брата особенно тогда, когда черезъ это и на него самого, и на всѣхъ прочихъ троянъ обрушивались грозныя несчастія. Трояне говорили правду, что не могутъ выдать Елену, по еллинамъ не вѣрили имъ; по моему мнѣнію, которое я и высказываю, случилось такъ по божескому соизволенію, для того, чтобы погловная гибель троянъ сдѣлала ясною для людей ту

истину, что за тяжкія неправды слѣдуютъ отъ боговъ и тяжкія наказанія» ¹⁾.

Итакъ, признавая въ основѣ легенды историческое событіе и дѣйствительную судьбу поименованныхъ въ ней личностей, историкъ отвергаетъ, какъ вымыселъ поэта, одинъ вариантъ и принимаетъ другой по чисто субъективнымъ основаніямъ, которыя онъ считаетъ столь же обязательными и для времени и людей троянской войны: ему кажется невѣроятнымъ, чтобы троянцы согласились терпѣть лишенія и гибель изъ за одной женщины, принадлежавшей даже не наследнику царскаго престола, а младшему сыну царя; правда, кроме того, что эгипетскій вариантъ болѣе, нежели гомеровскій согласовался съ личнымъ воззрѣніемъ Геродота на божество.

Историкъ нашъ признавалъ достовѣрность опыта, произведеннаго будто бы эгипетскимъ царемъ Псамметихомъ надъ двумя младенцами съ цѣлью опредѣлить, какой народъ древнѣе всѣхъ ²⁾. Исходя отсюда, онъ отвергаетъ мнѣніе юнгъ о позднемъ происхожденіи эгипетской земли. Еслибы, замѣчаетъ онъ, у эгиптянъ когда-нибудь не было земли, то они не могли бы считать себя древнѣйшимъ народомъ, и имъ въ такомъ случаѣ не было бы пужды и испытывать дѣтей, на какомъ языкѣ стануть произносить они первые звуки ³⁾.

Такимъ же точно способомъ онъ истолковываетъ сообщеніе сантскаго казнохранителя о верховьяхъ Нила,

¹⁾ II, 120.

²⁾ *ibid.* 2—3.

³⁾ II, 15.

будто они бездонны и находится между двумя горами, Крофи и Мофи, будто Псамметихъ распорядился измѣрить глубину истоковъ, по опущенная въ нихъ веревка длиною въ нѣсколько тысячъ сажень не доставала до дна. Разсказъ этотъ, по мнѣнію Геродота, означаетъ только, что въ истогахъ Нила существуютъ сильныя водовороты и противоположныя теченія, и что выбрасываемая оттуда съ большою силою вода не пускаетъ лота на дно ¹⁾. Чудесные разсказы о знаменитомъ пловцѣ Скилли, будто бы проплывшемъ подъ водою до мыса Артемисія на разстояніи стадій восьмидесяти, означаютъ для Геродота не что иное, какъ прибытіе Скилли къ Артемисію на суднѣ ²⁾. Въ томъ же направленіи истолкованы имъ басни о воспитаніи Кира собакою, о суднѣ Ксеркса и т. п. ³⁾.

Если такое отношеніе къ баснямъ, старымъ и новымъ, и вліяло на общественное настроеніе въ смыслѣ секуляризаціи и ослабленія вѣры въ чудесное, то все-таки оно нисколько не ручалось за вѣрность толкованія; напротивъ, добываемые этимъ путемъ выводы не имѣютъ никакой доказательности и въ большинствѣ случаевъ не вѣрны. Мало того: они способны отнять у мифа или легенды тѣ бытовыя краски и характеристическія черты, которыя сообщаютъ имъ значеніе цѣнныхъ памятниковъ, возсоздавая передъ нами умственное состояніе ихъ авторовъ и довѣрчивыхъ слушателей. Впрочемъ Геродотъ въ противоположность Фукидиду даетъ читателю не одна толкованія, но въ

¹⁾ *ibid.*, 28.

²⁾ VIII, 8.

³⁾ I, 122. VIII, 118—120.

большомъ количествѣ и самыя преданія и ходившіе въ народѣ разсказы.

Совсѣмъ инымъ характеромъ и значеніемъ отличаются тѣ заключенія историка, въ основѣ которыхъ лежало личное знакомство его съ предметомъ, помимо свѣдѣній, содержащихся въ мифахъ или разсказахъ другихъ лицъ. И въ этихъ случаяхъ значеніе вывода было далеко не всегда одинаково: оно опредѣлялось степенью вѣрности и полноты приобретенныхъ фактическихъ знаній; но самый приемъ былъ гораздо надежнѣе, а потому и заключенія несравненно болѣе основательны.

Къ числу фактически невѣрныхъ заключеній Геродота относится, напримѣръ, представленіе его о томъ, что въ Индіи солнце грѣетъ сильнѣе всего утромъ; по мѣрѣ приближенія отъ утра къ вечеру солнечный жаръ спадаетъ, и вечеромъ становится очень холодно ¹⁾. Это—логическое заключеніе изъ того понятія, какое историкъ имѣлъ о видѣ земли и о дневномъ движеніи солнца. Согласно этому понятію Индія занимаетъ крайнее мѣсто на востокѣ, а потому рано утромъ солнечные лучи нагрѣваютъ ее въ самомъ близкомъ разстояніи, а вечеромъ въ самомъ далекомъ ²⁾. Въ силу того же представленія о землѣ историкъ отвергаетъ вѣрную подробность въ разсказѣ египтянъ о плаваніи вокругъ Ливія, будто они имѣли солнце по правую руку ³⁾. Менѣе близкимъ къ дѣйствительности оказалось представленіе

¹⁾ III, 104.

²⁾ II, 24—26. III, 98. 106.

³⁾ IV, 42.

Геродота, а не Гепатей, будто земля не омывается кругомъ водою, хотя первый изъ нихъ вѣрнѣе держался почвы извѣстныхъ тогда фактовъ, нежели послѣдній ¹⁾. Изъ нѣсколькихъ, отвергаемыхъ имъ объясненій перидическихъ разливовъ Нила, Геродотъ называетъ самымъ пѣлѣнымъ какъ разъ то, которое оказалось впоследствии наиболѣе близкимъ къ единственному ²⁾ правильному объясненію: происхожденію разливовъ отъ весеннихъ тропическихъ ливней ³⁾. Однако предлагаемое историкомъ собственное объясненіе есть правильный выводъ изъ общаго его представленія о землѣ, солнцѣ и небѣ: земля — плоска, покрыта небомъ на подобіе полушарія, края котораго соединяются съ границами земли; путь свой по тверди небесной солнце совершаетъ въ лѣтнюю пору года почти посрединѣ; съ наступленіемъ зимы подъ влияніемъ холодовъ оно углоняется съ этой дороги въ страны болѣе южныя и proceeds по верхней Ливіи. Такимъ образомъ, когда лѣтомъ солнце нагрѣваетъ Егладу, въ южныхъ частяхъ Ливіи, удаленныхъ отъ середины небесной дороги, царитъ зима, хоть и не столь суровая, какъ египетская. Когда съ усиленіемъ холодовъ солнце вытѣсняется въ крайніе южныя предѣлы неба, то верхняя часть Ливіи сильно нагрѣвается, какъ недалеко лежащая отъ южнаго края земли. Ошибка Геродота была неизбѣжнымъ послѣдствіемъ невѣрности исходнаго положенія, а не приемовъ разсужденія объ отдѣльномъ явленіи ³⁾.

¹⁾ П, 23. IV, 36. 45.

²⁾ П, 19—23.

³⁾ П, 24—26.

Такого же происхожденія ошибочное заключеніе историка объ овцахъ съ курдюками, которыя будто бы нигдѣ, кромѣ Аравіи, не встрѣчаются (τὰ οὐδαμόθ' ἐτέρωθι ἐστὶ ¹⁾). Особенно поучительно поведеніе Геродота въ вопросѣ о происхожденіи колхидянъ отъ египтянъ ²⁾. Сначала историкъ усматривалъ признаки родства двухъ народовъ въ одинаковомъ цвѣтѣ ихъ кожи и въ оди-

²⁾ III, 113.

³⁾ П, 104—105. „Самъ я иришелъ къ такому заключенію прежде еще, чѣмъ услышалъ это отъ другихъ. Такъ какъ это занимало меня, то я разспрашивалъ и колхидянъ, и египтянъ, иричемъ первые лучше помнили послѣднихъ, нежели наоборотъ. Однако египтяне говорили, что но ихъ мнѣнію колхидяне происходятъ отъ воиска Сесостриса. Я самъ предполагалъ такъ на томъ основаніи, что колхидяне имѣютъ кожу чернаго цвѣта и курчавые волосы; но признаки эти ничего не доказываютъ, такъ какъ есть и другіе такіе же народы. Съ болѣеимъ основаніемъ я заключилъ такъ изъ того, что изъ всѣхъ народовъ только колхидяне, египтяне и воіоны искоии совершаютъ обрѣзаніе. Что касается финикянъ и палестинскихъ сирійцевъ, то они сами говорятъ, что заимствовали обычай этотъ отъ египтянъ, а тѣ сиріицы, что живутъ при Фермопонтѣ и на рѣкѣ Паревіи выстѣсь съ соседями своими макронами утверждаютъ, что недавно переняли обрѣзаніе отъ колхидянъ. Это — единственные народы, обрѣзающіе себя, и очевидно они подражаютъ въ этомъ египтянамъ. Относительно египтянъ и воіоновъ я не могу рѣшить, кто изъ нихъ заимствовалъ обрѣзаніе у другаго; у обоихъ оно существуетъ издревле. Что другіе народы заимствовали этотъ обычай изъ Египта путемъ сношеній съ нимъ, доказывается для меня между прочимъ слѣдующимъ важнымъ обстоятельствомъ: всѣ тѣ финикіицы, которые живутъ въ Егладѣ, не подражаютъ болѣе египтянамъ и не обрѣзаютъ своихъ дѣтей. О колхидянахъ я могу сообщить еще кое-что въ доказательство родства ихъ съ египтянами. Такъ, только колхидяне и египтяне ириготовляютъ плотно одинаковымъ способомъ; кромѣ того, весь образъ жизни и языкъ обоихъ народовъ одинаковы“.

наковомъ видѣ волосъ; но потомъ расширивши поле наблюденія и узнавши о принадлежности тѣхъ же самыхъ признаковъ и другимъ народамъ, подразумѣвается, не состоящимъ ни въ какой близости съ египтянами, обратилъ вниманіе на другія стороны интересовавшихся его колхидянъ, и только послѣ того, какъ открылъ сходство между ними и египтянами во всемъ образѣ жизни (*ἡ ζόη πάσα*), въ языкѣ и *главное* въ обычаяхъ обрѣзанія, который съ древнѣйшихъ временъ былъ свойственъ *только*, по его мнѣнію, египтянамъ, эіопамъ и колхидянамъ,—лишь послѣ этого историкъ считаетъ доказаннымъ свое положеніе о происхожденіи населенія Колхиды отъ египтянъ. Убѣжденіе историка, какъ извѣстно, раздѣлялось долго многими учеными, хотя главный аргументъ древняго писателя—отсутствіе обычая обрѣзанія у какого-либо иного народа, кромѣ упомянутыхъ имъ—оказывается въ настоящее время несостоятельнымъ; однако ошибка произошла не отъ личныхъ качествъ историка, не отъ ложности пріема, но лишь вслѣдствіе недостаточности тогдашнихъ географическихъ и этнографическихъ свѣдѣній ¹⁾.

Но у Геродота есть такіа поправки къ преданіямъ и извѣстіямъ объ историческихъ событіяхъ и личностяхъ, для которыхъ знанія историка и его здравый смыслъ оказывались достаточными. Такъ, преданіе о попыткѣ египтянъ принести въ жертву Геракла онъ считалъ нецѣльнымъ, потому что оно противорѣчитъ обычаямъ египтянъ, не позволяющимъ закалать въ жерт-

¹⁾ См. нашу статью: *Къ вопросу объ этнографіи и географіи Геродотовой Скиіи*. Унив. Изв. Кіевъ. 1883. № 11.

ву не только людей, но и большинство животныхъ. Потомъ онъ считаетъ совершенно невозможнымъ, чтобы Гераклъ, «будучи еще человѣкомъ», въ состояніи былъ одинъ перебить тысячи людей ¹⁾. Названіе Египта «даромъ Нила» историкъ оправдываетъ цѣлымъ рядомъ соображеній, опирающихся на личное знакомство съ особенностями страны: «я видѣлъ, что Египетъ выступаетъ въ море дальше смежной страны, что на горахъ лежатъ раковины, а почва покрывается солью, выходящею изъ земли, раздѣдающею даже пирамиды, что изъ всѣхъ египетскихъ горъ одна только, находящаяся выше Мемфиса, покрыта пескомъ, что кромѣ того Египетъ не похожъ на пограничныя страны, Аравію и Ливію, ни на Сирію,—прибрежную половину Аравіи занимаютъ сиріане; почва въ Египтѣ черноземная, рыхлая, такъ какъ она состоитъ изъ ила и наносовъ, отбрасываемыхъ рѣкою изъ Эіопіи. Ливія напротивъ, какъ намъ извѣстно, имѣетъ почву красноватую и песчаную, а Аравія и Сирія глинистую и каменную» ²⁾.

Извѣстное историкѣ образованіе Египта и постепенное увеличеніе его и поднятіе почвы вслѣдствіе наносовъ даетъ ему основаніе строить предположеніе о будущей судьбѣ этой страны ³⁾. Знакомство съ персидскими учрежденіями помогаетъ ему одѣлать по достоинству притязанія египтянъ на Камбису, будто бы родившагося отъ египтянки ⁴⁾, а лингвистическія со-

¹⁾ II, 45.

²⁾ *ibid* 12.

³⁾ *ibid*. 13—14.

⁴⁾ III, 2.

ображенія приводятъ его къ отрицанію Еридана на сѣверѣ Европы ¹⁾. Разсказъ еракіянъ о томъ, что по ту сторону Истра все полно пчелъ, историкъ называетъ невѣроятнымъ, такъ какъ ему извѣстно, что пчелы не выносятъ холода ²⁾. Личное наблюденіе надъ двадцатью женскими колоссами въ Саисѣ изобличало для Геродота лживость мѣстныхъ жрецовъ, будто это—служанки дочери Микерина, изображенныя безъ рукъ потому, что мать этой дѣвушки велѣла отнять имъ руки при жизни за выдачу дочери отцу, который и изнасиловалъ ее. «Все это, мнѣ кажется, пустая болтовня, особенно разсказъ о рукахъ колоссовъ. Мы сами видѣли, что руки кумировъ отвалились отъ времени и еще въ мое время лежали тутъ же, у ногъ ихъ» ³⁾. Онъ считаетъ невѣроятнымъ чудо съ деревянными статуями на Эгиптѣ ⁴⁾.

Геродотъ не останавливается иногда передъ тѣмъ, чтобы вовсе устранить изъ разсказа божественное вмѣшательство и въ объясненіи событія ограничиться естественными условіями. Такъ, преданіе оссалиянъ о томъ, что Темпейское ущелье есть дѣло рукъ Посейдона, который разщепилъ будто бы горную цѣпь и тѣмъ далъ выходъ всѣмъ водамъ котловины,—преданіе это Геродотъ принимаетъ условно. Правда, замѣчаетъ онъ, каждый вѣрующій въ то, что Посейдонъ сотрясаетъ землю, и что причиняемая землетрясеніемъ разщелины совершаются божествомъ, скажетъ при видѣ этого ущелья, что оно сдѣлано Посейдономъ. «Дѣйствительно, для меня было несомнѣнно, что это горное ущелье образовалось вслѣдствіе землетрясенія» ⁵⁾.

¹⁾ *ibid.* 115. — ²⁾ V, 10.

³⁾ II, 131. — ⁴⁾ V, 86. — ⁵⁾ VII, 129.

Всякаго рода умственное разстройство, равно какъ даръ гаданія и прорицанія, считались въ древности явленіями сверхъестественными, независящими отъ состоянія организма. Правда, ученый врачъ V в. Гиппократъ признавалъ уже связь душевныхъ болѣзней съ тѣлеснымъ разстройствомъ, но такое мнѣніе было пока достояніемъ специалиста, а не тогдашняго общества. У Геродота мы находимъ примѣры рациональнаго взгляда на умозступленіе и на пророческій даръ. По словамъ египетскихъ жрецовъ, Камбиса наказавъ былъ упомошательствомъ за оскорбленіе и умерщвленіе Аписа. Историкъ нашъ не входитъ въ разсмотрѣніе вопроса, приключилась-ли болѣзнь за Аписа, или по какой-нибудь другой причинѣ подобно тому, какъ многія болѣзни естественно приключаются людямъ (*οἷα πολλὰ ἔωθε ἀνθρώπους κακὰ καταλαμβάνειν*); «дѣйствительно, разсказываютъ, что Камбиса отъ рожденія страдалъ серьезною болѣзью, которую иные называютъ священной. Такимъ образомъ ничего необыкновеннаго не было въ томъ, что при серьезной болѣзни тѣла и умъ Камбисы не былъ здоровъ» ¹⁾. Самая неудача Камбисы въ походахъ на воіоновъ и аммоніевъ историкъ объясняетъ личными свойствами царя и допущенными ошибками ²⁾. Есть у Геродота и другія, слабыя, правда, попытки характеристичны отдѣльных личностей ³⁾. Фукидидъ унаслѣдовалъ отъ Геродота и усилялъ живописующій приемъ изображенія своихъ

¹⁾ III, 33. 38.

²⁾ III, 25—26.

³⁾ О Кіаксарѣ I 73; о Ксерксѣ VII 187; о Солонѣ I 136. 29. 30; о Клеменѣ V 42. VI 75.

героевъ — описаніемъ самыхъ дѣлъ, домашняго поведенія ихъ и интимнѣйшихъ отношеній. Солопъ, Періандръ, Клеомень, Клеобисъ, Витонъ, Фемистоклъ, Аристидъ, Гигесъ, Крезъ, Киръ, Камбиса, Дарій, Ксерксъ являютъ передъ читателемъ художественно обрисованными типами, хотя психологическій анализъ еле касается этихъ образовъ. То же стремленіе къ пластичности отличаетъ Геродота и въ изображеніи народовъ: персы, мидяне, ассирияне, спартанцы, египтяне, скифы, вавилоныяне, эгиптяне надѣлены характеристическими національными чертами. Эта особенность изложенія коренилась впрочемъ въ самой природѣ древняго еллина и нашла себѣ наиболѣе яркое выраженіе въ необычайно богатой ассирийской драмѣ.

Другой примѣръ устраненія сверхъестественнаго фактора изъ объясненія такихъ явленій, которыя по общему убѣжденію вѣдальсь исключительно богами, представляетъ Меламподъ, знаменитый прорицатель и великій врачъ многочислхъ временъ. У Геродота онъ называется челоуѣкомъ умнымъ, который самъ научился искусству прорицанія, отъ Кадма получилъ множество свѣдѣній о релігіозныхъ обрядахъ и обычаяхъ Египта и ввелъ въ Елладу между прочимъ жертвоприношенія и фаллическія процессіи въ честь Діониса; по словамъ историка, Меламподъ и самъ не вполнѣ постигалъ относящагося сюда ученіе и недостаточно объяснилъ его еллинамъ; гораздо удовлетворительнѣе разъяснено оно позднѣйшими учеными ¹⁾. Подобно этому пораженіе персовъ при Саламинѣ изображается, какъ необходимое по-

¹⁾ II, 49.

слѣдствіе ошибокъ варваровъ ¹⁾; прекращеніе бури у Магнетскаго берега могло имѣть мѣсто само по себѣ безъ вмѣшательства боговъ ²⁾.

Чувство естественности и недовѣріе къ баснословному проявляются въ трудѣ Геродота и въ другихъ видахъ. Во многихъ случаяхъ онъ ограничивается категорическимъ отрицаніемъ невѣроятнаго или нелѣпнаго разсказа, не пытаясь отыскивать въ немъ реальную основу, или осуждаетъ легкомысліе толпы ³⁾. Сюда относятся разсказы о людяхъ съ козыими ногами и объ одноглазыхъ армаспахъ ⁴⁾, о помѣщеніи царемъ Рамсеситомъ дочери въ публичный домъ ⁵⁾, о происхожденіи скифовъ отъ Зевса и дочери Борисоенеса ⁶⁾, о превращеніи людей въ волковъ у невровъ ⁷⁾, о посѣщеніи тѣмъ же Рамсеситомъ преисподней ⁸⁾, о посѣщеніи храма Аполлона Птоя Мисомъ (Мышью) ⁹⁾. Далекое не всегда онъ вѣрилъ и эгипетскимъ жрецамъ; иной разъ онъ обращался къ провѣркѣ ихъ показаній, а иногда и рѣшительно отвергалъ ихъ. Такъ, онъ называетъ совершенно невѣроятнымъ разсказъ эгиптянъ о феникѣхъ, не принимаетъ разсказа ихъ объ Амасидѣ ¹⁰⁾, выражаетъ сомнѣніе и по поводу другихъ извѣстій ихъ ¹¹⁾.

¹⁾ VII, 86.

²⁾ VII, 189. 191.

³⁾ λέγουσι δὲ πολλὰ καὶ ἄλλα ἀνεπιστάτους οἱ Ἕλληνες. II 45.

⁴⁾ IV, 25. 27. III, 116.

⁵⁾ II, 121.

⁶⁾ IV, 5.

⁷⁾ IV, 105.

⁸⁾ II, 122.

⁹⁾ VIII, 135. Срвн. I, 214.

¹⁰⁾ II, 73. III, 16.

¹¹⁾ II, 123. 130—131.

Не одинъ разъ Геродотъ замѣчаетъ, что онъ передаетъ только слышанное, нисколько не обязывая ни себя, ни читателя принимать подобнаго рода извѣстiя на вѣру¹⁾. Иногда онъ сообщаетъ нѣсколько извѣстiй или преданiй рядомъ и предоставляетъ читателю выбрать изъ нихъ наиболѣе правдоподобное или же таковое выбирать самъ²⁾; другой разъ заявляетъ прямо, что не знаетъ ничего о предметѣ и только позволяетъ себѣ нѣкоторыя соображенiя безъ окончательнаго вывода³⁾. Геродотъ самъ различалъ очевидно по степени достовѣрности нѣсколько источниковъ сообщаемыхъ имъ свѣдѣнiй: собственное наблюденiе (*ἑψικς*), соображенiе и заключенiе (*γνώμη*), изысканiя, сдѣланныя съ помощью чтенiя и разспросовъ (*ιστορίη*) и наконецъ простая передача со словъ другихъ (*κατὰ τὰ ἕκαστον*)⁴⁾.

Если къ первому и второму источнику относятся множество достовѣрныхъ свѣдѣнiй географическихъ, этнографическихъ и иныхъ, о предметахъ, видѣнныхъ историкомъ, множество интересныхъ мнѣнiй и выводовъ, то и тотъ материалъ, который онъ заимствовалъ у другихъ, также содержитъ въ себѣ для нынѣшняго изслѣдователя не мало поучительныхъ данныхъ, особенно для характеристики т. н. первобытныхъ общест-

1) *ἔγω δὲ ἄπειλω λέγειν τὰ λεγόμενα, πειθεσθαι γὰρ μὲν οὐ παντάπασιν πέλω καὶ μοι τοῦτο τ' ἔπος ἔχεται ἐς πάντα τὴν λόγον.* VII, 152. Срвн. IV 195. II, 123.

2) I, 2—5. 70. 95. 214. II, 3. 123. 146. III, 1—3. 9. 56. 120—121. IV, 5—13. VI 53. VII 213—214. VIII 95. 117—120. 82. 214.

3) I 49. 57. 87. 160. 171. 182. II 28. 103. III 105. IV 50. 82. 86. 94. 95. 96. 105. 149. 150. 175. 177. 185. V 45. VII 54. 133. 153. 185. 189. 239. VIII 8. 94. 128.

4) II, 99.

венныхъ и половыхъ отношенiй. Таковы драгоцѣнныя главы его исторiи о лигiянахъ, вавилонянахъ, скиноахъ, сарматахъ, массагетахъ, енетахъ, агаирсахъ, авсеяхъ, насамонахъ, магахъ, индiйцахъ¹⁾, или извѣстiе о свайныхъ постройкахъ еравiянъ²⁾, многiе записанные имъ варианты мiеовъ и преданiй, интересные въ бытовомъ или историческомъ отношенiи³⁾. Однако было бы большою ошибкою заключать изъ этихъ выраженiй историка, будто онъ послѣдовательно строго держится высказаннаго здѣсь правила объ источникахъ и о различiи свѣдѣнiй по степени ихъ достовѣрности: въ этомъ, какъ и въ другихъ отношенiяхъ, Геродотъ не выдерживаетъ критики съ точки зрѣнiя единства изложенiя. Преувѣличенiе достовѣрности Геродота происходитъ у комментаторовъ между прочимъ вслѣдствiе невниманiя ихъ къ этой особенности его «Исторiи».

Послушайте, какъ рассказываетъ историкъ объ индiйцахъ и въ особенности о муравьяхъ индiйскихъ ростомъ съ собаку, похожихъ на еллинскихъ муравьевъ, и стерегущихъ золото. Въ Индiи Геродотъ вовсе не былъ и передаетъ о ней слышанное отъ персовъ или другихъ свидѣтелей или гдѣ-либо вычитанное; между тѣмъ въ формѣ изложенiя басень нѣтъ никакихъ признаковъ того, что авторъ говоритъ со словъ другихъ, а не по собственнымъ наблюденiямъ⁴⁾. Не былъ Геродотъ и среди ливiйцевъ; свѣдѣнiями о нихъ онъ былъ обязанъ по всей вѣроятности жителямъ Кирены. Не смотря на

1) См. въ указателѣ къ переводу эти имена.

2) V, 16.

3) Срв. *Нашъ опытъ по исторiи рационализма*. Стр. 347 сл.

4) III, 102.

это мы находимъ у историка выраженіи, по нашимъ понятіямъ приличныя лицу, имѣвшему непосредственное общеніе съ ливіянми: «Я передаю то, что говорить сами ливіане», «такъ по крайней мѣрѣ разсказывается ливіянми», причемъ о посредствующихъ свидѣтеляхъ ни слова ¹⁾. Мацать убѣдительнѣе доказываетъ, что въ Мидіи Геродотъ не былъ и Агбатанъ не видѣлъ, что не мѣшаетъ ему сравнивать по объему столицу Мидіи съ Аѳинами какъ бы по собственному измѣренію ²⁾. Навѣрное Геродотъ не былъ у аммоніевъ въ глубинѣ Ливіи, хотя опять таки употребляетъ выраженіе: «такъ говорятъ аммоніи» ³⁾. Въ виду этого понятна настоятельная необходимость критики въ отношеніи къ геродотовымъ извѣстіямъ: многое изъ слышаннаго или прочитаннаго онъ принималъ на вѣру и тогда вовсе не нуждался въ указаніи источника свѣдѣній; многое объ отдаленныхъ и невѣдомыхъ странахъ передавалъ со словъ посредниковъ въ такой формѣ, какъ будто онъ слышалъ это отъ самихъ туземцевъ; отсюда неизбежно слѣдуетъ, что далеко не все и о мѣстахъ близкихъ, неоднократно имъ посѣщенныхъ, передается послѣ тщательной провѣрки.

Множествомъ самыхъ разнородныхъ свѣдѣній и высокою сравнительно степенью скептицизма и критики Геродотъ обязанъ былъ главнымъ образомъ своимъ путешествіямъ по Елладѣ и островамъ, побережьямъ Чернаго моря, по Египту и Азін. Вторая книга нашего историка, посвященная описанію Египта, страны полной чудесъ и об-

¹⁾ IV 187. 191.

²⁾ I 98. Срвн. Matzat., о. с. 462 сл.

³⁾ III, 26.

ладавшей оригинальной древней культурой, не случайно содержитъ въ себѣ примѣры рационализма въ большемъ количествѣ, нежели какая-либо иная часть его труда. Не подлежитъ сомнѣнію, что если не исключительно, то во всякомъ случаѣ главнымъ образомъ путешествія совершены были Геродотомъ изъ любознательности. Онъ самъ говоритъ о себѣ, что ѣздилъ въ Фивы египетскія и Гелиополь съ цѣлью сличить тамошніе разсказы съ мемфисскими, а гелиополяне — наиболѣе просвѣщенные люди въ Египтѣ ¹⁾; на пути въ Елефантину онъ собиралъ свѣдѣнія объ истокахъ Нила и вообще объ Египтѣ ²⁾; ни отъ кого онъ не могъ узнать причины періодическихъ разливовъ Нила ³⁾. Съ цѣлью добыть возможно болѣе точныя свѣдѣнія объ египетскомъ Гераклѣ онъ посѣтилъ финикійскій Тиръ ⁴⁾, побывалъ въ Аравіи ради ознакомленія съ летающими змѣями ⁵⁾; заинтересовавшись вопросомъ о родственныхъ отношеніяхъ между египтянами и колхидянами онъ собиралъ отношенія къ вопросу свѣдѣнія на мѣстѣ ⁶⁾; онъ старательно разсматривалъ очевидцевъ, которые могли бы сказать точно, есть-ли море по ту сторону Европы ⁷⁾. Любознательность должна была увлекать Геродота изъ города въ городъ, изъ страны въ страну, а къ этому могли присоединиться какіе-либо коммерческіе и иные его интересы.

¹⁾ II, 3.

²⁾ II 19.

³⁾ *ibid.* 28—29.

⁴⁾ II, 44.

⁵⁾ *ib.* 75.

⁶⁾ *ib.* 104. Срвн. II, 106. VI, 46.

⁷⁾ III, 115.

Понятно, что и существующая письменная литература не могла остаться неизвестной историкам, как прозаическая, так и поэтическая. Изъ поэтовъ онъ хорошо знаетъ Гомера, Гесиода, Вияликовъ, Аристею проконнесскаго, Архилоха, Сафо, Ахея, Солона, Ласа, Симонида, Пиндара, Фриниха, Эхила, знаетъ и тотъ видъ стиховъ, который выдавался за творения Мусея и Олена, а по мнѣнію нашего историка былъ гораздо болѣе позднiго происхожденiя ¹⁾. Изъ прозаиковъ онъ называетъ по имени одного Гекатея подобно тому, какъ Фукидидъ называетъ одного Гегаланика. Очевидно сочиненiями прозаиковъ историкъ пользовался тѣмъ же способомъ и по тому же праву, какъ и устными показанiями свидѣтелей, которые также не называются по именамъ, не надѣляются присущими имъ признаками, хотя показанiя ихъ то принимались на вѣру историкомъ, то подвергались сомнѣнiю или отрицались, какъ не заслуживающiя вѣры.

Географическiя и этнографическiя свѣдѣнiя Геродота были для своего времени чрезвычайно обширны. Достаточно замѣтить, что его знанiе Египта простиралось до нынѣшней Абиссинiи, что имя Мероэ впервые стало извѣстно черезъ него, что имъ впервые опредѣлено настоящее положенiе Каспiйскаго моря и отношенiе его къ другимъ водамъ, что никто раньше его не проникалъ такъ далеко на сѣверъ въ глубь Россiи, и никто не собралъ столько свѣдѣнiй о многихъ народахъ нынѣшней сѣверной Африки ²⁾. О путешествiяхъ историка, о

¹⁾ См. имена въ указателѣ.

²⁾ *Le nord de l'Afrique dans l'Antiquité*. Vivien de St. Martin. Paris. 1863. Pp. 11 suiv. Ch. Tissot, *la Libye d'Herodote*. Bulletin de Corr. Hellén. 1877. p. 265—273.

времени ихъ и направленiи не говорить ни одинъ изъ древнихъ свидѣтелей; все, что мы знаемъ о нихъ, содержится въ самомъ трудѣ его и этихъ послѣднимъ подтверждается.

Съ наибольшимъ любопытствомъ и очевидно наибольше странствовалъ онъ по Египту ¹⁾. Саисъ, Мемфисъ, Канобъ, Навкратисъ, Гелиополь, Бубастисъ, Буто и блуждающiй островъ Хеммисъ, Бусирисъ съ ихъ окрестностями и изумительными памятниками были лично посѣщены и осмотрѣны историкомъ: верхнiя залы лабиринта, замѣчаетъ онъ, описываются имъ по собственному наблюденiю; онъ изслѣдовалъ способъ сооруженiя пирамидъ, а пирамиду Хефрена измѣрялъ самъ ²⁾; подлѣ пограничнаго города на востокѣ, Пелусiя, онъ видѣлъ поле битвы, на которомъ камбисовы войска одержали побѣду надъ египетскими, а выше этого города остатки давнихъ поселенiй карийцевъ и ионянъ ³⁾. Персидскiя владѣнiя въ Азiи онъ исходилъ по разнымъ путямъ, результатомъ чего были разнообразныя, часто точныя свѣдѣнiя о Лидiи, Карiи, Мидiи, собственной Персiи, о Вавилонѣ и т. п. ⁴⁾; историкъ намѣревался даже издать въ свѣтъ особое повѣствованiе объ Ассирiи ⁵⁾. Для насъ, русскихъ, особенную цѣнность и интересъ имѣеть путешествiе историка по черноморскому побережью,

¹⁾ II, 29. μέγιστα μὲν Ἐλεφαντίνους π' ἕως αὐτόπτης ἐλθων.

²⁾ II, 1—10. 12. 169—171. 175. 91. 97—99. 124. 150. 155—156. 73. 111. 113. 178. 130—132.

³⁾ II, 154. III, 12.

⁴⁾ I, 6—94. 154—157. 172. 185. 192. V, 49. 88. VI, 119. VII, 26—34. 62. VIII, 98 и др.

⁵⁾ I, 106.

начиная отъ города Аполлонія, хотя нельзя опредѣлить, какъ далеко проникалъ онъ въ глубь материка Скивіи, какія изъ сообщаемыхъ имъ свѣдѣній добыты путемъ личного наблюденія, а какія изъ разспросовъ тамошнихъ еллиновъ. Во всякомъ случаѣ свѣдѣнія Геродота объ этой мѣстности составляютъ почти единственный памятникъ исторіи юга Россіи въ V в. до Р. X ¹⁾.

Однако далеко не все свѣдѣнія Геродота, приобретенныя во время путешествій, отличаются одинаковою степенью достовѣрности, и не только свѣдѣнія историческія, но и географическія. Важнымъ источникомъ знаній объ отдаленныхъ странахъ и о прошломъ этихъ странъ были рассказы не только туземцевъ, но и сосѣдей ихъ и еллиновъ, которымъ почему-либо Геродотъ имѣлъ основаніе довѣрять, а равно немногія литературныя пособія. Не зная иностранныхъ языковъ и не умѣя пользоваться вещественными памятниками прошлаго, историкъ нашъ вынужденъ былъ довольствоваться отвѣтами часто весьма сомнительныхъ свидѣтелей или сличеніемъ нѣсколькихъ разнорѣчивыхъ показаній. Въ огромномъ числѣ случаевъ Геродотъ былъ вводимъ въ заблужденіе египетскими жрецами. Слабость критическихъ приемовъ историка изобличается, напримѣръ, тѣмъ, что мнѣніе свое о предѣлахъ Египта онъ свѣривляетъ ссылкой на аммонскаго оракула, или заключеніе свое о безрогомъ и рогатомъ скотѣ подтверждаетъ цитатою изъ Гомера ²⁾. Такимъ образомъ рядомъ съ вѣрными свѣдѣніями о посѣщенныхъ странахъ въ трудѣ Геродота содержатся въ боль-

¹⁾ IV, 1—144. 204. I, 6. 15—16. 73—74. 103—106. 201. 216. и др. Срвн. нашъ указат. къ Геродоту подъ сл. *Скивіи*. *Скиовъ*.

²⁾ II, 18. IV, 27.

шомъ числѣ басни, передаваемыя имъ однако какъ факты. «Памятники», замѣчаетъ Масперо, «повѣствуютъ или нѣкогда повѣдаютъ намъ о дѣлахъ Хеона, Рамсеса, Тутмосея, а отъ Геродота мы узнаемъ то, что говорили о нихъ на улицахъ главнаго города».

Такъ, положеніе свое о мудрости божественнаго промысла историкъ основываетъ на басняхъ о несущей плодovitости зайцевъ и о малоплоднѣ лвыцѣ, будто бы рождающихъ одинъ разъ въ жизни; такого же почти достоинства и разсужденіе его объ ехиднахъ ¹⁾. Въ разсказахъ о крокодилахъ и гиппопотамахъ мѣшатель безъ разбора слышанное или вычитанное изъ Гекатея съ тѣмъ, что, быть можетъ, наблюдалось имъ лично. Крокодилъ называется животнымъ безъязыкимъ, съ неподвижною нижнею челюстью, съ пастью, переполненною пиявками, которыя въ Нилѣ не водятся вовсе. Гиппопотамъ надѣляется лошадинымъ хвостомъ и лошадиной гривой, каковыхъ на самую дѣль у него нѣтъ, приписываются ему клыки, будто бы выдающіеся впередъ, тогда какъ зубы у гиппопотама прикрыты губами и видны только при открываніи пасти; копыта у него не раздвоены, какъ пишетъ Геродотъ, а имѣютъ по четыре пальца и пр. ²⁾. Въ видѣ достовѣрнаго факта сообщаетъ онъ басню объ египетскихъ кошкахъ, будто бы во время пожаровъ кидающихся въ огонь, не смотря на все старанія египтянъ спасать ихъ отъ огня ³⁾. Та же смѣсь правды и вымысла отличаетъ и другія извѣ-

¹⁾ III, 108—109.

²⁾ II, 68—71.

³⁾ II, 66.

стія его объ Эгиптѣ. Разсказъ о величайшей изъ пирамидъ подтверждается вполне новыми изслѣдованіями, равно какъ и имѣла царей, строителей трехъ наибольшихъ пирамидъ ¹⁾. Напротивъ извѣстіе о подземномъ каналѣ, будто бы проходившемъ вокругъ усыпальницы, — чистѣйшій вымыселъ, рассчитанный на легковѣріе слушателя и на интересъ его къ необыкновенному: подобный каналъ былъ даже невозможенъ, потому что усыпальница помѣщалась выше низкаго уровня Нила. Точно также выдуманы свидѣтелями Геродота или народнымъ воображеніемъ тѣ сто тысячъ рабочихъ, которые будто бы смѣнялись каждые три мѣсяца при сооруженіи пирамиды; передается невозможное содержаніе надписи на пирамидѣ Хеона. Слишкомъ преувеличены размѣры т. н. Миридова озера, имѣвшего на самомъ дѣлѣ не девяносто миль въ окружности, а тридцать, равно какъ и высота разливовъ въ Нилѣ, и размѣры наносовъ ²⁾; на самомъ дѣлѣ нильскіе наносы поднимаютъ почву Эгипта во сто лѣтъ на четыре дюйма, а въ тысячу лѣтъ на три съ четвертью фута. Такимъ образомъ, если бассейнъ сооруженъ былъ за полторы тысячи лѣтъ до Геродота, то почва нижняго Эгипта могла подняться за это время лишь на три-четыре локтя, а не на семь-восемь, какъ заключалъ Геродотъ ³⁾. Сильно преувеличена цифра полноправныхъ гражданъ въ Аоніахъ въ его время ⁴⁾.

¹⁾ *ibid.* 124—127. 134.

²⁾ *ibid.* 13. 101. 149.

³⁾ Lepsius, *Briefe aus Aegypten* (Duncker, G. d. Alt. I, B. 84—85).

⁴⁾ V, 97.

Ошибочны извѣстія историка о наследственности достоинства верховнаго жреца въ Эгиптѣ ¹⁾, о раздѣленіи эгипетскаго населенія на касты ²⁾, о заимствованіи еллинами отъ эгиптянъ гаданія по жертвеннымъ животнымъ ³⁾; съ ребяческой наивностью храмъ финикійской Астарты въ Мемфисѣ приписывается Еленѣ ⁴⁾; наконецъ со словъ жрецовъ историкъ настоячиво проводитъ мысль о заимствованіи еллинами боговъ ихъ отъ эгиптянъ ⁵⁾. Нечего прибавлять, что историческія свѣдѣнія Геродота объ Эгиптѣ, о временахъ, предшествовавшихъ Псамметиху могли быть лишь весьма недостаточными и сбивчивыми. Достаточно напомнить о томъ, напримѣръ, что цари, соорудители большихъ пирамидъ, принадлежатъ къ четвертой династіи и жили за нѣсколько вѣровъ до Мирида, а Геродотъ помѣщаетъ ихъ *послѣ* царей двадцатой династіи ⁶⁾.

Какъ очевидецъ, Геродотъ повѣствуетъ о Вавилонѣ, о положеніи его, о его постройкахъ, о нравахъ жителей и т. п. Новѣйшіе изслѣдователи, главнымъ образомъ Оппертъ ⁷⁾, доказали вѣрность множества наблюденій древняго историка ⁸⁾. Между тѣмъ этотъ случай

¹⁾ II, 37. 143.

²⁾ *ibid.* 164.

³⁾ *ibid.* 58.

⁴⁾ *ibid.* 112.

⁵⁾ *ibid.* 43. 50—53.

⁶⁾ *ibid.* 101. 124.

⁷⁾ I 178—183.

⁸⁾ *Expedition scientifique en Mesopotamie. Paris. 1863.* Brull, T. *Herodots Babylonische Nachrichten I. Zur Geographie und Topographie von Babylon.* Aach.-Progr. 1878, II. *Zur Geschichte und Kultur von Babylon.* I. 1885. Срвн. Grote, *Histoire de la Grèce* (trad. p. Sadous) V, 1 сг.

убѣдительно другихъ показываетъ, какъ мало Геродотъ заботился о точномъ разграниченіи для читателя лично изслѣдованнаго имъ отъ принятаго на вѣру безъ критики. Вавилонскія стѣны историкъ могъ наблюдать развѣ въ отдѣльныхъ обломкахъ, уцѣлѣвшихъ отъ разрушеній Дарія; мѣдныхъ воротъ онъ не могъ видѣть вовсе, такъ какъ онѣ были увезены оттуда задолго до того времени. Слѣдовательно всѣ тѣ измѣренія, которыя въ трудѣ Геродота имѣютъ видъ произведенныхъ имъ самимъ, были на самомъ дѣлѣ только повтореніемъ преувеличивавшихъ прошлое народныхъ толковъ ¹⁾. Ассирійскіе памятники не оправдываютъ ни хронологіи Геродота, ни извѣстій его объ ассирійскихъ царицахъ и другихъ легендарныхъ данныхъ, источникомъ которыхъ служили народныя пѣсни, даже быть можетъ не ассиріянами сложенныя. Равнымъ образомъ въ противорѣчій съ памятниками оказываются извѣстія Геродота о возвышеніи мидянъ. Въ мидійской и мидо-персидской этнографіи и исторіи также встрѣчается немало ошибокъ, исправленныхъ только въ послѣднее время ²⁾.

Если отъ этихъ странъ обратимся къ Европѣ, къ наиболее интересной для насъ странѣ, Скивіи, то и здѣсь найдемъ множество неточностей и еще болѣе неясностей. Черное море увеличено имъ вдвое въ длину, а наибольшая ширина показана въ полтора раза больше, къ тому же оно передвинуто далеко на востокъ; Азовское море

¹⁾ „Statt *ἑξατάσι* (sc. *ἑν τῶν τέχην*) würde H. richtiger *ἑξατάσων* (vgl. *ἦν* c. 178 4. *ἑπτάσων* u. *ἕξων* c. 180 13) gesagt haben, da ja schon Dareios Mauern u. Türme abgebrochen u. insbesondere sämtliche Thürflügel entfernt hatte (III, 159 3)^a. Срвн. тамъ же, III, 179.

²⁾ Duncker, *O. c. B.* II, Ss. 13 сл. 315 сл. 424 сл. и др.

увеличено еще больше; представленіе о фигурѣ Таврическаго полуострова ошибочно; Скивіи изображается въ видѣ равносторонняго четырехугольника; топографія, гидрографія и этнографія Скивіи изложены запутанно и во многомъ, разумѣется, невѣрно ³⁾. Движеніе киммерійцевъ онъ представляетъ себѣ въ невозможномъ направленіи; не менѣе трудно понять извѣстіе о походѣ скивовъ на Херсонесъ ⁴⁾. Нибуръ исчисляетъ множество ошибокъ еллинскаго историка въ географіи, климатологіи и другихъ свойствахъ описываемыхъ имъ странъ и народовъ ⁵⁾.

Присутствіе всѣхъ этихъ и подобныхъ ошибокъ въ трудѣ Геродота находятъ себѣ объясненіе частью въ несовершенствѣ средствъ къ точному изысканію, частью въ легковѣрїи писателя, въ его склонности къ анекдотическому, въ неумѣнїи примѣнить въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ тѣ правила относительно различенія источниковъ по степени достовѣрности, необходимость котораго очевидно признавалъ нашъ историкъ въ тео-

¹⁾ IV, 85. 86. 99.

²⁾ См. нашу статью: *Къ вопросу объ этн. и геогр.* Унив. Изв. 1882. № 11.

³⁾ II, 11—12. VI, 40. 84.

⁴⁾ *Kleine Schriften*, S. 136 ff. Вотъ что говоритъ Гульчъ о геродотовыхъ мѣрахъ вообще: Herodot ist gerade auf diesem Gebiete, besonders in Betreff der Längermasse nicht eben zuverlässig, es lassen sich ihm auf das bestimmteste Ungenauigkeiten und Verwechslungen nachweisen. Doch theilt mehr oder weniger diesen Fehler das ganze Griechenvolk mit ihm. Die Gewohnheit in runden Zahlen zu rechnen, die Masse nur nach ihrem ungefähren Betrage zu nehmen, ähnliche Masse verschiedener Völker gleich zu setzen, Entfernungen nur nach ungenauer Abschätzung zu bestimmen, war ganz allgemein. Hultsch, *griech. u. röm. Metrologie*. Berl. 1862, стр. 13.

рин. Только особенный вкус къ анекдоту могъ побудить историка ввести длинную басню о похитителяхъ сокровищъ Рампсианта, объ испытаніи поворожденныхъ младенцевъ или о женскомъ одѣянн на Эгиптѣ въ Аргосѣ и о тамошней посудѣ ¹⁾; или о томъ, какъ третья жена Демарата сдѣлалась красивѣйшей женщиной изъ безобразнѣйшей дѣвочки ²⁾. Онъ категорически передаетъ фактъ, что въ Эгиптѣ во время его пребыванія козелъ имѣлъ сообщеніе съ женщиною публично ³⁾. Онъ вполне вѣрить, что у жрицы педасейской Аэины выростаетъ борода каждый разъ, когда педасеямъ или сосѣдямъ ихъ грозитъ какое-либо несчастье ⁴⁾; подробно передаетъ небылицы о разныхъ народахъ Ливіи, какъ одинъ изъ тамошнихъ народовъ, напримѣръ, вообще не имѣетъ языка, а шипитъ, какъ летучая мышь; другой не ѣстъ ничего одушевленнаго и не видитъ никакихъ сновъ ⁵⁾; рассказываетъ анекдотъ о Софанѣ, одномъ изъ платейскихъ героевъ, который будто бы якорю обязанъ былъ своими подвигами ⁶⁾; по тому же самому побужденію онъ останавливается на баснѣ о кормленн дѣтей керкирянъ саміаннами ⁷⁾.

Слѣдовательно, легковѣріе, лишь слабая степень умѣнія и охоты опредѣлять относительную цѣнность получаемыхъ извѣстій и согласно этому отбрасывать ихъ

¹⁾ П, 121. 2—3. У, 88—89.

²⁾ VI, 61.

³⁾ П, 46.

⁴⁾ I, 175. VIII, 104.

⁵⁾ IV, 183. 184. Срвн. IX, 83.

⁶⁾ IX, 74.

⁷⁾ III, 48. Срвн. I, 67—68. 82. V, 1. VI, 107. IX, 93.

въ своемъ трудѣ, наконецъ наклонность къ анекдотическому и чрезвычайному, — эти свойства историка, особенно неблагоприятны для возстановленія прошлаго, обязываютъ читателя относиться не иначе, какъ съ осторожностью и критически и къ географической части его труда. Если первоначальное, слишкомъ отрицательное отношеніе къ «отцу исторіи» оказалось несправедливымъ, неоправдавшимся въ виду позднѣйшихъ успѣховъ исторіи, географіи и этнографіи, то съ другой стороны необходимо воздерживаться и отъ противоположной крайности. Многія вѣрныя извѣстія перемежаны у него съ извѣстіями сомнительными и даже явно ошибочными, а потому все они пугаются въ критической проверкѣ. Тѣ же самые успѣхи знанія, которые отняли отъ имени Геродота старые эпитеты лжеца, клеветника и т. п., показываютъ ясно, что эллинскій историкъ V в. до Р. X. былъ прежде всего сыномъ своего времени, и потому оставленный имъ памятникъ необычайной любознательности, добросовѣстности и обширныхъ свѣдѣній не отвѣчаетъ во многихъ отношеніяхъ, да и не можетъ отвѣчать нынѣшнимъ требованіямъ научной достовѣрности.

Ни многочисленныя собственныя наблюденія, ни удостоверенная выше любовь къ истинѣ, ни многократно обнаруженный скептицизмъ не въ состояніи были перевѣсить въ историкѣ другихъ свойствъ личныхъ, также препятствовавшихъ правдивому установленію событій и выясненію подлинныхъ мотивовъ ихъ и причинъ. Геродотъ — прежде всего человекъ глубоко религіозный, твердо вѣрующій въ непрестанное внимательство божества въ людскія дѣла, причемъ божеское откровеніе

совершается въ сновидѣніяхъ, въ разнаго рода знаменійхъ и чудесахъ, въ наказаніяхъ грѣшниковъ, а иногда и въ непосредственныхъ появленіяхъ боговъ. Такъ, Панъ повстрѣчался съ аонскимъ глашатаемъ на пути его въ Спарту ¹⁾, боги сами защитили храмъ отъ посягательства варваровъ, когда сіи послѣдніе покусились было ограбить дельфійскій храмъ Аѳины Пронаі; священное вооруженіе само по себѣ вышло изъ святилища и легло у порога, а съ приближеніемъ враговъ свернула на небѣ молнія, отъ Парнаса оторвались двѣ вершины, съ шумомъ скатились на варваровъ и истребили большое число ихъ, въ то же время изъ храма прозвучалъ громкій голосъ и раздались боевые клики; по словамъ дельфійцевъ въ преслѣдованіи и умерщвленіи варваровъ участвовали два мѣстныхъ героя. Историкъ увѣряетъ, что оторвавшіеся отъ Парнаса камни еще въ его время лежали на священной землѣ Аѳины Пронаі ²⁾. Голосъ Аѳины слышится дважды въ саламинскомъ сраженіи ³⁾; въ томъ же сраженіи принимаютъ участіе Вахъ, Эантъ и Теламонъ ⁴⁾; пораженіе персовъ при Платеяхъ причиняетъ Деметра, а на Микале явленный жезлъ ободряетъ еллиновъ и рѣшаетъ участь враговъ ⁵⁾; Креза отъ смерти избавляетъ Аполлонъ ⁶⁾; сооруженіе храма героямъ избавило цѣлый родъ отъ преждевременной смертности дѣтей и т. д. ⁷⁾.

¹⁾ VI, 105—106. Срвн. 117.

²⁾ VIII, 35—39.

³⁾ *ibid.* 94.

⁴⁾ *ibid.* 64. 65. 83.

⁵⁾ IX, 57. 62. 65. 100.

⁶⁾ I, 87. 91.

⁷⁾ IV, 149. 151. Срвн. I, 7. 13. 84. VII, 178. 289. VIII, 129.

Благочестивый страхъ Геродота передъ богами внушаетъ ему опасеніе прогнѣвать божество разоблаченіемъ тайнъ его, повѣствованіемъ о немъ или даже помянованіемъ его ¹⁾. Божество требуетъ вниманія къ себѣ, щадитъ чтущихъ его и наказуетъ забывающихъ или оскорбляющихъ его ²⁾. Съ особенной охотой Геродотъ отмѣчаетъ изреченія оракуловъ, гадателей, случаи исполненія всякаго рода предсказаній, сновидѣній и чудесныхъ знаменій. Одинъ списокъ относящихся сюда мѣстъ краснорѣчиво и безошибочно свидѣтельствуетъ о настроеніи историка ³⁾; отмѣтимъ только, что и пораженіе персовъ въ борьбѣ съ еллинами было предсказано оракуломъ ⁴⁾. Однако и здѣсь Геродотъ обнаруживаетъ нѣкоторый скептицизмъ: только ясныя изреченія гадателей не возбуждаютъ въ немъ сомнѣнія ⁵⁾; пнѳія была подкуплена Алкмеонидами и спартанскимъ царемъ Клеоменомъ ⁶⁾; Ономакрить подбиралъ подходящія проричанія ⁷⁾; неблагоприятныя для персовъ предсказанія

¹⁾ II, 3. 43. 45. 46. 47. 48. 51. 61. 62. 81. 86. 132. 170. 171. IX, 65.

²⁾ I, 19. 22. 87. 91. II, 105. 161. 165—167. 169. III, 25. 29. 30. 38. 64. IV, 150—151. V, 56. 85. VI, 86. 96. 101. 132—136. VII, 8. VIII, 32 сл. IX, 14. 65. 101. 116. 120.

³⁾ «Божество обыкновенно какии-нибудь образомъ предзнамуетъ тяжкое бѣдствіе, угрожающее городу или народу». VI, 27. 98. I, 34. 78. 85. 87. 107. 108. 209. 210. II, 141. III, 10. 30. 64. 86. 124. 125. 153—154. IV, 79. 151. V, 55—56. VI, 69. 107. 118. 131. VII, 12—19. 57. VIII, 37. 38. 104. IX, 11. 16. 37. 38 и др. См. «указатель» подъ словами: оракулъ, сновидѣніе, чудо.

⁴⁾ VII, 6.

⁵⁾ VIII, 77.

⁶⁾ V, 63. VI, 66. 75. 84.

⁷⁾ VII, 6.

скрывался¹⁾; ассирияне не последовали устрашающимъ внушениямъ инопіи п—не ошибались²⁾.

Что касается воззрній Геродота на божество по отношенію къ людямъ, то они представляютъ смѣсь понятій различныхъ порядковъ, и напрасно было бы пытаться свести ихъ къ одному какому-либо началу.

Завистливость божества исповѣдывалась Геродотомъ вмѣстѣ съ современнымъ ему обществомъ и съ другими писателями. Ошибочно смѣшиваемое съ немезидою, или воздаяніемъ комуждо по дѣломъ его, представленіе это составляетъ одну изъ наиболѣе характеристическихъ и первобытныхъ чертъ антропоморфизма.

«Ты видишь», говоритъ Артабанъ Ксерксу, «какъ божество молніей поражаетъ животныхъ, выдающихся надъ другими, не позволяя имъ возноситься; напротивъ, мелкія животныя не раздражаютъ его. Ты видишь также, что оно всегда мечетъ свои перуны въ наибольшія зданія, и въ самыя высокія деревья; божеству вѣдь пріятно калѣчить все выдающееся. Подобно этому и по той же самой причинѣ громадное войско можетъ быть сокрушено малочисленнымъ: если изъ зависти божество наведетъ на воиновъ страхъ или ударитъ въ нихъ молніей, войско погибнетъ постыдною смертью. Божество не терпитъ, чтобы кто-нибудь другой, кромѣ его самого, мнилъ высоко о себѣ»³⁾. Вотъ почему могущественнѣйшіе люди неизбѣжно подвергаются величайшимъ несчестьямъ⁴⁾. Божество сокру-

шаетъ могущество человѣка тѣмъ охотнѣе и полнѣе, чѣмъ болѣе обладатель его полагается на свои силы и приумножаетъ ихъ. Подъ влияніемъ этого взрванія Геродотъ не останавливался передъ чрезвѣрнымъ предувеличеніемъ ксерксовыхъ полчищъ, ринувшихся на Египетъ. Персидскія войска въ этомъ походѣ исчислены историкомъ въ 5,283,220 человѣкъ, тогда какъ Ктесія и впоследствии Евфоръ опредѣляли численность ихъ въ 800,000 или немного больше¹⁾.

Читатель видитъ, что въ этихъ случаяхъ нѣтъ и рѣчи о какихъ-либо преступленіяхъ со стороны сильныхъ лицъ противъ людей или боговъ; божество не терпитъ никакого превосходства, и только за это сокрушаетъ высокіе дома и деревья, истребляетъ большихъ животныхъ и губитъ сильныхъ людей.

Другимъ предметомъ боевой зависти служить невозмутимость человѣческаго благополучія. «Всякое божество завистливо и любитъ смуту», замѣчаетъ Солонъ Крезу; даруя кому-либо счастье, оно потомъ окончательно губитъ счастливецъ²⁾: давая людямъ вкусить сладость жизни, завистливое божество отравляетъ ее несчестьями³⁾. Благочестиваго, богами любимаго Креза божество повергаетъ въ тяжкую скорбь за то, по предположенію историка, что лидійскій царь пожелъ себя счастливѣйшимъ человѣкомъ⁴⁾. По замѣчанію того же Креза людскія несчестія доставляютъ на-

¹⁾ IX, 42. 43.

²⁾ VII, 139.

³⁾ VII, 10 с.з.

⁴⁾ VII, 203.

¹⁾ Герод. VII 184—186. Срвн. Дункеръ, *Gesch. d. Alterth. VII.* 1882, стр. 206 иривѣч.

²⁾ I, 32.

³⁾ VII, 46.

⁴⁾ I, 34. 87.

слаженіе богамъ ¹⁾. Поликрать самійскій погибъ жестокою смертью, и вина его состояла лишь въ постоянствѣ счастья ²⁾. Въ силу такого возрѣнія человѣческое существованіе неизбѣжно пренеполено всякаго рода неудачъ и несчастій; «человѣкъ весь—случайность», замѣчаетъ Солонъ ³⁾, и смерть становится высшей наградой за добродѣтели, высшимъ благомъ человѣка ⁴⁾.

Представленіе о завистливости и недоброжелательствѣ божества, несомнѣстимое ни съ правиломъ воздаянія тою же мѣрою, ни съ понятіемъ мудраго божескаго промысла, есть наследіе временъ грубыхъ и варварскихъ, принадлежность вѣрованія, что страданія людей доставляютъ богамъ удовольствіе. Въ древне-еллинской поэзіи подобное настроеніе верховнаго божества изображено полнѣе всего въ эхиловомъ «*Промеетѣ*». Источникъ зевсовой злобы и жестокости противъ Титана—жажда мести въ недавнемъ побѣдитель-владыкѣ за отважную и удачную попытку могущественнаго друга улучшить участь тѣхъ самыхъ людей, которые Зевсомъ обречены на прозibanіе и гибель ⁵⁾. Та же самая зависть и недоброжелательство вызываютъ со стороны боговъ недовольство Ксерксомъ за проложеніе моста черезъ Геллеспонтъ ⁶⁾, запрещеніе княдянамъ перека-

пывать перешеекъ ¹⁾; богобоязненный Геродотъ усматриваетъ въ прорытіи Аонскаго перешейка лишь грѣховную кичливость персидскаго владыки ²⁾.

Что представленію это перенесено древнимъ эллиномъ съ человѣка на божество, о томъ ясно свидѣтельствуиотъ нѣкоторыя мѣста самой же исторіи Геродота. Ахеменееъ замѣчаетъ объ эллинахъ, что «они завидуютъ благополучію другихъ и ненавидятъ сильнѣйшихъ» ³⁾. По словамъ персидскаго вельможи, «зависть присуща человѣку отъ рожденія», но особенно страдаетъ ею единоличный правитель государства; онъ завидуетъ не взирая на то, что располагаетъ всѣми благами, и притомъ завидуетъ достойнѣйшимъ гражданамъ ⁴⁾,—подобно тому какъ Зевсъ завидуетъ добродѣтельнымъ людямъ ⁵⁾.

Какъ мы замѣтили выше, Геродотъ смѣшиваетъ понятія зависти и немезиды, и потому наказаніе Креза, человѣка добродѣтельнаго, смертью сына, готовъ считать «тяжкимъ возмездіемъ», тогда какъ необычайная гибель преступной Феретимы—превращеніе заживо въ кучу червей—предстаетъ ему проявленіемъ божеской зависти ⁶⁾. Относительно Ксеркса и персовъ замѣчается двойственность: историкъ какъ бы не довольствуется тѣмъ, чтобы изобразить пораженіе варваровъ и владыки ихъ, какъ послѣдствіе величія и

¹⁾ I, 87.

²⁾ III, 40—43. 125.

³⁾ I, 32. 207. 58. III, 33. VII, 46. 49. 203.

⁴⁾ I, 31. VII, 46.

⁵⁾ См. нашъ *Опытъ*, стр. 232 сл. *Божество Промеетъ въ трагедіи Эхила*. Кіевъ. 1877.

⁶⁾ Aesch, Pers. 744—6. (Dind.).

¹⁾ Герод. I, 174.

²⁾ VII, 24.

³⁾ VII, 236.

⁴⁾ III, 80.

⁵⁾ οὐτως ἐπιτινος (Зевсъ) τοῖσι χρηστοῖσι φθονεῖ. Aristoph. *Plut.* 92. Ζεὺς με ταῦτ' ἔδρασεν ἀνδραπόσι φθονῶν. *ibid.* 87 (Dind.).

⁶⁾ ἐκ θεοῦ νέμεσις μετὰλλῃ. I, 34. IV, 205.

ничливости, и потому старается представить Ксеркса запятнаннымъ всевозможными преступленіями относительно боговъ и людей.

По словамъ Эмистотла, боги и герои, а не люди, спасли Елладу: они не могли допустить, чтобы пады Европой и Азіей владычествовалъ одинъ человекъ, къ тому же преступный и нечестивый, который приравнялъ священные храмы къ частнымъ жилищамъ, низвергалъ и сожигалъ святилища, бичомъ каралъ море и бросилъ въ него оковы ¹⁾. Нѣсколько выше Ксерксъ гордится своимъ происхожденіемъ, а неисчислимое войско, переведенное имъ въ Европу, уподобляло его Зевсу въ глазахъ нѣкоторыхъ еллиновъ,—обстоятельство, котораго самого по себѣ было достаточно для возбужденія гнѣва боговъ ²⁾. Само собою разумѣется, Геродотъ не чувствовалъ ничего предосудительнаго въ представленіи божества завистливымъ, и въ этомъ отношеніи отличался отъ Эхила. У этого послѣдняго мы находимъ такое выраженіе: «издревле существуетъ у людей изреченіе, что великое, совершенное счастье порождаетъ дѣтей, не погибаетъ бездѣтнымъ, и что отъ благополучія происходятъ для потомства неисчислимыя бѣды. Одинъ я думаю иначе: нечестивое поведеніе родитъ многія злодѣянія, похожія на своего прародителя; но счастливая судьба праведнаго дома всегда порождаетъ прекрасное потомство» ³⁾. Однако ясное различіе между завистью и немезидою встрѣчаются впервые у Аристотеля и Плутарха, причемъ зависть счи-

тается порокомъ, а немезида добродѣтелью. «Немезида», говоритъ философъ, «занимаетъ середину между завистливостью и злорадствомъ; вѣдь оба эти свойства заслуживаютъ порицанія, а немезида—похвалы. Немезида состоитъ въ огорченіи по поводу того, что блага достаются на долю недостойнаго, и тотъ, кто огорчается этимъ, есть испытывающій немезиду. Онъ же огорчается и въ томъ случаѣ, если видитъ, что кто-либо подвергается бѣдамъ незаслуженно... Завистливый поступаетъ противоположно этому: онъ огорчается при видѣ благополучія когдъ бы то ни было, достоинъ-ли онъ его, или недостойнъ, безразлично. Подобно этому злорадствующій радуется бѣдствію другаго, и заслуживающаго это и не заслуживающаго» ¹⁾. Добродѣтелью называютъ немезиду и Плутархъ, понимая подъ нея негодованіе противъ тѣхъ, которые пользуются благополучіемъ незаслуженно, когда они, распалиемые безуміемъ и наглостью, должны быть смиренны ²⁾.

Другое религиозное представленіе Геродота, еще больше сближающее его съ двумя древними трагиками и сообщающее всему труду религиозно-этической характеръ ³⁾,—это представленіе о немезидѣ божества, или о справедливомъ, соответствующемъ вѣсѣ возмездіи. «За тяжкія обиды слѣдуютъ отъ боговъ и тяжкія наказанія», замѣчаетъ историкъ по поводу гибели троицевъ за оскорбленіе Менелая Парисомъ ⁴⁾. То же самое

¹⁾ *Magna Moral.* I, 28.

²⁾ ἡ νέμεσις ἐπὶ τοῖς παρ' ἀξίαν εὐτυχουσι, ὅταν ἄμα ἀνοία καὶ ὄβρις φλεγόμενοι τὴν ψυχὴν ἐπισχίσσας δύνονται. *De virt. moral.* p. 481 c.

³⁾ VII, 211. 56.

⁴⁾ τῶν μεγάλων ἀδικημάτων μεγάλα εἰσι καὶ αἱ τιμωρίαι παρὰ τῶν θεῶν. II, 120.

¹⁾ VIII, 109.

²⁾ VII, 11. 56.

³⁾ *Агатемп.* 750—756 (Д).

положение высказывает Геродотъ въ концѣ IV книги по случаю ужасной смерти жестокосердой Феретимы: «чрезмѣрная месть ненавистна богамъ» ¹⁾. Оройта погибаетъ въ наказаніе за умерщвление Поликрата ²⁾. Обходя естественныя причины болѣзни и смерти Клеомена, историкъ замѣчаетъ, что онъ наказанъ за Демарата ³⁾; за Демарата же погибъ и Леотихидъ ⁴⁾. Смерть Леонида наказана смертью Мардонія ⁵⁾. Пеласги наказаны за жестокость относительно аѳинскихъ женщинъ и дѣтей ихъ ⁶⁾. Крезъ потерялъ несчастье за убіеніе Кандавлы предкомъ его въ пятомъ колѣнѣ ⁷⁾. Интересный въ этомъ смыслѣ случай представляетъ наказаніе богами жителей Аполлоніи за обиду, несправедливо нанесенную ими пастуху Евенію ⁸⁾. Историкъ увѣренъ, что Аѳины *должны* были понести наказаніе за умерщвление глашатаевъ; онъ не знаетъ только, какую изъ постигшихъ Аѳины бѣдъ считать возмездіемъ за это преступленіе ⁹⁾. Камбиса умираетъ отъ того самаго меча, какимъ онъ смертельно поразилъ Аписа ¹⁰⁾. Случай съ спартацемъ Главкомъ разеказанъ аѳинянамъ съ цѣлью убѣдить, что божество караетъ въ одинаковой мѣрѣ умыселъ и самое преступленіе, преступника, весь домъ

¹⁾ IV, 205.

²⁾ III, 128. 126.

³⁾ VI, 75. 84. V, 42.

⁴⁾ VI, 72.

⁵⁾ VIII, 114. IX, 64.

⁶⁾ VII, 139—140.

⁷⁾ I, 13. 91.

⁸⁾ IX, 92—94.

⁹⁾ VII, 133.

¹⁰⁾ III, 64.

его и потомство. «У клятвы есть дѣтище», говоритъ оракулъ Главку, «безыменное, безрукое и безногое; клятвопреступника преслѣдуетъ оно съ ожесточеніемъ, пока не достигнетъ его, не сокрушитъ всего его потомства и всего дома.» Пивіи при этомъ добавила, что испытывать божество и свершить грѣхъ одно и то же. Главкъ убоялся грозныхъ рѣчей пивіи, возвратилъ утаспныя имъ деньги; однако «пѣтъ болѣе потомковъ Главка, пѣтъ и дома, который почитался бы главковымъ: съ корнемъ вырванъ онъ изъ Спарты» ¹⁾.

И это предетавленіе о возмещающемъ божествѣ, причемъ мстительность боговъ постигаетъ не одного виновнаго, но простирается на все потомство его, на его родину и т. п. ²⁾, не только раздѣлялось нашимъ историкомъ съ трагиками ³⁾, но и отвѣчало господствовавшимъ въ Аѳинахъ правовымъ отношеніямъ. Если такъ было два-три десятка лѣтъ по смерти Перикла, то, разумѣется, во время Геродота и для него самого воздаяніе равною мѣрою тѣмъ болѣе представлялось верховнымъ закономъ справедливости. «Въ прекрасныхъ и ясныхъ рѣчахъ Лисіи», замѣчаетъ Тониссенъ, «составленныхъ четверть вѣка спустя послѣ смерти Перикла, единственнымъ источникомъ и исключительною цѣлью уголовного права является месть и устрашеніе» ⁴⁾.

¹⁾ VI, 86 γ—δ.

²⁾ I, 13. 87. 91. 159. 167. II, 120. IV, 150—151. V, 56. VI, 86. 87. VII, 12. 14. 17. IX, 109.

³⁾ См. нашъ *Опытъ*, стр. 242 сл. 254 сл.

⁴⁾ Qu'on lise les harangues si belles et si pures de Lysias composées un quart de siècle après la mort de Periclés; la vengeance et la terreur y figurent comme la source unique et le but exclusif

И съ этой стороны геродотово божество не возмывается надъ антропоморфическими религиозными вѣрваніями и представляетъ послѣдіе тѣхъ житейскихъ отношеній въ еллинскомъ обществѣ, когда личная месть составляла единственное начало правосудія. Отправленіе божескаго правосудія называется у него возданіемъ равнаго ¹⁾. Въ римскомъ правѣ существовалъ особый терминъ для такого рода наказанія, *talio*, что, по объясненію Пандора, означаетъ *similitudo vindictae, ut taliter patiatur ut fecit* ²⁾. Въ позднѣйшее время *talio* было узаконено только за нѣкоторыя преступленія, главнымъ образомъ за ложный доносъ ³⁾. Въ самомъ трудѣ Геродота мы находимъ характеристическій примѣръ *talionis* безъ вмѣшательства боговъ. Такъ, жители Аполлоніи приговорили пастуха Евенія къ лишенію зрѣнія за то, что онъ заснулъ на стражѣ и тѣмъ допустилъ волковъ въ стадо овецъ ⁴⁾. Два благородныхъ спартаца добровольно изъявляютъ согласіе смиръ своею смертью тяготящую надъ родиною вину—умерщвленіе гламатаевъ Дарія ⁵⁾. Персы жгли еллинскіе храмы въ отмщеніе за то, что еллины сожгли прежде храмъ Гибелы въ Сардахъ ⁶⁾. Гермотимъ за нанесенную ему обиду отмстилъ больше всѣхъ людей: жертвою мести былъ

de la justice criminelle". Thonissen, *Le droit pénal de la republique athénienne*. Brux. 1875 p. 417 et passim.

¹⁾ *ἵσων τὰ ἴσα κερύοντων*, VI, 11, 109.

²⁾ V 21.

³⁾ *Quinct. Declar.* 313. 353. 372, *Cod.* IX, 12, 7. 2, 21. 39, 2. 46, 10.

⁴⁾ IX 93.

⁵⁾ VII 134.

⁶⁾ V, 102. Срви. II, 78.

не только Паніоній, обидѣвшій Гермотима, но и четыре сына его ¹⁾. Въ гнѣвъ на Ликида аоніискія женщины умертвили жену его и дѣтей ²⁾. Женамъ виновныхъ баргіянъ Феретина отрѣзала груди и утыкала изъ городскую стѣну ³⁾. Несомнѣнно, эта именно черта людскаго примитивнаго суда гораздо раньше Геродота перенесена была на еллинское божество, отъ котораго по убѣжденію историка не можетъ быть скрыто никакое преступленіе. Человѣка, обреченнаго на гибель, божество обманываетъ, «отнимаетъ у него разумъ», внушаетъ ему преступныя памфренія и такимъ образомъ ускоряетъ рѣшеніе его участи. *Quos vult perdere Jupiter dementat*. Божество помрачило разсудокъ Астіага; Аполлонъ въ Бранхидахъ далъ вопрошающимъ ложный отвѣтъ, чтобы довести народъ ихъ до ненавистнаго богамъ дѣянія и тѣмъ самымъ скорѣе погубить ⁴⁾. Эгипетскій царь Сабагонъ не слѣдуетъ внушенію сновидѣнія, будучи увѣренъ, что божество совѣтуетъ ему совершить злодѣяніе для того, чтобы подвергнуть его какому-либо бѣдствію отъ боговъ или отъ людей ⁵⁾. Нагляднѣе всего такое свойство божества обнаружилось въ отношеніи къ Ксерксу во время сборовъ его въ походъ на Елладу, когда настойчиво и неоднократно, обѣщаніями и угрозами божество побуждало персидскаго владыку къ войнѣ съ еллинами, которая должна была кончиться позорнымъ для него

¹⁾ VIII, 105, Срви. 104—106.

²⁾ IX, 5.

³⁾ IV, 202.

⁴⁾ I 127.

⁵⁾ *ibid.* 159. Срви. VI, 135.

пораженіемъ ¹⁾. Вообще согласно съ такимъ вѣрованіемъ Геродотъ недоумѣваетъ въ виду несчастій людей, которые за свои добродѣтели должны бы пользоваться благополучіемъ, и всячески старается оправдать или объяснить незаслуженныя катастрофы ²⁾. Вообще божество у Геродота, такъ же какъ и у трагиковъ, является гораздо болѣе грознымъ и карающимъ, нежели помогающимъ и награждающимъ. Въ одномъ только пунктѣ историкъ уклоняется отъ народнаго вѣрованія, не одобряя подобно Теогииду наказанія дѣтей за родителей ³⁾.

Благость, всепрощеніе, непротивленіе злу не имѣли мѣста въ системѣ воззрѣній Геродота; положеніе «око за око, зубъ за зубъ» составляло основу его морали, но и чрезмѣрная мстительность также подлежитъ наказанію ⁴⁾.

Хотя завистливость божества и немезида—понятія между собою несогласимыя, но оба эти свойства, особенно первое, обуславливаютъ дѣятельную роль боговъ въ судьбахъ отдѣльныхъ личностей и цѣлыхъ общинъ, народовъ и государствъ. Человѣкъ нуждается въ точномъ знаніи воли божества и его настроенія въ виду такого или иного предпріятія или поведенія другаго. Отсюда чрезвычайно частыя случаи людскихъ моленій въ богамъ, жертвъ, чудесныхъ знаменій, сновидѣній, изреченій оракуловъ; каждый разъ, по убѣжденію Геродота, человѣку необходимо испытать всѣ средства какъ

для умилостивленія боговъ, такъ и для опредѣленія ихъ рѣшенія.

Однако тотъ же Геродотъ исповѣдывалъ и такія вѣрованія, которыя находятся въ непримиримомъ противорѣчій съ выше разсмотрѣнными представленіями его о богахъ, объ измѣнчивости ихъ рѣшеній, о жертвахъ, молитвахъ и т. п. Это—прежде всего понятіе о судьбѣ, о непреложности ея истонныхъ опредѣленій. «Такъ должно случиться, и ни человѣкъ, ни само божество не въ силахъ отворотить или измѣнить неизбѣжное»,—такова ясно выраженная формула геродотова понятія о рокѣ ¹⁾; въ другомъ мѣстѣ овианницъ Аттагинъ замѣчаетъ, что человѣкъ не можетъ отворотить того, чему быть рѣшено божествомъ ²⁾. Самое покушеніе отворотить вѣдѣнія рока наказуется божествомъ ³⁾. Никакія жертвы не могутъ измѣнить опредѣленной судьбы ⁴⁾. То же самое понятіе о неотвратимости опредѣленной рока или (?) божества выражено Геродотомъ и въ нѣсколькихъ еще другихъ случаяхъ ⁵⁾. Иногда онъ довольствуется безличными равнозначущими выраженіями: «должно» или «не должно было случиться», «будущее неотвратимо» ⁶⁾.

¹⁾ τὴν περὶ τὴν πόλιν ἀδύνατά ἐστι ἀποφυγεῖν καὶ θεῶν. I, 91.

²⁾ ὅτι θεῶν ἡμίθεοι ἐκ τοῦ θεοῦ ἀρχήσαντες ἀποτρέφαι ἀνθρώπων IX, 16.

³⁾ VII, 17.

⁴⁾ VII, 189. 191.

⁵⁾ III, 43. 64. 65. 154. Судьба у Геродота то властвуетъ надъ богами, то отождествляется съ божествомъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ смыслѣ рока употреблено δαίμονος. I, 87. II, 120. Угрожающая персамъ гибель называется Артабаномъ φέρει θεόλατος. VII, 18.

⁶⁾ I, 8. 13. II, 161. 173. IV, 79. V, 33. 49. 92γ. VI, 64, 135. III, 65.

¹⁾ II 139.

²⁾ VII 12—19.

³⁾ I, 91. II, 129. 133. IX, 15 сл.—) VII, 137.

⁴⁾ IX, 79. IV, 205.

«Столь же мало согласуется съ измѣнчивостью въ строеніи боговъ и четвертое религиозное понятіе историка, — божеское провидѣніе, или промыслъ божій (τοῦ θεοῦ ἡ προνοία). Самое названіе *боговъ*, θεοί, предполагаетъ, по его мнѣнію, установленіе богами извѣстнаго порядка и опредѣленныхъ правилъ для всего существующаго ¹⁾. Въ другомъ мѣстѣ историкъ замѣчаетъ, что промыслъ божій, какъ и подобаетъ ему, мудръ и цѣлесообразно создалъ животныхъ полезныхъ человеку многоплодными, а вредныхъ малоплодными ²⁾.

Понятно, что какъ роковая, непреложная необходимость всего совершающагося, такъ и все разумно устроенный промыслъ божій исключаютъ вѣрованіе въ случайность, въ непрестанное, дѣятельное внимательство сверхъестественныхъ существъ въ окружающее, особенно по внушенію зависти или мстительности съ одной стороны, подѣ влияніемъ молитвъ, жертвоприношеній и т. п. съ другой.

Мы не послѣдуемъ за тѣми учеными, которые стараются свести въ эти разнородныя представленія древняго историка къ общему началу и расположить ихъ въ несвойственномъ имъ порядкѣ внутренней послѣдовательности и преемственности. Напротивъ, мы обращаемъ вниманіе на эту черту міросозерцанія Геродота, какъ на одну изъ характеристическихъ особенностей недостаточно дисциплинированнаго ума. Чѣмъ ниже спускаемся по ступенямъ образованности, тѣмъ при-

¹⁾ θεοὶ δὲ προνοῦν ἅσπασιν ἀπὸ τοῦ τοκοῦτο, ἔτι κίρασι θέντες τὰ πάντα πρῶματι καὶ πάσας νομεῖς εὐχον. II, 52.

²⁾ καὶ καὶ τοῦ θεοῦ ἡ προνοία, ἡσπερ καὶ οἰκὸς ἐστὶ, τοῦσα σφοδρὰ κτλ. III, 108.

мѣры допущенія несогласимыхъ между собою представлений становятся многочисленнѣе и очевиднѣе. Такъ, гомеровскіе еллины представляли себѣ покойниковъ то въ видѣ совершенно невещественныхъ тѣней, то въ видѣ полувещественныхъ обитателей преисподней, пьющихъ жертвенную кровь, проливающихъ слезы и т. п. (Относительно евреевъ Спенсеръ отмѣчаетъ, что «они приписываютъ духамъ то вещественность, то невещественность, то нѣчто среднее между тою и другою. Напримѣръ, воскресшіи представляются имъ въ одно и то же время и какъ обладающіи ранами, допускающими осязательное изслѣдованіе, и какъ проходящіи тѣмъ не менѣе совершенно безпрепятственно черезъ запертыя двери и черезъ стѣны. Подобнымъ же образомъ представляли себѣ евреи и другихъ сверхъестественныхъ существъ вообще, какъ добрыхъ, такъ и злыхъ, какъ тѣхъ, которыя были ожившими мертвецами, такъ и тѣхъ, которыя были независимыми духами. Такъ, ангелы описываются ими то какъ существа вполне тѣлесныя, то какъ существа безтѣлесныя, напримѣръ, въ тѣхъ случаяхъ, когда они невидимо рѣютъ въ окружающемъ воздухѣ подобно демонамъ, о которыхъ утверждается то же самое; въ другихъ мѣстахъ объ ангелахъ говорится, что они имѣютъ крылья, предполагающія перемѣщеніе посредствомъ механической дѣятельности, и что они трутся объ одежды раввиновъ въ синагогѣ, отъ чего эти одежды изнашиваются и оказываются потерянными снаружѣ» ¹⁾.

¹⁾ Основанія социологін. Перев. съ англ. Т. I. СПб. 1876. Стр. 189.

Несогласимость представлений Геродота и через то непоследовательность въ изложении идутъ впрочемъ еще дальше. Такъ, не смотря на рѣшительное выраженіе той мысли, что опредѣленія рока или божества не отвратимы, у него же встрѣчаются случаи противоположнаго свойства: бѣдствіе лидійскаго царя Креза отерчено вопреки опредѣленію судьбы на три года ¹⁾. Дельфійское божество перемѣнило неблагоприятное предсказаніе на благоприятное только послѣ усиленныхъ просьбъ къ нему аоніианъ ²⁾; благоприятныя предзнаменованія спартанцамъ получены были только послѣ молитвы Павсаніи къ Герѣ ³⁾. Потомъ, нѣсколько разъ Геродотъ считаетъ безумные и жестокия поступки Камбисы послѣдствіемъ его болѣзни, упомогающей, между тѣмъ какъ постигнутой его гибель явно приписываетъ божескому вмѣшательству ⁴⁾.

Что касается общаго отношенія нашего историка къ народнымъ эллинскимъ божествамъ, то оно нигдѣ не выражено имъ ясно и категорически. Во всякомъ случаѣ Геродотъ не отвергаетъ народныхъ политеистиче-

¹⁾ I, 91.

²⁾ VII, 141.

³⁾ IX, 61—62.

⁴⁾ III, 33. 38. 64. Намрасно Штейнъ усиливается ослабить значеніе скептицизма нашего историка относительно болѣзни Камбисы: и для Геродота Аниет—божество. *Heroidos*, примѣч. къ III, 33. Совершенно вѣрно Штейнъ отмѣчаетъ (IV, 149. Прим. 9), что Г. по забывчивости слѣдуетъ двумъ различнымъ вариантамъ сказанія. Дж. Гротъ отмѣчаетъ, что о Миносѣ Геродотъ выражается обыкновенно какъ объ исторической личности, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отдѣляетъ его отъ человѣческой расы. *Histoire de la Grèce*, I, 258 сл. (trad. p. Sadous).

скихъ вѣрваній своихъ современниковъ и, какъ мы видѣли выше, не смущается близостью ихъ къ человѣку, ихъ чисто человѣческими слабостями. Въ то же время нельзя сомнѣваться, что онъ не раздѣлялъ многихъ народныхъ представлений о богахъ, что многія черты ихъ и поступки онъ считалъ дѣломъ вымысла поэтовъ, преимущественно Гомера и Гесіода. Понятіе о богахъ, все устроившихъ и распредѣлившихъ, эллины, по убѣжденію историка, наслѣдовали отъ пеласговъ; уже эти послѣдніе большей части своихъ боговъ дали наименованія, позаимствованныя отъ эгиптянъ вмѣстѣ съ культурами ихъ ¹⁾. «Однако откуда произошли боги», замѣчаетъ онъ, «всегда-ли они существовали, каковы лики ихъ, эллины ничего этого не знали, такъ сказать, до самаго недавняго времени. Дѣйствительно, я полагаю, что Гесіодъ и Гомеръ жили раньше меня не болѣе, какъ за четыреста лѣтъ; между тѣмъ они составили для эллиновъ родословную боговъ, снабдили имена божествъ эпитетами, подѣлили между ними достоинства и занятія и начертали ихъ образы. Что касается поэтовъ, именуемыхъ болѣе древними, нежели Гесіодъ и Гомеръ, то, мнѣ кажется, они были позже ихъ. Первая часть этихъ свѣдѣній сообщена додонскими жрицами, вторая относительно Гесіода и Гомера принадлежить мнѣ» ²⁾.

Въ значительной мѣрѣ спиритуалистическое мировоззрѣніе Геродота обнаруживается въ томъ предпочтеніи, съ каковымъ онъ употребляетъ нарицательные термины:

¹⁾ II, 49—52.

²⁾ II, 53.

богъ, божество, θεός, θεῖον, δαίμων, δαιμόνιον, а не собственныя имена отдѣльныхъ божествъ, равно какъ и въ косвенномъ одобреніи персидскихъ религиозныхъ вѣрованій, не допускающихъ въ противоположность еллинамъ ни кумировъ, ни храмовъ, ни алтарей ¹⁾).

Если вѣра аѳинскихъ трагиковъ въ божества дѣятельныя, непрестанно вмѣшивающіяся въ судьбы смертныхъ, не мало препятствовала глубинѣ психологическаго анализа, обстоятельной мотивировкѣ поведения дѣйствующихъ лицъ ихъ свойствами и окружающей обстановкой, то въ не меньшей степени и глубокая вѣра Геродота въ личное, дѣятельное божество мѣшала историку вникать въ естественную причинную связь явленій, дѣлала излишнюю характеристику историческихъ дѣятелей. Наиболее поразительный случай въ этомъ отношеніи представляетъ заключеніе историка о болѣзни и смерти упомянутого уже Клеомена, будто бы наказаннаго такимъ образомъ за Демарата ²⁾). Въмѣсто того, чтобы объяснить то или другое явленіе въ его естественныхъ условіяхъ, авторъ усматриваетъ въ немъ чудесное знаменіе, назначенное къ предвѣщанію какого-либо бѣдствія. «Если какому-нибудь государству или народу угрожаетъ большое несчастье», замѣчаетъ Геродотъ, «то божество даетъ знать объ этомъ заранее посредствомъ знаменій», и засимъ рассказываетъ, какъ жестокое пораженіе хіосцевъ на морѣ и другіе невзгоды ихъ были предсказаны гибелью девятиста восьми изъ ста тѣхъ юношей, которые были посланы въ Дельфы, какъ около того же времени на томъ же островѣ обру-

¹⁾ I, 181.

²⁾ VI, 72. 84.

шилась крыша въ училищѣ и задавила сто девятнадцать хіосскихъ мальчиковъ ¹⁾). Исторія смерти Камбисы и воцаренія Дарія почерпнута Геродотомъ изъ поэтическихъ сказаній, не смотря на внутреннія противорѣчія этихъ сказаній и на несогласимость ихъ съ персидскими учрежденіями; но за то въ этихъ сказаніяхъ много чудеснаго и необыкновеннаго ²⁾). Сновидѣніями, знаменіями и призраками, небывалыми рѣчами персидскихъ вельможъ о зависти боговъ и непостоянствѣ счастья обставлены сборы Ксеркса къ новому нападению на еллинавъ ³⁾). x

Если мы вспомнимъ, что отъ главнаго предмета своего труда, отъ еллино-персидскихъ войнъ, равно какъ и отъ большей части упоминаемыхъ имъ событій и лицъ Геродотъ былъ отдѣленъ нѣсколькими десятками лѣтъ, что почти единственными источниками его свѣдѣній были сложившіяся за это время народныя или фамилыныя преданія, а также рассказы нѣкоторыхъ изъ очевидцовъ, то мы вынуждены будемъ признать, что наклонность къ чудесному, представленіе зависти и немезиды боговъ оказывали сильное, во многихъ случаяхъ рѣшающее вліяніе на выборъ вариантовъ, на предпочтеніе такихъ рассказовъ, которые наибольше отвѣчали субъективному религиозно-этическому настроенію историка. Такъ, Геродотъ охотно принялъ то народное преданіе, по которому въ западной Азіи видно было затменіе солнца въ 480 г., тогда какъ на самомъ дѣлѣ оно случилось двумя годами позже, 16

¹⁾ *ibid.* 27.

²⁾ III, 64—67. 80—37.

³⁾ VII, 6 сл. Срвн. Duncker, *с. с.* VII, стр. 195 примѣч.

февраля 478 года. Но самому историку нужно было перенести это чудесное явление на два года раньше, как роковое знаменіе передъ выступленіемъ Ксеркса въ походъ ¹⁾. По тому же самому побужденію онъ съ полною вѣрою отнеся къ мѣстному сказанію деліантъ о землетрясеніи, будто бы однажды только испытанномъ этимъ островомъ непосредственно по отплытіи оттуда Датиса ²⁾. Фукидидъ, очевидно имѣя въ виду это мѣсто своего предшественника, рѣшительно замѣчаетъ, что никакого землетрясенія на островѣ не было раньше времени, ближайшаго къ Пелопоннесской войнѣ ³⁾. Подобно этому историкъ принялъ на вѣру поэтической рассказъ о посѣщеніи Амасида и Креза Солономъ хотя онъ находится въ явномъ противорѣчьи съ хронологическими данными: путешествіе Солона, о которомъ у историка идетъ рѣчь, могло приходиться на 593—583 годы до Р. Х., между тѣмъ какъ Амасидъ вступилъ на царство только въ 570, а Крезъ въ 560 г., то есть, за двадцать-двадцать пять лѣтъ до путешествія афинскаго законодателя ⁴⁾. Рассказъ былъ сочиненъ какимъ-нибудь моралистомъ, а Геродоту онъ показался несомнѣннымъ только благодаря тому, что согласовался съ его воззрѣніями на человѣческое счастье и непрочность его.

Подъ влияніемъ того же религиозно-моралистическаго настроенія историкомъ нашимъ невѣрно освѣщены нѣ-

¹⁾ VII, 37. Zsch, *Astronom. Untersuchungen*. S. 29 f.

²⁾ VI, 98.

³⁾ II, 8.

⁴⁾ I, 29. II, 177 (иримѣя. Штейна). Grote, *O. c.* IV, 206 сл. Сравни. K. W. Nitzsch, *Ueber Herodots Quellen f. die Geschichte der Perserkriege*. N. Rh. Mus. B. 27. S. 247 f. 234.

которыя національныя черты персовъ и ихъ поведеніе на войнѣ. Исходи изъ того убѣжденія, что пораженіе персовъ еллинами было заслуженнымъ отъ боговъ уничтоженіемъ ихъ ¹⁾, историкъ приписываетъ имъ во многихъ случаяхъ такую религиозную исключительность и бессмысленную жестокость, которая не находитъ себѣ подтвержденія въ нашихъ свѣдѣніяхъ о персахъ ²⁾. Такъ, въ рассказѣ о взятіи Афинъ Ксерксомъ Ктесія не только не упоминаетъ объ избіеніи афинскихъ старцевъ въ храмѣ и объ ограбленіи святилища, но даже отмѣчаетъ то обстоятельство, что персы сожгли городъ, покинутый населеніемъ, за исключеніемъ акрополи; только послѣ того, какъ ночью бѣжали отсюда послѣдніе воины, сожжены были и акрополь ³⁾. Напротивъ для Геродота подробность эта имѣла большое значеніе, какъ отвѣчающая общей тенденціи его труда: кощунство и святотатство варваровъ, ограбившихъ святилище, умертвившихъ тѣхъ старцевъ, которые въ качествѣ молящихся о защитѣ (*ixéται*) искали убѣжища въ храмѣ, не могли остаться безъ отмщенія ⁴⁾. Какъ у Эсхила ⁵⁾, такъ и у нашего историка, неоднократно выражена мысль, что персы оскорбляли еллинскія свя-

¹⁾ VIII, 13. 109. Сравни. о томъ же Фукид. I, 69.

²⁾ VI, 84. VII, 38—39. 238. VIII, 32. IX, 78. 79. Сравни. Wecklein *O. c.* Ss. 22—23. 32 и др.

³⁾ *Ξέρξης τὴν πόλιν κενὴν αἶρει καὶ ἐπιπρησι πλὴν τῆς ἀκροπόλεως: ἐν αὐτῇ γὰρ ἔτι τινὲς ὑπολειφθέντες ἐράχοντο, τέλος κακίωνων νυκτὶ φρονόντων, κακίωνων συνέπλεξαν.* *Persica* § 29, 26.

⁴⁾ VIII, 53. Объ отношеніи къ молящимъ см. V, 51, VII, 141.

⁵⁾ *Persae* vv. 355 сл. 806—831 (изд. Диндорфа), наприм. *Ζεὺς τοὶ καλαστὲς τῶν ἀπεκτότων ἄγων φρονιμάτων ἔπεισιν, εὐθύνους βαρῶς, ἢν: ὄβρις γὰρ ἐξανέδδ' ἐκαρπῶσε στάχυν ἄτης* и др.

тины, разрушали и сжигали храмы, за что и наказаны богами ¹⁾). Что кощунство персов преувеличено, съ успѣхомъ доказалъ уже въ XVIII в. Валькенаръ; это ясно видно изъ самого Геродота, потому что и онъ могъ привести только весьма немногіе случаи оскорбленія святини персами ²⁾). Равнымъ образомъ не подлежитъ сомнѣнію, что рассказъ о покушеніи персовъ ограбить и уничтожить дельфійскій храмъ сильно преувеличенъ и приукрашенъ, съ чѣмъ соглашается такой почти безусловный почитатель нашего историка, какъ издатель и комментаторъ Беръ ³⁾).

Не касаясь другихъ примѣровъ, болѣе или менѣе спорныхъ, нельзя на основаніи вышесказаннаго не прійти къ заключенію, что не только точность и обстоятельность въ объясненіи событій, но и самая достоверность геродотова повѣствованія не мало потерпѣли отъ господствующей въ его трудѣ религиозно-этической тенденціи, и что «Музы» его представляютъ характеристическій образецъ необходимой зависимости историческаго сочиненія, его особенностей и относительныхъ достоинствъ, отъ міровоззрѣнія автора и известной части его современниковъ, даже при всемъ желаніи и стараніи историка повѣствовать только правду. Отмѣчаемая нами черта тѣмъ болѣе знаменательна, что національная или религиозная нетерпимость совершенно чужда Геродоту; псевдо-Плутархъ проинчески называетъ его даже расположеннымъ къ варварамъ (φιλοβάρ-

¹⁾ VI, 9. VII, 83. VIII, 109. 143.

²⁾ VI, 19. 96. 101. VIII, 33. 53.

³⁾ VIII, 36. 37.

βάρος) ¹⁾). Только писатель, чуждый національной или племенной узости, способенъ быть съ такимъ вниманіемъ относиться къ всему иноземному и передать потомству такое обиліе свѣдѣній о «варварахъ»: объ египтянахъ, персахъ, ассирианахъ, даже о сикнеахъ и др. Въ огромномъ числѣ случаевъ онъ отзывается съ похвалою объ учрежденіяхъ иноземцевъ, признаетъ за ними первенство передъ еллинскими, разсматриваетъ еллинскіе культы въ зависимости отъ египетскихъ, отдаетъ предпочтеніемъ вѣрованіямъ персовъ передъ еллинскими, превозноситъ любовь персовъ къ истинѣ, а главное—для всѣхъ народовъ безразлично онъ исповѣдуетъ одинаковыя правила высшей морали, соблюденія мѣры во всемъ, въ тоже время признавая полную законность привязанности каждаго народа къ своимъ обычаямъ, причемъ не стѣсняется подкрѣплять свое положеніе на примѣрахъ индійскихъ дикарей и еллиновъ ²⁾).

И въ другомъ еще отношеніи религиозно-моралистическое настроеніе Геродота наложило печать на его трудъ, именно: съ особенною охотою онъ прерываетъ изложеніе такими случаями, въ которыхъ обличается божеское міроуправленіе, хотя никакого отношенія къ предмету они и не имѣютъ. Таковы пространные эпизоды объ Аріонѣ ³⁾, Соловѣ и Крезѣ ⁴⁾, объ Адрастѣ ⁵⁾,

¹⁾ *De Herod. malignit.* 12. Срвн. Winkler, *über die Art und den Grad der von Herodot geübten Kritik.* Thorn 1865. N. Wecklein o. c.

²⁾ III, 38.

³⁾ I, 23.

⁴⁾ *ibid.* 30—33. 86. 87.

⁵⁾ *ibid.* 34—45.

Гарпагъ ¹⁾), о персеяхъ и перинейцахъ ²⁾), Гиппий на Марафонѣ ³⁾), о Гермотимѣ ⁴⁾ и Евсеніи ⁵⁾), наконецъ о Поликратѣ ⁶⁾).

Впрочемъ степень достовѣрности Геродота не позволительно преувеличивать еще и по слѣдующей причинѣ: повторяемъ, историкъ нашъ составлялъ свой трудъ почти исключительно на основаніи ходячихъ преданій, преимущественно, разумѣется, аѳинскихъ, которыя въ продолженіе цѣлыхъ десятковъ лѣтъ измѣнялись, дополнялись сообразно текущимъ событіямъ и мѣнявшимся отношеніямъ между государствами съ одной стороны и между партіями внутри государствъ съ другой. На это обстоятельство было указано еще Нибуромъ, а Ницшъ и Веклейнъ представили нѣкоторые несомнѣнные примѣры односторонности и пристрастія въ освѣщеніи событій, общинъ и отдѣльных героевъ эллино-персидскихъ войнъ; повидимому соглашается съ ними, хотя и въ очень ограниченной степени и Штейнъ ⁷⁾). Симпатіи историка къ аѳинянамъ преимущественно передъ прочими эллинами не подлежатъ спору. Они, по словамъ историка, первые между эллинами по сообразительности ⁸⁾); они первые стали нападать на врага бѣглымъ маршемъ, обнаруживши

при этомъ изумительное мужество ¹⁾); историкъ особенно превозноситъ аѳинягъ какъ спасителей Еллады и освободителей всѣхъ эллиновъ отъ варварскаго ига ²⁾); ради спасенія Еллады, что было главною заботою ихъ, аѳиняне готовы были поступиться вышшими выгодами ³⁾); изъ среды аѳинягъ наибольшимъ сочувствіемъ его пользуются Аристидъ, Периклъ и вообще алмеониды ⁴⁾). Отсюда иногда пристрастная неблагопріятная оцѣнка политическихъ противниковъ аѳинской общины и поименованныхъ ей представителей: коринѳягъ, ѳивягъ и въ особенности Фемистокла. Вообще доля участія союзниковъ въ отраженіи варварскихъ полчищъ слишкомъ умалена Геродотомъ въ пользу аѳинягъ, такъ что нѣкоторыя поправки псевдо-Плутарха оказываются далеко не столь безосновательными, какъ о нихъ думали раньше, а необыкновенно важныя заслуги Фемистокла передъ родиной были бы совершенно непонятны, еслибы въ этомъ отношеніи историкъ нашъ не былъ блистательно восполненъ своимъ болѣе строгимъ и менѣе лицепріятнымъ преемникомъ ⁵⁾).

Словомъ, мы еще разъ убѣждаемся, что ни большія природныя дарованія вмѣстѣ съ любовью къ истинѣ, ни обширныя пріобрѣтенныя знанія, ни самая склонность къ критикѣ не въ состояніи были сдѣлать изъ

¹⁾ *ibid.* 108—114. 117—119. 123. 124. 127.

²⁾ V, 1.

³⁾ VI 107.

⁴⁾ VIII, 104—106.

⁵⁾ IX, 93—95.

⁶⁾ III, 39—43.

⁷⁾ Herodotos, *Einleit.* XLI (изд. 5).

⁸⁾ I, 60.

¹⁾ VI, 112.

²⁾ VII, 139. VIII, 140. 142. 144. IX, 5. 27.

³⁾ VIII, 3.

⁴⁾ VIII, 79. 95. VI, 126—128. 131. Wecklein, *der Areopag., die Epheten und die Naukraren.* Sitzungsab. der Bayer. Akad. der Wissensch. 1873, стр. 32—35.

⁵⁾ Wecklein, O. c. Ss. 60—78. Nitzsch, O. c. passim.

Геродота историка прошлого, даже недалекого прошлого, въ строгомъ нынѣшнемъ смыслѣ слова. Геродотъ былъ основательно знакомъ съ еллинскими поэтами, начиная отъ Гомера и кончая Эсхиломъ и отчасти должно быть, Софокломъ ¹⁾, съ Гекатеємъ и вѣроятно съ прочими предшественниками - прозаиками ²⁾ и находился подъ нѣкоторымъ влияніемъ софистовъ ³⁾; онъ располагалъ обширнѣйшимъ матеріаломъ въ видѣ разсказовъ свидѣтелей и народныхъ преданій, превосходилъ большинство своихъ современниковъ по степени разборчивости и критики, — однако всего этого было недостаточно для точнаго возстановленія старины; для этого требовались такіе приемы и методы изслѣдованія, до какихъ де дожили ни еллины, ни римляне, и каковыя вырабатываются только въ наше время.

Если въ заключеніе спросимъ, какія общественно-политическія убѣжденія исповѣдывалъ нашъ историкъ,

¹⁾ I, 12. 23. II, 53. 116—120. 134. 135. 156. III, 38. IV, 13—15. 32. 34. V, 95. 102. 113. VI, 21. 52. VII, 6. 228. VIII, 20. 77. 96. IX, 43. О дружескихъ отношеніяхъ между Софокломъ и Г-омъ см. *Rev. Lit. Moral.* p. 785. Но мы не раздѣляемъ мнѣнія о зависимости стиховъ *Амнионы*, въ которыхъ потеря брата называется болѣе чувствительною, нежели потеря супруга или сына, отъ просьбы жены Интафренеса къ Дарію. III, 119.

²⁾ I, 201. II, 21. 23. IV, 20. 36.

³⁾ Образцы софистическихъ упражненій: I, 32. III, 71. 72. V, 4. 24. VII, 106. 102. 152. VIII, 26. 140. Разсужденія трехъ персидскихъ вельможъ о различныхъ образахъ правленія, на достовѣрности которыхъ настаиваетъ историкъ (III, 80—82. VI, 43) вопреки своимъ критикамъ, нѣтъ необходимости отвергать какъ сочиненныя будто бы по образцу софистическихъ упражненій. Народное самоуправленіе въ Персіи, какъ и у еллиновъ, было первоначальною формою общественныхъ отношеній. Срвн. Mahaffy, O. c. II, § 319.

просвѣщенный, гуманный и терпимый, то въ трудѣ его найдемъ безспорныя свидѣтельства о наибольшемъ расположеніи его къ демократической формѣ правленія и объ отвращеніи къ тираніи. Если рѣшительная рѣчь Отаны противъ единовластія и въ пользу демократіи умѣряется двумя слѣдующими не менѣе быть можетъ убѣдительными рѣчами Мегабиза и Дарія въ пользу олигархіи и единовластія ¹⁾, то тѣ же самыя общія положенія, которыя высказаны въ первой изъ трехъ рѣчей и поддержаны тамъ однимъ только примѣромъ Камбисы, развиты обстоятельнѣе и обоснованы всей исторіей коринтской общины въ пространной рѣчи коринтянина Согла, причемъ, по замѣчанію историка, все союзники Спарты раздѣляли мнѣнія оратора ²⁾. На предложеніе спартацевъ водворить снова тиранію въ Аѣнахъ и возвратить туда Гипсію отвѣчалъ рѣчью одинъ изъ коринтянъ. «Навѣрное небо опустится подъ землю, а земля поднимется высоко надъ небомъ», сказалъ Согла, «люди станутъ жить въ морѣ, а рыбы займутъ мѣста людей, если вы, лакедемоняне, рѣшитесь упразднить въ государствахъ равноправіе и возстановлять тиранію: у людей нѣтъ ничего кровожаднѣе тираніи и ничего преступнѣе». Ораторъ предлагаетъ лакедемонянамъ испытать тиранію на самихъ себѣ, будучи увѣренъ, что послѣ того они не посовѣтуютъ ее другимъ. Засимъ онъ разсказываетъ, какъ нѣкогда олигархія смѣнилась въ Коринѣ владычествомъ тирана Кипсела, который по достиженіи власти многихъ отправилъ въ ссылку,

¹⁾ III, 80—82.

²⁾ V, 92. 93. Срвн. *ibid.* 75—76.

у многих конфисковал имущество и еще большее число лиц казнил. Преемник его Періандръ оказалъ еще кровожаднѣе; для упроченія своей власти онъ рѣшилъ истребить всѣхъ выдающихся гражданъ и совершалъ всевозможныя жестокости. «Кого не умертвилъ и не изгналъ Гипсель, тѣ были умерщвлены и изгнаны Періандромъ. Сверхъ того однажды онъ велѣлъ ради жены своей Мелиссы обнажить всѣхъ коринтскихъ женщинъ». Въ виду этого ораторъ именемъ боговъ заклинаетъ лакедемонянъ отказаться отъ намѣренія возстановить власть Гиппій въ Аѳинахъ; къ голосу его присоединились мольбы всѣхъ союзниковъ — не учинять переворота въ эллинскомъ государствѣ. Тѣмъ и кончилось покушеніе Гиппій возвратиться въ Аѳины. Въ другихъ случаяхъ тиранинъ называется рабствомъ, которое держится въ эллинскихъ городахъ на иноземной силѣ персовъ, и освобожденіе отъ котораго изображается какъ величайшее благо ¹⁾; сама по себѣ власть тирана не прочна ²⁾. Съ истиннымъ краснорѣчіемъ высказывается самъ историкъ въ томъ же смыслѣ по поводу водворенія клисееновой демократіи въ Аѳинахъ на мѣсто тиранинъ Писистратидовъ. «Аѳины», замѣчаетъ онъ, «были могущественны и прежде, а теперь, по освобожденіи отъ тирановъ, сдѣлались еще могущественнѣе» ³⁾. Слѣдовавшіе вскорѣ военные успѣхи аѳинянъ въ войнахъ съ беотянами и халкидианами Геродотъ ставитъ въ причинную связь съ реформою и заключаетъ свой разсказъ слѣдующими словами: «такъ увеличилось могущество аѳинянъ. Впрочемъ не одинъ только этотъ, но

¹⁾ IV, 133. 136. 137. 142. V, 78. 91. VI, 11.

²⁾ III, 53.

вообще, въ случаи доказываютъ, какъ драгоценно равноправіе: пока аѳиняне находились подъ властью тирановъ, они не могли одолѣть въ войнѣ никого изъ своихъ сосѣдей, а по освобожденіи отъ тиранинъ стали далеко сильнѣе всѣхъ. Это показываетъ, что подъ гнетомъ тиранинъ они были перадины, какъ бы работая на господина; потомъ, когда стали свободными, каждый изъ нихъ работалъ съ усердіемъ для собственного же блага» ¹⁾.

Если не основаніемъ, то во всякомъ случаѣ самымъ убѣдительнымъ оправданіемъ такого предпочтенія народному самоуправленію передъ деспотизмомъ было для Геродота позорное пораженіе персовъ и побѣдное торжество Еллады, въ особенности аѳинской демократіи. Та же мысль сквозитъ и въ трагедіи Эсхила, въ отвѣтъ хора на вопросъ Атоссы: «аѳиняне не называются ли рабами чьими-либо, ни подчиненными» ²⁾; вмѣстѣ съ тѣмъ трагикъ не жалѣетъ темныхъ красокъ на изображеніе деспотическаго строя персидскаго государства. Впрочемъ Геродотъ наблюдалъ превосходство аѳинской республики надъ прочими частями Еллады не только въ военномъ отношеніи; судя по приведенному выше мѣсту о послѣдствіяхъ упраздненія тиранинъ въ Аѳинахъ слѣдуетъ заключить, что народная энергія и умственная производительность аѳинянъ вообще представлялись ему въ зависимости отъ демократическаго строя ихъ общины. Глубочайшій и всестороннѣйшій знатокъ античной литературы и гражданственности Авг. Бёкъ ве-

¹⁾ V, 78.

²⁾ οἱ τιτῆς δοῦλοι κίχλονται πρὸς τοὺς ἀφ' ἑσέως. Pers. 242.

сомнѣнно живо представлялъ себѣ умонастроеніе Геродота, когда писалъ: „Древность поучаетъ насъ истинной свободѣ и настоящимъ принципамъ ея; она показываетъ негодность абсолютизма и охлократіи; кто изучилъ политическія учрежденія древности, тотъ не будетъ потворствовать ни одной изъ этихъ крайностей, ни деспотизму, ни утопіямъ социализма, которыя древность уже пережила и побѣдила“¹⁾. Разумѣется, заключеніе Бѣка не можетъ быть принято цѣлкомъ, безъ оговорокъ; оно свидѣтельствуетъ только о томъ неотразимомъ впечатлѣніи, какое сочиненія подобныя геродотовскому производили на мощныхъ представителей европейской науки.

Все сказанное о Геродотѣ и его предшественникахъ приводитъ насъ къ слѣдующимъ положеніямъ: *во-первыхъ*, скудость точныхъ біографическихъ извѣстій въ связи съ отрывочностью нашихъ свѣдѣній объ особенностяхъ прозаической историографіи того времени и о послѣдовательномъ ея совершенствованіи дѣлаетъ для насъ пока невозможнымъ проникнуть съ достовѣрностью въ сокровенныя подробности и приемы литературнаго творчества «отца исторіи».

Во-вторыхъ, насколько трудъ Геродота важенъ по богатству содержащихся въ немъ свѣдѣній, настолько же онъ имѣетъ значеніе, какъ выразительный памятникъ извѣстнаго культурнаго состоянія современнаго ему общества въ лучшихъ его представителяхъ. Отсюда нѣкоторыя особенности геродотовой исторіи, сближаю-

щія ее съ другими продуктами тогдашней жизни еллиновъ, преимущественно аоніянъ. Любознательность и обширность свѣдѣній вмѣстѣ съ наклонностью къ критикѣ внушили Геродоту скептическое отношеніе ко множеству ходившихъ въ народѣ басенъ о стародавнемъ или отдаленномъ, и тѣмъ усиливали въ современникахъ и потомствѣ требованія вѣроятности и достовѣрности. Однако ошибочно было бы приписывать ему какое-либо послѣдовательное, цѣльное міросозерцаніе; напротивъ, мы замѣчаемъ въ его трудѣ присутствіе руководящихъ понятій различныхъ порядковъ, которыя уживались въ немъ такъ же легко, какъ и во многихъ его современникахъ. Самыя эти понятія, хотя и сообщали историческому труду его небывалую дотогѣ, весьма, правда, относительную степень единства, оказывались далеко неблагоприятными не только для точнаго объясненія явленій, но и для подбора матеріала. Тенденціозность присуща многимъ частямъ исторіи Геродота, какъ географическимъ, такъ и въ особенности историческимъ; непослѣдовательность въ изложеніи отличаетъ не только возрѣнія автора, но и приемы изысканій.

Въ-третьихъ, если достоинствами своими трудъ Геродота обязанъ главнымъ образомъ личнымъ качествамъ автора, то недостатки его оправдываются въ значительной мѣрѣ общимъ состояніемъ знаній въ то время. Достоверные источники о прошломъ извѣстны были лишь въ самомъ ограниченномъ количествѣ, обученіе иностраннымъ языкамъ было чуждо тогдашнему обществу; поэтическія произведенія, народныя преданія, устные и записанныя, и рассказы гуземцевъ составляли почти

¹⁾ *Encyclopädie und Methodologie der philologischen Wissenschaften von August Boeckh.* Herausgegeben. von E. Bratuschek, 1887, стр. 29.

весь материалъ для изслѣдователя старинны, даже недалекой; поверхностное, хотя и личное наблюдение въ-шняго вида мѣстности было главнѣйшимъ источникомъ географическихъ знаній въ то время. Субъективныи рационализмъ заступалъ мѣсто критики. Благодаря добросовѣстности и обстоятельности въ передачѣ видѣннаго и слышаннаго, Геродотъ сохранилъ множество свѣдѣній, имѣющихъ важное значеніе и при нынѣшнемъ состояніи знаній, и подтверждаемыхъ въ значительномъ количествѣ новыми изысканіями и открытіями.

Въ-четвертыхъ, подобно другимъ до-оуклидовскимъ прозаическимъ писателямъ (логографамъ) Геродотъ въ расположеніи матеріала слѣдуетъ одновременно двумъ порядкамъ, хронологическому и топографическому, причемъ вводитъ въ свое повѣствованіе множество такихъ предметовъ, которые или не имѣютъ никакого отношенія къ главной, исторической задачѣ, или же отношеніе это лишь самое отдаленное. Отсюда энциклопедизмъ и эпизодичность изложенія, свидѣтельствующія о несовершенствѣ группировки данныхъ, имѣвшихся въ распоряженіи у автора. «Нижеслѣдующія изысканія Геродотъ Галикарнасець», замѣчаетъ историкъ во вступленіи, «представляетъ для того, *чтобы отъ временъ не изгладились изъ нашей памяти дѣянія людей, а также, чтобы не были безславно забыты огромныи и удивленія достойныи сооруженія, исполненыи частью еллинами, частью варварами, главнымъ же образомъ для того, чтобы не забыта была причина, по которой возникла между ними война*»¹⁾. Вражда

¹⁾ I, 1. Срви. *ibid.* 5.

между Азіей и Европой, главнымъ и заключительнымъ актомъ которой были еллино-персидскія войны, составляетъ руководящую нить въ изложеніи; первоначальнымъ историческимъ моментомъ вражды онъ называетъ покореніе малоазійскихъ еллиновъ Крезомъ, царемъ Лидіи, и потому трудъ его начинается съ исторіи этой страны, оканчивающейся подчиненіемъ ея Персамъ. Отсюда историческія судьбы персидскаго народа и его владыкъ въ многообразныхъ отношеніяхъ къ различнымъ народамъ опредѣляютъ дальнѣйшій подборъ матеріала. Страны и народы, съ которыми приходятъ персы въ столкновеніе, описываются историкомъ въ ихъ настоящемъ и прошедшемъ: эпизоды о Вавилонѣ и Ассирии, объ Египтѣ, Скии и нѣкоторой части Ливіи. Собственно еллино-персидская война, начавшаяся возстаніемъ іонянъ въ Малой Азій, излагается у Геродота въ пяти послѣднихъ книгахъ, изъ которыхъ только три (VII—IX) заняты походомъ Ксеркса на Елладу и спасеніемъ еллиновъ отъ порабоженія персами. Однако и въ эти широкія рамки вмѣщается не весь материалъ: по всему труду разбросаны въ большомъ числѣ эпизоды, выступающіе за предѣлы общаго плана. Болѣе строгимъ единствомъ отличается послѣдняя часть труда, хотя и въ ней есть множество болѣе или менѣе пространныхъ эпизодовъ¹⁾. Что при уклоненіи въ сторону историкъ мало смущался нарушеніемъ единства въ изложеніи, видно изъ обѣщанія его остановиться

¹⁾ VII, 110—113. 196—200. VIII, 43—49. 72—74. IX, 77. 106—120. Сверхъ упомянутыхъ выше другіе ни съ чѣмъ не связанные эпизоды: II, 121. III, 48. 127. 150. IV, 145. 167. V, 17. 39—48. VI, 34—41. VII, 170 и др.

подольше на Эгиптѣ потому, что онъ представляетъ много интереснаго и необыкновеннаго ¹⁾. По такому же побужденію, а не только вслѣдствіе близости къ главной задачѣ, Геродотъ занимается Самомъ ²⁾, наконецъ въ одномъ мѣстѣ онъ считаетъ даже излишнимъ мотивировать отступленіе ³⁾. Этимъ совмѣщеніемъ въ трудѣ Геродота приемы прочихъ логографовъ съ стремленіемъ къ объединенію объясняется двойственность сужденія о немъ со стороны Діонисія Галикарнасскаго: онъ то отличаетъ нашего историка отъ нихъ, то зачисляетъ его въ одинъ рядъ съ ними ⁴⁾. По справедливому замѣчанію Штейна, «Геродотъ столь же мало удовлетворяетъ требованіямъ строгой и достоверной исторіи, какъ и любой изъ его предшественниковъ и современниковъ, въ смыслѣ осмотрительнаго собранія и оцѣнки наличнаго историческаго матеріала, выбора предметовъ и событій на основаніи одинаковыхъ, соответствующихъ задачѣ принциповъ, отдѣленія въ преданіи существеннаго и главнаго отъ второстепеннаго и случайнаго, точнаго установленія времени и хронологической послѣдовательности и даже въ смыслѣ достаточно глубокаго пониманія предметовъ и личностей,

¹⁾ II, 35.

²⁾ III, 60.

³⁾ IV, 30.

⁴⁾ ὁ δ' Ἀλικαρνασσεὺς Ἡρόδοτος, γενόμενος ὀλίγη πρότερον τῶν περσικῶν παρεκταίνας δὲ μέχρι τῶν πελοποννησιακῶν, τὴν τε πραγματικὴν πραγμασίαν ἐπὶ μείζον ἐξήνεγκε καὶ λαμπρότερον. *De Tinec.* 5. Срвн. *Ad Op.* P. 3. Говорил о Фукидидѣ по сравненію съ другими, Діонисій замѣчаетъ: οὕτε γὰρ τοῖς τόποις, ἐν οἷς αἱ πράξεις ἐτετέλεσθησαν, ἀκολουσῶν ἐμέρισσε τὰς διηγήσεις, ὡς Ἡρόδοτος τε καὶ Ἕλληνας καὶ ἄλλοι τινὲς τῶν πρό αὐτοῦ συγγραφεῶν ἐποίησαν. *De Tinec.* 9.

внутренней связи и побудительныхъ причинъ» ¹⁾. Но неоспоримое преимущество Геродота передъ прочими логографами состояло въ несомнѣнномъ предпочтеніи его къ современности и къ прошлому историческому, а не мнѣческому, а также въ стараніи объединить разнородный матеріалъ общей задачей и общими идеями. Если Фукидидъ болѣе Геродота удовлетворяетъ нашему понятію достовернаго историка, то не слѣдуетъ забывать, что задачи Фукидиды были гораздо скромнѣе, и что его исторія Пелопоннесской войны не можетъ даже и сравниться съ геродотовыми «Музами» по обилію и разнородности матеріала, по тому интересу и значенію, какой представляетъ трудъ Геродота для историка не только Эллады, но человѣческаго развитія вообще. Можно быть увѣрену, что названіе «отца исторіи» останется за Геродотомъ навсегда: если оно присвоено ему однимъ изъ просвѣщеннѣйшихъ людей древности, имѣвшимъ возможность сравнивать повѣствованіе Геродота съ трудами другихъ логографовъ, то дошедшіе до насъ отрывки Гекатея, Гелланика или Харона не содержатъ въ себѣ ровно никакихъ основаній для перенесенія этого титула съ галикарнасскаго историка на кого-либо изъ его предшественниковъ или современниковъ. Въ древне-еллинской историографіи Геродотъ занимаетъ такое же мѣсто, какое принадлежитъ въ исторіи древне-еллинской драмы Эсхилу, отцу аттической трагедіи. Онъ первый далъ опытъ мировой исторіи, всѣ части которой соединены между собою широкимъ для того времени чувствомъ гуманности и вы-

¹⁾ *Einleit.* S. 26.

сказаннымъ впервые общимъ пониманіемъ судебъ чело-
вѣческихъ. Отъ начала до конца повѣствованіе его
проникнуто одними и тѣми же возрѣніями въ прило-
женіи-ли къ варвару или еллину, къ настоящему или
къ давнему прошлому; отъ начала до конца проходитъ
господствующая надъ всѣмъ изложеніемъ мысль объ
исконной распрѣ между мидянами и еллинами. Въ ка-
комъ бы первоначальномъ видѣ ни былъ собранный мате-
ріалъ, историкъ переработалъ его по этому общему
плану, подъ руководствомъ этой единой мысли.
Не вездѣ задача историка разрѣшена съ равнымъ ис-
кусствомъ, не всѣ подробности въ дѣломъ рядѣ кар-
тинъ приведены въ гармонію; но нужно помнить, что
начатое Геродотомъ дѣло построения общей исторіи че-
ловѣчества остается не довершеннымъ по настоящее
время. Авторъ статьи Times'a, написанной по поводу
изданія Роулинсоновъ и Вилькинсона въ 1858 г., такъ
выражается о планѣ геродотовой исторіи: «Исторія міра
изобилуетъ виѣшними событіями, но въ ней немного
такихъ періодовъ, какъ періодъ патріотической муки,
вынесенной Греціей въ борьбѣ съ варварами. Этотъ
споръ выросъ постепенно изъ антипатіи племенъ и
упорной вражды Востока съ Западомъ, произвелъ стол-
кновеніе между чудовищными массами и далеко несо-
размѣрными имъ силами, рѣшилъ дѣло между свободой
и деспотизмомъ, прогрессомъ и застоємъ. Великій царь
стянулъ силы Азіи и ударилъ ими на горсть ожесто-
ченныхъ и твердыхъ сердець, отъ сопротивленія кото-
рыхъ зависѣла будущность цивилизаціи въ Европѣ.
Геродоту суждено было записать ихъ подвиги и просла-
вить ихъ побѣду. Съ этимъ онъ соединилъ обширный

планъ исторіи извѣстнаго тогда міра, и сочеталъ между
собою двѣ избранныя темы легко и стройно. Въ за-
данной темѣ или въ себѣ самомъ находилъ онъ осно-
ваніе вносить въ свою книгу событій главные факты
и свѣдѣнія о родѣ челоѣческомъ. Онъ винкъ въ пер-
вобытную жизнь племенъ, принимавшихъ участіе въ
борьбѣ, изобразилъ въ блистательныхъ эпизодахъ ихъ
правы, памятники и успѣхи, возвысилъ мыслию до
отдаленнѣйшихъ временъ и отдаленнѣйшихъ земель,
даже за предѣлы міра, и свелъ разными потоками въ
однѣй каналъ свои сокровища, кажется, съ одною цѣлю,
чтобы прославить побѣдителей».

Ө. Мищенко.

Кіевъ, 10 февраля 1888.

КНИГА ПЕРВАЯ.

КЛЮ

Введение и мифическая старина Лидии (гл. 1—5). История Лидии от Креза: переход власти от гераклидовъ къ мермададамъ (6—13). Царствование Гисса, Ардаса, Садатты, Алатты; отношенія ихъ къ слиянцамъ; случай съ Аривою (14—25). Крезъ, посвященіе его Солономъ (26—33). Домашнія бѣдствія Креза; нечестіе оракуловъ (34—52). Приготовленія къ войнѣ съ персами; обращеніе къ аоніадамъ и сартаицамъ и дѣла сихъ востѣдшихъ (53—70). Война съ персами, паденіе Сарды, рабство лидійъ персами; судьба Креза (71—94). Азія до господства персовъ: владычество ассирійцевъ, исторія мидійцевъ; Киръ до завоеванія Мидіи (95—129). Покореніе мидійцевъ персами; нравы и обычаи персовъ (130—140). Города іонійцы и эолийцы (141—153). Завоеванія Кира на материкѣ и островахъ (154—177). Ассирія съ Вавилономъ, покореніе Вавилона, достоинствительности Ассирій (178—200). Походъ на массагетовъ; гибель Кира; нравы массагетовъ (201—216).

Глава I. Нижестѣдующія изысканія Геродотъ Главкарнасець представляетъ для того, чтобы отъ времени не изгладились пѣвъ нашей памяти дѣянія людей, а также чтобы не были безславно забыты огромныя и удивленія достойныя сооруженія, исполненныя частью слиянцами, частью варварами, главнымъ же образомъ для того, чтобы не забыта была причина, по которой возникла между ними война.

Персидскіе ученые утверждаютъ, что виновниками распри были финкійцы, именно: прибывши отъ такъ называемаго Ервнорейскаго моря къ нашему и поселившись здѣсь въ той землѣ, которую занимаютъ и теперь,

финикияне немедленно обратились къ мореплаванію въ далекія страны; съ эгипетскими и асирійскими товарами они заходили въ разныя земли, между прочимъ и въ Аргосъ. Аргосъ въ то время былъ въ пышнѣйшей Елладѣ первенствующимъ во всѣхъ отношеніяхъ государствомъ. По прибытіи сюда финикияне занялись продажей своихъ товаровъ. На пятый или шестой день, когда все почти было продано, пришла на морской берегъ въ числѣ другихъ женщинъ дочь тамошняго цари Инаха по имени Іо, — такъ называютъ ее и еллины. Расположившись у кормы, женщины покупали товары, какіе наибольше нравились каждой изъ нихъ. Тогда финикияне, согласившись между собою, кинулись на женщинъ; большая часть ихъ спаслася бѣгствомъ, но Іо вмѣстѣ съ нѣсколькими другими была захвачена финикиянами. Вросевши женщинъ на корабль, они отплыли къ Эгипту.

2. Такъ прибыла въ Эгипетъ Іо, по разсказамъ персовъ; но не такъ повѣствуютъ о томъ еллины. По словамъ персидскихъ ученыхъ, это была первая обида. Послѣ того, продолжаютъ они, нѣсколько еллиновъ высадились у финикійскаго города Тира и похитили здѣсь царскую дочь Европу; племени еллиновъ персы не знаютъ; должно быть, это были критяне. Такимъ образомъ за нанесенную финикиянами обиду еллины отплатили равною обидою. Послѣ этого новую несправедливость совершили еллины: на длинномъ кораблѣ они прибыли въ Эю, что въ Колхидѣ, на рѣкѣ Фасидѣ, и тамъ по исполненіи возложеннаго на нихъ порученія похитили царскую дочь Медею. Царь Колхиды послалъ было въ Елладу глашатая съ требованіемъ дочери обратно и удовлетворенія за ея похищеніе; но еллины на это отвѣчали, что финикияне не заплатили имъ ничего за похищеніе аргивянки Іо, а потому и колхидяне не получаютъ отъ нихъ никакого удовлетворенія.

3. Въ слѣдующемъ поколѣніи, по разсказамъ персовъ, сынъ Пріама Александръ, узнавши о случившемся, возжелъ желаніе похитить для себя женщину изъ Еллады, будучи вполне убѣжденъ въ безнаказанности похищенія, ибо не поспѣли же наказанія похитителя еллины. Похитилъ онъ Елену. Еллины прежде всего порѣшили отправить пословъ въ Азію съ требованіемъ возвратить Елену и уплатить пеню за похищеніе. Но въ отвѣтъ на эти требованія имъ напомнили о похищеніи Медеи съ укоромъ, что сами они не заплатили никакой пени и на выдачу похищенной женщины не согласились, между тѣмъ какъ отъ другихъ желали бы получить удовлетвореніе.

4. До сихъ поръ съ обѣихъ сторонъ были похищенія отдѣльныхъ лицъ, а съ этого времени еллины становятся тяжело виновными: они вторгаются съ войскомъ въ Азію прежде, нежели персы вторгаются въ Европу. Вообще похищеніе женщинъ персы считаютъ дѣломъ наглцовъ, месть же за похищенныхъ прилична, но ихъ мнѣнію, глупцамъ; благоразумнымъ людямъ вовсе не подобаетъ заботиться о похищенныхъ, ибо женщины не были бы похищаемы, если бы не желали того сами. Вотъ почему обитатели Азіи, говорятъ персы, и не обращали никакого вниманія на похищеніе ихъ женщинъ, между тѣмъ какъ еллины изъ за одной женщины лакедемонянки собрали огромное войско и, пришедши въ Азію, разрушили царство Пріама. Съ этого-то времени персы всегда считали еллиновъ своими врагами: почитая Европу съ еллинами за отдѣльную страну, они присвоиваютъ себѣ Азію съ живущими въ ней народами.

5. Такъ разсказываютъ персы, называя разрушеніе Троя причину вражды своей къ еллинамъ. Относительно Іо финикияне не согласны съ персами. Не силою доставили они ее въ Эгипетъ, разсказываютъ финикияне, но въ Аргосѣ она вступила въ связь съ хоянпомъ

корабли, потомъ замѣтивши свою беременность и не желая открывать ее, изъ страха передъ родителями добровольно отплыла съ финикіянцами.

Таковы рассказы персовъ и финикіянъ. Съ своей стороны я не стану входить въ разсужденіе, такъ-ли это было, или иначе, но назову лицо, которое считаю первымъ обидчикомъ Еллады, и буду продолжать мое повѣствованіе, одинаково обозрѣвая малые и большіе города, ибо большіе пѣкогда города сдѣлались въ послѣдствіи малыми и наоборотъ: города, значительные въ мое время, были прежде малыми. Я знаю, что человѣческое счастье не постоянно, а потому и буду упоминать какъ о большихъ, такъ равно и о малыхъ городахъ.

6. Крезъ былъ лидійцъ по происхожденію, сынъ Аліатты, и владѣчествовалъ надъ народами по сю сторону рѣки Галиса, протекающаго съ юга между сиріянами и пафлагоніями и изливающагося на сѣверѣ въ такъ называемый теперь Евксинскій Понть. Изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ варваровъ Крезъ первый подчинилъ своей власти нѣкоторыхъ изъ еллиновъ, заставивши ихъ платить дань, а съ другими вступилъ въ дружбу. Покорилъ онъ іонянъ, волилъ и живущихъ въ Азіи дорійцъ, а друзей пріобрѣлъ себѣ въ лакседемонянахъ. Раньше царствованія Креза всѣ еллины были свободны, ибо предшествовавшее задолго до Креза вторженіе киммеріянъ, которые доходили до Іоніи, не было покореніемъ государствъ, а лишь хищническимъ набѣгомъ.

7. Принадлежа вначалѣ Гераклидамъ, власть перешла потомъ въ родъ Креза, къ такъ называемымъ Мермидамъ, слѣдующимъ образомъ. Правителемъ Сарды былъ Кандавла, именуемый еллинами Мирслоемъ, потомокъ Алкея, сына Геракла. Агропъ, сынъ Нина, внукъ Бела, правнукъ Алкея, былъ изъ рода Гераклидовъ первымъ царемъ Сарды, а Кандавла, сынъ Мирса, послѣднимъ. Владыки, царствовавшіе въ этой странѣ раньше

Агрона, происходили отъ Лиды, сына Атиса, по имени котораго назвали цѣлый народъ лидійскій, прежде называвшійся Меіонами. Они-то и облекли Гераклидовъ властью, доставшеюся имъ по изреченію оракула. Гераклиды происходили отъ рабыни Гардана и Геракла, управляли страпою въ лицѣ двадцати двухъ поколѣній на протяженіи пятидесяти лѣтъ, въ непрерывной преемственности отъ отца къ сыну до Кандавли, сына мирсова.

8. Этотъ Кандавла страстно любилъ свою жену и воображалъ поэтому, что владѣтъ красивѣйшею въ свѣтѣ женщиною. У цари былъ копьебосецъ, сынъ Даскила, Гигесъ, къ которому царь былъ весьма расположенъ; ему повѣрялъ Кандавла важнѣйшія дѣла свои и между прочимъ превозносилъ красоту жены. Немного времени спустя, — Кандавлѣ суждено было погибнуть, — царь обратился къ Гигесу съ такою рѣчью: „мнѣ кажется, Гигесъ, ты не довѣришь моимъ словамъ о красотѣ жены, ибо слухъ у человѣка не такъ довѣрчивъ, какъ зрѣніе: поэтому постарайся увидѣть ее обнаженною. Въ отвѣтъ на это Гигесъ вскрикнулъ: „перазумная рѣчь слышу я отъ тебя, владыка! Неужели ты велишь мнѣ посмотрѣть мою госпожу нагою? Вѣдь вмѣстѣ съ платьемъ женщина совлекаетъ съ себя и стыдъ. Давно существуютъ у людей прекрасныя изреченія; изъ нихъ слѣдуетъ черпать уроки; въ числѣ изреченій есть слѣдующее: „всякій смотри свое“. Я вѣрю, что жена твоя красивѣйшая женщина, и пожалуйста не требуй отъ меня недозволенаго“.

9. Замѣчаніемъ этимъ Гигесъ надѣялся защитить себя отъ бѣды, потому что опасался, какъ бы отсюда не вышло для него какого несчастія. Но Кандавла возразилъ: „будь смѣлѣе, Гигесъ; не думай, что я предлагаю тебѣ это ради испытанія, не бойся ничего и со стороны жены моей. Все дѣло съ самаго начала и

устрою такъ, что она и не замѣтитъ, когда ты будешь смотрѣть на нее: поставлю тебя въ нашей почивальнѣ за открытою дверью; тотчасъ за мною войдетъ къ спальню къ ложу и жена моя. Подлѣ дверей стоитъ стулъ; раздвигаясь она будетъ складывать на него свое платье одно за другимъ, а ты спокойно можешь ее осмагивать. Когда она отойдетъ отъ стула къ постели и обернется къ тебѣ спиною, постарайся проскользнуть въ дверь такъ, чтобы она тебя не замѣтила“.

10. Видя, что уклониться нельзя, Гигесъ согласился. Когда пришла пора ложиться спать, Кандавла ввелъ Гигеса въ почивальню, а велѣвъ затѣмъ вошла и жена. Гигесъ глядѣлъ на нее, когда она, вошедши въ комнату, снимала съ себя платье. Когда же царица повернулась къ нему спиною и направилась къ постели, Гигесъ украдкой вышелъ вонъ. Но при этомъ жена Кандавлы взглянула на него и поняла, что все устроено ей мужемъ; она сильно застыдилась, но не крикнула и не выдала себя, въ душѣ затаивши мечь Кандавлѣ. Дѣло въ томъ, что у лядянъ, какъ у всѣхъ почти варваровъ, даже муцина считается для себя большимъ позоромъ, если его увидятъ нагимъ.

11. Итакъ, ничего тогда не обнаруживши, она сохранила спокойствіе; но на слѣдующій день немедленно подготовила вѣрнѣйшихъ слугъ своихъ и велѣла позвать Гигеса. Онъ пошелъ на зовъ, не подозревая, что жена Кандавлы знаетъ что-нибудь о случившемся: и прежде онъ являлся каждый разъ, когда царица звала его. При появленіи Гигеса она обратилась къ нему съ такою рѣчью: „я даю тебѣ, Гигесъ, на выборъ одну изъ двухъ дорогъ, лежащихъ передъ тобою, которую изъ нихъ ты предпочтешь: или, убивши Кандавлу, владѣй мною и всѣмъ лядійскимъ царствомъ, или ты умрешь тотчасъ самъ, чтобы впредь, въ угоду Кандавлѣ, ты не глядѣлъ на то, на что тебѣ не подобало. Поэтому долженъ по-

гибнуть или онъ за то, что устроилъ это, или ты за то, что глядѣлъ на меня обнаженную и тѣмъ совершилъ недозволенное“. Сначала рѣчи царицы изумляли Гигеса, потомъ онъ умолялъ ее не принуждать его къ такому выбору. Но та оставалась непреклонной, и Гигесъ увидѣлъ себя дѣйствительно вынужденнымъ или убить своего господина, или умереть самому; онъ предпочелъ остаться въ живыхъ. „Такъ какъ ты заставляешь меня противъ воли убить моего господина,“ сказала тогда Гигесу царица, „то научи, какъ намъ напасть на него“. Согласившись на это, она сказала: „нападеніе должно быть сдѣлано съ того самаго мѣста, съ котораго онъ показывалъ тебѣ меня обнаженную, и смерть постигнетъ его во время сна“.

12. Когда замеселъ былъ готовъ и наступила ночь, Гигесъ послѣдовалъ за царицею въ почивальню; до этого момента его не отпускали, и ему не было никакого спасенія отъ выбора—или умереть самому, или погубить Кандавлу. Давши въ руки мечъ, царица скрыла Гигеса за тою самою дверью. Когда послѣ этого Кандавла легъ спать, Гигесъ вышелъ изъ за двери, убилъ царицу и такимъ образомъ завладѣлъ женою его и царствомъ (объ этомъ упомянулъ въ ямбическомъ триметрѣ и Архилохъ изъ Пара, жившій въ то же время).

13. Получивши власть, Гигесъ упрочилъ ее за собою при содѣйствіи дельфійскаго прорицалища. Когда по случаю убійства Кандавлы лядяне вознегодовали было и возстали съ оружіемъ въ рукахъ, тогда бунтовщики съ Гигесомъ во главѣ помирились съ остальными лядянами на томъ, что онъ будетъ царствовать надъ ними, если оракулъ признаетъ его царемъ; если же нѣтъ, то онъ передастъ царство обратно Гераклидамъ. Оракулъ призналъ Гигеса, и онъ послѣ этого воцарился. Однако Пноія тогда же возвѣстила, что Гераклиды будутъ отмщены на пятомъ поколѣніи Гигеса. Ни лядяне, ни цари

ихъ не обращали никакого вниманія на изреченіе оракула, пока оно не исполнилось.

14. Такъ Мермнады получили власть, отнявши ее у Гераклидовъ, а по воцареніи Гигесъ послалъ въ Дельфы многочисленныя дары: сколько ни есть серебряныхъ даровъ, большая часть ихъ отъ него и находится въ Дельфахъ. Кромѣ серебра, онъ пожертвовалъ въ большомъ числѣ и золотыя сосуды; въ числѣ ихъ наиболѣе достойны упоминанія шесть золотыхъ чашъ. Въсятъ онъ триста талантовъ и помѣщаются въ сокровищницѣ коринвянъ; впрочемъ, говоря по правдѣ, сокровищница эта есть дѣло не коринфскаго государства, но Кипсела, сына Бетіона. Насколько мы знаемъ, Гигесъ первый изъ варваровъ послѣ Миды, фригійскаго цари, сына Гордіа, послалъ дары въ Дельфы. Миды посвящали оракулу царскій тронъ, сиди на которомъ онъ прежде творилъ судъ, — замѣчательное произведеніе; тронъ находится на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ и чаша Гигеса. То золото и серебро, которое подарилъ Гигесъ, дельфійцы называютъ по имени жертвователя Гигадою.

15. Сдѣлавшись царемъ, Гигесъ тоже совершалъ военные походы на Милетъ и Smyрну и взялъ нижній Колофонъ; впрочемъ тридцать восемь лѣтъ своего царствованія онъ не ознаменовалъ ничѣмъ достославнымъ. Поэтому ничего больше о немъ и говорить не буду, упоминая только о сынѣ его Ардисѣ, царствовавшемъ послѣ Гигеса. Ардисъ покорилъ Приену и ходилъ войною на Милетъ; въ его царствованіе киммеріане, тѣ сивныя изъ своей родины кочевьями скивами, пришли въ Азію и овладѣли Сардами, за исключеніемъ акрополя.

16. Ардису, царствовавшему сорокъ девять лѣтъ, наследовалъ сынъ его Садіатта и царствовалъ двѣнадцать лѣтъ, а за Садіаттою слѣдовалъ сынъ его Алиатта. Этотъ послѣдній воевалъ съ Кіаскарою, внукомъ Діеюки, и прогналъ киммеріанъ изъ Азіи; онъ покорилъ Смир-

ну, заселенную жителями Колофона, и началъ на Клазомены. Однако отсюда онъ возвратился домой не такъ, какъ желалъ, но потерпѣвши жестокое пораженіе. Другія важнѣйшія дѣла его царствованія слѣдующія.

17. Онъ велъ войну съ Милетомъ, унаследовавши ее отъ отца. Отправившись съ войскомъ противъ Милета, онъ разорялъ городъ слѣдующимъ образомъ: ежегодно въ ту пору, когда на поляхъ совершались плоды, онъ врвался съ войскомъ на городскія земли; войско шло подъ звуки свирѣлей, струнныхъ инструментовъ, съ женскими и мужскими флейтами. Вопеши въ милетскую область, Алиатта не разрушала домовъ на тамошней землѣ, не сожигала ихъ и не ломала въ нихъ дверей; дома оставались въ покоѣ, но каждый разъ уничтожали деревья и посѣвы и затѣмъ возвращался назадъ. Такъ какъ море было во власти милетянъ, то правильная осада города была бы бесполезна; домъ же щадилъ лидійскій царь для того, чтобы милетяне, живя въ нихъ, имѣли возможность обсеменять и обрабатывать поля, а онъ снова своими нападеніями опустошалъ бы обработанныя земли.

18. Такого рода войну онъ велъ одиннадцать лѣтъ, и за это время милетяне претерпѣли два жестокихъ пораженія, одно на своей же землѣ, въ Лименѣ, другое въ равнинѣ Меандра. Въ теченіе шести лѣтъ изъ одиннадцати лѣтами управлялъ еще Садіатта, сынъ Ардеса, и въ это время совершалъ походы въ милетскую область; Садіатта же и началъ эту войну. Остальные пять лѣтъ изъ одиннадцати, слѣдовавшія за тѣмъ шестью, велъ войну сынъ Садіатты Алиатта; принявши ее отъ отца, о чемъ сказано было выше, онъ воевалъ съ неослабною ревностю. Никто изъ іонянъ не помогалъ въ этой войнѣ милетянамъ, за исключеніемъ хіосцевъ, которые платили услугою за такую же услугу: раньше милетяне помогали хіосцамъ въ войнѣ ихъ съ ернореянами.

19. Наконец на двѣнадцатомъ году, когда лядяне снова зажгли нивы, случилось слѣдующее: лишь только поле занялось огнемъ, вѣтеръ направилъ пламя на храмъ Аены по прозванію Ассесской, и храмъ сгорѣлъ. На это не было сначала обращено никакого вниманія, а по возвращеніи войска въ Сарды Алиатта заболѣлъ. Такъ какъ болѣзнь его затянулась, то по совѣту ли другаго, или по собственному рѣшенію, онъ послалъ въ Дельфы спросить божество о причинѣ болѣзни. Пришедшимъ въ Дельфы циноя сказала, что она не станетъ говорить имъ ничего до тѣхъ поръ, пока они не восстановятъ храма Аены, сожженного въ Ассесѣ, что подлѣ Милета.

20. Я знаю это со словъ дельфійцевъ. Милетяне впрочемъ прибавляютъ, что сынъ Кипсела Періандръ, вѣжливѣйшій другъ тогдашняго милетскаго тирана Орасибула, узнавши объ изреченіи оракула Алиаттѣ, сообщилъ черезъ посланца изреченіе это тирану для того, чтобы тотъ спросилъ его и сообразно съ нимъ велъ бы свои дѣла.

21. Такъ рассказываютъ объ этомъ милетяне. Между тѣмъ Алиатта, получивши отвѣтъ оракула, тотчасъ послалъ глашатая въ Милетъ для заключенія мира съ Орасибуломъ и милетянами на такое время, какое потребовалось бы для сооруженія храма. Посланецъ явился въ Милетъ, а Орасибулъ, будучи увѣдомленъ заранѣе обо всемъ и зная намѣренія Алиатты, устроилъ слѣдующее: весь хлѣбъ, какой былъ въ городѣ у него самого и у частныхъ лицъ, онъ велѣлъ снести на площадь и предупредилъ милетянъ, чтобы они по данному имъ сигналу собирались всѣ вмѣстѣ и шумными толпами ходили изъ дома въ домъ.

22. Устроивалъ и говорилъ такъ Орасибулъ для того, чтобы глашатая изъ Сардъ увидѣлъ большую кучу хлѣба, веселищаеся населеніе и извѣстия бы объ этомъ Алиатту. Такъ дѣйствительно и случилось. Когда глаша-

тай увидѣлъ все это, сообщилъ порученіе цари своего Орасибулу и возвратился обратно въ Сарды, перемиріе было заключено, какъ я узнаю, именно по этой, а не по какой-либо другой причинѣ: Алиатта полагалъ было, что въ Милетѣ сильнѣйшая пужда въ хлѣбѣ, и что жители его въ крайне бѣдственномъ положеніи, а теперь вернувшійся изъ города глашатая принесъ вѣсти противоположныя и неожиданныя. Когда перемиріе было заключено на условіи взаимной дружбы и союза, и въ честь Аены было сооружено въ Ассесѣ два храма вмѣсто одного, Алиатта выздоровѣлъ. Такъ ведена была Алиаттою война съ милетянами и съ Орасибуломъ.

23. Тотъ Періандръ, который открылъ Орасибулу изреченіе оракула, былъ сынъ Кипсела. Онъ былъ тираномъ въ Коринѣ. По рассказамъ коринціанъ, а съ ними согласны ессбіане, въ жизни Періандра случилось чрезвычайное чудо, именно: на Тенарѣ вынесенъ былъ на дельфинѣ Аріонъ мѣсячмяныиъ, лучший въ то время кноаредъ; онъ первый, насколько намъ извѣстно, составилъ диокрамбъ, далъ ему имя и исполнилъ его въ Коринѣ.

24. Рассказываютъ, что этотъ Аріонъ, проводившій большую часть жизни въ Коринѣ у Періандра, пожелалъ однажды посѣтить Италію и Сицилію, и стяжавши тамъ большія богатства, собрался отплыть въ Коринѣ. Довѣря большае всего коринціанамъ, онъ навая въ Тарентѣ коринфское судно и оттуда отбѣхалъ. На открытомъ морѣ коринціане вознамѣрились выбросить Аріона въ море и завладѣть его имуществомъ. Узнавши объ этомъ, Аріонъ умолялъ ихъ оставить ему жизнь и предлагалъ имъ свои богатства; но перевозчики были непреклонны и предложили ему или умертвить себя съ тѣмъ, что они погребутъ его на сушѣ, или кинуться немедленно въ воду. Въ этомъ крайнемъ положеніи Аріонъ просилъ, если ужъ такъ имъ угодно, дозволить ему спѣть пѣсню, стои на коряѣ въ полномъ своемъ

нарядъ; онъ обвѣщалъ по исполненіи пѣсни умертвить себя. Въ ожиданіи удовольствія отъ пѣніа лучшаго пѣвца перевозчики удалились отъ кормы корабля на середину его. Аріонъ надѣлъ на себя полный нарядъ свой, взялъ въ руки кноару и, ставши на доскахъ кормы, исполнилъ пѣсню високаго тона; по окончаніи пѣсни онъ какъ быль, въ полномъ одѣяніи бросился въ море. Перевозчики поплыли дальше въ Коринноу, а дельфинъ, какъ разсказываютъ, взялъ Аріона на себя и вынесъ на Тенаръ. Вышедши на берегъ, онъ отправился въ своемъ платьѣ въ Коринноу и тамъ разсказалъ все, что съ нимъ случилось. Не довѣряя Аріону, Періандръ содержалъ его подъ стражею, никогда не отпускалъ, но велѣлъ слѣдить также и за корабельщиками. Какъ только судно прибыло, онъ позвалъ перевозчиковъ и расспрашивалъ ихъ объ Аріонѣ; тѣ отвѣчали, что онъ въ Италіи, здравствуетъ, и что они оставили его благоденствующаго въ Тарентѣ. Тогда Періандръ показалъ имъ Аріона въ томъ видѣ, какъ онъ бросился въ море. Перевозчики были изумлены и на улыбки не могли ничего возразить. Такъ повѣствуютъ кориннояне и лэбйяне, а на Тенарѣ находится жертвованное Аріономъ мѣдное небольшое изображеніе, сидящій на дельфинѣ человекъ.

25. Лидійскій царь Аліатта царствовалъ пятьдесятъ семь лѣтъ и умеръ по окончаніи войны съ мидетянами. За излѣченіе отъ болѣзни онъ, второй изъ этого дома, пожертвовалъ въ Дельфы большую серебряную чашу и желѣзный спаянный подчашникъ; среди священннхъ даровъ въ Дельфахъ это послѣднее пожертвованіе заслуживаетъ вниманія; подчашникъ сдѣлалъ Главкомъ хіосскимъ, единственнымъ изобрѣтателемъ пайки желѣза.

26. По смерти Аліатты власть наследовалъ сынъ его Крезъ на тридцать пятюмъ году жизни; жители Ефеса были первые изъ еллиновъ, на которыхъ онъ пошелъ войною. Осажденные имъ ефесцы посвятили свой городъ

Артемидѣ, въ знакъ чего протянули веревку отъ ея храма къ городской стѣнѣ; расстояние между старымъ городомъ, который тогда былъ въ осадѣ, и храмомъ семь стадій. Итакъ ефесцы первые подверглись нападенію Креза; потомъ и остальные іоняне и эоляне испытали то же, одни за другими, причеиъ каждый разъ Крезъ выставлялъ новые предлоги, измышляя противъ однихъ тяжкія обвиненія, противъ другихъ ничтожныя.

27. Когда такимъ образомъ Крезъ покорилъ всѣхъ азіатскихъ еллиновъ и сдѣлалъ ихъ своими данниками, онъ задумалъ соорудить флотъ и напасть на жителей острововъ. Все уже было готово къ сооруженію флота, когда по словамъ однихъ пришелъ въ Сарды Біантъ изъ Пріены, по словамъ другихъ Питтакъ изъ Митилены, и извѣстіями объ Елладѣ приостановилъ постройку судовъ, именно: на вопросъ Креза, пѣтъ-ли чего новаго, гость отвѣчалъ: «островитяне, царь, скупаютъ лошадей въ большомъ числѣ, намѣреваясь идти войною на Сарды и на тебя». Полагая, что тотъ говоритъ правду, Крезъ замѣтилъ: «еслибы боги внушили островитянамъ мысль идти на смяновъ лидійскихъ на лошадахъ!» А гость на это сказалъ: «кажется, царь, ты сильно желалъ бы встрѣтить островитянъ на сушѣ конными, и ты совершенно правъ; по развѣ ты не думаешь, что, прослышавши о твоёмъ намѣреніи соорудить противъ нихъ флотъ, они больше всего пожелаютъ напасть на лядянъ на морѣ и отметить имъ за тѣхъ еллиновъ на сушѣ, которыхъ ты обратишь въ рабство?» Какъ говорятъ, замѣчаніе это очень понравилось Крезу; онъ напелъ его остроумнымъ и убѣдительнымъ и приостановилъ сооруженіе флота; съ живущими на островахъ іонянами заключилъ послѣ этого дружественный союзъ.

28. Съ теченіемъ времени покорены были Крезомъ почти всѣ народы, обитающіе по сю сторону рѣки Га-

леса, за исключеніем кикліянъ и лкіянъ (именно: лидіане, фригіане, мисіане, маріандины, халлы, пафлагонцы, оракіане, оны и бионы, кары, іоніане, доріане, воляне, памфілы).

29. Послѣ покоренія этихъ народовъ (и присоединенія ихъ къ лидіанамъ) стали приходять изъ Еллады въ цѣлѣнціи богатствомъ Сарды великіе мудрецы по различнымъ побужденіямъ; въ числѣ ихъ былъ и аоніанецъ Солопъ, который составилъ аоніанцамъ по ихъ порученію законы и потомъ въ теченіе десяти лѣтъ путешествовалъ подѣ предлогомъ любовательности, а на самомъ дѣлѣ для того, чтобы не быть вынуждену отмѣнить что-либо изъ составленныхъ имъ законовъ. Сдѣлать это безъ Солопа аоніане не могли, потому что обязали себя грозными клятвами пользоваться данными имъ Солопомъ законами въ теченіе десяти лѣтъ.

30. Итакъ, отправившись путешествовать ради этого и изъ любопытства, Солопъ прибылъ въ Египетъ къ Амасіду и въ Сарды къ Крезу. Крезомъ онъ былъ принятъ радушно въ царскомъ дворцѣ. На третій или на четвертый день по прибытіи въ Сарды, царскіе слуги по повелѣнію Креза водили Солопа по сокровищницамъ и показывали ему всѣ богатства, всю роскошь и великолѣпіе цари. Послѣ того, какъ Солопъ все это видѣлъ и внимательно разсмотрѣлъ, Крезъ сказалъ ему: «о твоей мудрости и о твоихъ путешествіяхъ, любовный аоніанецъ, до насъ доходитъ громкая молва; изъ жажды къ знанію и изъ любопытства ты посѣтилъ многія земли, а потому я желаю бы спросить тебя: видѣлъ ли ты уже счастливѣйшаго человѣка?» Крезъ задалъ такой вопросъ въ увѣренности, что счастливѣйшій изъ людей онъ самъ. Ничего этого не подумывая, Солопъ чистосердечно отвѣчалъ: «аоніанца Телла, царь». Изумленный Крезъ поспѣшно спросилъ: «почему же

Телла считаешь ты счастливѣйшимъ?» Солопъ отвѣчалъ: «вопервыхъ, родное государство Телла было счастливо; онъ имѣлъ прекрасныхъ дѣтей и дожилъ до той поры, когда у всѣхъ ихъ дѣти родились и благополучно выросли; вовторыхъ, средства къ жизни были у него, по нашимъ понятіямъ, достаточныя, а кончилъ онъ дни свои славною смертью, именно: во время сраженія аоніанецъ съ сосѣдями при Елевсинѣ онъ помогъ своимъ врагамъ въ бѣгство и умеръ мужественною смертью; аоніане похоронили его на государственнѣйшій счетъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ палъ, и почтили высокими почестями».

31. Когда подробными разсказами о счастливой судьбѣ Телла Солопъ еще больше возбудилъ вниманіе Креза, сей послѣдній снова спросилъ его: кого же онъ считаетъ вторымъ счастливцемъ, будучи увѣренъ, что ему принадлежить по крайней мѣрѣ второе мѣсто. «Клеобиса и Битона,» отвѣчалъ однако Солопъ. «Родомъ они аргивяне, имѣли достаточныя средства къ жизни и обладали такой физической силой, что оба вмѣстѣ вышли побѣдителями изъ состязанія. Разсказываютъ объ этомъ такъ: однажды въ праздникъ аргивекой Геры матери ихъ настоятельно необходимо было пріѣхать въ повозкѣ въ храмъ богини; быки не подоспѣли во-время съ поля, нужно было торопиться, тогда юноши сами наложили на себя ярмо и потащили повозку къ храму на протяженіи сорока пяти стадій; на повозкѣ сидѣла мать ихъ. Совершивши это въ виду праздничнаго собранія, юноши умерли прекраснѣйшею смертью, а божество наказало на нихъ, что для человѣка гораздо лучше умереть, нежели жить. Присутствовавшіе аргивяне прославляли юношей за силу, а мать за такихъ дѣтей; сама же мать, восхваленная подвигомъ сыновей своихъ и доставшей ей на долю славы, молилась передъ ликомъ богини о томъ, чтобы Клеобису и Битону божество даровало наилуч-

шую человеческую участь. После этой молитвы они совершили жертву и участвовали въ праздничной трапезѣ, потомъ встали въ томъ самомъ храмѣ и болѣе не вставали; таковъ былъ конецъ ихъ жизни. Аргивяне сдѣлали статуи юношей и пожертвовали въ Дельфы, какъ изображенія достойнѣйшихъ людей.

32. Такимъ образомъ вторыми побѣдителями въ счастіи Солонъ призналъ этихъ юношей. Тогда Крезъ съ досадою спросилъ: „неужели же, любезный аонининъ, ты ни во что ставишь мое счастіе и меня считаешь ниже простыхъ людей“? Солонъ на это отвѣчалъ: „я знаю, Крезъ, что всякое божество завистливо и любитъ смуту, а ты спрашиваешь меня о человеческомъ счастіи. Какъ много въ своей долгой жизни человѣкъ вынужденъ видѣть того, чего онъ не желалъ бы видѣть, и какъ много онъ долженъ испытать! Предѣломъ человеческой жизни я почитаю семьдесятъ лѣтъ; эти семьдесятъ лѣтъ составляютъ двадцать пять тысячъ двѣсти дней, не считая вставочнаго мѣсяца. Если же каждый второй годъ увеличить на одинъ мѣсяцъ для того, чтобы времена года точно совпали съ лѣтосчисленіемъ, то на семьдесятъ лѣтъ получится вставочныхъ мѣсяцевъ тридцать пять, что составитъ тысячу пятьдесятъ дней. Изъ всѣхъ этихъ дней въ семидесяти годахъ, а ихъ двадцать шесть тысячъ двѣсти пятьдесятъ, ни одинъ никогда не приносятъ съ собою того, что другой. Такимъ образомъ, Крезъ, человѣкъ весь не болѣе какъ случайность. Ты конечно очень богатъ и царствуешь надъ многими народами; но назвать тебя счастливымъ я могу не раньше, какъ узнавши, что вѣкъ свой ты кончилъ счастливо. Ибо человѣкъ очень богатый ничуть не счастливѣе того, который имѣетъ лишь насущный хлѣбъ, если только первому не суждено, имѣя всѣ блага, счастливо кончить дни свои. Ибо многіе очень богатые люди несчастны, тогда какъ многіе другіе съ умѣреннымъ состояніемъ счастливы.

Очень богатый, но несчастный человѣкъ превосходить счастливаго, но мало имущаго въ двухъ только отношеніяхъ, а счастливый превосходить несчастнаго богача во многомъ. Тогда какъ первый имѣетъ возможность удовлетворить своимъ страстямъ и перенести большую приключившуюся съ нимъ бѣду, послѣдній превосходить его въ слѣдующемъ: будучи не въ состояніи удовлетворить страстямъ и переносить несчастія подобно первому, второй огражденъ отъ нихъ своимъ счастіемъ; онъ не подвергается испытаніямъ, свободенъ отъ болѣзней, не впадаетъ въ несчастія, имѣетъ дѣтей, благообразенъ. Если ко всему этому конецъ жизни его прекрасенъ, то вотъ тебѣ тотъ, о комъ спрашиваешь, человѣкъ, достойный назваться счастливымъ. Все-таки ранѣе смерти его воздержись съ приговоромъ, не называя его счастливымъ, но лишь благоденствующимъ. Совмѣщеніе всего въ одномъ лицѣ невозможно подобно тому, какъ ни одна страна не довѣдетъ себя во всемъ, но имѣя одно, нуждается въ другомъ, и та страна наилучше, которая имѣетъ больше всѣхъ. Подобно этому нѣтъ ни одного человѣка, довѣщающаго себя во всемъ: одно онъ имѣетъ, въ другомъ нуждается; кто владѣетъ наибольшимъ числомъ благъ до конца дней и въ благополучіи кончаетъ жизнь, того, царь, по моему мнѣнію, справедливо назвать счастливымъ. Во всякомъ дѣлѣ слѣдуетъ смотрѣть на конецъ: многихъ людей божество ласкало надеждою счастія и потомъ испроверга лонихъ въ конецъ.

33. Рѣчи эти неприятны были Крезу; на Солонѣ онъ посмотрѣлъ съ пренебреженіемъ и отпустилъ его; глушicomъ казался ему тотъ, кто не обращаетъ вниманія на настоящія блага и совѣтуетъ во всякомъ дѣлѣ взирать лишь на конецъ.

34. По уходѣ Солонѣ постигло Креза тяжкое возмездіе отъ божества, какъ кажется, за то, что онъ почиталъ себя счастливѣйшимъ изъ всѣхъ людей. Въ первую же

ночь во снѣ явился ему призракъ и правдиво предсказалъ несчастія, грозившія его снну. У Креза было два сына; одинъ изъ нихъ былъ калѣка, глухоймой; другой во всемъ далеко превосходилъ своихъ сверстниковъ; назывался онъ Атисъ. На этого-то Атиса и указало привидѣніе Крезу, говоря, что онъ погибнетъ отъ раны, нанесенной желѣзнымъ копьемъ. Проснувшись и поразмысливши, Крезъ испугался привидѣнія, тотчасъ женилъ сына и, хотя прежде Атисъ обыкновенно становился во главѣ лидійскаго войска, Крезъ не отпускалъ его больше въ военные походы; равнымъ образомъ велѣлъ перенести изъ залъ въ дальніе покои дротинки, копье и всякое иное оружіе, чтобы оно со снѣмъ не упало на сына.

35. Во время свадьбы сына въ Сарды пришелъ человѣкъ, запятанный невольнымъ преступленіемъ, съ нечистыми еще руками; по происхожденію фригіецъ, онъ былъ царскаго рода; пришелъ онъ въ домъ Креза и согласно тамошнимъ обычаямъ просилъ объ очищеніи. Крезъ очистилъ его. Обрядъ очистительный у лидявъ походить на тотъ же обрядъ у елиновъ. Совершивши обычное очищеніе, Крезъ сталъ разспрашивать гости, откуда, и кто онъ: „кто ты, странникъ, изъ какой части Фригіи пришелъ къ моему очагу? Какого мушану или какую женщину умертвилъ ты?“ „Царь“, отвѣчалъ гость, „я сынъ Гордіи, внукъ Миды; имя мое Адрасть, а умертвилъ я нечаянно роднаго брата и явился сюда, изгнанный отцомъ и лишенный всего“. Крезъ на это замѣтилъ ему: „ты—сынъ друзей нашихъ и пришелъ къ друзьямъ; находясь въ нашемъ домѣ, ты ни въ чемъ не будешь пуждаться. Несчастіе свое переноси терпѣливо, и это послужитъ тебѣ на благо“. Такъ онъ жилъ въ домѣ Креза.

36. Въ это самое время на Олимпѣ въ Мисіи появился свирѣпый кабанъ; спускаясь съ горы, онъ опусто-

шалъ поля мясянъ. Много разъ уже мясяне выходили на звѣри, но не причиняли ему никакого вреда, напротивъ сами отъ него терпѣли. Наконецъ къ Крезу пришли посланцы отъ мясянъ съ просьбою. „Въ нашей землѣ, царь,“ сказали они, „появился огромный кабанъ, опустошающій наши поля; при всѣхъ усиліяхъ мы не можемъ одолѣть его. Теперь просимъ тебя, пошли къ намъ своего сына и избранныхъ юношей съ собаками, чтобы прогнать дикаго звѣря изъ нашей земли“. Такъ просили они Креза, но царь, памятуя сновидѣніе, сказалъ имъ: «о сынъ моему больше и не вспоминайте; къ вамъ не пошлю я его; онъ недавно женился и теперь занятъ супругой. Но я дамъ вамъ отборныхъ лидявъ и всѣхъ моихъ охотничьихъ собакъ и прикажу приложить всяческія старанія къ тому, чтобы вмѣстѣ съ вами прогнать звѣря изъ вашей земли.»

37. Таковъ былъ отвѣтъ Креза, и мясяне остались довольны имъ. Но сынъ Креза слышалъ ихъ просьбу и также пришелъ сюда. Такъ какъ отецъ отказался отпустить его вмѣстѣ съ мясянами, то юноша обратился къ отцу съ такою рѣчью: „прежде, отецъ мой, лучшимъ и благороднѣйшимъ занятіемъ моимъ было — ходить на войну, охотиться и тѣмъ списывать себѣ славу. Теперь ты удерживаешь меня отъ войны и охоты: ни трусость моя, ни малодушіе не озачочиваютъ тебя. Какими глазами глядѣть мнѣ теперь на людей, когда я иду на площадь или возвращаюсь оттуда? Что станутъ думать обо мнѣ наши граждане? Какимъ покажусь я женѣ моей? Что за мужа имѣеть во мнѣ, подумаетъ она? Поэтому или отпусти меня на охоту, или докажи мнѣ, что иначе поступать не слѣдуетъ.“

38. Крезъ на это отвѣчалъ: „я поступаю такъ, дитя мое, вовсе не изъ равнодушія къ трусости въ тебѣ или къ какому иному недостатку, но потому что явившійся во снѣ призракъ сказалъ мнѣ, что ты не долговѣченъ,

и что умрешь отъ желѣзнаго копья. Во вниманіе къ сновидѣнію и укорилъ твою свадьбу; удерживаю тебя отъ предпріятія и принимаю всевозможныя мѣры къ тому, чтобы при моей жизни сохранилъ тебя невредимымъ; вѣдь ты единственный у меня сыиъ; другаго, лишеннаго слуха отъ рожденія, я не считаю“.

39. Юноша на это отвѣчалъ: „тебѣ позволительно, отецъ, послѣ такого сновидѣнія оберегать меня. Но я осмѣлюсь сказать тебѣ, что кое-чего ты не постигаешь и въ толкованіи сновидѣнія заблуждаешься. По твоимъ же словамъ, сновидѣніе предсказало мнѣ смерть отъ желѣзнаго копья, а развѣ у кабана есть руки или желѣзное копье, котораго слѣдовало бы опасаться? Еслибы сновидѣніе сказало тебѣ, что я умру отъ зуба или отъ чего-нибудь другаго подобнаго, тогда ты долженъ былъ бы дѣлать то, что дѣлаешь теперь; между тѣмъ привидѣніе сказало: отъ копья. Поэтому отпусти меня: сражаться съ людьми намъ не предстоитъ“.

40. „Сынъ мой“, замѣтилъ Крезъ, „этими обьясненіемъ сновидѣнія ты отчасти убѣждаешь меня; рѣшеніе свое и измѣняю и отпускаю тебя на охоту“.

41. Послѣ этого Крезъ позвалъ къ себѣ Адраста и сказалъ ему: „когда несчастная доля постигла тебя, Адрастъ, я не укорилъ тебя, очистилъ, пріютилъ въ моемъ домѣ и доставляю тебѣ все нужное. Поэтому ты обязанъ заплатить мнѣ добромъ за добро, содѣянное для тебя раньше; я прошу тебя, береги моего сына, который отправляется теперь на охоту, какъ бы по дорогѣ не напали на вась разбойники и не причинили бы ему какой бѣды. Помимо этого и тебѣ слѣдуетъ отправиться туда, гдѣ ты можешь отличиться: охота—исконное занятіе въ нашемъ родѣ, къ тому же ты силенъ“.

42. „При другихъ обстоятельствахъ“, сказалъ Адрастъ, „я не пошелъ бы на такое дѣло; при моемъ несчастіи не подобаетъ идти въ кругъ счастливыхъ сверст-

никовъ, и у меня нѣтъ къ тому охоты; я воздерживался еще и по многимъ другимъ причинамъ. Но теперь, когда ты настаиваешь, и мнѣ необходимо угодить тебѣ, я обязанъ отплатить тебѣ добромъ, я готовъ сдѣлать это, а сынъ твой, котораго ты поручаешь мнѣ, будь увѣренъ, возвратится невредимымъ, насколько то зависитъ отъ его охранителя“.

43. Послѣ такого отвѣта Крезу Адрастъ и Атисъ вышли въ сопровожденіи отборныхъ юношей и собакъ. Подошедши къ горѣ Олимпу и послѣ поисковъ нашедши звѣря, они обступили его кольцомъ и метали въ него копья. Тогда чужестранецъ, тотъ самый, который не задолго передъ тѣмъ былъ очищенъ отъ убійства и носилъ имя Адраста, метнулъ копье, но попалъ не въ кабана, а въ сына Креза. Пораженный на смерть копьемъ, юноша такимъ образомъ оправдалъ предсказаніе призрака. Между тѣмъ кое-кто побѣждалъ извѣстить обо всемъ Креза и, пришедши въ Сарды, рассказали царю объ охотѣ и о смерти сына.

44. При извѣстіи о смерти сына Крезъ пришелъ въ изступленіе, больше всего жалуюсь на то, что убійцею сына оказался тотъ самый человѣкъ, котораго онъ очистилъ. Тяжко удрученный несчастіемъ, Крезъ зывалъ къ Зевсу очистителю въ свидѣтели того, что учинилъ ему гость, зывалъ къ хранителю очага и дружбы, называя по имени одно и то же божество; хранителя очага зывалъ онъ потому, что принялъ странника, убійцу сына въ домъ свой и, ничего не предчувствуя, кормилъ его, хранителя дружбы потому, что отпустилъ сына вмѣстѣ съ чужеземцемъ, какъ съ стражемъ его, а напелъ въ немъ ненавистнѣйшаго врага.

45. Затѣмъ явились лядине съ трупомъ на рукахъ: повалили ихъ нелѣзъ убійца. Онъ сталъ передъ трупомъ, протицнулъ руки въ знакъ покорности, предавалъ себя Крезу и умоляя убить его подлѣ праха сына; онъ вспо-

миналъ свое прежнее несчастіе, прибавляя, что онъ перергъ въ несчастіе и того, кто его очистилъ, и что ему нельзя жить больше. Слушая это, Крезъ сжался надъ Адрастомъ, какъ ни было велико собственное горе, и сказалъ: «привная себя виновнымъ въ смерти моего сына, ты, чужеземецъ, даешь мнѣ полное удовлетвореніе. Не ты—виновникъ моего несчастія, будучи лишь невольнымъ исполнителемъ, но какое-нибудь божество, давно уже предварившее меня о случившемся». Сына Крезъ похоронилъ съ подобающими почестями, а Адрастъ, сынъ Гордіи, врукъ Миды, убійца роднаго брата и убійца сына очистителя, болѣе всѣхъ людей, по его собственному убѣжденію, преслѣдуемый рокомъ, умертвилъ себя на могилѣ юности послѣ того, какъ водворилась тамъ тишина.

46. Въ тяжелой скорби объ утраченномъ сынѣ Крезъ два года ничего не предпринималъ. Конецъ его скорби положили сокрушеніе могущества Астиага, кіаксарова сына, Киромъ, сыномъ Камбисы, и усиленіемъ персидскаго царства. Тогда онъ вознамѣрился приостановить, насколько возможно, дальнѣйшее усиленіе персидскаго царства, дабы не дать ему усилиться чрезмѣрно. Остановившись на этой мысли, Крезъ немедленно послалъ спросить оракуловъ еллинскихъ и ливійскихъ; одинъ посланцы отправились въ Дельфы, другіе въ фокидскія Абы, третьи въ Додону; иные отправлены были также къ Амфіарая и Трофонію, а иные къ брахидамъ въ милетской землѣ. Таковы были еллинскіе оракулы, къ которымъ Крезъ обратился за совѣтомъ. Къ Аммону ливійскому онъ послалъ другихъ лицъ. Цѣлю Креза было испытать правдивость оракуловъ, и затѣмъ, если они окажутся знающими истину, послать къ нимъ вторично и спросить, предпринимать-ли ему походъ противъ персовъ.

47. Для испытанія оракуловъ Крезъ приказалъ отпра-

вливающимся въ путь лядинамъ поступить слѣдующимъ образомъ: вести счетъ днямъ со времени выхода изъ Сарды и въ сотый день обратиться къ оракуламъ съ вопросомъ: что дѣлать въ это время лидійскій царь Крезъ, сынъ Аллати? Что бы ни сказали оракулы, вопрошающіе должны записать отвѣты и доставить ихъ Крезу. Объ отвѣтахъ остальныхъ оракуловъ не говорить никто; но какъ только лядине вступили въ храмъ дельфійскій и спросили божество такъ, какъ имъ было приказано, піои въ шестистопныхъ стихахъ отвѣчала слѣдующее: «я знаю количество песку и мѣру моря, я постигаю мысли глухонѣмаго и слышу безглазлаго, ко мнѣ дошелъ запахъ крѣпкимъ щитомъ защищенной черепашки, она варится въ мѣдномъ сосудѣ вмѣстѣ съ мясомъ игненка; мѣдъ разостлана внизу и мѣдъ положена сверху».

48. Записавши изреченіе піои, лядине удалились и возвратились въ Сарды. Остальные послы также явились туда съ изреченіями оракуловъ. Тогда Крезъ сталъ разсматривать записи, разбирая ихъ одну за другою. Ни одна изъ нихъ не удовлетворяла его; лишь узнавши изреченіе дельфійскаго оракула, онъ проникся чувствами благоговѣнія и вѣры, находи дѣйствительнымъ оракуломъ только дельфійскій, такъ какъ онъ одинъ открылъ то, что сдѣлалъ Крезъ. Дѣло въ томъ, что, отправивши къ оракуламъ вопрошателей, царь дождался назначеннаго дня и устроилъ слѣдующее: изрубилъ вмѣстѣ черепашку и игненка и самъ варилъ ихъ въ мѣдномъ котлѣ, будучи увѣренъ, что ни придумать, ни угадать этого никто не сможетъ.

49. Таковъ былъ отвѣтъ, полученный Крезомъ изъ Дельфъ. Не знаю, что сказала лядинамъ оракулъ Амфіарая послѣ того, какъ они исполнили установленныя въ храмѣ правила, никто не говоритъ о томъ; только Крезъ убѣдился, что и это святилище имѣетъ правдиваго оракула.

50. Послѣ этого Крезъ умножествлялъ дельфійское божество обильными жертвами, именно: онъ принесъ ему въ жертву всякаго рода животныхъ по три тысячи головъ, соорудилъ огромный костеръ и сжегъ на немъ лежа частью позолоченныя, частью посеребренныя, золотыя чаши, пурпурныя плащи и хитоны; этимъ онъ надѣялся върнѣе расположить къ себѣ божество. Кромѣ того, царь велѣлъ всемъ лядианамъ участвовать въ жертвоприношеніи, въ какой мѣрѣ каждый изъ нихъ можетъ. По окончаніи жертвоприношенія онъ велѣлъ перешлавить огромное количество золота, приготовить изъ него полукирпичи въ числѣ ста семнадцати, каждый въ шесть ладоней длины, въ три ширины и въ одну ладонь высоты; изъ нихъ четыре кирпичи изъ чистаго золота, каждый въ двѣ съ половиною таланта вѣсомъ, остальные изъ благаго золота, каждый вѣсомъ въ два таланта. Кромѣ того, онъ велѣлъ приготовить изображеніе льва изъ чистаго золота вѣсомъ въ десять талантовъ. Когда горѣлъ дельфійскій храмъ, левъ этотъ упалъ съ полукирпичей, на которыхъ стоялъ, и лежитъ теперь въ коринтской сокровищницѣ; вѣсу вмѣстѣ онъ шесть талантовъ съ половиною, ибо три съ половиною таланта расплавилось.

51. Сверхъ всего этого Крезъ послалъ въ Дельфы двѣ большихъ чаши, одну золотую, другую серебряную; золотая помѣщена была въ храмѣ на правой сторонѣ отъ входа, серебряная на лѣвой. Но и эти чаши во время пожара сдвинуты были съ своихъ мѣстъ; золотая находится теперь въ клаоменской сокровищницѣ и вѣситъ восемь съ половиною талантовъ и двѣнадцать минъ; серебряная, вмѣщающая въ себѣ шестьсотъ амфоръ, стоитъ въ углу предхрамья: чашу эту дельфійцы наполняютъ разбавленнымъ виномъ въ праздникъ оеопаній. По словамъ дельфійцевъ, это — произведеніе Осодора изъ Сама, и я вѣрю имъ, потому что оно выдается изъ ряда обыкновенныхъ. Крезъ послалъ еще

четыре серебряныхъ бочки, находящіяся въ коринтской сокровищницѣ, а также двѣ кропильницы, золотую и серебряную; на золотой начертана надпись, въ которой неправильно лакедемоняне называютъ себя жертвователями ея. На самомъ дѣлѣ и эта чаша даръ Креза, а надпись начерталъ вѣкто изъ дельфійцевъ въ угоду лакедемонянамъ; ими его я знаю, но не назову. Лакедемонянами пожертвовано изображеніе мальчика, сквозь руку котораго течетъ вода, а не кропильница. Вмѣстѣ этими дарами Крезъ послалъ еще и другіе предметы, со всемъ не обозначаемые отдѣльно, между прочимъ круглыя литыя вещи изъ серебра, золотое изображеніе женщины въ три локтя вышиною; по словамъ дельфійцевъ, это женщина, пекшая хлѣбъ для Креза. Наконецъ онъ пожертвовалъ ожерелья своей жены и ея поясъ.

52. Таковы были дары Креза въ Дельфы. Узнавши о добродѣтеляхъ и несчастіи Амфіарая, онъ послалъ ему золотой щитъ, золотое полновѣсное копье, въ которомъ какъ древко, такъ и острие были равно изъ золота. Еще въ мое время оба эти пожертвованія находились въ Оивахъ въ храмѣ Аполлона Исменскаго.

53. Тѣмъ лядианамъ, которые повезли эти дары въ храмы, Крезъ наказывалъ спросить оракуловъ, начинать ли ему войну съ персами, и не должно ли ему соединить съ своимъ какое-нибудь другое войско. Пришедши къ тѣмъ оракуламъ, къ которымъ были посланы, лядяне посвятили дары и потомъ спросили оракуловъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „царь лядянъ и прочихъ народовъ Крезъ, почитая эти оракулы единственными у людей, присылаетъ вамъ дары, достойные вашихъ изреченій, и спрашиваетъ васъ, вѣсти ли ему войну съ персами и не соединиться ли съ какимъ-нибудь войскомъ“. Таковъ былъ вопросъ ихъ; отвѣты обоихъ оракуловъ были одинаковы, именно: если Крезъ предприметъ войну

противъ персовъ, то онъ сокрушитъ обширное царство; кромѣ того, оракулы совѣтовали найти могущественнѣйшихъ изъ эллиновъ и заключить съ ними союзъ.

54. Услышавши данные оракулами отвѣты, Крезъ остался вполне доволенъ, рассчитывая „сокрушитъ царство“ Кира. Онъ послалъ снова въ ионійскому оракулу и, узнавши количество дельфійцевъ, одарилъ каждого изъ нихъ двумя золотыми монетами. Въ благодарность за это дельфійцы даровали Крезу и лидианамъ на вѣчныя времена преимущество передъ всѣми вопрошающими, свободу отъ дани, мѣсто въ переднихъ рядахъ на общественныхъ празднествахъ; кромѣ того, каждому лидянину предоставлено было право сдѣлаться дельфійскимъ гражданиномъ.

55. Одаривши дельфійцевъ, Крезъ обратился къ оракулу въ третій разъ: онъ сталъ спрашивать его особенно часто послѣ того, какъ убѣдился въ его правдивости. На сей разъ онъ вопрошалъ, долговѣчна-ли его власть. Пноія на это отвѣчала: „когда мулъ воцарится надъ лидианми, тогда, слабопогій лидиинъ, бѣги къ каменистому Герму, не останавливаясь и не стыдись прослыть трусомъ“.

56. Этому отвѣту Крезъ наибольше обрадовался, надеясь на то, что мулъ вмѣсто человѣка никогда не будетъ царемъ лидянъ; слѣдовательно ни онъ самъ, ни дѣти его не потеряютъ власти. Послѣ этого царь старался узнать могущественнѣйшихъ изъ эллиновъ съ тѣмъ, чтобы войти съ ними въ дружбу. Въ поспѣхъ своихъ онъ открылъ, что лакедемоняне и аоняне занимаютъ первое мѣсто, одни въ дорійскомъ племени, другіе въ іонійскомъ. Это были главныя племена, вздревле составившія одно пеласгійскій народъ, другое эллискій; одно изъ нихъ никогда не переселялось, другое странствовало очень долго. При царѣ Девкалионѣ доріане занимали область Фѳіотиду, а при Дорѣ, сынѣ Еллина, область, что

у подножія Оессы и Олимпа, называвшуюся Гистіѳотидою; потѣсенные кадмеянами изъ Гистіѳотиды, они поселились на Пиндѣ подъ именемъ македонъ, впоследствии отсюда перешли въ Дріопиду, а изъ Дріопиды наконецъ въ Пелопоннесъ, гдѣ и названы были доріанми.

57. На какомъ языкѣ говорили пеласги, въ точности не могу сказать. Если позволительно дѣлать заключеніе по тѣмъ изъ пеласговъ, которые уцѣлѣли еще до нашего времени, живутъ выше тирреновъ въ городѣ Крестонѣ и пѣкогда занимали пограничныя съ нынѣшними доріанми земли,—они жили въ нынѣшней Фессаліотидѣ,—равно по остаткамъ тѣхъ пеласговъ, которые пѣкогда жили вмѣстѣ съ аонянами, а потомъ заняли Плакію и Скилаку на Геллеспонтѣ, равно какъ и по всѣмъ другимъ пеласгическимъ поселеніямъ, которыя болѣе такъ не называются, если можно судить по этому, то пеласги говорили языкомъ варварскимъ. Если таково было и все пеласгическое племя, то, значить, населеніе Атики, бывшее пеласгическимъ, съ переходомъ въ эллиновъ перемѣнилось и языкъ свой. Языкъ крестонянъ не похожъ ни на одинъ изъ языковъ народовъ сосѣднихъ, равно какъ и языкъ плакинъ; но жители этихъ двухъ городовъ говорятъ одинаковымъ языкомъ; очевидно они сохранили то самое нарѣчіе, на которомъ говорили при выселеніи въ эти мѣста.

58. Съ другой стороны для меня ясно, что эллины съ самаго начала и всегда говорили на одномъ и томъ же языкѣ. Отдѣлившись отъ пеласгическаго племени, они первоначально были слабы; но ничтожныя вначалѣ, они стали потомъ сильны, разрослись въ нѣсколько народовъ благодаря главнымъ образомъ тому, что съ ними соединились пеласги и многія другія варварскія племена. Мнѣ кажется, что по крайней мѣрѣ раньше, будучи еще варварскимъ, пеласгійскій народъ никогда не былъ ни особенно многочисленнымъ, ни сильнымъ.

59. Изъ этихъ двухъ народовъ аттической, какъ узналъ Крезъ, былъ угнетенъ и раздробленъ Писистратомъ, сыномъ Гиппократа, тогдашнимъ афинскимъ тираномъ. Когда Гиппократь въ качествѣ частного лица присутствовалъ на олимпійскомъ празднествѣ, онъ увидѣлъ чрезвычайное чудо: во время совершения жертвы поставленные имъ котлы, наполненные мясомъ и водою, закипѣли безъ огня, и вода потекла черезъ край. Присутствовавшій здѣсь лакедемонянинъ Хилонъ видѣлъ чудо и далъ совѣтъ Гиппократу прежде всего не вводить въ свой домъ женщины и не имѣть отъ нея дѣтей; если же такая женщина у него уже есть, то второй совѣтъ—отпустить ее, а если она имѣетъ сына, то отречься отъ него. Однако Гиппократь, какъ рассказываютъ, не пожелалъ слѣдовать върушеніямъ Хилона. У него послѣ этого родился тотъ самый Писистратъ, который во время междоусобной распри между паралами, и педіеями, — первые съ Мегакломъ, сыномъ Алмеона во главѣ, вторые съ Ликургомъ, сыномъ Аристолаида, — замесили сдѣлаться тираномъ и съ этою цѣлью образовалъ третью партію. Собравши около себя мятежниковъ и на словахъ выдавая себя за вожди гиперакривъ, онъ совершилъ слѣдующее: изранивши себя и муровъ своихъ, онъ въ повозкѣ отправился въ такомъ видѣ на площадь, какъ бы убѣгая отъ враговъ, которые будто бы желали убить его на пути, за городъ, и уранивалъ народъ дать ему отъ себя какую-либо стражу. Раньше этого Писистратъ прославился въ войнѣ съ мегарянами тѣмъ, что взялъ Нисею, и другими громкими подвигами. Афинскій народъ дался въ обманъ и выбралъ для Писистрата изъ среды гражданъ нѣсколько человекъ; они были впрочемъ не копьеносцами Писистрата, но дубиноносцами, потому что съ дубинами въ рукахъ слѣдовали за нимъ. Съ Писистратомъ во главѣ они

подняли возстаніе и завладѣли акрополемъ. Писистратъ такимъ образомъ достигъ власти надъ афинянами; однако онъ оставилъ нетронутыми существующія государственныя учрежденія, не измѣнилъ законовъ и управлялъ государствомъ правильно и честно согласно установившимся порядкамъ.

60. Царствовалъ онъ недолго: сторонники Мегакла и Ликурга пришли къ соглашенію между собою и изгнали Писистрата. Такъ онъ въ первый разъ овладѣлъ Афинами и потерялъ власть, потому что она не была еще упрочена. Однако по изгнаніи Писистрата противники его снова затѣяли между собою распрю, и Мегакль, тѣснимый собственной партіей, предлагалъ Писистрату, не желаетъ-ли онъ жениться на его, Мегакла, дочери и получить за это власть. Писистратъ изъявилъ готовность и согласился на предлагаемыя условія. Для возвращенія въ Афины соумышленники его придумали, по моему мнѣнію, нелѣпнѣйшее средство; еллины вѣдь давно уже отдѣлялись отъ варваровъ, были сообразительнѣе ихъ и болѣе свободны отъ глупой зависти, и однако же эти люди употребили въ то время противъ афинянъ, которые считаются первыми по разсудительности среди еллиновъ, слѣдующую хитрость: въ деревнѣ Пеани была женщина по имени Фія, красивой наружности и четырехъ локтей безъ трехъ пальцевъ росту. Надѣвши на женщину полное вооруженіе, они помѣстили ее на колесницѣ, придали ей такое положеніе, въ какомъ она казалась бы наиболѣе представительною, и такъ направилась въ городъ. Впереди бѣжали глашатаи, которые, прибывши въ городъ, говорили согласно данному имъ приказанію, такіа рѣчи: «афиняне, примите, Писистрата радушно; сама Афина почтила его больше, чѣмъ кого-либо, и теперь возвращаетъ его на свой акрополь». Непрерывно повторяли они это на пути къ городу; тотчасъ въ деревняхъ разнеслась молва, что Афина возвращаетъ Писистрата.

и горожане повѣрили, что женщина эта—сама богиня; они молились ей и принимали Писистрата.

61. Захвативши этимъ способомъ власть въ свои руки, Писистратъ во исполненія условия съ Мегакломъ женился на его дочери. Такъ какъ у него были уже взрослые сыновья, а родъ алмеонидовъ считался проклятымъ, то Писистратъ, не желая имѣть дѣтей отъ молодой жены, воздерживался отъ супружеской связи съ нею. Жена сначала скрывала это, но потомъ рассказала матери, которая спросила ее объ этомъ, а быть можетъ и нѣтъ, а та передала своему мужу. Мегаклъ считалъ себя сильно оскорбленнымъ и въ гнѣвѣ на Писистрата немедленно примирился съ соумышленниками. Писистратъ узнавъ о замыслахъ противъ него, со всѣмъ своимъ достоинствомъ покинулъ страну, удалился въ Еретрию и тамъ устроилъ совѣщаніе съ дѣтьми. Вяло верхъ мнѣніе Гиппій, именно что власть они должны приобрести снова. Тогда они стали собирать приношенія отъ городовъ, которые раньше были чѣмъ-либо имъ обязаны. Многіе города доставили имъ большія средства, аианье превзошли въ этомъ отношеніи всѣхъ. Потомъ, говоря кратко, по прошествіи нѣкотораго времени они приготовили все къ возвращенію въ Аѳины: изъ Пелопоннеса явились аргивскіе наемники, а изъ Накса присоединился къ нимъ по доброй волѣ нѣкто по имени Лигдамидъ, доставившій съ собою денегъ и людей и обнаружившій величайшее усердіе къ дѣлу.

62. Такъ на одиннадцатомъ году они выступили изъ Еретріи и явились обратно. Въ Атикѣ они прежде всего заняли Марафонъ. Когда они расположились въ этой мѣстности лагеремъ, къ нимъ пришли изъ города соумышленники ихъ, изъ деревень явились и другіе люди, которымъ тиранія была милѣе свободы; тамъ они собирались. Находившіеся въ городѣ аѳиняне не обращали никакого вниманія ни на собраніе средствъ Писистра-

томъ, ни на занятіи имъ Марафона; только узнавши, что изъ Марафона онъ двинулся на городъ, аѳиняне рѣшились встрѣтить врага. Со всѣмъ войскомъ они вышли противъ возвращающихся и подлѣ храма Аѳины Паллениды встрѣтились съ сообщниками Писистрата; оба войска расположились лагеремъ. Въ это время по боевому соизволенію явился къ Писистрату акарнанъ Амфильтъ, прорицатель, и въ шестистопныхъ стихахъ изрекъ ему слѣдующее: «сѣть заброшена и тенета разставлены, туда устремятся тунцы въ лунную ночь».

63. Таково было предсказаніе вдохновеннаго прорицателя; Писистратъ поилъ смыслъ изреченія, довѣрился ему и повелъ войско. Аѳинскіе горожане были заняты въ то время обѣдомъ; послѣ обѣда они стали играть въ кости, другіе заснули. Войско Писистрата напало на аѳинянъ и обратило ихъ въ бѣгство. Когда аѳиняне бѣжали, Писистрату пришла счастливейшая мысль, чтобы они не могли собраться вновь, но оставались бы разбѣянными: двумъ сыновьямъ своимъ онъ велѣлъ сѣсть на лошадей и послалъ ихъ впередъ; догнавши бѣгущихъ, они передали имъ увѣщаніе Писистрата не бояться и вернуться каждому къ родному очагу.

64. Аѳиняне вняли совѣту, и Писистратъ такимъ образомъ въ третій разъ овладѣлъ Аѳинами. На сей разъ онъ укрѣпилъ власть многочисленнымъ войскомъ и доходами; часть ихъ онъ получалъ изъ Атики, часть отъ рѣки Стримона. Отъ оставшихся въ городѣ аѳинянъ онъ взялъ въ качествѣ заложниковъ сыновей ихъ и помѣстилъ на Наксѣ; Писистратъ покорилъ и этотъ островъ, передавши его Лигдамиду. Сверхъ этого онъ согласно изреченію оракула очистилъ островъ Дель слѣдующимъ образомъ: на всемъ пространствѣ, какое можно было видѣть отъ храма, онъ велѣлъ вырыть изъ могилы трупы и перенести ихъ въ другую часть острова.

Так Писенстратъ владычествовалъ надъ аонцианами; изъ аонцианъ одни пали въ сраженіи, другіе покинули родину вмѣстѣ съ алкмеонидами.

65. Вотъ что услышала Креза объ аонцианахъ и о тогдашнемъ ихъ положеніи, а относительно лакедемонянъ узнала, что они спаслись отъ большой бѣды и вышли уже побѣдителями изъ войны съ тегеянами. Въ царствованіе Льва и Гегескла въ Спартѣ всѣ войны вели лакедемоняне счастливо, и только тегеяне одерживали надъ ними верхъ. Ранѣе этого они управлялись законами, менѣе совершенными, чѣмъ у какихъ-нибудь другихъ слинновъ, и не имѣли никакихъ сношеній съ иноземцами. Безпорядокъ смѣнился у нихъ благоустройствомъ такимъ образомъ: внаемный спартаецъ Ликургъ отправился въ Дельфы къ оракулу и, лишь только вошелъ въ храмъ, пноія сказала ему: „ты пришелъ, Ликургъ, въ мой богатый храмъ, ты, угодный Зевсу и всѣмъ обитателямъ Олимпа. Колѣблюсь, какъ назвать тебя, божествомъ или человекомъ, думаю, скорѣе божествомъ, Ликургъ“. Нѣкоторые прибавляютъ при этомъ, что сама пноія повѣдала ему государственное устройство, которое существуетъ теперь у спартацевъ. По словамъ самихъ лакедемонянъ, Ликургъ принесъ законоположенія изъ Крита въ то время, когда былъ опекуномъ Леоботы, своего племянника и царя Спарты. Лишь только онъ сдѣлался опекуномъ, немедленно измѣнилъ всѣ законоположенія и слѣдилъ за ихъ ненарушимостью. Впослѣдствіи Ликургъ устроилъ военное дѣло, составивши сплоченныя клятвою дружины, отряды по тридцати человекъ, в свясствіи, наконецъ учредилъ эфоровъ и геронтовъ.

66. Такимъ-то образомъ лакедемоняне достигли благоустройства. Ликургу послѣ смерти сооруженъ былъ храмъ и оказаны высокія почести. Такъ какъ лакедемоняне жили въ странѣ плодородной и не скудно населенной, то быстро поднялись и достигли благосостоянія. Не желая

долѣе оставаться въ бездѣйствіи и считая себя сильнѣе аркадянъ, они обратились къ дельфійскому оракулу съ вопросомъ касательно всей Аркадіи. Пноія отвѣчала имъ: „ты требуешь у меня Аркадіи? Многого требуешь; не дамъ тебѣ этого. Аркадія населена множествомъ людей, питающихся желудями, они тебѣ воспрепятствуютъ, сама же я не возражаю. Дамъ тебѣ Тегею для размѣриванія шнуромъ, удобную для хорошихъ танцевъ, прекрасную равнину“. Когда лакедемоняне узнали о такомъ изреченіи, они покинули мысль объ остальныхъ аркадянахъ и пошли войною на тегеянъ, захвативши съ собою и цѣпи; они полагались на двусмысленное изреченіе оракула и рассчитывали обратить тегеянъ въ рабство. Однако лакедемоняне были побѣждены въ сраженіи, а попавшіе въ плѣнъ „изърили шнуромъ“ тегейское поле съ цѣпями на ногахъ и обрабатывали землю. Тѣ самыя цѣпи, въ которыхъ были закованы плѣнники, сохранились въ цѣлости въ Тегеѣ до нашего времени; онѣ висятъ въ храмѣ Аонны Ален.

67. Въ прежнихъ войнахъ съ тегеянами лакедемоняне всегда терпѣли пораженія, но во время Крезы и въ царствованіе Александрида и Аристоня въ Лакедемонѣ спартацы приобрѣли перевѣсъ надъ тегеянами. Случилось это такъ: постоянно терпя пораженія отъ тегеянъ, лакедемоняне послали въ Дельфы спросить, къ какому божеству слѣдуетъ имъ обратиться съ молитвами для того, чтобы побѣдить тегеянъ? Въ отвѣтъ на это пноія велѣла добыть кости Ореста, сына Агамемнона. Такъ какъ они не могли найти могилы Ореста, то послали снова спросить божество, гдѣ покоится прахъ Ореста. Вопросателямъ пноія отвѣчала слѣдующее: „тамъ въ Аркадіи, на ровной землѣ, гдѣ находитесь Тегея, дуютъ два вѣтра, возбуждаемые сильнымъ давлениемъ, ударъ и обратный ударъ, и бѣда лежитъ на бѣ-

дѣ, тамъ дающая жизнь земля содержитъ въ себѣ агамемнонова сына; его ты возьмешь съ собою и будешь покорителемъ Тегей". Но и послѣ отвѣта оракула лакедемоняне столь же мало знали, гдѣ покоится прахъ Ореста, какъ и раньше, не смотря на всѣ старанія отыскать его; наконецъ открылъ его Лиха спартаецъ, одинъ изъ такъ называемыхъ „благодѣтелей". Благодѣтели—граждане, всегда старѣйшіе въ числѣ тѣхъ, которые выходятъ изъ класса всадниковъ, по пяти ежегодно; въ теченіе послѣдняго года всадническаго служенія спартацы эти разсѣляются въ различные мѣстности ради общественной службы, и остановка въ какомъ-либо мѣстѣ имъ не дозволяется.

68. Изъ числа ихъ и былъ Лиха, открывшій въ Тегей гробницу благодаря случайности и собственной сообразительности. Въ пору мирныхъ отношеній съ тегейцами онъ зашелъ въ кузницу, смотрѣлъ, какъ кууютъ тамъ желѣзо, и удивлялся работѣ. Кузнецъ замѣтилъ его изумленіе и, приостановивши работу, сказалъ: „если ты, лаконецъ, удивляешься обработкѣ желѣза, то тѣмъ больше было бы твое изумленіе, если бы ты видѣлъ мною видѣнное. Вознамѣрившись сдѣлать колодезь въ своемъ дворѣ, я сталъ копать и при копаніи попалъ на гробъ въ семь локтей. Не допуская, чтобы когда-либо были люди больше теперешнихъ, я открылъ гробъ и нашелъ, что покойникъ совершенно такой же длины, какъ и гробъ; измѣривши, я снова засыпалъ гробъ землею». Кузнецъ рассказывалъ, что видѣлъ, а слушатель вникъ въ рассказъ и заключилъ, что согласно изреченію оракула это и есть Орестъ, заключилъ онъ такъ на слѣдующемъ основаніи: два раздувальныхъ мѣха кузнеца были вѣтры, наковальня и молотъ—ударъ и обратный ударъ, желѣзо, которое кууютъ, бѣда на бѣдѣ лежащая, ибо, думалъ онъ, желѣзо открыто на бѣду человѣку. Съ такою догадкою Лиха явился въ Спарту и рассказывалъ

все лакедемонянамъ. Они для вида обвинили его въ вымысленномъ преступленіи и изгнали. Лиха пошелъ въ Тегею, рассказалъ кузнецу о несчастіи и просилъ отдать ему въ начетъ свой дворъ; кузнецъ не соглашался. Позже Лиха убѣдилъ такъ кузнеца нанять ему дворъ; поселившись тамъ, онъ разрылъ могилу, собралъ кости покойника и съ ними удалился обратно въ Спарту. Съ этого времени въ каждомъ столкновеніи лакедемоняне оказывались гораздо сильнѣе тегейянъ и уже покорили себѣ большую часть Пеллопонеса.

69. Провѣдавши обо всемъ этомъ, Крезъ послалъ въ Спарту пословъ съ подарками и съ просьбой о союзѣ, поручая сказать лакедемонянамъ слѣдующее: „Послалъ я къ вамъ Крезъ, царь лядянъ и прочихъ народовъ, съ такою рѣчью": „такъ какъ, лакедемоняне, божество повелѣло мнѣ вступить въ дружбу съ еллинами, а я знаю, что вамъ принадлежитъ первенство въ Елладѣ, то согласно изреченію оракула обращаюсь къ вамъ, желая быть съ вами въ дружбѣ и союзѣ безъ хитрости и обмана". Вотъ что Крезъ сказалъ лакедемонянамъ черезъ пословъ, а лакедемоняне, выслушавши отвѣтъ оракула Крезу, радовались прибытію лядянъ и заключили съ ними клятвенную дружбу и союзъ тѣмъ болѣе, что раньше Крезъ оказалъ уже имъ вѣкоторую услугу, именно: когда они послали въ Сарды за покупкою золота на изображеніе Аполлона, которое теперь находится на Форнакѣ въ Лаконикѣ, то Крезъ подарилъ имъ это золото.

70. Лакедемоняне согласились на союзъ съ Крезомъ, какъ по этой причинѣ, такъ и потому еще, что онъ избралъ ихъ друзьями предпочтительно передъ всѣми остальными еллинами; поэтому-то они готовы были принять предложеніе, лишь только Крезъ обратился къ нимъ. Кромѣ того, они сдѣлали для Креза мѣдную чашу съ украше-

ниями по краямъ сваружи, желая отблагодарить его подаркомъ за подарокъ; чаша вмѣщала въ себя триста амфоровъ. Однако до Сарды она не дошла, о чемъ рассказываетъ двояко: по разсказамъ лакедемонянъ чаша на пути въ Сарды подошла къ Саму; жители острова узнали объ этомъ, пришли на длинныхъ корабляхъ и отняли чашу. Сами же саміане говорятъ, что перевозившіе чашу лакедемоняне запоздали и, узнавши, что Сарды и Крезъ уже въ рукахъ непріятелей, продали ее на Самѣ частнымъ лицамъ, которыя и пожертвовали чашу въ храмъ Геры; по прибытіи въ Спарту продавшіе рассказывали, будто они ограблены саміанцами. Такова исторія чаши.

31. Крезъ не постигъ оракула и предпринялъ походъ въ Каппадокію въ надеждѣ сокрушить Кира и персидское царство. Во время приготовленій къ походу противъ персовъ къ Крезу явился одинъ изъ лядянъ по имени Санданидъ, онъ и прежде почитался за мудреца, а послѣднимъ совѣтомъ царю стяжалъ себѣ у лядянъ громкую славу, — и сказалъ: „ты, царь, готовишься въ походъ на тѣхъ людей, которые носятъ кожаные штаны и всю одежду имѣютъ изъ кожи, живутъ въ землѣ суровой, ѣдятъ не столько, сколько хотятъ, а сколько имѣютъ; вина не употребляютъ, но пьютъ воду, не ѣдятъ ни фигъ, ни другихъ сластей. Если ты и останешься побѣдителемъ, что возьмешь у такого народа, который ничего не имѣетъ? Если же будешь побѣжденъ, потернешь много: вкусивши нашихъ благъ, они не желаютъ отказаться отъ нихъ и будутъ добиваться ихъ неотступно. Я благодарю боговъ за то, что они не внушаютъ персамъ мысли воевать съ лядянами“. Рѣчи эти не убѣдили однако Креза. До покоренія лядянъ персы дѣйствительно не знали ни роскоши, ни благосостоянія.

32. Каппадокіяне называются у еллиновъ сиріянами. До владычества персовъ сиріане были подвластны лядя-

намъ, а потомъ Киру. Границу между царствомъ мидійскимъ и лядійскимъ составляла рѣка Галисъ. Выходящая изъ армянской горы и протекающая сначала земли кликинцъ, она оставляетъ потомъ вправо матіоновъ, влево фригійцъ; прошедши черезъ эти страны, рѣка поворачиваетъ на сѣверъ и проходитъ между сирійскими каппадокіянами направо и пафлагонами налево. Такимъ образомъ рѣка Галисъ отрѣзываетъ почти всю Азію, къ намъ обращенную, что тянется отъ моря противъ Кипра до Понта Евксинскаго. Полоса эта — шея названной страны; въ длину она имѣетъ пять двой пути для бодрого пѣшехода.

33. Крезъ началъ войну съ Каппадокіей по слѣдующимъ причинамъ: вопервыхъ, онъ желалъ присоединить къ своимъ оладѣніямъ земли Каппадокіи, восторныхъ, и главнымъ образомъ, довѣряясь оракулу, онъ расчитывалъ отнять Киру за Астиага. Киръ, сынъ Камбисы, покорилъ своей власти Астиага, сына Киаксара, царя мидянъ, шурина Креза. Шуриномъ Креза сталъ онъ такимъ образомъ: толпа скивовъ, помадовъ вслѣдствіе междоусобій удалась въ мидійскую землю въ то время, когда мидянами управлялъ Киаксара, сынъ Фраорты, внукъ Деіоки. Сначала Киаксара принялъ скивовъ благосклонно, какъ молящихъ о покровительствѣ; онъ даже высоко цѣнилъ ихъ и поручалъ имъ мальчиковъ для обученія языку ихъ и стрѣльбѣ изъ лука. Прошло такъ нѣкоторое время; скивы, ходя на охоту, всегда приносили что-либо съ собою домой; однажды случилось, что они не принесли ничего, возвратились безъ добычи. Киаксара, видимо человѣкъ вспыльчивый, обобелся съ ними чрезвычайно оскорбительно. Считая недостойнымъ себя такое обращеніе Киаксара, они порѣшили зарѣзать одного изъ обучавшихся у нихъ мальчиковъ, приготовить его такъ, какъ обыкновенно готовили дичь, и поднести Киаксарѣ подъ видомъ охотничьей добычи,

а послѣ этого очень скоро удалились къ Алиаттѣ, сыну Садиятты, въ Сарды. Такъ это произошло. Кіаксара и сидѣвшіе съ нимъ за столомъ ѣли мясо мальчика, а скиены послѣ этого искали защиты у Алиатты.

74. Алиатта на требованіе Кіаксары не выдалъ скионовъ, откуда и возникла война между лидянами и мидянами и продолжалась пять лѣтъ. Въ этой войнѣ многія побѣды были одержаны мидянами надъ лидянами, а равно лидянами надъ мидянами; между прочимъ имѣло мѣсто подобіе ночной битвы. Война ведена была обѣими сторонами съ одинаковымъ счастьемъ, и на шестомъ году, когда они сошлись снова и загорѣлось сраженіе, день внезапно превратился въ ночь. Фалесъ Милетскій предсказалъ іонянамъ эту перемѣну дня, опредѣливши заранее тотъ самый годъ, въ которомъ затменіе случилось. Когда лидяне и мидяне увидѣли ночь вмѣсто дня, они приостановили битву и поспѣшили заключить миръ между собою. Лица, примирившіе ихъ, были Свеннесій киликійнинъ и Лабинетъ вавилонянинъ. Они ускорили заключеніе мирнаго договора и устроили сватовство, именно, посовѣтовали Алиаттѣ выдать замужъ дочь свою Аріенію за Астіага, сына Кіаксары, потому-де что безъ тѣсныхъ узъ не прочны и договоры. Самые договоры заключаются этими народами точно такимъ же способомъ, какъ и у еллиновъ, съ тою однако разницею, что обѣ стороны разрѣзываютъ себѣ кожу на рукахъ и другъ у друга слизываютъ кровь.

75. Этого-то Астіага Киръ покорилъ своею властью, не взирая на то, что тотъ былъ отцомъ его матери: причину этого я расскажу впоследствии ¹⁾. Поэтому Крезъ негодовалъ на Кира, посылалъ къ оракулу за совѣтомъ, воевать-ли ему съ персами, и когда былъ полученъ двусмысленный отвѣтъ, онъ призналъ его благоприятнымъ для себя и пошелъ войною въ персидскія

владѣнія. Когда Крезъ подошелъ къ рѣкѣ Галису, отсюда, какъ я думаю, онъ перевелъ свое войско по лежащимъ тамъ мостамъ, а по рассказу, весьма пространенному у еллиновъ, перевелъ войско Фалесъ Милетскій. Дѣло происходило будто-бы такъ: когда Крезъ былъ въ затрудненіи, какъ ему перевести войско черезъ рѣку, такъ какъ теперешнихъ мостовъ тогда еще не было, то присутствовавшій въ лагерѣ Фалесъ устроилъ такъ, что рѣка, протекавшая до того времени съ лѣвой стороны войска, потекла теперь съ правой. Сдѣлалъ онъ это слѣдующимъ образомъ: выше лагеря велѣлъ выкопать глубокой ровъ, имѣющій видъ полумѣсяца, чтобы рѣка, отведенная въ этомъ мѣстѣ отъ своего стараго русла въ канаву, оттокала лагерь съ вадней стороны и, обумедши стоянку, снова возвращалась бы въ первоначальное русло. Дѣйствительно, когда рѣка такимъ образомъ раздѣлилась, она тотчасъ сдѣлалась переходимою съ обѣихъ сторонъ. Нѣкоторые утверждаютъ даже, что старое русло было совершенно высушено. Но съ этимъ я не согласенъ, потому что какимъ же образомъ они перешли бы рѣку на обратномъ пути?

76. Перешедши съ войскомъ рѣку, Крезъ вступилъ въ такъ называемую Птерію въ Каппадокіи. Птерія—укрѣпленнѣйшій пунктъ въ странѣ; находится она вблизи Синопы, почти у самаго Понта Евксинскаго. Здѣсь онъ расположился лагеремъ и оустоялъ поли сиріянъ. Городъ птеріянъ онъ взялъ, а жителей его обратилъ въ рабство, покорилъ также всѣ сосѣдніе города и изгналъ ихъ въ чужь неповинныхъ сиріянъ. Между тѣмъ Киръ собралъ свое войско, присоединилъ къ нему живущіе на пути народы и выступилъ противъ Креза. Впрочемъ прежде, чѣмъ открыть сраженіе, онъ послалъ глашатаевъ къ іонянамъ съ предложеніемъ отложиться отъ Креза; но іоняне не приняли этого предложенія. Когда Киръ явился и расположился лагеремъ

¹⁾ I, 107—130.

противъ Креза, у Птерин произошло ожесточенное съ обѣихъ сторонъ сраженіе; противники потеряли много убитыми, а по наступленіи ночи разошлись, причѣмъ ни на одной сторонѣ не было побѣды.

77. Съ одинаковымъ мужествомъ сражались оба войска. Но Крезъ находилъ свое войско малочисленнымъ, и въ самомъ дѣлѣ оно было гораздо меньше кирова. Поэтому на слѣдующій день, такъ какъ Киръ не нападалъ болѣе, Крезъ отступилъ въ Сарды, рѣшивши привлечь египтянъ къ союзу, — съ Амасандомъ, египетскимъ царемъ, онъ заключилъ союзъ еще раньше, нежели съ лакедемонянами, — а также пригласилъ къ участію вавилонянъ, которые состояли съ нимъ въ союзѣ; вавилонскимъ царемъ былъ въ то время Лабинетъ; наконецъ рѣшилъ онъ объявить лакедемонянамъ, чтобы они въ опредѣленное время явились къ нему. Планъ его состоялъ въ томъ, чтобы, соединивши этихъ союзниковъ и собравши собственное войско, выступить противъ персовъ послѣ зимы въ началѣ весны. Съ такими планами возвратился Крезъ въ Сарды, откуда послалъ глашатая къ союзникамъ, предлагая имъ явиться въ Сарды на пятый мѣсяцъ послѣ этого. Войско свое, сражавшееся съ персами, на сколько оно состояло изъ иноземцевъ, онъ отпустилъ все, будучи увѣренъ, что Киръ послѣ такого исхода битвы не рѣшится болѣе при подобныхъ условіяхъ напасть на Сарды.

78. Въ то время, какъ Крезъ занятъ былъ такими планами, все предмѣстіе города наполнилось змѣями, а лошади покидали свои пастбища, шли туда и поѣдали змѣй. Крезъ принялъ это за чудо, какъ оно и было на самомъ дѣлѣ. Тотчасъ послалъ онъ вопрошать телмесскихъ толкователей чудесъ. Послы прибыли къ гадалеямъ, узнали отъ нихъ смыслъ чуда, но не удалось уже сообщить отвѣтъ Крезу: прежде чѣмъ на обратномъ пути они достигли Сарды, Крезъ былъ взятъ

въ плѣнъ. Телмесіане впрочемъ предсказали это, говоря, что чужое войско, слѣдуетъ ожидать, вторгнется въ страну, покорить туземцевъ, потому что змѣи — дитя земли, а лошади — неприятель и чужеземецъ. Телмесіане дали такой отвѣтъ Крезу уже въ то время, когда царь былъ въ плѣну, но они еще ничего не знали ни о Сардахъ, ни о самомъ Крезѣ.

79. Когда послѣ сраженія при Птерин Крезъ отступилъ, и Киръ узналъ, что Крезъ намѣренъ распустить свое войско по домамъ, онъ сообразилъ, что для него очень выгодно напасть возможно скорѣе на Сарды прежде, чѣмъ лидійскія войска будутъ вновь собраны. Задумано — сдѣлано, такъ что Киръ самъ явился къ Крезу вѣстникомъ о войнѣ. Крезъ пришелъ въ сильное замѣшательство, потому что все случилось совершенно противно его ожиданіямъ и расчетамъ, однако повелъ лядянъ въ битву. Въ то время въ Азін не было народа сильнѣе и воинственнѣе лядянъ; сражались они на лошадахъ, съ длинными копьями въ рукахъ, и были прекрасные всадники.

80. Войска встрѣтились передъ городомъ Сардами на большой чистой равнинѣ, по которой кромѣ другихъ рѣкъ протекаетъ и Гилтъ, вливающійся въ наибольшую здѣсь рѣку по имени Гермъ; эта послѣдняя вытекаетъ изъ священной горы матери Диндимены и вливается въ море подлѣ города Фокеи. Когда Киръ увидѣлъ передъ собою ряды лядянъ, выстроившіеся къ бою, онъ пришелъ въ ужасъ отъ лидійской конницы и по совѣту мидяннина Гарпага поступилъ слѣдующимъ образомъ: всѣхъ верблюдовъ, которые слѣдовали за его войскомъ и были нагружены хлѣбомъ и разными запасами, онъ велѣлъ собрать вмѣстѣ, снять съ нихъ пошу и посадить на нихъ людей въ вооруженіи всадниковъ; затѣмъ онъ велѣлъ имъ идти впереди остальнаго войска противъ конницы Креза; за верблюдами шла пѣхота, а

за тѣхотою вси конница. Когда войско выстроилось въ ряды, Киръ убѣждалъ воиновъ убивать безопасно всякаго попадающагося всадника, шадить только самого Креза даже въ томъ случаѣ, если онъ будетъ схваченъ и станеть защищаться. Такова была его рѣчь. Верблюдовъ Киръ поставилъ противъ лидійской конницы потому, что лошадь боится верблюда и не выносить ни вида его, ни запаха. Придуманно все это было съ тою цѣлью, чтобы сдѣлать конницу Креза бесполезной для него, ту самую конницу, на которую Крезъ возлагалъ блестящія надежды. Но лишь только оба войска сошлись, лошади завидѣли верблюдовъ и услышали запахъ ихъ, какъ повернули назадъ, и надежды Креза исчезли. Однако и послѣ этого лидие не потеряли мужества: замѣтивши испугъ лошадей, они слѣпились и тѣсными сражались съ персами. Только когда съ обѣихъ сторонъ пали многіе воины, лидие обратились въ бѣгство, оттѣснены были въ акрополь и тамъ осаждены.

81. Осада была начата. Въ надеждѣ, что она продлится долго, Крезъ изъ акрополя снова послалъ пословъ къ союзникамъ, ибо прежніе приглашали союзниковъ явиться на пятый мѣсяць, между тѣмъ какъ высланные теперь должны были просить союзниковъ явиться немедленно, такъ какъ Крезъ въ осадѣ¹⁾.

82. Въ числѣ другихъ союзниковъ посольство явилось и къ лакедемонянамъ. Въ это самое время спартапцы были во враждѣ съ аргивянами изъ за Ойреи. Дѣло въ томъ, что Ойреи эти принадлежали къ Аргольдѣ, но спартапцы отрѣзали ихъ и присвоивали себѣ. Аргивянамъ принадлежала также земля къ западу отъ Аргольды до Мален, какъ суша, такъ и Кноера и прочіе острова. Аргивине выступили на защиту отнимаемой у нихъ части владѣній, и соседшіея непріятели условились въ слѣдующемъ: съ обѣихъ сторонъ будетъ

сражаться только по триста воиновъ; какіе изъ нихъ останутся побѣдителями, народу тѣхъ и должна принадлежать спорная земля; обѣ арміи должны были возвратиться по домамъ, каждая на свою родину, и не присутствовать при сраженіи. Последнее условіе постановлено для того, чтобы побѣждаемая сторона не была поддержана своимъ войскомъ, если войска будутъ присутствовать. Войска разошлись; остались только избранные отъ обѣихъ сторонъ, и враги сразились. Сраженіе велось съ равнымъ успѣхомъ; при наступленіи ночи осталось изъ шестисотъ человекъ только трое: изъ аргивинъ Алкеноръ и Хромій, изъ лакедемонянъ Оеріадъ. Двое аргивинъ, счита себя побѣдителями, бѣжали въ Аргосъ, между тѣмъ лакедемонянинъ Оеріадъ снялъ доспѣхи съ убитыхъ, вооруженіе ихъ доставилъ на мѣсто стоянки спартапскаго войска и занялъ тамъ свое мѣсто. На слѣдующій день обѣ стороны явились узнать, чѣмъ кончилось сраженіе, причемъ каждая сторона присвоивала побѣду себѣ: одни потому, что изъ ихъ числа осталось больше въ живыхъ, другіе же потому, что указывали на бѣгство противниковъ, тогда какъ ихъ воинъ остался на мѣстѣ и обважилъ трупы враговъ. Споръ перешелъ въ сраженіе, съ обѣихъ сторонъ много пало, и побѣдителями остались лакедемоняне. Съ этого времени аргивине стригли себѣ волосы, — прежде они обязаны были носить волосы длинныя, — и постановили, что ни одинъ аргивининъ не отпустить себѣ волосъ, а женщины не будутъ носить золотыхъ украшеній до тѣхъ поръ, пока Ойрея не будетъ возвращена. Лакедемоняне сдѣлали противоположное постановленіе: носить съ этого времени длинныя волосы, хотя раньше не носили такихъ. При этомъ говорить, что одинъ изъ трехсотъ, оставшіеся въ живыхъ, Оеріадъ, считалъ для себя постыднымъ возвратиться въ Спарту послѣ того, какъ товарищи его пали въ сраженіи, и въ Ойреѣ лишилъ себя жизни.

¹⁾ I, 77.

83. Спартацы находились въ этомъ положеніи, когда изъ Сарды явился глашатай съ просьбою помочь осажденному Крезу. Выслушавши глашатая, спартацы изъявили готовность помочь царю. Но когда приготовленія были кончены, и корабли снаряжены, пришло другое извѣстіе, что крѣпость лидійскія взята и Крезъ въ плѣну. Спартацы приостановили сборы въ виду этого тяжкаго для нихъ несчастія.

84. Сарды были взяты такъ: на четырнадцатый день осады Киръ разослалъ всадниковъ по стоянкамъ съ обѣщаніемъ царской награды тому, кто первый взойдетъ на укрѣпленіе. Когда послѣ этого все войско сдѣлало попытку приступа и потерпѣло неудачу, въ средѣ отступившихъ оказался одинъ изъ мардовъ по имени Гиройада, который рѣшился войти на укрѣпленіе въ томъ пунктѣ, гдѣ не поставлено было никакой стражи: въ этомъ мѣстѣ вовсе не боялись нападенія, потому что стѣна здѣсь отвѣсна и неприступна; поэтому только здѣсь не велѣлъ прежній царь Сарды Мелеть пронести льва, котораго родила ему паломница: по словамъ толмессіанъ, обнесеніе льва кругомъ акрополя должно было дѣлать Сарды неприступными. Когда Мелеть велѣлъ носить льва вокругъ укрѣпленія въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ можно было войти на стѣну, онъ пропустилъ одинъ лишь этотъ пунктъ, какъ отвѣсное и неприступное мѣсто; обращено оно къ Тмолу. Итакъ, мардъ Гиройада видѣлъ наканунѣ, какъ въ томъ самомъ мѣстѣ какой-то лидійскій сохель со стѣны за шлемомъ, скатившимся сверху, и поднялъ его; замѣтивъ это Гиройада и рѣшился: онъ взлезъ на укрѣпленіе, по слѣдамъ его поднялись другіе персы и, когда на стѣны взойшли многіе воины, Сарды были взяты и весь городъ разорентъ.

85. Такая судьба постигла Креза. У него былъ сынъ, о которомъ я уже упоминалъ ¹⁾, глухонѣмой, хотя во

всѣхъ отношеній чловѣкъ достойный. Въ минувшую пору своего благополучія Крезъ дѣлалъ и придумывалъ все для калѣченія сына: между прочимъ онъ посылалъ въ Дельфы спросить о немъ оракула. Пноія тогда отвѣтила: „лидійскій родомъ, царь многихъ народовъ, не въ мѣру простодушный Крезъ, не желай слышать въ домѣ рѣчей твоего говорящаго сына, рѣчей, которыя ты такъ жаждешь слышать; гораздо лучше оставаться ему глухонѣмымъ, такъ какъ впервые онъ заговоритъ въ роковой день“. Во время взятія крѣпости кто-то изъ переовъ, не узнавая Креза, направился къ нему съ дѣлюю лишичь его жизни. Замѣтивши это, Крезъ, угнетенный постигшимъ его горемъ, оставался неподвижнымъ, ибо равнодушно относился къ смерти. Но глухонѣмой сынъ его, объятый ужасомъ при видѣ нападающаго перса, воскликнулъ: „чловѣкъ, не убивай Креза“. Въ этотъ моментъ онъ заговорилъ впервые и уже до конца жизни владѣлъ рѣчью.

86. Итакъ, Сарды были взяты, а Крезъ попалъ ⁵⁴⁸ въ плѣнъ. Царствовалъ онъ четырнадцать лѣтъ, четырнадцать дней находился въ осадѣ и согласно оракулу разрушилъ свое собственное великое царство ¹⁾. Захвативши Креза, персы отвели его къ Киру; тотъ велѣлъ сложить большой костеръ, взвести на него въ оковахъ Креза вмѣстѣ съ четырнадцатоу синовыми лидійскія; дѣлая это или во исполненіе обѣта, или изъ желанія посвятить богамъ первые плоды побѣды, или же потому, что зналъ Креза за благочестиваго чловѣка и хотѣлъ испробовать, не спасетъ-ли его отъ сожженія какое-нибудь божество. Такъ велѣлъ сдѣлать Киръ. Стоя на кострѣ подавленный бѣдствіями, Крезъ вспоминалъ вдохновенное изреченіе Солона, что никто не можетъ считать себя счастливымъ раньше смерти ²⁾. При этомъ

¹⁾ I, 34.

¹⁾ I, 53. — ²⁾ I, 32.

вспоминаніи Крезъ вдохнулъ и послѣ продолжительнаго молчанія трижды воскликнулъ: „Солонъ“. Услыхавъ это восклицаніе, Киръ велѣлъ переводчикамъ спросить Креза, кого зоветъ онъ, чтó переводчики и исполнили. На ихъ вопросы Крезъ сначала отвѣчалъ молчаніемъ и только послѣ настоятельныхъ требованій отвѣчалъ: „много бы я далъ, чтобы тотъ, кого я назвалъ, поговорилъ со веѣми владыками“. Отвѣтъ былъ неясенъ, и Креза снова стали спрашивать о значеніи его словъ; персы продолжали настаивать, беспокоили его; тогда Крезъ рассказывалъ, какъ нѣкогда пришелъ къ нему афинянинъ Солонъ, осмотрѣлъ все его великолѣпіе, но всѣ богатства его ставилъ ни во что. При этомъ Крезъ добавлялъ, что Солонъ предсказалъ ему все, что съ нимъ потомъ случилось, относя это впрочемъ не столько къ нему лично, сколько вообще ко веѣмъ людямъ, особенно къ тѣмъ, которые почитаютъ себя счастливыми. Когда Крезъ говорилъ это, костеръ былъ уже зажженъ и горѣлъ по краямъ. Отъ переводчиковъ Киръ узналъ, что говорилъ Крезъ, и смутился при мысли, что онъ, человѣкъ, предалъ пламени живымъ другаго человѣка, не менѣе счастливаго, чѣмъ онъ самъ; кромѣ того онъ утрашился и возмездія, памяти, что у людей нѣтъ ничего постояннаго. Немедленно Киръ приказалъ затушить горящій костеръ, свести оттуда Креза и тѣхъ, что были тамъ вмѣстѣ съ нимъ, но усилія потушить огонь ни къ чему не приводили.

83. Тогда Крезъ, такъ рассказываютъ лидяне, узнавши о перемѣнѣ рѣшенія Кира и вида, что всѣ хотятъ потушить огонь, но не могутъ одолѣть его, громко воззвалъ къ Аполлону, говоря, что, если какіе-нибудь дары его были угодно божеству, оно должно явиться и спасти его отъ смерти. Съ плачемъ зывалъ Крезъ. Вдругъ на ясномъ, чистомъ небѣ показалось облачко, погомъ разразилась гроза, полилъ сильнѣйшій дождь и

затушилъ костеръ. Узнавши такимъ образомъ, что Крезъ угоденъ богамъ и добродѣтеленъ, Киръ велѣлъ свести его съ костра и спросилъ его: „кто изъ людей, Крезъ, внушилъ тебѣ мысль идти войною на мои владѣнія и стать моимъ врагомъ, а не другомъ?“ „Я сдѣлалъ это, царь, на счастье тебѣ и на горе себѣ. Виновно же въ томъ еллинское божество, подвинувшее меня на войну, потому что нѣтъ никого столь несправедливаго, чтобы предпочесть войну миру: во время мира сыновья хоронятъ отцовъ, во время войны отцы хоронятъ сыновей. Но такъ угодно было богамъ“.

88. Послѣ этого Киръ велѣлъ снять оковы съ Креза, посадилъ его подлѣ себя и оказывалъ ему чрезвычайное почтеніе; глядя на Креза, дивился и самъ Киръ, и всѣ присутствовавшіе. Крезъ былъ задумчивъ и молчалъ. Потомъ онъ повернулся въ сторону и вида, какъ персы разоряютъ жилища лидяне, замѣтилъ: „могу ли я тебѣ сказать, царь, что думаю, или долженъ молчать?“ Киръ ободрилъ его, предлагая говорить все, что онъ желаетъ. Тотъ спросилъ: „эта большая толпа народа, что она дѣлаетъ съ такимъ рвеніемъ?“ „Грабить твой городъ“, отвѣчалъ Киръ, „и расхищать твою сокровища“. На это Крезъ замѣтилъ: „не мой городъ разоряютъ они и не мои сокровища расхищаютъ; у меня ничего нѣтъ больше. Расхищаютъ они твое достояніе“.

89. Киръ смущенъ былъ рѣчами Креза; онъ удалилъ всѣхъ и спросилъ его, что дурнаго находитъ онъ въ происходящемъ. Крезъ отвѣчалъ: „такъ какъ боги сдѣлали меня рабомъ твоимъ, то я считаю своимъ долгомъ изучать тебя въ тѣхъ случаяхъ, когда постигаю лучше другихъ людей. Персы по природѣ своей не знаютъ мѣры, но они бѣдны. Если теперь ты позволишь имъ грабить и присвоивать себѣ большія деньги, то отсюда могутъ быть такіа послѣдствія: присвоившій

себѣ наибольше возстанеть потомъ на тебя. Поступи теперь такъ, какъ я скажу, если тебѣ угодно: изъ числа копьеносцевъ поставь у всѣхъ воротъ стражей; пускай они отбираютъ сокровища у тѣхъ, кто будетъ выносить ихъ, замѣчая, что десятую часть ихъ необходимо посвятить Зевсу. Такимъ образомъ ты не будешь отнимать у нихъ сокровища силою и не вооружишь ихъ противъ себя; напротивъ они сознаютъ, что ты дѣйствуешь справедливо и охотно отдадутъ взятое⁴.

●●. Съ большимъ удовольствіемъ слушалъ Киръ, находя совѣтъ Креза превосходнымъ. Онъ осмыслилъ его похвалами и, приказавши копьеносцамъ сдѣлать по совѣту Креза, сказалъ ему: „такъ какъ ты, Крезъ, царственный мужъ, готовъ сдѣлать и посовѣтовать благое, то проси у меня подарка, какого хочешь; тогда я дамъ тебѣ“. „Ты доставишь мнѣ величайшее удовольствіе, Киръ“, отвѣчалъ Крезъ, „если позволишь послать эти цѣпи божеству еллиновъ, которое я чтю больше всѣхъ божествъ, и спросить его: таково ли правило его—обманывать своихъ благоворителей“. На вопросъ Кира, въ чемъ онъ хочетъ упрекнуть божество, Крезъ сообщилъ ему всѣ свои прежніе замыслы, отвѣты оракуловъ, а главнымъ образомъ перечислялъ всѣ свои пожертвованія и разсказалъ, какъ оракулъ подвинулъ его на войну съ персами. Онъ кончилъ свою рѣчь опять просьбою — дать ему возможность укорить божество. Киръ улыбнулся на это и сказалъ: „и это получишь отъ меня, Крезъ, и все, чего бы и когда бы ни пожелалъ“. Засимъ Крезъ послалъ въ Дельфы нѣсколько лидій съ порученіемъ положить цѣпи на порогѣ храма и спросить: „не стыдно-ли божеству, что оно подвинуло своими совѣтами Креза на войну съ персами, обѣщая разрушеніе царства Кирова, отъ котораго теперь у Креза вотъ каковы первые плоды побѣды“; при этомъ они должны были указать на цѣпи,

и спросить также о томъ, не есть-ли вообще неблагодарность заковъ для еллинскихъ боговъ.

●I. Когда лидіи пришли въ Дельфы и поступили согласно порученію Креза, пріода, говорятъ, сказала слѣдующее: „самое божество не въ силахъ избѣжать назначенной ему доли. На Крезѣ исполнилась месть за преступленіе пятаго предка его, копьеносца Гераклидовъ, который, повинувшись женскому коварству, умертвилъ своего господина, завлаhdъ его царствомъ безъ всякаго на то права¹⁾. Хотя Локсія и сильно желала, чтобы Сарды постигнуты были несчастіемъ при дѣтяхъ Креза, а не при немъ самомъ, но отвратить рокъ не было возможности; все, что дозволено было рокомъ, Локсія сдѣлала и направилъ къ пользѣ Креза, именно: онъ на три года замедлил покореніе Сарды, и пуская Крезъ знаетъ, что онъ взять въ плѣнъ столькими же годами позже, нежели опредѣлено было ему первоначально. Вторично богъ помогъ ему, когда онъ горѣлъ на кострѣ. Все случилось такъ, какъ сказано было оракуломъ, и потому упреки Креза не справедливы. Ибо Локсія предсказалъ, что, если Крезъ пойдетъ войною на персовъ, разрушитъ обширное царство²⁾. Если бы Крезъ былъ остороженъ, то послалъ бы опять спросить, о его ли царствѣ говорить оракулъ, или о кировомъ? Но Крезъ не понялъ изреченія, не спросилъ вторично оракула, а потому пуская винить самого себя. Не понялъ Крезъ и того, что говорилъ Локсія о мужѣ въ отвѣтъ на послѣдній вопросъ его оракулу. На самомъ дѣлѣ муломъ этимъ былъ Киръ: родители его не одинаковаго происхожденія, ибо его мать болѣе знатнаго рода, нежели отецъ. Мать его мидянка, дочь мидійскаго царя, отецъ персъ, находился подъ властью мидянъ и во всѣхъ отношеніяхъ былъ ниже царицы, съ которою жилъ³⁾. Такъ отвѣчала пріода лидій-

¹⁾ I, 13. ²⁾ I 53. ³⁾ I, 107.

намъ, которые доставили отвѣтъ въ Сарды и сообщили Крезу; этотъ послѣдній, услышавши пословъ, убѣдился въ томъ, что виновенъ онъ самъ, а не божество. Такова исторія царствованія Креза и перваго покоренія Іоніи.

92. Крезомъ были сдѣланы еще многія пожертвованія въ Елладѣ сверхъ тѣхъ, о которыхъ мы сказали выше ¹⁾. Такъ въ Оивахъ беотійскихъ находится золотой треножникъ, пожертвованный имъ Аполлону Исменскому, въ Ефесѣ золотыя коровы и большинство колоннъ въ храмѣ Аевны Пронаи, въ Дельфахъ большой золотой щитъ. Эти пожертвованія уцѣлѣли до моего времени, а нѣкоторыя погибли. Пожертвованные Крезомъ предметы въ Бранхидахъ милетянъ, какъ я узналъ, одинаковы съ дельфійскими по вѣсу и похожіе на нихъ... Пожертвованія въ Дельфы и въ храмъ Амфіараа сдѣланы на собственные средства Креза или на первую долю полученнаго отъ отца наслѣдства, остальные пожертвованія на средство врага его, который раньше воцаренія Креза былъ его противникомъ и ревностно помогалъ Панталеенту овладѣть царствомъ. Панталеентъ этотъ былъ сынъ Аліатты, единокровный братъ Креза; мать Креза была родомъ изъ Каріи, а мать Панталеента іонянка, обѣ—жены Аліатты. Когда Крезъ по волѣ отца получилъ царскую власть, онъ велѣлъ казнить своего противника на валильномъ гробнѣ, а имущество его, еще раньше обѣщанное на храмы, онъ пожертвовалъ сказаннымъ выше способомъ въ упомянутыя мѣстности. О пожертвованіяхъ Креза достаточно.

93. Достопримѣчательностей, заслуживающихъ описанія, каковыя имѣются въ другихъ странахъ, въ Лидіи нѣтъ, за исключеніемъ золотого песку, который вода несетъ съ Тмола. Есть впрочемъ громаднѣе сооруженіе, уступающее по величинѣ только эгипетскимъ

и вавилонскимъ, именно гробница отца Креза, Аліатты; основаніе ея изъ большихъ камней, все остальное—кургачъ. Соорудили ее торговцы, ремесленники и публичные женщины. Еще до моего времени сохранилось на могилѣ пять пограничныхъ столбовъ съ надписями; въ надписяхъ обозначено, какую часть могилы соорудилъ каждый разрядъ строителей; при вычисленіи оказывается, что наибольшая доля принадлежитъ публичнымъ женщинамъ. Вообще въ средѣ лидійскаго народа всѣ дочери занимаются проституціей, собиравъ себѣ такимъ способомъ приданое; онѣ дѣлаютъ это до замужества и выдаютъ себя замужъ сами. Окружность могилы шесть стадій и два псеора, а ширина ее тринадцать псеоровъ. Подлѣ могилы есть большое озеро, которое по словамъ лидянъ никогда не высыхаетъ; называется оно Гигесовымъ озеромъ. Такова могила.

94. Обычай лидянъ похожъ на эллинскіе, кромѣ развѣ того, что они торгуютъ тѣломъ дочерей своихъ. Они первые, насколько намъ извѣстно, ввели въ употребленіе золотую и серебряную чеканную монету, они же были первые мелочные торговцы. По словамъ самихъ лидянъ, употребительны теперь игры у нихъ и у эллиновъ изобрѣтены ими; одновременно съ этимъ изобрѣтеніемъ они заселили Тирренію. Рассказываютъ они объ этомъ такъ: въ царствованіе Атиса, сына Мансса, была большая нужда въ хлѣбѣ по всей Лидіи. Въ началѣ лидіе терпѣливо сносили голодъ; потомъ, когда голодъ не прекращался, они стали измышлять средства противъ него, причемъ каждый придумывалъ свое особое. Тогда-то, говорятъ они, и были изобрѣтены игры въ кубы, въ кости, въ мячъ и другія, кромѣ шахматной игры; изобрѣтенія шахматъ лидіане себѣ не приписываютъ. Изобрѣтенія эти служили для нихъ средствомъ противъ голода: одинъ день они играли непрерывно, чтобы не думать о пищѣ, на другой день ѣли и оставляли игру. Такимъ

¹⁾ I 50—51.

образомъ они жили восемнадцать лѣтъ. Однако голодъ не только не ослабѣвалъ, но все усиливался; тогда царь раздѣлилъ весь народъ на двѣ части и бросилъ жребій съ тѣмъ, чтобы одной изъ нихъ осталась на родинѣ, а другой выселиться; царемъ той части, которая по жребію оставалась на мѣстѣ, онъ назначалъ себя, а надъ выселявшейся поставилъ сына своего по имени Тиррена. Тѣ изъ нихъ, которымъ выпалъ жребій выселиться, отправились въ Смирну, соорудили тамъ суда, положили на нихъ пужные имъ предметы и отплыли отыскивать себѣ пропитаніе и мѣстожительство. Мнѣ вѣсть многіе народы, они прибыли наконецъ къ омбрикамъ, гдѣ основали города и живутъ до настоящаго времени. Вмѣсто лидійскіе они стали называться по имени сына того царя, который побудилъ ихъ выселиться; имя его они присвоили себѣ и названы были тирренами.

95. Итакъ, лидіане поработены были персами. Съ этого времени повѣствованіе наше будетъ слѣдить за Кипромъ: кто онъ, этотъ разрушитель крѣзова царства, и за персами, какими средствами достигли они преобладанія въ Азіи. Я буду писать по разсказамъ нѣкоторыхъ персовъ, не желающихъ прославлять черезъ мѣру подвиги Кира, но передающихъ настоящую правду; однако я знаю о Кирѣ еще три другихъ разсказа.

96. Ассиріане владычествовали въ верхней Азіи въ теченіе пятисотъ двадцати лѣтъ¹⁾. Первые отпали отъ нихъ мидіане. Они сражались съ ассиріанцами за свободу и, кажется, доказали свою доблесть, свергнувши съ себя иго рабства и добывши свободу. Послѣ этого и остальные народы поступили такъ же, какъ мидіане. Такимъ образомъ все народы азіатскаго материка освободились, стали самостоятельными, но вскорѣ опять подпали подъ иго. Произошло это такъ: въ числѣ мидіанъ былъ нѣкто Деіока, сынъ Фраорты, человекъ умный; онъ

¹⁾ Основаніе геродотовскаго счисленія точно неизвѣстно.

страстно домогался власти и употребилъ для этого слѣдующіи мѣры: мидіане жили въ то время отдѣльными деревнями; въ родной деревнѣ Деіока уже и прежде пользовался доброй славой; теперь онъ еще строже соблюдалъ справедливость, между тѣмъ какъ по всей Мидіи царило беззаконіе; притомъ онъ зналъ, что несправедливые враждуютъ съ справедливыми. За такое поведеніе жители его деревни выбрали себѣ Деіоку въ судью, а онъ стремился къ власти, судилъ честно и справедливо. Этимъ образомъ дѣйствій Деіока стижалъ себѣ большія похвалы отъ согражданъ, такъ что жители остальныхъ деревень узнали его, какъ единственнаго праведнаго судью; подвергаясь прежде несправедливымъ приговорамъ, они, прослышавши о Деіокѣ, охотно обращались къ нему за разборомъ своихъ дѣлъ, пока наконецъ не стали доверять ему одному.

97. Число обращающихся къ Деіокѣ становилось все больше благодаря тому, что разносился молва о справедливости его приговоровъ. Деіока увидалъ, что обойтись безъ него больше не могутъ; тогда онъ не захотѣлъ, какъ прежде, садиться публично и такъ творить судъ, и совсѣмъ отказался судить впредь, такъ какъ для него убыточно, говорилъ онъ, по цѣлымъ днямъ разбирать дѣла сосѣдей, въ ущербъ собственнымъ. Между тѣмъ грабежъ и беззаконіе по деревнямъ сдѣлалось еще больше, нежели прежде; поэтому мидіане собрались въ одно мѣсто, совѣщались между собою и обсуждали положеніе дѣлъ. Какъ мнѣ кажется, главнымъ образомъ друзья Деіоки говорили такъ: „при теперешнихъ порядкахъ мы не можемъ долѣе жить въ нашей странѣ, поэтому поставимъ надъ собою царя; тогда страна будетъ пользоваться благомъ законами, мы сами займемся нашими дѣлами, и беззаконіе не вытѣснитъ насъ изъ родины“. Такъ приблизительно говорили они и убѣждали другъ друга подчиниться царской власти.

98. Когда велѣдъ за нимъ стали совѣщаться, кого поставить царемъ, всѣ настойчиво предлагали Деюку, восхваляли его, пока наконецъ не согласились сдѣлать своимъ царемъ. Тогда Деюка приказалъ соорудить для него домъ, достойный званія цари, и оградить его власть вооруженною стражею копьеносцевъ. Мидяне сдѣлали это: они построили для него обширный дворецъ на мѣстѣ, указанномъ имъ самимъ, и предложили ему самому выбрать стражу изъ всѣхъ мидянъ. Получивши такимъ образомъ царскую власть, онъ принудилъ мидянъ образовать одинъ городъ, сосредоточить заботы на немъ только и обращать поменьше вниманія на остальные мѣстности. Склонивши и къ этому мидянъ, онъ велѣлъ возвести большія, крѣпкія стѣны, теперь носящія названіе Агбатавъ, причѣмъ одна стѣна кольцомъ замыкалась въ другой. Акрополь устроенъ былъ такъ, что одно кольцо возвышалось надъ другимъ только своими зубьями. Такое устройство достигнуто было частью благодаря холмистой мѣстности, частью съ помощью искусства. Всѣхъ колецъ-стѣнъ было семь. въ послѣднемъ изъ нихъ помѣщалась царскій дворецъ и сокровищница. Наибольшая изъ крѣпостныхъ стѣнъ почти такого же объема, какъ обводная стѣна въ Аопнахъ. Зубцы первой снаружи стѣны бѣлые, второй черные, третьей ярко красные, четвертой голубые, пятой цвѣта сурика. Такъ покрашены краской зубцы на пяти стѣнахъ. Одна изъ двухъ послѣднихъ стѣнъ имѣетъ зубцы посеребренные, а другая золоченые.

99. Такой акрополь воздвигъ Деюка для себя и такими стѣнами окружилъ дворецъ; остальному народу онъ велѣлъ селиться за предѣлами акрополя. Когда постройки были сооружены, Деюка впервые ввелъ слѣдующій порядокъ: никому не входить къ царю, но во всѣхъ дѣлахъ сносятся съ нимъ черезъ вѣстниковъ, царю быть никѣмъ по зриму, равнымъ образомъ счи-

тать непристойнымъ смѣяться или плевать въ присутствіи цари. Всѣмъ этимъ Деюка возвысилъ себя для того, чтобы его сверстники, съ нимъ вмѣстѣ воспитывавшіеся, не уступавшіе ему ни по происхожденію, ни по личнымъ достоинствамъ, не оскорблялись при видѣ Деюки и не возставали противъ него; если они не будутъ его видѣть, думалъ онъ, то станутъ почитать его за существо совершенно отъ нихъ отличное.

100. Установивши такой порядокъ и тѣмъ укрѣпивши свою власть, онъ при всей справедливости былъ суровый владыка. Подавашіе жалобы писали ихъ и посылали къ царю, а царь разбиралъ жалобы и по рѣшеніи отсылалъ назадъ. Такъ поступалъ онъ съ жалобами; въ остальномъ у него было такъ: если онъ узнавалъ, что кто-нибудь совершилъ преступленіе, то велѣлъ звать преступника къ себѣ и назначалъ наказаніе, соответствующее винѣ каждаго; кромѣ того, по всему царству содержалъ онъ соглядатаевъ и подслушателей.

101. Деюка слилъ мидійскій народъ воедино и царствовалъ надъ нимъ. Племя мидянъ шесть: Бусы, Паретакены, Струхаты, Аризанты, Будіи, Маги. Изъ столькихъ племенъ состоитъ мидійскій народъ.

102. У Деюки былъ сынъ Фраорта, который послѣ смерти отца, царствовавшего пятьдесятъ три года, наследовалъ царскую власть. Ставши царемъ, Фраорта недовольствовался властью надъ одними мидянами, но началъ на персовъ. Они были первые, подвергшіеся его нападенію и покоренные имъ. Затѣмъ, имѣя подъ своею властью эти два народа, обрѣ сильные, онъ сталъ покорять другіе народы Азіи одинъ за другимъ, пока не пошелъ наконецъ войною и на ассирійянъ, на тѣхъ именованно ассирійянъ, которые жили въ Нинъ и раньше владѣли надъ всѣми. Хотя всѣ союзники отпали отъ ассирійянъ и оставили ихъ однихъ, но вообще ассирійяне находились въ хорошемъ положеніи. Во время похода на

нихъ Фраорта погибъ, процарствовавши двадцать два года; съ нимъ вмѣстѣ пала большая часть его войска.

103. По смерти Фраорта наследовалъ власть Кіаксара, внукъ Деіоки. Онъ, говорятъ, былъ еще воинственнѣ своихъ предковъ и первый подвѣлилъ подчиненные народы Азіи на особе военные отряды по способу вооруженія: копейцики, стрѣлки изъ лука и всадники; прежде все это было смѣшано безъ различія. Онъ воевалъ съ лядинами, когда во время сраженія день смѣнился ночью ¹⁾; онъ же объединилъ подъ своимъ главенствомъ всю верхнюю Азію по ту сторону рѣки Галгса; потомъ собралъ всѣ подвластные ему народы и пошелъ войною на Нинъ, желая отмстить за отца и завоевать этотъ городъ. Когда послѣ побѣды надъ ассиріянами Кіаксара осаждалъ Нинъ, появилось большое скиеское войско подъ предводительствомъ царя Мадія, сына Протоѳи. Скионы вторглись въ Азію вслѣдъ за изгнанными ими изъ Европы киммеріанами; преслѣдуя бѣгущихъ киммеріанъ, они вошли такимъ образомъ въ мидійскую землю.

104. Разстояніе между озеромъ Меотидію и рѣкою Фасидомъ и Колхидію тридцать дней пути для здороваго пѣшехода; путь изъ Колхиды въ Мидію не великъ. Между этими двумя странами живетъ одинъ только народъ, саспейры; миновавъ его, вступаешь въ Мидію. Скионы шли однако не этимъ путемъ; отъ примаго пути они уклонились и пошли по верхней, гораздо болѣе длинной дорогѣ, имѣя съ правой стороны Кавкаскую гору. Въ этомъ мѣстѣ мидяне сразились съ скионами, но были разбиты, потеряли господство надъ Азіей, а скионы завладѣли ею.

105. Отсюда скионы направились на Египетъ. Когда они стали въ Палестинской Сиріи, египетскій царь Псамме-

¹⁾ I, 74.

тихъ вышелъ на встрѣчу имъ и просьбами и подарками удержалъ ихъ отъ дальнѣйшаго движенія. Когда на обратномъ пути скионы были въ сирійскомъ городѣ Аскалонѣ, большинство ихъ прошло дальше, не трогая города; остались только немногіе и ограбили храмъ Небесной Афродиты. Это, какъ я узналъ, древнѣйшій изъ всѣхъ храмовъ богини, ибо кипрское святилище основано выходцами отсюда, какъ говорятъ о томъ сами жители острова; равнымъ образомъ на Кноерѣ храмъ Афродиты сооруженъ финикіянами, происходящими изъ Сиріи. На тѣхъ скиоовъ, которые ограбили храмъ въ Аскалонѣ, равно какъ и на потомство ихъ, божество ниспослало ленскую болѣзнь. Поступокъ этотъ былъ, по словамъ скиоовъ, причиною господствующей у нихъ болѣзни и того, что приходящіе въ скиескую землю иноземцы находятъ больныхъ, которыхъ скионы называютъ спарями, въ такомъ жалкомъ положеніи.

106. Скионы владичествовали надъ Азіей въ теченіе двадцати восьми лѣтъ, своими излѣпками и буйствомъ ^{628—605} разорили и опустошили всю Азію. Кроме того, что съ каждаго народа они взимали положенную ими дань, скионы совершали набѣги и грабили все, что тотъ или другой народъ имѣлъ у себя. Кіаксара и мидяне пригласили ихъ однажды на пиръ, напоили и перебили. Такъ мидяне спасли царство и снова приобрѣли власть такую, кака была у нихъ прежде; кроме того, они покорили Нинъ,—какъ они покорили его, расскажу въ другой исторіи ¹⁾,—и подчинили себѣ ассиріанъ за исключеніемъ вавилонской области.

107. Послѣ этого Кіаксара умеръ, процарствовавши ⁶⁰⁴ сорокъ лѣтъ, включая сюда и время господства скиоовъ; послѣ него власть наследовалъ Астіагъ, сынъ Кіаксары. У Астіага родилась дочь, которую онъ назвалъ Ман-

¹⁾ Осталось не рассказаннымъ.

даною. Однажды Астиагу снилось, что дочь его выпустила изъ себя такое количество мочи, что главный городъ весь наполнился ею, и вся Азія была затоплена. Сновидѣніе это Астиагъ разсказалъ спотолкователямъ изъ маговъ, и когда они подробно объяснили ему смыслъ сновидѣнія, онъ испугался. Когда Мандагъ пришла пора выходить замужъ, Астиагъ изъ страха сновидѣнія не желалъ выдать ее за человѣка одинаковаго съ нею положенія; онъ выдалъ ее за перса по имени Камбису изъ знатнаго дома и спокойнаго характера; Астиагъ считалъ его ниже средняго званія мидяннина.

108. На первомъ году супружеской жизни Манданы съ Камбисомъ Астиагъ видѣлъ другой сонъ. Ему снилось, что изъ дѣтородныхъ частей дочери выросла виноградная лоза, покрывшая собою всю Азію. Сообщивши и это сновидѣніе спотолкователямъ, онъ вызвалъ дочь изъ Персіи, когда наступило время родовъ, и содержалъ ее подъ стражей, рѣшившись сгубить новорожденнаго, такъ какъ сновидѣніе, по объясненію толкователей, означало, что сынъ его дочери будетъ царствовать вмѣсто него. Опасаясь этого, Астиагъ, когда родился Киръ, позвалъ къ себѣ Гарпага, родственника, надеждѣншаго и довѣреннѣншаго человѣка, и сказалъ ему: „не относись легко, Гарпагъ, къ тому дѣлу, которое я поручу тебѣ, не предай мени изъ расположенія къ другимъ, и самому себѣ не пргготовляй бѣды въ будущемъ. Возьми рожденнаго Манданою ребенка, снеси его къ себѣ, умертви и похорони, гдѣ самъ желаешь“. „Никогда прежде, царь мой, ты не видѣлъ отъ меня ничего неприятнаго тебѣ, и впредь я буду стараться ни въ чемъ не провиниться передъ тобою. Теперь, если такова твоя воля, мнѣ необходимо надлежаше выполнить ее“.

109. Таковъ былъ отвѣтъ Гарпага. Ему передали ребенка, одѣтаго на смерть, и онъ съ плачемъ понесъ

его домой. Приведши къ женѣ, Гарпагъ сообщилъ ей всю бесѣду съ Астиагомъ, послѣ чего она спросила: „какъ же ты намѣренъ поступить теперь?“ „Не такъ, какъ повелѣлъ мнѣ Астиагъ“, отвѣчалъ Гарпагъ. „Пускай онъ гнѣвается, неистовствуетъ больше теперешняго; я не поступлю согласно его рѣшенію и не приму на себя такого злодѣянія. Не желаю губить младенца по многимъ причинамъ: и потому, что мнѣ самому онъ родственникъ, и потому, что Астиагъ старъ и не имѣетъ мужскаго потомка. Еслибы по его смерти власть перешла къ его дочери, сына которой онъ желаетъ теперь сгубить черезъ меня, то отъ этого развѣ не была бы для мени величайшая бѣда? Если же ребенку необходимо умереть ради моей безопасности, то убійцею его пускай будетъ кто-нибудь изъ людей Астиага, а не изъ моихъ“.

110. Послѣ этого Гарпагъ тотчасъ послалъ вѣстника къ одному изъ царскихъ пастуховъ, пастбище котораго лежало въ горахъ, изобиловавшихъ дикими звѣрми, и потому казалось Гарпагу наиболѣе соотвѣтствующимъ его плану. Имя пастуха было Митрадата. Женать онъ былъ на рабынѣ того же Астиага, по имени Кино на еллискомъ языкѣ, а на мидійскомъ Спако; такъ мидяне называютъ собаку. Стадо свое пастухъ пасъ на склонахъ горъ къ сѣверу отъ Арбатапъ, по направленію къ Понту Евксинскому. Тамъ со стороны земли саспейровъ Мидіи очень гориста, возвышенна, покрята сплошнымъ лѣсомъ; остальная часть Мидіи совершенно ровная. Пастухъ явился на зовъ немедленно. Гарпагъ сказалъ ему: „Астиагъ приказываетъ тебѣ взять этого ребенка, положить его на самой дикой горѣ, чтобы онъ погибъ какъ можно скорѣе. При этомъ онъ велѣлъ сказать тебѣ слѣдующее: если ты не сгубишь ребенка, а какимъ бы то ни было способомъ сохранишь его живымъ, то онъ казнить тебя мучительнѣйшею

казню. Мнѣ приказано наблюдать за тѣмъ, чтобы ребенокъ былъ выброшенъ“.

111. Выслушавъ это, пастухъ взялъ съ собою ребенка, отправился въ обратный путь и пришелъ въ свою хижину. Въ это время жена его дѣлный день уже ожидала разрушенія отъ бремени, и какъ бы по божьему совволенію родила какъ разъ тогда, когда пастухъ ушелъ въ городъ. Супруги озабочены были мыслями другъ о другѣ: пастухъ въ страхѣ ждалъ родовъ жены, жена недоумѣвала, почему мужъ ея такъ неожиданно позванъ Гарпагомъ. Когда пастухъ возвратился и былъ у ложа больной, жена, неожиданно увидавши его передъ собою, спросила, зачѣмъ такъ внезапно позвалъ его Гарпагъ. А тотъ разказалъ ей въ отвѣтъ: „по приходѣ въ городъ я увидѣлъ и услышалъ, чего не слѣдовало бы мнѣ видѣть, и чего не пожелалъ бы я своимъ господамъ. Все въ домѣ Гарпага плакали, когда въ страхѣ я вошелъ туда. Какъ только вошелъ, я увидать лежащаго открыто младенца; онъ барахтался и громко плакалъ; одѣтъ онъ былъ въ золото и пышныя одежды. Гарпагъ, лишь только замѣтилъ меня, тотчасъ велѣлъ взять младенца съ собою и бросить на самой дикой горѣ, прибавляя, что таково распоряженіе Астіага, и угрожая жестокимъ наказаніемъ, если повѣлѣнія этого я не исполню. Я взялъ ребенка и понесъ съ собою, полагая, что принадлежитъ онъ кому-либо изъ слугъ Гарпага: не могъ же я навѣрное знать его родителей. Однако я былъ удивленъ, что ребенокъ одѣтъ въ золото и пышныя одежды, а также тѣмъ, что въ домѣ Гарпага стоялъ громкій плачъ. Однако пустившись въ путь, я тотчасъ узналъ отъ слуги всю правду, именно, что это сынъ Мапданы, дочери Астіага, и Камбисы, сына Кира, и что Астіагъ приказалъ умертвить ребенка. Теперь гледи, вотъ онъ“. Съ этими словами пастухъ открылъ ребенка и показалъ жепѣ.

112. Когда жена увидѣла ребенка, здороваго и красиваго, она со слезами обила колѣни мужа и убѣждала его ни за что не выбрасывать младенца. Но мужъ отвѣчалъ, что иначе поступить ему нельзя, потому что придуть отъ Гарпага соглядатя для удостовѣренія смерти, и онъ самъ погибнетъ жестокою казною, если не исполнитъ приказанія. Не убѣдивши мужа, она сказала ему затѣмъ: „такъ какъ не могу убѣдить тебѣ не выбрасывать ребенка, то поступи слѣдующимъ образомъ, если ужъ настоятельно необходимо показать, что онъ выброшенъ: родила и я, но родила мертваго; возьми его и брось на горѣ, а сына астіаговой дочери мы станемъ воспитывать, какъ родное дитя. Такимъ образомъ и ты не будешь наказанъ за послушаніе господамъ, и мы не сдѣлаемъ дурнаго дѣла; мертвый ребенокъ будетъ погребенъ въ царской гробницѣ, а живой не лишится жизни“.

113. Совѣтъ жены очень понравился пастуху, и онъ тотчасъ сдѣлалъ все, какъ она говорила. Того ребенка, котораго онъ принесъ съ собою для умерщвленія, передалъ жепѣ, а мертворожденнаго положилъ въ корзинку, въ которой принесъ царскаго младенца, одѣлъ его въ платье царскаго сына и бросилъ на дикой горѣ. На третій день послѣ того, какъ младенецъ былъ выброшенъ, пастухъ пошелъ въ городъ, оставивши при трупѣ сторожемъ пастуха, одного изъ своихъ помощниковъ. Прийдя въ домъ Гарпага, онъ заявилъ, что готовъ показать трупъ ребенка. Гарпагъ послалъ туда надежнѣйшихъ оруженосцевъ, черезъ нихъ убѣдился въ достовѣрности сообщенія и похоронилъ сына пастуха, назвавши его не Киромъ, но какимъ-то другимъ именемъ.

114. На десятомъ году жизни случай обнаружили происхожденіе Кира. Однажды въ той деревнѣ, гдѣ паслись стада, онъ игралъ на улицѣ съ своими сверст-

никами. Игравшіе дѣти стали выбирать себѣ кого-нибудь въ цари и выбрали сына пастуха, какъ называли Кира. Онъ раздѣлилъ играющихъ на группы, возложилъ на однихъ обязанности оруженосцевъ, другимъ поручилъ сооружеііе дворца, одного назначилъ окомъ цари, другому приказалъ доставлять царю извѣстія, такъ что каждому далъ особое занятіе. Одинъ изъ игравшихъ, сынъ знатнаго мидяннина Артембареса, не исполнилъ приказанія Кира; тогда послѣдній велѣлъ остальнымъ мальчикамъ схватить его; тѣ повиновались, и Киръ жестоко наказалъ его бичомъ. Лишь только мальчика отпустили, онъ, чувствуя себя оскорбленнымъ, горько жаловался на обиду, а пришедши въ городъ, со слезами разсказалъ отцу, что онъ претерпѣлъ отъ Кира, называя его впрочемъ не Киромъ, — этого имени онъ еще не носилъ, — но сыномъ астіагова пастуха. Разгнѣванный Артембаресъ вмѣстѣ съ сыномъ немедленно отправился къ Астіагу и разсказалъ, какую обиду нанесли мальчику. „Насъ, царь, такъ оскорбляетъ твой рабъ, сынъ пастуха“. При этомъ онъ обнажилъ спину мальчика.

113. Выслушавши и увидѣвши это, Астіагъ пожелалъ наказать Кира за оскорбленіе Артембареса и послать за пустухомъ и его сыномъ. Когда они явились, Астіагъ взглянулъ на Кира и сказалъ: „какъ ты осмѣлился, будучи сыномъ этого пастуха, оскорбить такъ дитя перваго послѣ меня человѣка?“ „Я поступилъ въ этомъ дѣлѣ совершенно правильно“, отвѣчалъ Киръ, „ибо мальчики той деревни, изъ которой и я родомъ, затѣяли игру и меня поставили царемъ надъ ними, потому что я казался имъ наиболѣе для этого пригоднымъ. И вотъ тогда, какъ остальные дѣти исполняли мои приказанія, одинъ онъ ослушался и не обращалъ на меня никакого вниманія, за что и получилъ должное наказаніе. Если за это я заслуживаю какой-нибудь кары, изволь, я здѣсь“.

114. Когда мальчикъ говорилъ это, Астіагъ узнавалъ его. Черты лица Кира походили на черты Астіага, отвѣтъ мальчика казался слишкомъ свободнымъ, а время, когда ребенокъ былъ выброшенъ, совпадало съ возрастомъ сына пастуха. Астіагъ въ смущеніи нѣкоорое время молчалъ. Потомъ, едва прійдя въ себя и желая удалить Артембареса, дабы насидѣвъ распросить пастуха, онъ сказалъ: „Артембаресъ, я поступлю такъ, что ни тебѣ, ни твоему сыну не въ чемъ будетъ упрекнуть меня“. Затѣмъ онъ отпустилъ Артембареса и велѣлъ своимъ слугамъ ввести Кира во внутренніе покои. Теперь, когда передъ нимъ остался одинъ пастухъ, Астіагъ спросилъ, откуда у него этотъ мальчикъ, и кто его передалъ пастуху. Тотъ отвѣчалъ, что это его сынъ, и что родительница его живетъ съ нимъ и теперь. Астіагъ на это замѣтилъ, что пастухъ поступаетъ неблагоуравно, вынуждая царя прибѣгнуть къ пыткамъ. Сказавши это, онъ велѣлъ своей стражѣ схватить пастуха. Ведомый на пытку, тотъ чистосердечно разсказалъ все и закончилъ рѣчь мольбою о милости и прощеніи.

115. Когда пастухъ разсказалъ всю правду, Астіагъ простилъ его, но сильно негодовалъ на Гарпага и велѣлъ копьеносцамъ позвать его. Когда Гарпагъ явился, Астіагъ спросилъ его: „какою смертью, Гарпагъ, умертвилъ ты ребенка моей дочери, котораго я передалъ тебѣ?“ Въ присутствіи пастуха Гарпагъ не рѣшился прибѣгнуть ко лжи, чтобы не быть уличену въ ней, и сказалъ: „взявши отъ тебя ребенка, царь, я озабоченъ былъ тѣмъ, чтобы исполнить твою волю: не быть виноватымъ передъ тобою, но не быть въ то же время и убійцею передъ твоей дочерью и передъ тобою. Поступилъ я поэтому такъ: позвалъ этого пастуха и передалъ ему ребенка, сказавши, что ты приказываешь сгубить его; въ этомъ я не глалъ, потому что такова была твоя воля“.

Передавая ему ребенка, я приказал бросить его на дикой горѣ и сторожить, пока онъ не умретъ; угрожалъ ему всяческими наказаніями въ случаѣ ослушанія. Когда исполнено было мое распоряженіе и ребенокъ умеръ, я послалъ туда вѣрнѣйшихъ изъ моихъ внуковъ, черезъ нихъ убѣдился въ смерти ребенка и велѣлъ похоронить его. Такъ поступилъ и въ этомъ дѣлѣ, и такою смертю умеръ ребенокъ“.

118. Гарпагъ рассказывалъ правдиво. Астіагъ скрылъ чувство гнѣва, которое онъ питалъ противъ него за случившееся, и прежде всего рассказывалъ ему это происшествіе такъ, какъ слышалъ самъ отъ пастуха; повторивши рассказъ, онъ заключилъ: „мальчикъ пускай живеть, и благо, что такъ случилось. Меня сильно мучила совѣсть“, продолжалъ онъ, „за поступкомъ съ этимъ мальчикомъ, и упреки за него отъ моей дочери и не легко переносилъ. Теперь, такъ какъ судьба ребенка измѣнилась къ лучшему, пришли, во-первыхъ, своего сына къ моему внуку, недавно пришедшему, а потомъ, приходи и самъ ко мнѣ на пиръ: спасеніе внука долженъ я оправдывать жертвоприношеніемъ: такая честь подобаетъ богамъ“.

119. Выслушавши это, Гарпагъ палъ ницъ передъ царемъ и сильно обрадовался, что его ослушаніе такъ благополучно разрѣшилось, и что онъ приглашенъ на пиръ по столь счастливому случаю; съ этимъ онъ пошелъ домой. Пришедши туда очень скоро, Гарпагъ отослалъ своего сына къ Астіагу, приказавши исполнять все, что бы царь ему ни повелѣлъ; у него былъ единственный сынъ, имѣвшій около тринадцати лѣтъ отъ роду. Самъ Гарпагъ въ сильной радости рассказывалъ все случившееся жемъ. Между тѣмъ Астіагъ, когда пришелъ къ нему сынъ Гарпага, велѣлъ зарѣзать его, поделить тѣло на части, однѣ изъ нихъ сварить, другія жарить, хорошо приправить ихъ и держать на

готовѣ. Ко времени пира явились Гарпагъ и другіе приглашенные; Астіагу и остальнымъ лицамъ поставлены были столы, полные бараньяго мяса, а Гарпагу подали мясо его роднаго сына все, кромѣ головы, ручныхъ и ножныхъ пальцевъ, которые лежали отдѣльно въ закрытой корзинѣ. Когда, казалось, Гарпагъ насытился, Астіагъ спросилъ, доволенъ-ли онъ яствомъ; тотъ отвѣчалъ, что очень доволенъ. Тогда слуги, которымъ было это приказано, поднесли Гарпагу прикрытую голову его сына, руки и ноги, предлагая открыть корзинку и взять оттуда, что угодно. Гарпагъ послѣдовалъ приглашенію и, открывши корзинку, увидѣлъ остатки своего дитяти, однако овладѣлъ собою и не узапустился при видѣ ихъ. На вопросъ Астіага, узнаетъ-ли онъ, какую дичь ѣлъ, Гарпагъ отвѣчалъ утвердительно, прибавивши: все хорошо, что царь ни дѣластъ. Послѣ этого онъ забралъ оставшееся мясо и пошелъ домой съ намѣреніемъ, какъ мнѣ кажется, собрать все снова и похоронить останки.

120. Такъ Астіагъ наказалъ Гарпага, а по случаю появленія Кира позвалъ тѣхъ самыхъ маговъ, которые прежде истолковали ему сновидѣніе. На вопросъ, какъ они объяснили ему сновидѣніе, явившіеся маги отвѣчали то же самое, что и прежде, именно, что сыну его дочери суждено быть царемъ, если онъ остался въ живыхъ и не умеръ раньше¹⁾. Тогда Астіагъ сказалъ имъ: „мальчикъ этотъ родился и живеть; воспитывался онъ въ деревнѣ, и жившіе тамъ же мальчики поставили его надъ собою царемъ. Онъ все сдѣлалъ и устроилъ совершенно такъ, какъ поступаютъ настоящіе цари: установилъ званіе тѣлохранителей, привратниковъ, вѣстовщиковъ и всѣ прочія. По вашему мнѣнію что все это значитъ?“ Маги отвѣчали: „если мальчикъ

¹⁾ I 108.

жить и стать царем безъ чьего-либо предумышленія, то будь спокоенъ и бодръ духомъ: вторично онъ не будетъ царствовать. Иныя изреченія оракуловъ разрѣшаются ничѣмъ, равно какъ и иныя сновидѣнія оказываются неимѣющими никакого значенія“. „Я самъ такого же мнѣнія“, замѣтилъ Астіагъ. „Если мальчикъ былъ назначенъ царемъ, то тѣмъ самымъ сновидѣніе оправдалось, и мальчикъ этотъ болѣе не опасенъ для меня. Однако хорошо разсудите и дайте совѣтъ наиболѣе безопасный для моего дома и для васъ“. „Для насъ самихъ, царь, весьма важно упрочить твою власть; ибо въ томъ случаѣ, еслибы власть перешла къ мальчику по происхожденію персу, мы, мидяне, обратились бы въ рабовъ, были бы презираемы персами, какъ чужіе для нихъ; напротивъ пока царствуешь ты, нашъ соплеменникъ, до тѣхъ поръ и мы пользуемся долею участія во власти, и черезъ тебя оказываютъ намъ большія почести. Такимъ образомъ намъ подобаетъ всячески заботиться о тебѣ и о власти твоей. И теперь, еслибы мы замѣчали какую-либо опасность, то обо всемъ предупредили бы тебя; но сновидѣніе кончилось ничѣмъ, а потому мы и сами спокойны, и тебѣ совѣтуемъ то же. Мальчика и его родителей отошли отъ себя къ персамъ“.

121. Астіагъ выслушалъ это съ радостью, потомъ позвалъ Кира и сказалъ ему: „взъ за пустаго сновидѣнія и было обидѣлъ тебя, дитя мое, но тебя спасла судьба. Теперь иди съ миромъ къ персамъ, вмѣстѣ съ тобою я пошлю проводниковъ. Пришедши туда, разыщи отца и мать, только не такихъ, какъ Митрадата и жена его“. Съ этими словами Астіагъ отпустилъ Кира.

122. Когда Киръ возвратился въ домъ Камбиса, родители приняли его, а когда потомъ узнали, кто онъ и откуда, то нѣжно ласкали, потому что были убѣждены, что сынъ ихъ умеръ тотчасъ послѣ рожденія,

и спрашивали, какимъ образомъ онъ спасся. Мальчикъ рассказывалъ имъ все, прибавляя, что раньше онъ не зналъ этого, пребывая въ полнѣйшимъ невѣдѣніи; все испытанныя имъ превратности онъ узналъ только дорогой. Прежде онъ думалъ, что пастухъ Астіага — отецъ его, пока на пути въ Персію не узналъ всего отъ проводниковъ. Онъ рассказывалъ, какъ воспитывалась его жена пастуха, непрерывно хвалила ее, и имя Кинит не сходило съ устъ его во время разсказа. Родители воспыльзовались этимъ именемъ для того, чтобы предъставить спасеніе сына еще болѣе чудеснымъ, и распространяли молву, будто выброшенный Киръ вскормленъ собакой. Отсюда и пошла эта басня.

123. Сильно желая отмстить Астіагу, Гарпагъ старался помощью подарковъ расположить къ себѣ Кира, уже возмужавшаго и изъ всѣхъ сверстниковъ наиболѣе блестящаго и любимаго. Гарпагъ понималъ, что онъ самъ, какъ частный человекъ, не въ силахъ покарать Астіага, и потому искалъ союза съ юношей Киромъ, полагая, что сей послѣдній претерпѣлъ отъ Астіага столько же, сколько и онъ, Гарпагъ. Еще раньше этого онъ сдѣлалъ следующее: такъ какъ Астіагъ былъ жестокъ съ мидянами, то въ бесѣдахъ съ мидійскими вельможами, съ каждымъ порознь, Гарпагъ убѣждалъ ихъ лишитъ Астіага и поставитъ царемъ Кира. Достигши этого и уже приготовившись, Гарпагъ рѣшился открыть свой замыселъ Кирю, жившему въ Персіи. Такъ какъ пути сообщенія охранялись тогда стражей, то Гарпагъ прибѣгнулъ къ такой хитрости: онъ приготовилъ съ этою цѣлью зайца, разрѣзавъ ему животъ такъ ловко, что не тронулъ шерсти, вложилъ туда письмо, въ которомъ сообщалъ свой планъ, потомъ зашилъ животъ зайцу и передалъ его вмѣстѣ съ сѣткой, будто охотнику, вѣрившему въ службу своему. Такъ онъ отправилъ его въ Персію, приказавши отдать зайца Кирю и на словахъ сказать,

чтобы онъ разрывалъ его собственноручно, и чтобы никого при этомъ не было.

124. Все было сдѣлано согласно приказанію, и Киръ разрывалъ зайца. Нашедши въ немъ письмо, онъ прочиталъ его. Письмо гласило слѣдующее: „боги хранятъ тебя, сынъ Камбиса; иначе ты не поднялся бы на такую высоту. Отмести Астиагу, твоему убійцѣ. Онъ желалъ твоей смерти; ты живешь только благодаря богамъ и мнѣ. Я полагаю, что все давно тебѣ извѣстно: и то, какъ поступили съ тобою, и то, какъ я наказалъ Астиагомъ за то, что не погубилъ тебя, а передалъ пастуху. Если пожелаешь довѣриться мнѣ, будешь царемъ всей земли, въ которой царствуетъ теперь Астиагъ. Склони персовъ къ возстанію и иди войною на мидянъ. Если Астиагъ назначитъ полководцемъ меня въ войнѣ съ тобою, то случится желательное для тебя; если же кого-нибудь другаго изъ знатныхъ мидянъ, все равно; ибо мидійская знать прежде всѣхъ отложится отъ него и постарается вмѣстѣ съ тобою низвергнуть Астиага. Такъ какъ здѣсь все готово, то дѣйствуй, дѣйствуй возможно скорѣе.“

125. Прочитавши это, Киръ сталъ обдумывать, какимъ бы наиболѣе вѣрнымъ способомъ поднять персовъ. Среди размысленій онъ измысливаетъ удобнѣйшее средство и поступаетъ такъ: написавши въ письмѣ, что задумалъ, онъ собралъ персовъ, вскрылъ передъ ними это письмо и по прочтеніи объявилъ, что Астиагъ назначаетъ его военачальникомъ персовъ. „Теперь персы“, сказалъ онъ, „предлагаю всѣмъ вамъ явиться сюда съ косами въ рукахъ“. Таковъ былъ приказъ Кира. Родовъ персидскихъ много; лишь нѣкоторые изъ нихъ были собраны Киромъ и отторгнуты отъ мидянъ. Роды эти, въ зависимости отъ которыхъ находятся всѣ прочіе персы, таковы: пасаргады, марафин, маспин. Значительнѣйшій изъ нихъ пасаргады; въ ихъ средѣ находится и

домъ Ахеменидовъ, откуда происходить цари-персеиды. Остальные персы: панаеялаи, дерусіан, германіи. Всѣ эти роды — земледѣльческіе, прочіе — кочевники: даи, марды, дропки, сагартіи.

126. Когда всѣ персы явились съ косами, Киръ приказалъ имъ выкосить въ одинъ день мѣсто, совсѣмъ заросшее терновникомъ и имѣвшее въ объемѣ отъ восемнадцати до двадцати стадій. Когда заказанная работа была выполнена, Киръ предложилъ имъ явиться вторично на слѣдующій день, но предварительно обмывшись. Тѣмъ временемъ онъ велѣлъ согнать въ одно мѣсто отпоскій стада ковъ, овецъ и быковъ, порвать ихъ и изготовить обильный запасъ пищи и вина, собирався угостить персидскій народъ. Когда на слѣдующій день персы явились, Киръ пригласилъ ихъ расположиться на лугу и сталъ угощать. Послѣ пира онъ спросилъ ихъ, что они предпочитаютъ: вчерашнее ли времепрепровожденіе, или сегодняшнее. Они отвѣчали, что между двумя днями большая разница: вчерашній день — лишь однѣ тягости, сегодня — только удовольствія. Подхвативши эти слова, Киръ сталъ объяснять имъ все дѣло, говоря: „таково ваше положеніе, персы. Если вы послѣдуете за мною, то будете пользоваться этими и многими другими благами, будете свободны отъ работъ, приличныхъ рабамъ; если же не захотите, то будете обременены какъ вчера многочисленными работами. Поэтому идите за мною, и будьте свободны. Мнѣ кажется, божескимъ опредѣленіемъ назначенъ я выполнить это дѣло, а васъ я считаю ничѣмъ не ниже мидянъ и къ войнѣ не менѣе ихъ способными. Поэтому отлагайтесь отъ Астиага немедленно“.

127. Нашедши себѣ вожда, персы готовы были добиваться свободы, потому что они давно уже тяготились владычествомъ мидянъ. Узнавши о такихъ приготовле-

ниях Кира, Астиагъ повелъ его черезъ вѣстника къ себѣ; но Киръ велѣлъ черезъ вѣстника же объявить царю, что онъ придетъ къ нему раньше, чѣмъ того желаетъ Астиагъ. Услышавши этотъ отвѣтъ, Астиагъ вооружилъ всѣхъ мидянъ, назначивши полководцемъ Гарпага; божество помрачило его рассудокъ, и онъ забылъ, что учинилъ Гарпагу. Когда выступившіе въ походъ мидяне встрѣтились съ персами, въ сраженіи участвовала только часть ихъ, только тѣ именно, которые не были въ заговорѣ, иные открыто переходили на сторону персовъ; большинство не желало сражаться и бѣжало.

128. Лишь только Астиагъ узналъ о поворномъ пораженіи мидійскаго войска, онъ грозно воскликнулъ: не одобровать же Киру! Засимъ тотчасъ повелъ сносколкователей маговъ, которые посоветовали ему отпустить Кира, и велѣлъ распить ихъ, потомъ вооружилъ оставшихся въ городѣ мидянъ, юношей и старцевъ. Отправившись съ ними въ походъ и сразившись съ персами, онъ былъ разбитъ, самъ взятъ живымъ въ плѣнъ, а бывшіе съ нимъ мидяне пали въ битвѣ.

129. Къ находившемуся въ плѣну Астиагу явился Гарпагъ; съ злорадствомъ и насмѣшкою онъ говорилъ ему оскорбительныя рѣчи и въ заключеніе спросилъ: что такое рабство вмѣсто царской власти въ сравненіи съ тѣмъ пиромъ, на которомъ онъ былъ угощенъ мясомъ сына? Астиагъ посмотрѣлъ на него и спросилъ въ свою очередь, не причастенъ-ли онъ къ дѣлу Кира. Гарпагъ отвѣчалъ, что онъ самъ объ этомъ дѣлѣ написалъ Киру, и что оно дѣйствительно — его дѣло. Тогда Астиагъ сталъ доказывать Гарпагу, что онъ глупѣйшій и безсовѣстѣйшій человекъ: глупѣйшій потому, что облакаетъ властью другое лицо, тогда какъ самъ могъ бы быть царемъ, ибо все устроено имъ же самимъ; безсовѣстѣйшій потому, что изъ за яства обратилъ въ рабство мидянъ. Если ужъ не-

прежнѣе нужно было облачить царскою властью кого-либо другаго, а не пользоваться ею самому, то было бы гораздо честнѣе предоставить ее мидянину, а не персу. Теперь ни въ чемъ неповинные мидяне изъ господъ стали рабами, а персы, бывшіе прежде рабами мидянъ, стали господами ихъ⁴.

130. Такъ кончилось царствованіе Астиага, продолжавшееся тридцать пять лѣтъ. Мидяне покорены были властью персовъ вслѣдствіе жестокости Астиага. Владычество мидянъ надъ Азіей, лежащей по ту сторону рѣки Галиса, продолжалось сто двадцать восемь лѣтъ, но не слѣдуетъ считать времени господства скифовъ. Впослѣдствіи они раскаялись, восстали противъ Дарія, но были разбиты въ сраженіи и снова поработены. Позже во время Астиага персы и Киръ восстали противъ мидянъ и съ этого времени господствовали надъ Азіей. Астиагу Киръ не причинилъ никакого вреда и держалъ его при себѣ до смерти.

Такимъ то образомъ Киръ родился, воспитался и вступилъ на царство; раньше рассказано¹⁾, какъ онъ покорилъ Креса, который первый напалъ на него. Послѣ этого онъ сдѣлался владыкою всей Азіи.

131. О нравахъ и обычаяхъ персовъ я знаю слѣдующее: ставить кумиры, сооружать храмы и алтари у нихъ не дозволяется; тѣхъ, кто поступаетъ противно ихъ установленіямъ, они объявляютъ глупцами, потому мнѣ кажется, что не представляютъ себѣ боговъ челоѣкоподобными, какъ дѣлаютъ это еллины. У нихъ въ обычай приносить Зевсу жертвы на высочайшихъ горахъ, причемъ Зевсомъ они называютъ весь небесный сводъ. Приносятъ жертвы они также солнцу, лунѣ, землѣ, огню, водѣ и вѣтрамъ. Этими однимъ божествамъ приносятъ они жертвы ископни; кромѣ того, отъ ассирянъ и арабовъ заимствовали почитаніе Урании. Ассирияне называютъ Афродиту Милиттою, арабы Алилатъ, персы Митрою.

¹⁾ I, 76 сл.

130. Жертвоприношение названным божествам совершается у персов следующим образом: для совершения жертвы они не воздвигают алтарей и не возжигают огня; не дѣлают возлияній, не играют на флейтѣ, не употребляют ни вѣнковъ, ни ячменя. Кто желаетъ принести жертву какому-нибудь божеству, тотъ, украсивши себя тиарой, нанчаще миртовой вѣткой, отводитъ животное на чистое мѣсто и тамъ молится божеству. Молиться только за себя совершающей жертву не въ правѣ; онъ молится о благополучіи всѣхъ персовъ и царя, а въ число всѣхъ персовъ входитъ и онъ самъ. Затѣмъ онъ разрѣзываетъ на части жертвенное животное, варитъ мясо, подстилаетъ самую мягкую траву, нанчаще трилистникъ, и на нее кладетъ все мясо; потомъ присутствующій магъ поетъ священную пѣсню, каковою служатъ у нихъ повѣтованіе о происхожденіи боговъ. Совершать жертву безъ мага у персовъ не въ обычаѣ. Спусти немного жертвователю уносить съ собою мясо и употребляетъ его по своему усмотрѣнію.

133. Изъ всѣхъ дней персы считаютъ обязательнымъ чтить наибольше день рожденія. Въ этотъ день они готовятъ болѣе обильный столъ, нежели въ остальные. Въ такой день люди богатые жарятъ въ печкахъ дѣлкомъ быка, лошадей, верблюда и осла, бѣдняки довольствуются мелкимъ скотомъ; главныхъ блюдъ у нихъ мало, напротивъ дополнительныхъ много, и при томъ подаются они одно за другимъ. Поэтому персы говорятъ, что елщины кончаютъ обѣдъ, не утоливши голода, потому что послѣ обѣда у нихъ не подносить ничего, стоящаго вниманія; если бы что-нибудь подносилось, то елщины ѣли бы не переставая; вино персы очень любятъ. Плевать или мочиться въ присутствіи кого-нибудь у нихъ не дозволяется. Между прочимъ важнѣйшія дѣла обсуждаютъ они во хмѣлю, причемъ принятое мнѣніе предлагается снова уже трезвымъ,

на слѣдующій день ховяиномъ того дома, въ которомъ происходило совѣщаніе. Если рѣшеніе это нравится имъ и въ трезвомъ видѣ, оно принимается, если же пить, отвергается. Съ другой стороны, если о чемъ-либо они предварительно совѣщаются въ трезвомъ видѣ, то рѣшаютъ его во хмѣлю.

134. При встрѣчѣ на улицахъ, по слѣдующему признаку можно опредѣлить, одинаковаго-ли званія встрѣтившіеся: въ этомъ случаѣ они привѣтствуютъ друг друга не на словахъ, но поцѣлуями въ губы; если одинъ немного ниже другого, то цѣлуются въ щеку, если же одинъ гораздо низшаго званія, чѣмъ другой, то первый падаетъ ницъ передъ послѣднимъ и цѣлуетъ ему ноги. Наибольшимъ уваженіемъ у персовъ пользуются сосѣди ихъ, за ними слѣдуютъ живущіе дальне народы; слѣдовательно уважаютъ они сообразно съ разстояніемъ, такъ что наименѣе чтимые народы у персовъ тѣ, которые живутъ надалеке отъ нихъ. Себя они считаютъ во всемъ гораздо доблестнѣе остальныхъ народовъ; остальные причастны къ доблести по мѣрѣ разстоянія отъ нихъ, и для каждаго перса живущій надалеке самый дурной народъ. Во время мидійскаго владѣчества одинъ народъ господствовалъ надъ другимъ: мидіане надъ всѣми народами и прежде всего надъ тѣми, которые были поближе къ нимъ, эти послѣдніе надъ своими сосѣдями, тѣ надъ пограничнымъ съ ними народомъ; теперь персы по этой самой мѣрѣ распредѣляютъ и свое уваженіе: чѣмъ дальше какой-либо народъ живетъ, тѣмъ и мѣсто власти его и управления дальше.

135. Обычай чужеземцевъ персы перенимаютъ охотѣе всякаго другаго народа. Они носятъ даже мидійское платье, находятъ его красивѣе туземнаго, а для войны облачаются въ эгипетскіе панцири; черезъ знакомство они заимствуютъ всякаго рода удовольствій, и въ подражаніе елщинамъ имѣютъ сообщеніе съ маль-

чигамв. У каждаго изъ нихъ много законныхъ женъ, но гораздо больше наложницъ.

136. Важнѣйшею доблестью мушцины послѣ военной храбрости считается у нихъ произведеніе на свѣтъ многихъ сыновей; произведшему наиболше дѣтей царь ежегодно посылаетъ подарки. Начиная съ пятилѣтнаго возраста и кончая двадцатилѣтнимъ, обучаютъ они дѣтей только тремъ предметамъ: верховой ѣздѣ, стрѣльбѣ изъ лука и правдивости. Раньше пяти лѣтъ отъ роду мальчикъ не является на глаза отцу, но проводить время среди женщинъ. Дѣлается это для того, чтобы отецъ не скорбѣлъ по ребенку, если тотъ умираетъ въ раннемъ дѣтствѣ.

137. Обычай такой я нахожу похвальнымъ, равно какъ и тотъ, что ни самъ царь не предаетъ никого смерти за одну вину, ни другой кто-либо изъ персовъ не наказываетъ смертью своихъ слугъ, провинившихся однажды. Только провѣривши и убѣдившись, что виновный совершилъ много преступленій, и что причиненный ими вредъ превышаетъ заслуги виновнаго, только тогда персы называютъ свой гнѣвъ. Говорятъ, что ни одинъ изъ нихъ не убилъ никогда своего отца или матери, и если подобные случаи бывали, то по изслѣдованію всегда съ полною очевидностью обнаруживалось, что убійцами бывали или подкидыши, или побочныя дѣти. По истинѣ невозможно, говорить они, чтобы родитель былъ умерщвленъ своимъ дѣтцемъ.

138. Чего у нихъ не дозволяется дѣлать, того не дозволяется и говорить. Лживость считаютъ они постыднѣйшимъ порокомъ; вторымъ послѣ него—имѣть долги, между прочимъ и главнымъ образомъ потому, говорятъ они, что должнику необходимо лгать. Кто изъ гражданъ забодѣваетъ проказою или покрывается обильными струпами, тотъ не допускается въ городъ и съ остальными персами не имѣетъ сношеній. Говорятъ,

что болѣзнь эта постигаетъ большаго за какой-нибудь грѣхъ противъ солнца. Всякаго иноземца, заболѣвшаго этою болѣзнью, они изгоняютъ, прогоняютъ тоже и облыхъ голубей, считая ихъ виновниками болѣзни. Въ рѣку они не испускаютъ мочи, не плюютъ, не моютъ въ ней руки и никому другому не дозволяютъ этого: рѣки чтутъ они очень високо.

139. У персовъ есть еще одна черта, которой сами они не замѣчаютъ, но которую мы подмѣтили. Всѣ имена ихъ, означающія отдѣльныхъ лицъ и важныя государственныя званія, оканчиваются на одну и ту же букву, которая у доринъ называется *санъ*, а у юнйанъ *сигма*. Обративши на это вниманіе, убѣждаешься, что такое окончаніе имѣютъ всѣ имена персовъ, а не некоторыя только.

140. Все это я знаю достоверно. Нижеслѣдующая подробность сообщается какъ тайна, явно о ней не говорятъ, именно, что трупъ умершаго перса погребается не раньше, какъ его разорветъ птица или собака. Что такъ поступаютъ маги, я знаю доподлинно, потому что они дѣлаютъ это открыто. Персы покрываютъ трупъ воскомъ и затѣмъ хоронятъ въ землѣ. Маги рѣзко отличаются отъ остальныхъ людей и отъ египетскихъ жрецовъ. Жрецы египетскіе свято блюдутъ правило не умерщвлять ничего живаго, кромѣ жертвы; маги напротивъ собственноручно умерщвляютъ всякое животное, кромѣ собаки и человѣка, а также вмѣняють себя въ заслугу умерщвленіе возможно большаго числа муравьевъ, змѣй и другихъ пресмыкающихся и летающихъ животныхъ. Но пускай этотъ обычай остается въ томъ видѣ, какъ онъ установленъ искони, а мы возвратимся къ прежнему повѣствованію ¹⁾.

141. Вскорѣ послѣ того, какъ лидяне покорены были

¹⁾ I 94.

персамъ, іоняне и эоляне послали вѣстниковъ въ Сарды къ Киру, извѣщая готовность быть въ подданствѣ у него на томъ же положеніи, на какомъ они были у Креса. Въ отвѣтъ на это предложеніе Киръ разсказалъ имъ басню, какъ одинъ флейтистъ, увидѣвши рыбъ въ морѣ, сталъ играть на флейтѣ въ ожиданіи, что тѣ выйдутъ къ нему на сушу. Обманувшись въ надеждѣ, онъ вялъ съѣтъ, закинулъ ее и вытащилъ огромное множество рыбъ. Видя, какъ рыба бьется, онъ сказалъ ей: „перестаньте плясать; когда я игралъ на флейтѣ, вы не хотѣли выходить и плясать“. Киръ потому разсказалъ эту басню іонянамъ и эолянамъ, что прежде они не послушались его ¹⁾, когда онъ просилъ ихъ отложиться отъ Креса, а теперь, когда дѣло кончилось для него благополучно, они готовы покориться Киру. Такъ въ гнѣвъ сказалъ онъ имъ. Когда вѣсть объ этомъ дошла до городовъ, жители каждаго города окружили себя стѣнами, и всѣ кромѣ милетянъ сошлись въ Паніоній. Съ одними только милетянами Киръ заключилъ такой союзъ, въ какомъ былъ съ ними лидійскій царь. Остальные іоняне на общемъ совѣщаніи порѣшили послать въ Спарту пословъ съ просьбою о помощи.

142. Тѣ іоняне, которымъ принадлежатъ Паніоній, основали свои города подъ такимъ небомъ и въ такомъ климатѣ, благодатнѣе которыхъ мы не знаемъ ни въ какой другой странѣ. Съ Іоніей не могутъ сравниться ни страны, лежащія выше и ниже ея, ни тѣ, что лежатъ на востокъ отъ нея или на западъ: одна изъ нихъ терпятъ отъ холода и сырости, другія отъ жары и засухи. Іоняне говорятъ не на одномъ и томъ же языкѣ, но на четырехъ нарѣчійхъ. Первымъ изъ этихъ городовъ на югъ лежитъ Милетъ, за нимъ слѣдуютъ Міунтъ и Пріена; всѣ три города находятся въ Каріи, и жители ихъ

1) I, 76. 99.

говорятъ однимъ и тѣмъ же языкомъ. Въ Лидіи находятся слѣдующіе города: Ефесъ, Колофонъ, Лебедъ, Теосъ, Клазомены, Фокея. Говори между собою на одномъ и томъ же языкѣ, они съ прежде названными городами не имѣютъ по языку ничего общаго. Изъ трехъ остальныхъ іонійскихъ городовъ два лежатъ на островахъ Самѣ и Хиосѣ, одинъ только на сушѣ, Ернеръ. Жители Хиоса и Ернеръ говорятъ на одномъ языкѣ, а жители Сама стоятъ по языку отдѣльно отъ нихъ. Таковы четыре нарѣчія языка.

143. Такимъ образомъ милетяне благодаря заключенному союзу были внѣ опасности, равно какъ нечего было бояться и островитянамъ: финикіане не были еще подчинены персамъ, а сами персы не занимаются мореплаваніемъ. Отъ остальныхъ іонянъ союзные іоняне отдѣлились нѣкогда не почему-либо другому, а только потому, что въ то время весь эллинскій народъ былъ слабъ, а слабѣе и незначительнѣе всѣхъ племенъ были іоняне; кромѣ Аевинъ, у нихъ не было ни одного достойнаго вниманія города. Какъ аевяне, такъ и остальные іоняне избѣгали называться іонянами, и теперь, какъ мнѣ кажется, большинство іонянъ стыдится своего имени. Напротивъ двѣнадцать іонійскихъ городовъ гордились своимъ названіемъ, для себя только соорудили союзное святилище, которое назвали Паніоніемъ, не допуская къ участію въ немъ никого изъ прочихъ іонянъ; этого участія и не добивался никто, кромѣ смирянъ.

144. Подобно этому дорине нынѣшняго пятиградія, того самаго, которое прежде называлось шестиградіемъ, стараются не допускать никого изъ сосѣднихъ дорянъ къ участію въ Триопскомъ святилищѣ; даже изъ своей среды они лишали участія въ святилищѣ тѣхъ дорянъ, которые поступали противно его установленіямъ. Издавна въ храмѣ установлены въ качествѣ награды побѣдителямъ на играхъ въ честь Аполлона Триопскаго мѣ-

дние треножки; но получающие эту награду обязаны не уносить ее съ собою изъ храма, а оставлять тамъ въ жертву божеству. Одинъ галикарнаецъ по имени Агасиклъ одержалъ на состязаніи побѣду, но нарушилъ правило: треножку унесъ въ себѣ домой и тамъ повѣсилъ на гвоздѣ. За эту вину пять остальныхъ городовъ, Лидя, Галия, Камейръ, Кость и Книдъ, исключили шестой городъ Галикарнасъ изъ участія въ общемъ святилищѣ. Такое наказаніе положили они на жителей Галикарнаса.

145. Что касается іонянъ, то они образовали союзъ изъ двѣнадцати городовъ и не желали никого больше допускать въ него потому, какъ мнѣ кажется, что и во время пребыванія въ Пелопоннесѣ они дѣлились на двѣнадцать частей; равнымъ образомъ изъ двѣнадцати частей состоятъ въ наше время ахеицы, изгнанные изъ Пелопоннеса іонянъ. Первый городъ ихъ, начиная отъ Сикіона, Пеллена, за нимъ слѣдуютъ Эгейра, Эги, въ которыхъ протекаетъ никогда не высыхающая рѣка Краонсъ, по имени ея названа и рѣка въ Италіи; далѣе лежатъ Бура, Гелика, въ которую бѣжали іоняне, разбитые въ сраженіи ахеянами, Эгий, Рипы, Патры, Фары, Олень, въ которомъ течетъ большая рѣка Пейръ, Дина и Тритан; только двѣ послѣднія общины лежатъ внутри материка. Это двѣнадцать частей нынѣшнихъ ахеянъ и древнихъ іонянъ.

146. Вотъ почему іоняне основали двѣнадцать городовъ. Было бы крайне неразумно утверждать, будто аіатскіе іоняне болѣе настоящіе, нежели остальные, или болѣе высокаго происхожденія. Напротивъ не малую долю ихъ составляли абанты изъ острова Евбен, которые никогда не обовначаются однимъ именемъ съ іонянами; съ ними смѣшались также мипій орхоменскіе, кадмеи, дріоны, возставшіе фокидяне, молоссы, аркадскіе пеласги, доряне изъ Епидавра и многіи другія племена. Даже тѣ изъ іонянъ, которые отправлялись отъ

аонскаго пританея и считаютъ себя благороднѣе всѣхъ остальныхъ, даже и эти не взяли съ собою женщинъ въ колонію, но сочетались съ каріянками, родителей которыхъ умертвили. Вслѣдствіе такого убійства женщины эти установили въ своей средѣ обычай, скрѣпили его клятвою и передали въ наслѣдіе дочерямъ—никогда не сидѣть за однимъ столомъ съ мужьями, не называть ихъ по имени за то, что они убили ихъ отцовъ, мужей, дѣтей и за симъ сдѣлали ихъ своими сожителями. Это случилось въ Мидетѣ.

147. Одинъ изъ нихъ поставилъ себѣ царей изъ среды лидянъ, происходящихъ отъ Главка, сына Гиполоха; другіе изъ пилійскихъ кавконовъ, происходящихъ отъ Кодра, сына Мелалеа, третьи—изъ тѣхъ и другихъ. Болѣе всѣхъ прочихъ іонянъ они придерживаются своего имени, и дѣйствительно это іоняне чистой крови, именно всѣ тѣ, которые происходятъ отъ аонянъ и совершаютъ празднество апатурій, а празднество это отправляютъ всѣ іоняне, кромѣ жителей Ефеса и Колофона; эти одни изъ всѣхъ іонянъ не празднуютъ апатурій, и то вслѣдствіе обвиненія въ какомъ-то убійствѣ.

148. Папіоній—священная мѣстность на Микале, на сѣверной сторонѣ мыса, сообщца посвященная іонянами Посейдону Геликонскому. Микале—мысъ, выдающийся на западъ по направленію къ Саму. Сюда собираются изъ городовъ іоняне на праздникъ, которому они дали наименованіе папіоній.

149. Таковы іонійскіе города. Города эолійскіе слѣдующіе: Кума, называемая Фриконидоу, Ларисы, Неонтейхосъ, Темнъ, Килла, Нотій, Эгиреосса, Пятана, Эгея, Миряна, Грисея. Эти одиннадцать городовъ эолянъ первоначальные; одинъ изъ эолійскихъ городовъ Смирна отнять у нихъ іонянами; эолійскихъ городовъ на материкѣ было двѣнадцать. Эолианамъ пришлось за-

нить страну, хотя болѣе плодородную, нежели іоніянамъ, но не съ столь богатнымъ климатомъ.

150. Эолине потеряли Смирну такъ: они приняли къ себѣ колофонскихъ жителей, побѣжденныхъ согражданами и изгнанныхъ изъ роднаго города. Затѣмъ колофонскіе изгнанники выбрали то время, когда жители Смирны за стѣнами города совершали празднство въ честь Діониса; они заперли за ними ворота и овладѣли городомъ. Когда всѣ эолине пришли на помощь взятому городу, стороны согласились на томъ, что іоняне выдаютъ все движимое имущество, эолине оставляютъ городъ за іонянами. Такъ поступили жители Смирны; остальные одиннадцать городовъ подѣлили ихъ между собою и сдѣлали своими гражданами.

151. Таковы эолийскіе города на сушѣ; мы не считаемъ еще эолианъ, живущихъ на горѣ Идѣ и стоящихъ особо. Изъ городовъ, лежащихъ на островахъ, пять находятся на Лесбѣ; жители тамошняго шестаго города обращены въ рабство мѣсячными, не смотря на единство происхожденія; одинъ городъ находится на Тенедѣ и одинъ на такъ называемыхъ Ста Островахъ. Жителямъ Лесба и Тенедѣ, также какъ и остальнымъ іонянамъ, не угрожало никакой опасности; прочіе города сообща порѣшили сообразоваться въ своихъ дѣйствіяхъ съ поведеніемъ іонянъ.

152. Когда въ Спарту прибыли послы отъ іонянъ и эолианъ, — необходимо было дѣйствовать поспѣшно ¹⁾, — они выбрали изъ своей среды ораторомъ фоксаянина по имени Писерма. Ораторъ надѣлъ на себя пурпурный плащъ для того, чтобы спартацы, узнавши объ этомъ, сошлись въ возможно большемъ числѣ; онъ выступилъ впередъ и въ многословной рѣчи просилъ ихъ о помощи. Лакедемоняне конечно не слушали его и порѣшили не помогать іонянамъ. Послы ушли. Од-

¹⁾ I 141.

нако тѣ самые лакедемоняне, которые отвергли просьбу іонянъ, выслали на пятидесятивесельномъ суднѣ людей съ дѣлюю, какъ мнѣ кажется, наблюдать за ходомъ дѣлъ Кира и іонянъ. Прибывши въ Фокою, они послали въ Сарды знатнѣйшаго изъ своей среды по имени Лакрину, и тотъ долженъ былъ сообщить Киру требованіе лакедемонянъ не вредить никакому городу земли еллинской, такъ какъ они не потерпятъ этого.

153. Въ отвѣтъ на рѣчь глашатая Киръ, какъ говорятъ, обратился къ находившимся при немъ еллинамъ съ вопросомъ: что за люди лакедемоняне, и какъ велико число ихъ, что они обращаются къ нему съ подобнымъ требованіемъ. Узнавши, кто они, Киръ сказалъ спартанскому глашатаю: „никогда не боялся я такихъ людей, которые имѣютъ посерединѣ своего города опредѣленное мѣсто, собираются туда и подъ клятву обманываютъ другъ друга. Если я буду здоровъ, то имъ придется болтать не о дѣлахъ іонянъ, а о своихъ собственныхъ“. Объявленная Киromъ угроза обращалась ко всѣмъ еллинамъ, такъ какъ всѣ они имѣютъ у себя рынки для кули и продажи. Персы напротивъ рынками вовсе не пользуются, и базарныхъ площадей у нихъ нѣтъ совсѣмъ. Послѣ этого Киръ поручилъ охрану Сардъ персу Табалу, а золото Креза и прочіихъ лядянъ отдалъ на храненіе лидянину Пактію. Самъ онъ отправился въ Агбатаны, взявъ съ собою Креза, не обративши въ началѣ никакого вниманія на іонянъ. На пути Кира лежали Вавилонъ, бактрійскій народъ, саки и эгиптяне; въ войнѣ съ ними онъ собирался предводительствовать лично, а противъ іонянъ рѣшилъ послать полководцемъ другаго.

154. По уходѣ Кира изъ Сардъ Пактію поднялъ лядянъ противъ Табала и Кира; онъ спустился къ морю и, имѣя въ своихъ рукахъ все золото Сардъ, нанялъ вспомогательное войско и убѣдилъ прибрежное насе-

леніе идти съ нимъ на войну. Отправившись на Сарды, онъ заперъ Табала въ акрополѣ и осадилъ его.

155. Киръ узнавъ объ этомъ въ дорогѣ и сказалъ Крезу: „чѣмъ все это кончится, Крезъ? Какъ кажется, лидяне не перестанутъ причинять тревогу мнѣ и себѣ самимъ. Не будетъ-ли наилучше, думаю я, обратить лидянь въ рабство? Мнѣ кажется, до сихъ поръ я поступалъ съ ними такъ, какъ если бы кто убилъ отца и пощадилъ дѣтей. Такъ, я лишилъ ихъ тебя, того, кто для нихъ больше, нежели отецъ, и вожу тебя съ собою, между тѣмъ самимъ лидянамъ возвратилъ городъ и послѣ того еще удивляюсь, что они возстаютъ противъ меня“. Киръ говорилъ чистосердечно. Крезъ испугался, какъ бы онъ совсѣмъ не обезлюдилъ Сардъ и сказалъ ему: „ты говоришь правду, царь. Однако не поддавайся гнѣву, не уничтожай древняго города, нисколько неповиннаго ни въ прошломъ, ни въ настоящемъ. Прошлое совершилъ я и терплю за него достаточно; въ настоящемъ виновать Пактія, которому ты довѣрилъ Сарды; онъ долженъ быть наказанъ. Самимъ лидянамъ даруй прощеніе, а чтобы они не бунтовали противъ тебя, сдѣлай такое распоряженіе: отправь туда посла и запрети имъ носить оружіе, прикажи надѣть хитоны подъ верхнее платье и подвязывать высокіе башмаки, вели имъ также обучать дѣтей своихъ игрѣ на киварѣ и на арфѣ и торговлѣ, и ты, царь, скоро увидишь ихъ женщинами, а не мужчинами, и больше не нужно будетъ опасаться, что они возстанутъ противъ тебя“.

156. Таковъ былъ совѣтъ Креза, ибо онъ полагалъ, что для лидянь исходъ этого предпочтительнѣе обращенія въ рабство и поступленія въ продажу. Онъ зналъ, что, если не представитъ Киру достаточныхъ доводовъ, то не уговоритъ его перемѣнить рѣшеніе; потомъ Крезъ опасался, что, если лидяне, избѣжавши бѣды

въ настоящемъ, опять возстанутъ противъ персовъ, то окончательно погибнутъ. Киръ обрадовался совѣту, пересталъ гнѣваться и сказалъ, что послѣдуетъ внушенію Креза. Потомъ онъ позвалъ мидянину Мазареса и поручилъ ему поступать съ лидянами такъ, какъ ему совѣтовалъ Крезъ; кроме того, велѣлъ продать въ рабство всѣхъ тѣхъ, которые вмѣстѣ съ лидянами ходили на Сарды, а самого Пактію привести къ нему плѣннаго.

157. Всѣ эти распоряженія Киръ сдѣлалъ въ пути и затѣмъ отправился дальше въ землю персовъ. Между тѣмъ Пактія узналъ, что идущее на него войско уже близко и въ страхѣ бѣжалъ въ Куму. Мидянинъ Мазаресъ явился съ частью кирова войска въ Сарды, но не нашелъ болѣе соумышленниковъ Пактія. Тогда онъ прежде всего распорядился, чтобы приказанія Кира приведены были въ исполненіе, вслѣдствіе чего лидяне совершенно измѣнили образъ жизни. Послѣ этого Мазаресъ послалъ въ Куму пословъ съ требованіемъ выдать Пактію. Но кумяне рѣшили спросить объ этомъ предварительно божество, что въ Бранхидахъ. Здѣсь издревле учреждено было прорицалище, которымъ обыкновенно пользовались всѣ ионіане и воляне. Мѣстность эта находится въ области Милета надъ гаванью Панормомъ.

158. Послали кумяне въ Бранхиды спросить оракула, какъ поступить имъ съ Пактіей, чтобы угодить богамъ. Оракулъ приказалъ выдать Пактію персамъ. Услышавши такой отвѣтъ, кумяне рѣшили выдать Пактію. Когда народъ готовъ уже былъ сдѣлать это, знатный гражданинъ Аристокликъ, сынъ Гераклида, удержалъ кумянъ, не довѣряя изреченію и полагая, что посла сказали неправду; наконецъ были отправлены за совѣтомъ о Пактіи другіе послы, въ числѣ ихъ и Аристокликъ.

159 По прибытіи въ Бранхиды Аристокдикъ, выбранный для этого остальными, обратился къ оракулу съ слѣдующимъ вопросомъ: „Владыка, пришелъ къ намъ съ просьбой о защитѣ лядягъ Пактія, спасаясь отъ насильственной смерти отъ персовъ. Персы требуютъ его выдачи и понуждаютъ къ тому кумсанъ. Хотя мы и боимся могущества персовъ, однако не дерзаемъ выдать примельца до тѣхъ поръ, пока ты яeno не скажешь, что намъ дѣлать“. Такъ вопрошалъ онъ оракула, а божество дало тотъ же отвѣтъ, приказывая выдать Пактію персамъ. Тогда Аристокдикъ по заранѣе задуманному плану поступилъ такъ: обходя храмъ кругомъ, онъ разорялъ гнѣзда воробьевъ и разныхъ другихъ птицъ, какія только ютились въ храмѣ. Въ это время, какъ рассказываютъ, изнутри храма послышался голосъ, обращенный къ Аристокдику; „на что ты посягаешь, нечестивецъ? Ты истребляешь ницующихъ у меня защитъ“. Аристокдикъ не смутился этимъ и отвѣчалъ: „ты, владыка, такъ охраняешь молищихъ тебя о защитѣ, а кумсанамъ приказываешь выдать ихъ просителя“. Ему на это отвѣчали: „я приказываю это для того, чтобы вы скорѣе погибли черезъ ваше нечестіе, и чтобы впредь не приходили къ оракулу за совѣтомъ о выдачѣ просящихъ“.

160. Когда кумсане услышали этотъ отвѣтъ, они не желали ни выдавать Пактію, дабы не погибнуть, ни оставлять его у себя, боясь осады, а потому отослали его въ Митилену. Маваресъ послалъ къ митиленианамъ посла съ требованіемъ выдачи, и они готовы были выдать Пактію за известное вознагражденіе; точно опредѣлить сумму я не могу, такъ какъ переговоры ничѣмъ не кончились. Узнавши о такомъ намѣреніи митиленианъ, кумсане послали судно на Лесба, чтобы оттуда перевезти Пактію на Хиосъ. Здѣсь онъ былъ насильно выведенъ изъ храма Аѳины-градохранительницы и выданъ персамъ; выдали его хиосцы въ обмѣнъ за Атарней. Атарней—

мѣстность въ Мисіи противъ Лесба. Получивши Пактію, персы содержали его подъ стражей для того, чтобы доставить Киру. За то въ теченіе долгаго времени ни одинъ хиосецъ изъ Атарней не жертвовалъ никакому божеству здѣшняго хлѣба, не посыпалъ ячменныхъ зеренъ и не пекъ пироговъ; вообще всѣ произведенія Атарней исключались изъ жертвоприношеній.

161. Итакъ, хиосцы выдали Пактію. Тогда Маваресъ пошелъ войною на тѣхъ, которые участвовали въ осадѣ Табала, жителей Приены продалъ въ рабство, прошелъ по всей равнинѣ Меандра и отдалъ ее въ добычу своему войску. Точно такъ поступилъ онъ съ Магнесіей. Скоро послѣ этого Маваресъ умеръ.

162. По смерти его командованіе войскомъ принялъ Гарпагъ, также мидянннй родомъ, тотъ самый, котораго мидійскій царь Астиагъ угостилъ столь нечестивымъ яствомъ, и который помогъ Киру достигнуть царской власти¹⁾. Когда онъ, будучи назначенъ Киромъ въ военачальники, явился въ Іонію, то покорилъ города при помощи земныхъ насыпей: побѣдивши гражданъ въ открытомъ сраженіи, онъ затѣмъ насыпалъ валы кругомъ стѣнъ и такимъ образомъ овладѣвалъ городомъ.

163. Первый городъ Іоніи, на который напалъ Гарпагъ, былъ Фокея. Фокеяне прежде всѣхъ еллиновъ стали совершать далекія путешествія по морю, открыли Адриатическій заливъ, Тирренію, Иберію и Тартесъ; для этого они пользовались не круглыми судами, а пятидесятивесельными. Въ Тартесѣ они спискали себѣ расположеніе тартесскаго царя по имени Арганоонія, царствовавшаго въ Тартесѣ восемьдесятъ лѣтъ и прожившаго не менѣе ста двадцати лѣтъ. Фокеяне такъ поправились Арганоонію, что онъ предложилъ имъ покинуть Іонію и поселиться въ его землѣ, гдѣ имъ

¹⁾ I, 119. 129.

удбно; но ему не удалось склонить ихъ къ этому. Узнавши отъ фокеянъ, какъ велико могущество мидянъ, Аргаеоній далъ имъ денегъ на возведеніе стѣнъ кругомъ города и далъ шедро, ибо въ окружности стѣна ихъ имѣетъ много стадій, вся сложена изъ большихъ, хорошо прилаженныхъ камней.

164. Такъ фокеяне поставили свои стѣны. Когда Гарпагъ повелъ на нихъ войско и началъ осаду, онъ объявлялъ имъ, что довольствуется вполне, если фокеяне сломаютъ хоть одинъ зубецъ на стѣнѣ и пожертвуютъ хоть однимъ зданіемъ. Вознегодавши при мысли о рабствѣ, фокеяне въ отвѣтъ потребовали день на размышленіе, обѣщая, что потомъ дадутъ отвѣтъ; на время совѣщанія они предложили Гарпагу отвести свое войско отъ городской стѣны. Гарпагъ отвѣчалъ, что онъ знаетъ ихъ замыслы, однако дозволяетъ имъ поразмыслить. Въ то время, какъ Гарпагъ отвелъ войско отъ стѣны, фокеяне спустили на море свои пятидесятивесельныя суда, помѣстивъ на нихъ дѣтей, женъ, все движимое имущество, кромѣ того кумиры изъ храмовъ и другіе священные предметы, за исключеніемъ мѣди, камня и картинъ; все это помѣстивъ на суда, вошли на нихъ сами и отплыли къ Хіосу. Персы овладѣли покинутой жителями Фокеей.

165. На желаніе фокеянъ купить себѣ у хіосцевъ острова, называемые Энусами, хіосцы отвѣчали отказомъ, опасаясь, что послѣ этого Энуссы сдѣлаются торговымъ мѣстомъ, и ихъ собственный островъ потеряетъ черезъ то всякое торговое значеніе; поэтому фокеяне направили свой путь къ острову Кирну, гдѣ двадцать лѣтъ тому назадъ согласно изреченію оракула основали городъ по имени Алалію. Аргаеоній въ то время уже не было въ живыхъ. Собравшись въ Кирнъ, они сначала возвратились въ Фокею, истребили тамъ персидскій гарнизонъ, который охранялъ привя- тый отъ Гарпага городъ. Совершивши это, они при-

ывали тяжкія проклятія на тѣхъ изъ своего отряда, которые отдѣлялись отъ него. При этомъ они бросили въ море большой кусокъ желѣва и поклялись не возвращаться въ Фокею до тѣхъ поръ, пока желѣво это не покажется на поверхности моря. Однако изъ тѣхъ фокеянъ, которые поплыли къ Кирну, большая часть такъ стосковалась по городу, такъ жалѣла о немъ, о родныхъ мѣстахъ, что нарушила клятву и отплыла обратно въ Фокею. Оставшіеся вѣрными клятвѣ снялись съ Энуссъ и поплыли дальше.

166. По прибытіи на Кирнъ фокеяне поселились тамъ вмѣстѣ съ людьми, которые пришли сюда пять лѣтъ тому назадъ, и соорудили храмы своимъ богамъ. Такъ какъ они занимались грабежомъ всѣхъ сосѣдей, то на нихъ общими силами пошли войною тирренны и караегеняне, причемъ союзники имѣли по шестидесяти кораблей. Фокеяне съ своей стороны снарядили суда числомъ шестьдесятъ и вышли на встрѣчу неприятелямъ въ такъ называемомъ Сардинскомъ морѣ. Въ морскомъ сраженіи фокеяне одержали такъ называемую кадмейскую побѣду: сорокъ кораблей ихъ были уничтожены, а уцѣлѣвшіе двадцать сдѣлались негодными къ употребленію, такъ какъ потеряли металлическіе носы. Послѣ этого фокеяне возвратились въ Алалію, взяли тамъ своихъ дѣтей, женщинъ и различное имущество, сколько могли вытѣсти корабли ихъ, покинули Кирнъ и поплыли въ Регій.

167. Большую часть людей съ погибшихъ судовъ захватили караегеняне и тирренны въ свои руки; они высадили плѣнныхъ на сушу и побили камнями. Послѣ этого у агиллеанъ все, что проходило мимо того мѣста, на которомъ были убиты фокеяне, бывало калѣчено, уродуемо, убиваемо, какъ мелкій и рогатый скотъ, такъ равно и люди. Желая очистить себя отъ преступленія, агиллеяне послали въ Дельфы вопроса-

телей. Прюія приказала имъ дѣлать и дальше то, что они дѣлаютъ теперь: агиллеяне приносятъ обильныя жертвы убитымъ фокеянамъ, устраиваютъ гимнастическія и конныя состязанія. Такою смертью погибла эта часть фокеяны; тѣ, что бѣжали въ Регій, отправились отсюда и приобрѣли въ землѣ Энотріи городъ, который называется теперь Гіелою. Заселили они этотъ городъ потому, что узнали отъ одного изъ жителей Посейдоніи, что прюія въ совѣтѣ о заселеніи Кирна говорила о Кирнѣ городѣ, а не объ островѣ.

168. Такъ было съ Фокеей въ Іоніи. Подобнымъ образомъ поступили жители Теоса. Когда акрополь ихъ былъ взятъ Гарпагомъ съ помощью насыпи, она всѣ сѣли на суда и отплыли къ Эракии, и тамъ заняли городъ Абдерн, ранѣе этого основанный клавоменцемъ Тимесіемъ; но онъ не воспользовался плодами своего дѣла, будучи изгнанъ еракіянами. Теперь теосцы абдерскіе чтутъ Тимесія, какъ героя.

169. Это — единственные изъ іонянъ, не вынесшіе рабства и потому покинувшіе родину. Остальные іоняне за исключеніемъ милетянъ рѣшились сразиться съ Гарпагомъ подобно тому, какъ поступили и выселившіеся іоняне; всѣ они мужественно сражались за свободу, но были побѣждены, взяты въ плѣнъ, потомъ остались на своихъ мѣстахъ и исполняли всѣ приказанія завоевателей. Милетяне, какъ было сказано выше¹⁾, оставались въ покоѣ благодаря заключенному съ Киромъ союзу. Такимъ образомъ Іонія поработчена была вторично. Послѣ того, какъ Гарпагъ покорялъ іонянъ, жившихъ на материкѣ, островные іоняне испугались этого и добровольно подчинились Киру.

170. Когда іоняне, не взирая на неудачи, собрались въ Паніоній, имъ подалъ полезнѣйшій совѣтъ, какъ

имъ передаютъ, житель Приены Біантъ; еслибы они ему послѣдовали, то были бы счастливѣе всѣхъ елліповъ. Онъ предлагалъ собраться всѣмъ іонянамъ и вмѣстѣ отплыть въ Сардинію, основать тамъ общеоіонійское государство и такимъ образомъ избавившись отъ рабства жить благополучно, занимая наибольшій островъ и владычествуя надъ остальными островами; если же они останутся въ Іоніи, то, утверждалъ онъ, не увидятъ больше свободы. Таковъ былъ совѣтъ Біанта изъ Приены іонянамъ въ то время, когда могущество ихъ было уже сокрушено. Благой совѣтъ данъ былъ іонянамъ еще ранѣе испытаннаго ими пораженія милетинномъ Фалесомъ, по своимъ предкамъ іонянномъ. Онъ совѣтовалъ іонянамъ учредить общую думу на Теосѣ, — Теосъ лежитъ посерединѣ Іоніи, — причѣмъ остальные города продолжали бы существовать по прежнему, но почитались за деревенскіе общины. Таковы совѣты, данныя этими двумя людьми іонянамъ.

171. Покоривши Іонію, Гарпагъ пошелъ войною на каровъ, кавшіевъ и ликійянъ, имѣя въ своемъ войскѣ іонянъ и эолянъ. Кары эти перешли на материкъ съ острововъ. Первоначально они были подвластны Миносу, назывались телегами и занимали острова; не платили они однако никогда дани, насколько я могу проникать въ древность по разсказамъ, хотя поставляли команду для кораблей всякій разъ, когда требовалъ того Миносъ. Въ то время, какъ Миносъ покорялъ уже многія земли и прославился военными удачами, карійскій народъ былъ тоже знаменитѣйшимъ изъ всѣхъ народовъ. Ему принадлежатъ три изобрѣтенія, которыми воспользовались и елліпы: кары научили украшать шлемы султанами, дѣлать на щитахъ примѣты, и они же первые сдѣлали къ щитамъ рукоятки; раньше того всѣ, имѣвшіе обыкновеніе употреблять

¹⁾ I, 143.

щиты, носили ихъ безъ рукоятокъ, придерживая кожаными ремнями, которые перекидывались на шею и черезъ лѣвое плечо. Много времени спустя каровъ вытѣснили съ острововъ дорие и ионяне, Такимъ-то образомъ они и перешли на материкъ. Такъ о карахъ рассказываютъ критяне. Однако сами кары не согласны съ критянами, почитая себя за автохеонами на материкѣ, искони носившими имя каровъ. Въ доказательство этого они указываютъ на древнее святилище Зевса Карійскаго въ Миласахъ; въ святилищѣ принимаютъ участіе, какъ братья каровъ, мисане и лидяне: Лидъ и Мисъ, какъ говорятъ, братья Кара. Только эти народы и участвуютъ въ святилищѣ, а всѣ остальные, чуждые карамъ по происхожденію, хотя и говорящіе на одномъ съ ними языкѣ, никакого участія въ храмѣ не принимаютъ.

172. Кавніи наоборотъ кажутся мнѣ автохеонами, хотя сами говорятъ, что они изъ Крита. По языку они примыкаютъ къ карамъ или кары къ кавніямъ, не могу сказать этого въ точности; по образу жизни рѣзко отличаются и отъ каровъ, и отъ всѣхъ другихъ народовъ. Для нихъ нѣтъ ничего лучше, какъ собираться въ обществѣ на попойки по возрастамъ и по дружбѣ, отдѣльно мужчинамъ, женщинамъ и дѣтямъ. Хотя они и приняли нѣкогда поклоненіе чуждымъ божествамъ, но въ послѣдствіи нововведеніе это имъ не понравилось; они рѣшили поклоняться только отеческимъ богамъ, почему всѣ кавніи, способные носить оружіе, вооружались и, ударяя копытами по воздуху, прослѣдовали до области Калинды, говоря, что они изговляютъ такимъ образомъ чужеземныхъ боговъ. Таковы ихъ нравы.

173. Ликіянне издревле происходятъ изъ Крита, на которомъ первоначально жили только варвары. Тамъ нѣкогда поссорились между собою изъ за царской власти сыновья Европы, Сарпедонъ и Миносъ. Миносъ вышелъ

изъ спора побѣдителемъ, изгналъ Сарпедона и его соумышленниковъ. Изгнанники прибыли въ Азію, въ землю Миліаду. Страна, которую населяютъ теперь ликіянне, была въ древности Миліадою, а миліи назывались тогда солимами. Пока царствовалъ надъ ними Сарпедонъ, они назывались тѣмъ самымъ именемъ, какое принесли съ собою въ Азію, и какимъ называютъ ликіянъ союбды ихъ, именно термилами. Только послѣ того, какъ къ термиламъ и Сарпедону пришелъ изъ Аоніи Ликъ, сынъ Пандіона, изгнанный братомъ Эгеемъ, они названы были по имени Лика ликіяннами. Нравы и обычаи ихъ частью критскіе, частью карійскіе. Только слѣдующій обычай у нихъ совершенно особенный, отличающій ихъ отъ всѣхъ другихъ народовъ: они называютъ себя по матери, а не по отцу. Если кто спроситъ союбды о его происхожденіи, тотъ сообщаетъ свою родословную съ материнской стороны и перечисляетъ матерей своей матери; и если женщина гражданина считается бракомъ съ рабомъ, то дѣти ихъ признаются благороднорожденными, но если мужчина гражданинъ, хотя бы самый знатный между ними, возьметъ въ жены чужеземку или наложницу, то дѣти ихъ не имѣютъ правъ гражданства.

174. Кары были покорены Гарпагомъ, не совершивши ничего достославнаго; достославнаго не совершили и всѣ тѣ еллины, которые живутъ въ этой землѣ, а живутъ здѣсь помимо другихъ и лакедемонскіе колонисты кидяне. Часть земли кидянъ, обращенная къ морю, называется Триопіемъ; съ другой стороны она начинается отъ полуострова Бибассія, а вся кидянская область за исключеніемъ узкой полосы омывается водою: сѣверная сторона ея граничитъ Керамійскимъ заливомъ, а съ юга она прилегаетъ къ морю у Симы и Рода. Узкая полоса не велика, не болѣе пяти стадій. Кидяне начали было перекапывать ее въ то время, когда Гарпагъ

завоевывалъ Ионію, думая превратить свою область въ островъ. Вся кидская область лежитъ по сю сторону перешейка, такъ какъ тамъ, гдѣ она оканчивается у материка, находится перешеекъ, который они и начали перекапывать. Много рукъ кидянъ было уже за работою; но когда стали разбивать скалу, оказалось, что равныя части тѣла, особенно глаза рабочихъ были ранены какимъ-то сверхъестественнымъ способомъ. Тогда кидяне послали въ Дельфы спросить о причинѣ несчастія. Какъ рассказываютъ сами кидяне, цноицъ дала въ триметрахъ слѣдующій отвѣтъ: „не укрѣпляйте перешейка и не перекапывайте. Зевсъ помѣститъ бы тамъ островъ, еслибы это было ему угодно“. Послѣ такого отвѣта цноицъ кидяне приостановили прорытіе перешейка, и когда Гарпагъ подошелъ къ нимъ съ войскомъ, сдѣлалъ ему безъ боя.

135. Внутри материка надъ Галикарнасомъ жили педасен. У жрицы ихъ богини Аонны выросла большая борода, что каждый разъ предвѣщаетъ какую-нибудь бѣду и имъ самимъ, и сосѣдямъ ихъ; случилось это трижды¹⁾. Они одни изъ жителей Каріи сопротивлялись нѣкоторое время Гарпагу и причинили ему величайшія затрудненія, укрѣпившись на горѣ Лидѣ. Педасен покороны были нескорю.

136. Когда Гарпагъ пришелъ съ войскомъ въ равнину Ксанова, лидяне выступили противъ него, въ небольшомъ числѣ сразились съ многочисленнымъ войскомъ и обнаружили храбрость, но были разбиты и отбѣсены въ городъ; въ акрополѣ они помѣстили женщинъ, дѣтей, имущество и прислугу и подожгли его, дабы акрополь сгорѣлъ весь. Сдѣлавши это и связавши другъ друга грозными клятвами, ксаноены вышли противъ врага и все пали въ сраженіи. Нидѣшніе лидяне,

¹⁾ VIII, 104.

выдающіе себя за ксаноевъ, пришельцы кромѣ восьмидесяти семействъ; эти восемьдесятъ семействъ въ то время случайно находились въ чужихъ краяхъ и потому остались въ живыхъ. Такъ Гарпагъ овладѣлъ Ксаноемъ; подобнымъ же способомъ взялъ онъ и городъ Кавію, потому что кавіи поступили почти такъ же, какъ и лидяне.

137. Итакъ, нижнюю Азію обезлюдилъ Гарпагъ, а верхнюю самъ Киръ, покорившій тамъ одинъ народъ за другимъ и не пощадившій ни одного изъ нихъ. О большей части ихъ мы говорить не будемъ; упомяну только о тѣхъ городахъ, которые причинили ему наибольшія затрудненія и наиболѣе заслуживаютъ описанія.

138. Покоривши своей власти все народы материка, Киръ началъ наступленіе на ассирійцевъ. Въ Ассиріи есть много большихъ городовъ, но самымъ знаменитымъ и наиболѣе укрѣпленнымъ городомъ, резиденціею цари послѣ разрушенія Нина былъ Вавилонъ. Городъ этотъ таковъ. Лежитъ онъ въ обширной равнинѣ, имѣетъ видъ четырехугольника, каждая сторона котораго содержитъ въ себѣ сто двадцать стадій; число всехъ стадій, составляющихъ объемъ города, четыреста восемьдесятъ. Такова величина города, а устроенъ онъ такъ прекрасно, какъ ни одинъ извѣстный намъ городъ. Вавилонъ прежде всего окруженъ рвомъ, глубокимъ, широкимъ и наполненнымъ водою; за рвомъ слѣдуетъ стѣна шириною въ пятьдесятъ царскихъ локтей, а вышиною въ двѣсти локтей. Царскій локоть больше обыкновеннаго на три палца.

139. При этомъ мнѣ слѣдуетъ сказать еще, на что употреблена была земля, вынутая изъ канавы, и какимъ способомъ сооружена стѣна. Копаютъ ровъ, рабочіе въ то же время выдѣлывали кирпичи изъ вынимаемой земли; приготовивши достаточное количество кирпичей, обжигали ихъ въ печахъ. Цементомъ служилъ имъ горячій

асфальтъ, а черезъ каждыя тридцать рядовъ кирпича, они закладывали въ стѣнѣ рядъ тростниковыхъ плетенокъ; укрѣпили сначала края рва, а потомъ такимъ же способомъ возвели и самую стѣну. На стѣнѣ по обоимъ краямъ ея поставлены были однорусныя башни, одна противъ другой; въ серединѣ между ними оставался провъдъ для четверки лошадей. Стѣна имѣетъ кругомъ сто воротъ, сдѣланныхъ дѣлкомъ изъ мѣди, съ мѣдными косяками и перекладинами. На разстояніи восьми дней пути отъ Вавилона лежатъ другой городъ по имени Исъ. Тамъ протекаетъ небольшая рѣка, имя которой также Исъ, и которая изливается въ рѣку Евфратъ. Рѣка Исъ выбрасываетъ вмѣстѣ съ водою большую массу асфальта, который доставлялся и на стѣны въ Вавилонѣ.

180. Такимъ-то образомъ Вавилонъ былъ окруженъ стѣною. Состоятъ онъ изъ двухъ частей, потому что посерединѣ города протекаетъ Евфратъ, большая глубокая и быстрая рѣка; вытекаетъ она изъ Арменіи и вливается въ Ерзерейское море. Стѣны обѣими своими сторонами доходятъ до рѣки; начиная отъ рѣки стѣны изгибаются и тянутся вдоль обоехъ береговъ въ видѣ плотины изъ обожженного кирпича. Самый городъ полонъ домовъ трехъ-и четырехърусныхъ и пересѣкается прямыми улицами, какъ тѣми, которыя идутъ вдоль рѣки, такъ и поперечными, ведущими къ рѣкѣ. На каждой поперечной улицѣ въ плотинѣ, идущей вдоль рѣки, были ворота, которыхъ было столько же, сколько и улицъ; эти ворота тоже мѣдные и ведутъ къ самой рѣкѣ.

181. Стѣна эта, какъ панцырь, обнимаетъ городъ. Другая стѣна тянется кругомъ внутри первой; она лишь немного слабѣе наружной и уже ея. Въ одной части города за большою крѣпкою стѣною находится царскій дворецъ, въ другой храмъ Зевса Бела съ мѣдными во-

ротами. Это четырехугольникъ, каждая сторона котораго имѣетъ двѣ стадіи; удѣлялъ онъ до моего времени. Посерединѣ храма стоитъ массивная башня, имѣющая по одной стадіи въ длину и ширину; надъ этой башней поставлена другая, надъ второй третья и такъ дальше до восьмой. Подъемъ на нихъ сдѣланъ снаружи; онъ идетъ кольцомъ вокругъ всѣхъ башенъ. Поднявшись до середины подъема, находишь мѣсто для отдыха со скамейками; восходящія на башни садятся здѣсь отдохнуть. На послѣдней башнѣ есть большой храмъ, а въ храмѣ стоитъ большое, прекрасно убранный ложе и передъ нимъ золотой столъ. Никакого кумира въ храмѣ однако нѣтъ. Провести ночь въ храмѣ никому не дозволяется, за исключеніемъ одной только туземки, которую избираетъ себѣ божество изъ числа всѣхъ женщинъ. Такъ рассказываютъ халдеи, жрецы этого божества.

182. Они же говорятъ, чему однако я не вѣрю, будто божество само посѣщаетъ храмъ и почиваетъ на ложѣ; нѣчто подобное точно такимъ же способомъ совершается въ египетскихъ Фивахъ по словамъ египтянъ; и тамъ будто бы ложится спать женщина въ храмѣ Зевса Фивскаго, причеиъ ни вавилонянка, ни египтянка не имѣютъ, говорятъ, вовсе сношеній съ мужчинами. Подобно этому въ Ликии въ Патарахъ прорицательница, — если только она бываеъ, ибо оракулъ тамъ не постоянный, — запрается по ночамъ въ храмѣ.

183. Въ вавилонскомъ святилищѣ есть внизу еще другой храмъ, въ которомъ находится большое золотое изображение сидящаго Зевса; передъ нимъ стоитъ большой золотой столъ, золотая скамеечка и такой же тронъ. Все это сдѣлано, какъ говорятъ халдеи, изъ восьмисотъ талантовъ золота. Подлѣ храма есть золотой жертвенникъ. Есть еще другой жертвенникъ, большой, на которомъ приносится въ жертву пришедшій въ возрастъ мелкій скотъ; на золотомъ жертвенникѣ можно прино-

сить въ жертву только сосущихъ еще животныхъ. Кромѣ того, на большомъ жертвенникѣ возжигается ежегодно халдеями тысяча талантовъ ладана во время праздника этого божества. Въ то время, при Карѣ, въ предѣлахъ святилища былъ еще массивный золотой кумиръ въ двѣнадцать локтей. Я не видѣлъ его и говорю со словъ халдеевъ. Дарій, сынъ Гистаспеса, замыслилъ было завладѣть кумиромъ, но не дерзнулъ взять его; взялъ же его сынъ Дарія Ксерксъ, убившій при этомъ жреца за то, что тотъ не позволялъ касаться кумира. Такъ былъ украшенъ этотъ храмъ. Въ немъ было еще много и частныхъ пожегтований.

184. Въ Вавилонѣ царствовали многіе цари. Въ ассирийской исторіи ¹⁾ я упомяну о тѣхъ изъ нихъ, которые соорудили и украсили стѣны и храмы; въ числѣ ихъ было и двѣ царицы. Одна изъ нихъ, царствовавшая раньше и жившая за пять поколѣній до другой, носившая имя Семирамиды, соорудила на равнинѣ достойнаго вниманія плотины; ранѣе того рѣка заливала обыкновенно всю равнину.

185. Другая, слѣдовавшая за Семирамидой царица по имени Нитокрида, не была такъ несправедлива, какъ первая. Она оставила по себѣ памятники царствованія, которыя я и опишу. Замѣвая обширность и безпкойный характеръ мидійскаго народа, въ числѣ другихъ городовъ завоевавшего и Нинъ, она приняла всевозможныя мѣры предосторожности. Прежде всего теченіе рѣки Евфрата, первоначально прямое, проходившее посерединѣ города, она сдѣлала извилистымъ съ помощью прорытыхъ надъ городомъ каналовъ, такъ что къ одной ассирийской деревнѣ рѣка эта подходитъ теперь три раза; деревни, къ которой подходитъ такъ Евфратъ, называется Ардериккою. Поэтому, если кто отправляется теперь

¹⁾ Осталась не написанной.

отъ нашего моря въ Вавилонъ по рѣкѣ Евфрату, то онъ въ теченіе трехдневнаго плаванія трижды подѣвжаетъ къ одной и той же деревнѣ. Кромѣ того, царица сдѣлала вдоль обоихъ береговъ рѣки набережныя, достойныя вниманія по величинѣ и высотѣ; много выше города она велѣла выкопать бассейнъ для овера, очень близко къ рѣкѣ, углубленный до уровня воды, имѣющій въ объемѣ четыреста двадцать стадій; изъ той земли которую вынимали изъ канала, она велѣла сооруджать набережныя. По вырытіи бассейна доставлены были сюда по ея распоряженію камни, и сдѣлана круглая стѣна по краямъ овера. То и другое сдѣлала царица, — изгибы въ руслѣ рѣки и бассейнъ для овера, — съ тою цѣлью, чтобы рѣка, изламываясь по многочисленнымъ уклонамъ, текла медленнѣе, чтобы путь въ Вавилонъ былъ кривой, и чтобы плывущіе объѣзжали еще большее въ объемѣ озеро. Сооруженія эти царица совершила въ той части своихъ владѣній, гдѣ находятся проходы въ Мидію и кратчайшій путь изъ нея, дабы мидяне не имѣли сношеній съ ея страпою и не вывѣдывали бы дѣлъ ея.

186. Съ помощью такихъ укрѣпленій, вырытыхъ въ глубинѣ земли, царица защитила себя отъ врага; вскорѣ послѣ этого она сдѣлала другія, дополнителныя работы. Такъ какъ городъ состоялъ изъ двухъ частей, и между ниму протекала рѣка, то при прежнихъ царяхъ всякій, желавшій перейти изъ одной части города въ другую, долженъ былъ переѣзжать на суднѣ, а это было, какъ мнѣ кажется, затруднительно. Царица поваяботилась и объ этомъ. Выкопавши бассейнъ для овера, она оставила по себѣ сверхъ этого еще слѣдующій памятникъ: велѣла вытесать большой длины камни; когда камни были готовы и бассейнъ вырытъ, она направила всю воду рѣки въ вырытый бассейнъ. Когда бассейнъ наполнился водою, а прежнее русло

рѣки совершенно высохло, она велѣла прежде всего края рѣчныхъ береговъ въ городѣ и спуски, ведущіе отъ воротъ до рѣки, выложить обожженнымъ кирпичомъ по такому же способу, какъ была сдѣлана стѣна; потомъ велѣла приблизительно посерединѣ города положить мостъ изъ кусковъ свѣщеннаго камня, при чемъ цементомъ служили желѣзо и свинецъ. На этомъ мосту въ началѣ дня, по ея распоряженію, клали четырехугольныя бревна, по которымъ и переходили вавилоняне; на ночь бревна снимались для того, чтобы вавилоняне не переходили черезъ рѣку и не обворовывали другъ друга. Когда вырытый бассейнъ наполнился водою рѣки и образовалъ озеро, и когда постройка моста была кончена, царица снова отвела воду рѣки Евфрата изъ озера въ первоначальное русло; такимъ образомъ оказалось, что бассейнъ, превратившійся теперь въ болото, сдѣланъ на случай опасности извѣдъ, а для жителей города устроены были мосты.

187. Та же царица придумала слѣдующую хитрость: надѣ тѣми изъ городскихъ воротъ, черезъ которыя народъ ходилъ наибаче, она поставила для себя гробницу, выше самыхъ воротъ; на гробницѣ начертала такого рода надпись: „если кто изъ слѣдующихъ за мною царей будетъ нуждаться въ деньгахъ, то пускай откроетъ гробницу и возьметъ оттуда денегъ, сколько захочетъ; если же онъ не будетъ нуждаться, то ни подъ какимъ видомъ не долженъ вскрывать гробницы ибо пользы отъ того ему не будетъ.“ Гробница оставалась нетронутой до времени царствованія Дарія. Дарію кавалось нелѣпнымъ не пользоваться этими воротами и не взять лежащихъ въ гробницѣ денегъ, хотя онъ самъ на то направлялся. Воротами не пользовался онъ вовсе потому, что трупъ во время проѣзда черезъ ворота находился бы надъ его головой. Онъ открылъ гробницу, но денегъ въ ней не нашелъ; нашелъ трупъ и слѣдующую

надпись: „еслибы ты не былъ ненасытенъ къ деньгамъ и не пренеполненъ никакой алчности, то не открывалъ бы гробницъ мертвецовъ.“ Такова по рассказамъ была эта царица.

188. Киръ предпринялъ походъ противъ сына этой женщины; назывался онъ по имени отца своего Лабнетомъ и былъ царемъ ассириянъ. Великій царь во время военнаго похода беретъ съ собою изъ дому большой запасъ пищи и скота; при немъ есть и вода для питья изъ рѣки Хоаспы, что протекаетъ мимо Сусъ; царь пьетъ воду только изъ этой рѣки и ни изъ какой другой; куда бы царь ни ѣхалъ, всегда за нимъ слѣдуютъ въ большомъ числѣ четырехколесныя повозки, запряженныя мулами, съ серебряными боченками, наполненными переваранною водою изъ рѣки Хоаспы.

189. Когда царь въ походѣ на Вавилонъ пришелъ къ рѣкѣ Гиндѣ, источники которой находятся въ Матенскихъ горахъ, которая протекаетъ черезъ область дардаповъ и вливается въ другую рѣку Тигръ, а Тигръ протекаетъ мимо города Опиды и вливается въ Ерирейское море, — когда Киръ подошелъ къ этой судходной рѣкѣ и пытался перейти черезъ нее, одна изъ его священныхъ лошадей отважно бросилась въ рѣку, желая переплыть ее; но вода поглотила и унесла лошадь. Киръ сильно вознегодовалъ на рѣку за такое насилие и погрозилъ сдѣлать ее на столько незначительною, чтобы вредъ могли переходить ее и женщины, не замочивая себѣ колѣнъ. Произнесши угрозу, онъ приостановилъ походъ на Вавилонъ, раздѣлилъ свое войско на двѣ части и расположилъ его длинными рядами по обоимъ берегамъ рѣки, шнуромъ отмѣрилъ въ различныхъ направленіяхъ на обоихъ берегахъ Гинды по сто восемьдесятъ канавъ, отвелъ каждому отряду его мѣсто и приказалъ копать. Хотя работу эту производило большое количество людей, однако на выполненіе ея пошло все дѣло.

190. Когда Кирь навалял рѣку Гинду тѣмъ, что раздѣлилъ ее на триста шестидесять каналовъ, и когда наступила слѣдующая весна, онъ пошелъ на Вавилонъ. Вавилоняне ожидали его съ войскомъ за стѣнами города. Когда онъ подошелъ близко къ городу, вавилоняне сразились съ его войскомъ, но были разбиты и отшеснены въ городъ. Такъ какъ они еще раньше знали Кира за человека безпокойнаго и видѣли, что онъ безразлично нападаетъ на всѣ народы, то запаслись съѣстными припасами на долгіе годы; поэтому на осаду они не обращали никакого вниманія; между тѣмъ Кирь находился въ больномъ затрудненіи: времени уходило много, а дѣло нисколько не двигалось впередъ.

191. Посоветовалъ ли ему кто-нибудь въ его трудномъ положеніи, или онъ самъ понялъ, что ему слѣдуетъ сдѣлать, только Кирь поступилъ слѣдующимъ образомъ: часть войска онъ поставилъ у того мѣста рѣки, гдѣ она входитъ въ городъ, другую часть помѣстивъ позади города, тамъ, гдѣ рѣка изъ города выходитъ, и затѣмъ отдалъ войску приказъ: вступить по руслу рѣки въ городъ, когда найдутъ его удобнымъ къ переходу. Такъ распредѣлилъ свое войско Кирь и сдѣлалъ такое распоряженіе; самъ онъ съ неспособными къ сраженію воинами отступилъ къ озеру и здѣсь съ рѣкою и озеромъ повторилъ то же самое, что раньше его было сдѣлано вавилонской царицей. Съ помощью канада онъ отвелъ воду изъ рѣки въ озеро, которое до того было болотомъ; когда вода въ рѣкѣ убывла, то старое русло ея стало удобопереходимымъ. Тогда, персы, поставленные вдоль рѣки для упомянутой выше цѣли, когда вода въ рѣкѣ убывла настолько, что не доставала человѣку до середины бедра, вступили по руслу въ Вавилонъ. Еслибы вавилоняне раньше узнали или какъ-нибудь замѣтили то, что было устроено Киromъ, они допустили бы персовъ войти въ

городъ и потомъ жестоко истребили бы ихъ; для этого имъ оставалось только запереть всѣ ворота, ведшія къ рѣкѣ, а самими занять набережныя, которыя тянулись вдоль рѣчныхъ береговъ; они захватили бы персовъ, какъ рыбу въ вершѣ. Теперь персы предстали передъ ними неожиданно. По словамъ тамошнихъ жителей, вслѣдствіе обширности города вавилоняне средней части города не знали о томъ, что жители окраинъ уже взяты въ плѣнъ; по случаю праздника, они въ это самое время танцевали, веселились, пока наконецъ съ полною достовѣрностью не узнали о случившемся.

192. Такъ взятъ былъ Вавилонъ въ первый разъ. Скорѣе великія богатства вавилоняне, я могу показать многими примѣрами, въ особенности нижеслѣдующимъ. Вся страна, надъ которой царствуетъ великій царь, раздѣлена въ видахъ содержанія самого царя и его войска, на части; сверхъ этого взимаются и обыкновенная подать; изъ двѣнадцати мѣсяцевъ года четыре мѣсяца содержать его Вавилонія, а восемь мѣсяцевъ остальная Азія. Такимъ образомъ Ассирія по количеству богатствъ составляла третью часть всей Азіи. Управление этою областью, которую персы называютъ сатрапией, доходитъе всѣхъ прочихъ намѣстничествъ; тамъ Трипантаймесу, сыну Артабаза, получившему эту область отъ царя, поступала ежедневно полная артаба серебра. Артаба—персидская мѣра больше аттическаго мединна на три аттическихъ хойника. Что касается лошадей, то кромѣ боевыхъ онъ держалъ для себя восемьсотъ жеребцовъ и шестнадцать тысячъ кобылицъ; каждый жеребецъ имѣлъ случку съ двадцатью кобылицами. Индійскихъ собакъ содержалось у него такое множество, что четыре большихъ деревни равнины, свободныя отъ другихъ податей, обязаны были поставлять провизію для этихъ собакъ. Таковы были доходы правителя Вавилоніи.

193. Земли ассириянъ орошается дождемъ мало; дождевой воды достаточно только для питанія корпей хлебныхъ растений; вырастаетъ же посѣвъ и созрѣваетъ хлѣбъ при помощи орошенія изъ рѣки; рѣка эта не разливается впрочемъ по полямъ, какъ въ Египтѣ; орошаютъ здѣсь руками и съ помощью насосовъ. Вавилонія вся, такъ же какъ и Египетъ, названа каналами; наибольшій изъ нихъ, судоходный, тянется отъ Евфрата на югъ до другой рѣки, Тигра, на которомъ лежитъ городъ Нинъ. Эта страна — плодороднѣйшая изъ всѣхъ намъ извѣстныхъ въ отношеніи хлѣба; во всемъ остальномъ она терпитъ крайній недостатокъ, напримѣръ, въ фруктовыхъ деревьяхъ, каковы: фиго, виноградъ, олива. Напротивъ, плоды Деметры здѣсь такъ обильны, что обыкновенно земля родитъ самъ-дрѣвствъ, а при наибольшемъ урожаѣ самъ-треста. Тамъ же листья шпината и ячмени имѣютъ часто въ ширину четыре пальца; что просо и сесамъ вырастаютъ здѣсь величиною съ дерево, я, хотя и знаю, лучше упомянуть не буду, такъ какъ убѣжденъ, что и сказанное о плодахъ содержитъ въ себѣ много невѣроятнаго для тѣхъ, кто не бывалъ въ Вавилоніи. Оливкового масла они вовсе не употребляютъ, а приготавливаютъ себѣ масло изъ сеама. Пальмы растутъ у нихъ по всей равнинѣ; большинство ихъ приносятъ плоды, изъ которыхъ приготавливаются хлѣбъ, вино и медъ. Пальмы они воспитываютъ тѣмъ же способомъ, что и фиговые деревья, въ томъ отношеніи главнымъ образомъ, что плоды такъ называемыхъ у еллиновъ мужскихъ пальмъ привязываютъ къ пальмамъ, дающимъ плоды; дѣлается это для того, чтобы оса вошла въ плодъ и содѣйствовала бы его созрѣванію, и чтобы плодъ не отпадалъ, ибо въ плодахъ мужскихъ пальмъ живутъ осы, такъ же какъ и въ дикихъ фигахъ.

194. Теперь я приступлю къ тому, что въ этой

странѣ послѣ самого города на мой взглядъ наиболѣе достопримѣчательно. Суда ихъ, плавающія по рѣкѣ въ Вавилонѣ, имѣютъ круглую форму и дѣланы изъ кожи. Въ землѣ арменіевъ, что живутъ выше ассириянъ, они называють ивы и дѣлають изъ нихъ бока судна, потомъ обтасивають ихъ покровомъ изъ кожи и дѣлають подобіе два, не раздвигая стѣнокъ кормы и не суживая носа, но придавая судну круглую форму щита; послѣ этого все судно наполняютъ соломой, нагружаютъ и спускають вдоль по рѣкѣ. Грузъ состоитъ преимущественно изъ пальмовыхъ бочекъ съ виномъ. Судно направляется съ помощью двухъ рулей двумя стоящими людьми; одинъ изъ нихъ тянетъ руль къ себѣ, другой толкаетъ свой руль отъ себя. Суда эти бывають и очень большія, и поменьше; наибольшія изъ нихъ поднимають пять тысячъ талантовъ груза. Въ каждомъ суднѣ помѣщается по одному ослу, а въ судахъ большаго размѣра по нѣсколько. Пришедши на судахъ въ Вавилонъ и распродавши грузъ, они сбываютъ также остовъ судна и всю солому; кожи навьючивають на ословъ и отвозятъ ихъ къ арменіямъ. Вверху по рѣкѣ вслѣдствіе быстроты теченія суда вовсе не могутъ плыть, поэтому-то и дѣлають ихъ не деревянными, а кожаными. По прибытіи съ ослиами обратно къ арменіямъ ассирияне такимъ же способомъ дѣлають себѣ новыя суда. Таковы у нихъ суда.

195. Одежда ассириянъ слѣдующая: спускающаяся до ногъ льняная туника, сверху другая туника шерстяная, и ватѣмъ набрасывается небольшой бѣлый плащъ; употребительная тамъ обувь похожа на беотійскіе башмаки. Волосы на головѣ длинные и укрѣпляются повязкою; все тѣло умащается. Каждый изъ нихъ носитъ перстень съ печатью и хорошо сдѣланную палку; палка сверху украшена искусственнымъ яблокомъ или розой, или лиліей, или орломъ, или какимъ-нибудь другимъ

изображеніемъ; носить палку безъ украшенія у нихъ не въ обычаѣ. Такъ обращаются они съ тѣломъ.
196. Что касается ихъ обычаевъ, то, по моему мнѣнію, мудрѣйшій изъ нихъ, свойственный также, какъ я знаю, илирійскимъ снетамъ, состоялъ въ слѣдующемъ: въ каждой деревнѣ однажды въ годъ созывали всѣхъ дѣвушекъ, достигшихъ половой зрѣлости, и выводили всѣхъ ихъ толпою въ одно мѣсто; кругомъ ихъ располагалась толпа мужчинъ; глашатай вызывалъ каждую поодиночкѣ и продавалъ одну за другой, прежде всѣхъ самую красивую; когда первая бывала продана за большія деньги, глашатай вызывалъ другую, слѣдующую по красотѣ за первой; дѣвушки продавались подъ условіемъ супружеской жизни съ ними. Всѣ богатые вавилоняне, достигшіе половой зрѣлости, одни передъ другими покупали себѣ красивѣйшихъ дѣвушекъ, а такого же возраста люди простые вовсе не искали красивой наружности и съ деньгами готовы были брать и очень некрасивыхъ. Покончивши съ продажей красивѣйшихъ дѣвушекъ, глашатай вызывалъ потомъ самую безобразную или калѣку и спрашивалъ, кто желаетъ жениться на ней съ наименьшимъ вознагражденіемъ; дѣвушка вручалась тому, кто соглашался на ней жениться съ наименьшей додачей денегъ; употребившіяся на это деньги собирались за красивыхъ дѣвушекъ, такъ что красивыя выдавали замужь безобразныхъ и калѣкъ. Выдавать свою дочь самому, за кого было бы желательно, у нихъ не дозволялось, равно какъ уводить къ себѣ домой купленную дѣвушку безъ поручителя: поручители должны были засвидѣтельствовать, что купившій женится на дѣвушкѣ, и только тогда онъ уводилъ ее съ собою. Если же поженившіеся не сходились другъ съ другомъ, то законъ требовалъ возвратить деньги. Желавшій купить себѣ дѣвушку могъ прійти и изъ другой деревни. Это былъ у нихъ прекраснѣйшій обы-

чай; въ настоящее время его имѣтъ; но недавно они придумали другую мѣру, чтобы не обижать дѣвушекъ и не заставлять ихъ уходить въ чужой городъ; именно: когда вслѣдствіе завоеванія они впали въ нужду и несчастія, то простой народъ изъ крайности сталъ торговать тѣломъ дочерей.

197. Слѣдующій по степени мудрости обычай у нихъ таковъ: больныхъ выносятъ они на площадь, потому что врачей не имѣютъ. Къ больному подходятъ и говорятъ съ нимъ о болѣзни; подошедшій самъ быть можетъ страдалъ когда-либо такою же болѣзнию, какъ больной, или въ такой болѣзни видѣлъ другаго. Люди эти, подошедши, бесѣдуютъ съ больнымъ и совѣтуютъ ему тѣ самыя средства, которыми они излѣчились сами отъ подобной болѣзни или видѣли, что излѣчились этими средствами другіе больные. У нихъ не дозволяется пройти мимо больного молча, не спросивши о болѣзни.

198. Трупы хоронятъ они въ меду, а погребальныя пѣсни ихъ похожи на египетскія. Всякій разъ послѣ сообщенія съ женщиною вавилонянинъ воскуряетъ еиміамъ; въ другомъ мѣстѣ то же самое дѣлаетъ женщина; потомъ при наступленіи утра оба они обмываются; прежде чѣмъ обмываться, они не прикасаются ни къ какому сосуду. То же самое дѣлаютъ арабы.

199. У вавилонянъ есть однако слѣдующій отвратительный обычай: каждая туземная женщина обязана разъ въ жизни имѣть сообщеніе съ пноземцемъ въ храмѣ Афродиты. Многія женщины, гордя своимъ богатствомъ, не желая смѣшиваться съ другими, отправляются въ храмъ и тамъ останавливаются въ закрытыхъ колесницахъ; за ними слѣдуетъ многолюдная свита. Большинство женщинъ поступаетъ слѣдующимъ образомъ: въ святилищѣ Афродиты садятся въ большомъ числѣ женщины съ версочными вѣнками на головахъ;

однѣ изъ нихъ приходятъ, другія уходятъ. Между женщинами во всевозможныхъ направленіяхъ сдѣланы совершенно прямыя проходы, по нимъ ходятъ иноземцы и выбираютъ себѣ женщинъ. Обычая здѣсь женщина возвращается домой не раньше, какъ иноземецъ броситъ ей монету на колѣни и сообщится съ нею за предѣлами святилища. Бросивши женщинѣ монету, слѣдуетъ сказать: „приглашаю тебя во имя богини Милитты.“ Милиттою называютъ ассиріане Афродиту. Какъ бы мала ни была монета, женщина не въ правѣ отвергнуть ее, потому что деньги принадлежатъ божеству. Она слѣдуетъ за первымъ, бросившимъ ей деньги, и не пренебрегаетъ нимѣмъ. Послѣ сообщенія и слѣдовательно выполненія священнаго долга относительно богини женщина возвращается домой, и съ этого времени нельзя имѣть ее ни за какія деньги. Женщины, выдающіяся красотой и сложеніемъ, уходятъ изъ храма скоро; всѣ некрасивыя остаются тамъ долго, потому что долго не удается имъ исполнить свою обязанность по отношенію къ богинѣ; иныя должны ждать по три и по четыре года. Подобный обычай существуетъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на Кипрѣ.

200. Таковы нравы и обычаи вавилонянъ. Кромѣ того три колѣна ихъ питаются только рыбой и ничѣмъ другимъ. Пойманную рыбу они вялятъ на солнцѣ, а далѣе поступаютъ такъ: бросаютъ высушенную рыбу въ ступку, разбиваютъ ее пестами и просѣиваютъ черезъ холстъ; изъ этого каждый по своему вкусу или приготовляетъ сырое тѣсто, или печетъ хлѣбъ.

201. Когда и этотъ народъ подпалъ подъ власть Кира, царь возымѣлъ сильное желаніе покорить массагетовъ. Народъ этотъ считается многочисленнымъ и воинственнымъ, живетъ на востокѣ по ту сторону рѣки Аракса противъ исседоновъ. По мнѣнію нѣкоторыхъ, это—кипскій народъ.

202. Одни говорятъ, что Араксъ больше Истра, другіе, что меньше. На Араксѣ лежитъ, какъ рассказываютъ, много острововъ, по величинѣ подходящихъ къ Лесбу; населеніе острововъ питается всевозможными кореньями, которыми оно лѣтомъ выкапываетъ; зимою оно употребляетъ въ пищу плоды нѣкоторыхъ деревьевъ; ихъ отскиваютъ и въ зрѣломъ состояніи собираютъ про запасъ. Говорятъ, что они нашла еще другія деревья, плоды которыхъ собираютъ кучами въ одномъ мѣстѣ, потомъ зажигаютъ костеръ, садятся кругомъ его и бросаютъ плоды въ огонь; нюхая брошенные въ огонь и горячіе плоды, они пьютъ отъ ихъ запаха такъ же, какъ еллены отъ вина, пьютъ все сильнѣе по мѣрѣ того, какъ бросаютъ больше и больше плодовъ, наконецъ пускаются въ пляску и начинаютъ пѣть. Вотъ что рассказываютъ объ ихъ образѣ жизни. Рѣка Араксъ вытекаетъ изъ земли матіоновъ, откуда беретъ свое начало и рѣка Гинда, которую Киръ раздѣлилъ на триста шестьдесятъ каналовъ, и которая изливается сорока устьями; всѣ устья за исключеніемъ одного теряются въ болотахъ и топяхъ; здѣсь живутъ, говорятъ, люди, питающіеся сырой рыбой и одѣвающіеся въ туленья шкуры. Единственный изъ рукавовъ Аракса протекаетъ по открытой мѣстности и впадаетъ въ Каспійское море. Это—отдѣльное море, не сливающимся ни съ какимъ другимъ. То море, по которому во всѣхъ направленіяхъ плаваютъ еллены, и море по ту сторону Геракловыхъ Столбовъ, а также Ерирейское составляютъ собственно одно море.

203. Море Каспійское—другое, особое, имѣющее въ длину пятнадцать дней плаванія для весельяго судна, а въ ширину въ томъ мѣстѣ, гдѣ оно нашироко, восемь дней. Вдоль западнаго берега этого моря тянется Кавказъ, обширнѣйшая изъ горъ по объему и самая высокая. Въ кавказскихъ горахъ живетъ множес-

ство различныхъ народовъ, которые всё почти питаются дикими лѣсными деревьями. Говорятъ, изъ числа тамошнихъ деревьевъ нѣкоторыя имѣютъ странныя листья; ихъ растираютъ, мѣшаютъ съ водой и этою смѣсью дѣлаютъ узоры на одеждахъ. Изображенія эти не смываются и изнашиваются вмѣстѣ съ шерстью самой одежды, какъ будто съ самаго начала они вотканы въ матерію. Половые сношенія у этихъ народовъ совершаются открыто, какъ въ стадахъ животныхъ.

204. Итакъ, съ запада Каспійское море ограничено Кавказомъ, съ востока къ нему примыкаетъ равнина на необозримомъ пространствѣ. Значительную часть этой обширной равнины занимаютъ массагеты, противъ которыхъ и задумалъ идти войною Киръ. Къ этому походу у него были многія важныя побужденія и поводы, прежде всего его рожденіе, въ силу котораго онъ мнилъ себя чѣмъ-то выше человѣка, потому то счастье, съ какимъ онъ велъ войны: куда бы онъ ни пошелъ съ своимъ войскомъ, ни одинъ народъ не могъ устоять противъ него.

205. Царицею массагетовъ въ это время была вдова умершаго царя; называлась она Томирисъ. Киръ черезъ пословъ пытался было свататься для виду, какъ бы желая имѣть ее своей женой. Но Томирисъ поняла, что Киръ сватается не къ ней, а къ царству массагетовъ, и отвергла предложеніе. Когда хитрость не удалась, Киръ двинулся съ войскомъ къ рѣкѣ Араксу и открыто началъ войну противъ массагетовъ; для переправы войска онъ положилъ черезъ рѣку мосты, а на судахъ поставилъ башни съ переправляющимися воинами.

206. Когда Киръ занятъ былъ этой работой, Томирисъ послала къ нему вѣстника съ слѣдующими словами: „перестань, царь мидианъ, хлопотать надъ тѣмъ, чѣмъ ты занятъ теперь; вѣдь ты не можешь знать, благополучно-ли кончатся твои начинанія. Остановись, цар-

ствуй надъ своимъ и не мѣшай намъ царствовать надъ тѣмъ, надъ чѣмъ мы царствуемъ. Но если не желаешь послѣдовать этимъ совѣтамъ и ни за что не хочешь оставаться въ покоѣ; если напротивъ у тебя есть сильная охота помѣриться съ массагетами, изволь, но не трудись надъ соединеніемъ рѣчныхъ береговъ; на три дня пути мы отойдемъ отъ рѣки, тогда переходи въ нашу землю. Если же предпочитаешь допустить насъ въ твою землю, то сдѣлай то же самое.“ Выслушавши это, Киръ соввалъ персидскихъ вельможъ, собралъ ихъ вмѣстѣ и изложилъ передъ ними дѣло, спрашивая, какъ поступить ему. Мнѣнія всѣхъ ихъ сошлись на томъ, чтобы Томирисъ и войско ея пропустить въ ихъ землю.

207. Однако присутствовавшій здѣсь лидійскій царь Крезъ осуждалъ это мнѣніе и въ слѣдующихъ выраженіяхъ предложилъ планъ противоположный: „такъ какъ Зевсъ отдалъ меня во власть тебѣ, царь, то съ самаго начала я обѣщаль отвращать по возможности всякую бѣду отъ твоего дома; испытанныя мною несчастія стали для меня печальнымъ урокомъ. Если ты мнишь себя бессмертнымъ и воображаешь, что таково же и войско твое, въ такомъ случаѣ мнѣ вовсе нѣтъ нужды высказывать свое мнѣніе; но если сознаешь, что ты человѣкъ, и что твои подданные также люди, то прежде всего знай, что человѣческія дѣла представляютъ круговоротъ, и что круговращеніе не допускаетъ того, чтобы одни и тѣ же люди были счастливы постоянно. Итакъ, о настоящемъ дѣлѣ я имѣю мнѣніе, противоположное совѣту этихъ лицъ. Если мы рѣшимъ допустить непріятели въ нашу землю, то отъ этого проивойдетъ для тебя слѣдующая опасность: въ случаѣ пораженія ты погубишь все твое царство, ибо ясно, что развъ массагеты побѣдятъ, они не уйдутъ назадъ; по устремятся въ твои владѣнія. Въ случаѣ побѣды, ты не одолѣешь ихъ настолько, чтобы, перешедши въ землю

массагетовъ, побѣдоносно слѣдовать всюду за обращенными въ бѣгство врагами, — въ этомъ случаѣ я полагаю то же, что и въ первомъ, именно: если ты одержишь побѣду надъ врагомъ, то двинься впередъ во владѣнія Томирисъ. Но и помимо сказаннаго, будь нестерпимымъ поворомъ, если Киръ, сынъ Камбисы, побѣжденный женщиной, уступить ей страну. Поэтому я полагаю, что намъ слѣдуетъ перейти рѣку и подвинуться впередъ настолько, насколько отступить врагъ, и только послѣ того попытаться одолѣть его. Насколько я знаю, массагеты не вкусили благъ персидской жизни, и имъ не знакомы большія удовольствія. Поэтому совѣтую зарѣзать для этого народа множество скота и приготовить угощеніе въ нашемъ лагерѣ, поставивши тамъ кромѣ того въ изобиліи чаши чистаго вина и всякаго рода яства; все это сдѣлавши, совѣтую оставить въ лагерѣ неподвижную часть войска, а съ остальнымъ возвратиться къ рѣкѣ. Если только въ своемъ предположеніи я не ошибаюсь, неприятель при видѣ столькихъ благъ кинется на нихъ, а намъ останется прославить себя громкими подвигами.“

208. Совѣты были противоположны. Киръ отвергъ прежній совѣтъ и предпочелъ мнѣніе Креза; затѣмъ предложилъ Томирисъ отступить, такъ какъ онъ самъ вступаетъ въ ея владѣнія. Царца отступила согласно первоначальному обѣщанію. Креза Киръ передалъ на руки сыну своему Камбисѣ, къ которому переходила и царская власть, причемъ настойчиво наказывалъ ему чтить Креза, дѣлать все въ угоду ему, еслибы походъ на массагетовъ кончился несчастливо. Сдѣлавши такое распоряженіе и отославши ихъ обоихъ къ персамъ, Киръ вмѣстѣ съ войскомъ сталъ переправляться черезъ рѣку.

209. Когда войско перешло Араксъ, Киръ ночью въ землѣ массагетовъ видѣлъ такой сонъ: снилось, что

онъ видитъ старшаго изъ сыновей Гистаспеса съ крыльями на плечахъ; однимъ крыломъ онъ осѣняетъ Азію, другимъ Европу. У Гистаспеса, сына Арсамеса, изъ дома Ахеменидовъ, старшимъ сыномъ былъ Дарій; въ то время ему было около двадцати лѣтъ, и онъ оставленъ былъ въ Персіи, потому что по возрасту былъ еще не годенъ къ войнѣ. Проснувшись, Киръ сталъ размышлять о сновидѣніи; когда оно показалось ему многозначительнымъ, царь повзвалъ Гистаспеса и наединѣ сказалъ ему: „сынъ твой, Гистаспесъ, виновенъ въ разговорѣ противъ меня и моей власти. Я докажу, что знаю это достоверно. Боги заботятся обо мнѣ и предупредомляютъ меня обо всемъ предстоящемъ. Сегодня ночью во снѣ я видѣлъ твоего старшаго сына съ крыльями на плечахъ; однимъ крыломъ онъ осѣняетъ Азію, другимъ Европу. Это сновидѣніе не можетъ не свидѣтельствовать, что онъ злоумышляетъ противъ меня. Поэтому возможно скорѣе возвращайся въ Персію и постарайся представить сына твоего на судъ къ тому времени, когда я покорю эту страну и возвращусь домой“.

210. Киръ говорилъ такъ въ томъ предложеніи, что Дарій злоумышляетъ на него; между тѣмъ божество давало ему заранѣе знать, что онъ самъ умретъ здѣсь, въ землѣ массагетовъ, и что царство его перейдетъ къ Дарію. Гистаспесъ отвѣчалъ царю такъ: „не родитесь бы лучше, царь, тому персу, который злоумышляетъ на тебя, а если такой есть, то пускай онъ погибнетъ тотчасъ! Злоумышлять на того, кто изъ рабовъ сдѣлалъ персовъ свободными и вмѣсто подчиненія далъ имъ владѣчество надъ всѣми народами! Если сновидѣніе знаменуетъ, что юный сынъ мой замышлетъ противъ тебя восстаніе, я отдамъ его тебѣ: дѣлай съ нимъ, что хочешь“.

211. Такъ отвѣчалъ Гистаспесъ и, перешедши Араксъ,

направился въ Персію, дабы въ угоду Киру заключить сына своего Дарія подъ стражу. Тѣмъ временемъ Киръ отошелъ отъ рѣки Аракса впередъ на восемь дней пути и привелъ въ исполненіе совѣтъ Крева. Послѣ этого Киръ вмѣстѣ съ боевою частью войска отступилъ назадъ къ Араксу, тогда какъ на мѣстѣ остались негодные къ битвѣ персы. Засимъ третья часть войска массагетовъ начала на покинутыхъ воиновъ Кира, перебила ихъ не безъ сопротивленія и, замѣтивши приготовленное угощеніе, расположилась пировать, какъ бы послѣ побѣды надъ врагомъ; наѣлись до сыта, напились и легли спать. Въ это время персы напали на нихъ, многихъ умертвили, но гораздо больше взяли въ плѣнъ, между прочимъ и сына царицы, предводителя массагетовъ; назывался онъ Спарганисесъ.

212. Узнавши объ участи своего войска и сына, царица послала къ Киру вѣстника съ слѣдующими словами: „ненасытно жадный до крови, Киръ, не гордись случившимся, тѣмъ, что съ помощью винограднаго плода, которымъ вы напиваетесь сами, и отъ котораго неистовствуете такъ, что по мѣрѣ наполненія вину все больше свирнословите, — не гордись, что столь коварно, такими средствами овладѣлъ ты моимъ сыномъ, а не въ сраженіи и не военною доблестью. Теперь послушай меня, потому что совѣтую тебѣ благое: возврати мнѣ моего сына и удаляйся изъ нашей страны, свободный отъ наказанія за то, что такъ нагло ты поступилъ съ третьей частью моего войска. Если же не сдѣлаешь этого, клянусь солнцемъ, владыкою массагетовъ, я утоплю твою жажду крови, хоть ты и не насытись.“

213. На рѣчь посла Киръ не обратилъ однако никакого вниманія. Сынъ царицы Томирисъ Спарганисесъ, протрѣзвившись и постигнувъ всю мѣру своего несчастья, просилъ Кира освободить его отъ оковъ, и, по-

лучивши свободу и возможность располагать руками, тотчасъ умертвилъ себя. Такъ умеръ Спарганисесъ.

214. Когда Киръ не послушалъ Томирисъ, она собрала всѣ военныя силы и напала на него. Мнѣ кажется, сраженіе это было наиболѣе жестокимъ изъ всѣхъ, въ какихъ когда-либо участвовали варвары. Происходило оно, какъ я слышалъ, такъ: вначалѣ оба войска обстрѣливали другъ друга изъ луковъ на значительномъ разстояніи, потомъ, когда стрѣлы были истощены, перешли въ рукопашную и бились копьями и мечами. Войска долго стояли другъ противъ друга, и ни одна сторона не обращалась въ бѣгство; наконецъ массагеты побѣдили. Большая часть персидскаго войска пала на мѣстѣ сраженія, самъ Киръ былъ убитъ. Продарствовалъ онъ двадцать восемь лѣтъ. Томирисъ наполнила мѣшокъ человѣческой кровью и велѣла разсыпать среди павшихъ трупъ Кира. Нашедши, она погрузила голову его въ мѣшокъ и, надвѣваясь надъ нею, сказала: „хоть я вижу и побѣдила тебя въ сраженіи, но ты причинилъ мнѣ тяжкое горе, коварствомъ отнявши у меня сына, и я насыщу тебя кровью, какъ угрожала.“ Относительно смерти Кира существуетъ много разсказовъ, я привелъ наиболѣе правдоподобный.

215. По одеждѣ и образу жизни массагеты похожи на скивовъ. Сражаются они верхомъ на лошадахъ и плѣши: знаютъ оба способа войны; сражаются луками и копьями; вооружены обыкновенно и сѣкирами. Всѣ предметы у нихъ изъ золота и мѣди: все, что требуется для копій, стрѣлъ и сѣкиръ, готовится изъ мѣди; головныя уборы, пояса и перевязи украшаются золотомъ. Также изъ мѣди дѣлаютъ они грудныя панцири для лошадей; напротивъ уздечки, удила и фалеры приготавливаютъ изъ золота. Желѣза и серебра они вовсе не употребляютъ, потому что этихъ металловъ нѣтъ въ ихъ странѣ, тогда какъ золото и мѣдь въ изобиліи.

216. Обычаи ихъ таковы: хотя каждый изъ нихъ женится на одной женщинѣ, но женами они пользуются сообща. По словамъ еллиновъ, таковъ обычай у скиновъ; на самомъ дѣлѣ такъ поступаютъ не скины, а массагеты. Если какой-нибудь массагетъ пожелаетъ имѣть сообщеніе съ женщиной, онъ вѣшаетъ колчанъ свой передъ ея повозкой и сообщается спокойно. Предѣла жизни у нихъ не полагается вовсе, но кто очень состарится, къ тому сходятся всѣ родственники, убиваютъ его, а вмѣстѣ съ нимъ и разный скотъ, варятъ это вмѣстѣ и поѣдаютъ. Такой конецъ жизни считаютъ они счастливѣйшимъ. Умершаго отъ болѣзни они не съѣдаютъ, но хоронятъ, горюя о томъ, что ему не пришлось быть убитымъ. Они ничего не съѣютъ, питаются домашними животными и рыбой, которую въ изобиліи доставляетъ имъ рѣка Араксъ. Они пьютъ молоко. Изъ боговъ чтутъ только солнце, которому приносятъ въ жертву лошадей. Смыслъ жертвы этой тотъ, что быстрѣйшему изъ всѣхъ боговъ подобаетъ быстрѣйшее животное.

КНИГА ВТОРАЯ.

ЕВТЕРГА

Походъ Камбиса въ Эфиопію (1). Опытъ Псамметиха надъ дѣтьми; естественныя свойства Эгипта (2—18). Свойства рѣки Нила (19—34). Характеръ и нравы эгиптянъ; религіозныя вѣрованія ихъ и кульги; зависимость еллиновъ отъ эгиптянъ (35—65). Священныя животныя, другія нравы эгиптянъ (66—85). Вальзампровадіе (86—90). Еще бытовья черты эгиптянъ (91—98). Исторія эгипетскихъ царей до Амасида; сооруженія ихъ; раздѣленіе эгиптянъ на классы (99—182).

1. По смерти Кира царство наследовалъ Камбиса, сынъ Кира и Кассанданы, дочери Фарнаспы; когда она умерла, Киръ сильно горевалъ самъ и всѣмъ подданнымъ велѣлъ по ней печаловаться. Сынъ этой именно женщины и Кира, Камбиса, смотрѣлъ на іонянъ и эолянъ, какъ на рабовъ, полученныхъ по наследству; онъ предпринялъ походъ на Эфиопію, и въ его войскахъ вмѣстѣ съ другими подданными находились и подвластные ему еллины.

2. Ранѣе царствованія Псамметиха эгиптяне считали себя первымъ по происхожденію народомъ. Когда царемъ сдѣлался Псамметихъ, онъ пожелалъ узнать, какой народъ древнѣе всѣхъ прочихъ, и съ того времени эгиптяне считаютъ фригіянъ древнѣе себя, а себя древнѣе всѣхъ остальныхъ. Такъ какъ Псамметихъ въ своихъ разысканіяхъ о томъ, кто были первые люди, рѣшительно не могъ напасть на вѣрную дорогу, то придумалъ наконецъ слѣдующее: двухъ поворожденныхъ

мальчиковъ простаго званія передалъ онъ пастуху на воспитаніе при стадахъ, причѣмъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы никто въ присутствіи дѣтей не говорилъ ни одного слова, дабы они были предоставлены самимъ себѣ въ уединенной хижинѣ, и чтобы только пастухъ въ опредѣленные часы пригонялъ къ младенцамъ козъ, кормилъ бы ихъ козьимъ молокомъ и дѣлалъ все прочее, что понадобится. Все это было сдѣлано и приказано Псамметихомъ изъ желанія услышать, какое первое слово прорвется у дѣтей послѣ безсвязнаго младенческаго лепета. Такъ и было сдѣлано. Когда послѣ двухъ лѣтъ такого воспитанія, пастухъ открылъ дверь и вошелъ въ хижину, оба младенца припали къ нему и, протягивая ручки, говорили *бекосъ*. Первое время пастухъ слушалъ эти звуки равнодушно; но такъ какъ ему часто приходилось слышать ихъ, всякій разъ, когда онъ приходилъ къ дѣтямъ и ухаживалъ за ними, то наконецъ сообщилъ объ этомъ своему господину и по его приказанію привелъ къ нему дѣтей. Услышалъ то же слово и самъ Псамметихъ; тогда онъ сталъ разыскивать, какой народъ и что называется словомъ „бекосъ“, и узналъ, что такъ фригіяне навываютъ хлѣбъ. Только тогда, на основаніи такого свидѣтельства египтяне допустили, чтобы фригіяне считались древнѣе ихъ. Такой рассказъ и слышалъ отъ жрецовъ Гефеста, что въ Мемфисѣ. Еллины въ числѣ другихъ нелѣпостей рассказываютъ, будто Псамметихъ велѣлъ вырѣзывать языки нѣсколькимъ женщинамъ и имъ-то передалъ дѣтей на воспитаніе.

3. Такъ рассказывали мнѣ о воспитаніи дѣтей. Много другаго узналъ я въ Мемфисѣ изъ бесѣдъ съ жрецами Гефеста; потомъ побывалъ въ Фивахъ и Гелиополѣ съ цѣлью убѣдиться, согласуются-ли тамошніе рассказы съ мемфисескими, такъ какъ гелиополине слыть наиболѣе свѣдущими изъ египтянъ. Сообщать о

томъ, что я слышалъ о предметахъ божескихъ, я не имѣю охоты, за исключеніемъ лишь именъ божествъ, полагая, что всѣ люди знаютъ объ этихъ предметахъ одинаково недостаточно; если же и буду упоминать что-либо о божескихъ предметахъ, то лишь настолько, насколько вынудитъ къ тому ходъ повѣствованія.

4. Что касается предметовъ человѣческихъ, то названные жрецы рассказывали о нихъ согласно другъ съ другомъ такъ: египтяне первые установили годъ, раздѣливши времена его на двѣнадцать частей; руководились они при этомъ наблюденіемъ небесныхъ свѣтилъ. Египетское лѣтосчисленіе потому, мнѣ кажется, правильнѣе еллинскаго, что еллины для согласованія лѣтосчисленія съ перемѣнами года должны черезъ два года на третій прибавлять вставочный мѣсяць; между тѣмъ египтяне, считая двѣнадцать мѣсяцевъ по тридцати дней каждый, ежегодно прибавляютъ только къ этому числу по пяти дней, и круговоротъ годичныхъ перемѣнъ всегда совершается у нихъ въ одно и то же время. Жрецы говорили также, что египтяне первые ввели въ употребленіе наименованія двѣнадцати боговъ, заимствованныя отъ нихъ еллинами; они же первые поставили богамъ алтари, кумиры и храмы и высѣкали изображения на камняхъ. Увѣренія свои они подтверждали болѣею частью фактами. По словамъ ихъ, первымъ египетскимъ царемъ изъ людей былъ Минъ¹⁾. Въ его время весь Египетъ за исключеніемъ евскаго округа представлялъ болото, и на всемъ пространствѣ ниже Миридскаго озера не было свободнаго отъ воды пункта; до Миридскаго озера отъ моря семь дней плавали вверхъ по рѣкѣ.

5. Мнѣ кажется, о странѣ своей они говорили вѣрно. Для каждаго здравомыслящаго чловѣка, — если онъ

¹⁾ Хронологія египетскихъ царей по Денсіусу.

только вглядеть, хотя бы раньше и не слышал, — ясно, что та часть Эгипта, которую посещают еллыны, есть для эгиптян страна добавочная и дарь рѣки; такова же и другая часть страны, простирающаяся на три дня плавания выше Миридского озера, хотя жрецы и не говорили о ней чего-либо подобного. Природныя свойства Эгипта таковы: когда ты только еще подъѣзжаешь къ Эгипту, находясь на разстояніи одного дня пути отъ суши, и бросишь лотъ, то вытащишь илъ, причемъ глубина моря всего одиннадцать сажень; а это показывается, какъ велики тамъ рѣчные наносы земли.

6. Далѣе, Эгипетъ вдоль моря имѣетъ шестьдесятъ сценъ длины, согласно тому, какъ мы опредѣляемъ Эгипетъ отъ Плинеинетскаго залива до Сербонидскаго озера, подлѣ котораго тянется хребетъ Касій; шестьдесятъ сценъ именно отъ этого озера. Всѣ малоземельные народы измѣряютъ свои страны на сажени, мѣтѣ малоземельными на стадіи, имѣющіе много земли измѣряютъ на парасагги, а очень богатые землею на сценны. Въ парасаггѣ содержится тридцать стадій, а въ каждомъ сценѣ, составляющемъ эгипетскую мѣру, шестьдесятъ стадій. Такимъ образомъ прибрежная полоса Эгипта тянется на три тысячи шестьсотъ стадій.

7. Отсюда по сушѣ до Гелиополя Эгипетъ широкъ, на всемъ пространствѣ ровенъ, обилень водою и тише. Путь отъ моря вверхъ до Гелиополя по длинѣ такой же, какъ тотъ, что идетъ изъ Аѳинъ отъ жертвенника двѣнадцати боговъ до Писы къ храму Зевса Олимпійскаго. Еслибы кто сравнилъ эти двѣ дороги, то нашелъ бы между ними лишь ничтожную равнину по длинѣ, не болѣе какъ на пятнадцать стадій, именно: дорогѣ изъ Аѳинъ въ Пису не достаетъ только пятнадцати стадій до тысячи пятисотъ, а дорога отъ моря до Гелиополя содержитъ въ себѣ это послѣднее число стадій полностью.

8. Отъ Гелиополя далѣе вверхъ Эгипетъ узокъ. По одной сторонѣ его тянется хребетъ Аравии съ стѣра на югъ, направляясь непрерывно вверхъ къ такъ называемому Ериерейскому морю. Въ этомъ хребтѣ есть каменоломни, изъ которыхъ добывали камень для пирамидъ въ Мемфисѣ. Здѣсь хребетъ не тянется далѣе, но поворачиваетъ къ упомянутой выше границѣ. Какъ я узналъ, въ самой широкой части хребетъ имѣетъ два мѣсяца пути въ направленіи съ востока на западъ. На восточныхъ окраинахъ его растутъ ладанъ. Таковъ одинъ изъ хребтовъ. Со стороны Ливіи тянется другой хребетъ Эгипта, также скалистый, въ которомъ сооружены пирамиды; онъ покрытъ пескомъ, тянется въ томъ самомъ направленіи, что и часть Аравійскаго хребта, идущая на югъ. Отъ Гелиополя вверхъ Эгипетъ занимаетъ уже немного земли, такъ какъ на разстояніи четырнадцати дней плавания по рѣкѣ онъ узокъ. Пространство, лежащее между упомянутыми хребтами, представляетъ гладкую равнину; однако, какъ мнѣ кажется, Эгипетъ имѣетъ здѣсь въ наиболѣе узкомъ мѣстѣ, между Аравійскимъ хребтомъ и такъ называемымъ Ливійскимъ, не болѣе двухсотъ стадій. Далѣе Эгипетъ широкъ. Таковы свойства этой страны.

9. Отъ Гелиополя вверхъ до Фивъ девять дней плавания, а по сушѣ четыре тысячи восемьсотъ шестьдесятъ стадій, или восемьдесятъ одинъ сценъ. Если всѣ стадіи сложить, то получится длина Эгипта вдоль моря, отиѣченная уже раньше¹⁾, въ три тысячи шестьсотъ стадій; каково разстояніе отъ моря вглубь страны до Фивъ, я скажу, именно, шесть тысячъ сто двадцать стадій. Отъ Фивъ до города, называемаго Елефантино, тысяча восемьсотъ стадій.

10. Большая часть названной страны казалась мнѣ,

такъ говорили и жрецы, добавленной египтянамъ. Для меня было очевидно, что промежуточное пространство между названными выше хребтами надъ городомъ Мемфисомъ составляло нѣкогда морской заливъ подобно тому, какъ окрестности Трои, Теворанія, Ефесъ и равнина Меандра, насколько позволительно малое сопоставлять съ большими. Дѣйствительно, ни одна изъ рѣкъ, образовавшихъ своими наносами эти мѣстности, не можетъ быть по величинѣ сближаема даже съ однимъ какии-либо изъ устьевъ Нила, а устье въ имѣетъ пять. Есть однако другія рѣки, не равняющіяся по величинѣ Нилу, и все-таки сдѣлавшія много. Именно я назову изъ числа этихъ рѣкъ прежде всего Ахелой, который протекаетъ черезъ Агарпанію и изливается въ море; онъ превратилъ въ часть материка уже половину Ехнадскихъ острововъ.

11. Въ Аравіи не далеко отъ Египта есть морской заливъ, отъ Ериерейскаго моря углублющійся въ материкъ, очень длинный и узкій, какъ я покажу. Длина залива отъ самаго углубленнаго пункта до открытаго моря сорокъ дней плаванія для весельнаго судна; ширина залива въ самомъ широкомъ мѣстѣ полдня плаванія. Приливъ и отливъ бывають тамъ ежедневно. Мнѣ кажется, и Египетъ былъ нѣкогда такимъ же заливомъ; тянулся онъ отъ сѣвернаго моря къ Эоіопіи, тогда какъ другой, Аравійскій, отъ южнаго моря къ Сиріи такъ, что бухтами своими они почти входили одинъ въ другой, раздѣляясь только узкой полосой земли. Если предположить, что Нилъ направилъ бы свои воды въ Аравійскій заливъ, то нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что этотъ заливъ черезъ двадцать тысячъ лѣтъ наполнился бы иломъ этой рѣки; впрочемъ я полагаю, онъ наполнился бы иломъ и въ десять тысячъ лѣтъ. Почему же за время, протекшее до моего рожденія, заливъ, правда, гораздо болѣе Аравійскаго, не могъ

бы наполниться иломъ столь большой и дѣятельной рѣки?

12. Этими разсказами объ Египтѣ я вѣрю и самъ думаю о немъ совершенно то же, и вотъ почему: я видѣлъ, что Египетъ выступаетъ въ море дальше смежной страны, что на горахъ лежатъ раковины, а почва покрывается солью, выходящею изъ земли, развѣдуящею даже пирамиды, что изъ всѣхъ египетскихъ горъ одна только, проходящая выше Мемфиса, покрыта пескомъ, что кромѣ того Египетъ не похожъ на пограничныя страны, Аравію и Ливію, ни на Сирію, — прибрежную полосу Аравіи занимають сиріане, — почва въ Египтѣ червоземная, рыхлая, такъ какъ она состоитъ изъ ила и наносовъ, отбрасываемыхъ рѣкою изъ Эоіопіи. Ливія напротивъ, какъ намъ извѣстно, имѣетъ почву красноватую и песчаную, а Аравія и Сирія глинистую и каменистую.

13. Касательно такого происхожденія страны жрецы указывали мнѣ, какъ на важное свидѣтельство, на то, что въ царствованіе Мирда рѣка затопляла Египетъ ниже Мемфиса, когда вода въ ней поднималась всего на восемь локтей; между тѣмъ отъ смерти Мирда прошло менѣ девятисотъ лѣтъ. Въ настоящее время рѣка не разливается по странѣ, если вода въ ней не поднимается на шестнадцать или по крайней мѣрѣ на пятнадцать локтей. Поэтому я дѣлаю такое заключеніе: если Египетъ будетъ подниматься въ такой же мѣрѣ, какъ и прежде, и на столько же приращаться, если Нилъ не будетъ болѣе наводнять страну, то жители той части Египта, которая лежитъ ниже Мирдскаго озера, особенно жители Дельты будутъ впредь всегда терпѣть то, что они предсказывали еллинамъ, именно: они слышали, что вся страна еллиновъ орошается не рѣками, какъ ихъ земля, а только дождями, и замѣчали, что нѣкогда надежды еллиновъ будутъ обмануты,

и они претерпеть сильный голодъ. Замѣчаніе это означаетъ, что если божеству не угодно будетъ ниспослать еллинамъ дождь, и оно пожелаетъ продлить засуху на долго, то еллины погибнуть отъ голода, ибо нѣтъ-де у нихъ иного источника воды, кромѣ Зевса.

14. Это замѣчаніе египтянъ объ еллинахъ вѣрно; но и самимъ египтянамъ я скажу теперь, каково ихъ положеніе. Если, какъ я сказалъ выше ¹⁾, часть ихъ страны ниже Мемфиса, то есть та, которая приращается, будетъ подниматься въ такой же мѣрѣ, какъ поднималась въ прошломъ, то навѣрное живущіе тамъ египтяне подвергнутся голоданію, если только земли ихъ не будетъ орошаться дождемъ, и рѣка не въ состояніи будетъ наводнить поля. Теперь они дѣйствительно собираютъ земные плоды съ меньшимъ трудомъ, нежели прочіе народы и остальные египтяне: они не трудятся надъ тѣмъ, чтобы провести борозды плугомъ, чтобы взрыхлить землю кирками или исполнить какую нибудь другую работу надъ пахатнымъ полемъ, обязательную для всякаго иного народа. Сама собою рѣка наводняетъ и орошаетъ поля, а оросивши вступаетъ обратно въ свои берега; тогда каждый засѣваетъ свое поле и пускаетъ на него свиней, которыми и втаптываютъ сѣмена въ землю; ватѣмъ онъ ждетъ жатвенной поры, вымолочиваетъ зерно свиньями и получаетъ такимъ образомъ хлѣбъ.

15. Еслибы мы пожелали принять мнѣніе объ Египтѣ іонянъ, по словамъ которыхъ только Дельта составляетъ Египетъ, именно, отъ такъ называемой сторожевой башни Персея вдоль моря до Пелусійскихъ рыбосоленей, — вѣдѣсь сорокъ сценонъ ширины, — отъ моря внутри страны эта часть Египта тянется до города Керкасора, гдѣ Нилъ раздѣляется и течетъ однимъ рукавомъ къ

¹⁾ II, 13.

Пелусію, другимъ къ Канобу, остальной Египетъ по ихъ словамъ относится частью къ Ливію, частью къ Аравіи, — еслибы мы послѣдовали этому мнѣнію, то могли бы доказать, что прежде у египтянъ вовсе не было земли; ибо Дельта ихъ, какъ говорятъ сами египтяне и какъ мнѣ думается, представляетъ землю наносную и, можно сказать, повѣйнаго происхожденія. Но если когда-нибудь у египтянъ не было земли, то какою же глупостью была бы ихъ вѣра въ то, что они древнѣйшій народъ! Въ такомъ случаѣ имъ не было бы нужды въ испытаніи дѣтей, на какомъ языкѣ заговорятъ они прежде всего. Съ своей стороны я не думаю, что египтяне произошли въ одно время съ тою страной, которую іоняне называютъ Дельтою, что напротивъ они существовали искони съ того времени, какъ произошелъ родъ человѣческій, и по мѣрѣ того, какъ земля ихъ выступала впередъ, многие изъ египтянъ оставались на прежнихъ мѣстахъ, а многіе другіе спускались внизъ. Вѣдь въ древности только Оивы назывались Египтомъ, а въ окружности область эта имѣетъ всего шесть тысячъ сто двадцать стадій.

16. Если наше мнѣніе объ Египтѣ вѣрно, то іоняне заблуждаются. Если же іоняне правы, то я покажу, что ни еллины, ни сами іоняне не умѣютъ считать, если они утверждаютъ, что вся земля дѣлится на три части: Европу, Азію и Ливію; если Дельта Египта не относится ни къ Азіи, ни къ Аравіи, то они должны считать ее за четвертую часть землн. Дѣйствительно согласно съ мнѣніемъ іонянъ о Дельтѣ Нилъ вовсе не отдѣляетъ Азію отъ Ливіи; но такъ какъ онъ раздѣляется у вершины Дельты, то самая Дельта должна быть помѣщена въ промежуткѣ между Азіей и Ливіей.

17. Мнѣніе іонянъ мы впрочемъ оставляемъ, а сами думаемъ объ этомъ предметѣ такъ: Египетъ есть вся та страна, которая населена египтянами, какъ Киликія

поселена киликиянами, а Ассирія ассириянами, приче́мъ мы не знаемъ въ дѣйствительности никакой другой границы между Азіей и Ливіей, кромѣ Египта. Если мы примемъ мнѣніе еллиновъ, то тѣмъ самымъ должны будемъ признать, что весь Египетъ, начиная отъ Катадуповъ и города Елефантны, раздѣлится на двѣ части и сообразно съ симъ причастенъ къ наименованіямъ обѣихъ странъ, потому что одна половина входитъ въ составъ Ливіи, другая Авіи. Начиная отъ Катадуповъ Нилъ протекаетъ посерединѣ Египта до моря, раздѣляя страну на двѣ половины. До города Керкасора Нилъ течетъ одной рѣчкой, а отъ этого города раздѣляется и идетъ по тремъ направленіямъ: одинъ рукавъ, обращенный на востокъ, называется Пелусійскимъ, другой обращенъ на западъ и называется Капобескимъ, а прямой путь Нила идетъ такъ: рѣка направляется сверху и достигаетъ вершины Дельты, отсюда, раздѣляя Дельту пополамъ, вливается въ море; этотъ рукавъ доставляетъ въ море немалое количество воды и пользуется нѣкоторою извѣстностью. Называется онъ Себенинскимъ. Есть еще два другихъ рукава, отдѣляющіеся отъ Себенинскаго и вливающіеся въ море. Имена ихъ таковы: одного Савтскій рукавъ, другаго Мендетскій. Волбитскій и Буколическій рукава не естественнаго, но искусственнаго происхожденія.

18. Что Египетъ занимаетъ столь значительное пространство, какъ я говорю, подтверждается и изреченіемъ Аммонскаго оракула; я узналъ о немъ уже послѣ того, какъ составилъ себѣ понятіе объ Египтѣ. Жители городовъ Марен и Аписа въ той части Египта, которая граничитъ съ Ливіей, считали сами себя ливіанами, а не египтянами; стѣняясь египетскимъ способомъ почитанія боговъ, именно, не желая воздерживаться отъ употребленія въ жертву коровъ, они послали сказать Аммону, что между ними и египтянами нѣтъ

ничего общаго; живутъ-де они за предѣлами Дельты, во всемъ различаются отъ египтянъ и желаютъ, чтобы имъ дозволено было употреблять всякую пищу. Но божество не разрѣшило этого, говоря, что Египетъ есть вся та земля, которую водами своими орошаетъ Нилъ, а египтяне и всѣ тѣ, которые живутъ ниже города Елефантны и пьютъ воду изъ рѣки Нила. Таковъ былъ отвѣтъ оракула. Во время наводненія Нилъ заливаетъ не только Дельту, но и нѣкоторыя части тѣхъ мѣстностей, которыя причисляются къ Ливіи и Аравіи, на два дня пути по обѣимъ сторонамъ рѣки, иногда даже больше этого, другой разъ меньше.

19. О природѣ Нила я не могъ узнать ничего ни отъ жрецовъ, ни отъ кого-либо другаго. Отъ нихъ я пытался узнать причину, по которой въ Нилѣ прибываетъ вода начиная отъ лѣтнаго солнцестоянія въ продолженіе ста дней, а по истеченіи этого времени рѣка возвращается въ свои берега, такъ какъ вода въ ней убываетъ; такимъ образомъ въ теченіе всей зимы непрерывно вода въ Нилѣ стоитъ низко до новаго лѣтнаго солнцестоянія. Ни отъ кого изъ египтянъ я не могъ узнать ничего этого, хотя и расспрашивалъ, почему Нилъ по своимъ естественнымъ свойствамъ такъ рѣзко отличается отъ прочихъ рѣкъ. Посредствомъ разспросовъ я желалъ узнать причину этого явленія, а также и то, почему изъ всѣхъ рѣкъ отъ одного Нила вовсе не дуютъ вѣтры.

20. Однако нѣкоторые еллины, желая прославиться мудростью, предлагаютъ относительно Нила троекое объясненіе. Два способа объясненія я считаю не стоящими упоминанія, развѣ только кратко отмѣчу ихъ. Одно изъ этихъ объясненій состоитъ въ томъ, будто прибываніе воды въ рѣкѣ производится пассатными вѣтрами, такъ какъ они препятствуютъ Нилу изливаться въ море. Но пассатные вѣтры много разъ не

дули вовсе, а съ Ниломъ все-таки происходило то же самое. Кромѣ того, еслибы пассатныя вѣтры дѣйствительно были причиною этого явленія, то и всѣ прочія рѣки, текуція противно пассатамъ, подвергались бы тому же самому, что и Нилъ, при томъ настолько больше, насколько рѣки эти меньше и теченіе въ нихъ слабѣе, нежели въ Нилѣ. Между тѣмъ въ Сиріи и Ливіи течетъ много рѣкъ, и съ ними не бываетъ ничего подобнаго тому, что происходитъ съ Ниломъ.

21. Второе объясненіе еще нелѣпѣе перваго, еще можно сказать, изумительнѣе, именно: будто такого рода повышеніе и пониженіе воды въ Нилѣ бываетъ потому, что онъ течетъ изъ Океана, а Океанъ кругомъ-де обтекаеть всю землю.

22. Третье объясненіе кажется правдоподобнѣйшимъ, хотя на самомъ дѣлѣ оно наиболѣе ложно. Говоря, что Нилъ вытекаетъ изъ тающихъ снѣговъ, объясненіе это не говоритъ ровно ничего. На самомъ дѣлѣ, Нилъ вытекаетъ изъ Ливіи, проходитъ черезъ середину Эіюпіи и вливается въ Египетъ. Какимъ же образомъ Нилъ можетъ вытекать изъ снѣговъ, если они течетъ отъ самыхъ теплыхъ странъ въ такія, которыя большею частью холоднѣе первыхъ? Для человѣка, способнаго соображать подобные предметы, первымъ важнѣйшимъ свидѣтельствомъ противъ увѣренія, будто Нилъ вытекаетъ изъ снѣговъ, является то, что дующіе изъ тѣхъ странъ вѣтры теплые. Во-вторыхъ, та страна никогда не имѣетъ ни дождей, ни льда: если гдѣ падаетъ снѣгъ, то за нимъ черезъ пять дней долженъ идти и дождь; слѣдовательно, еслибы въ этихъ странахъ выпадалъ снѣгъ, то шелъ бы и дождь. Въ-третьихъ, тамошнее населеніе имѣетъ вълѣдствіе зноя черныя цвѣтъ кожи; коршунъ и ласточки остаются тамъ дѣлѣй годъ; журавли спасаясь отъ скинской стужи, улетаютъ на зиму въ эти мѣстности.

Еслибы въ тѣхъ мѣстахъ, черезъ которыя Нилъ проходитъ и въ которыхъ онъ начинается, было хоть немного снѣгу, то несомнѣнно все это было бы невозможное.

23. Кто говоритъ объ Океанѣ, тотъ влутываетъ въ объясненіе неизвѣстные предметы, и потому мнѣніе его не подлежитъ даже обсужденію. Я не знаю о существованіи какой-либо рѣки Океана; мнѣ кажется, что Гомеръ или другой кто-нибудь изъ прежнихъ поэтовъ выдумалъ это имя и внесъ его въ поэзію.

24. Если отвергая прежнія мнѣнія, необходимо высказаться самому о предметѣ темномъ, то я сообщу свое предположеніе, почему лѣтомъ Нилъ разливается. Въ зимнюю пору солнце вытѣсняется бурями изъ своего обычнаго пути и проходитъ черезъ верхнюю Ливію. Этимъ въ краткихъ словахъ все сказано. Если только это божество, солнце, находится очень близко къ какой-нибудь странѣ и проходитъ прямо надъ нею, то естественно такая страна испытываетъ сильнѣйшую жажду, и тамошнія рѣки высыхаютъ.

25. Говоря болѣе подробно, дѣло состоитъ въ слѣдующемъ. Проходя по верхней Ливіи, солнце производитъ слѣдующее дѣйствіе: такъ какъ въ странѣ этой воздухъ всегда ясенъ, земля нагрѣта и вѣтъ вѣтровъ, то во время своего прохожденія оно дѣйствуетъ такъ, какъ въ лѣтнюю пору, когда находится въ серединѣ неба, именно: оно притягиваетъ къ себѣ воду, а притянувши снова отталкиваетъ ее въ верхнія земли; вѣтры подхватываютъ воду, разсѣваютъ ее и паръ снова превращаютъ въ жидкость. Вотъ почему дующіе изъ этихъ странъ вѣтры, южный и югозападный, дождливы болѣе всѣхъ прочихъ вѣтровъ. Однако мнѣ кажется, солнце отпускаетъ не всю ту воду, которую притягиваетъ ежегодно изъ Нила; часть ея оно удерживаетъ при себѣ. Когда зимніе холода уменьшаются,

солнце опять возвращается на середину неба и съ того времени тянетъ къ себѣ воду одинаково изъ всѣхъ рѣкъ. До этой поры рѣки имѣютъ большую воду, потому что къ ней въ изобиліи примѣшивается вода дождевая, когда землю орошаютъ дожди и изрываютъ потоки; напротивъ лѣтомъ, когда рѣки не получаютъ воды изъ дождей, а солнце притягиваетъ къ себѣ воду, онѣ умяляются. Между тѣмъ Нилъ, вовсе не получающій дождевой воды, но притягиваемый солнцемъ, единственный изъ всѣхъ рѣкъ долженъ быть въ зимнюю пору гораздо скуднѣе водою, нежели въ лѣтнюю; ибо лѣтомъ Нилъ притягивается солнцемъ одинаково съ прочими рѣками, а зимою солнце щеть воду только изъ него одного. Такимъ образомъ источникомъ этого явленія я считаю солнце.

26. По моему мнѣнію, солнце виною и того, что воздухъ здѣсь сухой, такъ какъ оно накаляетъ свой путь. Поэтому-то въ верхнихъ частяхъ Ливіи постоянное лѣто. Еслибы порядокъ времени года былъ обратный, такъ что югъ и южный вѣтеръ были бы тамъ, гдѣ теперь сѣверный вѣтеръ и холодъ зимы, и наоборотъ сѣверный вѣтеръ былъ бы тамъ, гдѣ теперь южный, еслибы такъ случилось, то солнце было бы оттѣнено съ середины неба холодомъ зимы и сѣвернымъ вѣтромъ и проходило бы въ верхнихъ частяхъ Европы, такъ, какъ теперь оно проходитъ въ Ливіи, и я полагаю, что, совершая путь черезъ всю Европу, солнце производило бы такое же дѣйствіе на Истрию, какое теперь производитъ на Нилъ.

27. Что со стороны Нила не дуетъ вѣтеръ, я объясняю тѣмъ, что вообще никакихъ вѣтровъ не бываетъ изъ странъ очень теплыхъ, что напротивъ вѣтеръ дуетъ обыкновенно изъ страны холодной.

28. Но пускай это остается, какъ есть и какъ было искони. Что касается истоковъ Нила, то ни одинъ изъ

тѣхъ, съ кѣмъ приходилось мнѣ бесѣдовать, ни изъ египтянъ, ни изъ ливіянъ, ни изъ эллиновъ, не говорили, что знаетъ ихъ, за исключеніемъ бюстителя священнаго сокровищъ Аѳины въ египетскомъ городѣ Саисѣ. Но мнѣ кажется, что и онъ лишь шутя увѣрялъ меня, что знаетъ истоки Нила въ точности. По его словамъ, между городами Энвады Сиеною и Елефантиною есть двѣ горы съ острыми вершинами, изъ которыхъ одна называется Крофи, другая Мофи; между этими горами и лежатъ будто бы бездонные истоки Нила, причѣмъ половина воды направляется къ Египту на сѣверъ, а другая половина къ Эѳіопіи на югъ. Что истоки Нила бездонны, говоритъ онъ, это узналъ египетскій царь Псамметихъ: онъ велѣлъ силести канатъ длиною въ нѣсколько тысячъ сажень; его опустили къ источникамъ, и все-таки дна не достали. Этимъ разговоромъ хранитель сокровищъ, если только говорилъ онъ искренно, хотѣлъ, какъ мнѣ думается, сказать, что въ томъ мѣстѣ существуютъ сильныя водороты и теченія въ противоположныя стороны, вода разбивается о скалы, вслѣдствіе чего опущенный туда лотъ и не можетъ доставать дна.

29. Ничего другаго ни отъ кого я не могъ узнать объ этомъ предметѣ. Но я узналъ кое-что другое объ Эгиптѣ на очень большомъ пространствѣ, потому что до города Елефантины я доходилъ самъ и былъ здѣсь очевидцемъ, а о мѣстностяхъ, далѣе лежащихъ, узнавалъ изъ рассказовъ. Вверхъ отъ города Елефантины мѣстность поднимается; судно здѣсь необходимо тащить, какъ быка, веревками, привязанными съ обѣихъ сторонъ его; если канатъ оборвется, то судно уносится сильнымъ теченіемъ внизъ. Такой путь имѣетъ протяженія четыре дня плаванія; въ этомъ мѣстѣ Нилъ извилистъ на подобіе Меандра; этимъ способомъ можно плыть на протяженіи двѣнадцати схиновъ. Засимъ мнѣ

входимъ въ гладкую равнину, гдѣ Нилъ обтекаетъ островъ, носящій имя Тахомпсо. Область выше Елефантинъ и половину этого острова занимаютъ эеіоны, другую половину острова населяютъ египтяне. За островомъ слѣдуетъ большое озеро, на берегахъ котораго живутъ кочевники эеіоны; переплывши черезъ озеро, вступаемъ въ русло Нила, который въ это озеро изливается; дальше слѣдуетъ путь вдоль рѣки въ сорокъ дней, потому что въ Нилѣ торчатъ острые подводные камни и многочисленные утесы, дѣлающіе плаваніе по рѣкѣ невозможнымъ. Сдѣлавши этотъ путь по сушѣ въ сорокъ дней, мы снова садимся въ другое судно и плывемъ двѣнадцать дней, затѣмъ вступаемъ въ большой городъ по имени Мерозъ, считающійся метрополіей остальныхъ эеіоновъ. Здѣшніе жители признаютъ изъ боговъ только Зевса и Діониса, воздавая имъ великія почести; у нихъ есть и прорицалище Зевса. Они совершаютъ военные походы только тогда, когда имъ посовѣтуетъ походъ божество черезъ своего оракула, и идутъ только туда, куда божество укажетъ.

30. Идя дальше отъ этого города, мы спусти такое же время, пятьдесятъ шесть дней, въ какое отъ Елефантинъ дошли до метрополіи эеіоновъ, приходимъ къ „Перебѣжчикамъ“. Перебѣжчики эти называются Асмахъ, египетское слово, по-еллински означающее „стоящіе полъвую руку царя“. Это были египетскіе военные люди, въ числѣ двухсотъ сорока тысячъ отложившіеся отъ египтянъ и перешедшіе къ эеіонамъ по слѣдующей причинѣ: при царѣ Псамметихѣ они составили въ городѣ Елефантинѣ гарнизонъ противъ эеіоновъ, въ Дафнахъ при Пелусіи противъ арабовъ и сириянъ, въ Марей противъ Ливій; еще и теперь стоятъ гарнизоны персовъ, какъ стояли при Псамметихѣ, въ Елефантинѣ и въ Дафнахъ. Египтяне прослужили было три года въ гарнизонѣ, и никто не смѣялся ихъ;

тогда они обсудили свое положеніе, по общему рѣшенію отложились отъ Псамметиха и перешли въ Эеіопію. Получивши вѣсть объ этомъ, Псамметихъ пустился за ними въ погоню, и догнавши, долго упрашивалъ ихъ не покидать отеческихъ боговъ, дѣтей и женъ. Рассказываютъ, что одинъ изъ бѣглецовъ въ отвѣтъ на увѣщанія царя взялся рукой за дѣтородныя части и, указывая на нихъ, сказалъ: „гдѣ будетъ это, тамъ будутъ и дѣти, и жены“. Затѣмъ они пришли въ Эеіопію и передались во власть эеіопскому царю, а тотъ наградилъ ихъ такъ: нѣкоторые изъ эеіоновъ были съ царемъ во враждѣ, онъ предоставилъ египтянамъ пгнать ихъ, а землю заселить самимъ. Съ переселеніемъ египтянъ къ эеіонамъ, эти послѣдніе стали болѣе благодушны, усвоивши себѣ египетскіе нравы.

31. Итакъ, Нилъ извѣстенъ, сверхъ своего теченія въ Египтѣ, на четыре мѣсяца пути, отчасти воднаго, отчасти по сушѣ; столько именно мѣсяцевъ получится, если сложить всѣ дни пути отъ Елефантинъ до „Перебѣжчиковъ“. Нилъ до этого мѣста течетъ съ запада; о направленіи его дальнѣйшемъ никто не знаетъ ничего достовѣрнаго, такъ какъ страна эта вслѣдствіе знои пустыня.

32. Однако вотъ что я слышалъ отъ киренянъ, ходившихъ по ихъ словамъ, къ оракулу Аммона и тамъ бесѣдовавшихъ съ аммонскимъ царемъ Етеархомъ; между прочимъ рѣчь заходила и о Нилѣ, о томъ, что никто не знаетъ его источниковъ; тогда Етеархъ замѣтилъ, что къ нему приходили однажды насамоны. Это—ливійскій народъ, занимающій земли на Сиртисѣ и небольшую область на востокъ отъ него. Явившіеся насамоны на вопросъ царя, не имѣютъ ли они болѣе обстоятельныхъ свѣдѣній о пустыняхъ Ливій, рассказали такую исторію: нѣкогда сыновья знатнѣйшихъ насамоновъ, люди своевольные и отважны, въ зрѣломъ воз-

раствъ продѣлившіе всевозможныя странности, между прочимъ выбрали изъ своей среды по жребію пятерыхъ, которые должны были отправиться въ пустыню Ливіи и посмотреть, не узнаютъ ли чего-нибудь новаго тамъ, куда не проникали еще прежде посѣтители пустыни. Часть Ливіи, прилегающую къ сѣверному морю, начиная отъ Эгипта и кончая мысомъ Солоеомъ, крайнею оконечностью Ливіи, всю эту часть за исключеніемъ мѣстностей, заселенныхъ еливами и финикинами, занимаютъ ливіане и многія ливійскія племена. Но Ливія, лежащая внутри материка выше моря и приморскихъ жителей, занята дикими звѣрами, а еще выше тянется песчаная полоса, страшно безводная, голая пустыня. Итакъ, говорилъ Етеархъ, молодые люди, посланные своими сверстниками съ достаточнымъ запасомъ воды и пищи, прошли сначала населенную область, перешедши ее, вступили въ землю, изобилующую дикими звѣрами, а отсюда проникли въ пустыню, совершая по ней путь въ направленіи къ западу. Пройдя значительную часть песчаной пустыни, они много дней спусти увидѣли растущія въ равнинѣ деревья, подошли къ нимъ и ѣли висѣвшіе на нихъ плоды; въ это время напали на нихъ маленькіе люди, ростомъ меньше обыкновенныхъ людей, взяли ихъ и увели съ собою; языка ихъ насамоны не понимали вовсе, а равно и удивившіе ихъ люди не знали ничего по-насамонски; молодыхъ людей провели черезъ обширнѣйшія болота, а потомъ они прибыли въ городъ, всѣ жители котораго были такого же роста, какъ и ихъ проводники, притомъ чернаго цвѣта; мимо этого города протекала большая рѣка въ направленіи отъ запада на востокъ, а въ рѣкѣ были крокодилы.

33. О равскавѣ Етеарха аммонскаго сообщено достаточно; прибавлю раввѣ, что по его словамъ насамоны возвратились домой, какъ передавали киприане,

и что тотъ народъ, къ которому они приходили, состоитъ весь изъ колдуновъ. Что касается протекающей тамъ рѣки, то уже Етеархъ предполагалъ, что это Ниль, и здравый смыслъ такъ говорить. Дѣйствительно, Ниль беретъ свое начало въ Ливіи и перерѣываетъ ее пополамъ; если позволительно заключать о неизвѣстномъ по сходству съ извѣстнымъ, то я предполагаю, что Ниль имѣетъ такое же теченіе, какъ и Истръ. Ибо рѣка Истръ начинается въ землѣ кельтовъ, подлѣ города Пирены и на своемъ пути пересѣкаетъ Европу. Кельты живутъ по ту сторону Геракловыхъ Столбовъ, граничатъ съ кинесимами, изъ всѣхъ европейскихъ народовъ наиболѣе крайнимъ на западѣ. Въ концѣ теченія Истръ, протекиши черезъ всю Европу, вливается въ море, именуемое Евксинскимъ Понтомъ, тамъ, гдѣ лежатъ Истрія, колонія милетянъ.

34. Если Истръ, протекая по населеннымъ землямъ, извѣстенъ многимъ, то объ источникахъ Нила никто не въ состояніи утверждать что-либо навѣрное, потому что не обитаема и пустынна та часть Ливіи, черезъ которую Ниль протекаетъ; о теченіи его я сообщалъ раньше ¹⁾, насколько можно было узнать. Наконецъ онъ входитъ въ Египетъ. Египетъ расположенъ почти напротивъ гористой Киликіи, откуда въ Синопу, что на Евксинскомъ Понтѣ, пять дней прямого пути для бодраго путника. Синопа лежитъ противъ устья Истра. Такимъ образомъ, думается мнѣ, Ниль, проходя черезъ всю Ливію, по направленію своему уподобляется Истру.

35. Сказаннаго о Нилѣ достаточно. Объ Эгиптѣ я буду говорить обстоятельно, потому что въ немъ есть очень много достопримѣчательнаго, есть несказанно громадные сооруженія, большія, нежели въ какой-либо

¹⁾ II, 29.

другой странѣ. Ради этого-то объ Египтѣ и будетъ сказано у меня больше.

Какъ небо надъ египтянами отличается особенными свойствами, и рѣка ихъ по своей природѣ отличается отъ всѣхъ прочихъ рѣкъ; такъ подобно этому почти всѣ нравы и обычаи ихъ противоположны нравамъ и обычаямъ остальныхъ народовъ. Женщины у нихъ посѣщаютъ площадь и торгуютъ, а мужчины сидятъ дома и ткуютъ; у прочихъ народовъ толкаютъ утѣль вверхъ, у египтянъ внизъ; мужчины ихъ носятъ тяжести на головахъ, женщины на плечахъ; женщины мочатся стоя, мужчины сидя; испражняются дома, а ѣдятъ за домомъ на улицахъ, объясняя это тѣмъ, что все непристойное, хотя бы и необходимое, слѣдуетъ дѣлать сокрито, а пристойное публично. Ни одна женщина не исполняетъ жреческихъ обязанностей ни при мужскомъ, ни при женскомъ божествѣ; жрецами состоятъ только мужчины какъ при богахъ, такъ и при богиняхъ. Сыновья вовсе не обязаны, если не желаютъ, содержать родителей, дочери напротивъ обязаны непременно, хотя бы того и не желали.

36. Въ другихъ мѣстахъ священнослужители носятъ длинные волосы, въ Египтѣ жрецы стригутся. У остальныхъ народовъ въ обычаѣ, что ближайшія къ покойнику лица въ знакъ траура стригутъ себѣ волосы; египтяне въ случаѣ смерти родственника отпускаютъ себѣ волосы на головѣ и бородѣ, а обыкновенно ходятъ стриженные. У другихъ народовъ люди живутъ отдѣльно отъ животныхъ, египтяне живутъ вмѣстѣ съ ними. Другіе питаются пшеницей и ячменемъ, у египтянъ такого рода питаніе—величайшій поворъ; они приготавливаютъ себѣ хлѣбъ изъ оліры, которую иные называютъ подбой. Тѣсто египтяне мѣсятъ ногами, глину руками; руками же подбираютъ навозъ. Прочіе люди оставляютъ дѣтородныя части въ ихъ естествен-

номъ видѣ, за исключеніемъ тѣхъ, которые усвоили себѣ египетскій обычай, а египтяне совершаютъ обрѣзаніе. Мужчины носятъ по два платья, женщины по одному. Парусныя кольца и веревки привязываются у всѣхъ другихъ народовъ снаружи, у египтянъ внутри корабля. Елліны пишутъ и считаютъ камешками отъ лѣвой руки къ правой, а египтяне отъ правой къ лѣвой, хотя и утверждаютъ, что они пишутъ къ правой рукѣ, а елліны къ лѣвой. Египтяне употребляютъ двойное писмо; одно называется священнымъ, другое простымъ.

37. Египтяне чрезвычайно религіозны, гораздо больше всѣхъ другихъ народовъ. Соблюдаютъ они слѣдующіе обряды: пьютъ только изъ мѣдныхъ сосудовъ, которые чистятъ ежедневно; дѣлаютъ это всѣ, а не такъ, что одинъ дѣлаетъ, другой пьетъ. Платье носятъ полотняное, всегда свѣже вымытое, и это составляетъ для нихъ предметъ большой заботы. Обрѣзаютъ себя ради чистоты, предпочитаютъ быть опрятными, нежели красивыми. Жрецы черезъ день стригутъ себѣ волосы на всемъ тѣлѣ для того, чтобы не имѣть на себѣ ни вши, ни какой-либо другой сверны во время служенія богамъ. Одежда жрецовъ только полотняная, а обувь изъ папируса; имъ нельзя носить ни платья иного, ни обуви. Моются они два раза въ день и два раза въ ночь. Разныхъ другихъ обрядовъ соблюдаютъ они, можно сказать, безчисленное множество. За то жрецы пользуются у нихъ немалыми выгодами. Изъ собственного состоянія они ничего не потребляютъ и не тратятъ: у нихъ есть печеный священный хлѣбъ; воловьего мяса, гусей каждый изъ нихъ имѣетъ ежедневно въ изобиліи; имъ доставляется и виноградное вино. Употреблять рыбу въ пищу жрецамъ воспрещено. Бобовъ въ Египтѣ не сѣютъ вовсе, а если они и вырастаютъ, то ихъ не ѣдятъ ни сырыми, ни вареными;

жрецы не позволяют себѣ даже смотрѣть на бобы, считая ихъ нечистымъ зельемъ. Каждому божеству служить не одинъ жрецъ, но много, причѣмъ одинъ изъ нихъ главный; если кто-нибудь изъ нихъ умираетъ, то званіе его наследуется сыномъ.

38. Быковъ египтяне считаютъ принадлежностью Енафа, и потому подвергаютъ ихъ такому искусу: если испытующій замѣтитъ на быкѣ хоть одинъ черный волосъ, онъ считаетъ его уже запретнымъ. Испытаніе производится назначеннымъ для того жрецомъ, въ присутствіи котораго животное ставятъ, кладутъ, вытаскиваютъ ему языкъ, чтобы убѣдиться свободенъ-ли онъ отъ особыхъ знаковъ, о которыхъ я скажу въ другомъ мѣстѣ ¹⁾. Затѣмъ онъ осматриваетъ волосы на хвостѣ, обыкновеннаго-ли они качества, или нѣтъ. Если отъ всего этого быкъ чистъ, то жрецъ отбѣиваетъ его, заворачивая рога въ папирусъ и накладывая на него печать изъ глины; глину придавливаютъ своимъ перстнемъ; только послѣ этого быка уводятъ. За умерщвленіе немѣннаго быка слѣдуетъ смертная казнь.

39. Такъ производится насѣдованіе жертвеннаго животного, а жертва совершается слѣдующимъ образомъ: мѣсечное животное ведутъ къ алтарю, въ то мѣсто, гдѣ желаютъ принести жертву, и возжигаютъ огонь, потомъ дѣлаютъ возліаніе виномъ на алтарь и на жертвенное животное, взываютъ къ божеству и убиваютъ жертву; убитому животному отрѣзаютъ голову. Туловище быка обдираютъ, а надъ головою произносятъ различныя заклинанія и несутъ ее на рынокъ, гдѣ имѣютъ жителство еллинскіе кушцы; принесши туда голову, спѣшатъ продать ее; если еллиновъ нѣтъ, то голову бросаютъ въ рѣку. Произносимыя надъ головою заклятія гласятъ такъ: «если саміи совершителями

жертвы или дѣлому Египту угрожаетъ какая-нибудь бѣда, то пускай обратится она на эту голову». Что касается головъ приносимыхъ въ жертву животныхъ и возліанія виномъ, то всѣ египтяне при всѣхъ жертвоприношеніяхъ соблюдаютъ одинаковые обряды; въ силу такого обычая ни одинъ египтянинъ не употребляетъ въ пищу головы никакого животного. Напротивъ потрошеніе и сожиганіе животныхъ производится относительно разныхъ животныхъ неодинаково.

40. Я скажу о томъ, какое божество у нихъ главнѣйшее, и которому изъ нихъ устраивается торжественнѣйшее празднество... Снявши кожу съ быка и произнеши заклинанія, тотчасъ выпинаютъ изъ него дѣлкомъ желудокъ и, оставши внутренности и жиръ, отрѣзываютъ бедра, хвостецъ, плечи и шею. Послѣ всего этого наполняютъ туловище быка чистымъ хлѣбомъ, медомъ, виномъ, винными ягодами, ладаномъ, смрною и другими благоуханными веществами. Наполнивши животное и обильно возливши на него масла, сожигаютъ его. Передъ совершеніемъ жертвы египтяне постятся, а когда жертва сожигается, всѣ въ слезахъ сокрушаются; по окончаніи печалованія устраиваютъ пиръ изъ остатковъ отъ жертвы.

41. Непорочныхъ быковъ и телятъ приносятъ въ жертву всѣ египтяне; коровъ же имъ не дозволяется приносить въ жертву, такъ какъ онѣ посвящены Исидѣ. Изображеніе Исиды представляетъ женщину съ рогами коровы подобно тому, какъ еллины изображаютъ Іо; вообще всѣ египтяне чтутъ коровъ гораздо больше, нежели остальныхъ животныхъ. Вотъ почему ни египтянинъ, ни египтянка не поцѣловали бы еллина въ губы, не стали бы употреблять пожа, вилки, котла, принадлежавшихъ еллину, не стали бы даже ѣсть непорочнаго быка, если онъ разрѣзанъ пожомъ еллина.

Павшихъ животныхъ они погребаютъ такъ: коровъ

¹⁾ III, 28.

бросають въ рѣку, а быковъ каждый зарываетъ въ землю въ своемъ предмѣстьѣ, причемъ одинъ рогъ или оба торчатъ надъ землею для обозначенія мѣста погребенія. Когда трупъ быка согниетъ, и послѣ этого пройдетъ опредѣленный срокъ, въ каждый городъ приходитъ судно съ острова, называемаго Просопитидою. Островъ этотъ лежитъ въ Дельтѣ и имѣетъ въ окружности девять сценевъ. На островѣ Просопитидѣ среди многихъ другихъ городовъ есть и тотъ, изъ котораго приходитъ суда за костями быковъ; городъ этотъ называется Атарбехлесъ; въ немъ есть высокотимый храмъ Афродиты. Многие жители Атарбехиса странствуютъ по разнымъ городамъ, вырываютъ тамъ кости быковъ, увозятъ ихъ и хоронятъ въ одномъ мѣстѣ. Такимъ же образомъ, какъ и быковъ, погребаютъ египтяне всѣхъ вообще павшихъ животныхъ съ соблюденіемъ тѣхъ же правилъ; иныхъ они не убиваютъ.

42. Всѣ тѣ египтяне, которые имѣютъ на своей землѣ храмъ египскаго Зевса или живутъ въ египскомъ округѣ, не употребляютъ для жертвы овецъ, а только козъ. Не всѣ египтяне одинаково чтутъ однихъ и тѣхъ же боговъ, за исключеніемъ Исиды и Осириса, который по ихъ словамъ есть тотъ же Дионисъ; только эти божества одинаково почитаются всѣми египтянами. Напротивъ тѣ египтяне, у которыхъ есть храмъ Мендета, или которые живутъ въ мендетскомъ округѣ, приносятъ въ жертву овецъ, а не козъ. Египтяне и всѣ тѣ египтяне, которые не употребляютъ для жертвоприношенія овецъ, рассказываютъ слѣдующее о происхожденіи этого обычая: однажды Гераклу сильно захотѣлось посмотреть на Зевса, а Зевсъ вовсе не желалъ, чтобы тотъ видѣлъ его; наконецъ, такъ какъ Гераклъ продолжалъ настаивать, Зевсъ схитрилъ: онъ снялъ руно съ барана, покрылъ имъ себя, потомъ отрѣзалъ барану голову и, держа ее передъ лицомъ, въ такомъ видѣ

показался Гераклу. Съ этого времени египтяне изображаютъ Зевса съ головою барана, а отъ египтянъ этотъ способъ изображенія переняли и аммоніи; эти послѣдніе происходятъ отъ египтянъ и еѳіоповъ, и языкъ ихъ занимаетъ середину между языками этихъ двухъ народовъ. Мнѣ кажется, что и названіе аммоніевъ они присвоили себѣ на основаніи своего происхожденія: Аммуномъ египтяне называютъ Зевса. Египтяне не приносятъ барановъ въ жертву по той же причинѣ: бараны у нихъ считаются священными животными. Только разъ въ годъ въ праздникъ Зевса они убиваютъ одного барана, снимаютъ съ него руно, надѣваютъ его точно такъ же, какъ надѣваетъ на себя божество на изображеніи Зевса, и потомъ подносятъ къ нему другое изображеніе, Геракла. Устроивши это, всѣ присутствующіе у храма плачутъ по барану и засимъ хоронятъ его въ священной гробницѣ.

43. Относительно Геракла я слышалъ, что онъ находится въ числѣ двѣнадцати боговъ. О другомъ Гераклѣ, котораго знаютъ еллины, я не могъ нигдѣ узнать. Что не египтяне заимствовали у еллиновъ имя Геракла, но еллины у египтянъ, и именно тѣ еллины, которые сыну Амфитріона дали имя Геракла, въ пользу этого есть у меня многія доказательства, въ числѣ ихъ то, что оба родителя Геракла, Амфитріонъ и Алкмена, черезъ своихъ предковъ происходятъ изъ Египта; потому египтяне утверждаютъ, что имена Посейдона и Диоскуровъ имъ не извѣстны, и что эти боги не стоятъ у нихъ въ числѣ боговъ. Еслибы они заимствовали имя какого-либо божества отъ еллиновъ, то, я полагаю и въ томъ убѣжденъ, они не забыли бы, а напротивъ отлично помнили бы именно это божество; вѣдь въ то время египтяне уже плавали по морю, были мореплаватели и въ средѣ еллиновъ; такимъ образомъ имена этихъ божествъ были бы египтянамъ болѣе из-

вѣстны, нежели имя Геракла. Но у египтянъ Гераклъ одно изъ старѣйшихъ божествъ; какъ сами они говорятъ, за семнадцать тысячъ лѣтъ до воцаренія Амасида отъ восьми божествъ произошло двѣнадцать, въ числѣ которыхъ называютъ они и Геракла.

44. Желая добыть относительно этого точнымъ свѣдѣнiя, откуда бы то ни было, я поплылъ въ Финикiю, въ Тиръ, такъ какъ я узналъ, что тамъ есть высокочтимый храмъ Геракла. Я увидѣлъ, что храмъ изобилуетъ многочисленными пожертвованiями, что между прочимъ въ немъ есть два столба, одинъ изъ чистаго золота, другой, ярко сверкающiй по почамъ, изъ смарагда. Въ бесѣдахъ съ жрецами этого божества я спросилъ, сколько прошло времени отъ сооружеiнiя храма; оказалось, что они не согласны въ этомъ случаѣ съ еллинами. По ихъ словамъ, храмъ сооружеиъ въ одно время съ Тиромъ, а отъ основанiя Тира прошло двѣ тысячи триста лѣтъ. Въ Тирѣ же я видѣлъ другой храмъ Геракла, посвящаго названiю Фасiйскаго. Былъ я и на Фасѣ, гдѣ нашелъ храмъ Геракла, сооружеиный финикiянами, которые отплыли было на поиски за Европой и зашли Фасъ. Случилось это за пять поколѣнiй до рожденiя въ Елладѣ амфитрионова сына Геракла. Свѣдѣнiя наши доказываютъ ясно, что Гераклъ есть древнее божество. Мнѣ кажется, основательнѣе всего поступаютъ тѣ изъ еллиновъ, которые соорудили у себя два храма Геракла, причеиъ одному изъ нихъ приносить жертвы, какъ безсмертному, по прозванiю Олимпiйцу, другому воздаютъ почести, какъ герою.

45. Еллины рассказываютъ много неосновательнаго; нелѣпа и та басня ихъ о Гераклѣ, будто, когда онъ пришелъ въ Египетъ, египтяне наложили на него вѣнокъ и съ процессiей повели его для принесенiя въ жертву Зевеу. Сначала Гераклъ былъ спокоенъ; потомъ, когда у алтара приступили къ жертвоприношенiю, онъ, со-

бравшись съ силами, перебилъ будто бы всѣхъ присутствовавшихъ. Мнѣ кажется, еллины рассказываютъ это погумо, что совершенно не знаютъ ни характера египтянъ, ни ихъ обычаевъ. Дѣло въ томъ, что убивать животныхъ, кромѣ свиней, бжковъ и телятъ, если только они чисты, а также гусей, у нихъ не дозволяется; какимъ же образомъ они могли бы приносить въ жертву людей? Кромѣ того, естественно-ли, чтобы Гераклъ одинъ, къ тому же человекъ, перебилъ, какъ говорить, огромное множество народа? Впрочемъ да простятъ намъ боги и герои за то, что мы столько наговорили о нихъ.

46. Тѣ изъ египтянъ, о которыхъ я сказалъ выше, не употребляютъ въ жертву козъ и козловъ по слѣдующей причинѣ. Мендетяне помѣщаютъ Пана въ число восьми божествъ, а эти восемь божествъ, по ихъ словамъ, были раньше двѣнадцати. Живописцы и скульпторы египтянъ дѣлаютъ изображенiе Пана съ тѣми же чертами, что и еллины: съ головой козы и съ ногами козла; при этомъ они не считаютъ его дѣйствительно козломъ, но похожимъ на прочихъ боговъ. Почему они изображаютъ Пана въ такомъ видѣ, у меня нѣтъ охоты говорить. Мендетяне чтутъ всѣхъ козъ, притомъ самцовъ больше, нежели самокъ; равнымъ образомъ козасы пользуются бльшимъ почтенiемъ, нежели пастухи другаго скота; одинъ изъ козловъ пользуется особеннымъ почетомъ, такъ что когда онъ умираетъ, весь мендетскiй округъ повергается въ тяжкую скорбь. И козелъ, и Панъ навываются по-египетски Мендетъ. Въ томъ округѣ въ мое время было такое чудо: козелъ имѣлъ сообщенiе съ женщиной публично; это совершилось на виду у людей.

47. Свинью египтяне считаютъ нечистымъ животнымъ; поэтому если кто-нибудь коснется мимоходомъ свиньи, то слѣзится тотчасъ къ рѣкѣ, чтобы омыться въ ней

вмѣстѣ съ платьемъ. Потомъ, только свинопасы, хотя бы они были туземнаго происхожденія, не входятъ въ Египтъ ни въ одинъ изъ храмовъ; равнымъ образомъ никто изъ египтянъ не желаетъ выдавать своей дочери за свинопаса, ни жениться на дочеряхъ свинопасовъ; эти послѣдніе женятся и выходятъ замужъ только въ собственной средѣ. У египтянъ не дозволяется приносить свиней въ жертву никакому божеству, за исключеніемъ Луны и Діониса; имъ свиньи приносятся въ жертву въ одно и то же время, въ самый день полнолунія, а по совершеніи жертвы ѣдятъ свиное мясо. Почему египтяне такъ гнушаются свиней на прочихъ празднествахъ, а на этомъ приносятъ ихъ въ жертву, объ этомъ существуетъ у египтянъ расказъ; хотя я и знаю его, но неприличнымъ считаю сообщать. Принесеніе въ жертву свиней Луиъ совершается такъ: убивши животное, жрецъ складываетъ вмѣстѣ кончикъ хвоста, селезенку и сальникъ, покрываетъ это всѣмъ тѣмъ шромъ, что на животѣ, и засимъ сожигаетъ въ огнѣ; остальное мясо съѣдается въ тотъ же день полнолунія, въ который приносятся жертва; ни въ какой другой день нельзя было бы ѣсть этого мяса. Бѣдники по скудости своего хозяйства дѣлятъ свиней изъ тѣста, пекутъ и приносятъ ихъ въ жертву.

48. Каждый египтянинъ вечеромъ наканунѣ праздника убиваетъ въ честь Діониса поросенка передъ дверью своего дома и потомъ отдаетъ убитое животное продавшему его свинопасу, чтобы тотъ унесъ его обратно. Остальную часть праздника Діониса египтяне совершаютъ во всемъ, за исключеніемъ хоровъ, почти такъ же, какъ еллины. Впрочемъ вмѣсто фаллосовъ они ввели въ празднество ибчто другое, именно, маленькіе кумиры почти въ локоть вышиною, приводимые въ движеніе крѣпкими нитками; женщины носятъ эти изображенія по деревнямъ, причеиъ дѣтородный членъ, лишь не-

много меньшій всего кумира, то поднимается, то опускается. Впереди выступаетъ флейтистъ, за нимъ слѣдуютъ женщины, востѣвующія Діониса. Почему дѣтородный членъ въ изображеніи такъ великъ, и почему изъ всего тѣла онъ одинъ приходитъ въ движеніе, объ этомъ существуетъ священное сказаніе.

49. Миѣ кажется, что Меламподу, сыну Амнеона, празднество это было не безызвѣстно; напротивъ онъ зналъ его хорошо, почему и просвѣтилъ еллиновъ относительно имени Діониса, его праздника и процессіи съ фаллосомъ. Однако выражаясь точно, Меламподъ не изложилъ предмета во всемъ его объемѣ; полнѣе онъ былъ объясненъ слѣдовавшими за нимъ свѣдущими людьми. Что касается фаллоса, который носятъ въ честь Діониса въ торжественной процессіи, то онъ былъ введенъ уже Меламподомъ, и тому, что теперь еллины совершаютъ, научились они черезъ него. По моему убѣжденію, Меламподъ, какъ человѣкъ умный, самъ научился искусству прорицанія, многіе культы узналъ изъ Египта, между прочимъ служеніе Діонису, и только съ небольшими измѣненіями перенесъ ихъ къ еллинамъ. Я не могу допустить, чтобы служеніе египетское совпадало съ еллинскимъ лишь случайно; въ противномъ случаѣ культъ Діониса согласовался бы съ правами еллиновъ и не былъ бы у нихъ повдѣйшаго происхожденія. Равнымъ образомъ не могу я допустить и того, чтобы египтяне заимствовали отъ еллиновъ этотъ или какое-нибудь другое богослуженіе. Миѣ кажется, что свѣдѣнія свои о культѣ Діониса Меламподъ позаимствовалъ главнымъ образомъ отъ Кадма тиринна и его спутниковъ, прибывшихъ изъ Финикіи въ ту страну, которая теперь называется Бесотіей.

50. Изъ Египта перешли въ Елладу имена почти всѣхъ божествъ. Что они заимствованы отъ варваровъ, это я знаю навѣрное изъ распросовъ, и миѣ кажется,

что скорѣе всего имена эти перешли изъ Эгипта. Дѣйствительно, за исключеніемъ Посейдона и Діоскуровъ, о чемъ сказано было выше ¹⁾, а также Геры, Гестіи, Оемиды, Харитъ и Неренды, имена всѣхъ остальныхъ божествъ искони и всегда были туземными у египтянъ. Я говорю это со словъ самихъ египтянъ. Тѣ божества, именъ которыхъ египтяне, по ихъ собственнымъ словамъ, не знаютъ, названы, какъ мнѣ кажется, пеласгами, кромѣ впрочемъ Посейдона; это послѣднее божество еллины узнали отъ ливійцевъ, потому что никакой другой народъ, кромѣ ливійцевъ, не имѣлъ имени Посейдона издревле, а ливіянне искони, неизмѣнно чтутъ это божество. Почитанія героевъ у египтянъ нѣтъ вовсе.

51. Это и многое другое, о чемъ и буду говорить еще, еллины переняли отъ египтянъ. Однако дѣлать кумиры Гермеса съ стоящимъ дѣтороднымъ членомъ научились еллины не отъ египтянъ, но отъ пеласговъ; изъ всѣхъ еллиновъ аоніянне первые позаимствовали это отъ пеласговъ, а отъ нихъ остальные еллины. Уже въ то время, когда аоніянне принадлежали къ еллинамъ, пеласги жили въ сосѣдствѣ съ ними въ ихъ странѣ, почему и начали почитать ихъ за еллиновъ. Всякій, посвященный въ таинства Кабировъ, которыя совершаются самоображеніями по заимствованіи отъ пеласговъ, понимаетъ, что я говорю. Дѣло въ томъ, что первоначально Самоображеніе занимали тѣ самые пеласги, которые жили рядомъ съ аоніяннами, и самоображеніе отъ нихъ позаимствовали свои таинства. Первые изъ еллиновъ аоніянне, научившись отъ пеласговъ, сдѣлали изображенія Гермеса съ стоящимъ членомъ. Пеласги общались объ этомъ священное сказаніе, содержаніе котораго представлялось въ мистеріяхъ на Самоображеніи.

52. Первоначально пеласги совершали всякія свя-

щеннодѣйствія и молились богамъ, какъ мнѣ рассказывали, въ Додонѣ, не называя по имени ни одного изъ боговъ, потому что никакихъ именъ они и не знали; *боговъ, деси*, называли такъ вслѣдствіе того, что всѣ предметы *поставлены* ими въ порядокъ, и все распредѣленіе ихъ боги имѣли въ своей власти. Только много времени спустя пеласги узнали имена боговъ, перешедшія изъ Эгипта, а Діониса узнали лишь гораздо позже. Вслѣдствіи пеласги вопрошали оракула въ Додонѣ относительно именъ; прорицалище это считается древнѣйшимъ изъ всѣхъ еллинскихъ оракуловъ; и въ то время это былъ единственный оракулъ. Когда пеласги обратились съ вопросомъ къ додонскому прорицалищу, принимать ли имъ имена боговъ варварскія, оракулъ отвѣчалъ утвердительно. Съ того времени они при совершеніи жертвы называли боговъ по именамъ; отъ пеласговъ обыкновеніе это заимствовали впоследствии еллины.

53. Однако откуда произошли боги, всегда-ли они существовали, каковы лики ихъ, еллины ничего этого не знали, такъ сказать, до самаго недавняго времени. Дѣйствительно, я полагаю, что Гесиодъ и Гомеръ жили раньше меня не болѣе, какъ за четыреста лѣтъ; между тѣмъ они составили для еллиновъ родословную боговъ, снабдили имена божествъ эпитетами, подѣлили между ними достоинства и занятія и начертали ихъ образы. Что касается поэтовъ, именуемыхъ болѣе древними, нежели Гесиодъ и Гомеръ, то, мнѣ кажется, они были позже ихъ. Первая часть этихъ свѣдѣній сообщена додонскими жрицами, вторая относительно Гесиода и Гомера принадлежитъ мнѣ.

54. Египтяне передаютъ слѣдующій рассказъ объ оракулахъ у еллиновъ и въ Ливіи: по словамъ жрецовъ еивскаго Зевса, двѣ женщины жрицы были увезены финикійцами изъ Фивъ, причемъ одна изъ нихъ, какъ

¹⁾ II, 43.

они слышали, была продана въ Ливію, а другая еллинамъ; эти женщины и были первыми основательницами оракуловъ у сказанныхъ народовъ. Когда я спросилъ, откуда они знаютъ это, что говорить съ такою увѣренностью, жрецы отвѣчали, что съ ихъ стороны были произведены усиленные розыски этихъ женщинъ, но они не могли найти ихъ, и только впоследствии узнали то именно, что рассказываютъ.

55. Слышалъ я это отъ жрецовъ египетскихъ. Напротивъ додонскія прорицательницы сообщаютъ слѣдующее: двѣ черныя голубки, снѣвшіяся въ Оивахъ египетскихъ, прилетѣли одна въ Ливію, другая въ Додону; эта послѣдняя сѣла на дубъ и человѣческимъ языкомъ проговорила, что здѣсь должно быть учреждено прорицательство Зевса; жители Додоны приняли эти слова за повелѣніе божества и согласно съ нимъ поступили. Другая голубка, говорить онѣ, удалилась къ ливіанамъ и приказала имъ основать прорицательство Аммона; и это прорицательство принадлежитъ Зевсу. Додонскія жрицы, рассказавшія мнѣ это, назывались такъ: старшая Промея, средняя Тимарета, младшая Никадра. Согласно съ ними рассказывали и прочіе додоняне, прислуживающіе въ храмѣ.

56. Мое мнѣніе объ этомъ таково. Если вѣрно, что финикияне увели священныхъ женщинъ и одну изъ нихъ продали въ Ливію, а другую въ Елладу, то мнѣ кажется, что эта вторая женщина продана была въ ту именно часть ипѣвшея Еллады, именовавшейся раньше Пеласгіей, которую населяютъ оеспроты, что впоследствии, будучи рабыней, она соорудила здѣсь подъ настоящимъ дубомъ святилище Зевса; естественно было, что женщина, служившая въ зевскомъ храмѣ въ Оивахъ, сохранила о немъ память и тамъ, куда потомъ прибыла; со временемъ научившись еллинскому языку, она основала здѣсь прорицательство. Вѣроятно также, она

рассказывала, что сестра ея продана въ Ливію; тѣмъ самыми финикиянами, которые продали и ея. **57.** Я полагаю, что женщины названы были у додонянъ голубками потому, что онѣ были варварки и, какъ я говорю, говорили по-птичьи. По словамъ додонянъ, голубка со временемъ заговорила человѣческимъ языкомъ, то есть, послѣ того, какъ женщина стала говорить понятно для туземцевъ; пока она говорила на чужомъ языкѣ, то казалась имъ говорящею по-птичьи, ибо какимъ же образомъ голубка могла бы говорить на человѣческомъ языкѣ? Называя голубку черною, додоняне обозначаютъ этимъ, что женщина была египтянка.

58. Дѣйствительно, способъ прорицанія въ египетскихъ Оивахъ и въ Додонѣ оказываются сходными. Гаданіе по жертвамъ точно также перешло изъ Египта. Египтяне раньше всѣхъ другихъ народовъ стали устраивать общенародныя праздничныя собранія, процессіи и жертвенныя приношенія; отъ египтянъ научились этому еллины, подтвержденіемъ чего служитъ для меня слѣдующее обстоятельство: въ Египтѣ дѣйствія эти совершаются съ очень давнихъ временъ, у еллиновъ они новѣйшаго происхожденія.

59. Праздничныя собранія у египтянъ бывають не одинъ разъ въ году, но многократно; навѣще и навхотѣе собираются они въ городѣ Бубастисѣ въ честь Артемиды, потомъ въ Бусирисѣ въ честь Исиды; въ этомъ послѣднемъ городѣ находится наибольшій храмъ Исиды; а самый городъ стоитъ въ серединѣ Дельты. Исида на еллинскомъ языкѣ называется Деметрою. Въ третихъ, собираются они на празднество Аенны въ городѣ Саисѣ, въ четвертыхъ, въ Геліополѣ въ честь Солнца, въ пятыхъ, въ городѣ Буто въ честь Латоны, въ шестыхъ, въ городѣ Папремисѣ въ честь Арей.

60. На пути въ городъ Бубастисъ египтяне ведутъ себя такъ: ѣдутъ туда мушны и женщины вмѣстѣ, при-

чемъ въ каждомъ суднѣ помѣщается множество лицъ обоюга пола. Нѣсколько женщинъ въ продолженіе всего путешествія трещать трещотками, а нѣсколько мужчинъ играютъ на флейтахъ, остальные женщины и мужчины поютъ пѣсни и хлопаютъ въ ладоши. Подплывая къ какому-нибудь другому городу, они пригоняютъ судно къ берегу, причемъ нѣкоторыя женщины продѣлываютъ то же, что и прежде, другія кричатъ и издѣваются надъ женщинами этого города, третьи пляшутъ, четвертыя подпрыгиваютъ, поднимаютъ платье и обнажаются. Вдущіе продѣлываютъ это у каждаго города, лежащаго на рѣчномъ пути. Когда наконецъ они прибываютъ въ Бубастисъ, устраиваютъ тамъ празднество съ обильными жертвами, и виноградное вино выпивается тогда въ большемъ количествѣ, нежели за все остальное время года. Собирается здѣсь мужчинъ и женщинъ, не считая дѣтей, около семисотъ тысячъ душъ, какъ разсказываютъ туземцы. Таково празднество въ Бубастисѣ.

61. Какъ совершается празднество въ Бусирисѣ, я сказалъ уже прежде ¹⁾, именно: послѣ жертвоприношенія всѣ мужчины и женщины въ числѣ многихъ десятковъ тысячъ сокрушаются въ слезахъ; по комъ они сокрушаются, грѣшно было бы говорить. Всѣ тѣ карійцы, которые живутъ въ Эгиптѣ, дѣлаютъ еще больше этого: ножами разрѣзываютъ себѣ кожу на лицѣ, изъ чего видно, что они не эгиптяне, а пришельцы.

62. На праздничномъ собраніи въ городѣ Саксѣ всѣ участвующіе зажигаютъ въ одну изъ ночей во время жертвоприношеній множество лампадъ подъ открытымъ небомъ, вокругъ дома, причемъ лампадами служатъ чашки, наполненныя солью и масломъ; сверху плаваютъ свѣтильни. Лампады горятъ цѣлую ночь, и самый праздникъ называется Возженіемъ лампадъ. Тѣ изъ эгиптянъ,

которые не попадаютъ на празднество, все-таки соблюдаютъ эту праздничную ночь и сами возжигаютъ лампады; благодаря этому огни горятъ не въ одномъ только Саксѣ, но по цѣлому Эгипту. Ради чего эта ночь освѣщается и почитается, объясняется въ одномъ священическомъ сказаніи:

63. На собраніяхъ въ Гелиополи и Буто только совершается жертвоприношеніе. Въ Папремисѣ жертвоприношеніе и празднество совершаются точно такъ же, какъ и въ другихъ мѣстахъ. Впрочемъ когда солнце склоняется къ западу, нѣсколько жрецовъ заняты бывають около кумира божества, а большинство ихъ съ деревянными дубинками въ рукахъ стоятъ у входа въ храмъ. На противоположной сторонѣ помѣщается толпа людей въ тысячу съ лишнимъ человекъ во исполненіе обѣта; всѣ они тоже съ дубинками. Изображеніе божества, помѣщающагося въ небольшомъ деревянномъ поволоченномъ храмѣ, переносится наканунѣ праздника въ другое священное строеніе. Съ другой стороны тѣ немногіе жрецы, которые оставались подлѣ кумира, подвозятъ четырехколесную повозку съ храмомъ и кумиромъ въ немъ, а стоящіе у входа въ храмъ жрецы не пропускаютъ повозки, причемъ исполняющіе обѣтъ спѣивать къ божеству на помощь и наносятъ удары не пропускающимъ божества жрецамъ; эти послѣдніе защищаются. Слѣдствіемъ этого бываетъ ожесточенная битва, дерущіеся бьютъ дубинами другъ друга по головамъ и, какъ я полагаю, многіе умираютъ отъ этихъ ушибовъ. Эгиптяне, правда, увѣрняютъ, что убитыхъ не бываетъ тогда вовсе.

64. По словамъ туземцевъ, происхожденіе праздника таково: нѣкогда въ храмѣ этомъ жила мать Арея; воспитанный и возмужавшій вдали отъ матери, сынъ пришелъ однажды къ ней и желалъ имѣть съ нею сообщеніе; слуги матери, никогда раньше не видавшіе

¹⁾ II, 40.

Арея, не желали впустить его и гнали прочь; однако Арей привелъ съ собою людей изъ другого города, жестоко расправился съ слугами матери и вошелъ къ ней. Отсюда, говорятъ они, и ведетъ свое начало это побойще въ честь Арея на его праздниѣ.

65. Египтяне первые воспретили половыя сообщенія въ храмахъ и первые стали не дозволить послѣ сообщенія входить въ храмъ не обмывшись. Дѣйствительно, почти все народы, кромѣ египтянъ и еллиновъ, дозволяютъ себѣ сообщаться съ женщинами въ храмахъ, а послѣ сообщенія не обмывшись входить въ храмъ. Они полагаютъ, что между людьми и прочими животными нѣтъ никакой разницы; эти народы видятъ, говорятъ они, что другія животныя и различныя породы птицъ сообщаются въ самыхъ храмахъ боговъ и въ посвященныхъ богамъ мѣстахъ; еслибы богамъ было не угодно, то животныя этого и не дѣлали бы. Впрочемъ, какъ въ другихъ случаяхъ, такъ и въ нижеслѣдующемъ, египтяне обнаруживаютъ чрезвычайное религіозное настроеніе. Хотя Египетъ граничитъ съ Ливіей, но онъ не особенно богатъ животными; за то все, имѣющіяся въ немъ животныя, почитаются тамъ священными, причемъ нѣкоторыя породы содержатся вмѣстѣ съ людьми, а другія отдѣльно отъ нихъ. Еслибы я сталъ объяснять, почему египтяне почитаютъ животныя священными, я бы коснулся божескихъ предметовъ; между тѣмъ я строжайше воздерживаюсь говорить о нихъ, и то, что до сихъ поръ сказано объ этомъ, было вынуждено только необходимостью. Обращаются египтяне съ животными такъ: для ухода за каждой породой животныя назначены особые сторожа мужскаго или женскаго пола, причемъ званіе сторожа переходитъ у нихъ по наследству отъ отца къ сыну. Кромѣ того, жители городовъ такъ выполняютъ данныя ими обѣты: давая обѣтъ тому божеству, которому принадлежитъ извѣстное

животное, они стригутъ своимъ дѣтямъ или всю голову, или половину, или третью часть головы и ввѣшиваютъ волосы на серебро; сколько вѣсятъ волосы, столько вручаютъ они серебра сторожикъ животныя, а она покупаетъ на это серебро рыбы, рѣжетъ ее на мелкіе куски и отдаетъ животному въ пищу. Таково ихъ питаніе. Если кто-нибудь убьетъ это животное съ умысломъ, то наказывается смертною казнью, если же безъ умысла, то подвергается такому штрафу, каковой будетъ наложенъ жрецами. Но кто убьетъ ибиса или истреба, съ умысломъ ли или безъ умысла, долженъ быть казненъ.

66. Какъ ни много есть животныя, которыя содержатся вмѣстѣ съ людьми, но ихъ было бы гораздо больше, еслибы кошка не постигала такая участь: оотыившія самки не идуть больше къ самцамъ, самцы напротивъ ищутъ случая сообщить съ самцами но не находятъ ихъ. Тогда они пускаются на хитрость: у самокъ похищаютъ котятъ и умерщвляютъ ихъ, но труповъ не пожираютъ. Будучи лишены дѣтенышей и сильно желая имѣть ихъ опять, самки послѣ этого обращаются къ самцамъ, потому что это—животное задолюбивое. Если случается пожаръ, то на кошекъ нападаетъ что-то необыкновенное: ставши на нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга, египтяне въ такомъ случаѣ стерегутъ кошекъ, вовсе не заботясь о тушеніи пожара; однако кошки проскальзываютъ между ними или перепрыгиваютъ черезъ нихъ и кидаются въ огонь. Подобные случаи причиняютъ египтянамъ сильное огорченіе. Если кошка въ какомъ-нибудь домѣ умретъ своею смертью, то все ибигатели этого дома стригутъ себѣ однѣ брови; если умретъ собака, то остригаютъ все тѣло и голову.

67. Умершихъ кошекъ перевозятъ въ священныя помѣщенія, балзамируютъ и хоронятъ въ Бубастисѣ.

Собаки хоронят всё в своих городах в священ-
ных гробницах. Ихнемонов хоронят так же, как
и собак. Землероск и ястребов отвозят в город
Буто, а ибисов в Гермесов город. Медвѣдей, ко-
торые у нихъ рѣдки, и волковъ, которые немного боль-
ше лисицъ, хоронятъ тамъ, гдѣ находятъ ихъ трупы.

88. Нравы крокодиловъ таковы: это четвероное
земноводное животное ничего не ѣстъ в теченіе са-
мыхъ суровыхъ четырехъ зимнихъ мѣсяцевъ; кладетъ и
высиживаетъ яйца на сушѣ, на сушѣ же проводить и
большую часть дня, а цѣлую ночь живетъ в рѣкѣ,
потому что в водѣ теплѣе, нежели подъ открытымъ
небомъ во время росы. Это единственное изъ всѣхъ
известныхъ намъ животныхъ, которое изъ очень малень-
каго становится очень большимъ. Дѣйствительно, яйца
крокодила только немного больше гусиныхъ, новоро-
жденный по величинѣ соответствуетъ яйцу, а съ возра-
стомъ увеличивается до семнадцати локтей и даже боль-
ше. Глаза онъ имѣетъ свѣтлыя, большіе зубы и клыки,
соответствующіе размѣрамъ всего тѣла. Это—един-
ственное животное, не имѣющее языка. Нижнюю че-
люсть крокодила не двигаетъ, и изъ всѣхъ живот-
ныхъ онъ одинъ опускаетъ верхнюю челюсть на ниж-
нюю; когти у него крѣпкіе, а кожа чешуйчатая, на
спинѣ не пробиваемая. В водѣ онъ слѣпъ, а на от-
крытомъ воздухѣ имѣетъ острое зрѣніе. Такъ какъ онъ
живетъ обыкновенно в водѣ, то пасть его всегда пол-
на пиявокъ. Всѣ птицы и звѣри набѣгаютъ крокодила;
съ одной тиркушкой живетъ онъ в ладу, потому что
пользуется ея услугами, именно: когда крокодилъ вы-
ходитъ изъ воды на сушу, онъ открываетъ свою пасть,—
почти всегда по направленію къ западному вѣтру, тир-
кушка входитъ в пасть и пожираетъ пиявокъ. Это
доставляетъ крокодилу удовольствіе, и онъ не причи-
няетъ тиркушкѣ никакого вреда.

89. Для одной части египтянъ крокодилы священ-
ны, для другой нѣтъ, и эти послѣдніе обращаются
съ ними какъ съ врагами. Особенно священными по-
читаютъ крокодиловъ в Ѳвахъ и в окрестностяхъ
Миридова озера. Жители обѣихъ этихъ мѣстностей
кормятъ одного отборнаго крокодила, сдѣлавши его
ручнымъ, вѣшаютъ ему в уши серьги изъ стекла и
золота, на переднія лапы надѣваютъ кольца, даютъ ему
особенную пищу и приносятъ жертвы, вообще при
жизни обращаются съ нимъ съ чрезвычайною заботли-
востью, а умершаго бальзамируютъ и кладутъ в свя-
щенной гробницѣ. Напротивъ жители окрестностей
Елефантинны не считаютъ крокодиловъ священными и
употребляютъ ихъ в пищу. В Египтѣ называются
они впрочемъ не крокодилами, но хамисами; крокоди-
лами называли ихъ іоняне, уподобили ихъ по виду тѣмъ
ящерицамъ, или крокодиламъ, которые попадаютъ у
нихъ в стѣнахъ.

90. Охотится на крокодиловъ многочисленными разно-
образнѣйшими способами; я опишу одинъ изъ нихъ,
по моему мнѣнію наиболѣе того заслуживающій. Свиной
хребетъ накаливается для приманки на крючокъ и опу-
скается в воду посрединѣ рѣки, самъ охотникъ ста-
новится в это время на берегу рѣки, съ живымъ по-
росенкомъ и бьетъ его. Услышавши крикъ поросенка,
крокодилъ бѣжитъ на него, нападаетъ на хребетъ и
глотаётъ его; тогда крокодила вытаскиваютъ на сушу,
и охотникъ прежде всего грязью заливаетъ ему глаза.
Послѣ этого очень легко справиться съ крокодиломъ,
а иначе было бы трудно.

91. Гиппопотамы в напремитскомъ округѣ—свя-
щенныя животныя, а для прочихъ египтянъ они не
священны. Наружный видъ животнаго таковъ: чете-
роное, съ раздвоенными копытами, съ тупымъ но-
сомъ, съ лошадиной гривой, съ выступающими наружу

кльями, съ лошадинымъ хвостомъ и голосомъ, величиною съ самаго большаго быка. Кожа его такъ толста, что ее засушиваютъ и дѣлаютъ изъ нея копейныя древки.

72. Въ Нилѣ водятся также выдры, почитаемыя священными. Изъ числа рыбъ священными считаются такъ называемая чешуйчатка и угорь; египтяне говорятъ, что рыбы эти посвящены Нилу; изъ птицъ священна кархаль.

73. Есть впрочемъ и другая священная птица; называется она фениксъ. Я не видѣлъ ея, развѣ на рисункѣ только. Дѣйствительно, по словамъ гелиополянъ, она рѣдко посѣщаетъ Египетъ, развѣ въ пятьсотъ лѣтъ; прилетаетъ птица тогда, говорятъ они, когда умретъ ея отецъ. Величина и наружный видъ ея таковы, если только вѣрно изображаютъ ее: пѣвѣе перьевъ феникса частью золотистый, частью пурпурный; по величинѣ и строенію онъ походитъ больше на орла. Слѣдующія дѣйствія приписываются фениксу, чему однако я не вѣрю: будто онъ отправляется изъ Аравіи въ храмъ Солнца и несетъ туда положеннаго въ благовонную смолу своего отца и тамъ хоронитъ его. Фениксъ поступаетъ при этомъ такъ: прежде всего онъ приготовляетъ изъ смирьи яйцо такой величины, что едва можетъ поднять его, потомъ для пробы несетъ яйцо; послѣ исптанія дѣлаетъ въ немъ отверстіе и кладетъ туда трупъ отца, другимъ кускомъ смирьи замазываетъ отверстіе яйца, въ которое положенъ отецъ, послѣ чего вѣсь яйца остается первоначальнымъ. Съ нимъ фениксъ улетаетъ по направленію къ Египту въ храмъ Солнца. Вотъ что по рассказамъ дѣлаетъ эта птица.

74. Въ области Оивъ есть священныя змѣи; онѣ не причиняютъ людямъ никакого вреда, малыя имѣютъ два рога на верхушкѣ головы; по смерти хоронятъ ихъ

въ храмѣ Зевса, потому что, говорятъ оивяне, змѣи посвящены этому божеству.

75. Въ Аравіи, очень недалеко ютъ города Буто, есть мѣстность, куда я совершилъ путешествіе; для развѣдокъ о крылатыхъ змѣяхъ. Тамъ я увидѣлъ нескаванное множество змѣиныхъ костей и остововъ. Они лежали дѣлыми многочисленными кучами, большими, нѣсколько меньшими и еще меньшими. Мѣстность, въ которой лежатъ кучи этихъ костей, представляетъ узкую горную долину, которая выходитъ на обширную равнину, а эта послѣдняя граничитъ съ равниной египетской. Существуетъ рассказъ, что при началѣ весны змѣи летать изъ Аравіи въ Египетъ, но навстрѣчу имъ вылетаютъ ибисы до самой тѣнины, не пропускаютъ ихъ въ Египетъ и истребляютъ. За эту-то услугу, говорятъ арабы, и пользуются ибисы такимъ почетомъ у египтянъ; согласно съ этимъ объясняютъ свое почтеніе къ ибисамъ и сами египтяне.

76. Наружный видъ ибиса таковъ: весь онъ совершенно черный, на журавлиныхъ ногахъ, съ сильно изогнутымъ клювомъ, величиною почти съ креса. Такова наружность черныхъ ибисовъ, воюющихъ съ змѣями. Но тѣ ибисы, которые больше держатся среди людей,—потому что есть два вида ибисовъ,—имѣютъ голову и всю шею обнаженныя, перья бѣлыя, кромѣ головы, шеи, концовъ крыльевъ и гуски: все это, какъ мы сказали, совершенно чернаго цвѣта; ноги и клювъ такіе же, какъ и у чернаго ибиса. Наружный видъ змѣи такой же, какъ и гидрофидъ, крылья ея безъ перьевъ; онѣ очень похожи на крылья летучей мыши. Столько о священныхъ животныхъ.

77. Что касается самихъ египтянъ, то тѣ изъ нихъ, которые занимаютъ обработываемую часть Египта и ревниво сохраняютъ память о прошломъ, оказываются наиболѣе свѣдущими изъ всѣхъ изслѣдованныхъ мною

народовъ. Образъ жизни ихъ нижеслѣдующій: въ увѣренности, что всѣ болѣзни приключаются людямъ отъ употребляемой ими пищи, они въ заботахъ о здоровьѣ ежемѣсячно въ теченіе трехъ дней очищаютъ себя желудокъ рвотными и клистирами. Вообще египтяне послѣ ливнѣ самый здоровый народъ, благодаря, какъ мнѣ кажется, климату, именно постоянству погоды. Дѣйствительно, болѣзни у людей происходятъ большею частью отъ всякаго рода непостоянства, главнымъ образомъ отъ переменъ въ погоду. Питаются египтяне хлѣбомъ изъ полбы, называемымъ у нихъ *калестисъ*. Вино готовится у нихъ изъ ячменя, такъ какъ виноградъ въ ихъ землѣ не растетъ. Рыбу частью вялятъ на солнцѣ и ѣдятъ въ сыромъ видѣ, частью солить и ѣдятъ въ рассолѣ. Изъ птицъ они солить и ѣдятъ сырыми перепелокъ, утокъ и вообще мелкую птицу. Всѣхъ остальныхъ, имѣющихся у нихъ птицъ и рыбъ, за исключеніемъ тѣхъ конечно, которыя почитаются священными, египтяне употребляютъ въ пищу въ жареномъ или вареномъ видѣ.

78. Въ богатыхъ домахъ на пиршествахъ по окончаніи обѣда обносятъ лежащее въ гробу деревянное изображеніе мертвеца, мастерски сдѣланное и раскрашенное, величиною въ одинъ или два локтя; каждому изъ пирующихъ показываютъ его съ словами: „пей и наслаждайся, но взгляни и на него; по смерти ты будешь такимъ же“. Такъ поступаютъ они на пирахъ.

79. Вѣрно соблюдая отеческіе обычаи, египтяне не заимствуютъ ничего отъ иностранцевъ. Многие обычаи ихъ заслуживаютъ упоминанія; есть у нихъ между прочимъ одна пѣсня, Линъ, такая самая, какую поютъ въ Финикіи, на Кипрѣ и въ другихъ мѣстахъ, причемъ у každого народа она имѣетъ особое названіе; съ нею совершенно сходна и та пѣсня, которую подъ именемъ Лина поютъ еллины. Многое въ Египтѣ возбуждало во

мнѣ удивленіе, въ томъ числѣ и пѣсни Лина, именно, откуда египтяне заимствовали имя Лина. Они очевидно искони поютъ эту пѣсню. Линъ по-египетски называется Манеросъ. Египтяне мнѣ рассказывали, что онъ былъ единственный сынъ перваго египетскаго царя, что послѣ безвременной смерти онъ былъ почтенъ жалобными изліаніями въ пѣснь; это-де и была у нихъ первая и единственная мелодія.

80. И въ другомъ отношеніи египтяне имѣютъ сходство съ еллинами, но изъ еллиновъ только съ одними лакедемонянами, именно: младшіе при встрѣчѣ съ старшими уступаютъ имъ дорогу, сворачиваютъ, а когда старшіе подходятъ близко, младшіе встаютъ съ своихъ мѣстъ. Слѣдующая черта отличаетъ египтянъ отъ всѣхъ другихъ народовъ: на улицахъ они привѣтствуютъ другъ друга не словесно, но низкимъ поклономъ, причемъ одну руку опускаютъ до колѣна.

81. Египтяне носятъ полотняныя туники съ бахромою у голеней, такъ называемые *калестирисъ*. Поверхъ туники надѣвается бѣлая шерстяная одежда въ накидку. Однако въ шерстяныхъ одеждахъ грѣшно входить въ храмъ или хоронить покойниковъ. Въ этомъ отношеніи обычаи египтянъ согласуются съ орфическими и вакхическими обрядами, въ сущности египетскими и пиеагорейскими: посвященному въ эти таинства грѣшно быть погребену въ шерстяныхъ одеждахъ. Объ этомъ обычаѣ впрочемъ существуетъ священное сказаніе.

82. Египтяне придумали еще и многое другое, на примѣръ: каждый мѣсяцъ и каждый день у нихъ посвященъ особымъ божествамъ, и по тому, въ какой день кто родился, можно угадать, какова будетъ его судьба, какою смертью умереть онъ, и какой будетъ у него характеръ. Этими правилами воспользовались изъ еллиновъ тѣ, которые занимались поэзіей. Чудесныхъ знаменій у египтянъ наблюдается больше, нежели у

всѣхъ другихъ народовъ вмѣстѣ; если случается какое-нибудь знаменіе, они записываютъ его и наблюдаютъ исходъ; если потомъ подобное знаменіе случится вторично, они ожидаютъ такого же исхода.

83. Искусство прорицанія находится у нихъ въ такомъ положеніи: оно принадлежитъ не кому-либо изъ людей, но нѣкоторымъ божествамъ. Здѣсь есть прорицалища Геракла, Аполлона, Аонны, Артемиды, Арея и Зевса; но ни одно изъ нихъ не пользуется такимъ уваженіемъ, какъ прорицалище Латоны въ городѣ Буго. Самые способы прорицанія у равныхъ оракуловъ различные.

84. Врачебное искусство раздѣлено у нихъ такимъ образомъ, что каждый врачъ излѣчиваетъ только одну болѣзнь. Поэтому вездѣ у нихъ полно врачей; одни дѣлаютъ глаза, другіе голову, третьи зубы, четвертые желудокъ, пятые внутренніи болѣзни.

85. Оплакиваніе покойника и похороны совершаются у нихъ такъ: если въ какомъ-нибудь домѣ умираетъ мушпа съ извѣстнымъ значеніемъ, то немедленно всѣ женщины этого дома намазываютъ себѣ грязью голову, а иногда и лицо, потомъ, оставивши покойника въ домѣ, бѣгаютъ сами по городу съ плачемъ, подпоясавшись и обнаживши груди; вмѣстѣ съ ними дѣлаютъ то же и всѣ родственницы покойника. Мушпы съ своей стороны предаются печалованію, подпоясавшись подобно женщинамъ. Только послѣ этого трупъ уносятъ для бальзамированія.

86. Въ Эгиптѣ есть особыя лица, занимающіяся бальзамированіемъ труповъ и владѣющія этимъ искусствомъ. Когда принесутъ къ нимъ покойника, они показываютъ принесшимъ деревянные, раскрашенные образцы покойниковъ; при этомъ совершеннѣйшій способъ бальзамированія, говорятъ они, примѣненъ къ тому существу, назвать которое по имени я считаю для себя

въ настоящемъ случаѣ грѣхомъ; затѣмъ показываютъ они второй способъ, менѣе совершенный и не столь дорогой, наконецъ третій, самый дешевый. Послѣ объясненій они спрашиваютъ лицъ, принесшихъ покойника, по какому изъ трехъ способовъ желательно имъ бальзамировать трупа. Родственники условливаются въ цѣнѣ и удаляются, а остающіеся въ своей мастерской бальзамировщики производятъ бальзамированіе по наилучшему способу такимъ образомъ: прежде всего съ помощью желѣзнаго крючка извлекаютъ изъ головы черевъ ноздри мозга; такъ извлекается впрочемъ только часть мозга, другая часть посредствомъ вливаемыхъ туда медикаментовъ; потомъ острымъ эеопскимъ камнемъ дѣлаютъ въ паху разрѣзъ и тотчасъ вынимаютъ изъ живота всѣ внутренности; вычистивши полость живота и выполоскавши ее пальмовымъ виномъ, снова вычищаютъ ее перетертыми благовоіями; наконецъ животъ наполняется чистою растертою смрною, касоей и прочими благовоіями, только не ладаномъ, и запирается. Послѣ этого трупа кладутъ въ самородную щелочную соль на семдесятъ дней; дольше держать въ соли не дозволяется. По прошествіи семидесяти дней, покойника обмываютъ, все тѣло обворачиваютъ въ тонкій холстъ, порѣзанный въ тесьмы и снизу смазанный гумми, который въ большинствѣ случаевъ употребляется у эгиптянъ вмѣсто клея. Тогда родственники получаютъ трупа обратно, приготавливаютъ деревянную человѣкоподобную фигуру, кладутъ туда трупа, закрываютъ ее и сохраняютъ въ могильномъ склепѣ, поставивши стоймя подлѣ стѣны.

87. Такъ бальзамируютъ покойниковъ по самому дорогому способу. Если же родственники покойнаго, во избѣжаніе большихъ расходовъ, желаютъ бальзамировать по умѣренной цѣнѣ, то бальзамировщики поступаютъ такимъ образомъ: въ кистирныя трубки нали-

вают кедроваго масла и наполняют имъ животъ, но при этомъ не дѣлаютъ разрѣза въ паху и не вынимаютъ внутренностей; масло вливаютъ черезъ задній проходъ, не выпускаютъ промывательнаго навада и кладутъ трупъ въ соль на опредѣленное число дней; въ послѣдній день выпускаютъ изъ живота кедровое масло, вливаютъ въ него раньше. Свойство этого масла такое, что вмѣстѣ съ собою оно вырываетъ и животъ, и распустившіяся внутренности; въ соли распускается мясо, такъ что отъ покойника остаются только кожа да кости. Послѣ этого немедленно возвращаютъ покойника родственникамъ, потому что ничего больше съ нимъ не дѣлаютъ.

88. Третій способъ бальзамованія, употребительный для бѣдняковъ, состоитъ въ слѣдующемъ: рѣдкимъ масломъ вычищаютъ животъ покойника и потомъ кладутъ его на семдесятъ дней въ соль; по прошествіи этого времени трупъ возвращается.

89. Если умираетъ жена лица значительнаго, то покойницу отдають бальзамировать не тотчасъ, равно какъ трупы женщинъ очень красивыхъ и пользовавшихся значеніемъ; бальзамировщикамъ передаютъ такихъ покойницъ только на третій или на четвертый день послѣ смерти. Дѣлается такъ для того, чтобы бальзамировщики не сообщались съ покойницами. Дѣйствительно, рассказываютъ, что одинъ изъ бальзамировщиковъ уличилъ своего товарища въ томъ, что онъ имѣлъ сообщеніе съ свѣжимъ еще трупомъ женщины, въ чемъ и былъ пойманъ на мѣстѣ.

90. Если кто-либо изъ египтянъ ли, или чужеземецъ безразлично, оказывается умершимъ отъ крокодила, похитившаго его, или утонувшимъ въ рѣкѣ, то жители того города, къ которому трупъ такого покойника будетъ занесенъ водою, непрестанно обязуются набальзамировать его, возможно лучше убрать и похоронить въ священныя гробнищахъ. Никто не въ правѣ

касаться такого покойника, ни изъ родственниковъ, ни изъ друзей его одни только жрецы Нила принимаются за него и хоронятъ какъ нѣчто высшее человѣка. 91. Египтяне избѣгаютъ заимствованій отъ еллиновъ, и не только впрочемъ отъ еллиновъ, но вообще отъ какого бы то ни было народа. Сообразно съ этимъ такъ всѣ египтяне и поступаютъ. Однако въ египетскомъ округѣ вблизи Новаго города есть большой городъ Хеммисъ; въ этомъ городѣ имѣется четырехугольный храмъ Персея, сына Данаи, вокругъ котораго растутъ пальмы. Предверіе храма каменное, обширное, а у входа въ него стоятъ два колоссальныхъ каменныхъ кумира. Въ оградѣ стоитъ домъ божій, а въ немъ помѣщается култрь Персея. По словамъ хеммитянъ, Персей часто появляется у нихъ въ разныхъ мѣстахъ ихъ страны, иногда внутри храма; они прибавляютъ, что здѣсь находить его садилю величиною въ два локтя, и что какъ только она появляется, весь Египетъ благоденствуетъ. Такъ рассказываютъ хеммитяне, и вотъ что устриваютъ въ честь Персея по примѣру еллиновъ: учреждаютъ состязательныя игры всякаго рода, причѣмъ наградами служатъ шкуры, плащи и кожа. Когда и спросилъ, почему Персей является лишь имъ однимъ, и почему въ отличіе отъ прочихъ египтянъ они устриваютъ у себя состязаніе, хеммитяне отвѣчали, что Персей проехавъ изъ ихъ города, что хеммитяне Данаи и Линкеи отплыли въ Егладу; ведя родословную этихъ двухъ лицъ внизъ, они доходили до Персея. Въ Египетъ прибылъ Персей, по ихъ рассказамъ, по той же причинѣ, о какой говорятъ и еллины, именно за головой Горгоны; за этимъ прибылъ онъ въ Египетъ, явился къ нимъ и здѣсь узналъ всѣхъ своихъ родственниковъ, а въ Египетъ прибылъ-де потому, что раньше изъ рассказовъ матери узналъ имя Хеммиса; по его-то внушенію они и учредили состязаніе.

92. Всѣ эти учрежденія существуютъ у египтянъ, живущихъ надъ болотами. Что касается тѣхъ египтянъ, которые занимаютъ область болотъ, то, говоря вообще, правы и обычай ихъ такіе же, какъ и остальныхъ; между прочимъ подобно еллинамъ каждый изъ нихъ имѣетъ одну жену. Однако ради удешевленія пропитанія они придумали слѣдующее особое средство: когда рѣка выступаетъ изъ береговъ и заливааетъ равнину, на водѣ вырастаютъ въ большомъ числѣ лиліи, называемыя у египтянъ лотосомъ; они срываютъ ихъ, сушатъ на солнцѣ, потомъ разбиваютъ макоподобныя сѣмена лотоса, добываемыя изъ середины цвѣтка, и приготавливаютъ тѣсто, которое пекутъ на огнѣ. Корень этого лотоса также съѣдобенъ и имѣетъ довольно пріятный сладковатый вкусъ; онъ круглый и величиною съ яблоко. Въ рѣкѣ бываетъ и другой видъ лиліи, похожій на розу; плодъ цвѣтка помѣщается въ особой чашечкѣ, вырастающей изъ корня сбоку; онъ похожъ по виду на соты осы. Въ чашечкѣ содержится множество съѣдобныхъ зеренъ, величиною съ косточку маслины; ихъ ѣдятъ сырыми или сушеными. На болотахъ же вырываютъ однолѣтній панирусъ; верхнюю часть его срываютъ и употребляютъ на разлчныя подѣлки, а остающуюся нижнюю длиною почти въ локоть поѣдаютъ. Если кто желаетъ имѣть особенно вкусный панирусъ, то поджариваетъ его въ пылающей печи и ѣстъ въ такомъ видѣ. Нѣкоторые изъ этихъ египтянъ питаются только рыбой; поймавши рыбу и высушивъ изъ нея внутренности, ее сушатъ на солнцѣ и въ сухомъ видѣ ѣдятъ.

93. Тѣ рыбы, которыми держатся въ водѣ толпами, въ здѣшнихъ рѣкахъ водятся мало; находятся онѣ обыкновенно въ озерахъ, причемъ замѣчается слѣдующее: всякій разъ, когда наступаетъ пора оплодотворенія, онѣ толпами устремляются въ море. Впереди идутъ самцы и мечутъ сѣмена, а слѣдующія за ними самки прогла-

тываютъ ихъ и оплодотворяются. Оплодотворившись въ морѣ, рыбы отплываютъ обратно на свои обычныя мѣста жительства. При этомъ предводительствуютъ уже не самцы, но самки; предводительницы плывутъ толпами и дѣлаютъ то же самое, что прежде дѣлали самцы, именно: выбрасываютъ изъ себя по нѣсколько яицъ величиною съ пшено, а слѣдующіе за ними самцы глотаютъ ихъ вмѣстѣ съ водой; зернышки эти есть рыбы; рыбы рождаются изъ уцѣлѣвшихъ зеренъ, не проглоченныхъ самцами. Пойманныя на пути въ морѣ рыбы оказываются съ ссадиной на лѣвой сторонѣ головы, а пойманныя на обратномъ пути въ озера имѣютъ ссадину съ правой стороны головы. Происходитъ это вотъ отчего: когда онѣ плывутъ въ море, то держатся лѣваго берега рѣки, того же берега держатся и на обратномъ пути, причемъ рыба идетъ очень близко къ берегу и трется объ него, чтобы теченіемъ не быть сбитою съ пути. Когда вода въ Нилѣ начинаетъ прибывать, то наполняются просачивающейся изъ рѣки водой прежде всего впадины и болота, лежація вдоль рѣки; и лишь только эти мѣста наполнятся водою, какъ ихъ переполняетъ мелкая рыба. Мнѣ кажется, я вѣрно объясняю, отчего это обыкновенно происходитъ: каждый годъ въ то время, когда вода въ Нилѣ начинаетъ убывать, рыба кладетъ яйца въ илъ и потомъ уходитъ въ мѣстѣ съ послѣдней водой; по прошествіи нѣкотораго времени вода возвращается снова, и рыба немедленно рождается изъ покинутыхъ яицъ. Столько о рыбахъ.

94. Занимающіе болотныя пространства египтяне приготавливаютъ себѣ масло, которое называется у нихъ *кики*, слѣдующимъ образомъ изъ плодовъ силликипрія: этотъ силликипрій, растущій у еллиновъ въ дикомъ состояніи, египтяне сносятъ по берегамъ рѣкъ и озеръ; посѣвы приносятъ обильные плоды, но съ дурнымъ за-

пахомъ. Собранные плоды или толкутъ и такимъ образомъ выжимаютъ масло, или высушиваютъ и варятъ, а вытекающее изъ нихъ масло собираютъ. Масло это жирно и не менѣе оливокъ пригодно для освѣщенія, только имѣетъ тяжелый запахъ.

95. Противъ огромнаго множества комаровъ египтяне придумали слѣдующее средство: выше болотъ живущіе египтяне пользуются для этой цѣли башнями, куда взбираются на время сна, ибо вѣтеръ мѣшаетъ комарамъ летать высоко. Жители болотныхъ пространствъ вмѣсто башенъ прибѣгаютъ къ слѣдующему средству: каждый изъ нихъ запасается неводомъ; днемъ онъ ловитъ имъ рыбу, а ночью ставитъ его кругомъ той постели, на которой спитъ, потомъ подползаетъ подъ неводъ и спитъ подъ нимъ. Еслибы онъ спалъ въ шерстяномъ или полотняномъ платѣ, то комары кусали бы черезъ него, но черезъ сѣтку они не пытаются кусать.

96. Ластовныя суда строятъ они изъ темной акаціи, которая по наружному виду очень похожа на киринейскій лотосъ, а смола ея служитъ гумми. Изъ этого дерева вырѣзываютъ доски локтя въ два дліною, складываютъ ихъ вмѣстѣ какъ кирпичи; затѣмъ эти ряды двухлоптевыхъ бревенъ сирѣпляются проходящими насквозь гвоздями, деревянными, густо вбиваемыми. Сколотивши такимъ образомъ плотъ, кладутъ на него связывающія доски поперекъ. Реберъ такое судно не имѣетъ вовсе; пазы внутри законопачиваются папирусомъ. Судно имѣетъ одинъ руль, который проходитъ черезъ самую нижнюю часть дна. Мачта дѣлается изъ акаціи, а паруса изготовляются изъ папируса. Суда эти не могутъ ходить вверхъ по рѣкѣ, развѣ при сильномъ вѣтрѣ, и обыкновенно ихъ тянутъ стоящіе на берегу люди. Внизъ по теченію судно идетъ такъ: изъ тамарисковаго дерева приготавливаютъ рѣшетку, обтянутую тростнико-

вымъ плетениемъ, и берутъ просверленный камень вѣсомъ таланта въ два. Рѣшетку на канатѣ пускаютъ впереди судна, а камень на другомъ канатѣ бросаютъ свади; подъ напоромъ теченія рѣшетка плыветъ быстро и увлекаетъ за собою *барисъ*,—такъ называется это судно,—между тѣмъ какъ тянущіеся свади въ глубинѣ камень даетъ направленіе судну. Такого рода суда у египтянъ въ большомъ употребленіи, и нѣкоторые изъ нихъ тянутъ по нѣсколькимъ тысячъ талантовъ груза.

97. Во время разлива Нила поверхъ воды видныются только города подобно островамъ на Эгейскомъ морѣ. Дѣйствительно, весь Египетъ превращается тогда въ море, надъ поверхностью котораго выдаются города. Въ такое время суда ходятъ не по руслу рѣки, но напрямикъ по равнинѣ; такъ, плывущій изъ Навкратиса вверхъ къ Мемфису проходитъ мимо самыхъ пирамидъ; обыкновенный же путь лежитъ мимо вершины Дельты и подлѣ города Керкасора. Съ другой стороны отъ моря и Каноба въ Навкратисъ путь лежитъ черезъ равнину мимо города Анеиллы и такъ называемаго Архандрова города.

98. Изъ этихъ городовъ Анеилла—городъ значительный; со времени персидскаго господства въ Египтѣ каждый царь отдаетъ этотъ городъ супругѣ своей въ собственность на башмаки. Другой городъ названъ, какъ мнѣ кажется, по имени зятя данаева Архандра, сына Феія и внука Ахея, потому что городъ называется Архандровымъ. Если-бы даже былъ и другой Архандръ, то все же названіе это не египетское.

99. До сихъ поръ я излагалъ по личному наблюденію, а также собственныя заключенія и свидѣнія, добытыя разспросами; далѣе буду сообщать рассказы египтянъ такъ, какъ я слышалъ ихъ, прибавляя впрочемъ кое-что и изъ собственного наблюденія.

По словамъ египетскихъ жрецовъ, первый царь

2802 Египта Минъ оградилъ плотинами Мемфисъ. Первоначально рѣка протекала вдоль песчаного хребта со стороны Ливии, а Минъ соорудилъ стадій на сто выше Мемфиса плотину и тѣмъ управднилъ рукавъ рѣки къ югу отъ города, прежнее русло оставилъ сухимъ и направилъ рѣку по новому руслу между двухъ горъ. Еще и теперь персы ревниво охраняютъ этотъ рукавъ Нила и слѣдятъ за тѣмъ, чтобы рѣка не прорвала плотины, и потому ежегодно укрѣпляютъ ее. Дѣйствительно, если бы рѣка прорвала въ этомъ мѣстѣ плотину и потекла бы черезъ нее, то всему Мемфису угрожала бы опасность затопленія. Осушивши прежнее русло посредствомъ плотины, первый царь Египта Минъ основалъ на томъ самомъ мѣстѣ нынѣшній Мемфисъ; въ самомъ дѣлѣ Мемфисъ лежитъ въ узкой части Египта. Спаружи съ сѣвера и запада онъ обвелъ городъ озеромъ, которое питается Ниломъ, а самый Ниль ограничиваетъ городъ съ востока. Въ городѣ царь поставилъ обширный и достойный упоминанія храмъ Гефеста.

100. Жрецы перечислили по книгѣ послѣ Мина еще триста тридцать именъ другихъ царей Египта. Въ этомъ числѣ человѣческихъ поколѣній восемнадцать царей были египтяне, одна женщина туземная, а всѣ прочіе цари эгиптяне. Царица Египта называлась Нитокридою такъ же, какъ и царица вавилонская. По словамъ жрецовъ, она отмстила эгиптянамъ за своего брата, египетскаго царя, котораго эгиптяне убили, а царскую власть передали Нитокридѣ; въ отмщеніе за него она коварно перебила множество эгиптянъ такимъ образомъ: соорудивши очень длинную подземную залу, она дѣлала видъ, что желаетъ освятить ее, но замыселемъ была иной. Царица устроила большой пиръ, на который позвала лицъ, наиболѣе причастныхъ къ убійству брата; во время прѣшества царица открыла потайной большой каналъ и выпустила на пировавшихъ воду изъ рѣки. Ничего

больше жрецы о ней не рассказывали, кромѣ развѣ того, что она, боясь наказанія за свой поступокъ, бросилась въ комнату, наполненную золою.

101. Что касается остальныхъ царей, то они не ознаменовали себя ни сооруженіями, ни какими-либо блестящими подвигами, за исключеніемъ одного изъ нихъ, послѣдняго, Мирида. Онъ соорудилъ памятникъ, портикъ къ храму Гефеста, обращенный къ сѣверу, а также выкопалъ еще озеро; сколько стадій имѣло оно въ окружности, я скажу послѣ; наконецъ поставилъ на оверѣ пирамиды, о величій которыхъ я скажу при описаніи озера. Вотъ что совершилъ этотъ царь; изъ остальныхъ ни одинъ ничего больше.

102. Умолчавши объ этихъ царяхъ, я расскажу о томъ, который царствовалъ послѣ нихъ, и назывался Сесострисомъ. Жрецы рассказывали, что онъ первый выпшелъ изъ Аравійскаго залива на длинныхъ корабляхъ и покорилъ жившіе вдоль Еврѳрейскаго моря народы; онъ шелъ все дальше, пока не достигъ моря, неудобнаго для плаванія по причинѣ мелой. Тогда онъ возвратился въ Египетъ и, какъ рассказываютъ жрецы, собралъ большое войско; затѣмъ выступилъ въ походъ по сушѣ, покорилъ себѣ каждый народъ, какой встрѣчался ему на пути. Если онъ сталкивался съ народомъ воинственнымъ и высоко цѣнившимъ свободу, то въ землѣ такого народа онъ ставилъ столбы съ надписями, гласившими о томъ, какъ навивается царь и его родина, а также о томъ, что этотъ народъ покоренъ силою оружія; если же какой-нибудь городъ онъ бралъ безъ сопротивленія и легко, въ томъ онъ ставилъ столбы съ такою же надписью, какъ и у народовъ воинственныхъ, но прибавлялъ еще женскій дѣтородный членъ съ цѣлю показатъ, что народъ этотъ трусливъ.

103. Такъ прошелъ онъ материкъ, пока наконецъ изъ Азии не перешелъ въ Европу, гдѣ покорилъ ски-

оовъ и оракіянъ. Мнѣ кажется, это дальнѣйшій пунктъ, до котораго доходило эгипетское войско; дѣйствительно, въ земляхъ этихъ народовъ стоятъ еще упомянутые выше столбы, а дальше ихъ нѣтъ. Отсюда онъ повернулъ назадъ и потомъ появился на рѣкѣ Фасидѣ. Наверное я не могу сказать, отдѣлилъ-ли самъ Сесострисъ часть своего войска и поселилъ его въ этой странѣ, или же нѣкоторые изъ его воиновъ остались на рѣкѣ Фасидѣ, такъ какъ были утомлены страствованіями.

104. Колхидяне очевидно египтяне; самъ я пришелъ къ такому заключенію прежде еще, чѣмъ услышалъ о томъ отъ другихъ. Такъ какъ это занимало меня, то я расспрашивалъ и колхидянъ, и египтянъ, причемъ первые лучше помнили послѣднихъ, нежели на оборотъ. Однако египтяне говорили, что по ихъ мнѣнію колхидяне происходятъ отъ войска Сесостриса. Я и самъ предполагалъ такъ на томъ основаніи, что колхидяне имѣютъ кожу чернаго цвѣта и курчавые волосы; но признаки эти ничего не доказываютъ, такъ какъ есть и другіе такіе же народы. Съ бѣльшимъ основаніемъ я заключилъ такъ изъ того, что изъ всѣхъ народовъ только колхидяне, египтяне и эоіоны искони совершаютъ обрѣзаніе. Что касается финикянъ и палестинскихъ сиріянъ, то они сами говорятъ, что заимствовали обычай этотъ отъ египтянъ, а тѣ сиріяне, что живутъ при Термодонтѣ и на рѣкѣ Паросеніи вмѣстѣ съ сосѣдями своими макронами утверждаютъ, что недавно переняли обрѣзаніе отъ колхидянъ. Это единственные народы, обрѣзающие себя, и очевидно они подражаютъ въ этомъ египтянамъ. Относительно египтянъ и эоіоновъ я не могу рѣшить, кто изъ нихъ заимствовалъ обрѣзаніе у другого; у обоихъ оно существуетъ искони. Что другіе народы позаимствовали этотъ обычай изъ Эгипта въ сношеніяхъ съ нимъ, доказывается для меня между

прочимъ слѣдующимъ важнымъ обстоятельствомъ: всѣ тѣ финикяне, которые живутъ въ Елладѣ, не подражаютъ болѣе египтянамъ и не обрѣзаютъ своихъ дѣтей.

105. О колхидянахъ я могу сообщить еще кое-что въ доказательство родства ихъ съ египтянами. Такъ, только колхидяне и египтяне готовятъ полотно одинаковымъ способомъ; кромѣ того, весь образъ жизни и языкъ обоихъ народовъ одинаковы. Правда, колхидское полотно еллыны называютъ сардинскимъ, а получаемое изъ Эгипта—египетскимъ.

106. Большинство тѣхъ столбовъ, которые въ разныхъ странахъ водрузилъ египетскій царь Сесострисъ, очевидно нѣтъ болѣе; но въ Палестинской Сиріи я самъ видѣлъ столбы съ такою надписью, какъ сказано выше, и съ женскими половыми органами. Въ Іовіи есть два изображенія этого царя, высѣченные въ скалѣ, одно на пути изъ Ефеса въ Фокею, другое на пути изъ Сарды въ Смирну. На обоихъ мѣстахъ высѣчена мужская фигура въ четыре съ половиною локтя вышиною, съ копьемъ въ правой рукѣ и съ лукомъ въ лѣвой; остальное вооруженіе ея на половину египетское, на половину эоіопское; на груди отъ одного плеча до другаго находится высѣченная священными египетскими письменами надпись, гласящая такъ: „плечами своими я приобрѣлъ эту страну“. Кто и откуда изображенный человекъ, Сесострисъ пояснить не здѣсь, но въ другомъ мѣстѣ. По мнѣнію нѣкоторыхъ, видѣвшихъ изображенія, это—фигура Мемпона; но они сильно заблуждаются.

107. Жрецы рассказывали, что царь Эгипта Сесострисъ на обратномъ пути велъ за собою множество народа изъ покоренныхъ имъ странъ, а когда пришелъ въ Дафны Пелусійскія, то братъ, которому поручено было управленіе Эгиптомъ, пригласилъ на пиръ его самого и дѣтей его, потомъ обложилъ домъ дровами и

велѣлъ ихъ поджечь. Какъ скоро Сесострисъ замѣтилъ это, онъ посовѣтовался съ супругой, которая всегда находилась при немъ. Та посовѣтовала положить на дрова двухъ изъ шести сыновей ихъ въ видѣ моста черезъ огонь, перейти по нимъ и такимъ образомъ спастись. Сесострисъ такъ и сдѣлалъ: два сына были сожжены, а остальные вмѣстѣ съ отцомъ спаслись.

108. Возвратившись въ Египетъ, Сесострисъ наказалъ брата, а съ тою толпою, которую привелъ съ собою поступилъ такъ: громадные камни, которые въ его царствованіе доставлены были къ храму Гесты, приращены этими людьми; потомъ онъ заставилъ ихъ выкопать всѣ тѣ каналы, которые нѣются въ настоящее время въ Египтѣ; этимъ, сами того не желая, они сдѣлали Египетъ, ранѣе того удобный для ѣзды верхомъ и въ повозкѣ, совершенно непроѣзжимъ. Дѣйствительно, съ того времени Египетъ представляетъ равнину, хотя и гладкую, но непроходимую ни для лошадей, ни для повозокъ вполю этому каналы, многочисленные, идущіе во всевозможныхъ направленіяхъ. Царь изрѣзалъ всю страну по слѣдующему побужденію: всѣ тѣ египтяне, которые жили въ городахъ не при рѣкѣ, но въ глубинѣ материка, лишались воды всякій разъ, какъ Нилъ входилъ въ русло, и вынуждены бывали пить солоноватую воду, добываемую изъ колодезь. Ради этого Египетъ и былъ такъ изрѣзанъ каналами.

109. Жрецы же рассказывали, что этотъ царь раздѣлилъ страну между всѣми египтянами, причѣмъ всѣ они получили по одинаковому четырехугольному участку земли; этимъ онъ создалъ для себя доходы, приказавши уплачивать ежегодно извѣстный налогъ. Если рѣка отрывала кусокъ отъ какого-нибудь участка, то владѣлецъ его являлся къ царю и объявлялъ о случившемся. Царь посылалъ нѣсколькихъ людей для осмотра и измѣренія, на сколько потерпѣвшій участокъ умень-

шился, дабы впредь владѣлецъ его платилъ все-таки соответственно установленному первоначально налогу. Мнѣ кажется, таково было происхожденіе геометріи, изъ Египта перешедшей въ Елладу. Что касается солнечныхъ часовъ, солнечнаго показателя и дѣленія дня на двѣнадцать частей, то все это елины заимствовали отъ вавилонянъ.

110. Сесострисъ одинъ только изъ египетскихъ царей владѣствовалъ надъ Эѳіопіей. Памятниками по себѣ онъ оставилъ два каменныхъ изображенія передъ храмомъ Гесты въ тридцать локтей каждое, его самого и супруги его, а также четыре изображенія сыновей въ двадцать локтей каждое. Много времени спустя жрецъ Гесты не позволилъ персидскому царю Дарію поставить свое изображеніе впереди двухъ первыхъ; жрецъ при этомъ замѣтилъ, что Дарій не совершилъ столько дѣлъ, сколько совершено было царемъ египетскимъ Сесострисомъ, именно: Сесострисъ покорилъ не меньше народовъ, какъ и Дарій, а сверхъ того и скивоувъ, которыхъ Дарій не могъ одолѣть. Поэтому несправедливо было бы поставить его изображеніе впереди памятниковъ Сесостриса, такъ какъ подвигами онъ не превзошелъ этого послѣдняго. Какъ рассказываютъ, Дарій согласился съ этимъ замѣчаніемъ.

111. По смерти Сесостриса царскую власть наследовалъ, какъ говорятъ, сынъ его Феронъ, который не совершилъ ни одного военного похода и случайно ослабъ при такихъ обстоятельствахъ: однажды въ его царствованіе вода въ рѣкѣ поднялась выше, нежели когда-либо, до восемнадцати локтей, такъ что затопила поля; отъ сильнаго вѣтра заволновалась рѣка. Царь въ изступленіи схватилъ копье и бросилъ его въ самую лужину рѣки; немедленно послѣ этого онъ заболѣлъ глазами и ослѣпъ. Десять лѣтъ онъ былъ слѣпымъ; на одиннадцатомъ году царь услышалъ изреченіе оракула,

велѣлъ ихъ поджечь. Какъ скоро Сесострисъ замѣтилъ это, онъ посоветовался съ супругой, которая всегда находилась при немъ. Та посоветовала положить на дрова двухъ изъ шести сыновей ихъ въ видѣ моста черезъ огонь, перейти по нимъ и такимъ образомъ спастись. Сесострисъ такъ и сдѣлалъ: два сына были сожжены, а остальные вмѣстѣ съ отцомъ спаслись.

108. Возвратившись въ Египетъ, Сесострисъ наказывалъ брата, а съ тою толпою, которую привелъ съ собою поступилъ такъ: громадные камни, которые въ его царствованіе доставлены были къ храму Гефеста, приращены этими людьми; потомъ онъ заставилъ ихъ выкопать всѣ тѣ каналы, которые имѣются въ настоящее время въ Египтѣ; этимъ, сами того не желая, они сдѣлали Египетъ, ранѣе того удобный для ѳвды верхомъ и въ повозкѣ, совершенно непроѣзжимъ. Дѣйствительно, съ того времени Египетъ представляетъ равнину, хотя и гладкую, но непроходимую ни для лошадей, ни для повозокъ виною этому каналы, многочисленные, идущіе во всевозможныхъ направленіяхъ. Царь изрѣзалъ всю страну по слѣдующему побужденію: всѣ тѣ египтяне, которые жили въ городахъ не при рѣкѣ, но въ глубинѣ материка, лишались воды всякій разъ, какъ Нилъ входилъ въ русло, и вынуждены бывали пить солоноватую воду, добываемую изъ колодезевъ. Ради этого Египетъ и былъ такъ изрѣзанъ каналами.

109. Жрецы же рассказывали, что этотъ царь раздѣлилъ страну между всѣми египтянами, причемъ всѣ они получили по одинаковому четырехугольному участку земли; этимъ онъ создалъ для себя доходы, приказавши уплачивать ежегодно извѣстный налогъ. Если рѣка отрывала кусокъ отъ какого-нибудь участка, то владѣлецъ его являлся къ царю и объявлялъ о случившемся. Царь посылалъ нѣсколькихъ людей для осмотра и измѣренія, на сколько потерпѣвшій участокъ умень-

шился, дабы впредь владѣлецъ его платилъ все-таки соответственно установленному первоначально налогу. Мнѣ кажется, таково было происхожденіе геометріи, изъ Эгипта перешедшей въ Елладу. Что касается солнечныхъ часовъ, солнечнаго показателя и дѣленія дня на двѣнадцать частей, то все это еллины заимствовали отъ вавилонянъ.

110. Сесострисъ одинъ только изъ египетскихъ царей владѣчествовалъ надъ Эеіопіей. Памятниками по себѣ онъ оставилъ два каменныхъ изображенія передъ храмомъ Гефеста въ тридцать локтей каждое, его самого и супруги его, а также четыре изображенія сыновей въ двадцать локтей каждое. Много времени спустя жрецъ Гефеста не позволилъ персидскому царю Дарію поставить свое изображеніе впереди двухъ первыхъ; жрецъ при этомъ замѣтилъ, что Дарій не совершилъ столько дѣлъ, сколько совершено было царемъ египетскимъ Сесострисомъ, именно: Сесострисъ покорилъ не меньше народовъ, какъ и Дарій, а сверхъ того и скибовъ, которыхъ Дарій не могъ одолѣть. Поэтому несправедливо было бы поставить его изображеніе впереди памятниковъ Сесостриса, такъ какъ подвигами онъ не превзошелъ этого послѣдняго. Какъ рассказываютъ, Дарій согласился съ этимъ замѣчаніемъ.

111. По смерти Сесостриса царскую власть наследовалъ, какъ говорятъ, сынъ его Феронъ, который не совершилъ ни одного военнаго похода и случайно ослѣпъ при такихъ обстоятельствахъ: однажды въ его царствованіе вода въ рѣкѣ поднялась выше, нежели когда-либо, до восемнадцати локтей, такъ что затопила поля; отъ сильнаго вѣтра заволновалась рѣка. Царь въ изступленіи схватилъ копье и бросилъ его въ самую гучину рѣки; немедленно послѣ этого онъ заболѣлъ глазами и ослѣпъ. Десять лѣтъ онъ былъ слѣпымъ; на одиннадцатомъ году царь услышалъ изреченіе оракула,

что въ городѣ Буго, гласившее, что время наказанія его исполнись, что онъ прозрѣеть, если промоетъ себя глаза мочою женщины, которая имѣетъ сообщеніе только съ мужемъ и другаго мужины не имѣетъ. Онъ прежде всего испыталъ мочу собственной жены и когда не прозрѣлъ, подвергъ испытанію всѣхъ женщинъ подрядъ, пока наконецъ не прозрѣлъ. Тогда онъ собралъ всѣхъ женщинъ, которыхъ испытывалъ, кромѣ той, отъ мочи которой прозрѣлъ, въ одинъ городъ, именуемый теперь Краснополемъ, и всѣхъ ихъ сжегъ вмѣстѣ съ городомъ; на той женщинѣ, отъ мочи которой прозрѣлъ, царь самъ женился. За нецѣленіе глазъ онъ разослалъ дары во всѣ известные храмы, между прочимъ, что особенно заслуживаетъ упоминанія, пожертвовалъ замѣчательные предметы въ храмъ Солнца, именно два каменныхъ обелиска, каждый обелискъ изъ цѣльнаго камня, вышиною во сто, а шириною въ восемь локтей.

112. По словамъ жрецовъ, послѣ Ферона царскую власть наслѣдовалъ житель Мемфиса, который по египетски назывался Протеемъ. Еще и теперь есть въ Мемфисѣ посвященное ему мѣсто, очень красивое и хорошо устроенное, лежащее къ югу отъ храма Гефеста. Въ окрестностяхъ его живутъ тирскіе финикияне, почему самое мѣсто называется кварталомъ тиринъ. На той же площади Протей находится храмъ, называющійся храмомъ Чужой Афродиты. По моему предположенію, это храмъ Елены, дочери Тиндарея; дѣйствительно, я слышалъ разсказъ, что Елена жила у Протея, притомъ храмъ носитъ названіе храма Чужой Афродиты; между тѣмъ ни одинъ изъ прочихъ храмовъ Афродиты такъ не называется.

113. На мои разспросы объ Еленѣ жрецы разсказывали слѣдующее: съ похищенной Еленой Александръ отплылъ изъ Спарты въ родной городъ. Когда онъ

былъ въ Эгейскомъ морѣ, противные вѣтры отбросили его въ Эгипетское море; отсюда, такъ какъ вѣтеръ не унимался, онъ приплылъ къ Египту, а въ Египтѣ къ нилитскому такъ называемому Канобскому устью Нила и къ рыбосодельнымъ. Тамъ на берегу стоялъ, да стоитъ еще и теперь, храмъ Геракла. Если рабъ, чей бы онъ ни былъ, укроется въ этомъ храмѣ и отмытъ себя священными черточками въ знакъ принадлежности божеству, то онъ становится неприкосновеннымъ. Этотъ законъ соблюдается неизмѣнно издревле до нашего времени. Когда слуги Александра узнали о существованіи такого закона въ храмѣ, они покинули Александра и, сѣдя въ храмѣ въ качествѣ просителей божества, обвиняли Александра съ цѣлью повредить ему; при этомъ они разсказали все, какъ было съ Еленой, и какую обиду причинилъ Александръ Менелая. Во всемъ этомъ слуги обвиняли его въ присутствіи жрецовъ, а также блюстителя этого устья, по имени Фониса.

114. Выслушавши обличителей, Фонисъ тотчасъ послалъ въ Мемфисъ Протею слѣдующее извѣстіе: „прибылъ сюда чужеземецъ, тебѣ по происхожденію, совершившій въ Египтѣ нечестивое дѣло, именно: онъ обманулъ жену своего хозяина и увезъ ее вмѣстѣ со многими сокровищами, но вѣтры занесли его въ твою землю. Отпустить-ли намъ его несправедливымъ, или отнять у него то, съ чѣмъ онъ прибылъ?“ Въ отвѣтъ на это Протей прислалъ такое распоряженіе: „человѣка этого, поступившаго столь нечестиво съ своимъ хозяиномъ, захватите и доставьте мнѣ; послушаю, что онъ станетъ говорить“.

115. Въ силу такого приказанія Фонисъ схватилъ Александра и задержалъ его корабли; потомъ отвелъ въ Мемфисъ его самого и Елену вмѣстѣ съ сокровищами, а равно и просителей. Когда всѣ были пред-

ставлены, Протей спросил Александра, кто онъ и откуда плыветъ. Александръ перечислилъ ему своихъ предковъ, назвалъ свою родину, и рассказывалъ ему, откуда плыветъ. Затѣмъ Протей спросилъ, откуда онъ ввѣлъ Елену. Александръ пугался въ показаніяхъ и не открывалъ правды; тогда присутствовавшіе здѣсь протители изобличили его и изложили всю исторію учиненной имъ обиды. Въ заключеніе Протей объявилъ присутствующимъ такой приговоръ: „еслибы я не считалъ для себя обязательнымъ не предавать смерти никого изъ чужеземцевъ, сколько бы ихъ ни завезъ вѣтеръ въ нашу землю, то въ отмщеніе за еллина казнилъ бы тебя, безчестнѣйшій человѣкъ, за то, что ты такъ нечестиво поступилъ съ радушнымъ хозяиномъ; ты пришелъ къ женѣ твоего хозяина, но этого тебѣ было мало: ты возбуждалъ въ ней желанія и воровски увезъ ее съ собою. Однако и этимъ ты не довольствовался: ограбилъ домъ твоего хозяина и съ награбленнымъ добромъ явился сюда. И вотъ теперь, хотя я ни за что не позволю себѣ убить чужеземца, не допущу, чтобы ты увезъ съ собою эту женщину и сокровища; я сохранию все для хозяина еллина къ тому времени, когда онъ прійдетъ сюда самъ и пожелаетъ получить свое обратно. Что касается тебя и твоихъ спутниковъ, то приказываю вамъ удалиться изъ моей земли въ какую-нибудь другую страну въ теченіе трехъ дней; въ противномъ случаѣ велю поступить съ вами какъ съ врагамъ.

116. Такъ-то, по рассказу жрецовъ, Елена очутилась у Протея. Мнѣ кажется, что и Гомеру рассказъ этотъ былъ извѣстенъ; только онъ не былъ такъ удобенъ для его поэтическаго произведенія, какъ другой рассказъ, которымъ поэтъ и воспользовался, а потому онъ сознательно опустилъ его, при этомъ однако даль понять, что знаетъ и другой рассказъ. Ясно это

именно изъ описанія странствованія Александра въ „Иліадѣ“, —нигдѣ въ другомъ мѣстѣ онъ къ нему не возвращается,—гдѣ рассказывается, что Александръ во время блужданій съ Еленою заносимъ былъ въ различныя страны, между прочимъ попалъ и въ Сидонъ въ Финикии. Гомеръ упоминаетъ объ этомъ въ „Геройскихъ подвигахъ Діомеда“¹⁾ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „тамъ лежали у нея разшитыя узорами одежды, работы сидонскихъ женщинъ, которыхъ увезъ изъ Сидона самъ богоподобный Александръ, переплывая обширное море, совершая тотъ самый путь, которымъ увозилъ онъ знатную по происхожденію Елену“. Упоминается объ этомъ и въ „Одиссее“ въ слѣдующихъ словахъ: „эта дочь Зевса обладала хитрыми, сильными снадобьями, которыми надѣяла ее египтянка Полидамна, супруга Феоона; тамъ кормилица земли во множествѣ производитъ разнородныя растенія, частью цѣлебныя, частью ядовитыя“²⁾. А вотъ что въ другомъ мѣстѣ говоритъ Менелай Телемаху: „Я жаждалъ вернуться домой, но боги все еще задерживали меня въ Египтѣ, потому что я не совершилъ имъ обильной жертвы“³⁾. Изъ этихъ стиховъ ясно, что поэтъ зналъ странствованіе Александра въ Египетъ; Сирія граничитъ съ Египтомъ, а финикияне, которымъ принадлежитъ Сидонъ, живутъ въ Сиріи.

117. Равнымъ образомъ эти стихи совершенно ясно показываютъ, что не Гомеръ, а какой-нибудь другой поэтъ составилъ „Кипрскія пѣсни“; здѣсь вѣдь сказано, что Александръ вмѣстѣ съ Еленой прибылъ въ Трою на третій день по отъѣздѣ изъ Спарты, по спокойному морю при попутномъ вѣтрѣ, тогда какъ въ „Иліадѣ“

¹⁾ *Иліада*, VI, 289 слл.

²⁾ *Одиссея*, IV, 227 слл.

³⁾ *Од.* IV, 351 сл.

говорится, что Александр блуждалъ съ Еленой. Но оставимъ Гомера и „Кипрскія пѣсни“.

118. Когда я спросилъ жрецовъ относительно повѣствованія еллиновъ о Троѣ, желѣло-ли оно, или правдиво, они на это отвѣчали, что знаютъ происшествіе изъ разсказовъ самого Менелая, именно: что послѣ похищенія Елены прибыло въ Тевкерскую землю огромное войско еллиновъ на помощь Менелая, что, высадившись на сушу и расположившись лагеремъ, еллины отправили въ Трою пословъ, вмѣстѣ съ ними пошелъ и самъ Менелай, что, вошедши въ городскія укрѣпленія, они требовали обратно Елену, уворованную Александромъ сокровища, а также удовлетвореніе за обиду; въ отвѣтъ на эти требованія тевкеры тогда и въслѣдствіи говорили одно и то же, подѣ клятвою и безъ клятвы, что ни Елены, ни требуемыхъ сокровищъ у нихъ нѣтъ, но что все это находится въ Египтѣ, и потому несправедливо было бы подвергать отвѣтственности ихъ за то, чѣмъ владѣетъ египетскій царь Протей. Но еллины думали, что тѣ смѣются надъ ними, и продолжали осаду города, пока не ввали его. Когда акрополь былъ взятъ, Елены не оказалось въ городѣ; еллины услышали тотъ же разсказъ, что и прежде; тогда они отправили къ Протею самого Менелая.

119. По прибытіи въ Египетъ, Менелай отправился водою въ Мемфисъ, тамъ разсказалъ все, какъ было, нашелъ очень радушный приемъ, получилъ обратно Елену здравую и невредимую и сверхъ того всѣ свои сокровища. Однако за все это Менелай отплатилъ египтянамъ обидою. Противные вѣтры не давали ему отплыть, и такъ какъ это затянулось надолго, то онъ совершилъ слѣдующее нечестное дѣяніе: схватилъ двухъ дѣтей туземцевъ и принесъ ихъ въ жертву. Когда злодѣяніе стало извѣстно, онъ, пенавистный и преслѣдуемый, бѣжалъ съ своими кораблями въ Ливію; куда

онъ направился оттуда, египтяне не могли уже сказать. Все это знаютъ они, говорили жрецы, частью изъ разспросовъ, частью потому, что случилось это у нихъ и имъ достоверно извѣстно.

120. Разсказывали такъ египетскіе жрецы; къ собственному имъ разскаву объ Еленѣ и по собственному соображенію могу прибавить слѣдующее: еслибы Елена была въ Троѣ, то ее отдали бы еллинамъ, съ согласіемъ Александра, или вопреки ему. Въ самомъ дѣлѣ, ни Пріамъ, ни прочіе близкіе ему люди не были же настолько безумны, чтобы рисковать собственной жизнью, дѣтьми своими и государствомъ изъ за того только, дабы Александру жить съ Елепою. Еслибы даже въ первое время Пріамъ и его родственники были дѣйствительно такъ настроены, то послѣ гибели многихъ троянъ, павшихъ въ битвахъ съ еллинами, послѣ того, какъ въ каждомъ сраженіи самъ Пріамъ терялъ по два, по три и даже больше сыновей, — разъ только можно говорить на основаніи поэтическаго произведенія, — то я увѣренъ, что послѣ всего этого еслибы даже самъ Пріамъ жилъ съ Еленою, онъ возвратилъ бы ее ахейцамъ въ надеждѣ избавится отъ удручавшихъ Трою бѣдствій. Кромѣ того, царская власть не переходила къ Александру, такъ что при старости Пріама государственныя заботы не на немъ лежали; наследовать власть Пріама долженъ былъ Гекторъ, какъ старшій и болѣе мужественный; ему не подобало потворствовать несправедливымъ дѣйствіямъ брата особенно тогда, когда черезъ это и на него самого, и на всѣхъ прочіихъ троянъ обрушивались грозныя несчастія. Трояне говорили правду, что не могутъ выдать Елену, но еллины не вѣрили имъ; по моему мнѣнію, которое и высказываю, случилось такъ по божескому соизволенію ради того, чтобы поголовная гибель троянъ

дала ясно понять людямъ ту истину, что за тяжкія неправды слѣдуетъ отъ боговъ и тяжкія наказанія. Таково мое мнѣніе.

121 Жрецы говорили, что послѣ Протея царскую власть получили Рампсиниты. Памятникомъ по нему остался портикъ въ гефестовомъ храмѣ, обращенный на западъ; противъ него онъ поставилъ два кумира величиною въ двадцать пять локтей каждый; одинъ изъ нихъ, стоящій на сѣверъ, эгиптяне называютъ тѣтомъ, другой, обращенный на югъ, зымою. Передъ тѣмъ кумиромъ, что называется тѣтомъ, эгиптяне благоговѣютъ, чтутъ его приношеніями, а съ кумиромъ зымы обращаются совершенно противоположно а). По словамъ жрецовъ, Рампсиниты были такъ богаты и имѣли столько денегъ, что ни одинъ изъ послѣдующихъ царей не только не могъ превзойти его въ этомъ отношеніи, но даже приблизиться къ нему. Для сохраненія своихъ сокровищъ въ безопасности онъ велѣлъ построить каменую кладовую, одна стѣна которой примыкала къ наружной сторонѣ его дворца. Однако архитекторъ съ злымъ умысломъ устроилъ такъ, что одинъ изъ камней можно было легко вынимать изъ стѣны двумъ человѣкамъ или даже одному. По сооруженіи кладовой царь помѣстилъ въ ней свои сокровища. По прошествіи нѣкотораго времени строившій кладовую архитекторъ не задолго передъ смертью подозвалъ къ себѣ сыновей, — у него ихъ было два, — и рассказалъ имъ, что онъ сдѣлалъ при постройкѣ царской сокровищницы въ заботливости о томъ, чтобы они жили богато. При этомъ отецъ въ точности объяснилъ все касательно выемки камня, далъ имъ мѣрку его и въ заключеніе добавилъ, что, если они сохранятъ ее, будутъ казначеями царской сокровищницы. По смерти архитектора дѣти его не замедлили приступить къ дѣлу: ночью отправились въ царскій дворецъ, нашли въ стѣнѣ камень, который вынули безъ труда, и унесли

съ собою много сокровищъ. β) Отворивши кладовую, царь съ изумленіемъ замѣтилъ, что въ сосудахъ не доставало сокровищъ, и не зналъ, кого обвинить въ кражѣ, такъ какъ печати на дверяхъ были цѣлы, и кладовая оставалась запертой. Когда, открывая кладовую второй-третій разъ, онъ видѣлъ, что сокровищъ становится все меньше, такъ какъ воры не переставали обрабатывать его, тогда онъ поступилъ такъ: заказалъ капканы и поставилъ ихъ кругомъ сосудовъ съ сокровищами. Воры пришли по прежнему; одинъ изъ нихъ пролѣзъ въ сокровищницу, подошелъ къ сосуду, но тотчасъ попалъ въ капканъ. Понявши бѣду, воръ поспѣшно окликнулъ брата, объяснилъ ему случившееся, посоветовалъ тотчасъ влѣзть и отрубить ему голову; иначе, если его увидятъ и узнаютъ, кто онъ, то долженъ будетъ погибнуть вмѣстѣ съ нимъ и братъ. Тотъ согласился съ этими доводами, поступилъ по совету брата и, приладивши камень, поспѣшилъ домой съ головой брата. γ) На слѣдующій день царь вошелъ въ кладовую и былъ пораженъ видомъ обезглавленнаго трупа въ западнѣ, тогда какъ кладовая оставалась нетронутой, не было въ нее ни входа какого-либо, ни лазейки. Царь былъ въ недоумѣніи и придумалъ слѣдующее: велѣлъ повѣсить трупа вора на стѣнѣ и подлѣ него поставилъ стражу, обязанную согласно его приказанію арестовать и вести къ нему всякаго, у кого она замѣтитъ слезы или состраданіе. Когда трупа былъ повѣшенъ, мать сильно скорбѣла, о чемъ и говорила съ оставшимся въ живыхъ сыномъ, наконецъ потребовала отъ него какимъ бы то ни было способомъ снять трупа со стѣны и доставить ей; въ противномъ случаѣ, угрожала мать, она пойдетъ къ царю и откроетъ, что сокровища у ея сына. δ) Вообще мать сильно нападала на оставшагося въ живыхъ сына, и увѣщанія его не успокаивали матери. Тогда онъ пустился на такую

хитрость: снарядилъ нѣсколько ословъ, навьючилъ на нихъ полные мѣшки вина и погналъ. Подошедши близко къ повѣшенному трупу и его стражѣ, онъ потянулъ къ себѣ свѣсившіеся концы двухъ или трехъ мѣховъ и развѣвалъ ихъ; вино потекло, а онъ билъ себя по головѣ и громко кричалъ, дѣлая видъ, будто не знаетъ, къ какому изъ ословъ ему прежде броситься. Стража при видѣ текущаго въ избытокъ вина стала сбѣгаться на дорогу съ сосудами въ рукахъ и собирала пролитое вино, какъ доставшееся на ихъ долю; а тотъ ругалъ то одного, то другого изъ нихъ и притворно сердился; когда стража стала утѣшать его, онъ притворился, что мало-по-малу смягчается, что гнѣвъ его проходитъ, наконецъ прогналъ ословъ съ дороги и снова навьючилъ ихъ. Стража еще больше разговорила съ нимъ, а одинъ изъ сторожей подшучивалъ надъ нимъ и разсмѣшилъ его, за что и получалъ въ подарокъ мѣхъ вина. Стража расположилась тутъ же, гдѣ стояла, и принялась пить, причемъ пригласила и его, предлагая остаться и пить вмѣстѣ съ ними. Тотъ послушался ихъ и остался. Такъ какъ во время попойки сторожа обращался съ нимъ очень ласково, то онъ подарилъ имъ и другой мѣхъ вина. Стража выпила много, охмѣлѣла и заснула глубокимъ сномъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ пила. Когда наступила глухая ночь, воръ снялъ трупъ брата, а всей стражѣ въ знакъ поруганія остригъ правую бакенбарду; трупъ положилъ на ословъ и погналъ ихъ домой, исполнивши такимъ образомъ повелѣніе матери. ε) Царь вознегодовалъ, когда ему объявили, что трупъ вора украденъ. Желая во что бы то ни стало открытъ виновнаго въ этихъ продѣлкахъ, царь, чему и впрочемъ не вѣрю, употребилъ слѣдующее средство: родную дочь онъ помѣтилъ въ публичномъ домѣ и приказалъ ей допускать къ себѣ одинаково всѣхъ мужчинъ, только прежде сообщенія

заставлять каждого сказать ей, что въ своей жизни онъ сдѣлалъ самаго хитраго и бесовѣстнаго; его изъ нихъ расскажетъ ей происшествіе съ воромъ, того она обязана схватить и не отпускать. Дѣвушка действительно поступала такъ, какъ приказывалъ ей отецъ; но воръ дознался, зачѣмъ все это устроено, и порѣшилъ перехитрить царя. Поступилъ онъ для этого такъ: отрѣзалъ у свѣжаго трупа руку по плечо, спряталъ ее подъ плащъ и такъ вошелъ къ царской дочери. Въ отвѣтъ на вопросъ, предложенный ему такъ же какъ и прочимъ мужчинамъ, онъ рассказывалъ, какъ бесовѣстнѣйшій поступокъ въ своей жизни, тотъ случай, когда отрѣзалъ голову брату, попавшему въ капканъ въ царской сокровищницѣ, а самая хитрая продѣлка его состояла въ томъ, что онъ наполнилъ стражу допына и сплелъ висѣвшій трупъ брата. При этихъ словахъ дѣвушка схватила его, но воръ, пользуясь темнотою, протянулъ ей мертвую руку; та схватила руку и крѣпко держала въ увѣренности, что у нея рука нужнаго ей мужчины; между тѣмъ воръ, оставивши ей руку, выбѣжалъ въ двери. η) Когда царю донесли о случившемся, онъ изумился изворотливости и дерзости этого человѣка и наконецъ велѣлъ по всемъ городамъ объявить, что онъ даруетъ безнаказанность этому человѣку и обѣщаетъ ему большіе подарки, если онъ только предстанетъ предъ царскія очи. Воръ повѣрилъ обѣщанію и явился къ царю. Рамсиснитъ восхищался имъ и выдалъ за него дочь, какъ за умнѣйшаго изъ людей; египтянъ онъ считалъ мудрѣйшимъ изъ народовъ, а этого человѣка мудрѣйшимъ изъ египтянъ.

122. Послѣ этого, рассказывали жрецы, царь живымъ нисходилъ въ то мѣсто, которое еллины считаютъ преисподней; тамъ онъ игралъ будто бы въ кости съ Деметрою, причемъ частью выигрывалъ, частью проигрывалъ, наконецъ опять возвратился на землю и принесъ

съ собою отъ богини въ подарокъ золотой утиральникъ. Въ память нисхожденія Рамсинаита въ преисподнюю, говорили жрецы, египтяне установили со времени возвращенія царя праздникъ, которе, какъ мнѣ извѣстно, совершаютъ они до сихъ поръ; однако я не могу сказать, таково-ли происхожденіе этого праздника, или иное. Въ самый день праздника жрецы ткутъ плащъ; немедленно по изготовленіи его они накладываютъ одному изъ своей среды повязку на глаза, одѣваютъ его въ плащъ и выводятъ на ту улицу, которая ведетъ въ храмъ Деметры, а сами возвращаются назадъ. Говорятъ, что этого жреца съ завязанными глазами провожаютъ два волка къ храму Деметры, отстоящему отъ города на двадцать стадій, и потомъ изъ храма проводятъ его обратно на то самое мѣсто.

123. Пускай принимаетъ рассказы египтянъ тотъ, для кого они заслуживаютъ вѣры. Я же во всемъ моемъ повѣствованіи желаю изложить то, что отъ кого-либо слышалъ. По словамъ египтянъ, надъ преисподней царствуютъ Деметра и Діонисъ. Египтяне первые высказали ученіе, что душа человѣка бессмертна, что съ разрушеніемъ тѣла она вселяется въ другое животное, которое рождается въ то же самое время; обошедши всѣхъ животныхъ, земныхъ, морскихъ и пернатыхъ, душа вселяется снова въ нарождающееся тѣло человѣка; круговращеніе совершается въ теченіе трехъ тысячъ лѣтъ. Ученіе это излагали и нѣкоторые еллины, какъ свое собственное, одни раньше, другіе позже; именъ ихъ я не сообщаю, хотя и знаю.

124. По рассказамъ жрецовъ, до царя Рамсинаита господствовала въ Египтѣ полиѣйшая законность, и страна пользовалась цвѣтущимъ состояніемъ. Но послѣ него царь египетскій Хеопъ повергъ Египетъ во всевозможныя бѣды. Прежде всего онъ заперъ всѣ храмы и воспретилъ египтянамъ приношеніе жертвъ, потомъ

заставилъ всѣхъ египтянъ работать на него. Одни обязаны были таскать камни изъ каменоломень, что въ Аравійскомъ хребтѣ, къ Нилу; по перевозкѣ камней черезъ рѣку на судахъ, ихъ должны были принимать другіе египтяне и тащить къ хребту, называемому Ливійскимъ. Такимъ образомъ работало непрерывно въ теченіе каждыхъ трехъ мѣсяцевъ по сто тысячъ человѣкъ. Народъ томился десять лѣтъ надъ проведеніемъ дороги, по которой таскали камни, работа, какъ мнѣ кажется, только немного легче сооруженія пирамидъ; дѣйствительно, дорога имѣетъ пять стадій въ длину, десять сажень въ ширину и восемь въ самомъ высокомъ мѣстѣ въ вышину; она вымощена шлифованнымъ камнемъ съ высѣченными на немъ изображеніями. Десять лѣтъ продолжалась постройка дороги и подземныхъ покоевъ въ томъ холмѣ, на которомъ стоятъ пирамиды; покои эти онъ соорудилъ для себя, какъ усыпальницу, на островѣ, для чего провелъ каналъ изъ Нила. Самое сооруженіе пирамиды длялось двадцать лѣтъ; каждая изъ четырехъ сторонъ ея имѣетъ восемьсотъ футовъ длины и столько же высоты; сдѣлана она изъ шлифованныхъ камней, въ совершенствѣ пригнанныхъ другъ къ другу; кромѣ того, нѣтъ ни одного камня меньше, какъ въ тридцать футовъ.

125. Сдѣланная уступами, которые у нихъ называются зубцами, у другихъ алтарчиками, пирамида эта соорудилась такимъ образомъ: по окончаніи уступовъ поднимали остальные камни машинами, сложенными изъ короткихъ кусковъ дерева, сначала съ земли на первый рядъ уступовъ; каждый положенный здѣсь камень перекладывали на другую машину, уже стоявшую въ первомъ ряду ступенекъ; отсюда камень поднимался съ помощью третьей машины во второй рядъ. Вообще или машинъ было столько, сколько рядовъ ступеней въ пирамидѣ, или же машина была одна, удобо-подвижная,

которую переносили съ одного ряда на другой, лишь только камень былъ снятъ съ нея; о двухъ способахъ мы говоримъ потому, что и намъ такъ рассказывали. Прежде всего отдѣлали верхнія части пирамиды, потомъ слѣдовавшія за ними снизу, наконецъ самыя нижнія части, тѣ, что лежатъ на землѣ. Въ египетской надписи, начертанной на пирамидѣ, обозначено, сколько издержано было для рабочихъ на рѣдку, лукъ и чеснокъ; какъ я хорошо помню, переводчикъ при чтеніи надписи говорилъ мнѣ, что всего было выдано тысяча шестьсотъ талантовъ. Если это дѣйствительно такъ, то сколько же должно быть издержано на желѣзныя орудія для работы, на пищу и одежду рабочихъ? На всѣ эти работы употреблено столько времени, сколько мною сказано ¹⁾; не мало времени пошло также, думается мнѣ, на ломку и доставку камней и на земляныя работы.

126. Подлость Хеона доходила до того, что, надеясь въ деньгахъ, онъ помѣстилъ въ публичный домъ родную дочь и обiazалъ ее зарабатывать опредѣленную сумму денегъ; сколько именно, мнѣ не говорили. Дочь зарабатывала столько, сколько требовалъ съ нея отецъ, а для себя рѣшила поставить памятникъ. Съ этою цѣлью отъ каждаго приходившаго къ ней мушцы она требовала подарить ей одинъ камень на постройку. Мнѣ говорили, что изъ такихъ именно камней сооружена пирамида, по величинѣ средняя изъ трехъ, стоящая впереди большой пирамиды; каждая сторона ея имѣетъ длины полтораста футовъ.

127. По словамъ египтянъ, Хеопъ царствовалъ пятьдесятъ лѣтъ, а по смерти его царская власть перешла къ брату его Хефрену. Онъ во всемъ подражалъ предшественнику, между прочимъ построилъ пирамиду,

¹⁾ II, 124.

уступавшую по величинѣ пирамидѣ брата; мы сами измѣрили ее. Подъ нею нѣтъ подземныхъ покоевъ; къ ней не проведенъ каналъ изъ Нила, какъ къ пирамидѣ брата; тамъ рѣка течетъ по искусственному руслу и кругомъ омываетъ островъ, на которомъ, говорятъ, и покоится Хеопъ. Хефренъ сдѣлалъ цоколь пирамиды изъ пестраго эоипскаго камня, но его пирамида ниже той, первой пирамиды, находящейся вблизи. Обѣ пирамиды стоятъ на одномъ и томъ же холмѣ, имѣющемъ около ста футовъ вышины. Хефренъ царствовалъ, какъ говорятъ, пятьдесятъ шесть лѣтъ.

128. Насчитываютъ сто шесть лѣтъ, въ теченіе которыхъ египтяне терпѣли всевозможныя бѣды, и запертые храмы ихъ не открывались. Изъ ненависти къ этимъ царямъ египтяне неохотно называютъ имена ихъ, а пирамиды приписываютъ пастуху Филитію, который въ этихъ мѣстахъ пасъ въ то время свои стада.

129. Жрецы говорили, что послѣ Хефрена царемъ Египта былъ Микеринъ, сынъ Хеона. Дѣвній отца своего онъ не одобрялъ, отворилъ храмы и дозволилъ народу, угнетенному до крайности, вернуться къ своимъ занятіямъ и празднествамъ; кромѣ того, онъ справедливѣе всѣхъ египетскихъ царей разрѣшалъ тяжбы, за что хвалить его египтяне больше, нежели какого-либо изъ предшествовавшихъ ему царей Египта. Дѣйствительно, рѣшенія его всегда были справедливы, а если кто оставался подволенъ его приговоромъ, тому онъ выдавалъ возмещеніе потери изъ собственного имущества и тѣмъ удовлетворялъ недовольнаго. Не видя на то, что Микеринъ былъ такъ благодушенъ къ гражданамъ и такъ заботился о нихъ, его постигли нѣкоторые несчастія, прежде всего смерть дочери, единственнаго дитяти въ домѣ. Несчастіе повергло цари въ тяжкую скорбь и, желая похоронить дочь необыкновеннымъ способомъ, онъ велѣлъ сдѣлать изъ дерева

пустую корову, повологилъ ее снаружи и въ ней похоронилъ умершую дочь.

130. Корова эта не была зарыта въ землю; она стояла открыто еще въ мое время въ городѣ Саксѣ и помѣщалась въ царскомъ дворцѣ, въ прекрасно отдѣланномъ покоѣ. Ежедневно сожигаются передъ нею всевозможныя благовоія, и каждую ночь горитъ лампада отъ вечера до утра. Подлѣ коровы въ другомъ покоѣ находятся статуи наложницъ Микерина, какъ говорили мнѣ жрецы въ городѣ Саксѣ, именно: тамъ стоятъ деревянныя колоссы въ числѣ двадцати, изображающіе женщинъ. Но кто такія эти женщины, не могу ничего сказать больше того, что слышалъ.

131. Нѣкоторые по поводу этой коровы и колоссовъ рассказываютъ слѣдующую исторію: Микеринъ былъ влюбленъ въ родную дочь и изнасиловалъ ее; дѣвушка послѣ этого съ горы повѣсилась, а царь похоронилъ ее въ этой коровѣ; мать дѣвушки отрубила руки тѣмъ служанкамъ, которыя выдали дочь отцу; еще и теперь изображенія ихъ показываютъ, что онѣ претерпѣли при жизни. Все это, мнѣ кажется, пустая болтовня, особенно рассказъ о рукахъ колоссовъ. Мы сами видѣли, что руки кумировъ отвалились отъ времени и еще въ мое время лежали тутъ же, у ногъ ихъ.

132. Корова закрыта пурпурнымъ покрываломъ, только шея и голова ея обложены толстой золотой блахой; между рогами помѣщено золотое изображеніе солнца. Корова не стоитъ прямо, но полулежитъ на колѣняхъ; величина ея почти натуральная. Ежегодно корову выносятъ изъ ея помѣщенія въ то время, когда эгиптяне олаживаютъ божество, котораго нельзя мнѣ назвать въ этомъ повѣствованіи. Тогда-то и корову выносятъ на свѣтъ, причемъ рассказываютъ, что дочь передъ смертью просила отца своего Микерина дать ей возможность однажды въ годъ видѣть солнце.

133. Послѣ смерти дочери случилась съ этимъ царемъ, какъ рассказываютъ, другая бѣда, именно: изъ города Буго получено было изреченіе оракула, что онъ проживетъ всего шесть лѣтъ, а на седьмомъ умретъ. Царь вознегодовалъ и послалъ къ оракулу укоръ боже-ству такого рода: тогда какъ его отецъ и дядя заперли храмы, забыли боговъ, губили людей и все-таки жили долго, онъ при всемъ благочестіи своемъ долженъ умереть такъ рано. Тогда отъ оракула пришло другое изреченіе, гласившее, что именно этимъ онъ и сократилъ себѣ жизнь, такъ какъ не сдѣлалъ того, что долженъ былъ сдѣлать: Эгипту суждено было бѣдствовать сто пятьдесятъ лѣтъ, что и поняли два предшествовавшихъ ему царя, а онъ не понялъ. Выслушавъ такой приговоръ себѣ, Микеринъ заказалъ множество лампадъ и велѣлъ зажигать ихъ, лишь наступала ночь, затѣмъ пилъ, наслаждался непрестанно днемъ и ночью, бродилъ по болотамъ и лѣсамъ, вездѣ, гдѣ рассчитывалъ найти возможно больше наслажденій. Все это онъ дѣлалъ съ цѣлью изобличить лживость оракула, показать превращеніемъ ночей въ дни, что ему остается жить двѣнадцать лѣтъ, а не шесть.

134. Микеринъ также оставилъ послѣ себя пирамиду, правда, гораздо меньше отцовской; каждая изъ четырехъ сторонъ ея имѣетъ въ длину по триста футовъ безъ двадцати; на половину сдѣлана изъ эіопскаго камня. По ошибочному увѣренію нѣкоторыхъ еллиновъ, пирамида эта сооружена публичной женщиной Родописъ; говорящія такъ не знаютъ даже, что за женщина Родописъ; иначе они не приписали бы ей пирамиды, на которую израсходованы, можно сказать, безчисленныя тысячи талантовъ. Не знаютъ они также, что Родописъ жила въ царствованіе Амасида, а не Микерина. Дѣйствительно, Родописъ жила много лѣтъ спустя послѣ тѣхъ царей, которые соорудили эти пи-

рамиды; по происхождению она была оракианка, рабыня самийского жителя Иадмона, сына Гестеополиса, которому принадлежал также баспописец Эвопъ. Что и Эвопъ былъ рабомъ Иадмона, это особенно ясно изъ слѣдующаго обстоятельства: когда дельфійцы много разъ по внушенію оракула выывали, кто могъ бы получить выкупъ за убитаго у нихъ Эвопа, никто не объявлялся; наконецъ получилъ выкупъ внукъ этого Иадмона, тоже Иадмонъ. Слѣдовательно и Эвопъ принадлежалъ Иадмону.

135. Родописъ доставлена была въ Египетъ жителямъ Сама Ксанною для промисла тѣломъ, но ее выкупили за большія деньги митиленецъ Хараксъ, сынъ Скамапдронима, братъ поэтессы Сапфо. Родописъ такимъ образомъ была освобождена, но осталась въ Египтѣ и благодаря своимъ прелестямъ заработала большія деньги, большія для Родописъ, но недостаточныя для сооружеія подобной пирамиды. Десятую часть ея сокровищъ можетъ видѣть всякій желающій и теперь еще; судя по этому, ей нельзя приписывать большаго богатства. Дѣло въ томъ, что Родописъ сильно желала оставить по себѣ памятникъ въ Елладѣ, и для этого заказала такую вещь, какаа не была еще никѣмъ придумана и поставлена въ храмѣ; эту память по себѣ она пожертвовала въ Дельфы, именно: на десятую часть состоянія сдѣлала множество желѣзныхъ вертелъ, столько, сколько можно было сдѣлать на такіа деньги, и отослала ихъ въ Дельфы. И теперь еще они лежатъ тамъ въ кучѣ позади жертвенника, посвященнаго хіосцами, прямо противъ храма. Кажется впрочемъ, что въ Накратисѣ публичныя женщины вообще прелестны; но публичная женщина, о которой теперь идетъ рѣчь, такъ прославилась, что имя Родописъ стало извѣстно всѣмъ еллинамъ. Другая была позже ея, по имени Архидика; ее воспѣвали по всей Елладѣ, хотя говорили о ней

меньше нежели о первой. Послѣ выкупа Родописъ Хараксъ возвратился въ Митилену, а Сапфо жестоко осмѣяла его за это въ одномъ стихотвореніи. Но о Родописѣ довольно.

136. Жрецы говорили, что царемъ Египта послѣ Минерина былъ Асиксъ, который соорудилъ на восточной сторонѣ гестеова храма портикъ, изъ всѣхъ портиковъ самый великолѣпный и обширный. Всѣ портики украшены рельефными изображеніями и представляются на видъ до бесконечности разнообразными произведеніями, но портикъ Асикса далеко превосходитъ остальные. По словамъ жрецовъ, въ его царствованіе былъ большой недостатокъ денегъ въ обращеніи, почему и данъ былъ законъ, въ силу котораго берущій деньги въ займы обязанъ оставлять подъ залогъ мумію отца; этотъ законъ дополненъ былъ другимъ, по которому дающій деньги въ займы становится владѣльцемъ всего фамилнаго склепа должника, а заимодавецъ, взявшій подъ такой залогъ деньги, подвергается слѣдующему наказанію, если откажется уплатить долгъ: ни самъ должникъ, ни кто другой изъ его родственниковъ не можетъ быть послѣ смерти похороненъ ни въ фамилномъ склепѣ, ни въ какой-либо другой гробницѣ. Съ дѣлюю превзойти своихъ предшественниковъ на египетскомъ престолѣ царь этотъ въ память о себѣ соорудилъ пирамиду изъ кирпича, а на ней помѣстилъ высѣченную на камнѣ такую надпись: „когда сравниваешь меня съ каменными пирамидами, то не пренебрегай мною: я превосхожу ихъ настолько, насколько Зевсъ превосходитъ остальныхъ божества. Въ озеро погружали шесть, потомъ собирали ту глину, которая на шесть задерживалась, изъ нея выдѣлывали кирпичи и такимъ способомъ построили меня“. Столько совершенно было этимъ царемъ.

137. Послѣ Асикса царствовалъ въ Египтѣ чело-

вѣкъ слѣпой, родомъ изъ города Анисиса, по имени Анисисъ. Въ его царствованіе на Египетъ напали съ большимъ войскомъ эіопы съ царемъ своимъ Сабакономъ. Слѣпой царь бѣжалъ въ страну болотъ, а въ Египтѣ воцарился эіопъ и царствовалъ въ теченіе пятидесяти лѣтъ. За это время онъ поступалъ такъ: кто бы изъ египтянъ ни совершалъ преступленіе, онъ никого не казнилъ смертью; каждаго преступника соотвѣственно винѣ его онъ присуждалъ насыпать землю подлѣ роднаго города, въ которомъ тотъ или другой преступникъ жилъ. Благодаря этому города стали еще выше; раньше, при царѣ Сесострисѣ земля была насыпана тѣмъ, которые проводили каналы, а вторично поднята, притомъ на большую высоту въ царствованіе эіопа. Хотя въ Египтѣ города вообще высоки, но выше всѣхъ насыпная почва, какъ мнѣ кажется, въ Бубастисѣ; здѣсь же находится и замѣчательнѣйшій храмъ Бубастисъ; есть, правда, нѣкоторые храмы болѣе обширные и болѣе великолѣпные, но нѣтъ ни одного столь очаровательнаго на видѣ. Бубастисъ значитъ на еллинскомъ языкѣ Артемида.

138. Храмъ этой богини имѣетъ слѣдующее устройство: за исключеніемъ входа это—островъ, потому что идущіе изъ Нила каналы не сливаются другъ съ другомъ; до самаго входа каналы эти омываютъ храмъ съ двухъ разныхъ сторонъ; каждый изъ нихъ обнесенъ деревьями и имѣетъ сто футовъ въ ширину. Портки храма имѣетъ десять саженъ высоты и украшенъ достойными вниманія шестилотковыми фигурами. Храмъ стоитъ посреди города и потому видѣнъ со всѣхъ сторонъ, притомъ сверху. Въ самомъ дѣлѣ, почва въ городѣ была высоко поднята насыпной землей, а храмъ оставался нетронутымъ съ того времени, какъ построенъ; поэтому-то онъ и видѣнъ кругомъ. Онъ окруженъ каменною стѣною съ высѣченными фигурами, а въ

предѣлахъ ограды кругомъ большаго храма есть роща очень высокихъ деревьевъ; внутри храма находится куширь богини; въ длину и ширину храмъ имѣетъ одну стадію. Ко входу въ храмъ ведетъ вымощенная камнемъ улица на протяженіи почти трехъ стадій, которая проходитъ черезъ рынокъ въ восточномъ направленіи; ширина ея около четырехсотъ футовъ; по обѣимъ сторонамъ улицы посажены высочайшія деревья; ведетъ она къ храму Гермеса. Таковъ этотъ городъ.

139. Причиною того, что Эіопъ удалился изъ Египта, было слѣдующее сновидѣніе: увидѣлъ онъ во снѣ человѣка, который подошелъ къ нему и посоветовалъ собрать вмѣстѣ всѣхъ египетскихъ жрецовъ и каждаго изъ нихъ разсѣчь пополамъ. Увидѣвши такой сонъ, царь сказалъ, что по его мнѣнію боги даютъ ему этотъ советъ затѣмъ только, чтобы онъ оскорбилъ святыни и тѣмъ навлекъ бы на себя какую-нибудь бѣду отъ боговъ или отъ людей; поэтому, сказалъ онъ, онъ не поступитъ такъ, какъ внушаетъ ему сновидѣніе, но удалится изъ Египта, такъ какъ согласно оракуду кончился уже срокъ царствованія его въ Египтѣ. Дѣйствительно, когда онъ былъ еще въ Эіопіи, тамошніе оракулы объявили, что ему суждено царствовать въ Египтѣ пятьдесятъ лѣтъ. Поэтому, когда срокъ этого истекъ, Сабакономъ смущенный сновидѣніемъ, добровольно покинулъ Египетъ.

140. Когда наконецъ Эіопъ удалился изъ Египта, слѣпецъ возвратился изъ области болотъ и снова сталъ царствовать. Въ болотахъ онъ прожилъ пятьдесятъ лѣтъ и за это время насыпалъ тамъ островъ изъ земли и вола. Всякій разъ, когда тайкомъ отъ Эіопа являлись къ нему египтяне съ съѣтными припасами въ томъ порядкѣ, какъ имъ было приказано, онъ требовалъ доставить ему въ подарокъ еще и вола. Никто раньше Амирта не могъ открыть этого острова; въ теченіе

болѣе семисотъ лѣтъ онъ оставался невѣдомымъ для египетскихъ царей, предшественниковъ Амиртаа. Имя острова Ельбо, а величина его десять стадій въ длину и столько же въ ширину.

141. Послѣ Анхисеа царствовалъ жрецъ Гефеста по имени Сеососъ. Онъ презиралъ и ни во что ставилъ военное сословіе египтянъ, какъ будто несколько не нуждался въ немъ: всячески оскорблялъ достоинство воиновъ и лишилъ ихъ участковъ земли, тогда какъ при прежнихъ царяхъ каждый изъ нихъ получилъ въ даръ по двѣнадцати лучшихъ полевыхъ участковъ. Послѣ этого на Египетъ напалъ съ большимъ войскомъ Санахарибъ, царь арабовъ и ассириинъ; но египетскіе воины не желали помогать царю. Въ затруднительномъ положеніи жрецъ вошелъ въ храмъ и передъ кумиромъ жаловался на угрожающую бѣду. Царь еще плакалъ, когда на него низошелъ сонъ, и во снѣ ему показалось, что явилось божество и ободрило его тѣмъ, что съ нимъ не случится никакой бѣды, если онъ выступитъ противъ арабскаго войска, что тогда само божество пошлетъ ему помощниковъ. Полагаясь на сновидѣніе, царь взялъ съ собою египтянъ, добровольно послѣдовавшихъ за нимъ, и расположился съ войскомъ въ Пелусіа, тамъ, гдѣ лежитъ входъ въ Египетъ. Изъ воиновъ не пошелъ за нимъ никто; при немъ находились мелочные купцы, ремесленники и базарные торговцы. На вступившихъ сюда неприятелей напали ночью полемія мыши и погрызли имъ колчаны, луки, рукоятки у щитовъ, такъ что на слѣдующій день они, безоружные, обращены были въ бѣгство и пали въ большомъ числѣ. Въ настоящее время въ храмѣ Гефеста стоитъ каменное изображение этого царя съ мышью на рукѣ и съ слѣдующею надписью: „гляди на меня, учись благочестію“.

142. До сихъ поръ излагали исторію египтяне и

жрецы ихъ, указывая на то, что отъ перваго египетскаго царя до послѣдняго, которымъ былъ жрецъ Гефеста, прожило триста сорокъ одно поколѣніе людей, что за это время было въ Египтѣ столько же первосвященниковъ и царей. Триста человѣческихъ поколѣній составляютъ десять тысячъ лѣтъ, потому что три поколѣнія образуютъ столѣтіе; остальные сорокъ одно поколѣніе сверхъ трехсотъ—тысячу триста сорокъ лѣтъ. Такимъ образомъ въ теченіе одиннадцати тысячъ трехсотъ сорока лѣтъ не было, по словамъ жрецовъ, ни одного человѣкообразнаго божества; не было чего-нибудь подобнаго, продолжали они, ни прежде этого времени, ни при послѣдующихъ царяхъ Египта. Они говорили также, что за это время солнце четыре раза покидало обычное мѣсто восхода, что дважды оно восходило тамъ, гдѣ теперь заходитъ. Между тѣмъ за то же самое время не произошло въ Египтѣ по ихъ словамъ никакой перемѣны ни въ произведеніяхъ земли или рѣкъ, ни въ свойствахъ болѣзней или видахъ смерти.

143. Когда нѣсколько раньше историкъ Гекатей излагалъ въ Оивахъ свою родословную и соединилъ родъ свой въ шестнадцатомъ колѣнѣ съ божествомъ, жрецы Зевса поступили такъ же, какъ и со мною, хотя я и не излагалъ имъ своей родословной, именно: они ввели меня въ большую залу, показывали и пересчитывали колоссальныя деревянныя изображенія людей; ихъ было точно столько, какъ я сказалъ¹⁾, потому что каждый первосвященникъ ставитъ при жизни свое изображеніе. Жрецы при этомъ объяснили мнѣ, что каждое изъ показываемыхъ и пересчитываемыхъ изображеній представляетъ сына своего предшественника-отца; они начали счетъ съ изображенія первосвященника, умершаго позже всѣхъ, подводили меня къ каждому, пока не показали

¹⁾ II, 142.

всѣхъ изображеній. Такъ какъ Гекатей излагаетъ собственную генеалогію и въ шестнадцатомъ колѣнѣ связывалъ ее съ божествомъ, то жрецы послѣ упомянутого перечисленія выставляли противъ него свои генеалогіи, не допуская при этомъ, чтобы челоуѣкъ произвелъ отъ божества. Свои отвѣтныя родословныя вели жрецы такъ, что по ихъ словамъ каждый колосецъ былъ *пиромисъ*, происходившій отъ пиромиса; такимъ образомъ они показали ему на трехстахъ сорока пяти изображеніяхъ, что пиромисъ происходитъ отъ пиромиса, причѣмъ не ставили ихъ въ связь ни съ героемъ, ни съ божествомъ. *Пиромисъ* значитъ въ переводѣ на еллинскій языкъ „честный и мужественный“.

144. Жрецы при этомъ объяснили, что всѣ тѣ лица, изображенія которыхъ находились тамъ, были именно такими, какими изображены, то есть совершенно отличными отъ боговъ. Напротивъ раньше этихъ людей царствовали въ Египтѣ боги, жили они вмѣстѣ съ смертными, и всегда только одинъ изъ нихъ бывалъ владыкою; послѣдній изъ боговъ, царствовавшихъ въ Египтѣ, былъ Оръ, сынъ Осириса, именуемый у еллиновъ Аполлономъ; лишивъ власти Тифона, онъ послѣднимъ царствовалъ въ Египтѣ. Осирисъ называется по-еллински Діонисомъ.

145. У еллиновъ самыми младшими божествами почитаются Гераклъ, Діонисъ и Панъ, а у египтянъ Панъ—одно изъ старѣйшихъ божествъ и принадлежитъ къ числу первыхъ восьми боговъ, Гераклъ къ числу вторыхъ, двѣнадцати, Діонисъ къ числу третьихъ, происшедшихъ отъ двѣнадцати божествъ. Уже раньше я сказалъ ¹⁾, сколько лѣтъ, по словамъ самихъ египтянъ, прошло отъ Геракла до царя Амасида; отъ Пана они насчитываютъ еще больше, а отъ Діониса наименьше,

¹⁾ II, 48.

и все-таки отъ этого послѣдняго до царя Амасида они насчитываютъ пятнадцать тысячъ лѣтъ. Египтяне увѣряютъ, что они знаютъ это достоверно, такъ какъ непрерывно ведутъ лѣтоисчисленіе и записываютъ годы. Они говорятъ, что Діонисъ, сынъ Семелы, кадмовой дочери, жилъ приблизительно за тысячу шестьсотъ лѣтъ до нашего времени, а Гераклъ, сынъ Алкмены, за девятьсотъ лѣтъ; отъ Пана, сына Пенелопы, — еллинскія сказанія производятъ отъ нея и Гермеса, — прошло до нашего времени еще меньше, нежели отъ Троянской войны, именно около восьмисотъ лѣтъ.

146. Что касается этихъ двухъ численій, то каждый можетъ принимать то изъ нихъ, которое кажется ему вѣроятнѣе; свое мнѣніе о нихъ я высказалъ ¹⁾. Въ самомъ дѣлѣ, еслибы и эти два божества, Діонисъ, сынъ Семелы, и Панъ, сынъ Пенелопы, столь же прославились у еллиновъ, какъ Гераклъ, сынъ Амфитриона, и оставались бы въ Елладѣ до старости, то можно было бы сказать, что и эти божества подобно Гераклу были первоначально людьми, получившими свои имена отъ предшествовавшихъ имъ боговъ. Между тѣмъ на самомъ дѣлѣ о Діонисѣ еллины говорятъ, что онъ тотчасъ по рожденіи запылъ былъ Зевсомъ въ бедро и отнесенъ въ Нису, лежащую надъ Египтомъ въ Эіопіи; а относительно Пана они совсѣмъ не могутъ сказать, что съ нимъ случилось послѣ рожденія. Для меня такимъ образомъ очевидно, что еллины узнали имена этихъ двухъ боговъ позже, нежели прочихъ, причѣмъ и родословную этихъ божествъ ведутъ съ того самаго времени, съ какого впервые узнали ихъ.

147. Все это рассказываютъ сами египтяне; теперь я передамъ то, что рассказывается другими народами объ этой странѣ, и съ чѣмъ египтяне соглашаются;

¹⁾ II, 48 сл.

впрочемъ добавлю кое-что и изъ собственнаго наблюденія. По освобожденіи отъ эоіоповъ, послѣ царствованія жреца гефестова, эгиптіане поставили себѣ двѣнадцать царей, — безъ царей они не могли никогда обходиться, — причемъ весь Эгипетъ раздѣлили на двѣнадцать частей. Цари породнились между собою и царствовали съ соблюденіемъ такого уговора, чтобы не свергать другъ друга съ престола, не добиваться превосходства одному надъ другимъ и жить въ возможно болѣе дружественныхъ отношеніяхъ. Договоръ этотъ цари заключили и вѣрно соблюдали, для чего и поступали такъ: тотчасъ по полученіи ими власти было изреченіе оракула, по смыслу котораго тотъ изъ нихъ будетъ царствовать надъ цѣлымъ Эгиптомъ, кто сдѣлаетъ возліаніе изъ мѣдной чаши въ храмъ Гефеста; поэтому на всѣ священнодѣйствія они являлись вмѣстѣ.

148. Цари эти пожелали оставить по себѣ общій памятникъ, ради чего соорудили лабиринтъ немного выше Миридскаго озера, подлѣ такъ называемаго Города крокодиловъ. Я видѣлъ его и нашелъ, что оное выше всякаго описанія. Дѣйствительно, еслибы собрать вмѣстѣ всѣ еллинскія укрѣпленія и другія сооруженія, то оказалось бы, что они стоили меньше труда и денегъ, нежели лабиринтъ, хотя въ Ефесѣ и на Самѣ есть замѣчательные храмы. Правда, были и пирамиды, превосходящія описаніе, каждая изъ нихъ стояла многихъ, даже огромныхъ сооруженій еллиновъ, но лабиринтъ превосходитъ самими пирамидами. Это — двѣнадцать крытыхъ залъ, порталы своими расположенныхъ одна противъ другой и соединенныхъ между собою въ одно помѣщеніе; шесть залъ обращены на сѣверъ, а шесть на югъ. Снаружи они окружены общей стѣной. Покои въ лабиринтѣ двойкаго рода, одни подземные, другіе на поверхности земли надъ первыми; всѣхъ покоевъ три тысячи, по полторы тысячи въ каждой половинѣ.

Покои наружные мы видѣли сами, ходили по нимъ, рассматривали ихъ и на основаніи этого говоримъ о нихъ, тогда какъ о покоехъ подземныхъ мы узнавали только по разсказамъ. Эгипетскіе сторожа ни за что не хотѣли показывать ихъ намъ, потому что, говорили они, тамъ помѣщаются гробницы царей, соорудившихъ лабиринтъ, и священныхъ крокодиловъ. Такимъ образомъ о подземныхъ покоехъ мы говоримъ по слухамъ, а наружные, превосходящіе дѣла рукъ человѣческихъ, мы осматривали сами. Дѣйствительно, переходы черезъ покои и извилистые повороты отъ одной залы до другой, исполненные разнообразнѣйшаго великолѣпія, представляли тысячи чудесъ, когда, бывало, переходилъ изъ залы въ покои, изъ покоевъ въ коридоры, изъ коридоровъ въ другіе покои, изъ этихъ покоевъ въ новыя залы. Крыша надъ всѣми помѣщеніями, равно какъ и стѣны, сдѣлана изъ камня; на стѣнахъ въ изобиліи рельефныя изображенія; каждая зала снабжена кругомъ колоннами изъ кусковъ бѣлаго камня, отлично сложенныхъ. Къ тому самому углу, гдѣ кончается лабиринтъ, тѣсно примыкаетъ пирамида въ сорокъ сажень вышиною съ огромными высѣченными въ стѣнахъ изображеніями; къ пирамидѣ ведетъ подземный ходъ.

149. Если такъ лабиринтъ, то еще болѣе удивительнымъ представляется такъ называемое Миридское озеро, у котораго построенъ лабиринтъ. Озеро имѣетъ въ окружности три тысячи шестьсотъ стадій, или шестьдесятъ схиновъ, столько же, сколько имѣетъ Эгипетъ вдоль моря. Озеро тянется въ длину съ сѣвера на югъ и имѣетъ глубины въ самомъ глубокомъ мѣстѣ пятьдесятъ сажень. Что озеро это искусственное, вырытое, видно по немъ самому: почти посерединѣ озера стоятъ двѣ пирамиды, поднимающіяся надъ поверхностью воды на пятьдесятъ сажень и на столько же сидящія подъ водою; на каждой изъ нихъ помѣщено по колоссаль-

тому каменному изображенію, сидящему на тронѣ. Такимъ образомъ высота пирамидъ сто сажень, а сто сажень составляютъ стадію въ шестьсотъ футовъ, если сажень имѣетъ шесть футовъ или четыре локтя, футъ состоитъ изъ четырехъ, а локоть изъ шести ладоней. Озеро наполняется водою не изъ источниковъ, потому что вся эта мѣстность до крайности безводна; вода проведена сюда по каналу изъ Нила, причемъ шесть мѣсяцевъ она течетъ въ озеро и шесть мѣсяцевъ вытекаетъ изъ него. Когда вода уйдетъ изъ озера, то въ царскую казну оно приноситъ въ теченіе шести мѣсяцевъ каждый день по одному таланту, выручаемому за рыбу, а когда озеро наполнится водою, то только по двадцати минъ.

150. По словамъ туземцевъ, озеро это выливается подъ землю въ ливійскій Сиртисъ, причемъ направляется на западъ въ глубь материка вдоль хребта, что надъ Мемфисомъ. Такъ какъ и къ удивленію моему нигдѣ не замѣчалъ той земли, которая была выкопана, то спрашивалъ ближайшихъ къ озеру жителей, гдѣ слышана вскрытая земля; они указали мѣсто, куда вывезена была земля, и я легко повѣрилъ имъ. Изъ рассказовъ я зналъ, что нѣчто подобное было и въ Нинѣ, ассирийскомъ городѣ, именно: однажды воры задумали похитить громадную сокровища царя Нина Сарданапалла, хранившіяся въ подземныхъ кладовыхъ. Воры начали рыть подкоизъ, начиная отъ своихъ жилищъ по направлению къ царскому дворцу, а выносимую изъ канавы землю по наступленіи ночи бросали въ рѣку Тигръ, протекающей мимо Нина, пока работы своей не привели къ желанному концу. Подобнымъ образомъ дѣйствовали, какъ я слышалъ, и при вырытіи Миридскаго озера въ Египтѣ, съ тою разницею конечно, что здѣсь работа производилась не ночью, а днемъ; вынимаемую землю египтяне относили въ Нилъ, который и размывалъ ее. Такъ, рассказываютъ, выкопано это озеро.

151. Двѣнадцать царей управляли страной справедливо. Однажды при совершеніи жертвы въ храмѣ Гестаста, когда въ послѣдній день праздника они должны были совершить возліаніе, первосвященникъ вынесъ имъ золотыя чаши, изъ которыхъ обыкновенно совершалось возліаніе царямъ, но ошибся и вынесъ одиннадцать чашъ для двѣнадцати царей. Такимъ образомъ одинъ изъ царей, Псамметихъ, стоявшій съ краю, не получилъ чаши; тогда онъ снялъ съ головы своей мѣдный шлемъ, и подставилъ его для того, чтобы совершить изъ него возліаніе. Всѣ прочіе цари также носили шлемы и тогда были въ шлемахъ. Псамметихъ подставилъ свой шлемъ безъ всякаго вѣлаго умысла, но прочіе цари обратили вниманіе на поступокъ Псамметиха и нашли его отвѣчающимъ изреченію оракула, что тотъ изъ нихъ будетъ единственнымъ царемъ Египта, который совершитъ возліаніе изъ мѣдной чаши¹⁾. Но припомнивши предсказаніе оракула, они не нашли нужнымъ лишать жизни Псамметиха, такъ какъ по изслѣдованію убѣдились, что поступокъ совершенъ былъ безъ всякаго умысла. Поэтому они порѣшили лишить его значительной доли власти и сослать въ болота съ воспрещеніемъ отлучаться оттуда или вступать въ сношеніе съ остальнымъ Египтомъ.

152. Раньше Псамметихъ бѣжалъ отъ эеіона Сабакона, убившаго отца его Нехо; тогда онъ бѣжалъ въ Сирію, но египтяне савтскаго округа призвали его назадъ, когда эеіопъ бѣжалъ изъ Египта по вышнему видѣнному имъ во снѣ призрака. Потомъ онъ сдѣлался царемъ и изъ за шлема былъ вторично изгнанъ одиннадцатью царями въ область болотъ. Считая поступокъ ихъ тяжелой для себя обидой, Псамметихъ задумалъ отмстить своимъ гонителямъ. Съ этою цѣлью онъ послалъ въ городъ Буто, гдѣ находится правдивѣйшее египетское прорицалище, спросить оракула Латоны; въ отвѣтъ

¹⁾ II 147.

получено было изреченіе, что мѣсть наступить съ моря, когда появятся мѣдные люди; онъ совсѣмъ не повѣрилъ тому, будто получить помощь отъ мѣдныхъ людей. Между тѣмъ немного спустя іоныне и карійцы во время разбойническихъ странствованій по морю занесены были въ Эгипетъ. Они высадились на сушу въ мѣдныхъ дослѣкахъ, о чемъ какой-то эгиптянинъ, пришедши въ болото, и далъ знать Псамметиху; никогда раньше онъ не видѣлъ людей въ мѣдномъ вооруженіи и потому сообщилъ теперь, что съ моря явились мѣдные люди и оцѣлошаютъ равнину. Изгнаникъ усмотрѣлъ въ этомъ исполненіе пророчанія, оказалъ іонянамъ и карійцамъ радушный приемъ и щедрыми обѣщаніями склонилъ ихъ остаться у него на службу, а потому при ихъ содѣйствіи и вмѣстѣ съ охотниками изъ эгиптянъ свергнулъ царей съ престола.

153. Псамметихъ такимъ образомъ овладѣлъ цѣлымъ Эгиптомъ; въ храмѣ Гефеста въ Мемфисѣ онъ соорудилъ на южной сторонѣ его портикъ, выстроилъ противъ него дворъ для Аписа, гдѣ онъ и содержится, лишь только появится на свѣтъ. Дворъ этотъ окруженъ со всѣхъ сторонъ колоннами и украшенъ множествомъ изображеній; вмѣсто столбовъ дворъ поддерживаютъ громадные изображенія въ двѣнадцать локтей вышиною каждое. Аписъ называется по-еллински Епафомъ.

154. Пособникамъ своимъ, іонянамъ и карійцамъ, Псамметихъ отвелъ для поселенія земли, лежація одна противъ другой и раздѣленные Ниломъ; эти участки земли получили названіе Лагерея. Кромѣ земли, царь далъ имъ все, что обѣщаль, а также дѣтей эгиптянъ отдавалъ къ нимъ для обученія еллинскому языку; отъ нихъ-то научились еллинскому языку теперешніе переводчики въ Эгиптѣ. Іоныне и карійцы занимали эти земли долгое время; лежать онѣ подлѣ моря немного ниже города Бубастиса, на такъ называемомъ Пелусій-

скомъ устьѣ Нила. Впослѣдствіи царь Амасядъ переселилъ ихъ отсюда въ Мемфисъ, образовавши изъ нихъ стражу для себя противъ эгиптянъ. Благодаря поселенію этихъ отрядовъ въ Эгиптѣ и сношеніямъ съ ними еллиновъ, мы знаемъ достовѣрно все, что дѣлается въ Эгиптѣ со времени царя Псамметиха и позже; это были первые иноязычные поселенцы въ Эгиптѣ. На покинутыхъ мѣстахъ жительства еще въ мое время были слѣды корабельныхъ стоянокъ и обломки домовъ. Такъ Псамметихъ овладѣлъ Эгиптомъ.

155. Много разъ уже я упоминалъ объ оракулѣ въ Эгиптѣ¹⁾; но онъ заслуживаетъ особаго разсказа. Этотъ эгипетскій оракулъ есть святилище Латоны, находящееся въ большомъ городѣ подлѣ такъ называемаго Себениитскаго устья Нила, на пути отъ моря вверхъ. Имя города, въ которомъ находится оракулъ, Буто, какъ сказано уже раньше²⁾. Въ Буто есть святилище Аполлона и Артемиды. Храмъ Латоны, въ которомъ помѣщается оракулъ, великъ и имѣетъ портикъ въ десять сажень вышиною. Что касается вышиности храма, то вотъ что поразило меня наибольше: въ священной оградѣ есть монолитный храмъ Латоны, одинаковой длины и высоты, и всѣ стѣны его одинаковой величины, а каждое измѣреніе сорокъ локтей. Кровлю служатъ другой камень съ карнизомъ въ четыре локтя.

156. Изъ открытыхъ для публики окрестностей святилища наиболѣе изумительнымъ показался мнѣ этотъ храмъ, а потомъ островъ по имени Хеммисъ. Лежитъ онъ на глубокомъ обширномъ озерѣ подлѣ святилища въ Буто; эгиптяне считаютъ его пловучимъ. Самъ я не замѣчалъ, чтобы островъ плавалъ или передвигался, и съ крайнимъ изумленіемъ слушалъ, когда называли его

¹⁾ II, 83. 111. 133. 152.

²⁾ II, 59. 63. 67. 83. 133. 152.

пловучимъ. На островѣ есть большой храмъ Аполлона и три жертвенника; расцѣтъ на немъ множество пальмъ и другихъ деревьевъ, фруктовыхъ и дикихъ. Называя островъ пловучимъ, египтяне приводятъ для этого слѣдующее основаніе: первоначально островъ не былъ пловучимъ, пока Латона, одно изъ восьми первыхъ божествъ, обитавшая въ Буто и имѣвшая тамъ это прощальце, не получила отъ Исиды Аполлона на сохраненіе и не скрыла его на островѣ, который считается теперь пловучимъ; въ то время Тифонъ бросался всюду въ поискахъ за сыномъ Осариса. Аполлона и Артемиду называютъ дѣтьми Діониса и Исиды, а Латона была ихъ кормилицею и спасительницею. Аполлонъ по египетски называется Оромъ, Деметра Исидою, Артемиду Бубастисъ. Изъ этого, а не изъ какого-либо другаго рассказа Эсхиль, сынъ Евфоріона, позаимствовалъ то, о чемъ я скажу, и въ чемъ она была единственнымъ изъ прежнихъ поэтовъ, именно, представилъ Артемиду дочерью Деметры ¹⁾. Говорятъ, что поэтому-то островъ и сталъ пловучимъ. Таковъ рассказъ египтянъ.

157. Псамметихъ царствовалъ въ Египтѣ пятьдесятъ четыре года, изъ которыхъ двадцать девять лѣтъ онъ провелъ въ осадѣ большаго сирійскаго города Авота, пока не взялъ его. Изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ городовъ Авотъ надолго выдерживалъ осаду.

158. У Псамметиха былъ сынъ Нехо, который послѣ отцовскаго и сдѣлался царемъ Египта. Онъ первый началъ прорытіе канала, ведущаго въ Ериерейское море, того самаго, который потомъ былъ вырытъ персидскимъ царемъ Даріемъ. Длина канала четыре дня плаванія, а широкъ онъ настолько, что по немъ могутъ идти гонимыя веслами двѣ триремы рядомъ; вода въ него про-

¹⁾ Въ какой изъ потерянныя трагедій поэта такъ изображена Артемиды, неизвѣстно.

ведена изъ Нила. Каналь начинается немного выше города Бубастиса, проходитъ подлѣ арабскаго города Палума и впадаетъ въ Ериерейское море. Прежде всего онъ идетъ въ той части египетской равнины, которая граничитъ съ Аравіею, у подножья того хребта, который тянется выше равнины къ городу Мемфису, и въ которомъ есть каменоломня; у подножья этого хребта каналь тянется въ длину отъ запада къ востоку, потомъ уклоняется въ сторону по направленію къ югу и, проходя черезъ ущелья, вливается въ Аравійскій заливъ. Кратчайшимъ путемъ отъ сѣвернаго моря до южнаго и Ериерейскаго считается тотъ, что идетъ отъ хребта Касія, отдѣляющаго Египетъ отъ Сиріи, и содержащаго въ себѣ до Аравійскаго залива ровню тысячу стадій. Это—кратчайшій путь; каналь гораздо длиннѣе, потому что гораздо болѣе извилистъ. При проведеніи этого канала погибло сто двадцать тысячъ египтянъ. Нехо приостановилъ работы на половинѣ, будучи смущенъ изреченіемъ оракула, что онъ работаетъ для варвара, а варварами египтяне называютъ всѣхъ, говорящихъ не на одномъ языкѣ съ ними.

159. По прекращеніи работъ надъ каналомъ Нехо занялся военными походами. Съ этою цѣлью сооружены были триремы частью на сѣверномъ морѣ, частью въ Аравійскомъ заливѣ у Ериерейскаго моря; мѣста стоянокъ ихъ видны еще и теперь. Въ случаѣ нужды онъ всегда пользовался этими триремами. Сиріянъ Нехо разбилъ въ сухопутномъ сраженіи при Магдохѣ, а послѣ сраженія овладѣлъ обширнымъ городомъ Сирія, Кадитіемъ. То платье, въ которомъ совершены были эти подвиги, царь пожертвовалъ Аполлону и отослалъ въ Бранхиды милетянъ. Послѣ того онъ умеръ, процарствовавши всего шестнадцать лѣтъ, и передавши царство сыну Псаммису.

160. Въ царствованіе Псаммиса прибыли въ Егип-

пять послы отъ елидянь съ цѣлью похвалиться, что елидяне устроили олимпійское состязаніе правильнѣйшимъ и превосходнѣйшимъ способомъ, и заявить, что сами эгиптяне, мудрѣйшіи изъ всѣхъ народовъ, не изобрѣли бы ничего подобнаго. Когда елидяне объяснили причину своего посѣщенія, царь созвалъ тѣхъ изъ эгиптянъ, которые слыли мудрѣйшими людьми. Эгиптяне собрались, и на ихъ разпросы елидяне рассказывали все, что соблюдали они при устройствѣ состязаній. Сообщивши все это, послы объявили, что они прибыли въ Египетъ съ цѣлью узнать, не могутъ-ли эгиптяне придумать что-нибудь лучше этого. Эгиптяне посоветовались между собою и спросили елидянъ, принимаютъ ли участіе въ состязаніи и сопрядане ихъ. Тѣ отвѣчали, что участвовать въ состязаніи дозволяется каждому желающему, изъ нихъ-ли, или изъ прочихъ елидиновъ, безразлично. Эгиптяне на это замѣтили, что такое правило грубо нарушаетъ справедливость, ибо невозможно для нихъ не быть пристрастными къ составляющемуся гражданину и не обидѣть такимъ образомъ иноземца. Поэтому если имъ желателенъ справедливый порядокъ состязанія, и если ради этого прибыли они въ Египетъ, то слѣдуетъ устраивать состязанія только для иноземцевъ и не допускать къ нимъ никого изъ елидянъ. Такой совѣтъ эгиптяне дали елидянамъ.

161. Псаммисъ царствовалъ въ Египтѣ только шесть лѣтъ; онъ умеръ скорѣ послѣ похода въ Эіопію, а этому наследовалъ сынъ его Априя. Послѣ Псамметиха, дѣда его, онъ былъ счастливѣе всѣхъ царей, ему предшествовавшихъ. Царствовалъ онъ двадцать пять лѣтъ и за это время совершилъ походъ на Сидонъ и имѣлъ морское сраженіе съ тирянами и царемъ ихъ. Однако ему суждено было претерпѣти бѣду, о причинѣ чего я подробнѣе скажу въ повѣствованіи о Ливіи ¹⁾, а те-

¹⁾ IV, 159.

перь ограничусь немногими словами, именно: Априя оплатилъ войско противъ киренянъ и потерялъ жестокое пораженіе; эгиптяне обвинили его въ неудачѣ и возстали противъ него, полагая, что Априя умышленно послалъ ихъ на явную опасность съ цѣлью погубить часть эгиптянъ и тѣмъ спокойнѣе царствовать надъ остальными; подозрѣніе это возмутило тѣхъ эгиптянъ, которые возвратились изъ похода, а равно друзей погибшихъ, и они возстали открыто.

162. Априя узнавъ объ этомъ и послалъ Амасида, чтобы тотъ подѣйствовалъ на нихъ увѣщаніемъ. Когда Амасидъ явился туда, старался удержать ихъ, уговаривалъ ихъ бросить свои замыслы, одинъ изъ эгиптянъ сталъ позади его, надѣлъ на него шлемъ, говоря, что это въ знакъ царскаго достоинства. Предложеніе не было противно желанію Амасида, что онъ и далъ понять. Когда мятежники провозгласили его царемъ, онъ сталъ готовиться къ нападенію на Априю. Получивши извѣстіе объ этомъ, Априя послалъ противъ Амасида одного изъ своихъ приближенныхъ, знатнаго эгиптянина по имени Патарбемиса съ приказаніемъ доставить ему Амасида живымъ. Когда, подошедши къ Амасиду, Патарбемисъ звалъ его отправиться вмѣстѣ, тотъ, сидѣвшій въ то время верхомъ на лошади, поднялъ бедро и испустилъ вѣтеръ, предлагая доставить это Априю. Однако Патарбемисъ, говорить, продолжалъ требовать, чтобы Амасидъ шелъ къ царю, если тотъ плететъ за нимъ. Амасидъ отвѣчалъ тогда, что давно уже собирается сдѣлать это, и что Априя не будетъ жаловаться на него, такъ какъ онъ и самъ прійдетъ, и другихъ приведетъ съ собою. Патарбемисъ понялъ, что хотѣлъ сказать Амасидъ, къ чему онъ собирается, и поспѣшилъ уйти, чтобы возможно скорѣе извѣстить цари о положеніи дѣлъ. Когда онъ пришелъ къ Априю безъ Амасида, царь не далъ сказать ему ни слова и

въ сильномъ гнѣвѣ велѣлъ отрѣзать ему носъ и уши. Остальные египтяне, до тѣхъ поръ стоявшіе еще на сторонѣ царя, при видѣ того, какому позорному наказанію подвергается внѣтѣйшій изъ нихъ, не медлили болѣе, соединились съ противниками царя и перешли на сторону Амасида.

163. Узнавши объ этомъ, Апрія вооружилъ наемное войско и пошелъ на египтянъ; съ нимъ было тридцать тысячъ наемныхъ солдатъ, карійцевъ и іонянъ, а дворецъ его, обширный и замѣчательный, находился въ городѣ Саксѣ. Слѣдовательно Апрія съ своимъ войскомъ шелъ на египтянъ, а Амасидъ съ своимъ на иноземцевъ. Въ городѣ Момемфисѣ сошлись оба войска и здѣсь рѣшились помѣряться силами.

164. У египтянъ есть семь классовъ: жрецы, воины, пастухи рогатаго скота, свинопасы, купцы, переводчики и кормчіе; столько классовъ у египтянъ, а имена даны имъ по роду ихъ занятій; но воины называются Каласиріями и Гермотибіями и занимаютъ слѣдующіе округа, — потому что весь Египетъ раздѣляется на округа.

165. Округа Гермотибіевъ: бусуритскій, сантскій, хеммитскій, напремитскій, островъ Просооптида и половина Наоо. Такіе-то округа заняты Гермотибіями, число которыхъ доходитъ до ста шестидесяти тысячъ человѣкъ. Никто изъ нихъ не знаетъ никакого ремесла; они заняты только военнымъ дѣломъ.

166. Каласиріямъ принадлежатъ другіе округа: онвскій, бубаститскій, афонтскій, тантскій, мендетскій, себеннитскій, аерибитскій, фарбанонтскій, омуитскій, онуфитскій, аввскій, міекфорнтскій; этотъ послѣдній округъ находится на островѣ противъ города Бубастиса. Округа эти заняты Каласиріями, число которыхъ доходитъ до двухсотъ пятидесяти тысячъ человѣкъ. Имъ также не подобаетъ заниматься никакимъ ремесломъ;

занятія ихъ исключительно военныя, притомъ наследуемыя сыномъ отъ отца.

167. Заимствовали ли еллины эти порядки отъ египтянъ, не могу рѣшить достоверно, ибо я вижу, что еракіяне, скионы, персы, лидяне, то есть, почти всѣ варвары меньше цѣнятъ тѣхъ гражданъ и ихъ потомковъ, которые занимаются ремеслами, напротивъ считаютъ благородными тѣхъ, которымъ совершенно чуждъ ручной трудъ, и которые вѣдаютъ только военное дѣло. Это заимствовано всѣми еллинами, больше всего лакедемонянами; а меньше всѣхъ пренебрегаютъ ремесленниковъ коринѣяне.

168. Изъ египтянъ только воины и жрецы пользуются большою привилегіей, именно: каждый изъ нихъ получилъ по двѣнадцати полевыхъ участковъ, свободныхъ отъ налога, а участокъ содержитъ въ себѣ сто египетскихъ квадратныхъ локтей; египетскій локоть равняется самійскому. Этой привилегіей пользовались всѣ воины, но другая, слѣдующая, распредѣлялась между ними въ извѣстномъ порядкѣ, причѣмъ никогда не пользовались ею всѣ вмѣстѣ, именно: тысяча Каласиріевъ и столько же Гермотибіевъ служили въ теченіе года тѣлохранителями при царѣ; они каждый день получали за это, помимо земельныхъ участковъ, по пяти минъ хлѣба, по двѣ минны говядины, по четыре мѣры вина. Всегда выдавалось это тѣмъ, которые исполняли службу тѣлохранителей.

169. Апрія съ своими наемными солдатами, а Амасидъ со всѣми египтянами сошлись у города Момемфиса, и тамъ завязалась битва. Иноземцы дрались храбро, но, сильно уступая неприятелю въ численности, потерпѣли поражение. Говорятъ, Апрія былъ настроенъ такъ, что самое божество, казалось ему; не въ силахъ было бы заставить его отказаться отъ царской власти, — такъ несокрушимымъ считалъ онъ свой престолъ. Те-

перъ, развитый въ сраженіи и вятый въ плѣнъ, онъ отведенъ былъ въ городъ Саисъ, въ тотъ дворецъ, который прежде былъ его, а теперь принадлежалъ Амасиду. Нѣкоторое время его содержали здѣсь въ царскомъ дворцѣ, и Амасидъ обходился съ нимъ хорошо. Наконецъ египтяне стали укорять его въ несправедливости за то, что онъ такъ содержитъ злѣйшаго врага ихъ и своего; тогда Амасидъ выдалъ Априю египтянамъ. Они задушили его и похоронили въ фамильной гробницѣ, находящейся въ святилищѣ Аѳины, очень близко къ алтарю, на лѣвой сторонѣ отъ входа. Всѣхъ царей изъ своего округа сатрапы погребли въ этомъ святилищѣ. Правда, гробница Амасида стоитъ дальше отъ алтаря, нежели гробница Априя и его предковъ, но и она помѣщалась во дворѣ святилища. Гробница Априя представляетъ обширную каменную залу, обставленную колоннами въ видѣ пальмъ и вообще разукрашенную; въ залѣ есть двое дверей, а между ними царская гробница.

130. Въ Саисѣ въ святилищѣ Аѳины повади храма вдоль всей стѣны его есть гробница того божества, назвать которое по имени въ этомъ случаѣ и считаю для себя грѣхомъ. Въ оградѣ храма стоитъ два большихъ каменныхъ обелиска, а подлѣ нихъ озеро съ каменнымъ доколемъ и кругомъ прекрасно отдѣланное; озеро это, какъ мнѣ кажется, такой же величины, какъ и то, которое находится на Делѣ и называется колесовиднымъ.

131. На этомъ озерѣ египтяне устраиваютъ мимическія представленія страстей божества, именуемыя мистеріями. Хотя я знаю это таинство во всѣхъ подробностяхъ, но благоговѣйно умолчу о немъ; умолчу также и о правдствѣ Деметры, которое еллины называютъ осеоморіями, за исключеніемъ развѣ такихъ подробностей, о какихъ не грѣшно говорить. Дочери Даная

вывезли это правдство изъ Египта и научили ему пеласгійскихъ женщинъ. Впоследствии, когда жители Пелопоннеса были вытѣснены дорянами, правдство это исчезло; сохранили его только тѣ пелопоннесцы, которые остались въ своей землѣ и не были вытѣснены, именно, аркадіе.

132. По низверженіи Априя воцарился Амасидъ; ро-⁵⁷⁰ 528 домъ онъ былъ изъ саитскаго округа, изъ города по имени Сиуфъ. Первое время египтяне пренебрегали Амасидомъ и нисколько не цѣнили его, такъ какъ раньше того онъ былъ простымъ гражданиномъ не знатнаго рода. Съ теченіемъ времени онъ расположилъ египтянъ къ себѣ ловкимъ и грубымъ средствомъ, именно: у него было множество различныхъ сокровищъ, въ числѣ ихъ золотая лохань, въ которой самъ Амасидъ и всѣ его застольники обмывали себѣ ноги. Лохань эту онъ изломалъ въ куски, сдѣлавъ изъ нея кумиръ божества и поставилъ его на самомъ видномъ мѣстѣ въ городѣ. Египтяне подходили къ кумиру и оказывали ему большое почтеніе. Узнавши о такомъ поведеніи горожанъ, Амасидъ созвалъ египтянъ и объяснилъ имъ, что кумиръ сдѣланъ изъ лохани, въ которую прежде египтяне плевали, мочились, въ которой мыли ноги, а потомъ ей же оказываютъ большое почтеніе. То же самое, что съ лоханью, случилось, сказалъ онъ, и съ нимъ самимъ; хотя прежде онъ былъ простой гражданинъ, но въ настоящее время—царь ихъ, а потому совѣтовалъ имъ чтить его и высоко цѣнить.

133. Такимъ-то образомъ Амасидъ расположилъ къ себѣ египтянъ и подчинилъ ихъ. Порядокъ занятій его былъ таковъ: рано утромъ, когда городская площадь не наполнялась еще народомъ, онъ усердно занимался текущими дѣлами, потомъ пилъ, шутилъ съ своими застольными товарищами, непринично дуралился съ ними и забавлялся. Друзья его смущались этимъ и

съ дѣлюю подѣйствовать на него говорили: „ты ведешь себя, царь, несогласно съ своимъ достоинствомъ, потому что слишкомъ предаешься грубымъ забавамъ. На важномъ посту слѣдуетъ и сидѣть важно и весь день проводить въ занятияхъ. Тогда и египтяне сознаютъ, что ими управляетъ великій человѣкъ, и будутъ прославлять твое имя. Теперь ты поступаешь совсѣмъ не поцарски“. Царь на это отвѣчалъ имъ: „владѣющіе лукомъ натягиваютъ тетиву, когда имѣютъ нужду въ лукѣ, и отпускаютъ ее, когда лукъ болѣе не нуженъ; еслибы тетива оставалась натянутой все время, лукъ лопнулъ бы, и имъ нельзя было бы воспользоваться въ случаѣ нужды. Такъ и съ человѣкомъ: еслибы человѣкъ пожелалъ заниматься дѣлами непрерывно и совсѣмъ не отдыхалъ бы въ забавахъ, то навѣрное онъ незамѣтно для себя или сошелъ бы съ ума, или совсѣмъ отупѣлъ бы. Я знаю это и потому отдаю свою долю и труду, и забавѣ“. Такъ онъ отвѣчалъ друзьямъ своимъ.

174. Объ Амасидѣ впрочемъ говорятъ, что, еще будучи частнымъ человѣкомъ, онъ любилъ пить, веселиться и вовсе не любилъ серьезныхъ занятій. Когда вслѣдствіе пьянства и развлеченій онъ впадалъ въ нужду, то бродилъ по окрестностямъ и воровалъ. Когда обворованные утверждали, что вещи ихъ у него, а онъ отрицалъ это, то его водили къ оракулу, какой былъ въ той мѣстности. Во многихъ случаяхъ оракулы изоблачали его, а въ другихъ оправдывали. Ставши царемъ, онъ поступилъ такъ: о храмахъ всѣхъ тѣхъ божествъ, которыя не признавали его воровомъ, онъ вовсе не заботился, ничего не жертвовалъ на содержаніе ихъ, не совершалъ въ нихъ жертвъ, ибо они ничего не заслуживали, а оракулы ихъ считалъ лживыми; напротивъ, о всѣхъ тѣхъ божествахъ, которыя объявляли его воровомъ, онъ очень заботился, какъ о божествахъ

дѣйствительныхъ и владѣвшихъ правдивыми оракулами.

175. Въ Саисѣ въ честь Аинны Амасидъ соорудилъ достойный удивленія портикъ, далеко превосходившій портики всѣхъ строителей высотой и обширностью, величиною и достоинствомъ камней. Потомъ поставилъ онъ огромные колоссы и длиннѣйшіе мужскіе сонны, кромѣ того велѣлъ свозить необычайной величины камни на сооруженіе храма. Часть камней была доставлена изъ каменоломни, что подлѣ Мемфиса, другая часть, громаднѣйшіе камни, доставлена изъ города Елефантинны, отстоящаго отъ Саиса на двадцать дней плаванія. Но болѣе всего удивляетъ меня слѣдующее: онъ велѣлъ перевезти изъ города Елефантинны монолитный храмъ, доставка котораго продолжалась три года, а заняты были ею двѣ тысячи человѣкъ, причѣмъ всѣ они были кормчими. Что касается размѣровъ покоя, то длина его снаружи двадцать одинъ локоть, ширина четырнадцать, а высота восемь локтей. Таковы размѣры этого монолитнаго покоя снаружи, а изнутри длина восемнадцать локтей и двадцать пальцевъ, ширина двѣнадцать, а высота пять локтей. Находитесь этотъ священный покой у входа въ святилище; внутрь святилища не втащили его, какъ говорятъ, по слѣдующей причинѣ: въ то время, когда покой тащили, архитекторъ сильно стоналъ и утомился работой, которая тянулась такъ долго; Амасидъ придалъ этому большое значеніе и не дозволилъ тащить храмъ дальше. Другіе рассказываютъ, что одинъ изъ рабочихъ, занятыхъ передвиженіемъ покоя, былъ раздавленъ, и что изъ за этого онъ и не былъ втащенъ внутрь святилища.

176. Вообще во всѣ знаменитыя храмы Амасидъ жертвовалъ замѣчательные по величинѣ предметы; между прочимъ въ Мемфисѣ передъ храмомъ Гефеста онъ поставилъ кумпръ въ семьдесятъ пять футовъ вы-

пиною, изображающей лежащего на спине человека. На томъ же цоколѣ стоятъ два колосса изъ египтскаго камня, по правую и по лѣвую сторону главнаго кумира. Другой столъ же громадный колосецъ стоитъ въ Саисѣ и представляетъ, какъ и въ Мемфисѣ, лежащую фигуру. Амасидъ соорудилъ въ Мемфисѣ еще храмъ для Исиды, обширный и замѣчательный.

177. Говорятъ, въ царствованіе Амасида Египетъ наслаждался полнѣйшимъ довольствомъ, какъ въ томъ, что страна получаетъ отъ рѣки, такъ и въ томъ, что даетъ народу земля, а всѣхъ населенныхъ городовъ въ Египтѣ было въ то время двадцать тысячъ. Амасидъ издалъ для египтянъ законъ, въ силу котораго каждый египтянинъ ежегодно обязанъ указать областному начальнику всѣ свои средства къ живнѣ; тотъ, кто этого не сдѣлаетъ или кто не можетъ показывать, что онъ живетъ законными средствами, наказывался смертю. Этотъ законъ Солоонъ заимствовалъ отъ египтянъ и издалъ его для афинянъ, безукоризненный законъ, и афиняне должны бы соблюдать его во вѣки.

178. Амасидъ любилъ еллиновъ, нѣкоторымъ изъ нихъ сдѣлалъ много добра, а перебивающимъ въ Египетъ отвелъ для поселенія городъ Навкратисъ. Если кто изъ нихъ не думалъ поселиться въ Египтѣ и прибѣгалъ туда только по торговымъ дѣламъ, для тѣхъ отводились участки земли, гдѣ они могли бы поставить жертвенники и храмы своимъ богамъ. Наибольшій изъ этихъ храмовъ, наиболѣе извѣстный и посѣщаемый, называется Еллиніемъ. Слѣдующіе города соорудили храмы общими усиліями: Хиосъ, Теосъ, Фокея, Клазомены іонійскіе, Родъ, Книдъ, Галикарнасъ, Фаселиды дорійскіе, и только одинъ городъ митленскихъ воляевъ. Храмъ Еллиній принадлежитъ всѣмъ этимъ городамъ; они же назначаютъ и блюстителей тамошней торговли; всѣ прочіе города, заявляющіе свои притя-

занія на участіе, не имѣютъ на то никакого права. Египтяне отдѣльно для себя построили храмъ Зевса; другой храмъ, Геры, построили себѣ саміане, а храмъ Аполлона милетяне.

179. Въ древности одинъ только Навкратисъ былъ мѣстомъ торговли для иноземцевъ, никакого другаго порта въ Египтѣ не было. Если кто-нибудь заходилъ въ другое устье Нила, онъ долженъ былъ поклониться, что зашелъ туда невольно и, давши клятву, отплыть на томъ же самомъ кораблѣ въ Канобское устье; если противныя вѣтры мѣшали плаванію, то слѣдовало перевезти грузъ на лодкахъ вокругъ Дельты до Навкратиса. Таковы были привилегіи Навкратиса.

180. Когда амфиціоны отдали въ подрядъ сооруженіе дельфійскаго храма за триста талантовъ, — прежній храмъ случайно сгорѣлъ, — то на долю дельфійцевъ выпало доставить четвертую часть подрядной суммы. Во время странствованій по городамъ за сборомъ пожертвованій дельфійцы получили не мало въ Египтѣ: Амасидъ пожертвовалъ имъ тысячу талантовъ квасцовъ, а жившіе въ Египтѣ еллины пожертвовали двадцать мнѣвъ.

181. Съ киренянами Амасидъ вступилъ въ дружбу и заключилъ военный союзъ. Онъ рѣшилъ даже взять оттуда жену себѣ, или изъ желанія имѣть супругою еллинку, или для новаго скрѣпленія дружбы съ киренянами. По словамъ однихъ, онъ женился на дочери Батта, по словамъ другихъ на дочери Аркесилла, по словамъ третьихъ на дочери знатнаго гражданина Критобула, носившей имя Ладнея. Каждый разъ, когда возлежалъ съ нею, Амасидъ оказывался неспособнымъ имѣть сообщеніе, хотя другими женщинами и пользовался. Послѣ многихъ такихъ случаевъ царь сказалъ наконецъ Ладникѣ: „ты, жена, чарами своими причинила мнѣ это, и тебѣ пѣтъ спасенія отъ самой ужасной смерти, какою когда-либо умирала женщина“. Никакія

оправданія Ладика не могли смягчить Амасида; тогда она мысленно дала обѣтъ Афродитѣ пожертвовать кумирь богини въ Кирену, если только въ ближайшую ночь Амасидъ будетъ имѣть сообщеніе съ нею: только это и могло спасти ее отъ смерти. Послѣ такой молитвы Амасидъ въ ту же ночь сообщился съ Ладикою. Съ этого времени онъ сообщался съ нею всякій разъ, какъ являлся къ ней, и горячо полюбилъ ее. Ладика во исполненіе обѣта заказала кумирь Афродиты и отослала въ Кирену; онъ уцѣлѣлъ до моего времени и стоялъ за городомъ киренянъ. Это та самая Ладика, которую Камбиса послѣ покоренія Эгипта спросилъ, кто она, и невредимою отпустилъ въ Кирену.

182. Пожертвованія сдѣлалъ Амасидъ также въ Елладу, именно: въ Кирену позолоченное изображеніе Аѳины и собственное нарисованное изображеніе, потому въ Лидѣ Аѳинѣ пожертвованы два каменныхъ кумира и замѣчательный льняной панцирь, въ Самѣ Герѣ два собственныхъ деревянныхъ изображенія, которыя сохранились въ большомъ храмѣ до моего времени повади дверей. Въ Самѣ сдѣлано пожертвованіе ради дружбы Амасида съ Поликратомъ, сыномъ Эакеса, въ Лидѣ не по дружбѣ съ кѣмъ-либо, но потому, что находящійся тамъ храмъ Аѳины, какъ говорятъ, сооруженъ дочерью Даная въ то время, когда онъ, убѣгая отъ сыновей Эгипта, высадился у Лиды. Таковы пожертвованія Амасида. Кипръ онъ завоевалъ первый и наложилъ на него дань.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

ΘΑΛΙΑ

Походъ Камбиса въ Египеть; союзъ его съ арабами и нравы этихъ послѣднихъ (1—9). Пораженіе египтянъ Камбисомъ (10—16). Неудачные походы Камбиса на кароагены, аммоніевъ и везіоновъ (17—26). Нестовства Камбиса (27—38). Судьба Поликрата Самійскаго и война лакедемонянъ съ Самомъ; судьба Періандра (39—60). Восстаніе маговъ противъ Камбиса, смерть Камбиса (61—66). Низверженіе маговъ и воцареніе Дарія (67—88. 118—119). Административное дѣленіе Персіи на сатрапіи (89—98. Окраины земли (99—117). Гибель Поликрата (120—126. Гибель Оройты (126—128). Врачъ Демокедесъ (129—138). Война персовъ съ самідами (139—149). Вторичное завоеваніе Вавилона персами (150—160).

2

1. Противъ этого-то Амасида выступилъ въ походъ сынъ Кира, Камбиса, причемъ въ войскѣ его кромѣ другихъ подданныхъ были ивъ еллиновъ іоняне и эоляне. Причина похода была слѣдующая: черезъ отправленнаго въ Египеть посла Камбиса просить у Амасида руки его дочери. Сдѣлалъ онъ это по внушенію одного египтянина, питавшаго злобу на Амасида за то, что ивъ всѣхъ египетскихъ врачей онъ его одного оторвалъ отъ жены и дѣтей и послалъ въ Персію на службу въ то время, когда Киръ черезъ посла просилъ у Амасида лучшаго въ цѣломъ Египтѣ глазнаго врача. Раздраженный этимъ, египтянинъ не переставалъ своими совѣтами подстрекать Камбису просить дочь у Амасида, рассчитывая на то, что тотъ или съ прискорбіемъ выдастъ

дочь, или отказомъ вызвать войну со стороны Камбиса. Дѣйствительно, Амасидъ боялся могущества персовъ и въ страхѣ передъ Камбисомъ не зналъ, что дѣлать: отдать ли дочь Камбису, или отказать ему, ибо онъ хорошо зналъ, что Камбиса домогается его дочери не въ жены, а лишь въ наложницы. По этому Амасидъ поступилъ такъ: у прежняго царя Априи была дочь, прекрасно сложенная и красивая дѣвушка, одна изъ всей семьи оставшаяся въ живыхъ; называлась она Нитетисъ. Эту дѣвушку Амасидъ велѣлъ нарядить въ пышное платье, надѣть на нее золотыя украшенія и подъ видомъ родной дочери отправить въ Персію. Когда впоследствии Камбиса ласкалъ ее и называлъ по имени отца, женщина эта сказала: „ты, царь, и не подозреваешь обмана. Амасидъ нарядилъ меня и прислалъ тебѣ въ даръ какъ родную дочь, между тѣмъ на самомъ дѣлѣ я дочь Априи, бывшаго владыки Амасида; противъ отца моего онъ возсталъ вмѣстѣ съ египтянами и умертвилъ его“. Слова женщины и все это происшествіе сильно раздражили кирова сына Камбиса и побудили его къ войнѣ съ Египтомъ. Таковъ разсказъ персовъ.

2. Египтяне считаютъ Камбиса своимъ на томъ основаніи, что будто бы эта самая дочь Априи была его матерью, такъ какъ за дочерью Амасида прислалъ-де Киръ, а не Камбиса. Но это не вѣрно. Египтянамъ не безызвѣстно, такъ какъ учрежденія персовъ знаютъ они не хуже другихъ, что, во-первыхъ, по персидскимъ законамъ побочный сынъ не можетъ быть царемъ, если живъ сынъ законный, а во-вторыхъ, что Камбиса былъ сынъ Касанданы, дочери Фарнаспы, изъ рода Ахеменидовъ, а вовсе не египтянки. Притязанія египтянъ на родство съ Камбисомъ извращаютъ исторію. Таковы эти отношенія.

3. Есть впрочемъ еще другой разсказъ, но я не вѣрю

ему: будто какая-то персянка, посѣтивши однажды жену Кира, увидѣла подлѣ Касанданы красиво и хорошо сложенныхъ дѣтей, восхищалась ими и долго разсыпалась въ похвалахъ имъ. На это супруга Кира Касандана замѣтила: „и вотъ меня, мать такихъ дѣтей, Киръ вовсе не цѣнитъ, между тѣмъ какъ окружаетъ почетомъ другую женщину, привезенную изъ Египта“. Такъ говорила царица въ досадѣ на Нитетисъ, причемъ будто бы старшій сынъ ея, Камбиса, замѣтилъ: „въ такомъ случаѣ, мать, я возмужавши все переверну въ Египтѣ“. Камбисъ было тогда дѣтъ десять отъ роду, и замѣчаніемъ своимъ онъ изумилъ женщинъ. Впоследствии онъ никогда не забывалъ своей угрозы, возмужавши, по полученіи царской власти пошелъ войною на Египетъ.

4. Ко времени этого похода случилось еще одно обстоятельство такого рода: въ вспомогательномъ войскѣ Амасида былъ одинъ галикарнаецъ по имени Фанетъ, человекъ умный и храбрый воинъ. Разсердившись за что-то на Амасида, онъ сѣлъ на корабль и бѣжалъ изъ Египта, чтобы переговорить съ Камбисомъ. Такъ какъ онъ пользовался большимъ уваженіемъ вспомогательныхъ отрядовъ и достовѣрно зналъ положеніе дѣлъ въ Египтѣ, то Амасидъ немедленно принялъ всѣ мѣры къ тому, чтобы поймать его и, послалъ за нимъ погоню; для этого снаряжена была трирема, на которой отправился вѣрѣйшій изъ царскихъ евнуховъ; онъ захватилъ Фанета въ Ликии, но не доставилъ обратно въ Египетъ. Фанетъ перехитрилъ его: наполнивъ до пьяна стражу и самъ бѣжалъ въ Персію. Онъ явился къ Камбису въ то время, когда тотъ собирался выступить въ походъ и недоумѣвалъ только, какъ ему пройти безводное пространство. Фанетъ сообщилъ царю о положеніи дѣлъ Амасида вообще, а также научилъ его, какъ провести войско, именно: онъ совѣтовалъ обратиться черезъ посла къ арабскому царю съ просьбой

предоставить войску безопасный путь через его владения.

5. Только на этомъ пути и былъ свободный доступъ въ Египетъ. Отъ Финикии до города Кадити тянется область такъ называемыхъ Палестинскихъ сирянъ. Кадити, по моему мнѣнію значительный городъ, немного лишь менѣ Сардъ. Между Кадитіемъ и городомъ Иенисомъ лежатъ на морскомъ побережьи торжища, принадлежащія арабскому царю; отъ Иениса до Сербонидскаго озера слѣдуетъ полоса сирянъ, а подлѣ озера проходить къ морю хребетъ Касій. Отъ Сербонидскаго озера, въ которомъ, говорятъ, сокрытъ Тифонъ, начинается уже Египетъ. Пространство между городомъ Иенисомъ, хребтомъ Касіемъ и Сербонидскимъ озеромъ — не малое, дня на три пути, совершенно безводное.

6. Только немногіе посѣщающіе Египетъ обращаютъ вниманіе на то, о чемъ и сейчасъ скажу. Два раза ежегодно изъ цѣлой Еллады, а также изъ Финикии привозятъ въ Египетъ глиняные сосуды съ виномъ, и однако въ Египтѣ почти нельзя найти ни одного пустаго сосуда. Куда же, спроситъ кто-нибудь, дѣваются эти сосуды? Объ этомъ-то я и скажу. Всякій мѣстный старшина обязанъ собрать въ своемъ околоткѣ всю глиняную посуду и доставить ее въ Мемфисъ, а старшины Мемфиса обязуются препроводить ее, наполнивши предварительно водою, въ эти безводныя части Сиріи. Такимъ образомъ вся та посуда, которая направляется въ Египетъ и тамъ опорожняется, отправляется въ Сирію въ дополненіе къ прежней.

7. По завоеваніи Египта Персы проложили путь въ эту страну, снабжая ее водою описаннымъ выше способомъ. Но во время похода запасовъ воды на этомъ пути еще не было, и Камбиса, наученный галикарнас-

1) III, 6.

цезь, обратился черезъ посла къ арабскому царю съ просьбою о предоставленіи безопаснаго прохода для его войска. Просьба была уважена, и они заключили между собою договоръ.

8. Арабы соблюдаютъ договоры вѣрнѣе, нежели какой-нибудь другой народъ, а заключаютъ ихъ слѣдующимъ образомъ: если двое пожелаютъ заключить договоръ, то третье лицо становится между ними и острымъ камнемъ дѣлаетъ у большаго пальца договаривающихся продольный разрѣвъ на внутренней сторонѣ руки, вытгиваетъ по клоку шерсти изъ ихъ платья и намазываетъ кровью положенные между договаривающимися семь камней; при этомъ онъ выпиваетъ къ Діонису и Урани. По окончаніи всего этого заключившій договоръ представляетъ иновѣнца или соплеменника, если договоръ заключенъ съ соплеменникомъ, своимъ друзьямъ, которые съ этого времени считаютъ долгомъ уважать состоявшійся договоръ. Изъ боговъ арабы чтутъ только Діониса и Уранию, и говорятъ, что они стригутъ себѣ волосы совершенно такъ, какъ стригся самъ Діонисъ, именно: они стригутся въ кружокъ, причемъ подстригаютъ волосы на вискахъ. Діониса они называютъ Ороталтомъ, а Уранию Алипата.

9. Итакъ, заключивши договоръ съ посланцами, явившимися отъ Камбисы, арабскій царь устроилъ слѣдующее: наполнивъ водою мѣхи изъ верблюжьей кожи, навьючилъ ими всѣхъ своихъ верблюдовъ и затѣмъ выступилъ въ пустыню, гдѣ дождался камбисова войска. Такойъ болѣе вѣроятный рассказъ, но слѣдуетъ передать и менѣе вѣроятный, который также можно слышать. Въ Аравіи есть большая рѣка, по имени Корисъ, вливающаяся въ такъ называемое Ерпореиское море. Какъ разсказываютъ, арабскій царь велѣлъ сплести изъ сырыхъ бычачьихъ и другихъ кожъ водопроводъ, достигавшій до пустыни, изъ рѣки провелъ черезъ него

воду, а въ пустынѣ велѣлъ выкопать обширныя выстилица, которыя принимали бы въ себя воду и сохраняли ее. Отъ рѣкъ до пустыни двѣнадцать дней пути. Воду царь провелъ тремя водопроводами въ три пункта.

10. Въ ожиданіи Камбиса сынъ Амасида Псамменитъ расположился съ войскомъ при Пелусійскомъ устьѣ Нила. Дѣло въ томъ, что во время похода на Египетъ Камбиса не засталъ уже въ живыхъ Амасида, умершаго послѣ сорокачетырехлѣтняго царствованія; за это время не случилось съ нимъ никакой большой бѣды. По смерти онъ былъ бальзамированъ и погребенъ въ той гробницѣ въ храмѣ, которая имъ же была сооружена. Въ царствованіе въ Египтѣ сына Амасида Псамменита египтяне видѣли величайшее чудо: въ египетскихъ Ойвахъ шелъ дождь, хотя ни прежде, ни послѣ до моего времени Ойвы никогда дождемъ не орошались, какъ говорятъ сами ойвяне; вообще въ верхнемъ Египтѣ дождь не идетъ вовсе, да и въ то время въ Ойвахъ выпали лишь капли дождя.

11. Перешедши безводную пустыню, персы расположились вблизи египтянъ съ цѣлью сразиться съ ними. Воины вспомогательныхъ отрядовъ египетскаго царя, именно еллины и карійцы, негодуя на Фанета за то, что онъ привелъ на Египетъ чужеземное войско, придумали ему слѣдующее наказаніе: у Фанета въ Египтѣ оставались сыновья; ихъ привели въ лагерь, поставили на виду у отца между обѣими стоянками чашу, потомъ вывели туда по одиночкѣ дѣтей Фанета и надъ чашей зарѣзали ихъ. Зарѣзавши всѣхъ дѣтей, они влили въ ту же самую чашу вина съ водою, всѣ воины вспомогательнаго войска напились крови и тогда пошла въ сраженіе. Бой былъ ожесточенный, съ обѣихъ сторонъ пало множество воиновъ, наконецъ египтяне обратились въ бѣгство.

12. Тамъ я видѣлъ удивительную вещь, о которой

разсказывали мнѣ раньше туземцы: кости воиновъ, павшихъ въ этомъ сраженіи съ одной и съ другой стороны, свалены въ двѣ отдѣльныя кучи; въ одномъ мѣстѣ лежатъ кости персовъ, въ другомъ египтянъ, такъ, какъ раздѣлены онѣ были при погребеніи; черепа персовъ такъ ломки, что ихъ легко продыравить броненымъ мелкимъ камешкомъ; черепа египтянъ напротивъ такъ крѣпки, что ихъ едва можно разбить ударами камня. Разница эта, какъ мнѣ говорили и я этому легко вѣрю, зависитъ отъ того, что египтяне начиная съ дѣтства стригутъ себѣ волосы, и черепа ихъ грубѣютъ отъ солнца; по той же самой причинѣ египтяне не лысѣютъ; плѣшивыхъ можно видѣть у нихъ меньше, нежели у другаго какого народа. Вотъ почему египтяне имѣютъ крѣпкіе черепа. Что у персовъ черепа слабые, объясняется слѣдующимъ обстоятельствомъ: съ ранняго дѣтства они извѣживаютъ себѣ черепа употребленіемъ войлочныхъ шапокъ. Таковы черепа египтянъ и персовъ. Нѣчто подобное наблюдалъ я въ Пармисѣ, гдѣ вмѣстѣ съ Ахеменисомъ, спомомъ Дарія, истреблены были персы Инаросомъ, ливійскимъ царькомъ.^{460—465}

13. Покинувши поле сраженія, египтяне бѣжали въ крайнемъ беспорядкѣ и загнаны были въ Мемфисъ. Тогда Камбиса отправилъ къ нимъ вверхъ по рѣкѣ на митиленскомъ суднѣ посла своего, перса по происхожденію, съ предложеніемъ мира. Но когда египтяне увидали, что къ Мемфису подошелъ этотъ корабль, толпою бросились съ укрѣпленій, разбили корабль, людей изрубилъ въ куски и такъ вернулись на укрѣпленія. Послѣ этого египтяне были осаждены и спустя нѣкоторое время сдались. Судьба Египта устроилась смежныхъ съ египтянами ливіянъ, которые и сдались персамъ безъ боя, сами наложили на себя дань и послали Камбисѣ подарки. Подобно ливіянамъ поступили, будучи также перенуганы, киреняне и баркиане. Камбиса

принялъ благосклонно присланные отъ ливійанъ подарки, а подарками киренянъ остался недоволенъ, потому, мнѣ кажется, что они были незначительны: киреняне при-слали всего пятьсотъ миузъ серебра; онъ взялъ сере-бро и собственноручно разбросалъ его своимъ солдатамъ.

14. На десятый день по взятіи акрополя въ Мем-фисѣ Камбиса посадилъ въ предмѣстьѣ на посярмленіе эгипетскаго царя Псамменита послѣ шести мѣсяцевъ царствованія; онъ посадилъ тамъ царя вмѣстѣ съ дру-гими египтянами и подвергъ его мужество слѣдующему испытанію: дочь царя велѣлъ одѣть въ рабское платье и вмѣстѣ съ другими избранными дѣвушками знатнѣй-шихъ эгипетскихъ семействъ послалъ съ кувшинами по воду; другія дѣвушки были одѣты такъ же, какъ и цар-ская дочь. Когда дѣвушки съ воплями и жалобами про-ходили мимо отцовъ своихъ, эти послѣдніе при видѣ позора дѣтей громко рыдали вмѣстѣ съ ними; одинъ Псамменитъ, взглянувши и понявши все, молча по-нялъ головой. Когда водоноски прошли, Камбиса по-слалъ царскаго сына вмѣстѣ съ другими египтянами, его сверстниками въ числѣ двухъ тысячъ человѣкъ; всѣ они имѣли веревки на шеѣ и были ввзвуданы; такъ велъ ихъ на казнь въ отщепеніе за тѣхъ мигале-нянъ, которые погбли въ Мемфисѣ вмѣстѣ съ кора-блемъ. Такой приговоръ постановили царскіе судьи, именно, казнь десяти знатнѣйшихъ египтянъ за каждо-го убитаго. Псамменитъ видѣлъ, какъ осужденные про-ходили мимо, понялъ, что идущій во главѣ египтянъ сынъ его будетъ казненъ, но онъ держалъ себя такъ же, какъ и при видѣ дочери, тогда какъ всѣ прочіе египтяне, сидѣвшіе подлѣ него, плакали и громко вы-ражали свое отчаяніе. Когда и эти прошли, случилось слѣдующее: одинъ изъ застольныхъ друзей Псамменита, человѣкъ довольно старшій, потерявшій все состояніе и впавшій въ нищету, просилъ милостыни у солдатъ, и

проходилъ мимо сына Амасида, Псамменита, и сидѣв-шихъ съ нимъ въ предмѣстьѣ эгиптянъ. Увидѣвши его, Псамменитъ громко зарыдалъ, назвалъ друга по имени и билъ себя по головѣ. Подлѣ него находилась стража, которая докладывала Камбисѣ обо всемъ, что дѣлалъ Псамменитъ каждый разъ при видѣ проходившихъ. Кам-бису удивилъ поступокъ Псамменита, и онъ черезъ своего вѣстника спросилъ его: „даръ Камбиса спра-шивается тебѣ, Псамменитъ, почему ты не вопилъ, не плакалъ при видѣ опозоренной дочери, при видѣ сына, ведомаго на казнь, по этимъ знаками скорби почтилъ нищаго, который, какъ царь слышалъ, вовсе даже не родственникъ тебѣ“. Въ отвѣтъ на это Псамменитъ сказалъ: „собственное мое горе, сынъ Кира, слишкомъ велико для того, чтобы его оплакивать; но достойно слезъ бѣдствіе друга, который на порогѣ старости отъ довольства и счастья перешелъ къ нищетѣ“. Замѣчаніе это Камбиса нашель вѣрными. По словамъ егип-тянъ, Крезъ сопровождавшій Камбису въ Эгипетъ, заплакалъ, равно какъ и присутствовавшіе здѣсь пер-сы. Самъ Камбиса былъ тронутъ и тотчасъ велѣлъ спасти царскаго сына отъ рукъ палачей, а самого Псамменита доставить изъ предмѣстья къ нему.

15. Однако посланные не нашли уже юноши въ живыхъ, такъ какъ онъ былъ казненъ первымъ; самого Псамменита они взяли съ собою и привели къ Камби-сѣ. Съ этого времени онъ жилъ у Камбиса, не испы-тывая никакой обиды; мало того: еслибы онъ сумѣлъ остаться спокойнымъ и не замышлять козней, то по-лучилъ бы въ управленіе Эгипетъ, потому что персы обыкновенно относятся почтительно къ царскимъ дѣ-тямъ. Что такое поведеніе составляетъ ихъ правило, въ этомъ можно убѣдиться по многимъ случаямъ, между прочимъ на примѣрѣ сына Инароса, Фанширы, которому отдана была такая самая власть, кака я принадлежала

отцу его, и на примѣръ Пасириса, сына Амиртея; и этотъ послѣдній получилъ власть, принадлежавшую его отцу. Между тѣмъ никто не причинилъ персамъ больше вреда, какъ Инаросъ и Амиртай. Теперь Псамменитъ понесъ наказаніе за злоумышленіе: онъ уличенъ былъ въ возбужденіи египтянъ къ восстанію. Узнавши объ этомъ, Камбиса велѣлъ напоить его бычачьей кровью, и Псамменитъ тотчасъ умеръ. Таковъ былъ его конецъ.

16. Изъ Мемфиса Камбиса перешелъ въ городъ Саисъ ради того, что онъ дѣйствительно тамъ и сдѣлалъ, именно: вошелъ въ дворецъ Амасида и тотчасъ распорядился выбросить вонъ изъ гробницы трупъ царя; когда это было исполнено, онъ велѣлъ стегать трупъ бичомъ, оборвать на немъ волосы, колоть его и вообще наносить всевозможныя оскорбленія. Когда исполнители царскихъ приказаній были наконецъ утомлены,—потому что трупъ балъ бальзамированъ, выдерживалъ все и не распадался на части,—Камбиса отдалъ нечестивое приказаніе сжечь трупъ. Между тѣмъ персы почитаютъ огонь за божество. Дѣйствительно, сожиганіе труповъ вовсе не въ обычаѣ ни у персовъ, ни у египтянъ: у персовъ по причинѣ, сказанной выше, именно потому, что они считаютъ непозволительнымъ давать божеству трупъ человѣка, у египтянъ же потому, что огонь считается у нихъ одушевленнымъ существомъ, которое пожираетъ все, что бы ни приняло, и потомъ, насытившись ѣдою, умираетъ вмѣстѣ съ пищей. Вотъ почему у нихъ строго воспрещается отдавать трупы звѣрямъ на съѣденіе, и потому они бальзамируютъ трупы, чтобы не оставлять ихъ въ землѣ на съѣденіе червямъ. Такимъ образомъ Камбиса отдалъ приказаніе, противное обычаямъ обоихъ народовъ. Впрочемъ, какъ говорятъ египтяне, жертвою истязаній былъ не Амасидъ, а какой-то другой египтянинъ, одинаковаго роста съ Амасидомъ; оскорбляя его, персы думали, что оскор-

бляютъ Амасида. Рассказываютъ, что Амасидъ былъ предупрежденъ оракуломъ относительно того, что случится съ нимъ послѣ смерти, и потому во избежаніе угрожающаго позора похоронилъ этого человѣка, умершаго въ то время, а теперь выбитаго бичомъ, въ своемъ собственномъ склепѣ, у входа въ него, а себя завѣщалъ сыну похоронить въ наиболее углубленной части усыпальницы. Однако мнѣ кажется, что Амасидъ вовсе не дѣлалъ такихъ распоряженій касательно погребенія себя и того человѣка, и что это не болѣе, какъ праздная болтовня египтянъ.

17. Послѣ этого Камбиса вознамѣрился совершить три военныхъ похода: одинъ противъ караегеннъ, другой противъ аммоніевъ и третій противъ долговѣчныхъ эоіоповъ, живущихъ въ Ливіи у южнаго моря. Противъ караегеннъ онъ рѣшилъ снарядить флотъ, противъ аммоніевъ часть пѣхоты, а къ эоіопамъ послалъ прежде всего соглядатаевъ для удостовѣренія въ томъ, дѣйствительно-ли тамъ находится „солнечный столъ“, помѣщаемый въ землѣ этихъ эоіоповъ, и вообще для осмотра страны подъ предлогомъ преподнесенія подарковъ эоіопскому царю.

18. О „солнечномъ столѣ“ рассказываютъ такъ: это—лугъ въ городскомъ предмѣстьѣ, покрытый варенымъ мясомъ всякаго рода четвероногихъ; куски мяса тайкомъ приносятъ туда по ночамъ всѣ должностныя лица народа, а днемъ каждый желающій идетъ на лугъ и ѣстъ это мясо, причемъ туземцы говорятъ, будто бы каждую ночь сама земля проваживаетъ его. Таковъ, по рассказамъ, „солнечный столъ“.

19. Рѣшивши послать соглядатаевъ, Камбиса немедленно вызвалъ изъ города Елефантины изъ племени ихеоіфаговъ нѣсколькихъ людей, знающихъ эоіопскій языкъ. Въ ожиданіи ихъ Камбиса отправилъ флотъ противъ Караегена. Но финикіане отказались исполнить

его призываніе, такъ какъ они были связаны грозными клятвами не совершать нечестія и не ходить войною на родныхъ дѣтей. За отказомъ финикійцевъ никакой другой изъ подвластныхъ народовъ не могъ поставить годнаго для этого похода войска. Такимъ образомъ карегетяне избѣгли порабощенія персами. Камбиса не считалъ себя въ правѣ употребить насиліе по отношенію къ финикійцамъ, потому что они подчинились персамъ добровольно, и вся морская сила персовъ держалась на финикійцахъ. Также добровольно подчинились персамъ и кипріане, которые участвовали въ походѣ на Египетъ.

20. По прибытіи ихеіофаговъ изъ Елефантины, Камбиса послалъ ихъ къ эеіопамъ съ порученіемъ сказать царю, что нужно, и поднести ему въ даръ пурпурное платье, золотую цѣпь на шею, браслеты, алебастровый сосудъ съ мирромъ и кувшинъ пальмоваго вина. Говорятъ, что эеіопы, къ которымъ послалъ Камбиса, самый рослый и красивѣйшій народъ. У нихъ существуютъ совершенно особенные порядки, отличающіе ихъ отъ прочихъ народовъ; таковъ въ частности выборъ на царство: достойнымъ царской власти они признаютъ того изъ соплеменниковъ, который окажется наибольшаго роста и соотвѣтствующей этому силы.

21. Ихеіофаги, явившись къ этому народу, передали царю подарки съ слѣдующими словами: „царь персовъ Камбиса ищетъ дружбы и союза съ тобою и потому прислалъ насъ для переговоровъ, предлагая тебѣ въ даръ такіе предметы, какіе и ему самому способны доставить наибольшее удовольствіе“. Однако эеіопскій царь понялъ, что къ нему явились соглядатаи, и обратился къ нимъ съ такою рѣчью: „персидскій царь послалъ васъ ко мнѣ съ дарами не потому, что дорожить союзомъ со мною; вы сами говорите неправду, потому что приняли въ качествѣ соглядатаевъ въ мои владѣнія, и

тотъ человѣкъ, который послалъ васъ, безчестенъ. Еслибы онъ былъ честенъ, то не добивался бы обладанія другою странною, помимо своей, и не искалъ бы порабощенія народа, не причинившаго ему никакой обиды. Поэтому передайте ему этотъ лукъ и скажите: царь эеіоповъ совѣтуетъ царю персовъ только тогда идти войною на долговѣчныхъ эеіоповъ, хотя бы и въ большемъ числѣ войновъ, когда персы будутъ натягивать такой величины луки съ тою же легкостью, какъ натягиваю я; а пока онъ долженъ благодарить боговъ за то, что они не внушаютъ сынамъ эеіоповъ охоты присоединить къ своей землѣ чужую“. Съ этими словами онъ отпустилъ тетиву и вручилъ лукъ посланъ.

22. Послѣ этого царь эеіоповъ взялъ пурпурный плащъ и распрашивалъ, что это такое, и какъ онъ сдѣланъ. Когда ихеіофаги рассказали ему всю правду о пурпурѣ и объ окрашиваніи, царь замѣтилъ: „обманчивы эти люди, поддѣльны и одежды ихъ“. Потомъ спросилъ о золотой шейной цѣпи и о браслетахъ и въ отвѣтъ на разсказъ эеіоповъ о приготовленіи этихъ вещей засмѣялся, потому что считалъ ихъ оковами, и сказалъ, что у него оковы покрѣпче этихъ. Третій вопросъ его касался мирра; когда тѣ рассказали, какъ готовится мирро, и какъ имъ персы намазываются, царь сказалъ то же самое, что и объ одеждѣ. Когда зашла рѣчь о винѣ, и онъ узналъ о способѣ его приготовления, то чрезвычайно обрадовался напитку и спросилъ, чѣмъ питается персидскій царь, и какая наибольшая продолжительность жизни у персовъ. Ихеіофаги отвѣчали, что царь питается хлѣбомъ, причѣмъ обязательной жизни у персовъ назвали восемьдесятъ лѣтъ. Эеіопъ на это замѣтилъ, что кратковременности жизни ихъ не удивляется, потому что они питаются галомъ; что они не могли бы и столько прожить, еслибы не

подкрѣпляли себя такимъ напиткомъ: онъ разумѣлъ вино; въ этомъ послѣднемъ отношеніи, сказалъ онъ, эеіоны уступаютъ персамъ.

23. Когда ихеіофаги въ свою очередь стали спрашивать царя о продолжительности и образѣ жизни эеіоновъ, царь отвѣчалъ, что большинство ихъ живетъ по сто двадцать лѣтъ и дольше, что въ пищу употребляютъ они вареное мясо, а пьютъ молоко. Соглядатаи выразили удивленіе по поводу числа лѣтъ; тогда ихъ повели къ источнику, обмывшись въ которомъ они стали блестящими, какъ будто источникъ былъ масляный; отъ него шелъ запахъ фіалокъ. По словамъ соглядатаевъ, вода въ источникѣ такъ легка, что на поверхности ея ничто не можетъ держаться, ни дерево, ни даже предметы болѣе легкіе; все идетъ ко дну. Если дѣйствительно вода у эеіоновъ такова, какъ говорятъ, то быть можетъ они и долговѣчны благодаря постоянному употребленію ея. Отъ источника повели ихеіофаговъ въ тюрьму, гдѣ всѣ заключенные закованы были въ золотыя цѣпи. У этихъ эеіоновъ мѣдь—рѣдчайшій и цѣннѣйшій изъ всѣхъ металловъ. Послѣ этого они осмотрѣли и такъ называемый „солнечный столъ“.

24. Наконецъ осмотрѣны были гробницы эеіоновъ, которыя, какъ говорятъ, изготовляются изъ стекла слѣдующимъ образомъ: прежде всего трупъ высушивается по эгипетскому или по какому-нибудь другому способу, потомъ весь обмазывается гипсомъ и расписывается, причѣмъ воспроизводятъ по возможности вѣрно наружность покойника, наконецъ ставятъ его въ пустую стеклянную колонну. Матеріалъ этотъ выкапывается тамъ въ изобиліи и удобенъ для обработки. Помѣщенный въ серединѣ колонны трупъ хорошо видѣнъ, вовсе не издаетъ непріятнаго запаха и не представляетъ ничего безобразнаго, хотя на муміи различаются ясно всѣ члены, какъ на самомъ трупѣ. Близжайшіе родст-

венники покойника держать мумію въ своемъ домѣ въ теченіе цѣлаго года, удѣляя ему первые плоды и принося жертвы. Наконецъ гробъ уносятъ и ставятъ въ окрестностяхъ города.

25. Осмотрѣвши все, соглядатаи отправились въ обратный путь. Расказы ихъ привели Камбису въ ярость, и онъ немедленно сталъ готовиться къ походу, не сдѣлавши даже распоряженія относительно продовольствія, вовсе не принимая во вниманіе, что онъ идетъ войною на край земли; словомъ онъ выступилъ въ походъ, лишь только выслушалъ ихеіофаговъ, какъ безразсудный и сумасшедшій человѣкъ. Находящимся у него на службѣ еллинамъ онъ приказалъ оставаться въ Эгиптѣ, а всю пѣхоту повелъ съ собою. Прибывши во время похода въ Фивы, онъ отдѣлилъ отъ своего войска пятьдесятъ тысячъ человѣкъ, поручилъ имъ поработить аммоніевъ и съечь прорицалище Зевса, а самъ съ остальнымъ войскомъ продолжалъ походъ на эеіоновъ. Войско не прошло еще пятой части пути, когда всѣ имѣвшіеся у него съѣстные припасы были истощены; послѣ этого войны стали ѣсть вьючный скотъ, пока и онъ не истощился. Еслибы, замѣтивши это, Камбиса оставилъ свое намѣреніе и повернулъ бы съ войскомъ назадъ, то, не смотря на первоначальную ошибку, все же былъ бы человѣкомъ благоразумнымъ; но онъ не обращалъ никакого вниманія на зрѣністствія и подвигался впередъ. Пока солдаты могли добывать что-нибудь съ полей, они пытались веленю и тѣмъ спасали себя отъ смерти, но по вступленіи въ пустыню нѣкоторые изъ нихъ учинили ужасное дѣло: съѣли по жребію десятого изъ своей среды. Узнавши объ этомъ, Камбиса испугался, какъ бы всѣ солдаты не поѣли другъ друга; поэтому остановилъ походъ на эеіоновъ и повернулъ назадъ. Но прежде чѣмъ достигнуть Фивъ, онъ потерялъ множество

людей. Изъ Оивъ Камбиса спустился въ Мемфисъ и тамъ далъ разрѣшеніе еллинамъ отплыть на родину. Таковъ былъ конецъ похода на еѳіоповъ.

26. Что касается тѣхъ персовъ, которые отделились и пошли на аммоніевъ, то изъ Оивъ они взяли съ собою проводниковъ; затѣмъ извѣстно только, что они достигли города Оасиса, который населенъ самиями эсхрионскаго колѣна и отстоитъ отъ Оивъ на семь дней пути черезъ пустыню; по-еллински мѣстность эта называется Островомъ Блаженныхъ. Сюда-то, какъ говорятъ, и пришло войско; что было съ нимъ послѣ, никто не знаетъ объ этомъ ничего, кромѣ самихъ аммоніевъ и тѣхъ, кому аммоніи рассказывали. Къ аммоніямъ войско не дошло и назадъ не вернулось. Сами же аммоніи сообщаютъ относительно этого слѣдующее: когда изъ Оасиса персы черезъ пустыню отправились противъ нихъ, и когда были почти на серединѣ пути между ними и Оасисомъ, на нихъ во время завтрака налетѣлъ внезапно сильный вѣтеръ съ юга и похоронилъ ихъ въ пустынь въ массѣ песку, который принесенъ былъ вѣтромъ; таковъ былъ ихъ конецъ. Такъ рассказываютъ аммоніи о судьбѣ этого войска.

27. По прибытіи Камбисы въ Мемфисъ, египтяне обрѣли Аписса, у еллиновъ называемаго Елафомъ. При его появленіи египтяне тотчасъ надѣли на себя лучшее платье и ликовали. Въ виду этого Камбиса былъ твердо убѣжденъ, что египтяне устроили себѣ празднество по случаю постигшей его бѣды, и повалъ къ себѣ старшинъ города Мемфиса. Явившихся Камбиса спросилъ: почему египтяне, никогда раньше ничего подобнаго не совершавшіе, устроили празднество теперь, когда онъ возвратился изъ похода съ потерей значительной части войска. Старшины отвѣчали, что египтяне обрѣли божество, которое появляется лишь черезъ большіе промежутки времени, и появленіе его

всегда сопровождается радостными общими правднествами всѣхъ египтянъ. Царь выслушалъ ихъ, наввалъ лжецами и какъ лжецовъ велѣлъ казнить смертю.

28. Казнивши старшинъ, Камбиса повалъ къ себѣ жрецовъ. Когда и жрецы отвѣтили то же, царь сказалъ, что желаетъ знать, кроткое-ли божество явилось египтянамъ, и велѣлъ жрецамъ привести къ нему Аписса; тѣ пошли за нимъ. Аписъ, или Епафъ есть теленокъ отъ коровы, которая по рожденіи его не можетъ никогда уже быть стельною. По словамъ египтянъ, на корову нисходитъ съ неба лучъ свѣта, и отъ него она рождастъ Аписса. Теленокъ этотъ, называемый Аписомъ, черный и имѣетъ слѣдующіе признаки: на лбу бѣлое треугольное пятно, на спинѣ изображеніе орла, на хвостѣ двойные волосы, подъ языкомъ жукъ.

29. Когда жрецы привели Аписса, Камбиса, уже въ припадкѣ безумія, выхватилъ мечъ и направилъ ударъ въ животъ Апису, но попалъ въ бедро. „Жалкія твари“, сказалъ со смѣхомъ Камбиса, обращаясь къ жрецамъ. „Развѣ такіе боги бываютъ: съ кровью, съ мясомъ, чувствительные къ желѣзу? Впрочемъ, каковы египтяне, таково и божество ихъ. Но насмѣшка надо мною не пройдетъ вамъ даромъ“. Съ этими словами онъ отдалъ приказаніе палачамъ наказатъ жрецовъ кнутомъ и убивать всѣхъ египтянъ, сколько бы ни захватили ихъ на празднествѣ. Такъ кончился празднникъ и такъ персы расправились съ жрецами, а Аписъ умеръ отъ раны въ бедро въ священномъ помѣщеніи. Умершаго отъ раны Аписа жрецы похоронили тайкомъ отъ Камбисы.

30. Какъ говорятъ египтяне, Камбиса въ наказаніе за это злодѣяніе тотчасъ лишился рассудка; но и прежде онъ не былъ въ здоровомъ умѣ. Прежде всего онъ погубилъ брата своего Смердиса, единокровнаго и

единоутробнаго. Изъ Эгипта царь отослалъ его въ Персію изъ зависти, потому что онъ одинъ изъ персовъ натягивалъ тотъ лукъ пальца въ два шириною, который ихеиофаги принесли отъ египетскаго царя; никто изъ прочихъ персовъ не въ силахъ былъ сдѣлать это. По удаленіи Смердиса въ Персію, Камбиса видѣлъ такой сонъ: будто бы изъ Персіи явился къ нему вѣстникъ, который и сообщалъ, что на царскомъ престолѣ сидитъ Смердисъ и головой касается неба. Камбиса испугался, какъ бы братъ не лишилъ его жизни и не сѣлъ на царство; поэтому онъ отправилъ въ Персію надежнѣйшаго человѣка, Прекраспеса, съ порученіемъ убить брата, что тотъ и исполнилъ по прибытіи въ Сузы, какъ говорятъ одни, на охотѣ, по словамъ другихъ, онъ вывезъ его на Ернорейское море и тамъ утопилъ.

31. Это, говорятъ, было первое злодѣяніе Камбиса; второе—умертвление сестры, которая послѣдовала за нимъ въ Эгипетъ, съ которою онъ жилъ въ супружеской связи, не взирая на то, что она была единокровна и единоутробна съ нимъ. Женился онъ на ней такъ: раньше у персовъ вовсе не было обыкновенія жить въ супружествѣ съ родными сестрами; но Камбиса влюбился въ одну изъ сестеръ и пожелалъ жениться на ней. Такъ какъ желаніе его было противно обычаямъ, онъ созвалъ царскихъ судей и спросилъ ихъ: нѣтъ-ли закона, дозволяющаго, если кто пожелаетъ, вступить въ бракъ съ сестрою. Царскіе судьи выбираются изъ среды персовъ и остаются ими пожизненно или до тѣхъ поръ, пока не будутъ уличены въ какой-нибудь неправдѣ. Эти-то судьи разбираютъ тяжбы персовъ, толкуютъ прадѣдовскія установленія, и отъ рѣшенія ихъ зависитъ все. На вопросъ Камбиса они дали отвѣтъ и справедливый, и безопасный, именно: закона, который позволялъ бы брату жениться на сестрѣ, они не нашли; за то нашли другой законъ, дозволи-

ющій царю персовъ дѣлать все, что бы онъ ни пожелалъ. Такимъ образомъ изъ страха передъ Камбисою они не нарушили закона; однако во избѣжаніе собственной гибели за вѣрность закону они подыскали другой, благоприятный для царя, желающаго вступить въ бракъ съ сестрою. Послѣ этого Камбиса женился на любимой сестрѣ, а спустя нѣкоторое время взялъ себѣ въ жены и другую сестру. Онъ убилъ младшую изъ нихъ, послѣдовавшую за нимъ въ Эгипетъ.

32. О смерти этой женщины, равно какъ и о смерти Смердиса, рассказываютъ двояко. По рассказамъ еллиновъ, Камбиса устроилъ однажды бой львенка съ щенкомъ и смотрѣлъ на это вмѣстѣ съ женою; такъ какъ щенокъ началъ уступать противнику, то на помощь къ нему явился, сорвавшись съ цѣпи, другой щенокъ, и щенята вдвоемъ одолѣли львенка. Камбисъ вѣрлище это доставило удовольствіе, а сидѣвшая подлѣ него жена плакала. Когда Камбиса замѣтилъ это и спросилъ, чего она плачетъ, жена отвѣчала, что плачетъ при видѣ щенка, прибѣжавшаго къ брату на помощь, и при воспоминаніи о Смердисѣ, за котораго, какъ она хорошо знаетъ, никто не отмститъ. По словамъ еллиновъ, Камбиса умертвилъ жену именно за это замѣчаніе; но египтяне рассказываютъ иначе. Однажды за столомъ жена ввела въ руки салатъ и общицала его, потомъ спросила мужа, какой салатъ красивѣе, общицанный-ли, или съ густыми листьями; когда тотъ отвѣтилъ, что съ густыми листьями лучше, царша сказала: „между тѣмъ ты нѣкогда учинилъ подобіе общицаннаго салата, обрубивши семейство Кира“. Разъяренный Камбиса ударилъ жену, въ то время беременную, ногою въ животъ, отъ чего та выкинула и умерла.

33. Такъ проявлялось бѣшенство Камбиса относительно близкихъ лицъ; а произошло ли оно изъ за Аписа, или по какой-нибудь другой причинѣ, какъ

обыкновенно постигают людей многія болѣзни, мы не рѣшаемъ. Ибо рассказываютъ, что Камбиса отъ рожденія страдалъ серьезною болѣзнию, которую иные называютъ священной. Такимъ образомъ ничего необыкновеннаго не было въ томъ, что при серьезной болѣзни тѣла и умъ Камбиса не былъ здоровъ.

34. По отношенію къ остальнымъ персамъ бѣшенство его проявилось, какъ рассказываютъ, въ слѣдующихъ случаяхъ: у него въ большомъ почетѣ былъ Прексаспесъ, между прочимъ служившій при царѣ докладчикомъ, а сынъ его былъ виночерпиемъ при Камбисѣ, что тоже не малая честь. Прексаспесу этому однажды онъ сказалъ: „какимъ человѣкомъ, Прексаспесъ, считаютъ меня персы, и какія рѣчи ведутъ они обо мнѣ?“ „Вообще, царь“ отвѣчалъ Прексаспесъ, „тебя очень хвалятъ; говорятъ только, что ты слишкомъ преданъ вину“. Такъ Прексаспесъ сообщилъ царю о персахъ, а тотъ въ гнѣвѣ замѣтилъ на это: „итакъ, персы говорятъ теперь, что я предаюсь вину, что слѣдовательно безразсуденъ и глупъ; поэтому прежнія рѣчи ихъ не были правдивы“. Дѣло въ томъ, что вѣкогда прежде во время совѣщанія съ нѣсколькими персами и съ Крезомъ Камбиса спросилъ, какъ о немъ думаютъ сравнительно съ отцомъ его Киромъ; совѣтники отвѣчали, что онъ лучше отца, такъ какъ онъ владѣетъ всѣмъ, чѣмъ владѣлъ отецъ, а сверхъ того владѣствуетъ надъ Эгиптомъ и на морѣ. Присутствовавшій здѣсь Крезъ не согласился съ мнѣніемъ персовъ и сказала Камбисѣ такъ: „мнѣ думается, дитя Кира, что ты не равенъ отцу, ибо у тебя нѣтъ еще такого сына, какого онъ оставилъ въ тебѣ“. Камбиса выслушалъ это съ удовольствіемъ и одобрилъ мнѣніе Крева.

35. При воспоминаніи объ этомъ Камбиса въ гнѣвѣ сказала Прексаспесу: „а ты посмотри, говорятъ-ли персы правду, или же подобными рѣчами они обли-

чаютъ только собственное безразсудство: если я выстрѣлю въ твоего сына, стоящаго тутъ, въ портнѣ, и попаду ему въ самую середину сердца, то значить, персы говорятъ вадоръ, а если промахнусь, то знай, что персы говорятъ правду, и что я не въ здоровомъ умѣ“. Съ этими словами царь натянулъ лукъ и выстрѣлилъ въ юношу. Когда тотъ упалъ замертво, царь велѣлъ разрѣзать трушъ и осмотрѣть рану. Стрѣла оказалась въ сердцѣ; тогда Камбиса радостно и со смѣхомъ сказалъ отцу юноши: „теперь тебѣ ясно, Прексаспесъ, что я не безумецъ, а что безразсудны персы. А вотъ скажи мнѣ: видать ли ты вообще кого-нибудь, кто бы такъ мѣтко стрѣлялъ, какъ я?“ Видя, что тотъ не въ здоровомъ умѣ и опасаясь за собственную жизнь, Прексаспесъ отвѣчалъ: „я полагаю, царь, что само божество не можетъ стрѣлять столь мѣтко“. Вотъ какое влодбѣніе совершилъ тогда Камбиса; другой разъ онъ безъ достаточной причины велѣлъ схватить двѣнадцать знатнѣйшихъ персовъ и закопать ихъ въ землю головами внизъ.

36. При видѣ такого поведенія лидійскій царь Крезъ счелъ своимъ долгомъ образумить Камбиса и обратился къ нему съ такою рѣчью: „не слѣдуй во всемъ увлеченію молодости и сердца, но умѣри и сдерживай себя. Предусмотрительность благодѣтельна, и осторожность свойство мудреца. Ты казнишь своихъ гражданъ безъ достаточныхъ основаній, ты убиваешь даже дѣтей. Если долго будешь поступать такъ, берегись, какъ бы персы не встали на тебя. Отецъ твой настойчиво наказывалъ наставлять тебя и давать тебѣ благіе совѣты“. Крезъ говорилъ такъ съ Камбисою изъ доброжелательства, но тотъ отвѣталъ на это: „ты дерзашь еще давать мнѣ совѣты, — ты, такъ доблестно охранившій свое отечество и давшій столь мудрый совѣтъ моему отцу: перейти рѣку Араксъ и тамъ уда-

рить на массагетовъ, между тѣмъ какъ они собирались было перейти въ наши владѣнія; ты погубилъ себя самого неумѣлымъ управленіемъ отечествомъ, погубилъ Кира своими совѣтами; ¹⁾ но это не пройдетъ тебѣ даромъ: я давно уже искалъ случая покарать тебя.“ Съ этими словами онъ взялъ лукъ и хотѣлъ застрѣлить Креза, но тотъ отскочилъ и выбѣжалъ вонъ. Не успѣвши застрѣлить Креза, Камбиса приказалъ своимъ слугамъ схватить и убить его. Но слуги знали правъ своего господина и скрыли Креза во вниманіе къ тому, что Камбиса можетъ раскататься и будетъ освѣдомляться о Крезѣ, они же получаютъ награду, когда представятъ Креза живымъ; а если онъ не раскатается и не пожелаетъ его видѣть, они убьютъ его. Дѣйствительно, немного времени спустя Камбиса пожелалъ видѣть Креза, а слуги, замѣтивши это, доложили, что онъ живъ. Камбиса обрадовался тому, что Крезъ живъ, но прибавилъ, что сохранившіе ему жизнь не останутся безъ наказанія и будутъ казнены. Такъ онъ и сдѣлалъ.

37. Относительно персовъ и своихъ союзниковъ Камбиса многократно проявлялъ бѣшенство. Между прочимъ въ Мемфисѣ онъ вскрывалъ древнія гробницы и разсматривалъ покойниковъ. Однажды онъ пришелъ въ храмъ Гефеста и вслячески издѣвался надъ кумпроемъ божества. Это изображеніе Гефеста очень похоже на финикійскіе патапки, которые у финикійянъ ставятся на передней части триремъ. Кто не видѣлъ патанокъ, для тѣхъ замѣчу, что они изображаютъ пигмея. Входилъ онъ также въ святилище Кабировъ, въ которое грѣшно входить кому бы то ни было, кромѣ жреца; надъ изображеніями кабировъ надругался и потомъ сжегъ ихъ. И эти изображенія походятъ на Гефеста; Кабиры считаются его дѣтьми.

38. Для меня такимъ образомъ совершенно ясно, что Камбиса страдалъ тяжкимъ умопомѣшательствомъ; въ противномъ случаѣ онъ не рѣшился бы издѣваться надъ святыней и обычаями. Дѣйствительно, если спросить у какого бы то ни было народа, какіе обычай лучше всѣхъ, то каждый по разслѣдованію отвѣтитъ, что наилучшіе обычай его собственные. Такимъ образомъ всякій народъ считаетъ свои обычай гораздо лучше всѣхъ остальныхъ. Вотъ почему не естественно, чтобы кто-нибудь, развѣ помѣшанный, ругался надъ подобными предметами. Что всѣ люди относятся именно такъ къ своимъ обычаямъ, можно доказать многочисленными примѣрами, въ частности слѣдующимъ: во время своего царствованія Дарій позвалъ къ себѣ еллиновъ, состоявшихъ при немъ на службѣ, и спросилъ ихъ: за какую плату они согласились бы съѣсть своихъ умершихъ родителей. Тѣ отвѣчали, что они не сдѣлаютъ этого ни за что. Послѣ того Дарій позвалъ индійцевъ, именно такъ называемыхъ калатіевъ, которые поѣдаютъ своихъ родителей, и спросилъ ихъ въ присутствіи еллиновъ, причемъ переводчикъ объяснилъ смыслъ отвѣта: за какую плату согласились бы они умершихъ родителей предать огню. Калатіи отвѣчали громкими восклицаніями и требовали, чтобы онъ не богоухольствовалъ. Такъ чтутся обычай, и я думаю, Пиндаръ былъ правъ, когда въ своемъ стихотвореніи назвалъ обычай всеильнымъ владыкою.

39. Когда Камбиса пошелъ войною на Египетъ, лакедемоняне въ то же самое время выступили въ походъ противъ Сама и Поликрата, сына Эакесова, владѣльщика островомъ черезъ возмущеніе. Прежде всего онъ раздѣлилъ государство на три части и управлялъ имъ совмѣстно съ братьями, Паптаготомъ и Силосонтомъ. Впослѣдствіи онъ умертвилъ старшаго изъ братьевъ, а младшаго Силосонта изгналъ и овладѣлъ цѣ-

¹⁾ I, 207.

лым Самомъ; потомъ заключилъ дружественный союзъ съ египетскимъ царемъ Амасидомъ, въ знакъ чего послалъ ему подарки и отъ него получилъ таковыя. Послѣ этого въ короткое время могущество Поликрата увеличилось, и слава о немъ равнилась по Ионіи и по всей Элладѣ. Дѣйствительно, гдѣ бы онъ ни велъ войну, вездѣ за нимъ слѣдовала удача. Онъ располагалъ сотней пятидесятивесельныхъ кораблей и тысячей стрѣлковъ изъ лука. Всѣхъ безъ различія онъ разорялъ и грабилъ, руководствуясь при этомъ тѣмъ, что больше угодитъ другу, если отнятое возвратитъ ему же, нежели въ томъ случаѣ, если совсѣмъ не возьметъ у него ничего. Онъ покорилъ множество острововъ и взялъ многіе города на сушѣ; въ морскомъ сраженіи одержалъ побѣду даже надъ лесбиянами, со всѣмъ войскомъ своимъ явившимися на помощь милетянамъ, и взялъ ихъ въ плѣнъ; эти-то плѣнники одинъ выкопали ровъ кругомъ самійскаго укрѣпленія.

40. Чрезвычайное счастье Поликрата было не безызвѣстно и Амасиду и сильно тревожило его. Такъ какъ счастье Поликрата все возрастало, то Амасидъ написалъ къ нему письмо, которое и отослалъ на Самъ: „Амасидъ такъ говоритъ Поликрату. Приятно слышать, что другъ и союзникъ благоденствуетъ; но твои необыкновенныя удачи не радуютъ меня, потому что я знаю, какъ завистливо божество. И для себя, и для тѣхъ, кто мнѣ дорогъ, я желаю бы, чтобы удачи смѣнялись неудачами, и потому предпочелъ бы существованіе съ перемѣннымъ счастьемъ, нежели съ постояннымъ. Въ самомъ дѣлѣ я никогда не слышалъ, чтобы кто-либо, пользуясь во всемъ удачею, не кончилъ несчастливо и не былъ бы уничтоженъ окончательно. Поэтому послушай меня и прими противъ твоего счастья слѣдующую мѣру: сообрази, что есть у тебя самаго драгоценнаго, потеряю чего ты былъ бы

наибольше огорченъ, возьми эту вещь и закинь такъ, чтобы никогда больше она не попадалась на глаза людямъ. Если и послѣ этого удачи не будутъ у тебя перемежаться съ неудачами, то и впредь исправляй свою судьбу предлагаемымъ мною способомъ“.

41. По прочтеніи письма Поликрать понялъ, что Амасидъ даетъ ему благой совѣтъ, и сталъ раздумывать, потеря какого драгоценнаго предмета огорчила бы его наибольше. Размышленія привели его къ слѣдующему: былъ у него перстень съ печатью, смарагдовый, отфланканный въ золото, работы саміянина Теодора, сына Телекла. Рѣшивши забросить перстень, Поликрать поступилъ такъ: снарядилъ пятидесятивесельный корабль, взомель на него самъ и приказалъ отплыть въ открытое море. Отомедши далеко отъ острова, онъ на глазахъ у всѣхъ спутниковъ снялъ перстень и бросилъ въ море, засимъ поплылъ обратно, вернулся домой и загрустилъ.

42. На пятый или на шестой день послѣ этого случилось слѣдующее: рыбакъ поймалъ большую прекрасную рыбу и рѣшилъ поднести ее въ даръ Поликрату. Съ рыбой въ рукахъ подошелъ онъ къ дверямъ замка и объявилъ, что желаетъ быть представленнымъ самому Поликрату. Такъ и случилось; а вручая рыбу Поликрату, рыбакъ сказалъ: „поймавши такую рыбу, царь, я рѣшилъ не нести ее на рынокъ, хотя и живу трудами рукъ своихъ; она показалась мнѣ достойною тебя и твоей власти, и потому я подношу ее въ даръ тебѣ“. Поликрату понравилось это привѣтствіе, и онъ сказалъ: „ты поступилъ очень хорошо, и тебѣ слѣдуетъ двойная благодарность: за рѣчь и за подарокъ. Мы зовемъ тебя на обѣдъ“. Рыбакъ считалъ это для себя большою честью и возвратился домой. Между тѣмъ слуги разрѣзали рыбу и въ животѣ ея нашли перстень Поликрата. Увидѣвши перстень, они тотчасъ взяли его

и съ радостью понесли къ Поликрату; вручая его, они рассказали, какъ онъ былъ найденъ. Поликрату пришло на мысль, что это—дѣло божества; потомъ онъ написалъ въ письмѣ все, что сдѣлалъ, и что съ нимъ было, и послалъ письмо къ Амасиду.

43. По прочтеніи письма отъ Поликрата, Амасидъ понялъ, что человѣкъ безсиленъ спасти другаго отъ предстоящаго ему несчастья, и что Поликрата ждетъ дурной конецъ, хотя онъ и пользуется постояннымъ счастьемъ: онъ находитъ даже то, что забрасываетъ. Послѣ этого Амасидъ черезъ посла, отправленнаго на Самъ, объявилъ, что онъ разрываетъ съ нимъ дружбу; дѣлалъ онъ это для того, чтобы самому не теряться за друга, когда съ Поликратомъ случится страшное несчастье.

44. На этого-то Поликрата, во всемъ имѣвшаго усилъ, пошли войною лакедемоняне, по приглашенію тѣхъ саміянъ, которые впоследствии основали колонію на Критѣ, Кидонію. Поликратъ тайкомъ отъ саміянъ отправилъ посла къ сыну Кира Камбисѣ, который въ то время набиралъ войско противъ Эгипта, и просилъ его прислать на Самъ пословъ съ просьбою о войскахъ. Выслушавъ это, Камбиса послѣдно отправилъ посла на Самъ къ Поликрату съ просьбою снарядить для него флотъ въ Эгипетъ. Поликратъ отобралъ тѣхъ изъ гражданъ, которыхъ больше всего подозрѣвалъ въ готовности къ возстанію, и на сорока тримахахъ отправилъ ихъ въ походъ, причемъ просилъ Камбису не присылать ихъ обратно.

45. По словамъ однихъ, отправленные Поликратомъ саміяне не дошли до Эгипта, но по прибытіи къ Карпау обсудили дѣло и порѣшили дальше не плыть. Другіе рассказываютъ, что въ Эгипетъ они прибыли, но бѣжали оттуда изъ подъ стражи. Когда они подплыли къ Саму, Поликратъ встрѣтилъ ихъ на кора-

бляхъ и далъ сраженіе. Возвратившіеся саміяне одержали побѣду на морѣ и высадились на островъ; но на сушѣ были разбиты и отплыли въ Лакедемонъ. Наконецъ нѣкоторые передаютъ, что прибывшіе изъ Эгипта саміяне одержали побѣду надъ Поликратомъ, но, какъ мнѣ кажется, рассказъ этотъ не вѣренъ: имъ не было бы нужды звать къ себѣ на помощь лакедемонянъ, еслибы они одни могли одолѣть Поликрата. Сверхъ того не вѣроятно, чтобы возвратившіеся саміяне, будучи въ небольшомъ числѣ, одолѣли того, у кого было множество наемниковъ и собственныхъ стрѣлковъ. Дѣтей и женъ тѣхъ изъ гражданъ, которые находились въ его власти, онъ велѣлъ запереть въ судохранилища и держать ихъ на готовѣ съ тѣмъ, чтобы, если только граждане перейдутъ на сторону врага, съечь заключенныхъ вмѣстѣ съ судохранилищами.

46. По прибытіи въ Спарту, изгнанные Поликратомъ саміяне явились къ правителямъ и долго, настойчиво просили ихъ о помощи. Въ первый разъ спартапцы отвѣчали, что они позабыли начало рѣчи и не понимаютъ конца. Во второмъ собраніи саміяне, явившись съ мѣшкомъ, не говорили ничего, только замѣтили, что мѣшокъ нуждается въ мушѣ. Но правители возражали, что можно бы обойтись и безъ слова „мѣшокъ“, и рѣшили помочь имъ.

47. Послѣ этого лакедемоняне приготовились къ войнѣ и выступили въ походъ, какъ рассказываютъ саміяне, въ благодарность за ту помощь, какую раньше оказали они лакедемонянамъ противъ мессенянъ. Однако сами лакедемоняне говорятъ, что они предприняли походъ не по просьбѣ саміянъ о помощи, но изъ желанія отмстить за похищеніе чаши, которую они вели для Креса, а также за похищеніе панциря, который эгипетскій царь Амасидъ послылалъ имъ въ даръ. Панцирь саміяне похитили за годъ до похищенія чаши;

онъ былъ льняной съ множествомъ затканыхъ изображеній, украшенный золотой и хлопчатобумажной бахромой; удивительны въ немъ въ особенности отдѣльныя нитки: не смотря на свою тонкость, каждая нитка ткани состоитъ изъ трехсотъ шестидесяти нитекъ, причемъ всѣ онѣ ясны для глаза. Другой такой же паницыръ Амасидъ пожертвовалъ Аѳинѣ въ Линдѣ.

48. Коринѳяне съ своей стороны содѣйствовали тому, чтобы походъ противъ Сама состоялся. Ибо и коринѳянамъ за одно полюдіе до этого похода саміянѣ нанесли обиду въ то самое время, когда похищена была чаша¹⁾. Дѣло въ томъ, что сынъ Кипсела Періандръ послалъ было въ Сарды къ Аліаттѣ для оскотленія треста мальчиковъ, дѣтей знатнѣйшихъ керкирянъ. Когда коринѳяне, вѣзшіе мальчиковъ пристали къ Саму, и саміянѣ узнали, чего ради везутъ дѣтей въ Сарды, прежде всего научили ихъ скрыться у алтара Артемиды, а потомъ не дозволили коринѳянамъ оторвать ищущихъ убѣжища отъ алтара. Такъ какъ коринѳяне вовсе не давали ѣсть дѣтямъ, то саміянѣ устроили правдство, которое совершается у нихъ до настоящаго времени по тому же самому способу. Во все то время, пока дѣти въ качествѣ ищущихъ убѣжища находились въ храмѣ, саміянѣ каждый разъ по наступленіи ночи устраивали въ храмѣ хоры дѣвушекъ и юношей, которымъ вѣчно было брать съ собою лепешки изъ сесама съ медомъ; лепешки похищались керкирскими мальчиками и поѣдались ими. Дѣлалось это до тѣхъ поръ, пока коринѳская стража дѣтей не удалась и не оставила ихъ въ покоѣ. Тогда саміянѣ перевели дѣтей на Керкиру.

49. Еслибы по смерти Періандра установилась дружба между коринѳянами и керкирянъ, то коринѳяне по этой причинѣ не помогали бы такъ осуществленію похода на Самъ. На самомъ дѣлѣ со времени колонизаціи острова коринѳяне и керкиряне находились между собою въ непрерывныхъ расприхъ, не смотря на родство по происхожденію. Вотъ за что коринѳяне злобствовали на саміянъ. Періандръ отобралъ сыновей знатнѣйшихъ керкирянъ и отослалъ ихъ для оскотленія въ Сарды съ цѣлью отмстить керкирянамъ за ихъ прежній злодѣйскій поступокъ относительно его, именно:

50. Послѣ того, какъ Періандръ убилъ свою жену Мелиссу, съ нимъ случилась сверхъ этой другая бѣда. Отъ Мелиссы онъ имѣлъ двухъ сыновей, изъ которыхъ одному было семнадцать, а другому восемнадцать лѣтъ отъ роду. Дѣдъ по матери Проклъ, тиранъ Епидавра, пригласилъ ихъ къ себѣ, обходился съ ними ласково, какъ подобало обходиться съ дѣтми родной дочери. Отпуская и провожая мальчиковъ домой, онъ сказалъ имъ: „знаете ли, дѣти, кто убилъ вашу мать?“ Старшій мальчикъ не обратилъ никакого вниманія на этотъ вопросъ, а младшій, по имени Ликофронъ, былъ такъ омраченъ этимъ, что по возвращеніи въ Коринѳъ не говорилъ съ отцомъ, какъ съ убійцею матери, не отвѣчалъ, когда тотъ обращался къ нему съ рѣчью и всѣ вопросы отца оставлялъ безъ вниманія. Наконецъ Періандръ въ гнѣвѣ выгналъ его изъ дому.

51. Послѣ того Періандръ разспрашивалъ старшаго сына, о чемъ говорилъ съ нимъ дѣдъ. Тотъ разсказалъ отцу, какъ ласково онъ принялъ ихъ, но не вспомнилъ о томъ вопросѣ, съ какимъ дѣдъ обратился къ нимъ при разставаньѣ, такъ какъ тогда не обратилъ на него вниманія. Періандръ замѣтилъ на это, что дѣдъ непременно долженъ былъ сказать имъ что-либо; онъ не переставалъ разспрашивать сына, пока тотъ не вспомнилъ наконецъ вопроса и не сообщилъ

¹⁾ I, 70.

щилъ его отцу. Періандръ отнесся къ этому серьезно и, не желая выказывать ни малѣйшаго снисхожденія къ изгнанному сыну, послалъ вѣстника туда, гдѣ онъ жилъ, съ приказаніемъ не принимать его въ домъ. Прогнанный оттуда, онъ явился въ другой домъ, но вслѣдствіе угрозъ Періандра и приказанія закрывать передъ нимъ двери домовъ и тамъ не быть принятъ. Отовсюду гонимый, онъ пришелъ наконецъ въ домъ одного изъ своихъ сверстниковъ, гдѣ его приняли какъ сына Періандра, хотя и со страхомъ.

52. Наконецъ Періандръ объявилъ ко всеобщему свѣдѣнію, что всякій, кто приметъ его сына къ себѣ въ домъ или заговоритъ съ нимъ, обязанъ уплатить Аполлону священную пеню въ определенномъ размѣрѣ. Вслѣдствіе такого объявленія никто не рѣшался ни говорить съ изгнанникомъ, ни принимать его къ себѣ. Впрочемъ, самъ Ликофронъ не имѣлъ охоты дѣйствовать вопреки запрещенію отца и, оставаясь вѣрнъ себѣ, скитался по портикамъ. На четвертый день послѣ этого увидѣлъ его Періандръ, грязнаго и голоднаго, и жалился надъ нимъ. Безъ гнѣва онъ подошелъ къ сыну и сказалъ: «сынъ мой, предпочитаешь ли ты теперешнее свое положеніе, или же власть тирапа и тѣ блага, которыми я пользуюсь, и которыя ты получишь, если будешь покоренъ отцу? Сынъ мой и царь богатаго Коринна, ты предпочитаешь вести жизнь бродяги изъ вражды и злобы на того, кто всего менѣе заслужилъ это. Если въ нашемъ домѣ случилось несчастье, изъ за котораго ты гнѣваешься на меня, то оно несчастье и для меня самого, тѣмъ болѣе тяжкое, что я же виновникъ его. Но ты теперь понимаешь, насколько лучше быть предметомъ зависти, нежели жалости, понимаешь, къ чему ведетъ гнѣвъ на родителей и на сильнѣйшихъ тебя лицъ. Поэтому возвратись домой». Такую рѣчь Періандръ старался примирить съ собою сына; но тотъ ничего не отвѣчалъ отцу, замѣтивши

только, что отецъ обязанъ уплатить божеству священную пеню за то, что заговорилъ съ изгнанникомъ. Періандръ убѣдился, что ненависть сына неизлѣчима и несокрушима, а потому удалилъ его съ глазъ и отослалъ на судитѣ въ Керкиру, которая также была подъ его владычествомъ. Послѣ этого Періандръ пошелъ войною на тестя Прокла, такъ какъ считалъ его наиболѣе виновнымъ въ послѣднемъ огорченіи, завоевалъ Епидавръ, а самого Прокла взялъ живымъ въ плѣнъ.

53. Спустя нѣкоторое время, когда Періандръ состарился и чувствовалъ себя не въ силахъ уже слѣдить за общественными дѣлами и управлять государствомъ, онъ отправилъ на Керкиру посла просить Ликофрона на царство; старшаго сына онъ находилъ неспособнымъ къ управленію по слабоумію. Однако Ликофронъ даже не удостоилъ посланнаго отвѣтомъ. Періандръ любилъ юношу и вторично послалъ къ нему сестру его, свою дочь, разсчитывая на то, что братъ внемлетъ ей скорѣе, нежели кому-нибудь другому. Сестра обратилась къ Ликофрону съ такою рѣчью: «неужели, другъ мой, ты желаешь, чтобы власть перешла въ чужія руки, чтобы достоинство отца было расхищено? Неужели не хочешь вернуться и получить въ свои руки то и другое? Вернись домой и прекрати самонетязаніе. Упрямство — дурное свойство, и бѣды не лѣчи бѣдою. Многие отдаютъ предпочтеніе снисходительности передъ правосудіемъ, а многие въ заботахъ о материнскомъ потеряли отцовское. Власть тирана не прочна, и многие жаждутъ ея. Отецъ твой старъ и слабъ; не отдавай же своего достоинства другимъ». Она говорила съ братомъ весьма увлекательно, какъ училъ ее отецъ. Однако Ликофронъ отвѣчалъ, что никогда не пойдетъ въ Кориннъ, пока будетъ знать, что отецъ его живъ. Получивши отъ дочери такое извѣстіе, Періандръ въ третій разъ отправилъ посла съ заявленіемъ, что самъ онъ рѣшилъ уда-

литься на Керкиру, и просилъ сына вернуться въ Коринѣзъ и принять на себя власть тирана. На это условіе сынъ согласился, и потому Періандръ собирался уже отплыть на Керкиру, а Ликофронъ въ Коринѣзъ, какъ вдругъ керкиряне узнали все это и убилъ юношу, не желая допустить въ свою землю Періандра. За это-то Періандръ и пытался отместить керкирянамъ.

54. Лакедемоняне подошли къ Саму съ большимъ войскомъ и осадили городъ. При нападеніи на стѣну они взошли было уже на башню, стоявшую въ городскомъ предмѣстьѣ со стороны моря, но въ это время явился на помощь съ сильнымъ отрядомъ Поликрата и отбросилъ лакедемонянъ назадъ. Изъ верхней башни, стоявшей на гребнѣ горы, ударили на непріятеля союзники и многіе саміане, но недолго выдерживали натискъ лакедемонянъ и обратились въ бѣгство; непріятель преслѣдовалъ ихъ и убивалъ.

55. Еслибы въ день сраженія всѣ лакедемоняне были такъ мужественны, какъ Архія или Ликопа, то Самъ былъ бы взятъ. Дѣйствительно, они вдвоемъ только ворвались вслѣдъ за бѣгущими саміянами въ укрѣпленіе, но здѣсь имъ отрубанъ былъ обратный путь, и они погибли въ самійскомъ городѣ. Съ внукомъ этого Архія, также Архіей, сыномъ Самія, архіева сына, я встрѣчался въ Питанѣ,—изъ этой деревни онъ былъ родомъ. Изъ всѣхъ иновемцевъ онъ наивыше цѣнилъ саміянь, прибавляя при этомъ, что отцу его дано имя Самія за то, что отецъ сего послѣдняго умеръ геройскою смертю. Саміянь, говорилъ онъ, уважаетъ потому, что они похоронили дѣда его съ почестями на общественный счетъ.

56. Послѣ сорокадневной осады Сама лакедемоняне ушли обратно въ Пелопоннесъ, потому что дѣло ничуть не подвигалось впередъ. Распространенъ впрочемъ другой, менѣе вѣроятный разсказъ, будто Поликрата

дѣлъ отчеканить большое количество свинцовой мѣстной монеты, поволотилъ ее и роздалъ лакедемонянамъ, которые за эту плату и ушли домой. Такъ лакедемонские доряне совершили первый походъ въ Азію.

57. Что касается саміянь, воевавшихъ противъ Поликрата, то они ушли на Сифнѣзъ, когда лакедемоняне собирались покинуть ихъ, потому что имѣли нужду въ деньгахъ. Между тѣмъ дѣла на Сифнѣ находились въ то время въ цвѣтущемъ состояніи; сифняне были богатѣйшими изъ островитянъ, такъ какъ на островѣ ихъ находились золотые и серебряные рудники, столь изобилловавшіе рудою, что на десятую часть доходовъ съ нихъ была пожертвована въ Дельфы сокровищница, одна изъ богатѣйшихъ; ежегодные доходы сифняне дѣлили между собою. Занятые сооруженіемъ сокровищницы, они спросили прорицалище, долго-ли суждено имъ пользоваться нѣмѣйшимъ благополучіемъ. Пророчица дала такой отвѣтъ: „лишь только на Сифнѣ пританей станетъ бѣлымъ, а рынокъ получить бѣлую ограду, благоразумному слѣдуетъ остерегаться деревяннаго воинства и краснаго вѣстника“. Въ то время у сифнянь и рынокъ, и пританей были украшены парійскимъ мраморомъ.

58. Это изреченіе оракула не могли понять сифняне ни тотчасъ, ни по прибытіи саміянь. Подплывши къ Сифну, саміяне немедленно отправили въ городъ пословъ на кораблѣ. Въ древности всѣ корабли окрашивались сурькомъ. Это именно и было предсказано сифнянамъ пророчицей, когда она велѣла остерегаться деревяннаго воинства и краснаго вѣстника. Прибывшіе послы требовали отъ сифнянь въ займы десять талантовъ, а когда сифняне отказали въ ссудѣ, саміяне стали опустошать ихъ землю. Услыхавши объ этомъ, сифняне тотчасъ бросились на защиту страны своей, но были разбиты въ сраженіи; многимъ изъ нихъ непріятель отрубалъ обрат-

ный путь въ городъ, и такимъ образомъ вынудилъ ихъ къ уплатѣ ста талантовъ.

59. На эти деньги саміане купили у герміонянъ островъ Гидрею, что подлѣ Пелопоннеса, поручили его охранѣ тревенинъ, а сами поселились въ Кидоніи на Критѣ, хотя туда они отправились не съ этою цѣлью, а только для удаленія закипявъ съ острова. Саміане остались въ этомъ городѣ и благоденствовали въ теченіе пяти лѣтъ, благодаря чему ими сооружены были храмы, находящіеся теперь въ Кидоніи (и храмъ Диктины). На шестомъ году послѣ этого они были разбиты въ морскомъ сраженіи эгинянами въ союзѣ съ критянами и обращены въ рабство; носы у кораблей ихъ, сдѣланные въ видѣ кабановъ, были обрублены и посвящены въ храмъ Аионы на Эгинѣ; эгиняне учинили это по злобѣ на саміанъ. Дѣло въ томъ, что раньше, въ царствованіе Амфикрата на Самѣ саміане напали на Эгину, причинили много бѣдъ жителямъ, но пострадали и сами. Такова причина этого похода.

60. Я потому распространился о саміанцахъ, что у нихъ есть три сооруженія, громаднѣйшія изъ всѣхъ еллинскихъ сооруженій. Первое изъ нихъ въ горѣ, поднимающейся на полтора саженъ; это—туннель, начинающийся изъ подъ горы, съ отверстіями по обѣимъ сторонамъ ея. Длина туннеля семь стадій, а высота и ширина по восьми футовъ. Во всю длину туннеля выкопанъ каналъ въ двадцать дюймовъ глубиною и въ три фута шириною; черезъ него проведена вода изъ обильнаго источника; съ помощью насосныхъ трубъ она доставляется въ городъ. Строителемъ туннеля былъ мегарянинъ Евпалитъ, сынъ Навстрофа. Это—одно изъ трехъ сооруженій; второе—насыпь земляная въ морѣ около гавани въ двадцать саженъ вышины и въ двѣ сличкомъ стадіи длины. Третье сооруженіе—храмъ, обширнѣйшій изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ храмовъ. Первымъ

строителемъ его былъ уроженецъ острова, Ройкъ, сынъ Филей. Вотъ почему я подольше остановился на саміанцахъ.

61. Въ то время какъ Камбиса все еще находился въ Эгиптѣ и страдалъ умопомѣшательствомъ, противъ него возстали два брата, маги, одному изъ которыхъ Камбиса оставилъ свой дворецъ на попеченіе. Этотъ-то и возсталъ, зная, что смерть Смердиса содержится въ тайнѣ, что лишь немногимъ персамъ она извѣстна, а что народъ считаетъ его въ живыхъ. Имѣя это въ виду, онъ для захвата царской власти устроилъ слѣдующее: былъ у него братъ, который, какъ я сказалъ уже, возсталъ вмѣстѣ съ нимъ; онъ былъ очень похожъ по наружности на Смердиса, сына Кира, умерщвленнаго по приказанію Камбиса, роднаго брата его; онъ послалъ и то же самое имя Смердиса. Этого-то человѣка магъ Патвейеосъ убѣдилъ, что все сдѣлаетъ для него самъ, и посадилъ его на царскій престолъ. Засимъ онъ повсюду разослалъ глашатаевъ, между прочимъ и въ Эгипетъ, съ приказаніемъ по войскамъ, что впредь они обязаны повиноваться Смердису, сыну Кира, а не Камбисѣ.

62. Глашатаи всюду возвѣщали объ этомъ, а отправленный въ Эгипетъ глашатай нашелъ Камбису съ войскомъ въ Агбатанахъ въ Сиріи; онъ вошелъ въ средину войска и провозгласилъ приказаніе мага. Служая глашатай и полагая, что онъ говоритъ правду, и что слѣдовательно Прексаспесъ предалъ его, Камбиса взглянулъ на этого послѣднѣго и сказалъ: „такъ-то ты, Прексаспесъ, исполнилъ возложенное на тебя порученіе?“ „Не правда, царь“, отвѣчалъ тотъ, „будто Смердисъ, братъ твой, возсталъ на тебя; невозможно, чтобы отъ него послѣдовало тебѣ какое-либо огорченіе, большое или малое. Видь я самъ исполнилъ твое приказаніе и собственноручно похоронилъ его. Если же мертвецъ

встають, то жди, что и Астиагъ, царь мидянъ, восстанетъ на тебя. Но если и теперь все такъ, какъ было прежде, то не опасайся отъ Смердиса никакой бѣды. Поэтому мнѣ кажется, слѣдуетъ послать за глашатаемъ въ догонку и спросить его, отъ кого онъ принесъ намъ требованіе признавать царемъ Смердиса и покориться ему⁴.

63. Рѣчь Прексаспеса понравилась Камбисѣ, за глашатаемъ тотчасъ послали погоню, и онъ явился. Прексаспесъ тогда спросилъ его: „ты говоришь, человѣкъ, что явился вѣстникомъ отъ Смердиса, сына Кира. Скажи же правду и можешь идти съ миромъ: самъ-ли Смердисъ лично далъ тебѣ такое приказаніе, или кто-нибудь изъ его слугъ?“ „Смердиса, сына Кира, съ того времени, какъ Камбиса ушелъ въ Египетъ“, отвѣчалъ глашатай, „я не видалъ еще. Далъ мнѣ это приказаніе магъ, котораго Камбиса оставилъ смотрителемъ дворца, и при этомъ сказалъ, что такъ велѣлъ свазать вамъ Смердисъ, сынъ Кира“. Такъ говорилъ глашатай безъ малѣйшей лжи. Тогда Камбиса замѣтилъ: „ты, Прексаспесъ, исполнилъ мое приказаніе, какъ человѣкъ честный, и потому не виноватъ¹⁾. Но кто же изъ персовъ этотъ мятежникъ, присвоившій себѣ имя Смердиса?“ „Мнѣ кажется, царь, я постигаю все случившееся“, сказалъ Прексаспесъ. „Возстали на тебя маги: Птизейесъ, на попеченіе котораго оставилъ ты свой дворецъ, и братъ его, Смердисъ“.

64. При имени Смердиса Камбиса быстро уразумѣлъ и правдивость этихъ словъ, и сбывшееся снова виднѣе: ему во снѣ кто-то объявилъ было, что Смердисъ сядетъ на царскій престолъ и головой будетъ касаться неба. Понявъ онъ также, что напрасно погубилъ брата, и оплакивалъ его. Оплакавши брата и вообще погоревав-

¹⁾ Ш, 30. 32.

ши по поводу несчастья, онъ вскочилъ на коня, рѣшивши немедленно идти войною на Сусы противъ мага. Но въ то время, какъ онъ садился на коня, отвалился наконечникъ отъ его ноженъ, и обнаженный мечъ ранилъ Камбису въ бедро, въ то самое мѣсто, въ какое прежде онъ нанесъ ударъ египетскому божеству Апису. Такъ какъ рана ему казалась смертельной, то онъ спросилъ, какъ называется городъ. „Агбатани“, отвѣчали ему. Раньше еще царь получилъ изреченіе оракула, что въ городѣ Буто, по смыслу котораго конецъ жизни его наступитъ въ Агбатанахъ. Камбиса понялъ изреченіе въ томъ смыслѣ, что онъ умретъ въ мидійскихъ Агбатанахъ старцемъ среди своихъ созрѣвшихъ; теперь оказалось, что оракулъ гласилъ объ Агбатанахъ сирійскихъ. Когда въ отвѣтъ на вопросъ назвали ему городъ по имени, онъ, потрясенный уже раньше вѣстью о злодѣяннѣ мага и мучимый раной, возвратился къ разсудку, понявъ изреченіе оракула и воскликнулъ: „здѣсь суждено умереть Камбисѣ, сыну Кира“.

65. Въ то время онъ не сказалъ ничего больше; но дней черезъ двадцать послѣ этого привалъ къ себѣ знатнѣйшихъ изъ находившихся при немъ персовъ и обратился къ нимъ съ такою рѣчью: „я вынужденъ открыться вамъ, персы, то, что старательнѣе доселѣ скрывалъ. Въ Египтѣ я видѣлъ во снѣ призракъ,—о! никогда бы мнѣ не видать его! Мнѣ представилось, будто изъ дому явился ко мнѣ вѣстникъ съ донесеніемъ, что Смердисъ воссѣдаетъ на царскомъ престолѣ и головою касается неба. Изъ боязни, какъ бы братъ не лишилъ меня власти, я поступилъ поспѣшно, но не благодарно. Какъ оказалась потомъ, человѣкъ не въ силахъ отворотить предстоящую ему бѣду. Между тѣмъ я, глупецъ, послалъ Прексаспеса въ Сусы съ повелѣніемъ убить Смердиса. Совершивши такое злодѣяніе, я жилъ спокойно, въ полной увѣренности, что по умерщвленіи

Смердиса никто другой не возстанет на меня. Однако я совершенно обманулса относительно будущаго, безъ нужды сдѣлалса братоубійцею и все-таки лишею царства. Тѣмъ Смердисомъ, о возстаніи котораго предупредило меня божество въ видѣ приврака, былъ магъ. Дѣло совершилось, и знайте, что Смердиса, Кирова сына, нѣтъ болѣе у васъ; властвуютъ надъ вами маги: одинъ, котораго я оставилъ смотрителемъ дворца, другой, братъ его, Смердисъ. Тотъ человекъ, которому болѣе всего подобало бы отомстить за учиненный мнѣ магами позоръ, принялъ злополучную смерть отъ ближайшихъ родственниковъ. Его нѣтъ болѣе; поэтому второе настоятельнѣйшее мое желаніе — возложить на васъ исполненіе моей предсмертной воли. Именемъ царскихъ боговъ я требую отъ всѣхъ васъ, въ особенности отъ присутствующихъ здѣсь ахеменидовъ, не допустить, чтобы власть перешла снова къ мидянамъ; если они завладѣли ею хитростью, то хитростью же и вамъ слѣдуетъ отнять ее; если они приобрѣли ее силою, то силою и оружіемъ вы обязаны добыть ее обратно. Если вы такъ сдѣлаете, то земля будетъ приносить вамъ плоды, благословенны будутъ жены и стада ваши, и вы навсегда останетесь свободны. Если же не добудете власти обратно и не попытаетесь добыть ее, то заклинаю, чтобы васъ постигла несчастная доля, и чтобы сверхъ того каждый персъ кончилъ жизнь свою такъ, какъ кончаю я".

66. При видѣ плачущаго царя всѣ персы разодрали отъ верху до низу нѣмѣвшіяся на нихъ одежды и громко завонили. Когда вскорѣ послѣ этого появилось въ кости воспаленіе, а бедро было поражено гангреною, жизнь покинула Камбису; царствовалъ онъ всего семь лѣтъ и пять мѣсяцевъ, не оставивъ дѣтей ни мужскаго, ни женскаго пола. Однако у присутствующихъ персовъ возникло сильное недоувѣріе къ тому, чтобы маги

захватили власть; они были убѣждены, что Камбиса расказывалъ имъ о смерти Смердиса съ цѣлю обмануть ихъ и вооружить противъ него весь персидскій народъ. Такимъ образомъ они вѣрили, что на царскомъ престолѣ сидитъ Смердисъ, сынъ Кира, тѣмъ болѣе, что Прексаспесъ рѣшительно отрицалъ умерщвленіе имъ Смердиса: теперь вѣдь, послѣ смерти Камбисы, ему было опасно утверждать, что отъ его руки погибъ сынъ Кира.

67. Между тѣмъ по смерти Камбисы магъ, пользовающійся тождествомъ своего имени съ именемъ Кирова сына, Смердиса, спокойно царствовалъ въ теченіе семи мѣсяцевъ, недоставившихъ Камбисѣ для полныхъ восьми лѣтъ его царствованія. За это время онъ сдѣлалъ много добраго всѣмъ своимъ подданнымъ, такъ что, когда онъ погибъ, всѣ въ Авіи жалѣли по нему, за исключеніемъ самихъ персовъ. Дѣйствительно, магъ разослалъ по всѣмъ народамъ своего царства распоряженіе о свободѣ отъ военной службы и отъ податей на три года. Распоряженіе это сдѣлалъ онъ тотчасъ по вступленіи на царство, а на восьмомъ мѣсяцѣ послѣ этого его узнали. Случилось это такъ.

68. У Фарнаспы былъ сынъ Отана, по происхожденію и состоянію принадлежавшій къ знатнѣйшимъ персамъ. Этотъ Отана первый возмѣтилъ подозрѣніе противъ мага, что новый царь не Смердисъ, сынъ Кира, основывался на томъ, что онъ вовсе не выходилъ изъ царскаго замка и не вызывалъ къ себѣ никого изъ знатныхъ персовъ. Для провѣрки подозрѣнія онъ поступилъ такъ. Женою Камбисы была его дочь по имени Федима; она же была въ то время женою и мага, который пользовался всѣми вообще женами Камбисы. Отана черезъ посланца спрашивалъ дочь, съ кѣмъ дѣлаетъ она супружеское ложе, съ сыномъ-ли Кира, Смердисомъ, или съ кѣмъ-нибудь другимъ. Дочь прислала

ему отвѣтъ, что не знаетъ, такъ какъ Смердиса, сына Кирова, она никогда не видѣла, поэтому не знаетъ она и теперь, съ кѣмъ дѣлать ложе. Отана послала къ ней вторично. „Если сама ты“, говорилъ онъ ей, „не знаешь сына Кира Смердиса, то спроси Атоссу, кто такой супругъ ея и твой, она вѣдь хорошо знаетъ своего брата“. На это дочь отослала ему такой отвѣтъ: „ни съ Атоссой, ни съ какой-либо другой изъ женъ, вмѣстѣ со мною живущихъ во дворцѣ, я не могу говорить и не могу никого изъ нихъ видѣть. Какъ только этотъ человѣкъ, кто бы онъ ни былъ, сдѣлался царемъ, онъ раздѣлитъ насъ одну отъ другой“.

69. Такой отвѣтъ еще больше уяснилъ дѣло Отанѣ. Онъ обратился къ дочери въ третій разъ съ слѣдующимъ посланіемъ: „такъ какъ, дитя мое, ты благороднаго происхожденія, то обязана подвергнуться риску по требованію отца твоего. Если онъ дѣйствительно не Смердисъ, сынъ Кира, а тотъ, за кого я считаю его, то не подобаетъ ему ни дѣлать ложе съ тобою, ни властвовать надъ персами; не долженъ онъ также оставаться безнаказаннымъ за это; наказать его необходимо. Поступи поэтому такъ: когда онъ ляжетъ спать съ тобою, и ты заметишь, что онъ заснулъ, ощущай его уши. Если онъ окажется съ ушами, то знай, что супругомъ имѣешь Кирова сына, Смердиса; если онъ безъ ушей, то ты живешь съ Смердисомъ магомъ“. Въ отвѣтъ на это Федима прислала сказать, что она подвергнется большой опасности, если сдѣлаетъ это, ибо, если супругъ дѣйствительно безъ ушей, и если она будетъ захвачена на ощупываніи, то несомнѣнно онъ убьетъ ее. Тѣмъ не менѣе она пообѣщала отцу исполнить его требованіе. Этому самому магу Смердису царь Киръ, сынъ Камбисы, велѣлъ отрывать уши за какою-то немаловажную вину. Федима, дочь Отаны, исполнила все, что обѣщала отцу, именно: когда наступила ея очередь идти

къ магу, — у персовъ жены ходятъ къ мужьямъ поочередно, — и когда она легла съ нимъ спать, то во время крѣпкаго сна ощущала у него уши. Вполнѣ убѣдившись, что у мужа нѣтъ ушей, она на другой день рано утромъ послала сказать объ этомъ отцу.

70. Тогда Отана пригласила къ себѣ Аспаениеса и Гобрію, знатнѣйшихъ персовъ, которымъ онъ вполнѣ могъ довѣриться, и рассказалъ имъ все дѣло. Они впрочемъ и сами подовѣривали, что это такъ, и потому, когда Отана объяснилъ имъ все, они согласились съ его заключеніемъ. Рѣшено было, что каждый изъ нихъ приобщить къ заговору еще по одному персу, къ которому будетъ питать полнѣйшее довѣріе. Такимъ образомъ Отана ввела Интафренеса, Гобрія, Мегабиза, Аспаениеса, Гидарнеса. Когда ихъ было шесть, въ Сусы явился сынъ Гистаспеса, Дарій изъ персидской земли, гдѣ онъ былъ царскимъ намѣстникомъ. По прибытіи Дарія шестеро персовъ рѣшили сдѣлать и его участникомъ заговора.

71. Эти семь персовъ сошлись въ одно мѣсто; обязали другъ друга вѣрностью и держали совѣтъ. Когда наступила очередь Дарія, онъ высказалъ слѣдующее мнѣніе: „мнѣ казалось, одинъ только я знаю, что надъ нами властвуетъ магъ, а что сынъ Кира Смердисъ умеръ, и сюда я послѣдшилъ именно для того, чтобы погубить мага, если же оказывается, что и вамъ это извѣстно, а не мнѣ одному, то по моему мнѣнію необходимо дѣйствовать немедленно, не оттягивая, потому что пользы отъ того никакой не будетъ“. Отана возразила на это: „ты, сынъ Гистаспеса, происходишь отъ доблестнаго отца и несомнѣнно ничуть не уступаешь ему въ мужествѣ; но въ этомъ дѣлѣ не поступай столь поспѣшно и необдуманно; обсуди его съ большимъ спокойствіемъ. Для выполненія замысла требуется больше людей“. „Знайте же, присутствующіе“, возразила

Дарій, „что вы поворно погибнете, если будете дѣйствовать по совѣту Отаны, потому что найдутся такіе, которые изъ корысти откроютъ все магу. Нанлучше было бы, если бы вы одни приняли на себя это дѣло; но такъ какъ вамъ угодно было сообщить его большому числу лицъ и довѣриться мнѣ, то или мы должны дѣйствовать сегодня же, или знайте: если сегодняшній день будетъ пропущенъ, никто другой раньше меня не выступитъ обвинителемъ,—я самъ донесу обо всемъ магу.

73. При видѣ такой торопливости Дарія Отана сказала: „если ты вынуждаешь насъ такъ торопиться и не дозволяешь откладывать, то объясни самъ, какимъ образомъ пройти намъ въ царскій замокъ и какъ напасть на маговъ? Вѣдь вездѣ разставлена стража,—ты самъ это знаешь, а если нѣтъ, такъ теперь узнай. Какъ намъ миновать ее?“ „Много есть такого, Отана“, возразилъ Дарій, „что объясняется не на словахъ, а самимъ дѣломъ; иное ясно на словахъ, но изъ него не выходитъ ничего значительнаго. Знайте, что миновать стоящую тамъ стражу вовсе не трудно. Впервыехъ, благодаря нашему званію ни одинъ стражъ не дерзнетъ остановить насъ изъ уваженія къ намъ или изъ страха. Во-вторыхъ, я имѣю удобнѣйшій предлогъ для того, чтобы быть пропущену, именно: я скажу, что только что прибылъ изъ Персіи и желаю передать царю извѣстіе отъ отца. Гдѣ ложъ нужна, тамъ слѣдуетъ лгать. Вѣдь цѣль правды и лжи одна и та же. Одинъ лгуть въ расчетѣ убѣдить ложью и извлечь изъ того пользу, другіе говорятъ правду для того, чтобы правдивостью добыть корысть и внушить къ себѣ больше довѣрія. Такимъ образомъ въ обоихъ случаяхъ мы преслѣдуемъ одну и ту же цѣль, хотя и различными средствами. Если бы не было въ виду никакой корысти, то правдивый также легко сдѣлался бы лжецомъ, какъ

лжець правдивымъ. Итакъ, кто изъ привратниковъ пропуститъ насъ охотно, положеніе того впоследствии улучшится; кто попытается противиться намъ, того будемъ считать врагомъ нашимъ, за симъ ворвемся въ замокъ и—за дѣло“.

73. Гобрія на это замѣтилъ: „друзья мои, когда намъ представится случай болѣе благоприятный для того, чтобы возвратить намъ нашу власть, или умереть, если окажемся безсильными добыть ее обратно? Вѣдь мы, персы, подчинены мидянину магу, да къ тому же безухому. Всѣ тѣ изъ васъ, которые находились при смертельно больномъ Камбисѣ, навѣрное хорошо помпите, чѣмъ онъ передъ смертью угрожалъ персамъ, если они не попытаются отвять свою власть. Тогда мы не повѣрили его словамъ, полагая, что Камбиса такъ говорить по злобѣ. Поэтому теперь я предлагаю поступать по совѣту Дарія, никуда не расходиться изъ настоящаго собранія и идти прямо на мага“. Таково было мнѣніе Гобрія, и съ нимъ всѣ согласились.

74. Во время ихъ совѣщанія случилось слѣдующее: Маги держали между собою совѣтъ и порѣшили расположить къ себѣ Прексаспеса, потому что Камбиса убило стрѣлою изъ лука его сына и тѣмъ нанесъ ему жестокою обиду, а также потому, что онъ одинъ зналъ смерть Смердиса, Кирова сына, такъ какъ самъ умертвилъ его, наконецъ и потому еще, что Прексаспесъ пользовался въ средѣ Персовъ высокимъ уваженіемъ. На этомъ основаніи маги пригласили его къ себѣ, стараясь пріобрѣсти его дружбу, обзавши его словомъ и клятвами держать въ тайнѣ и никому не открывать того обмана, какой они совершили по отношенію къ персамъ, обѣщая ему за это всевозможныя блага. Прексаспесъ обѣщалъ исполнить просьбу маговъ. Тогда они убѣдили его принять на себя и другое дѣло: они созовуть всѣхъ персовъ къ царскому замку, а онъ

долженъ взойти на башню и во всеуслышаніе объявить, что надъ персами царствуетъ Смердисъ, сынъ Кира, а не кто-либо другой. Они предлагали Прексаспесу сдѣлать это потому, что онъ былъ довѣрнѣйшимъ лицомъ у персовъ, многократно высказывался, что Смердисъ, сынъ Кира, живъ, и отрицалъ убійство его. Прексаспесъ и на это согласился.

75. Тогда маги совали персовъ, возвели Прексаспеса на башню и приказали ему объявить все народу. Будто бы забывши, о чемъ просили его маги, онъ изложилъ родословную Кира, начиная съ Ахемесеса, потомъ дошелъ до Кира и напомнилъ, сколько добра онъ сдѣлалъ персамъ, послѣ этого открылъ всю правду, прибавивши, что прежде скрывалъ, потому что не безопасно было рассказывать случившееся; теперь онъ вынужденъ открыть правду. При этомъ онъ рассказывалъ, какъ онъ самъ, по приказанію Камбиса, умертвилъ Смердиса, сына Кира, и что теперь царствуютъ маги. За симъ, призвавши на персовъ различныя бѣды, если они не отнимутъ власти у маговъ и не накажутъ ихъ, онъ кинулся съ башни внизъ головою. Такъ кончили дни свои Прексаспесъ, всю жизнь прожившій достойнымъ образомъ.

76. Между тѣмъ семь персовъ, порѣшивши послѣ совѣщанія напасть тотчасъ на маговъ, не откладывая, помолились богамъ и вышли, ничего не зная о случаѣ съ Прексаспесомъ. Только на половинѣ пути они стали узнавать о случившемся. Персы тутъ же сошли съ дороги и начали снова совѣщаться между собою; при этомъ Отана и его сторонники настаивали на томъ, чтобы дѣло пока совсѣмъ отложить и не нападать на маговъ во время общаго возбужденія. Съ другой стороны Дарій и его единомышленники совѣтовали идти тотчасъ и немедленно приводить свои рѣшенія въ исполненіе. Они еще спорили, когда появилось семь

паръ соколовъ, которые гнали передъ собою двѣ пары коршуновъ, щипали и рвали ихъ. При видѣ этого все семеро приняли мнѣніе Дарія, и, ободренные птицами, направились къ царскому замку.

77. У воротъ случилось именно то, чего ждалъ Дарій. Стража почтительно встрѣтила знатнѣйшихъ персовъ и, не подозрѣвая съ ихъ стороны ничего, пропустила ихъ по вдохновенію свыше; никто изъ стражи даже не опросилъ пришедшихъ. Вступивши во дворъ, персы повстрѣчались съ евнухами, доставляющими извѣстія царю; евнухи стали спрашивать, зачѣмъ они пришли, и вмѣстѣ съ тѣмъ грозили наказаніемъ приратникамъ за то, что тѣ пропустили ихъ; когда семеро персовъ пытались пройти дальше впередъ, евнухи удерживали ихъ, но тѣ сговорились между собою, обнажили свои мечи, удерживавшихъ евнуховъ положили на мѣстѣ, а сами стремительно бросились въ мужское отдѣленіе замка.

78. Какъ разъ въ то время оба мага находились въ замкѣ и обсуждали послѣдствія поступка Прексаспеса. Но увидавши и услыжавши смѣненіе и крики евнуховъ, они оба кинулись назадъ и, постигнув все случившееся, бросились къ оружію; одинъ послѣбно схватилъ лукъ, другой взялся за копье. Тутъ произошла схватка. Лукъ въ этомъ положеніи оказался для мага бесполезенъ, потому что враги наступали сблизки; другой магъ отбивался копьемъ и ранилъ Аспаонеса въ бедро, а Интафренеса въ глазъ; отъ полученной раны Интафренесъ потерялъ глазъ, но не умеръ. Этихъ двухъ персовъ ранилъ одинъ изъ маговъ; другой магъ ничего не могъ сдѣлать своимъ лукомъ и бросился въ спальню, смежную съ мужскими покоями, и хотѣлъ запереть за собою двери; но вмѣстѣ съ нимъ ворвался въ спальню два перса, Дарій и Гобрій. Гобрій схватился съ магомъ, а Дарій стоялъ подлѣ въ нерѣ-

пительности, потому что въ комнатѣ было темно, и онъ боялся, какъ бы не ударить Гобрію. Видя, что Дарій стоитъ тутъ же безъ дѣла, Гобріи спросилъ, почему онъ не дѣйствуетъ, на что Дарій отвѣчалъ: „боюсь нанести ударъ тебѣ“. „Вей мечомъ“, возразилъ Гобріа, „хотя бы и по обомъ“. Дарій ударилъ мечомъ и попалъ въ мага.

79. Такимъ образомъ маги были убиты, и головы имъ отрублены; раненные персы оставлены въ замкѣ, какъ по причинѣ обезсиленія ихъ, такъ и для охраны замка; остальные пять персовъ съ головами маговъ въ рукахъ выбѣжали вонъ съ крикомъ и шумомъ, созвали прочихъ персовъ, объяснили имъ все происшедшее и показали головы; послѣ этого они убивали всякаго мага, попадавшагося имъ на глаза. Узнавши о томъ, что сдѣлали вельможи и какъ обманывали ихъ маги, персы нашли нужнымъ дѣйствовать такимъ же образомъ: обнажили мечи и убивали каждого встрѣчнаго мага; если бы не наступившая ночь, персы перебили бы всѣхъ маговъ до одинаго. День этотъ—для персовъ важнѣйшій государственный праздникъ; въ этотъ день они совершаютъ великолѣпное торжество, именуемое у персовъ извѣщеніемъ отъ маговъ. Тогда ни одинъ магъ не смѣетъ показаться на улицѣ, и потому они проводятъ весь этотъ день по своимъ домамъ.

80. По прошествіи пяти дней, когда волненіе улеглось, возставшіе противъ маговъ персы устроили совѣщаніе объ общемъ положеніи государства, причѣмъ произнесены были рѣчи, для нѣкоторыхъ еллиновъ сомнительныя, но дѣйствительно сказанныя. Отана предлагалъ предоставить управленіе государствомъ всѣмъ персамъ въ слѣдующей рѣчи: „я полагаю, что никому изъ насъ не слѣдуетъ уже быть единоличнымъ правителемъ; это и тяжело, и непохвально. Вы видѣли, до какой степени дошло своеволие Камбисы, и сами тер-

пѣли отъ своеволія мага. Да и какимъ образомъ государство можетъ быть благоустроеннымъ при единоличномъ управленіи, когда самодержцу дозволяется дѣлать безовѣтственно все, что угодно? Если бы даже достойнѣйшій человѣкъ былъ облеченъ такою властью, то и онъ не сохранилъ бы свойственнаго ему настроенія. Окружающія самодержца блага порождаютъ въ немъ своеволіе, а чувство зависти присуще человѣку по природѣ. Съ этими двумя пороками онъ становится порочнымъ вообще. Пресыщенный благами, онъ унижаетъ многія безчинства частью изъ своеволія, частью по зависти. Хотя самодержецъ долженъ бы быть свободенъ отъ зависти, потому что онъ располагаетъ всѣми благами, однако образъ дѣйствія его относительно гражданъ противоположенъ этому. Самодержецъ завидуетъ самой жизни и здоровью добродѣтельнѣйшихъ гражданъ, напротивъ негоднѣйшимъ изъ нихъ покровительствуетъ, а клеветѣ доврѣяетъ больше всѣхъ. Угодить на него труднѣе, чѣмъ на кого бы то ни было, ибо если ты восхищаешься имъ умѣренно, онъ не доволенъ за то, что ты не чтишь его чрезвычайно; если же оказываешь ему чрезвычайное почтеніе, онъ не доволенъ тобою какъ льстецомъ. Но вотъ что важнѣе всего: онъ нарушаетъ искони установившіеся обычаи, насилуетъ женщинъ, казнитъ безъ суда гражданъ. Что касается народнаго управленія, то, во-первыхъ, оно носитъ прекраснѣе названіе — *равноправіе* (исономія), во-вторыхъ, управляющій народъ не совершаетъ ничего такого, что совершаетъ самодержецъ; на должности народъ назначаетъ по жребію, и всякая служба у него отвѣтственна; всякое рѣшеніе передается въ общее собраніе. Поэтому я предлагаю упразднить единодержавіе и предоставить власть народу. Видь въ количествѣ все“. Таково было мнѣніе Отаны.

81. Мегабизъ предлагалъ установить олигархію и про-

ивнесъ слѣдующую рѣчь: „что касается упраздненія самодержавія, то я согласенъ съ мнѣніемъ Отана; но онъ ошибается, когда предлагаетъ вручить власть народу. Дѣйствительно, нѣтъ ничего безмысленнѣе и своевольнѣе негодной толпы и невозможно, чтобы люди избавляли себя отъ своеволия тирана для того, чтобы отдаться своеволю разнужданнаго народа; ибо если кто-нибудь дѣлаетъ тиранъ, онъ дѣлаетъ со смысломъ, а у народа нѣтъ смысла. Да и возможенъ ли смыслъ у того, кто ничему доброму не учился и самъ по себѣ не знаетъ ничего такого, стремительно, безъ толку накидывается на дѣла подобно горному потоку? Народное управление пускай предлагаютъ тѣ, кто желаетъ зла персамъ, а мы выберемъ совѣтъ достойнѣйшихъ людей и имъ вручимъ власть; въ число ихъ войдемъ и мы сами. Лучшимъ людямъ, естественно, принадлежатъ и лучшія рѣшенія“. Таково было мнѣніе Мегабиза.

§§. Третьимъ высказывался Дарій въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „мнѣ кажется, что мнѣніе Мегабиза о народномъ управленіи вѣрно, а объ олигархіи ошибочно. Изъ трехъ предлагаемыхъ намъ способовъ управленія, предполагая каждый изъ нихъ въ наилучшемъ видѣ, — изъ наилучшей демократіи, такой же олигархіи и такой же монархіи, — я отдаю предпочтеніе этой послѣдней. Не можетъ быть ничего лучше единодержавія наилучшаго человѣка. Руководимый лучшими намѣреніями, онъ безупречно будетъ управлять народомъ. При этомъ вѣрнѣе всего могутъ сохраняться въ тайнѣ рѣшенія относительно внѣшняго врага. Напротивъ въ олигархіи, гдѣ многія достойныя лица пекутся о государствѣ, обыкновенно возникаютъ ожесточенныя распри между ними. Такъ какъ каждый изъ правителей добивается для себя главенства и желаетъ дать перевѣсъ своему мнѣнію, то они приходятъ къ сильнымъ взаимнымъ

столкновеніямъ, откуда происходятъ междоусобія волненія, а изъ волненій — кровопролитіе; кровопролитіе приводитъ къ единодержавію, изъ чего также слѣдуетъ, что единодержавіе — наилучшій способъ управленія. Далѣе, при народномъ управленіи пороки неизбежны; а разъ они существуютъ, люди порочные не враждуютъ между собою изъ за государственнаго достоинства, но вступаютъ въ тѣсную дружбу; обыкновенно вредные для государства люди дѣйствуютъ противъ него сообща. Такъ продолжается до тѣхъ поръ, пока кто-нибудь одинъ не станетъ во главѣ народа и не положитъ конца такому образу дѣйствій. Вотъ почему подобное лицо возбуждаетъ къ себѣ удивленіе со стороны народа и благодаря этому скоро становится самодержцемъ, тѣмъ еще разъ доказывая, что самодержавіе — совершеннѣйшая форма управленія. Сводя все сказанное вмѣстѣ, спросимъ: откуда наша свобода, и кто даровалъ намъ ее? Отъ народа ли мы получили ее, отъ олигархіи, или отъ самодержца? Я полагаю, что свободными сдѣлалъ насъ одинъ человѣкъ; и поэтому мы обязаны блюсти единовластіе, равно какъ и потому, что нарушеніе исконныхъ установленій не приноситъ намъ пользы“.

§§. Таковы были высказанныя три мнѣнія; четыре остальныхъ перса изъ семи присоединились къ послѣднему мнѣнію. Видя себя побѣжденнымъ, Отана, желавшій было установить для персовъ равноправіе, обратился къ товарищамъ съ такою рѣчью: „очевидно, товарищи, одному изъ насъ предстоитъ сдѣлаться царемъ, по жребію ли, или по назначенію отъ персидскаго народа, кого онъ захочетъ выбрать себѣ самъ, или по какому-нибудь иному способу. Но соперничать съ вами я не буду, такъ какъ не желаю ни властвовать, ни подчиняться. Я уклонюсь отъ власти съ тѣмъ, чтобы ни мнѣ самому, ни моимъ потомкамъ

не подчиняться кому-либо изъ васъ“. Всѣ шестеро приняли на такомъ условіи предложеніе Отаны, такъ что онъ не участвовалъ во взаимномъ соперничествѣ ихъ изъ за власти и удалился отъ нихъ. Теперь это — единственный свободный домъ у персовъ, подчиняющійся лишь настольку, насколько ему желательно, безъ нарушенія однако персидскихъ законовъ.

84. Остальные шестеро совѣщались о томъ, какъ имъ наилучше назначить цари. При этомъ они сдѣлали такое постановленіе: если царская власть перейдетъ къ кому-нибудь изъ семи, кромѣ Отаны, то онъ обязанъ дѣлать Отанѣ и всему его потомству почетные дары, именно, дарить ежегодно мидійское платье и другіе предметы, почитаемые у персовъ наиболее цѣнными. Они порѣшили наградить его такимъ образомъ за то, что онъ первый задумалъ переворотъ и образовалъ изъ нихъ союзъ. Такъ отличили они Отана, а для всѣхъ ихъ вообще постановили слѣдующее: каждый изъ шести можетъ, когда пожелаетъ, входить въ царскія палаты безъ доклада, если только царь въ это время не возлежитъ съ женою, дагдѣ, царь можетъ взять себѣ въ жены дѣвучку только изъ семейства своихъ соумышленниковъ. Относительно назначенія цари они приняли такое рѣшеніе: въ предмѣстѣхъ на восходѣ солнца сядутъ они верхомъ на лошадей, и чья лошадь заржетъ первая, тому и быть царемъ.

85. У Дарія былъ ловкій конюхъ по имени Ойбаресъ. Къ этому человеку, когда они разошлись по домамъ, Дарій обратился съ такою рѣчью: „у насъ рѣшено. Ойбаресъ, относительно назначенія цари поступить такъ: на восходѣ солнца мы сядемъ верхомъ на лошадей, и чья лошадь заржетъ первая, тому быть царемъ. Если теперь знаешь ты какое-либо хитрое средство, то устрой такъ, чтобы мы, а не кто-либо иной получили царское

достоинство“. Ойбаресъ отвѣчалъ на это: „если, господинъ мой, только отъ этого зависитъ быть или не быть тебѣ царемъ, то успокойся и будь увѣренъ, что помимо тебя никто не будетъ царемъ; у меня есть такое средство“. „Если только ты знаешь такое средство, то пора примѣнить его тотчасъ, не откладывая, потому что состязаніе предстоитъ намъ на разсвѣтѣ“. Послѣ этого Ойбаресъ сдѣлалъ слѣдующее: какъ скоро наступила ночь, онъ взялъ одну изъ кобылицъ, ту, которую жеребецъ Дарія любилъ больше, отвелъ ее въ предмѣстье и тамъ привязалъ; подвелъ къ кобылицѣ даріева жеребца, долго водилъ его кругомъ кобылицы, притомъ такъ близко, что онъ касался ея, и наконецъ допустилъ къ случкѣ.

86. На слѣдующій день на разсвѣтѣ шестеро персовъ согласно условію явились верхомъ на лошадяхъ и проѣзжали по предмѣстью; когда они подѣхали къ тому мѣсту, гдѣ въ минувшую ночь привязана была кобылица, жеребецъ Дарія кинулся впередъ и заржалъ; въ это самое время свернула на небѣ молнія и загрѣмѣлъ громъ. Эти знаменія, случившіяся для Дарія какъ бы по предварительному соглашенію, осятели его избраніе. Тогда прочіе персы сошли съ лошадей и преклонились передъ нимъ, какъ передъ царемъ.

87. Такъ поступилъ Ойбаресъ по рассказамъ однихъ; по словамъ другихъ, — ибо персы рассказываютъ объ этомъ двояко, — онъ употребилъ слѣдующее средство: прикоснувшись рукою къ половымъ членамъ этой самой кобылицы, онъ держалъ руку въ штанахъ; когда потомъ на разсвѣтѣ лошади готовы были пуститься бѣжать, Ойбаресъ вынулъ руку изъ штановъ и поднесъ ее къ ноздрямъ даріева жеребца; тотъ понюхалъ руку, зафыркалъ и заржалъ.

88. Такимъ образомъ Дарій, сынъ Гистаспеса, назначенъ былъ царемъ, и въ Азіи ему подчинены были^{221—485}

все народы, кроме арабов; одни из них покорены были Киромъ, другіе Камбисомъ. Арабы никогда не были въ подчиненіи у персовъ на положеніи рабовъ; они находились въ союзѣ съ персами съ того времени, какъ пропустили Камбису въ Египетъ; дѣйствительно безъ дозволенія арабовъ персы не могли бы туда проникнуть. Дарій ввѣлъ себя въ жены знатнѣйшихъ персидскихъ женщинъ, именно: двухъ дочерей Кира, Атоссу и Артистону; изъ нихъ Атосса была уже раньше женою брата своего Камбиса, потомъ мага; Артистона была дѣвушка. Кроме этихъ двухъ, онъ женился на дочери Смердиса, внучкѣ Кира, по имени Пармисъ, а также на той дочери Отаны, которая открыла мага. Все пошло было его властью. Прежде всего онъ велѣлъ изготовить и выставить каменное изображеніе, представлявшее всадника и снабженное слѣдующею надписью: „Дарій, сынъ Гистаспеса, получилъ царскую власть при помощи достойнаго коня (слѣдовало имя) и конюха Ойбареса“.

80. Послѣ этого Дарій учредилъ въ Персіи двадцать правительственныхъ округовъ, которые у самихъ персовъ носятъ названіе сатрапій. Назначивши затѣмъ начальниковъ округовъ, онъ по главнымъ народностямъ установилъ подати, причѣмъ къ каждой народности причислялись пограничные сосѣди, а населеніе болѣе отдаленное распредѣлялось между различными народностями. Взносъ податей по округамъ онъ установилъ въ слѣдующемъ порядкѣ: тѣмъ изъ нихъ, которые платили серебромъ, велѣно было вносить талантъ по вавилонскому вѣсу, а плательщикамъ золотомъ по еврейскому. Вавилонскій талантъ имѣетъ дѣйствительность семидесяти восьми еврейскихъ минъ. Въ царствованіе Кира и потомъ Камбиса въ Персіи опредѣленной подати не существовало вовсе, но подданные приносили подарки. Персы называютъ Дарія торгашомъ за то, что онъ устано-

вилъ опредѣленную подать и принялъ другія подобныя мѣры, Камбису называютъ господиномъ, Кира отцомъ; первый названъ такъ потому, что во все дѣла вносилъ торгашество, второй—былъ суровъ и высокоумѣренъ, третій—благодушенъ и все дѣлалъ на пользу подданныхъ.

90. Отъ іонянъ, азіатскихъ магнетовъ, эолянъ, карійцевъ, ликійцевъ, мидяцевъ и памфиловъ,—все они составляли одинъ податной округъ,—поступало четыреста талантовъ серебра. Это—первый изъ учрежденныхъ Даріемъ округовъ. Отъ мисянъ, мидянъ, ласонцевъ, кабалецевъ, гитеннецевъ поступало пятьсотъ талантовъ; это—второй округъ. Отъ геллеспонтиевъ съ правой стороны прохода въ Геллеспонтъ, отъ фригійцевъ, азіатскихъ еракіянъ, пафлагонянъ, маріандиновъ, сирійцевъ получалось триста шестьдесятъ талантовъ; это—третій округъ. Отъ киликійцевъ шло триста шестьдесятъ бѣлыхъ лошадей, по одной лошади на каждый день, и пятьсотъ талантовъ серебра; изъ нихъ расходовалось на содержаніе конницы, охранявшей киликійскую землю, сто сорокъ талантовъ, остальные триста шестьдесятъ поступали къ Дарію; это—четвертый округъ.

91. Округъ, простирившійся отъ города Писидея, основаннаго Амфилохомъ на границѣ Киликіи и Сиріи, до Египта, за вычетомъ земли арабовъ, платилъ триста пятьдесятъ талантовъ подати. Въ составъ этого округа входятъ: вся Финікія, Сирія, именуемая Палестиной, и Кипръ; это—пятый округъ. Отъ Египта, граничной съ нимъ земли ливіянъ, отъ Кирены и Барки,—все эти земли входили въ египетскій округъ,—поступало семьсотъ талантовъ, не включая сюда доходовъ съ Миридова озера, выручавшихся за рыбу; съ этого, шестаго округа поступало такимъ образомъ семьсотъ талантовъ, за вычетомъ доходовъ съ озера и сборовъ хлѣба. Сто двадцать тысячъ медимновъ хлѣба

идеть съ этого округа на прокормленіе персовъ, занимающихъ Бѣлую Крѣпость въ Мемфисѣ, и ихъ наемниковъ. Саттагиды, Гандарія, Дадики и Апариты, соединенные въ одинъ округъ, седьмой, уплачивали сто семдесятъ талантовъ подати. Отъ восьмага округа, именно, отъ Сусъ и остальной земли кисіевъ, поступало триста талантовъ.

92. Отъ Вавилона и остальной Ассиріи, составлявшихъ девятый округъ, поступало Дарію тысячу талантовъ серебра и пятьсотъ оскопленныхъ мальчиковъ. Отъ десятаго округа, именно, отъ Агбатанъ и остальной Мидіи, отъ Париканіевъ и Ореокорибантіевъ четыреста пятьдесятъ талантовъ. Каспіи, павскии, палтимаон и дарейты, — всѣ они составили одинъ, одиннадцатый округъ, — вносили двѣсти талантовъ. Подать отъ двѣнадцатаго округа, въ который входили земли отъ бактріевъ до Эгловъ, опредѣлялась въ триста шестьдесятъ талантовъ.

93. Тринадцатый округъ, начинающійся отъ Пактики, земли арменіевъ и сосѣдей ихъ и простирающійся до Евксинскаго Понта, уплачивалъ четыреста талантовъ. Отъ сагартіевъ, сараптовъ, саманаевъ, утіевъ, миковъ и жителей тѣхъ острововъ, что на Ернорейскомъ морѣ, гдѣ царь поселяетъ такъ называемыхъ ссыльныхъ, отъ всѣхъ этихъ народовъ поступало шестьсотъ талантовъ; это — четырнадцатый округъ. Саки и каспіи, составлявшіе пятнадцатый округъ, вносили двѣсти пятьдесятъ талантовъ. Паряние, хорасміи, согды и арен, составлявшіе шестнадцатый округъ, платили триста талантовъ.

94. Париканіи и азіатскіе эоіоны уплачивали четыреста талантовъ подати; это — семнадцатый округъ. Матіены, сасейры, алародіи — восемнадцатый округъ — обываны были уплачивать двѣсти талантовъ. Мосхи, тибарены, макроны, маспнойки и мары — девятнадцатый

округъ—обложены были податью въ триста талантовъ. Индійскій народъ, многочислѣннѣйшій изъ всѣхъ намъ извѣстныхъ, уплачивалъ сравнительно съ прочими наибольшую подать, именно, триста шестьдесятъ талантовъ золотого песку; это—двадцатый округъ.

95. Вавилонское серебро въ переводѣ на еврейскій талантъ имѣетъ цѣнность семи тысячъ восьмисотъ восьмидесяти ¹⁾ талантовъ. Если золото цѣнитъ въ тринадцать разъ дороже серебра, то цѣнность золотого песку опредѣляется въ четыре тысячи шестьсотъ восемьдесятъ еврейскихъ талантовъ. Общая сумма всѣхъ податей, ежегодно поступавшихъ въ казну Дарія, по еврейскому счету составляла четырнадцать тысячъ пятьсотъ шестьдесятъ талантовъ; болѣе мелкія цифры я при этомъ опускаю.

96. Таковы были подати, шедшія Дарію отъ Азіи и незначительной части Ливіи. Съ теченіемъ времени подати стали поступать съ острововъ и отъ народовъ Европы до Тессаліи. Всю эту дань хранить персидскій царь въ сокровищницахъ такимъ образомъ: расплавляютъ металлъ и наполняютъ имъ глиняные сосуды, заسیمъ глиняную оболочку снимаютъ. Всякій разъ, когда требуются деньги, царь велитъ отрубить металла, сколько ему нужно.

97. Таковы были правительственные округа и размѣры податей. Одна только Персія не поименована у меня въ числѣ земель, обложенныхъ податью, потому что занимаемая персами страна осталась свободною отъ податей. Слѣдующіе народы не были вовсе обложены данью, но дѣлали добровольныя приношенія царю: пограничные съ Эгиптомъ эоіоны, которые покорены были Камбисомъ во время похода его на долговѣчныхъ эоіоновъ; они занимаютъ область Нисы и устраниваютъ

¹⁾ Вм. рукописи. 9540.

правники въ честь Діониса. Эти эоіоны, равно какъ и сосѣди ихъ, засѣваютъ тѣ же сѣмена, что и калантійскіе индійцы, а живутъ они въ подземныхъ домахъ. Оба эти народа вмѣстѣ приносили въ даръ черезъ годъ, принеся и до настоящаго времени, два хенка самороднаго золота, двѣсти столовъ эбеноваго дерева, пять эоіонскихъ мальчиковъ и двадцать большихъ слоновыхъ зубовъ. Колхидяне также обложили себя добровольными приношеніями, равно какъ и сосѣди ихъ до Кавкасскаго хребта; до этого хребта простирается владычество персовъ, а страны, къ сѣверу отъ Кавказа лежащія, впасть не хотѣтъ персидскаго владычества. Опредѣленныя ими для себя дарственныя приношенія, совершаемыя по настоящее время черезъ каждые четыре года, состоятъ изъ ста мальчиковъ и ста дѣвочекъ. Наконецъ арабы ежегодно дарили тысячу талантовъ ладана. Таковы добровольныя приношенія, получавшіяся царемъ сверхъ обязательной дани.

98. Большое количество золота, часть котораго въ видѣ золотатаго песку индійцы, какъ сказано выше ¹⁾, доставляютъ персидскому царю, добывается слѣдующимъ образомъ: восточная часть Индіи представляетъ песчаную пустыню. Дѣйствительно, изъ всѣхъ народовъ Азіи, намъ извѣстныхъ, о которыхъ къ тому же имѣются нѣкоторыя достовѣрныя свѣдѣнія, индійцы живутъ наибольшее на востокъ; земля, лежащая къ востоку отъ индійцевъ, бесплодна, потому что это — песчаная пустыня. Племена индійцевъ многочисленны и говорятъ на разныхъ языкахъ; одни изъ нихъ кочевыя, другія нѣтъ, третьи занимаютъ рѣчныя болота и питаются сырой рыбой, которую ловятъ съ своихъ тростниковыхъ лодокъ; цѣлая лодка готовится изъ одного колѣна

тростника. Эта часть индійцевъ носятъ платье изъ ситника, который они срѣзаютъ въ рѣкѣ; потомъ разбиваютъ его и сплетаютъ на подобіе рогожки, каковую и надѣваютъ на себя какъ панцирь.

99. Другіе индійцы, живущіе къ востоку отъ этихъ, кочевники, питающіеся сырымъ мясомъ; они называются падеями и, какъ говорятъ, имѣютъ слѣдующій обычай: если кто-нибудь изъ соплеменниковъ заболѣетъ, женщина-ли то, или мужчина, то ближайшіе друзья-мущины, если больной — мужчина, убиваютъ его, прибавляя при этомъ, что мясо пропадаетъ для нихъ, если болѣзнь истощитъ больного; больной отрицаетъ свою болѣзнь, но тѣ не соглашаются съ нимъ, убиваютъ и поѣдаютъ его. Точно такъ же, какъ мущины съ мущиной, поступаютъ ближайшія женщины съ болѣной женщиной. Равнымъ образомъ убиваютъ и поѣдаютъ они состарѣвшихся людей. Впрочемъ до старости доживаютъ у нихъ немногіе, такъ какъ каждаго убиваютъ они раньше еще, лишь только онъ заболѣваетъ.

100. У другихъ индійцевъ существуетъ слѣдующее бышествованіе: они не убиваютъ никакой твари, ничего не сѣютъ, не имѣютъ вовсе жилищъ, питаются злаками. У нихъ есть растение, плодъ котораго въ шелухѣ и величиною съ просіаное зерно; растетъ оно тамъ въ дикомъ состояніи; его собираютъ, варятъ и ѣдятъ вмѣстѣ съ шелухой. Кто изъ нихъ заболѣваетъ, удаляется въ безлюдное мѣсто и тамъ лежитъ; ни объ умершихъ, ни о больныхъ не заботятся у нихъ никто.

101. Половыя отправления у всѣхъ перечисленныхъ мною индійцевъ совершаются открыто, какъ у скотовъ; цвѣтъ кожи всѣхъ ихъ одинаковъ, такой же, какъ у эоіоновъ. Мужское сѣмя, которымъ оплодотворяется женщина, у индійцевъ не бѣлое, какъ у остальныхъ народовъ, но черное, какъ и кожа ихъ; такое же сѣмя имѣютъ эоіоны. Эти индійцы живутъ очень далеко на

югъ отъ персовъ и никогда не были въ подданствѣ у персидскаго царя.

102. Другіе индійцы живутъ на границѣ съ городомъ Каспатиромъ и съ Пактійскою землею, на сѣверъ отъ прочихъ индійцевъ; образъ жизни ихъ такой же, какъ у бактріевъ. Это—наиболѣе воинственные индійцы; они же ходятъ за золотомъ. Въ странѣ этой есть песчаная пустыня, и въ пескахъ ся водятся муравьи величиною почти съ собаку, но больше лисицы. Нѣсколько такихъ муравьевъ, пойманныхъ на охотѣ, есть и у персидскаго царя. Муравьи эти роютъ для себя жилища подъ землею и отгуду выносятъ песокъ на поверхность такъ точно, какъ муравьи у елиновыхъ; на елиньскихъ муравьевъ они похожи и по виду. Выносимый ими на поверхность песокъ золотой. За нимъ-то и ходятъ индійцы въ пустыню, причемъ каждый изъ нихъ выѣзжаетъ на тройкѣ верблюдовъ; по сторонамъ на поводьяхъ идутъ самцы, а въ срединѣ самка, для чего старательно выбирается такая, у которой дома остаются очень юные жеребята, отъ каковыхъ и отрываютъ ее; на самку садится охотникъ. Верблюды ихъ по скорости бѣга не уступаютъ лошадямъ, а сверхъ этого могутъ нести на себѣ большія тяжести, нежели лошади.

103. Наружный видъ верблюдовъ еллины знаютъ, а потому я и не буду говорить о немъ; отмѣчу только неизвѣстную еллинамъ особенность. Верблюды имѣютъ на заднихъ ногахъ четыре лядвеи и столько же колѣнъ, а половые члены самца проходятъ между задними ногами къ хвосту.

104. Такъ отправляются индійцы на охоту, и такова для этого запряжка верблюдовъ. При этомъ съ выѣздомъ за золотомъ они устроиваются такъ, чтобы похищеніе производить въ пору сильнѣйшей жары, такъ какъ отъ жары муравьи прячутся подъ землю. У этого

народа солнечный жаръ бываетъ самый сильный рано утромъ, а не въ полдень, какъ у всѣхъ другихъ народовъ; сильнѣйшій жаръ держится у нихъ отъ солнечнаго восхода до окончанія нашего ринка. Въ теченіе этого времени солнце грѣетъ тамъ гораздо сильнѣе, нежели въ Елладѣ въ полдень, и жители, какъ рассказываютъ, окропляютъ себя водою. Въ полдень въ Индіи почти такая же жара, какъ и у другихъ народовъ; послѣ полудня солнце у нихъ грѣетъ, какъ у прочихъ народовъ рано утромъ; потомъ жаръ спадаетъ все больше и больше, пока къ заходу солнца не становится очень холодно.

105. Прибывши на мѣсто съ мѣшками, индійцы немедленно наполняютъ ихъ золотымъ пескомъ и возможно скорѣе уѣзжаютъ назадъ, потому что, какъ рассказываютъ персы, муравьи тотчасъ чуютъ охотниковъ обогнѣемъ и бросаются за ними въ погоню. Нѣтъ другаго животнаго столь быстрого, какъ эти муравьи, и если бы индійцы не убѣгали раньше въ то время, какъ муравьи собираются еще, то ни одинъ изъ нихъ не спасся бы. Самцы верблюды уступаютъ въ быстротѣ бѣга самкамъ, и потому охотники спускаютъ ихъ съ поводьевъ, но не обонхъ разомъ; между тѣмъ самки, помни о покинутыхъ ими жеребятахъ, нисколько не умаляютъ быстроты бѣга. Такимъ способомъ, по словамъ персовъ, добываютъ индійцы большую часть своего золота; остальную, меньшую добываютъ они въ своей землѣ изъ рудниковъ.

106. Окраины обитаемой земли, думается мнѣ, получили на свою долю наиболѣе цѣнные предметы, тогда какъ Еллада пользуется совершеннѣйшимъ климатомъ. Такъ, во-первыхъ, Индія есть отдаленнѣйшая страна на востокъ, какъ сказано немного выше¹⁾; въ

¹⁾ III 98.

ней водятся животные, четвероногія и пернатія, гораздо больших размѣровъ, нежели въ какой-нибудь иной странѣ, кромѣ лошадей; тамошнія лошади уступаютъ мидійскимъ, такъ называемымъ несейскимъ; во-вторыхъ, въ Индіи огромное множество золота, которое отчасти добывается изъ земли, отчасти наносится рѣками, или похищается, о чемъ разсказано выше ¹⁾. Дико растущія деревья приносятъ здѣсь въ видѣ плода родъ шерсти, по красотѣ и доброкачественности превосходящій овечью шерсть; индійцы готовятъ изъ нея одежду.

107. Крайняя изъ обитаемыхъ странъ на югъ—Аравія; въ ней одной рожается ладанъ, смирна, касія, корица и леданонъ. Впрочемъ все это, за исключеніемъ смирны, не легко достается арабамъ. Для собранія ладана они сожигаютъ смолу стирака, привозимую финиціанами въ Египтъ; курятъ смолой и при этомъ собираютъ ладанъ. Дѣло въ томъ, что ладанныя деревья охраняются крылатыми змѣями, маленькими и пестрыми на видъ, которыя въ большомъ числѣ сидятъ на каждой деревѣ; эти именно змѣи и совершаютъ походъ на Эгипетъ. Ничѣмъ другимъ, только дымомъ стирака можно отогнать змѣй отъ ладаннаго дерева.

108. По словамъ арабовъ, змѣи эти заполонили всю землю, еслибы съ ними не случилось то же самое, что, какъ мы извѣстно, случается съ ехиднами. Вообще я полагаю, промышляя божій мудръ, какъ и подобаетъ ему быть, и потому сотворилъ многоплодными всѣхъ животныхъ робкихъ и пдущихъ въ пищу съ тою цѣлю, чтобы они не были съдены всѣ, напротивъ малоплодными сотворилъ всѣхъ животныхъ сильныхъ и вредныхъ. Такъ, напримѣръ, на яйца охотятся всѣ: звѣри, птицы, люди, и потому онъ многоплоденъ. За-

¹⁾ III, 105.

ицъ—единственное животное, которое оплодотворяется и во время беременности, такъ что въ утробѣ самки одинъ дѣтенышъ бываетъ покрытъ шерстью, когда другой еще голъ, третій чуть формируется въ маткѣ самки, а четвертый при нихъ только зачинается. Таково это животное. Напротивъ львица, какъ сильнѣйшій и и отважнѣйшій звѣрь, рождаетъ одного дѣтеныша одинъ разъ въ жизни; при рожденіи она вмѣстѣ съ дѣтенышемъ выбрасываетъ и матку. Причина этого слѣдующая: лишь только дѣтенышъ начинаетъ двигаться, онъ разрываетъ матку когтями, такъ какъ когти у него острѣе, нежели у какого-нибудь другаго животнаго; чѣмъ больше становится дѣтенышъ, тѣмъ глубже разрывается имъ матка, которая ко времени родовъ совершенно разрушается.

109. Равнымъ образомъ существованіе человека стало бы невозможнымъ, еслибы ехидны и аравійскія крылатыя змѣи размножались безпрепятственно въ той степени, какая опредѣляется ихъ природой. Между тѣмъ, лишь только онѣ сходятся парами для совокупленія, и самецъ въ моментъ оплодотворенія самки выпускаетъ сѣмя, самка хватаетъ его за шею, впивается въ нее и выпускаетъ не прежде, какъ перегрызши ее. Самецъ такимъ образомъ погибаетъ, но и самка расплывается за гибель самца слѣдующимъ наказаніемъ: въ отмщеніе за отца дѣтеныши еще въ утробѣ самки грызутъ мать, разгрызаютъ ей животъ и такъ выходятъ на свѣтъ. Прочія змѣи, для людей не вредныя, кладутъ яйца и высиживаютъ очень много дѣтенышей. Ехидны распространены по всей землѣ, а змѣи, хотя имѣютъ крылья, держатся всѣ вмѣстѣ въ Аравіи и нигдѣ болѣе не встрѣчаются; потому-то и кажется, будто ихъ много.

110. Какъ арабы собираютъ ладанъ, сказано уже выше ¹⁾, а касія добывается у нихъ такъ: обязываютъ

¹⁾ III, 107.

себѣ воловьими и другими шкурами все тѣло и лицо, кромѣ глазъ, и въ такомъ видѣ отправляются за касіей. Касія растетъ въ неглубокомъ оверѣ, а около нея и въ ней живутъ крылатые животныя, болѣе всего похожія на летучихъ мышей; они странно пищать и отважны въ дракѣ; чтобы сорвать касію, нужно ихъ отгонять отъ глазъ.

111. Еще поразительнѣе способъ собиранія корицы. Гдѣ она растетъ, какаѣ земли производятъ ее, арабы не умѣютъ сказать; только нѣкоторые изъ нихъ на основаніи правдоподобныхъ соображеній утверждаютъ, что растетъ она въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ вскормленъ былъ Діонисъ. Рассказываютъ, что большія птицы носятъ тѣ полоски коры, которыми мы отъ финикіевъ научились называть *корицей* (кинамомъ); птицы несуть эти полоски въ свои гнѣзда, сдѣланныя изъ глины и прилѣпленныя къ горамъ, куда человекѣкъ нѣтъ доступа. Поэтому арабы придумали слѣдующую хитрость: павшихъ воловъ, ословъ и другихъ животныхъ разрубаютъ на очень большіе куски и отвозятъ ихъ въ эти мѣста; тамъ кладутъ куски мяса подлѣ гнѣздъ, а сами отходятъ подальше отъ нихъ. Налетающія съ высотъ птицы уносятъ куски съ собою въ гнѣзда; нѣкоторыя изъ птицъ не могутъ поднести такой тяжести и стремительно падаютъ на землю; тогда арабы нападаютъ на гнѣзда и такимъ способомъ собираютъ корицу. Собранная этимъ способомъ корица идетъ отъ арабовъ въ другія страны.

112. Еще удивительнѣе способъ собиранія ладанона, называемаго у арабовъ ладаномъ. Будучи самымъ душистымъ, онъ помѣщается на самомъ зловонномъ предметѣ, именно: въ видѣ древесной смолы находятъ его на бородахъ козловъ. Онъ идетъ во многія масла и составляетъ любимѣйшее куреніе у арабовъ. Сказаннаго довольно обѣ ароматахъ, которыми благоухаетъ аравійская земля.

113. У арабовъ есть двѣ замѣчательныхъ породы овецъ, нигдѣ въ другомъ мѣстѣ не встрѣчающихся. Овцы одной изъ этихъ породъ имѣютъ длинныя хвосты не менѣе, какъ въ три локтя длиною. Если допустить, чтобы овца эта волочила хвостъ по землѣ, то отъ тренія о землю хвостъ изранивается. Поэтому каждый пастухъ знакомится съ плотничьимъ дѣломъ настолько по крайней мѣрѣ, чтобы дѣлать маленькія тѣлѣжки для подвязыванія къ хвосту; такимъ образомъ хвостъ каждой овцы привязывается къ маленькой тѣлѣжкѣ. Овцы другой породы имѣютъ широкіе хвосты, шириною до локтя.

114. Крайняя страна на юго-западѣ обитаемой земли—Эіоупія. Въ ней есть много золота, водятся громадные слоны, деревья всевозможныхъ породъ растутъ въ дикомъ состояніи, между прочимъ эбенное, живутъ люди огромнѣйшаго роста, красивѣйшіе и долговѣчнѣйшіе.

115. Такими крайнія страны въ Азіи и Ливіи. О западныхъ окраинахъ Европы не могу сказать ничего достовѣрнаго; ибо я не допускаю существованія рѣки, которую варвары называютъ Ериданомъ, которая будто бы впадаетъ въ сѣверное море, и отъ которой, какъ говорятъ, приходитъ янтарь; не знаю я также, дѣйствительно ли существуютъ Оловянные острова, съ которыхъ приходитъ къ намъ олово. Во-первыхъ, самое названіе Еридава, сочиненное какимъ-нибудь поэтомъ, обличаетъ еллинское, а не варварское его происхожденіе; во-вторыхъ, не смотря на всѣ мои усилія, я не могу найти ни одного очевидца, который посвидѣтельствовалъ бы, что по ту сторону Европы есть еще море. Во всякомъ случаѣ олово и янтарь приходятъ къ намъ изъ окраины.

116. Въ сѣверной части Европы есть несомнѣнно очень много золота; но о способѣ добыванія его я не могу сказать ничего достовѣрнаго. Рассказываютъ впро-

чемъ, что одноглазые аримасы похищаютъ его у грифовъ. Однако и не вѣро въ существованіе людей одноглазыхъ, во всемъ остальномъ сходныхъ съ прочими людьми. Итакъ, крайнія страны, замыкающія и ограничивающія собою остальную землю, содержатъ въ себѣ тѣ предметы, которые считаются у насъ самыми драгоценными и наиболѣе рѣдкими.

117. Есть въ Азіи равнина, со всѣхъ сторонъ замкнутая хребтомъ, а хребетъ имѣетъ пять ущелій. Иѣкогда равнина эта принадлежала хорасміямъ, а лежитъ она на границахъ земель этихъ самыхъ хорасміевъ, гриканиевъ, паренинъ, сарапговъ и еманаевъ; со времени покоренія ея персами она принадлежитъ персидскому царю. Изъ замыкающей равнину горы вытекаетъ большая рѣка Акесъ. Первоначально рѣка дѣлилась на пять рукавовъ и орошала земли названныхъ здѣсь народовъ, причѣмъ каждый рукавъ протекалъ черезъ отдѣльное ущелье; но съ того времени, какъ народы эти перешли во власть персовъ, произошла слѣдующая перемѣна: горныя ущелья царь велѣлъ закрыть и передъ каждымъ изъ нихъ поставитъ шлюзу, вслѣдствіе чего вода лишилась выхода, а замкнутая въ горахъ равнина превратилась въ озеро; дѣйствительно, рѣка вливается въ равнину и выхода изъ равнины не имѣетъ нигдѣ. Такимъ образомъ тѣ самые народы, которые обыкновенно пользовались этой водой, теперь постоянно испытываютъ большое лишеніе, потому что не могутъ больше пользоваться ею. Зимю божество испосылаетъ имъ дождь, какъ и прочимъ народамъ, а лѣтомъ во время посѣвовъ проса и сесама они терпятъ нужду въ водѣ. Поэтому когда у нихъ пѣтъ воды, они съ женами своими отправляются въ Персію, становятся у дверей царскаго замка и рыдаютъ съ воплями; царь, видя крайнюю нужду просящихъ, велитъ открыть шлюзы, ведущія въ ихъ равнину. Когда земля ихъ насытится водою, шлюзы

запираются снова; вмѣстѣ съ симъ царь велитъ открыть другія шлюзы для другихъ жителей, испытывающихъ крайнюю нужду въ водѣ. Я знаю по разсказамъ, что царь сверхъ обычной дани взимааетъ большія деньги за открытіе шлювъ. Вотъ каковы эти дѣла.

118. Что касается возставшихъ противъ мага семи мужей, то одинъ изъ нихъ, Интафренесъ, въ наказаніе за злодѣяніе погибъ скорѣ послѣ возстанія. Однажды онъ желалъ войти въ царскій дворецъ для переговоровъ съ царемъ по какому-то дѣлу, потому что существовалъ законъ, въ силу котораго возставшіе на мага пользовались правомъ входа къ царю безъ доклада, если только въ это время царь не возлежалъ съ женою. Поэтому Интафренесъ не считалъ нужнымъ послать кого-либо съ докладомъ къ царю и желалъ войти къ нему по праву одного изъ семи. Но ни привратникъ, ни докладчикъ не пропустили его, говоря, что царь у жены. Интафренесъ полагалъ, что они лгутъ, и поступилъ слѣдующимъ образомъ: обнаживши мечъ, отрубилъ имъ носы и уши, нанизалъ ихъ на поводъ своей лошади, обвязалъ имъ шеи и такъ отпустилъ.

119. Въ такомъ видѣ они явились къ царю, сообщивши и причину совершеннаго надъ ними насилія. Царь смутился при мысли, какъ бы не случилось это по общему уговору всѣхъ шести персовъ, и потому приглашалъ каждого изъ нихъ отдѣльно и испытывалъ ихъ образъ мыслей съ цѣлью узнать, не одобряютъ-ли они случившагося. Но когда узналъ, что виновный не былъ въ соглашеніи съ остальными, онъ приказалъ ввязать подъ стражу одного Интафренеса съ сыновьями и со всеми родственниками, будучи вполне убѣжденъ, что тотъ вмѣстѣ съ присными своими замышляетъ возстаніе противъ царя; поэтому велѣлъ схватить ихъ и отвести въ тюрьму на казнь. Жена Интафренеса приходила къ царскимъ дверямъ, жаловалась на свою долю

и плакала. Такъ какъ она дѣлала это непрерывно, то Дарій сжалился наконецъ и велѣлъ вѣстнику сказать ей слѣдующее; „царь Дарій даруетъ тебѣ, женщина, свободу одного изъ заключенныхъ присныхъ твоихъ, того, кого сама пожелаешь“. Подумавши, женщина отвѣчала: „если царь даруетъ мнѣ жизнь одного изъ нихъ, то изъ всѣхъ я выбираю брата“. Дарій изумленъ былъ такимъ отвѣтомъ и послалъ сказать: „царь спрашиваетъ тебя, женщина, по какому побужденію ты оставляешь на смерть мужа, дѣтей и выбираешь жизнь брата, который вѣдь не столь тебѣ близокъ, какъ твои сыновья, и не столь для тебя дорогъ, какъ мужъ?“ Она дала такой отвѣтъ: „мужъ у меня можетъ быть и другою, царь, если божеству угодно будетъ; могутъ быть и дѣти другія, если потеряю этихъ, но имѣть другаго брата я никакъ не могу, потому что у меня нѣтъ въ живыхъ ни отца, ни матеря. Вотъ по какому побужденію я дала такой отвѣтъ“. Объясненіе женщины Дарій нашелъ правильнымъ, и въ угоду ей не только освободилъ брата, за котораго та ходатайствовала, но и старшаго изъ сыновей; всѣхъ остальныхъ велѣлъ казнить. Такою смертью погибъ скорѣ одинъ изъ семи мужей.

120. Во время болѣзни Камбисы произошло слѣдующее: намѣстникомъ въ Сардахъ Киръ назначилъ перса Оройту; у него явилась преступная рѣшимость погубить Поликрата Самійскаго, — преступная потому, что онъ не потерпѣлъ отъ Поликрата ничего, не слыхалъ отъ него какого-нибудь обиднаго слова, даже не видѣлъ его раньше въ глаза. Рѣшился онъ на это, какъ рассказываетъ большинство, по слѣдующей причинѣ: сидѣлъ однажды у царскихъ дверей Оройта и другою персъ, по имени Митробатесъ, правитель Даскилейскаго округа; отъ бесѣды они перешли къ ссорѣ, заспоривши о добродѣтели, причемъ, какъ рассказываютъ, Митро-

батесъ обратился къ Оройтѣ съ такимъ упрекомъ: „ты считаешься мужчиною, между тѣмъ не могъ завоевать для царя островъ Самъ, хотя онъ лежитъ такъ близко къ твоему округу, и хотя такъ легко покорить его; вѣдь его захватилъ и теперь властвуетъ надъ нимъ бунтовщикъ изъ туземцевъ съ пятнадцатью тяжеловооруженными“. По словамъ нѣкоторыхъ, замѣчаніе это оскорбило Оройту, и онъ рѣшилъ выместить обиду не на томъ лицѣ, которое произнесло обидныя слова, но на Поликратѣ, изъ за котораго оскорбили его, и потому рѣшилъ погубить его.

121. По словамъ другихъ, меньшинства, Оройта отправилъ на Самъ глашатая съ просьбою о какомъ-то дѣлѣ, — самое дѣло не упоминается. Поликратъ въ это время возлежалъ въ залѣ дворца и съ нимъ вмѣстѣ былъ Анакреонтъ Теосскій. Преднамеренно-ли Поликратъ отнесся съ пренебреженіемъ къ дѣлу Оройты, или произошло это случайно, только, когда вошедшій глашатай Оройты обратился къ нему съ рѣчью, Поликратъ, лежавшій въ то время лицомъ къ стѣнѣ, не повернулся къ нему и ничего не отвѣтилъ.

122. Такимъ образомъ двоюко рассказываютъ о причинѣ гибели Поликрата, и всякій можетъ вѣрить любому изъ этихъ рассказовъ. Живя въ Магнесіи, что надъ рѣкою Меандромъ, Оройта отправилъ лядянина Мирса, сына Гигеса, на Самъ съ порученіемъ касательно известнаго ему замысловъ Поликрата. Дѣло въ томъ, что Поликратъ, насколько мы знаемъ, первый изъ еллиновъ возымѣлъ мысль утвердить господство на морѣ, если не считать Миноса Кносскаго и предшествовавшихъ ему владыкъ моря; изъ рода людей, какъ выражаемся мы, Поликратъ первый рассчитывалъ на владычество надъ Іоніей и островами. Зналъ всѣ эти планы, Оройта обратился къ нему черезъ вѣстника съ такою рѣчью: „такъ Оройта говоритъ Поликрату: и

знаю, ты замыслишь важные дѣла, но средства твои не отвѣчаютъ твоимъ планамъ. Если ты поступишь такъ, какъ я тебѣ совѣтую, то и себя возвеличишь, и меня спасешь. Камбиса замыслишь на мою жизнь, о чемъ имѣются у меня достовѣрные свѣдѣнія. Поэтому увези меня отсюда вмѣстѣ съ моими сокровищами, часть которыхъ удержи для себя, а другую оставь при мнѣ; съ такими средствами ты сдѣлаешься владыкою цѣлой Эллады. Если ты не вѣришь, что у меня есть сокровища, приходи ко мнѣ надежнѣйшее лицо, и я покажу ихъ“.

123. Поликратъ выслушалъ предложеніе и съ радостью принялъ его. Дѣйствительно, онъ сильно желалъ добыть сокровища, и потому прежде всего послалъ для осмотра ихъ одного изъ согражданъ, меандріева сына Меандрія, который служилъ у него секретаремъ, и который вскорѣ послѣ этого посвятилъ въ храмъ Геры все замѣчательное убранство мужскихъ покоевъ Поликрата. Между тѣмъ Оройта зналъ, что явится соглядатай, и въ ожиданіи его устроилъ слѣдующее: камнями наполнилъ восемь ящиковъ, оставивши только у краевъ ихъ очень немного свободнаго мѣста, поверхъ камней наложилъ золота, завязалъ ящики и такъ держалъ наготовѣ. Меандрій явился, осмотрѣлъ все и доложилъ Поликрату.

124. Поликратъ сталъ вскорѣ собираться въ путь къ Оройтѣ вопреки совѣтамъ гадателей и друзей, не взирая также на слѣдующее сновидѣніе дочери: ей спилось, что отецъ ея виситъ въ воздухѣ, Зевсъ обмываетъ его, а солнце умащаетъ масломъ. Въ виду такого сна дочь всячески убѣждала Поликрата не ѣздить къ Оройтѣ, и провожала его вѣщими словами даже тогда, когда онъ находился уже на пятидесятивосьмомъ суднѣ. Въ отвѣтъ на это Поликратъ угрожалъ ей, что въ случаѣ благополучнаго возвращенія она долго просидитъ въ дѣвахъ; дочь молила боговъ, чтобы угроза

отца исполнилась: она предпочитала дѣйствовать долгое время, нежели потерять отца.

125. Поликратъ оставилъ безъ вниманія всякіе совѣты и отплылъ къ Оройтѣ вмѣстѣ со многими друзьями; въ числѣ ихъ былъ и знаменитѣйшій въ свое время врачъ Демокедесъ, сынъ Каллифонта, родомъ изъ Кротона. Но по прибытіи въ Магнесію Поликратъ погибъ поворною смертью, недостойною ни его самого, ни его замысловъ. Дѣйствительно, за исключеніемъ тирановъ сиракусскихъ, ни одинъ тиранъ прочихъ еллинавъ не можетъ быть даже сравниваемъ съ Поликратомъ по великолѣпію. Казившии его такую казнь, что я не считаю даже возможнымъ описывать ее, Оройта велѣлъ распять трупъ его на крестѣ. Всѣхъ, сопровождавшихъ его саміанъ, онъ отпустилъ, прибавивши, что они должны благодарить его за свободу; напротивъ всѣхъ иноземцевъ и рабовъ, находившихся при Поликратѣ, удержалъ у себя въ рабствѣ. Повѣшеніе Поликрата оправдало исполнѣ сновидѣніе дочери его: всякій разъ, когда шелъ дождь, Зевсъ обмывалъ Поликрата, а солнце умащало его, потому что трупъ отъ жары какъ бы испускалъ изъ себя влагу. Такъ кончилось необикновенное счастье Поликрата, согласно предвѣщанію эгипетскаго царя Амасида.

126. Вскорѣ послѣ того и Оройта понесъ заслуженное наказаніе за Поликрата. Случилось это такъ: по смерти Камбиса и по окончаніи царствованія маговъ, онъ спокойно жилъ въ Сардахъ безъ всякой пользы для персовъ, у которыхъ власть отнята была мидянами. За время этой смуты Оройта лишилъ жизни того самаго Митробатеса, наместника Даскилейскаго, который пѣюгда укорялъ его за отношеніе къ Поликрату, убилъ также сына Митробатеса Красасу; оба—люди значительные въ Персіи. Совершилъ онъ и другія преступленія, напримѣръ: когда къ нему явился отъ Дарія

гондецъ, Оройта устроилъ на него засаду на обратномъ пути и велѣлъ убить его, потомъ трушу и самую лошадь скрылъ.

127. Сдѣлавшись царемъ, Дарій рѣшилъ наказать Оройту за всѣ преступленія, въ особенности за смерть Митробатеса и его сына. Однако Дарій не находилъ нужнымъ открыто послать противъ него войско, потому что въ государствѣ продолжалось броженіе, а самъ онъ лишь недавно получилъ царскую власть; къ тому же онъ зналъ, что Оройта располагаетъ значительной военной силой, что тысячи персовъ составляютъ отрядъ его тѣлохранителей, что наконецъ подъ властью его находятся округа фригійскій, лидійскій и іонійскій. Въ виду этого Дарій поступилъ слѣдующимъ образомъ: онъ созвалъ знатнѣйшихъ персовъ и обратился къ нимъ съ рѣчью: „кто изъ васъ, персы, обѣщаетъ мнѣ исполнить порученіе съ помощью хитрости, безъ насилия и шума? Здѣсь требуется только хитрость, и нѣтъ мѣста насилію. Итакъ, кто изъ васъ доставитъ мнѣ Оройту живаго или мертваго? Видѣ онъ ничего не дѣлаетъ для блага персовъ, между тѣмъ совершилъ тяжкія преступленія. Такъ, онъ сгубилъ двоихъ изъ нашихъ людей, Митробатеса съ сыномъ; онъ лишилъ жизни также моихъ гонцовъ, посланныхъ за нимъ, обнаруживши этимъ нестерпимую наглость. Мы должны казнить его прежде, чѣмъ онъ совершитъ относительно персовъ новое, еще большее злодѣяніе“.

128. Съ такимъ предложеніемъ Дарій обратился къ персамъ; въ отвѣтъ на это тридцать челоувѣкъ предложили ему свои услуги, причемъ каждый изъ нихъ принималъ дѣло на себя. Такъ какъ они спорили между собою, то Дарій приказалъ бросить жребій, который и выпалъ на Багаю, сына Артонты. Получивши жребій, Багай поступилъ такъ: написалъ много писемъ, которыми касались множества различныхъ дѣлъ, запечаталъ

ихъ печатью Дарія и отправился съ ними въ Сарды. По прибытіи туда, онъ явился лично къ Оройтѣ и, вынимая одно письмо за другимъ, передавалъ ихъ царскому секретарю для прочтенія; царскіихъ секретарей имѣютъ всѣ намѣстники. Багай съ помощью писемъ испытывалъ тѣлохранителей, желая узнать, не готовы ли они отпасть отъ Оройты. При видѣ того, съ какимъ высокимъ почтеніемъ относятся они къ письмамъ и съ бѣльшимъ еще къ содержанію ихъ, Багай подалъ письмо такого содержанія: „царь Дарій, персы, запрещаютъ вамъ служить тѣлохранителями у Оройты“. Услыхавши это они опустили передъ Багаемъ копыя. Онъ видѣлъ, что тѣлохранители покоряются приказанію, содержащемуся въ письмѣ, ободрился этимъ и подалъ секретарю послѣднее письмо, гласившее: „царь Дарій приказываетъ персамъ убить Оройту“. Тѣлохранители, лишь только услышали это, обнажили мечи и на мѣстѣ положили Оройту. Таково было возмездіе, постигшее перса Оройту за Поликрата Самійскаго.

129. Немного спустя послѣ того, какъ все достояніе Оройты переведено было въ Сусы, царь Дарій на охотѣ за дикими здѣбрями вывихнулъ себѣ ногу, прыгнувъ съ коня. Вывихъ былъ очевидно очень силенъ, потому что лодыжка сдвинулась съ мѣста. Дарій обратился за лѣченіемъ къ эгипетскимъ врачамъ, которыми онъ пользовался и раньше, и которыхъ считалъ наиболѣе искусными въ врачеваніи. Тѣ пытались направить ногу сильными вытягиваніемъ и повредили болному еще больше. Семь дней и семь ночей послѣ этого Дарій отъ боли провелъ безъ сна. Когда и на восьмой день ему было такъ же плохо, нѣкто изъ присутствующихъ, раньше въ Сардахъ слышавшій объ искусствѣ кротоцца Демокседеса, сообщилъ о немъ Дарію; тотъ велѣлъ доставить его какъ можно скорѣе. Демокседеса нашли гдѣ-то совершенно забытаго среди рабовъ Оройты и отвели его къ царю въ оковахъ и въ рубищѣ.

130. Когда онъ явился передъ царемъ, сей послѣдній спросилъ его, знаетъ-ли онъ врачебное дѣло. Демокедесъ изъ страха потерять навсегда свою, родину Елладу, едва скажетъ правду, отвѣчалъ, что не знаетъ; Дарій однако понялъ, что врачъ отказывается съ цѣлью вернуться и приказалъ доставившимъ его лицамъ принести плетей и палокъ. Тогда Демокедесъ сознался, но замѣтилъ, что основательно врачеванія онъ не знаетъ, а что немногія свѣдѣнія по этому искусству приобрѣлъ изъ знакомства съ какимъ-то врачомъ. Однако когда Дарій довѣрилъ ему свое здоровье, врачъ обратился къ еллинскимъ лѣкарствамъ, послѣ острыхъ средствъ употребилъ успокоивающія, чѣмъ возвратилъ ему сонъ и вскорѣ совсѣмъ возвратилъ его здоровье, хотя царь потерялъ было уже всякую надежду имѣть здоровыя ноги. Послѣ этого Дарій подарилъ Демокедесу двѣ пары золотыхъ цѣпей. Врачъ спросилъ царя, не удвоиваетъ ли онъ намѣренно его несчастія въ награду за излѣченіе. Довольный вопросомъ, Дарій послалъ врача къ своимъ женамъ. Провожая его, свнухи говорили царскимъ женамъ, что это онъ спасъ царю жизнь. Тогда каждая изъ нихъ чашкою зачерпнула золота изъ своего ящика и подарила его Демокедесу; подарокъ былъ такъ щедръ, что слѣдовавшій за врачомъ слуга его по имени Скптопъ, подбиравшій золотыя статеры, которые падали изъ чашъ, собралъ себѣ такимъ образомъ большую грудю золота.

131. Демокедесъ прибылъ изъ Кротона къ Поликрату и вошелъ съ нимъ въ дружбу такимъ образомъ: въ Кротонѣ онъ жилъ въ ссорѣ съ отцомъ, человѣкомъ крутаго нрава, пока наконецъ не въ моготу стало выносить его; тогда Демокедесъ покинулъ отца и удалился на Эгину. Въ первомъ же году своего пребыванія на островѣ онъ превзошелъ всѣхъ прочихъ врачей, хотя не имѣлъ при себѣ никакихъ прибороуъ и инструментовъ,

необходимыхъ для врачеванія. Въ слѣдующемъ году египтяне наняли его для своего государства за одинъ талантъ серебра, на третій годъ аеиняне платили ему сто минъ, а на четвертый Поликратъ заплатилъ два таланта. Такъ онъ прибылъ на Самъ, и кротонскіе врачи наиболѣе обязаны ему своей славой. Дѣйствительно, случилось это какъ разъ въ то время, когда кротонскіе врачи слыли въ Елладѣ первыми, а кипрскіе вторыми. Въ то же самое время аргивяне пользовались славою первыхъ знатоковъ музыки въ Елладѣ.

132. По излѣченіи Дарія Демокедесъ приобрѣлъ въ Сусахъ огромнѣйшій домъ, трапезоваль за царскимъ столомъ, и ему дозволено было все, кромѣ одного—возвращенія въ Елладу. Такъ, онъ испросилъ у царя пощаду египетскимъ врачамъ, прежде лѣчившимъ царя и приговореннымъ къ распятію за то, что оказались хуже еллинскаго врача; онъ спасъ также прорицателя изъ Елиды, который находился было въ свитѣ Поликрата и былъ совсѣмъ забытъ среди рабовъ. Вообще Демокедесъ былъ въ большой силѣ у царя.

133. Немного времени спустя послѣ этого случилось слѣдующее: у Атоссы, дочери Кира и сужруги Дарія, образовался на соскѣ злокачественный нарывъ, который со временемъ распространился дальше. Пока нарывъ былъ незначителенъ, царица скрывала его и изъ стыда никому не показывала; но когда болѣзнь сдѣлалась опасной, царица позвала Демокедеса и показала ему нарывъ. Онъ обѣщалъ вылѣчить ее, но при этомъ взялъ съ нея клятву, что съ своей стороны она сдѣлаетъ для него то, о чемъ онъ попроситъ ее, прибавивши, что ничего непристойнаго онъ попроситъ у нея не будетъ.

134. Принявши послѣ этого за лѣченіе, Демокедесъ вылѣчилъ Атоссу. Тогда она по наущенію врача обратилась къ Дарію на спальномъ ложѣ съ такою

рѣчью: „могущество твое, царь, такъ велико, а ты видишь безъ дѣла, не приобретаешь для персовъ ни новыхъ народовъ, ни царствъ. Человѣку молодому, владыкѣ столь богатому, подобаетъ прославить себя подвигами, чтобы и персы сознавали, что надъ ними царствуетъ достойный мужъ. Такое поведеніе выгодно для тебя въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, персы будутъ чувствовать, что во главѣ ихъ стоитъ достойный мужъ; во-вторыхъ, занятые войною, они не будутъ имѣть досуга для злоумышленій противъ тебя. Теперь, пока молодъ, ты можешь совершить громкое дѣло. По мѣрѣ того, какъ вырастаетъ тѣло, приращаются и духовныя силы, а со старостью и онѣ дрихлѣютъ и становятся немоющими на какое бы то ни было дѣло“. Такъ говорила царица по внушенію другаго лица, а царь въ отвѣтъ сказалъ ей: „все то, что ты сказала, жена моя, я и самъ намѣренъ сдѣлать, именно: я задумалъ перекинуть мостъ съ одного материка на другой и предпринять походъ на скиноовъ; это должно скоро совершиться“. Атосса замѣтила: „оставь, не ходи прежде всего на скиноовъ, потому что они будутъ твоими всегда, лишь только ты пожелаешь этого. Ради меня соверши походъ въ Елладу; я очень желала бы имѣть своими служанками лаконынокъ, аргивянокъ, аонянокъ и коринтянокъ. Къ тому же у тебя есть человѣкъ, болѣе всякаго другаго способный все указать въ Елладѣ и всюду проводить; это—врачъ, излѣчившій тебѣ ногу“. Дарій отвѣчалъ: „такъ какъ, жена моя, ты желаешь, чтобы первый опытъ былъ сдѣланъ нами надъ Елладою, то я полагаю, что лучше предварительно послать къ еллинамъ нѣсколькихъ согладатаевъ изъ персовъ вмѣстѣ съ тѣмъ человѣкомъ, о которомъ ты говоришь; они узнаютъ все въ подробности, осмотрятъ и сообщатъ намъ. Тогда, запасшись точными свѣдѣніями, я ударю на еллиновъ“.

135. Такъ онъ сказалъ и точно такъ же поступилъ на дѣлѣ. На другой день рано онъ послалъ пятнадцать человѣкъ знатныхъ персовъ и велѣлъ имъ съ Демокедесомъ во главѣ обойти прибрежныя страны Еллады, но съ тѣмъ, чтобы Демокедесъ не бѣжалъ отъ нихъ и непременно былъ бы доставленъ обратно. Отдавши такое приказаніе, царь повелъ самого Демокедеса и просилъ его проводить персовъ по всей Елладѣ, показывать имъ всю ее и вернуться назадъ. При этомъ онъ совѣтовалъ ему повести отцу и братьямъ въ подарокъ всю свою движимость, обѣщая возвратить ему это сторицею. Сверхъ того, Дарій обѣщалъ въ дополненіе къ подаркамъ снарядить ластовое судно, наполненное всяческимъ добромъ, которое должно было плыть за ними. Мнѣ кажется, Дарій обѣщалъ это все Демокедесу безъ всякаго коварнаго умысла. Однако Демокедесъ боялся, что Дарій только хочетъ испытать его; поэтому онъ не набросился съ жадностью на подарки и возразилъ, что имущество свое оставляетъ въ Персіи для того, чтобы по возвращеніи владѣть имъ снова, а принимаетъ только то ластовое судно, которое обѣщала Дарій въ подарокъ его братьямъ. Такого рода порученіе возложилъ Дарій на врача и затѣмъ всѣхъ ихъ отправилъ въ путь къ морю.

136. Они прибыли въ Финикію, именно, въ финикійскій городъ Сидонъ, гдѣ немедленно снарядили двѣ трйремы; вмѣстѣ съ ними большое ластовое судно нагрузили всякимъ добромъ. По изготовленіи всего этого они отплыли въ Елладу, держались береговыхъ странъ ея, все осматривали и записывали и, когда осмотрѣна была большая часть замѣчательныхъ мѣстностей, прибыли въ городъ Итали Тарентъ. Здѣсь тарентскій правитель Аристофилидъ изъ расположенія къ Демокедесу велѣлъ отнять рули отъ мидійскихъ судовъ, а самихъ персовъ какъ согладатаевъ заключить въ тюрьму.

Тѣмъ временемъ Демокедесъ прибылъ въ Кротонъ. Только тогда, когда Демокедесъ былъ въ родномъ городѣ, Аристофилидъ освободилъ персовъ и возвратилъ имъ отнятыя отъ кораблей рули.

137. Персы поплыли отсюда въ погоню за Демокедесомъ и прибыли въ Кротонъ; здѣсь они отыскали его на рынкѣ и собирались схватить. Одни изъ кротонцевъ въ страхъ передъ могуществомъ персовъ готовы уже были выдать Демокедеса, но другіе противились этому, кинулись на персовъ съ палками, причѣмъ персы обратились къ нимъ съ такою рѣчью: „одумайтесь, кротонцы, что вы дѣлаете: вы отнимаете у насъ блага царскаго раба. Можетъ-ли царь Дарій оставить такую наглость безнаказанною? Неужели поведеніе ваше кончится для васъ добромъ, если вы отнимаете его у насъ? На вашъ городъ мы пойдемъ войною прежде, нежели на какой-нибудь другой; прежде всего вашъ, а не какой-нибудь иной городъ мы попытаемся поработить“. Однако рѣчь эта не произвела никакого дѣйствія на кротонцевъ. Потерявши Демокедеса и бывшее съ ними ластовое судно, персы поплыли обратно въ Азію, безъ провожатаго не пытаясь уже проникнуть дальше въ Елладу для развѣдокъ. Одно только порученіе далъ Демокедесъ возвращающимся персамъ, именно: доложить Дарію, что онъ женится на дочери Милона, имя борца Милона пользовалось у царя большой славой. Мнѣ кажется, Демокедесъ ускорилъ свою свадьбу съ большими издержками съ цѣлю показать Дарію, что и въ родномъ городѣ онъ имѣетъ значеніе.

138. По отплытіи изъ Кротона персы на корабляхъ своихъ были отброшены къ Ицигги и тамъ обращены въ рабство. Спасъ ихъ и доставилъ къ царю Дарію тарентскій изгнанникъ Гиллъ. Когда царь выразилъ готовность дать ему за это все, чего бы онъ ни поже-

лалъ, Гиллъ выбралъ для себя возвращеніе въ Тарентъ, предварительно рассказавши ему о своемъ несчастіи. Однако чтобы не смутить эллиновъ, если изъ за него отправится въ Италию большой флотъ, Гиллъ объявилъ царю, что для возвращенія въ Тарентъ достаточно съ него однихъ киндянъ; въ виду дружбы киндянъ съ тарентинцами Гиллъ рассчитывалъ при ихъ посредствѣ вѣрнѣе всего вернуться на родину. Дарій обѣщалъ ему сдѣлать такъ—и сдѣлалъ: онъ послалъ вѣстника на Киндъ съ приказаніемъ отвести Гилла въ Тарентъ. Киндяне исполнили приказаніе Дарія, но имъ не удалось уговорить тарентинцевъ, а принудить ихъ къ тому силою они не могли. Такъ произошло все это. То были первые персы, прибывшіе изъ Азіи въ Елладу и посланные для осмотра ея по той именно причинѣ, какъ здѣсь рассказано.

139. Послѣ этого Дарій завоевалъ Самъ, первое изъ всѣхъ эллинскихъ и варварскихъ государствъ. Случилось это при такихъ условіяхъ: во время похода Кипрова сына Камбиса на Египетъ явилось туда множество эллиновъ: одни, должно быть, по торговымъ дѣламъ, другіе въ качествѣ участниковъ похода, третьи только изъ желанія поглядѣть на эту страну. Въ числѣ ихъ былъ и Силосонтъ, сынъ Эакеса, братъ Поликрата, изгнанный изъ Сама. Съ этимъ Силосонтомъ былъ слѣдующій счастливый случай: однажды, накинувши на себя ярко красный плащъ, ходилъ онъ по рынку въ Мемфисѣ; его увидѣлъ Дарій, тогда коленосецъ Камбисы, человѣкъ еще совсѣмъ незначительный, пожелалъ имѣть этотъ плащъ и, подошедши къ Силосонту, сталъ торговать его. Силосонтъ видѣлъ, что Дарій страстно желаетъ имѣть плащъ и по внушенію свыше сказалъ къ нему: „я не продамъ плаща ни за какія деньги, но подарю его тебѣ, если ужъ такъ этому быть“. Дарій на это согласился и взялъ отъ него плащъ,

140. Силосонтъ однако жалѣлъ, что лишился плаща по простотѣ своей. Но съ теченіемъ времени, когда Камбиса умеръ, когда вслѣдствіе восстанія семи персовъ противъ мага одинъ изъ семи, Дарій, получилъ царскую власть, Силосонтъ узналъ, что царская власть перешла къ тому самому человѣку, которому нѣкогда онъ подарилъ въ Египтѣ плащъ. Онъ явился въ Сузы, сѣлъ передъ дверью царскаго дворца и называлъ себя благодѣтелемъ цари. Привратникъ доложилъ объ этомъ Дарію; тотъ съ удивленіемъ замѣтилъ: „кто же изъ еллиновъ мой благодѣтель? Кому изъ нихъ я обязанъ благодарностью, я, лишь недавно вступившій на царство? Вѣдь никто изъ еллиновъ еще не былъ у насъ, и, я могу сказать, не воспользовался никакой услугою со стороны еллина. Во всякомъ случаѣ введите его сюда, послушаю, что онъ скажетъ“. Привратникъ ввелъ Силосонта; когда онъ сталъ передъ царемъ, переводчики спрашивали его, кто онъ, что онъ такое сдѣлалъ, чего ради называетъ себя царскимъ благодѣтелемъ. Тогда Силосонтъ разсказалъ всю исторію съ плащомъ, прибавивши, что плащъ подаренъ имъ. Дарій на это замѣтилъ: „это ты, благороднѣйшій человѣкъ, сдѣлалъ мнѣ подарокъ въ то время, когда я не имѣлъ еще никакой власти. Подарокъ, правда, былъ незначителенъ, но моя благодарность за него должна быть такова, какъ еслибы я получилъ теперь какой-нибудь цѣнный подарокъ. Въ замѣнъ я дарю тебѣ огромное количество золота и серебра, такъ что ты никогда не будешь каяться въ томъ, что сдѣлалъ одолженіе Дарію, сыну Гистаспеса“. Но Силосонтъ возразилъ: „нѣтъ, царь, не дарю мнѣ ни золота, ни серебра, но отними и подари мнѣ родину мою, Самъ, которымъ владѣетъ рабъ нашъ послѣ того, какъ Оройта лишился жизни брата моего Поликрата. Подари мнѣ этотъ островъ, но безъ кровопролитія и порабощенія“.

141. Въ отвѣтъ на это Дарій отправилъ войско подъ предводительствомъ Отаны, одного изъ извѣстныхъ уже намъ семи персовъ, приказавши ему сдѣлать все во исполненіе просьбы Силосонта. По прибытіи къ морю Отана выступилъ съ войскомъ въ походъ.

142. Островъ Самъ находился въ то время во власти Меандрія, меандріева сына, которому Поликратъ ввѣрилъ управление островомъ. Меандрій желалъ быть справедливѣйшимъ человѣкомъ, но желаніе его не сбылось. По полученіи извѣстія о смерти Поликрата онъ поступилъ такъ: прежде всего соорудилъ алтарь въ честь Зевса освободителя и отдѣлилъ вокругъ него вѣтную землю, которую и теперь еще можно видѣть въ городскомъ предмѣстьѣ. Покопавши съ этимъ, онъ созвалъ всѣхъ полноправныхъ гражданъ на собраніе и произнесъ къ нимъ слѣдующую рѣчь: „скипетръ и вся власть Поликрата, какъ вы знаете, вѣрены мнѣ, и хотя отъ меня лишь зависитъ теперь властвовать надъ вами, но я по возможности не стану дѣлать самъ того, что порицаю въ ближнемъ. Я не одобрялъ господства Поликрата надъ равными съ нимъ людьми, не одобрилъ бы того же и ни въ комъ другомъ. Судьба Поликрата исполнилась, а я предоставляю власть народу и возвѣщаю вамъ самоуправленіе. Для себя я желаю лишь слѣдующихъ отличій: получить шесть талантовъ изъ имущества Поликрата, а кромѣ того званіе жреца Зевса-освободителя для себя и для всего моего потомства: Зевсу этому я самъ соорудилъ святилище и возвратилъ вамъ свободу“. Съ такимъ заявленіемъ обратился онъ къ саміянамъ. Одинъ изъ гражданъ въ отвѣтъ на это всталъ и сказалъ слѣдующее: „по вѣдь ты и не достоинъ управлять нами, потому что ты человѣкъ нивкаго происхожденія и вредный. Постарайся поскорѣе отдать намъ отчетъ въ томъ имуществѣ, которое попало въ твои руки“.

143. Такъ говорилъ уважаемый гражданинъ по имени Телесархъ. Между тѣмъ Меандрій сообразилъ, что, если онъ выпуститъ власть изъ своихъ рукъ, то кто-нибудь другой сдѣлается тираномъ, а потому рѣшилъ не выпускать власти, возвратился въ акрополь и позвалъ къ себѣ гражданъ одного за другимъ какъ бы для представленія имъ отчета въ деньгахъ; при этомъ ввѣлъ ихъ подъ стражу и заключилъ въ оковы. Пока они содержались въ тюрьмѣ, Меандрій заболѣлъ. Въ ожиданіи смерти братъ его Ликареть, съ цѣлю облегчить себѣ достиженіе власти на Самѣ, велѣлъ казнить всѣхъ заключенныхъ. Саміянамъ очевидно не хотѣлось свободы.

144. Когда персы съ Силосонтомъ высадились на Самѣ, никто изъ жителей не оказывалъ имъ сопротивленія; напротивъ, единомышленники Меандрія и самъ онъ изъявляли готовность по заключеніи договора покинуть островъ. Отана согласился на это и заключилъ договоръ; знатнѣйшіе персы велѣли поставить для себя кресла и усѣлись подлѣ акрополя.

145. У тирана Меандрія былъ сумасбродный братъ по имени Харилай. За какой-то проступокъ онъ содержался въ подземной темницѣ. Услыхавши, что дѣлается на дворѣ, онъ выглянулъ въ окошко и увидѣлъ спокойно сидящихъ персовъ; тогда онъ сталъ кричать, что желаетъ бесѣдовать съ Меандріемъ. При извѣстїи объ этомъ, Меандрій велѣлъ выпустить брата на свободу и привести къ нему. Какъ только привели его, онъ глумленіемъ и бранью старался побудить его къ нападенію на персовъ. Говорилъ онъ при этомъ слѣдующее: „меня, роднаго брата, подлѣйшій человѣкъ, ты заключилъ въ подземелье, хотя я не совершилъ ничего заслуживающаго тюремнаго заключенія; въ то же время ты дозволяешь персамъ гнать тебя изъ отечества и роднаго дома, не дервая наказывать ихъ, хотя такъ легко сокрушить

персовъ. Впрочемъ если ты робѣешь передъ ними, дай мнѣ твоихъ наемниковъ, и я накажу персовъ за повлеченіе среди насъ, а тебя самого я постараюсь удалить съ острова“. Такова была рѣчь Харилая.

146. Меандрій принялъ предложеніе брата не потому однако, какъ мнѣ кажется, чтобы онъ дошелъ до такого безумія и вѣрилъ бы въ побѣду своихъ солдатъ надъ войнами персидскаго цари, но скорѣе изъ зависти къ Силосонту, которому должно было достаться государство нетронутое непріателемъ, притомъ безъ всякаго труда. Поэтому онъ рѣшилъ раздразнить персовъ для того, чтобы они привели самійское государство въ крайнее разстройство, и сдать его въ такомъ видѣ; онъ хорошо зналъ, что, если только персамъ нанесена будетъ обида, они жестоко выместятъ ее на саміянахъ, а для себя онъ имѣлъ обезпеченный выходъ съ острова во всякое время, когда бы ни пожелалъ, потому что отъ акрополя былъ устроенъ имъ потайной ходъ по направленію къ морю. Итакъ, самъ Меандрій отплылъ изъ Сама, а Харилай вооружилъ всѣхъ наемниковъ, моментально открылъ ворота и ударилъ на персовъ; тѣ не ждали ничего подобнаго въ томъ предположеніи, что все уже улажено. Наемники кинулись на начальниковъ персидскихъ и на знатнѣйшихъ персовъ, и убивали ихъ. Такъ дѣйствовали наемники, а остальное персидское войско постигнуло на помощь. Наемники отгнаны были назадъ и укрылись въ акрополь.

147. Предводитель Отана при видѣ большого урона, понесеннаго персами, забылъ полученное отъ Дарїя приказаніе никого изъ саміяна не убивать и не обращать въ рабство, но дѣлалъ и непердимымъ возвратитъ островъ Силосонту; забывши это приказаніе, онъ отдалъ распоряженіе своимъ войнамъ убивать безразлично всѣхъ, мужчинъ и дѣтей, кто бы ни попался имъ въ руки. Послѣ этого часть персидскаго войска

начала осаду акрополя, а другіе убивали всѣхъ, попадавшихся подъ руку, было-ли то въ святилищѣ, или внѣ его.

148. Между тѣмъ Меандрій бѣжалъ изъ Сама и отплылъ въ Лакедемонъ. По прибытіи туда, онъ переезъ въ городъ свои сокровища и поступилъ слѣдующимъ образомъ: онъ часто выставлялъ свои серебряныя и золотыя чаши, а слуги каждый разъ чистили ихъ; тѣмъ временемъ онъ велъ бесѣду съ тогдашнимъ спартанскимъ царемъ Клеоменомъ, сыномъ Анаксандрида, и, продолжая бесѣдовать, провожалъ его домой. Всякій разъ при видѣ этихъ чашъ Клеомень выражалъ изумленіе и восторгъ; въ отвѣтъ на это Меандрій предлагалъ ему взять для себя тѣ чаши, какія онъ желаетъ. Меандрій говорилъ ему это два-три раза, но Клеомень, честивѣйшій человѣкъ, считалъ nepозволительнымъ принять подарки, а когда онъ сообравилъ, что Меандрій подарками можетъ снискать себѣ помощь противъ персовъ и другихъ гражданъ, отправился къ ефорамъ и объяснилъ имъ, что для Спарты выгидѣе удалить изъ Пелопоннеса чужестранца изъ Сама, чтобы онъ не склонилъ ни его самого, ни кого-либо другаго изъ спартанцевъ къ чему-нибудь дурному. Ефоры послушали его и черезъ глашатая велѣли Меандрію покинуть Спарту.

149. Между тѣмъ персы совершенно обезлюдили Самъ и въ такомъ состояніи передали его Сялосонту. Впрочемъ съ теченіемъ времени полководецъ Отана помогъ заселить островъ подъ вліяніемъ сповидѣнія и болѣзни ~~чужестранца~~.

150. Во время морскаго похода на Самъ возстали вавилоняне, превосходно къ тому подготовившись. Дѣйствительно, они готовились къ осадѣ все время царствованія мага, возстанія сама, среди царившей во все это время смуты; приготовленія совершались конеч-

но въ тайнѣ. Когда возстаніе сдѣлалось явнымъ, вавилоняне поступили такъ: кромѣ матерей, каждый изъ нихъ выбралъ изъ женщинъ своего дома по одной женѣ, какая наибольше ему нравилась; всѣхъ остальныхъ женщинъ вывели въ одно мѣсто и удавили. Одна женщина была оставлена для себя каждымъ изъ вавилонянъ для приготовленія пищи, остальныя удушены для того, чтобы не расходовать на нихъ съѣстныхъ припасовъ.

151. При извѣстіи объ этомъ Дарій собралъ все свое войско, выступилъ противъ возставшихъ въ походъ и, подошедши къ Вавилону, осадилъ городъ. Вавилоняне однако осада ничуть не потревожила; они взбирались на зубцы городскихъ стѣнъ и оттуда тѣлодвиженіями и словами надѣвлялись надъ Даріемъ и его войскомъ, а кто-то изъ вавилонянъ сказалъ: „зачѣмъ вы, персы, правдо сидите здѣсь и не уходите? Вѣдь вы овладѣете нами лишь тогда, когда мужъ родитъ жеребенка“. Вавилонянинъ сказалъ такъ въ полной увѣренности, что мужъ никогда не родитъ жеребенка.

152. По прошествіи года и семи мѣсяцевъ Дарій и все войско его огорчены были тѣмъ, что не могли одолѣть вавилонянъ, хотя противъ нихъ употреблены были всѣ средства и хитрости. Въ числѣ уловокъ была и та, съ помощью которой Киръ взялъ Вавилонъ, но граждане были неуспѣшно насторожѣ, и эта попытка не удалась.

153. Но вотъ на двадцатомъ мѣсяцѣ осады случилось чудо у Зопира, сына Мегабиза, одного изъ семи персовъ, свергнувшихъ мага, именно: одна изъ мулицъ его, возившихъ съѣстные припасы, родила жеребенка. Когда ему сказали объ этомъ, Зофиръ не повѣрилъ; потомъ, увидѣвши самъ муленка, запретилъ рабамъ разсказывать о случившемся кому бы то ни было и сталъ соображать; по поводу этого ему пришло на память

замѣчаніе вавилонянина еще въ началѣ осады, что акрополь будетъ взятъ лишь тогда, когда стануть рожать мулицы; сопоставляя рожденіе муленка съ этимъ замѣчаніемъ, Зоппръ рѣшилъ, что Вавилонъ можетъ быть теперь взятъ, потому что, думалъ онъ, вавилонянинъ сказалъ, а его мулица родила съ соизволенія божества.

154. Такъ какъ Зоппру казалось, что Вавилону суждено наконецъ быть взяту, онъ явился къ Дарію и спрашивалъ, очень ли важно для него взять Вавилонъ. Узнавши, насколько важно было взятіе Вавилона, онъ сталъ затѣмъ обдумывать, какъ бы ему взять городъ; притомъ такъ, чтобы совершить этотъ подвигъ самому; у персовъ подобныя заслуги награждаются высокими почестями. Онъ пришелъ къ заключенію, что выполнить предпріятіе можетъ при единственномъ условіи, если изуродуетъ себя и перебѣжитъ къ неприятелю. Не считая изуродованіи важнымъ для себя, онъ учинилъ надъ собою неизлѣчимое увѣчье: отрѣзалъ себѣ носъ, уши, безобразно остригъ въ кружокъ волосы, исполосовалъ себя бичомъ и въ такомъ видѣ явился къ Дарію.

155. Дарію было очень тяжело видѣть изувѣченнымъ знатнѣйшаго изъ персовъ; онъ съ крикомъ вскопчал съ трона и спросилъ, кто изувѣчилъ его и за что. „Никто другой“, отвѣчалъ тотъ, „кромѣ тебя, не въ силахъ сдѣлать со мною что-либо подобное. Никто другой, царь, я самъ такъ поступилъ съ собою съ горя, что ассиріане глумятся надъ персами“. „Жалкій человѣкъ“, возразилъ Дарій, „прекраснѣйшее имя ты пятнаешь поворнѣйшимъ поступкомъ, говоря, что причинилъ себѣ неизлѣчимое увѣчье изъ за осаждаемыхъ. Неужели же, глупецъ, ты воображаешь, что неприятель скорѣе сдастся отъ того, что ты изуродовалъ себя? Ты потерялъ рассудокъ и только потому учинилъ надъ собою такое увѣчье“. „Еслибы я открылъ тебѣ мои планы,

то ты помѣшалъ бы мнѣ выполнить ихъ. Вотъ почему я поступилъ здѣсь лишь по собственному рѣшенію. Если остановки за тобою не будетъ, мы возьмемъ Вавилонъ. Я въ такомъ видѣ перебѣгу въ акрополь и увѣрю неприятеля, что это ты учинилъ надо мною. Убѣдивши ихъ въ томъ, я рассчитываю получить командованіе войскомъ. Ты съ своей стороны на десятый день послѣ того, какъ я войду въ акрополь, отдѣли изъ того войска, потеря котораго для тебя совершенно безразлична, тысячу человѣкъ и поставь ихъ у такъ называемыхъ воротъ Семпраниды; потомъ на седьмой день послѣ этого поставь опять двѣ тысячи человѣкъ у воротъ, называемыхъ Ниповыми; спусти еще двадцать дней помѣсти четыре тысячи воиновъ у такъ называемыхъ Халдейскихъ воротъ. Какъ прежніе, такъ и эти послѣдніе воины не должны имѣть для обороны никакого другаго оружія, кромѣ кинжаловъ; только кинжалы и можно оставить при нихъ. На двадцатый день послѣ этого, не позже, прикажи остальному твоему войску брать приступомъ городскія укрѣпленія со всѣхъ сторонъ, а для меня поставь персовъ у такъ называемыхъ Белійскихъ и Кисійскихъ воротъ. Я полагаю, что по совершеніи мною славныхъ подвиговъ вавилоняне довѣрятъ мнѣ все, не исключая и запоровъ отъ воротъ. Дальнѣйшій образъ дѣйствій будетъ зависѣть уже отъ меня вмѣстѣ съ персами“.

156. Сдѣлавши такія распоряженія, Зоппръ направился къ городскимъ воротамъ и при этомъ, какъ стоящій перебѣжчикъ, озирался по сторонамъ. Когда стоявшіе въ этомъ мѣстѣ стражи замѣтили его съ башенъ, они сбѣжали внизъ, пріотворили немного одну половину воротъ и спросили, кто онъ и зачѣмъ пришелъ. Зоппръ назвалъ себя по имени и прибавилъ, что онъ перебѣжалъ къ нимъ. При этихъ словахъ привратники повели его на собраніе вавилонянъ. Въ народномъ со-

браніи онъ сталъ жаловаться на Даріа, будто отъ него претерпѣлъ онъ то, что на самомъ дѣлѣ учинилъ надъ собою самъ, и претерпѣлъ все это будто бы за то, что совѣтовалъ Дарію отойти вмѣстѣ съ войскомъ отъ города, когда взятіе Вавилона оказалось невозможнымъ. „И вотъ теперъ, вавилоняне“, заключилъ онъ, „я пришелъ сюда къ величайшей пользѣ для васъ и къ величайшему ущербу для Даріа и его войска. Изувѣченіе мое не останется неотмщеннымъ; я знаю всѣ его планы отъ перваго до послѣдняго“. Такъ онъ говорилъ.

157. При видѣ знатнѣйшаго изъ персовъ безъ носа, безъ ушей, съ кровавыми слѣдами отъ ударовъ бича, вавилоняне были вполне убѣждены, что Зоппръ говорить правду, что онъ явился помочь имъ, и готовы были довѣрить ему войско, о чемъ тотъ просилъ ихъ. По полученіи отъ нихъ войска, онъ поступилъ именно такъ, какъ условился прежде съ Даріемъ: на десятый день онъ вывелъ вавилонское войско изъ города, кольцомъ окружилъ ту тысячу персовъ, которыхъ совѣтовалъ Дарію выставить раньше всѣхъ другихъ воиновъ, и перебилъ ихъ. При извѣстіи объ этомъ вавилоняне увидѣли, что дѣла Зоппра отвѣчаютъ рѣчамъ его, и въ чрезвычайной радости готовы были исполнить всякое требованіе его. Выждавши послѣ этого условленное число дней, онъ снова вывелъ съ собою отборныхъ вавилонянъ и перебилъ двѣ тысячи даріевыхъ солдатъ. За этотъ новый подвигъ всѣ вавилоняне прославляли Зоппра, а онъ снова спусти условленное количество дней вывелъ войско въ заранѣе назначенное мѣсто, окружилъ и истребилъ четыре тысячи персидскихъ воиновъ. Послѣ этого онъ сталъ всемогущъ у вавилонянъ; они сдѣлали его главнокомандующимъ всего войска и хранителемъ акрополя.

158. Но все свое лукавство Зоппръ проявилъ въ то время, когда согласно предварительному условію Дарій

началъ приступъ кругомъ городскихъ укрѣпленій. Вавилоняне вошли на укрѣпленія и отражали наступающее даріево войско, а Зоппръ тѣмъ временемъ отворилъ такъ называемыя Киссійскія и Белійскія ворота и черезъ нихъ впустилъ въ акрополь персовъ. Одни изъ вавилонянъ при видѣ случившагося спасались бѣгствомъ въ храмъ Зевса Бела; другіе ничего не знали объ этомъ, и каждый изъ нихъ оставался на своемъ посту; наконецъ и эти послѣдніе поняли, что они преданы. Такимъ-то образомъ Вавилонъ взятъ былъ вторично ¹⁾.

159. Овладевши Вавилономъ, Дарій прежде всего велѣлъ скрыть его укрѣпленія и снести всѣ ворота,—по взятіи города въ первый разъ Киръ не сдѣлалъ съ Вавилономъ ничего подобнаго; потомъ велѣлъ распять тысячи три знатнѣйшихъ гражданъ, остальнымъ вавилонянамъ предоставилъ остаться въ городѣ на жительство, а чтобы у вавилонянъ были жены, и чтобы произошло отъ нихъ потомство, Дарій съ предумышленною жестокостію принялъ такіа мѣры: собственныхъ женъ, какъ сказано выше ²⁾, вавилоняне въ виду сбереженія състныхъ припасовъ удавили, а потому царь приказалъ содѣланнымъ народамъ доставить женщинъ въ Вавилонъ, причемъ каждому народу назначено было опредѣленное количество, а общая цифра явившихся въ городъ женщинъ доходила до пятидесяти тысячъ. Отъ этихъ-то женщинъ и произошли нынѣшніе вавилоняне.

160. Дарій рѣшилъ, что никто изъ персовъ, ни позже, ни раньше того жившихъ, не превзошелъ Зоппра въ заслугахъ, за исключеніемъ одного лишь Кира; съ этимъ послѣднимъ ни одинъ еще персъ не дерзавъ равнять себя. Однако Дарій, говорятъ, много разъ высказывался, что предпочелъ бы имѣть Зоппра не обез-

¹⁾ Срвн. I, 191.

²⁾ III, 150.

ображеннымъ такъ ужасно, нежели владѣть и другими еще двадцатью Вавилонами. Онъ щедро награждалъ Зоппира: ежегодно дѣлалъ ему такіе подарки, какіе у персовъ считаются наиболѣе почетными, предоставилъ ему Вавилонъ въ пожизненное свободное отъ дани управление, подарилъ ему и много другаго. У этого Зоппира былъ сынъ Мегабизъ, тотъ самый, который въ Египтѣ воевалъ съ аеинянами и союзниками ихъ. У этого Мегабиза былъ сынъ Зоппиръ, который явился въ Аеини перебѣзчикомъ изъ Персін.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

МЕЛЬПОМЕНА

Скныи и Скноид; происхождение скиноевъ (1—16). Народы Скныи и сосѣдніе съ ними (17—36). Очеркъ Азіи и Европы (37—45). Продолженіе о Скныи и скиноахъ (46—82). Походъ Дарія въ Скныю (83—102). Обычаи тавровъ, агаирсовъ, невровъ, андрофаговъ, меланхленовъ, будиновъ, савроматовъ (103—117). Персидско-скныская война (118—144). Заселеніе острова Феры (245—149). Основаніе Кирены и другихъ колоній въ Ливіи (150—165). Походъ персовъ въ Ливію (166—167). Народы Ливіи (168—199). Осада и ваягіе Барки персами съ Фертимною во главѣ (200—205).

1. По взятіи Вавилона Дарій предпринималъ еще походъ на скиноевъ. Такъ какъ Азія изобиловала населеніемъ и въ нее стекалось множество денегъ, то Дарій возмѣтилъ сильное желаніе наказать скиноевъ за то, что нѣкогда они вторглись въ Мидію, въ сраженіи разбили мидянъ и тѣмъ самымъ первые учинили обиду. Дѣйствительно, въ средней Азіи скиномъ господствовали, какъ сказано мною и раньше ¹⁾, двадцать восемь лѣтъ. Въ погонѣ за киммеріянами они вторглись въ Азію и сокрушили владычество мидянъ; эти послѣдніе господствовали надъ всею Азіею до появленія скиноевъ. Однако, когда послѣ двадцативосьмилѣтняго отсутствія скиномъ возвращались въ свою землю, они выдержали борьбу

¹⁾ I, 103. 105.

не менѣ трудную, какъ и борьба съ мидянами; они встрѣтились съ немалочисленнымъ вражескимъ войскомъ, потому что скиѣскія женщины вслѣдствіе долговременнаго отсутствія мужей вступили въ связь съ рабами.

3. Всѣхъ своихъ рабовъ скиѣмъ ослабляютъ изъ за молока, употребляемаго ими въ питье. Выдаиваніе молока производятъ они слѣдующимъ образомъ: берутъ костьюны трубки, очень похожія на флейты, вкладываютъ въ половые члены кобылицъ и ртомъ дуютъ въ нихъ, тѣмъ временемъ другіе доятъ кобылицъ. Дѣлаютъ они это, по ихъ словамъ, потому, что отъ вдыванія воздуха жилы кобылицъ разбухаютъ, и вымя опускается. Выдоенное молоко сливаютъ скиѣмъ въ деревянные глубокіе сосуды, вокругъ ихъ развѣщаютъ въ порядкѣ слѣпцовъ и велитъ имъ всбалтывать молоко; при этомъ части молока, поднимающіяся на поверхность, снимаются и считаются болѣе цѣнными, а остающіяся внизу цѣнятся меньше. Вотъ изъ за чего скиѣмъ ослабляютъ каждого, кого бы ни захватили въ плѣнъ. Не земледѣльцы вѣдь они, но кочевники.

3. Отъ этихъ-то рабовъ и женъ скиѣовъ произошла молодежь, которая, узнавши о своемъ происхожденіи, рѣшила воспрепятствовать возвращенію скиѣовъ изъ Мидіи. Прежде всего они отрѣзали свою землю широкимъ ровомъ, который выкопали на всемъ протяженіи отъ Таврическихъ горъ до наиболѣе широкой части Меотидскаго озера. Когда послѣ этого скиѣмъ пытались вторгнуться сюда, молодые рабы выступали противъ нихъ и отражали ихъ. Сраженія происходили часто, но скиѣмъ никакъ не могли одолѣть врага; тогда одинъ изъ нихъ сказалъ слѣдующее: „да что мы дѣлаемъ, скиѣмъ? Сражаясь съ нашими рабами, мы, во-первыхъ, губимъ себя, становимся малочисленнѣе сами, во-вторыхъ, убиваемъ рабовъ и тѣмъ сокращаемъ число

слугъ нашихъ на будущее время. Поэтому я предлагаю бросить копья и луки; пускай каждый изъ насъ возьметъ въ руки кнутъ, и пойдемъ на нихъ. Пока рабы видятъ насъ съ оружіемъ въ рукахъ, они считаютъ себя равными намъ и людьми равнаго съ нами происхожденія; но лишь только они замѣтятъ въ рукахъ у насъ кнуты вмѣсто оружія, тотчасъ поймутъ, что они рабы наши и въ сознаніи этого не устоятъ противъ насъ“.

4. Скиѣмъ привели этого совѣтъ въ исполненіе, а молодежь, пораженная случившимся, позабыла о сраженіи и обратилась въ бѣгство. Такъ скиѣмъ стали владыками Азіи, а потомъ были вытѣснены мидянами и описаннымъ выше способомъ возвратились въ свою землю. Вотъ за что Дарій вознамѣрился наказать ихъ и съ этою цѣлью собралъ противъ нихъ войско.

5. По словамъ самихъ скиѣовъ, они—юнѣйшій изъ всѣхъ народовъ, и о своемъ происхожденіи разсказываютъ такъ: первымъ человѣкомъ въ этой странѣ, тогда еще пустынной, былъ Таргитай; родителями Таргитая они называютъ, чему я не вѣрю, Зевса и дочь рѣки Борисеенеса. Такое происхожденіе приписывается Таргитаю. У него было три сына: Липоксансъ, Арпоксансъ и самый младшій Колаксансъ. При жизни ихъ упали съ неба на скиѣскую землю золотые предметы: плугъ, ярмо, сѣкира и чаша. Первымъ увидѣлъ эти предметы самый старшій изъ братьевъ; онъ приблизился къ нимъ съ цѣлью взять, но при его приближеніи золото воспламенилось, и онъ отступилъ назадъ. Занемъ подошелъ средній братъ, но съ золотомъ повторилось то же самое. Такимъ образомъ золото горѣніемъ своимъ не допустило къ себѣ двухъ братьевъ; съ приближеніемъ третьяго, наимладшаго брата золото потухло, и онъ отнесъ его къ себѣ въ домъ. Поэтому старшіе братья согласились уступить наимладшему все царство.

6. Отъ Липоксаиса, рассказываютъ дальше, произошли тѣ изъ скиеовъ, которые носятъ названіе рода авхатовъ, отъ средняго, Арпоксаиса, произошли скиеи, именуемые катіарами и трапіями, а отъ наинладшаго, дара, тѣ, что называются паралатами. Общее названіе всѣхъ скиеовъ, по имени цари ихъ, сколоты; скиеами назвали ихъ еллины.

7. Такъ рассказываютъ скии о своемъ происхожденіи, полагая, что отъ начала ихъ существованія или отъ перваго цари Таргитая до похода Дарія прошло круглымъ счетомъ никакъ не больше тысячи лѣтъ. Упомянутое выше священное золото цари оберегаютъ весьма ревниво и ежегодно благоговѣнно чтутъ его обильными жертвоприношеніями. Если человѣкъ оберегающій золото, во время празднества подъ открытымъ небомъ заснетъ, то по словамъ скиеовъ онъ не проживетъ уже года, поэтому получаетъ въ подарокъ столько земли, сколько можетъ объѣхать верхомъ на лошади въ одинъ день. Такъ какъ страна была обширна, то Колаксайсъ раздѣлил ее для сыновей своихъ на три царства, причемъ въ одномъ изъ нихъ, обширнѣйшемъ, и сохраняется золото. Говорятъ также, что въ странахъ лежащихъ выше къ сѣверу отъ верхнихъ обитателей этой страны, нельзя ни смотрѣть вдаль, ни пройти слѣдствіе того, что тамъ разсыпаны перья; и въ самомъ дѣлѣ, перьями наполнены тамъ земля и воздухъ; они-то и мѣшаютъ зрѣнію.

8. Таковъ рассказъ скиеовъ о нихъ самихъ и о странѣ, надъ ними лежащей, а живущія на Понтѣ еллины повѣствуютъ о томъ же такъ: гони передъ собою бжковъ Геріона, Гераклъ прибылъ въ ту самую страну, тогда еще не населенную, которую теперь занимаютъ скиеи. Геріона еллины помѣщаютъ по ту сторону Средиземнаго моря, именно на островѣ Ернееѣ, что подлѣ Гадсйръ, по ту сторону Геракловыхъ Стол-

бовъ на Океанѣ. Хотя они и говорятъ, что Океанъ, начиная съ востока, обтекаетъ кругомъ всю землю, но доказать этого не могутъ. Когда Гераклъ пришелъ оттуда въ страну, именуемую теперь Скиеіей, то, защищаясь отъ непогоды и мороза, закутался въ львиную шкуру и такъ заснулъ; въ это время казимъ-то чудомъ исчезли изъ подъ повозки его лошади.

9. Проснувшись, Гераклъ пустился въ поиски, обошелъ всю страну, пока не прибылъ въ землю, называемую Гилеей. Тамъ въ пещерѣ, рассказываютъ дальше, нашелъ онъ смѣшанной породы существо, на половину дѣвушку—на половину змѣю, такъ что верхняя часть тѣла отъ сидѣнія представляла женщину, а нижняя змѣю. Изумленный видомъ такого существа, Гераклъ спросилъ, не видѣло-ли оно блуждающихъ лошадей. Дѣвушка отвѣчала, что лошади у нея, и что она возвратитъ ихъ не прежде, какъ Гераклъ сообщится съ нею; за такую плату Гераклъ согласился имѣть съ нею сообщеніе. Однако дѣвушка медлила съ возвратомъ лошадей, желая, чтобы Гераклъ былъ съ нею въ связи возможно дольше; онъ же хотѣлъ получить своихъ лошадей и удалиться обратно. Наконецъ она возвратила Гераклу лошадей съ такими словами: „когда лошади твои пришли сюда, я сберегла ихъ, и ты наградишь меня за это: отъ тебя я имѣю трехъ сыновей. Когда они вырастутъ, скажи, что мнѣ дѣлать съ ними: поселить-ли ихъ здѣсь,—страною этой владѣю я одна,—или отослать къ тебѣ“. Съ такимъ вопросомъ обратилась она къ Гераклу, а онъ въ отвѣтъ ей сказалъ: „когда дѣти твои возмужаютъ, поступи лучше всего такъ: посмотри, который изъ нихъ натянеть этотъ лукъ такъ, какъ я его натягиваю, и по моему оцоянется этимъ поясомъ, тому и предоставь твою землю для жительства; напротивъ вѣшли отсюда того изъ нихъ, который не сможетъ выполнить пред-

ложенной задачи. Такимъ способомъ дѣйствій ты и сама будешь довольна, и исполнишь мое желаніе“.

10. При этомъ Гераклъ натянулъ одинъ изъ луковъ, — до тѣхъ поръ онъ носилъ два, — и показалъ способъ описыванія, а засимъ передалъ дѣвухѣ змѣѣ и лукъ, и поясъ, послѣдній съ золотой чашей на концѣ пряжки; послѣ этого онъ ушелъ. Когда родившіеся у нея сыновья возмужали, она прежде всего дала имъ имена, одному Агаирса, другому, слѣдовавшему за нимъ, Гелона, третьему, najmладшему, Скиоа, потомъ, памятию совѣтъ Геракла, поступила согласно его указанію. Двое изъ ея сыновей, Агаирсъ и Гелонъ, оказались неспособными разрѣшить предложенную задачу и потому были изгнаны родительницей изъ этой страны; напротивъ самый младшій, Скионъ, остался здѣсь, потому что задачу выполнилъ. Отъ Скиоа, гераклова сына, произошли всегдашніе цари скивовъ, а въ воспоминаніе геракловой чаши скивомъ до сихъ поръ носятъ чаши на поясахъ. Это только и было устроено матерью для Скиоа. Такъ разсказъ еллиновъ, живущихъ у Понта.

11. Есть впрочемъ еще одинъ разсказъ, которому и наибольше довѣряю. Состоятъ онъ въ слѣдующемъ: скиномъ кочевники жили сначала въ Азіи, потомъ были потѣснены во время войны массагетами и, перешедши рѣку Араксъ, удалились въ киммерійскую землю; дѣйствительно, страна, населенная теперь скивами, принадлежала первоначально киммеріанамъ. При наступленіи скивовъ, въ виду многочисленности войска ихъ, киммеріане совѣщались между собою, какъ имъ быть. Мнѣнія раздѣлились, причемъ обѣ стороны были одинаково настойчивы; однако благоразуміе было предложеніе царей. По мнѣнію народа слѣдовало покинуть страну и изъ за праха не подвергать себя опасности; цари предлагали упорно защищать родину въ борьбѣ

съ врагомъ. Однако народъ не внялъ совѣту царей, а цари не пожелали покориться народу: народъ рѣшилъ покинуть страну безъ борьбы и предоставить ее наступающему неприятелю; напротивъ цари предпочли лечь мертвыми въ родной землѣ и не убѣгать вмѣстѣ съ народомъ, памятию блага, какими они пользовались на родинѣ, а также и тѣ бѣдствія, какія ждуть ихъ на чужбинѣ. Вслѣдствіе такихъ рѣшеній цари раздѣлились на двѣ стороны, равныя по численности, и въ средѣ ихъ завязалась междоусобная брань. Всѣ цари были перебиты другъ другомъ, а народъ киммеріанъ похоронилъ ихъ подлѣ рѣки Тиръ, — могла эта видна и теперь еще, — и послѣ похоронъ удалился изъ своей земли; такимъ образомъ вторгнувшись скивомъ заняли страну пустынную.

12. По настоящее время есть въ Скииѣ Киммерійскія укрѣпленія, Киммерійскія переправы, область съ именемъ Киммеріи, есть и такъ называемый Киммерійскій Босфоръ. Навѣрное киммеріане, спасаясь отъ скивовъ въ Азію, поселились на томъ полуостровѣ, на которомъ есть теперь еллинскій городъ Синопа. Очевидно также, что скивомъ въ погонѣ за киммеріанцами, сблизясь съ дороги и потому попали въ Мидію; ибо киммеріане бѣжали постоянно вдоль моря, а преслѣдовавшіе ихъ скивомъ держались правой стороны Кавказа, пока наконецъ не вторглись въ Мидію, свернувши внутрь материка. Такъ другой разсказъ, одинаково распространенный среди еллиновъ и варваровъ.

13. Сынъ Каистробіа Арестея, уроженецъ Прокопеса, говорилъ въ своей повѣсти, что по вдохновенію Аполлона онъ прибылъ къ исседонамъ, что надъ исседонами живутъ одноглазые люди, аримасы, надъ аримасами стерегущіе золотыя грифы, а еще выше гипербореи, простирающіеся до моря. За исключеніемъ гипербореевъ, всѣ эти народы, начиная съ аримасовъ,

постоянно воюютъ съ сосѣдами, такъ что исседоны вытѣснены изъ своей земли аримаспами, исседонами вытѣснены скиевъ, а киммеріане, жившіе у южнаго моря, покинули свою страну подѣ ватискомъ скиевъ. Такимъ образомъ повѣствованіе Аристее не согласуется съ разсказомъ скиевъ объ этой землѣ.

14. Откуда происходилъ Аристее, повѣствовавшій объ этомъ, я уже сказалъ ¹⁾; а теперь сообщу тотъ разсказъ о немъ, который я слышалъ въ Проконнесѣ и въ Кизикѣ. Разсказываютъ, что Аристее, одинъ изъ знатнѣйшихъ гражданъ въ Проконнесѣ, вошелъ однажды въ валавную мельницу и тамъ умеръ; тогда валавцики заперъ масгерекую и пошелъ увѣдомить родственниковъ. Въ то время, какъ по городу распространилась молва о смерти Аристее, какой-то кизикенецъ, прибывшій изъ города Артаки, возражалъ на это, увѣряя, что онъ самъ повстрѣчался и бесѣдовалъ съ Аристеей на пути его въ Кизикъ. Кизикенецъ возражалъ рѣшительно; тѣмъ временемъ родственники покойнаго явились къ мельницѣ съ необходимыми принадлежностями для похоронъ. Но когда валавляно открыли, то не нашли въ ней Аристее ни мертваго, ни живаго. Впослѣдствіи, на седьмомъ году послѣ этого явился онъ, какъ разсказываютъ дальше, въ Проконнесъ, составилъ здѣсь ту поему, которая у еллиновъ называется Аримасповой, и по составленіи ея исчезъ вторично. Такъ разсказываютъ въ городахъ Проконнесѣ и Кизикѣ.

15. Вотъ что, знаю я, случилось у метапонтянъ въ Италиі двѣсти сорокъ лѣтъ спустя послѣ вторичнаго исчезновенія Аристее, какъ открылъ я съ помощью вычисленій въ Проконнесѣ и Метапонтиі. По увѣренію метапонтянъ, Аристее самъ явился въ ихъ область и повелѣлъ соорудить жертвенникъ въ честь Аполлона,

¹⁾ IV, 13.

подлѣ него поставить изображеніе съ наименованіемъ его Аристее Проконнескаго; метапонтяне дѣйствительно увѣряютъ, что Аполлонъ приходилъ только въ ихъ область, къ нимъ однимъ изъ всѣхъ италійцевъ; при этомъ самъ Аристее слѣдовалъ за Аполлономъ, но въ то время онъ былъ не Аристеей, какъ теперь, а ворономъ. Отдавши такое приказаніе, Аристее, по словамъ метапонтянъ, исчезъ, а они послали въ Дельфы спросить божество, что значить это? Человѣчскій призракъ. Писія совѣтовала имъ исполнить повелѣніе призрака, прибавляя, что это послужитъ имъ ко благу. Метапонтяне сдѣлали такъ, какъ было имъ сказано, и въ настоящее время стоятъ подлѣ самаго алтаря Аполлона кумиръ съ именемъ Аристее, а вокругъ него посажены лавры; алтарь находится на рынкѣ. Объ Аристее довольно.

16. О томъ, что находится выше той страны, повѣствованіе о которой начато здѣсь, никто въ точности не знаетъ. Я не могу найти никого, кто бы сказалъ, что знаетъ тѣ страны какъ очевидецъ. Дѣйствительно, даже Аристее, о которомъ я упоминалъ немного выше ¹⁾, даже онъ выражался въ своей повѣ, что не проникалъ дальше исседоновъ; о земляхъ, выше лежащихъ, онъ говорилъ по слухамъ, утверждая, что такъ передавали ему исседоны. Но я сообщу всѣ достовѣрныя свѣдѣнія, какія только удалось мнѣ собрать о наиболѣе далекихъ странахъ.

17. Отъ торговаго города борисеонитовъ, составляющаго наиболѣе срединный пунктъ во всей приморской Скиеи, первыми живутъ каллипиды, представляющіе собою еллиновъ-скиевъ, выше ихъ живетъ другой народъ, именуемый алазовами. Какъ эти послѣдніе, такъ и каллипиды во всемъ ведутъ такой же образъ

¹⁾ IV, 13—15.

жизни, какъ и скиены, но хлѣбъ они сѣютъ и употребляютъ въ пищу, равно какъ лукъ, чеснокъ, чечевицу и просо. Надъ алазонами обитаютъ скиены пахары, сѣющие хлѣбъ не для собственного употребленія въ пищу, но для продажи. Выше ихъ живутъ невры. Къ сѣверу отъ невровъ, насколько мы знаемъ, лежитъ пустыня. Народы эти живутъ вдоль рѣки Гипаниса къ западу отъ Борисеенеса.

19. Съ переходомъ черезъ Борисеенесъ вступаемъ въ ближайшую отъ моря землю, Гилею; выше ея живутъ скиены земледѣльцы, которыхъ живущіе у рѣки Гипаниса еллины называютъ борисеенитами; самихъ себя тамошніе еллины называютъ ольбіополитами. Слѣдовательно эти скиены земледѣльцы занимаютъ пространство къ востоку на три дня пути, простираясь до рѣки, именуемой Пантикапою, и на сѣверъ вверхъ по теченію Борисеенеса на одиннадцать дней. Надъ ними простирается обширная пустыня. За пустыней обитаютъ андрофаги, народъ особенный, вовсе не скиенскій. Еще выше лежитъ настоящая пустыня: не живетъ тамъ, насколько мы знаемъ, ни одинъ народъ.

20. Къ востоку отъ скиеовъ земледѣльцевъ, по ту сторону рѣки Пантикапы обитаютъ скиены кочевники, не сѣющие ничего и не пахующіе. Вся эта страна, за исключеніемъ Гилеи, безлѣсна. Кочевники занимаютъ область къ востоку на четырнадцать дней пути, простирающуюся до рѣки Герра.

21. По ту сторону рѣки Герра находятся такъ называемыя царскія владѣнія и живутъ храбрѣйшіе и многочисленнѣйшіе скиены, прочихъ скиеовъ почитающіе своими рабами. На югъ они простираются до Таврики, на востокъ до того рва, который выкопали потомки слѣбныхъ, и до торжища на Меотидскомъ озерѣ, называющагося Кремнами; владѣнія ихъ частью доходятъ и до рѣки Танаида. Земли, лежащія къ сѣверу отъ царст-

венныхъ скиеовъ, заняты меланхленами, народомъ особымъ, не скиенскимъ. Выше меланхленовъ, насколько намъ извѣстно, лежатъ озера и безлюдная пустыня.

22. По ту сторону Танаида нѣтъ болѣе Скиены; первая изъ тамошнихъ областей принадлежитъ савроматамъ, которые занимаютъ пространство въ пятнадцать дней пути, начиная отъ угла Меотидскаго озера по направленію къ сѣверу. Вся эта страна лишена дикихъ и садовыхъ деревьевъ. Надъ ними живутъ будины, занимающіе второй участокъ земли, весь покрытый густымъ разнороднымъ лѣсомъ.

23. Выше будиновъ, къ сѣверу отъ нихъ, лежитъ прежде всего пустыня на протяженіи семи дней пути, а за пустыней болѣе въ восточномъ направленіи живутъ еиссагеты, народъ особый и многолюдный; средства къ жизни добываютъ они охотой. Въ смелости съ ними, въ тѣхъ же самыхъ мѣстахъ, живетъ народъ, носящій названіе Гирковъ, живущій также охотой. Гиркъ охотится слѣдующимъ способомъ: охотникъ влѣзаетъ на дерево и тамъ устраиваетъ засаду, а деревьями обилуетъ вся страна ихъ; у каждаго охотника имѣются наготовѣ лошади и собака; лошадь низкаго роста и потому приучена лежать брюхомъ на землѣ. Завидѣвши съ дерева дичь, охотникъ стрѣляетъ по ней изъ лука, потомъ садится на лошадь и пускается въ погоню за добычей, собака неотступно слѣдуетъ за нимъ. Надъ этими народами по направленію къ востоку живутъ другіе скиены, прибывшіе въ эту мѣстность по отдѣленіи отъ царственныхъ скиеовъ.

24. До владѣнія этихъ скиеовъ вся пройденная нами страна представляетъ равнину съ глубокимъ черноземомъ, начиная же отсюда земля камениста и неровна. Если пройти значительную часть и этой неровной страны, то встрѣтимся съ обитаемыми подножья высокихъ горъ; говорятъ, что всѣ они, какъ мужчины, такъ

и женщины, плѣшны отъ рожденія, плосконосы и съ большими челюстями; рѣчь у нихъ особая; одѣваются поскіеки, а питаются плодами деревьевъ. Дерево, плодами котораго они питаются, носитъ названіе поитика; оно такой же почти величины, какъ и фиговое дерево. Плодъ его, похожій на бобы, содержитъ въ серединѣ зерно. Когда плоды созрѣваютъ, ихъ процѣживаютъ черезъ платокъ, и изъ нихъ вытекаетъ густой черный сокъ; добываемая жидкость называется аски. Сокъ этотъ лизутъ или, смѣшавши съ молокомъ, пьютъ, а изъ гущи сока готовятъ лепешки и ѣдятъ ихъ. Скота у нихъ мало, потому что тамошнія пастбища скудны. Каждый изъ нихъ поселяется подъ деревомъ, которое на зиму прикрывается толстымъ бѣлымъ войлокомъ, а на лѣто оставляется открытымъ. Никто изъ людей не обижаетъ ихъ, потому что они считаются священными; нѣтъ у нихъ никакого вооруженія. Далѣе, они улаживаютъ раздоры въ средѣ окрестныхъ народовъ, а убѣжавшій къ нимъ изгнанникъ защищенъ отъ какой бы то ни было обиды. Названіе этого народа аргиншеи.

24. Страна до этихъ плѣшивыхъ и народы по эту сторону ея живущіе хорошо извѣстны. Къ нимъ ходятъ нѣкоторые скиевъ, отъ коихъ, равно какъ отъ еллиновъ изъ торжища Борисеенеса и прочихъ торжищъ на Понтѣ, можно легко добыть свѣдѣнія. Кто изъ скиевъ посѣщаетъ ихъ, тотъ пользуется для своихъ дѣловыхъ сношеній семью переводчиками и семью языками.

25. Итакъ, до плѣшивыхъ страна извѣстна, а о народахъ, живущихъ выше ихъ, никто не можетъ сказать съ достовѣрностью ничего, такъ какъ они отдѣлены высокими недоступными горами, и никто не переходилъ черезъ нихъ. По рассказамъ этихъ плѣшивыхъ, для меня невѣроятнымъ, на горахъ живутъ люди съ козлиными ногами, а дальше за этия людьми жи-

ветъ другой народъ, который спитъ въ теченіе шести мѣсяцевъ. Я совсѣмъ этому не вѣрю. Напротивъ, въ точности извѣстно, что земля къ востоку отъ плѣшивыхъ населена исседонами, тогда какъ ничего неизвѣстно о земляхъ къ сѣверу отъ плѣшивыхъ и отъ исседоновъ, развѣ только то, что сами они говорятъ объ этихъ земляхъ.

26. Рассказываютъ, что у исседоновъ существуютъ слѣдующіе обычаи: если у кого умретъ отецъ, всѣ родственники пригоняютъ къ нему скотъ, за симъ убиваютъ животныхъ, разрѣзываютъ мясо на куски вмѣстѣ съ покойнымъ родителемъ хозяина, все мясо мѣшаютъ вмѣстѣ и устраиваютъ пиршество. Голову покойника обнажаютъ отъ волосъ, вычищаютъ ее изнутри и покрываютъ золотомъ, потомъ пользуются ею, какъ священнымъ сосудомъ при совершеніи торжественныхъ годичныхъ жертвоприношеній. Празднество устраиваетъ у нихъ сынъ въ честь отца, какъ у еллиновъ праздникъ поминовенія покойниковъ. Вообще же этотъ народъ считается справедливымъ: женщины у него пользуются одинаковымъ положеніемъ съ мужчинами.

27. Такимъ образомъ этотъ народъ извѣстенъ еще, а выше его, по рассказамъ исседоновъ, живутъ одноглазые люди и стерегущіе золото грифы. Со словъ исседоновъ повторяютъ это скиевъ, а отъ скиевъ знаемъ и мы, почему и называемъ ихъ по-скиевски ари-маспами: словомъ *арима* скиевъ называютъ одинъ, а *спу* значить на ихъ языкѣ глазъ.

28. Вся осматрѣнная нами страна отличается столь суровымъ климатомъ, что въ теченіе восьми мѣсяцевъ здѣсь стоитъ нестерпимый холодъ, а пролитая въ это время на землю вода не дѣлаетъ грязи, развѣ равне-дешъ огонь. Замерзаетъ море и весь Киммерійскій Боспоръ, такъ что живущіе по эту сторону рва скиевъ толпами переходятъ по льду, переѣзжаютъ по немъ въ

повозкахъ на другой берегъ къ скидамъ. Такимъ образомъ въ теченіе восьми мѣсяцевъ тамъ непрерывная зима, и въ остальные четыре мѣсяца стоятъ холода. Тамонняя зима отличается отъ зимы, какая бываетъ въ различныхъ иныхъ земляхъ, тѣмъ, что въ пору дождей идутъ лишь небольшіе дожди, между тѣмъ какъ лѣтомъ они не прекращаются; зимою не бываетъ тамъ грозы, какъ бываютъ они во всякомъ другомъ мѣстѣ, за то лѣтомъ сильныя грозы. Если случится гроза зимою, она возбуждаетъ изумленіе, какъ чудесное знаменіе. Равнымъ образомъ чудомъ почитается въ Скиѣи землетрясеніе, будетъ-ли оно лѣтомъ, или зимою. Лошади легко переносятъ такую зиму, но мулы и осли совсѣмъ не выносятъ ея, тогда какъ въ другихъ мѣстахъ наоборотъ: на морозѣ лошади заболѣваютъ костоѣдой, а осли и мулы переносятъ морозъ.

29. Мнѣ кажется, что по этой же причинѣ такъ называемая безрогая порода быковъ родится тамъ безъ роговъ. Мнѣніе мое подтверждается и слѣдующимъ стихомъ Гомера въ „Одиссеѣ“: „и Ливію, гдѣ у ягнятъ быстро вырастаютъ рога“¹⁾),—вѣрное замѣчаніе, потому что въ теплыхъ странахъ рога вырастаютъ рано, а въ мѣстностяхъ очень холодныхъ рога у скота или не растутъ вовсе, или едва вырастаютъ.

30. Если въ Скиѣи происходитъ это отъ холода, то удивительно, почему во всей Елейской области не могутъ плодиться мулы, между тѣмъ какъ мѣстности эта не холодна и не представляетъ повидимому никакого другаго препятствія къ тому. Повѣствованіе мое съ самаго начала охотно допускаетъ подобныя отступленія. По словамъ самихъ еленянъ, мулы не водятся у нихъ вслѣдствіе какого-то проклятій. Всякій разъ, когда кобылицамъ наступаетъ пора забеременѣть, ихъ выго-

¹⁾ Од. IV, 85.

няютъ въ пограничную область, потомъ въ этой сосѣдней землѣ устраиваютъ случку ихъ съ ослами; держать тамъ кобылицъ, пока онѣ не забеременѣютъ, послѣ чего пригоняютъ къ себѣ обратно.

31. Что касается перьевъ, которыми, по словамъ скиеовъ, наполненъ воздухъ, и благодаря которымъ нельзя ни видѣть дальше по матеріку, ни пройти, то вотъ мое мнѣніе о нихъ: выше занимающей насъ страны идетъ постоянно снѣгъ, лѣтомъ впрочемъ, какъ и слѣдовало ожидать, меньше, нежели зимою. Всякій видѣвшій вблизи, какъ идетъ сильный снѣгъ, понимаетъ меня, потому что снѣгъ похожъ на перья¹⁾). Такая-то зима и дѣлаетъ необитаемыми сѣверныя части этого матеріка. Итакъ, по моему мнѣнію, скиомъ и сосѣди ихъ называютъ снѣгъ перьями по сходству ихъ съ снѣгомъ. Свѣдѣнія эти касаются отдаленнѣйшихъ мѣстностей.

32. О гиперборейхъ ничего не сообщаютъ ни скиомъ, ни иные тамошніе обитатели, за исключеніемъ песседонцевъ. Мнѣ впрочемъ кажется, что и они ничего не говорятъ о гиперборейхъ; въ противномъ случаѣ рассказывали бы о нихъ и скиомъ, какъ рассказываютъ они объ одноглазыхъ. О гиперборейхъ упоминаетъ Гесиодъ, а также Гомеръ въ „Эпиграхъ“, если только поэма эта составлена дѣйствительно Гомеромъ.

33. Гораздо больше сообщаютъ о нихъ деліане, увѣряя, что отъ гипербореевъ приносятся къ скиомамъ священныя дары, завороченныя въ пшеничную солому, отъ скиеовъ принимаетъ ихъ сосѣдній народъ и передаетъ слѣдующему; такъ несутъ ихъ все дальше на западъ до Адриатики; отсюда дары продолжаютъ путь на югъ и прежде другихъ еллиновъ принимаются додонянами; засимъ спускаются къ Малійскому заливу и переправляются на Евбею; тамъ святиню переносятъ изъ города въ городъ до Кариста, дальше мнутъ

¹⁾ IV, 7.

Андръ, потому-де что каристяне доставляютъ ее на Тенъ, а теняне на Дель. Такимъ-то образомъ, говорить деляне, прибываетъ на Дель эта святыня. Но первоначально-де гиперборей послали съ священными дарами двухъ дѣвушекъ, которыхъ деляне называютъ Гиперохою и Лаодикою; вмѣстѣ съ ними ради безопасности гиперборей послали пятерыхъ мущинъ изъ своихъ соплеменниковъ въ качествѣ проводниковъ; теперь они называются *перфереями* и пользуются на Делѣ высокими почетомъ. Далѣе, такъ какъ посланные проводники не возвращались, то гиперборей испугались, какъ бы каждый разъ не постигала ихъ потеря пословъ, а потому съ того времени приносятъ священные дары, завероченные въ пшеничную солому, къ предѣламъ своей земли и настойчиво поручаютъ своимъ сосѣдямъ препроводить дары дальше и дальше, они достигаютъ наконецъ Дела. Мнѣ лично извѣстенъ обрядъ, напоминающій обращеніе съ этой святыней, именно: еракійскія и пеонскія женщины не обходятся безъ пшеничной соломы при жертвоприношеніи Артемидѣ. Такъ поступаютъ эти женщины.

34. Въ честь гиперборейскихъ дѣвушекъ, умершихъ на Делѣ, какъ мнѣ извѣстно, делейскія дѣвушки и юноши стригутъ себѣ волосы, именно: передъ свадьбой дѣвушки отрѣзаютъ себѣ локоны волосъ, наматываютъ его на веретено и кладутъ на могилу; самая могила помѣщается внутри святилища Артемиды, съ правой стороны отъ входа; на ней растетъ оливковое дерево. Делейскіе юноши наматываютъ пряди волосъ на вѣтку и такъ-же кладутъ ихъ на могилу гиперборейскихъ дѣвушекъ.

35. Такимъ почетомъ пользуются гиперборейскія дѣвушки у жителей Дела. По словамъ самихъ делянъ, еще раньше Гиперохы и Лаодики пришли на Дель

черезъ земли тѣхъ же народовъ дѣвушки отъ гипербореевъ: Арга и Опида; тѣ явились съ данью для Ейлейейн, наложенною ими на себя за ускореніе родовъ, а Арга и Опида явились къ нимъ отъ гипербореевъ: вмѣстѣ съ самыми божествами и дѣвушки удостоены были отъ делянъ различныхъ почестей: тамошнія женщины собирали для нихъ пожертвованія, поименно вывали къ нимъ въ гимнѣ, составленномъ ликіаниномъ Оленомъ, отъ нихъ научились пѣснѣ островитяне и юняне, которые прославляютъ Опиду и Аргу съ упоминаніемъ именъ и собираютъ для нихъ пожертвованія. Этотъ Олень прибылъ сюда изъ Ликіи и составилъ вообще всѣ древніе гимны, исполняемые на Делѣ. Равнымъ образомъ на могилу Арги и Опида высыпаютъ золу отъ сожженныхъ на altarѣ бедриныхъ костей. Могила ихъ находится позади храма Артемиды, по направлению къ востоку, вблизи ширшественной залы кеіанъ.

36. Сказаннаго о гиперборейяхъ довольно. Не стану передавать басни объ Абаридѣ, который считается гипербореемъ, и о которомъ разсказываютъ, какъ онъ носилъ по всей землѣ стрѣлу и при этомъ ничего не употреблялъ въ пищу. Если есть гиперборей, то есть и противоположный имъ народъ, гипернотин. Смѣшно глядѣть, какъ изъ множества составителей землеописаній ни одинъ не показалъ вида земли толково. По ихъ начертанію Океанъ обтекаетъ землю кругомъ, причѣмъ земля представляется кругообразною, какъ бы циркулемъ сдѣланною, а Азія изображается равною Европѣ. Въ немногихъ словахъ я скажу о величинѣ каждой части земли и объ очертаніяхъ ихъ.

37. Азію населяютъ персы вплоть до южнаго моря, именуемаго Ерперейскимъ. Выше персовъ къ сѣверу живутъ мидяне, надъ мидянами сасейры, надъ сасейрами колхидяне, простирающіеся до сѣвернаго моря,

въ которое вливается рѣка Фасидъ. Эти четыре народа занимаютъ пространство отъ моря до моря.

38. Къ западу отъ этихъ народовъ тянутся къ морю два мыса Азіи, которые я и опишу. Одинъ изъ этихъ мысовъ съ сѣверной стороны начинается отъ Фасида и тянется къ морю вдоль Понта и Геллеспонта до Троянскаго Сигея. Съ южной стороны этотъ самый мысъ начинается отъ Миріандрскаго залива, что у Финикіи, и тянется къ морю до Тріопской оконечности. На этомъ побережьѣ живетъ тридцать народовъ. Таковъ одинъ изъ мысовъ.

39. Другой мысъ начинается отъ Персіи и тянется къ Ерзерейскому морю, содержитъ въ себѣ сначала Персію, слѣдующую за нею Ассирію, за Ассиріей Аравію; кончается этотъ мысъ, согласно принятому выраженію, у Аравійскаго залива, въ который Даріемъ проведенъ каналъ изъ Нила. Отъ Персіи до Финикіи простирается обширная ровная мѣстность; отъ Финикіи мысъ этотъ тянется черезъ наше море вдоль Сиріи Палестинской и до Эгипта, гдѣ и оканчивается. Здѣсь живетъ только три народа.

40. Это — области Азіи, лежащія къ западу отъ Персіи. Выше персовъ, мидянъ, саспейровъ и колхидянъ по направленію къ востоку находится съ одной стороны Ерзерейское море, а съ сѣвера море Каспійское и рѣка Араксъ, текущая на востокъ. До Индіи Азія заселена, а дальше на востокъ простирается пустыня, свойства которой никому не извѣстны.

41. Такова и столь велика Азія, а Ливія помѣщается на другомъ изъ мысовъ, слѣдуя непосредственно за Эгиптомъ. Подлѣ Эгипта мысъ этотъ узокъ, именно: отъ нашего моря до Ерзерейскаго всего сто тысячъ сажень, или тысяча стадій, тогда какъ отъ этой тѣсной мысы, называемой Ливіей, очень широкъ.

42. Поэтому удивляетъ меня дѣленіе и разграниче-

ніе всей земли на Ливію, Азію и Европу... на самомъ дѣлѣ между ними большая разница. По длинѣ Европа равняется остальнымъ двумъ частямъ вмѣстѣ ввѣтывъ, а по ширинѣ нельзя даже сравнивать ее съ Азіей и Ливіей. Ливія, оказывается, кругомъ омываема водою, за исключеніемъ той части, гдѣ она граничитъ съ Азіей; первый доказалъ это, насколько мы знаемъ, эгипетскій царь Нехо. Приостановивши прорытіе канала изъ Нила въ Аравійскій заливъ, онъ отправилъ финикійца на судахъ въ море съ приказаніемъ плыть обратно черезъ Геракловы Столбы, пока не войдутъ въ сѣверное море и не придутъ въ Эгипетъ. Финикійцы отплыли изъ Ерзерейскаго моря и вошли въ южное море. При наступленіи осени они приставали къ берегу и, въ какомъ бы мѣстѣ Ливіи ни высаживались, засѣвали землю и дождались жатвы; по уборкѣ хлѣба плыли дальше. Такъ прошло въ плаваніи два года, и только на третій годъ они обогнули Геракловы Столбы и возвратились въ Эгипетъ. Рассказывали также, чему я не вѣрю, а другой кто-нибудь, можетъ быть, и повѣритъ, что во время плаванія кругомъ Ливіи финикійцы имѣли солнце съ правой стороны. Такъ Ливія стала извѣстна впервые.

43. Вслѣдствіи сообщили то же кареагеніи, именно: Сатаспесъ, сынъ Теасписа, изъ рода Ахемениса, устрадаемый продолжительностью плаванія и безлюдностью страны, не исполнилъ порученія матери, не объѣхалъ кругомъ Ливіи, ради чего былъ отправленъ, и вернулся назадъ. Дѣло въ томъ, что онъ внасилловалъ дѣвственную дочь Зомира, мегабизова сына, за какое преступленіе царь Ксерксъ рѣшилъ было распять его; но мать Сатаспеса, сестра Дарія, испросила ему помилованіе, прибавивши, что она сама наложитъ на него наказаніе, болѣе тяжкое, нежели наказаніе царя, именно, онъ обязанъ будетъ объѣхать кругомъ Ливію,

пока на этомъ пути не войдетъ въ Аравійскій заливъ. На такомъ условіи Ксерксъ сдѣлалъ уступку. Сатаспесъ прибылъ въ Египетъ, получилъ здѣсь корабль и египетскихъ матросовъ и поплылъ къ Геракловымъ Столбамъ. Выплывши на другую сторону, онъ обогнулъ оконечность Ливіи по имени Солоонты и направился дальше на югъ. Такъ въ теченіи многихъ мѣсяцевъ онъ проплылъ значительную часть моря; но такъ какъ предстояло проплыть еще больше пройденнаго, онъ повернулъ назадъ и прибылъ въ Египетъ. Оттуда онъ отправился къ царю Ксерксу и сообщилъ ему, что очень далеко на морѣ имъ пришлось плыть мимо страны, населенной маленькаго роста людьми, одѣвающимися въ пальмовое платье, и каждый разъ, какъ только они на корабль приближались къ берегу, маленькіе люди покидали свои города и убѣгали въ горы; съ своей же стороны они, вошедши въ ихъ города, никого не обижали, только забирали съ собою скотъ. Почему не объѣхали всей Ливіи кругомъ, Сатаспесъ объяснялъ тѣмъ, что судно его не могло идти дальше, такъ какъ было задержано мелю. Однако Ксерксъ не повѣрилъ, что тотъ говорить правду, и велѣлъ его, какъ не исполнившаго возложеннаго на него дѣла, пригвоздить къ столбу, подвергнувъ его такимъ образомъ раньше объявленному наказанію. Евнухъ этого Сатаспеса, лишь только узналъ о смерти господина, похитилъ большія сокровища его и убѣжалъ на Самъ; завладѣлъ имъ саміанинъ, имя котораго мнѣ извѣстно, но я умолчу о немъ.

44. Большая часть Азій открыта Даріемъ, когда онъ пытался узнать мѣсто впаденія въ море рѣки Инда, единственной, кромѣ Нила, рѣки, содержащей въ себѣ крокодиловъ. Въ числѣ лицъ, отъ которыхъ онъ ждалъ правдивыхъ сообщений и которыхъ послалъ для этой цѣли, находился и Скилакъ изъ Каріанды. Они отправились изъ города Каспатира и изъ Пактійской земли

и внизъ по рѣкѣ поплыли въ восточномъ направленіи къ морю; черезъ море они отправились на западъ и на тридцатомъ мѣсяцѣ прибыли къ тому мѣсту, откуда египетскій царь отправилъ упомянутыхъ мною финніянъ объѣхать кругомъ Ливію¹⁾. Послѣ того, какъ они объѣхали Ливію, Дарій покорилъ своей власти индійцевъ и съ того времени пользовался этимъ моремъ. Такимъ образомъ оказалось, что Азія вся, за исключеніемъ восточной части, похожа на Ливію.

45. Относительно Европы никто достоверно не знаетъ, омывается-ли она водою на востокѣ и на сѣверѣ. Извѣстно однако, что по длинѣ она равняется Азій и Ливіи вмѣстѣ взятымъ. Не могу также рѣшить, почему одной землѣ даны три названія по именамъ женщинъ, а границами ея признаны египетская рѣка Нилъ и колхидская Фасидъ; иные вмѣсто этой послѣдней рѣки границею считаютъ мегидскую рѣку Танаидъ и Киммерійскіе перевозы; не могу я наконецъ узнать именъ тѣхъ людей, которые разграничили земли такимъ способомъ, равно какъ и тѣхъ женщинъ, по именамъ которыхъ названы три части земли. Такъ, большинство еллиновъ полагаетъ, что Ливія названа по имени туземной женщины Ливіи, Азія получила свое названіе отъ жены Промедея; впрочемъ это послѣднее наименованіе лядие присвоиваютъ себѣ, увѣряя, что Азія названа по имени Азій, сына Когиса, внука Манеса, а не по имени промеевой жены Азій; отъ того же Азій названо колѣно въ Сардахъ Азіадою. Относительно Европы совершенно неизвѣстно, кругомъ-ли она омывается водою, откуда произошло ея наименованіе, кто далъ ей такое имя, если только мы отвергаемъ наименованіе этой страны Европою отъ женщины тирянки; слѣдовательно раньше она подобно другимъ странамъ не по-

1) IV, 42.

сила никакого имени. Между тѣмъ несомнѣнно женщина эта происходила изъ Азіи и прибыла не въ ту землю, которая теперь называется у еллиновъ Европою, но изъ Финикіи на Критъ, а изъ Крита въ Ликию. Довольно объ этомъ тѣмъ болѣе, что мы придерживаемся здѣсь общепринятыхъ мнѣній.

46. У Понта Евксинскаго, куда Дарій рѣшился выступить въ походъ, живутъ народы, за исключеніемъ скинскаго, болѣе грубые, нежели обитатели какой-нибудь иной страны. Такъ, изъ народовъ, живущихъ по эту сторону Понта, равно какъ и изъ отдѣльных тамошнихъ людей, мы не знаемъ ни одного, выдающагося по уму, кромѣ народа скинскаго и скива Анахарсиса. Впрочемъ и скинскій народъ оказывается мудрѣе всѣхъ, намъ извѣстныхъ, въ одномъ только отношеніи, для людей, правда, наиболѣе важномъ; за все прочее я не могу хвалить его. Въ этомъ наиболѣе важномъ отношеніи они устроиваются такъ, что никакой врагъ, вторгшійся въ ихъ страну, не можетъ уже спастись отсюда бѣгствомъ, не можетъ и настичь ихъ, если только они сами не пожелаютъ быть открытыми, потому что скивы не имютъ ни городовъ, ни укрѣпленій, но передвигаютъ свои жилища съ собою, и всѣ они—конные стрѣлки изъ луковъ; пропитаніе себѣ скивы добываютъ не земледѣліемъ, а скотоводствомъ, и жилища свои устрояютъ на повозкахъ. Какъ же имъ не быть непобѣдимыми и неприступными?

47. Впрочемъ такому положенію скивовъ благоприятствуетъ самая земля и помогаютъ рѣки, именно: земля у нихъ ровная, изобилуетъ травою и хорошо орошена; число протекающихъ черезъ Скию рѣкъ развѣ немного только меньше числа каналовъ въ Египтѣ. Однако изъ числа рѣкъ я назову только болѣе значительныя и судхододныя для тѣхъ судовъ, которыя идутъ отъ моря. Истръ имѣетъ пять устьевъ, за ними слѣдуютъ Тира,

Гипанисъ, Борисоенесъ, Пантикапа, Гипакирисъ, Герръ и Танаидъ. Текутъ они такъ:

48. Истръ—величайшая изъ рѣкъ, намъ извѣстныхъ, къ тому же всегда одинаковой величины, какъ лѣтомъ, такъ и зимою. Это—первая рѣка въ скинской землѣ на западѣ; величайшей она становится потому, что въ нее изливаются многія рѣки. Но большую дѣлаютъ ее въ особенности слѣдующія рѣки: во-первыхъ, протекающія черезъ Скию въ числѣ пяти, одна, именуемая у скивовъ Поратою, у еллиновъ Пиретомъ, потомъ Тиарантъ, Араръ, Напарисъ и Ордесъ. Первая изъ поименованныхъ здѣсь рѣкъ велика и на востокъ соединяется съ водами Истра, другая, Тиарантъ, вливается въ Истръ дальше на западъ и менѣе значительна; наконецъ Араръ, Напарисъ и Ордесъ вливаются въ Истръ въ промежуткѣ между этими двумя рѣками.

49. Таковы собственно скинскія рѣки, пополняющія собою Истръ; но въ него вливается и рѣка Марисъ, вытекающая изъ земли агаирсовъ, потомъ изъ вершинъ Гема текутъ въ него по направленію къ сѣверу три значительныхъ рѣки: Атлантъ, Авра и Тибисисъ. Черезъ Фракію и землю крѣпловъ еракійскихъ текутъ въ него Аорисъ, Ноесъ и Артанесъ; изъ земли иеоновъ и горы Родоны течетъ въ Истръ рѣка Скій, разрывающая Гемъ пополамъ. Изъ Иллиріи вытекаетъ рѣка Ангръ и, направляясь къ сѣверу, входитъ въ Трибалскую равнину, здѣсь вливается въ Бронгъ, а Бронгъ впадаетъ въ Истръ; такимъ образомъ Истръ принимаетъ въ себя обѣ большія рѣки. Кромѣ того, изъ страны, лежащей надъ омбриками, текутъ по направленію къ сѣверу рѣки Карписъ и Альписъ и также впадаютъ въ Истръ. Истръ протекаетъ черезъ всю Европу, а начало беретъ у кельтовъ, которые послѣ кинетовъ оказываются самымъ крайнимъ народомъ на западѣ Европы. Прошедши черезъ всю Европу, Истръ вступаетъ наконецъ въ предѣлы Скии.

50. Благодаря перечисленнымъ здѣсь и многимъ другимъ рѣкамъ, которыя несутъ въ Истрѣ свои воды, послѣднѣй и становится величайшей рѣкой; впрочемъ, если сравнить Истрѣ самъ по себѣ съ Ниломъ, то по обилію воды онъ уступаетъ этому послѣднему; дѣйствительно, въ Нилѣ не впадаетъ ни одна рѣка, ни одинъ ручеекъ, который пополнялъ бы его воды. Что количество воды въ Истрѣ всегда одинаково, какъ лѣтомъ, такъ и зимою, я объясню себѣ слѣдующимъ образомъ: зимою количество воды въ немъ почти обыкновенное или немного развѣ больше, такъ какъ зимою страна эта очень мало орошается дождями, — все покрыто снѣгомъ. Съ наступленіемъ лѣта снѣгъ, въ изобиліи выпавшій зимою, таетъ и со всѣхъ сторонъ стекаетъ въ Истрѣ. Кромѣ снѣга, воды Истра пополняются частыми и обильными дождями, которые тамъ идутъ лѣтомъ. Такимъ образомъ, насколько больше лѣтомъ, нежели зимою, солнце притягиваетъ къ себѣ воды изъ Истра, настолько же больше лѣтомъ, нежели зимою, Истрѣ получаетъ воды; одно возмѣщается другимъ, благодаря чему устанавливается равновѣсіе, и количество воды въ Истрѣ всегда одинаковое.

51. Истрѣ одна изъ рѣкъ Скиѳіи; за нею слѣдуетъ Тира, текущій съ сѣвера и берущій свое начало изъ большого озера, которое служитъ границею между Скиѳіей и Невридой. У устья Тиръ живутъ еллины, которые называются тиритами.

52. Третья рѣка, начинающаяся въ Скиѳской землѣ, Гипанисъ, вытекаетъ также изъ большого озера, вокругъ котораго находятъ себѣ пастбище дикія бѣлыя лошади, и озеро это справедливо именуется матерью Гипаниса. По выходѣ изъ этого озера рѣка Гипанисъ на протяженіи пяти дней плаванія мелка и имѣетъ сладкую воду; начиная отъ этого пункта до моря, на протяженіи четырехъ дней плаванія, вода въ Гипанисѣ

чрезвычайно горька отъ горькаго ручья, который вливается въ него; источникъ этотъ такъ горекъ, что при всей незначительности своей онъ дѣлаетъ горькимъ Гипанисъ, рѣку, съ которой лишь немногія могутъ сравняться по протяженію. Ручей этотъ протекаетъ на границѣ скиѳовъ пахарей и алазановъ. Ими ручья равно какъ и той мѣстности, откуда онъ вытекаетъ, по скиѳки Эксампай, а по еллински Священные Пути. Тира и Гипанисъ сближаются своими излучинами подлѣ земли алазановъ; дальше обѣ рѣки дѣлаютъ новые повороты, и раздѣляющее ихъ пространство становится все шире.

53. Четвертая рѣка Борисенесъ — изъ скиѳскихъ рѣкъ послѣ Истра наибольшая и, по нашему мнѣнію, самая богатая полезными предметами не только между скиѳскими рѣками, но между всѣми вообще, кромѣ впрочемъ эгипетскаго Нила; съ этимъ послѣднимъ не можетъ идти въ сравненіе никакая другая рѣка. Но изъ прочихъ рѣкъ Борисенесъ наиболѣе прибыльна: онъ доставляетъ прекраснѣйшія и роскошнѣйшія пастбища для скота, превосходнѣйшую рыбу въ большомъ изобиліи, вода его на вкусъ очень приятна, чиста, тогда какъ рядомъ съ нимъ текущія рѣки имѣютъ мутную воду; вдоль его тянутся превосходныя пахатныя поля или растутъ очень высокая трава въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ не засѣвается хлѣбъ; у устья рѣки сама собою собирается соль въ огромномъ количествѣ; въ Борисенесѣ водятся огромныя рыбы безъ позвоночнаго столба, называемыя антакаями и идущія на соленіе, и многое другое, достойное вниманія. До мѣстности Герровъ, куда сорокъ дней плаванія, Борисенесъ течетъ, какъ извѣстно, съ сѣвера; страны, черезъ которыя онъ протекаетъ выше этого пункта, никому невѣдомы; несомнѣнно только, что до области скиѳовъ земледѣльцевъ онъ протекаетъ черезъ пустыню, а скиѳы эти живутъ вдоль его на десять дней плаванія. Не только я, но, кажется, и ни-

ито изъ еллиновъ, не можетъ опредѣлять истоковъ только Борисоенеса да Нила. Вблизи моря сливается съ нимъ Гипанисъ и впадаетъ въ общее съ нимъ озеро. Лежащая между этими двумя рѣками оконечность суши называется мысомъ Гипполая; на немъ находится святилище Деметры. По ту сторону святилища при Гипанисѣ живутъ борисоениты. Вотъ что объ этихъ рѣкахъ.

54. За ними слѣдуетъ пятая рѣка, по имени Пантикапа, текущая также съ сѣвера и также изъ озера; пространство между нею и Борисоенесомъ занимаютъ скиены земледѣльцы; она входитъ въ Гилею и, протекая черезъ нее, сливается съ Борисоенесомъ.

55. Шестая рѣка, Гипакрисъ, начинается изъ озера, теченіемъ своимъ раздѣляетъ землю скиеновъ кочевниковъ пополамъ, вливается въ море подлѣ города Каркнитыда, причемъ правую сторону ограничиваетъ Гилею и такъ называемый Ахилловъ Бѣгъ.

56. Седьмая рѣка, Герръ, отдѣляется отъ Борисоенеса въ томъ мѣстѣ, до котораго эта послѣдняя рѣка извѣстна. Она отдѣляется въ этой области и носитъ такое же названіе, какъ и самая область, Герръ; на пути къ морю разграничиваетъ земли скиеновъ кочевниковъ и царственныхъ; вливается Герръ въ Гипакрисъ.

57. Восьмая рѣка, Танаидъ, течетъ сверху, изъ большаго озера и впадаетъ въ другое озеро, еще большее, именуемое Меотидою и отдѣляющее царственныхъ скиеновъ отъ савроматовъ. Въ Танаидѣ вливается рѣка по имени Гиргисъ.

58. Вотъ тѣ значительныя рѣки, которыми орошается Скиенія. Произрастающая тамъ трава увеличиваетъ количество желчи у животныхъ больше всякой иной травы, намъ извѣстной. Что это дѣйствительно такъ, въ томъ убѣдиться можно при вскрытіи животныхъ.

59. Такимъ образомъ важнѣйшіе предметы имѣются

у скиеновъ въ изобиліи, а учрежденія ихъ вообще таковы: изъ божествъ чтутъ скиены только слѣдующихъ: Гистію выше всѣхъ прочихъ божествъ, потомъ Зевса и Землю, причемъ Землю представляютъ себѣ супругою Зевса, далѣе Аполлона, Афродиту Уралию, Геракла и Арея. Эти божества почитаются у всѣхъ скиеновъ, а такъ называемые царственные скиены приносятъ жертвы еще и Посейдону. По-скиенски Гистія называется Табити, Зевсъ Папаемъ, послѣднее по моему мнѣнію совершенно правильно; Земля называется Апи, Аполлонъ Гойтосиромъ, Афродита Уранія — Аргимпасою, Посейдонъ Тагимасадомъ. Скиены не имѣютъ обыкновенія ставить божествамъ кумиры и сооружать храмы, за исключеніемъ Арея; сооруженія въ честь этого божества у нихъ въ обыкновеніи.

60. Способъ жертвоприношенія у всѣхъ скиеновъ для всѣхъ божествъ одинъ и тотъ же и состоитъ въ слѣдующемъ: ставится жертвенное животное съ связанными передними ногами; позади его стоитъ жертвоприноситель, который тянетъ къ себѣ конецъ веревки и такимъ образомъ опрокидываетъ животное на землю. Пока животное падаетъ, жертвоприноситель взызаетъ къ тому божаству, въ честь котораго совершается жертва; затѣмъ быстро накидываетъ петлю на шею животного, поворачиваетъ кругомъ вложенную въ петлю палку и удавливаетъ жертву; огонь при этомъ не возжигается; не бываетъ ни предварительныхъ дѣйствій, ни возліній; удавивши жертву и снявши съ нея кожу, жертвоприноситель приступаетъ къ стряпанью.

61. Такъ какъ скиенская земля совсѣмъ безлѣсна, то скиенами придуманъ слѣдующій способъ варенія мяса: жертвенное животное обдираютъ, очищаютъ мясо отъ костей и бросаютъ его въ котлы туземнаго производства, если таковые попадутся подъ руку: эти послѣдніе скорѣе всего походятъ на лесбійскія чаши, только немного

больше их; затѣмъ зажигаютъ кости животныхъ и на нихъ варятъ мясо. Если котла не окажется, то все мясо сбрасывается въ желудки самихъ животныхъ, подливаютъ туда воды и подъ ними кости зажигаютъ. Кости горятъ отлично, а очищенное отъ костей мясо легко помѣщается въ желудкахъ. Такимъ образомъ быкъ и всякое другое жертвенное животное сожигаютъ себя сами; когда мясо сварено, жертвоприноситель бросаетъ передъ собою посвященные божеству куски мяса и внутренностей. Въ жертву приносятся всякія домашнія животные, преимущественно лошади.

62. Такъ приносятся жертвы и жертвуются такія именно животные всѣмъ вообще божествамъ скизовъ; только относительно Арея существуетъ иной, слѣдующій порядокъ: въ каждомъ скискомъ царствѣ ставятся по околоткамъ святилища Арея, именно: складывается куча хворосту длиною стади въ три и столько же шириною; высота кургана меньше; наверху сдѣлана четырехугольная площадка, три стороны которой отвѣсны, а къ четвертой есть доступъ. Ежегодно свозится полтора вазовъ хворосту, потому что въ непогоды кучи постоянно осѣдаютъ. На каждой такой насыпи водружается желѣзный старинный мечъ, который и составляетъ кумирь Арея. Этому-то мечу ежегодно приносятся въ жертву рогатый скотъ и лошади, какъ и прочимъ божествамъ, а сверхъ того совершается еще слѣдующее: въ честь его умерщвляется каждый сотый мужчина изъ всего числа взятыхъ въ плѣнъ враговъ, и умерщвляется не такъ, какъ скотъ, но инымъ способомъ: сдѣлавши предварительно возліаніе на головы людей, ихъ рѣжутъ надъ сосудомъ, потомъ кровь убитыхъ относятъ на кучу хвороста и льютъ ее на мечъ. Только кровь относится наверхъ; внизу у святилища всѣмъ убитымъ людямъ отсѣкаютъ правыя плечи вмѣстѣ съ руками и бросаютъ въ воздухъ; покончивъ съ принесеніемъ въ жерт-

ву остальныхъ животныхъ, удаляются. Руки остаются тамъ, гдѣ упали, а туши лежатъ отдѣльно.

63. Таковы существующіе у скизовъ способы жертвоприношенія. Свиной они не приносятъ въ жертву вовсе и вообще не иждютъ обыкновенія содержать свиней въ своей странѣ.

64. Военные обычаи ихъ таковы: скизъ пьетъ кровь перваго убитаго имъ врага, а головы всѣхъ враговъ, убитыхъ въ сраженіи, относятся къ царю, потому что только подъ условіемъ доставленія головы непріятеля скизъ получаетъ долю добычи, въ противномъ случаѣ не получаетъ ничего. Съ головы онъ снимаетъ кожу слѣдующимъ образомъ: кругомъ головы около ушей дѣлаетъ надрѣзъ, потомъ беретъ голову въ руки и вытряхиваетъ ее изъ кожи, засимъ соскабливаетъ съ нея бычачьимъ ребромъ мясо и выдѣлываетъ кожу въ рукавъ, дѣлая ее такимъ образомъ мягкой, затѣмъ употребляетъ какъ утиральникъ, привѣшивая ее къ уздечкѣ той лошади, на которой ѣздитъ самъ, и гордится этимъ. Скизъ, располагающій наибольшимъ числомъ такихъ утиральниковъ изъ кожъ непріятелей, почитается доблѣстнѣйшимъ человекомъ. Многие скизы приготавливаютъ себѣ изъ содранныхъ кожъ плащи, въ которые и одѣваются; для этого кожи шиваются вмѣстѣ, какъ ковы шкурки. Съ другой стороны многіе изъ нихъ снимаютъ кожу до самыхъ ногтей съ правыхъ рукъ убитыхъ враговъ и приготавливаютъ изъ этихъ кожъ футляры для колчановъ. Человѣческая кожа дѣйствительно толста и блестяща, блескомъ и бѣлизною превосходитъ почти всѣ другія кожи. Наконецъ многіе скизы снимаютъ кожу со всего трупя, напильваютъ ее на палки и возятъ съ собою на лошадяхъ. Таковы у нихъ военные обычаи.

65. Съ головами враговъ, не всѣхъ впрочемъ, но ненавистнѣйшихъ, скизомъ обрабатываютъ такъ: всѣ они отпиливаютъ ту часть головы, что пониже бровей, и

потомъ вычищаютъ черепъ изнутри; если скизъ — человекъ бѣдный, онъ только обтягиваетъ черепъ снаружи сырой бычьей кожей и въ такомъ видѣ пользуется имъ; если онъ богатъ, то, обтянувши черепъ кожей, покрываетъ его внутри золотомъ и употребляетъ вмѣсто чаши. Поступаютъ такъ скизы и съ тѣми родственниками, съ которыми входятъ въ распрю, если обвинитель передъ лицомъ царя одержитъ верхъ надъ обвиняемымъ. Когда являются въ гости лица, которымъ скизъ желаетъ оказать вниманіе, онъ выставляетъ эти черепа, причемъ напоминаетъ, что это были его родственники, что они вступили было съ нимъ въ борьбу, но онъ вышелъ изъ распри побѣдителемъ; разсказываетъ это какъ геройскій подвигъ.

66. Ежегодно разъ въ году каждый начальникъ въ своемъ околоткѣ приготавливаетъ чашу вина, изъ которой пьютъ тѣ лишь скизы, которые умертвили враговъ; напротивъ тѣ изъ скизовъ, за которыми нѣтъ такихъ подвиговъ, не вкушаютъ этого вина и какъ обезчещенные садятся въ сторонѣ; это самый тяжкій позоръ для нихъ. Напротивъ, если кто изъ скизовъ убилъ очень много враговъ, тотъ получаетъ двѣ чаши и пьетъ вино изъ обѣихъ разомъ.

67. Гадателей у скизовъ много, и гадаютъ они по многочисленнымъ ивовымъ прутьямъ слѣдующимъ образомъ: приносятъ съ собою большіе пучки прутьевъ, кладутъ ихъ на землю и располагаютъ врозь, потомъ, перекладывая одинъ пруттикъ за другимъ, они прорицаютъ; пока изреченія произносятся, гадатели снова собираютъ прутья въ пучки и снова кладутъ одинъ прутъ за другимъ. Это — исконный способъ гаданія у скизовъ. По словамъ енареевъ, жекоподобныхъ мушинъ, искусство гаданія даровано имъ Афродитой. Для гаданія они употребляютъ нижнюю лицевую кожу, которую дѣлятъ на три полоски, переплетаютъ эти полоски между

пальцами, потомъ расплетаютъ ихъ и въ это время произносятъ изреченія.

68. Въ случаѣ болѣзни скизскій царь приглашаетъ трехъ наиболѣе знаменитыхъ гадателей, которые производятъ гаданіе упомянутымъ выше способомъ. При этомъ наизяще они объявляютъ, что такой-то или иной изъ народа, называя его по имени, должно клясться божевами царскаго очага, а у скизовъ существуетъ обычай — давать торжественнѣйшую клятву во имя царскихъ домашнихъ божевъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда они желаютъ представить священнѣйшую клятву. Человека, обвиняемаго въ клятвопреступленіи, тотчасъ схватываютъ и доставляютъ на судъ; засимъ гадатели уличаютъ его въ томъ, что онъ по свидѣтельству гаданія виновенъ въ клятвопреступленіи противъ божевъ царскаго очага, и что вслѣдствіе этого и болѣетъ царь. Обвиняемый возражаетъ, настойчиво увѣряя, что онъ не нарушилъ клятвы. Если обвиняемый отрицаетъ вину, царь призываетъ другихъ гадателей, числомъ вдвое больше противъ прежняго. Если и эти гадатели на основаніи своего искусства обвиняютъ подсудимаго въ клятвопреступленіи, ему немедленно отсѣкаютъ голову, а имущество его достается на долю первыхъ гадателей. Но еслибы вторые гадатели оправдали подсудимаго, въ такомъ случаѣ призываются новые и опять новые гадатели. Если большинство гадателей оправдываетъ подсудимаго, то постановляется, что первые гадатели должны погибнуть сами.

69. Казнятъ ихъ такимъ образомъ: повозку наполняютъ хворостомъ и запрягаютъ въ нее быковъ; сковыпаютъ гадателямъ ноги, а руки связываютъ на спину, затыкаютъ рты и въ такомъ видѣ вкладываютъ гадателей въ середину хвороста, потомъ зажигаютъ хворостъ, пугаютъ быковъ и гонятъ. Множество быковъ гибнетъ въ пламени вмѣстѣ съ гадателями, другіе быки

хотя и опаляются, спасаются бѣгствомъ, когда сгорить дѣшло. Этимъ способомъ сожигаютъ гадателей и за разныя другія провинности, причѣмъ они называются живыми гадателями. Царь не оставляетъ въ живыхъ и дѣтей каменныхъ гадателей; все мужское поколѣніе ихъ онъ велитъ казнить, а женскаго не трогаетъ.

30. Если скиѣ заключаютъ съ кѣмъ-либо клятвенный договоръ, то поступаютъ при этомъ такъ: въ большую глиняную чашу наливается вино, къ нему пришибивается кровь договаривающихся, причѣмъ симъ послѣднимъ дѣлаютъ уколы шиломъ или небольшіе разрывы ножомъ на тѣлѣ, потомъ погружаютъ въ чашу мечъ, стрѣлы, сѣкиру и метательное копье. По совершеніи этого они долго молятся, засимъ пьютъ смѣсь какъ сами договаривающіеся, такъ и внятнѣйшіе изъ присутствующихъ.

31. Гробницы царей находятся въ Геррахъ, до которыхъ Борисеенскъ судоходенъ. Послѣ смерти царя тамъ тотчасъ выкапывается большая четырехугольная яма; по изготовленіи ея принимаются за покойника и воскомъ покрываютъ его тѣло, но предварительно разрѣзываютъ ему животъ, вычищаютъ его и наполняютъ толченымъ куперомъ, ладаномъ, сѣменами сельдерея и аниса, погомъ сшиваютъ и везутъ въ повозкѣ къ другому народу. Тотъ народъ, къ которому привозятъ покойника, дѣлаетъ то же самое, что и царственные скиѣ, именно: и тамъ люди отрѣзываютъ себѣ часть уха, стригутъ кругомъ волосы, дѣлаютъ себѣ на рукахъ порывы, расцарапываютъ лобъ и носъ, а лѣвую руку прокалываютъ стрѣлами. Отсюда перевозятъ трупъ царя къ другому подвластному имъ народу, между тѣмъ какъ тотъ народъ, къ которому они приходили раньше, слѣдуетъ за покойникомъ. Объявляши такимъ образомъ все народы, царскіе скиѣ являются въ землю отдаленнѣйшаго подчиненнаго имъ народа — герровъ, гдѣ

находится и кладбище. Здѣсь трупъ хоронятъ въ могилѣ на соломенной подстилкѣ, по обѣимъ сторонамъ трупа вбиваютъ копы, на нихъ кладутъ брусья и все покрываютъ рогожей. Въ остальной обширной части могилы хоронятъ одну пѣзго наложницъ, предварительно задушивши ее, а также виночерція, повара, конюха, приближеннаго слугу, вѣстовщика, наконецъ лошадей, первенцевъ всякаго другаго скота и золотыя чашы, — серебра и мѣди царя скиѣ совѣтъ не употребляютъ; послѣ этого все вмѣстѣ устраиваютъ большую земляную пашню, прилагая особенное стараніе къ тому, чтобы она вышла какъ можно больше.

32. По прошествіи года скиѣ опять совершаютъ слѣдующее: изъ оставшихся слугъ выбираютъ пятьдесятъ человѣкъ, угодныхъ царю; это — природные скиѣ, какъ царю, по его приказанію, служатъ только такіе люди; купленныхъ за деньги слугъ у него не бываетъ; выбираютъ также пятьдесятъ наилучшихъ лошадей; тѣхъ и другихъ удавливаютъ, выпинаютъ изъ нихъ внутренности, очищаютъ животъ и, наполнивши его отрубями, зашиваютъ, потомъ укрѣпляютъ на двухъ столбахъ по ловипу колеса такъ, чтобы ободъ его былъ обращенъ внизъ, другую половину устанавливаютъ на двухъ другихъ столбахъ; тѣмъ же способомъ сколачивается вообще много ступковъ; послѣ этого вбиваютъ въ лошадей, въ длину ихъ толстыя колы, проходящіе до самой шеи, и въ такомъ видѣ поднимаютъ лошадей на колесныя ободья, причѣмъ на переднихъ полукругахъ помѣщаются плечи лошадей, а на заднихъ держатся туловища у самыхъ бедеръ, такъ что обѣ пары ногъ свѣшиваются внизъ, не доставая до земли; наконецъ накидываютъ на лошадей уздечки и удила, тянутъ ихъ впередъ и прикрѣпляютъ къ колышкамъ. Кромѣ того, удавливаютъ пятьдесятъ юношей и по одному сажаютъ на лошадей слѣдующимъ образомъ: въ трупъ cadaго юно-

ши загоняется вдоль спинного хребта прямой коль, доходящей до шеи; нижний выступающий конец его вбивается въ пробурвленную дыру другаго кола того, что проходить черезъ лошадь; поставивши такихъ всадниковъ вокругъ могилы, скиновъ расходятся. Такъ хоронятъ они царей.

73. Что касается прочихъ скиновъ, то въ случаѣ смерти кого нибудь изъ нихъ ближайшіе родственники кладутъ покойника на повозку и везутъ къ его друзьямъ. Каждый изъ нихъ устрояется для спутниковъ покойника обильный пиръ, причемъ отъ всѣхъ угощений удѣляется часть и покойнику. Частныхъ лицъ возить такимъ образомъ въ теченіе сорока дней, а потомъ хоронятъ. Послѣ похоронъ скиновъ очищаютъ себя слѣдующимъ образомъ: умащаютъ, а потомъ обмываютъ себя волосы; для очищенія тѣла ставятъ три шеста, наклоненныхъ одинъ къ другому, натягиваютъ на нихъ войлоки, плотно между собою связанные; посреди шатра ставится ванна, въ которую бросаютъ раскаленные до красна камни.

74. Въ Скионіи произрастаетъ конопля, очень похожая на ленъ, только гораздо толще и выше его. Она тамъ засѣвается, но растетъ также и въ дикомъ состояніи; оракіяне приготавлиютъ себѣ изъ нея платье до такой степени похожее на льняное, что человѣкъ, недостаточны опытный, не сможетъ узнать, сдѣлано ли платье изъ конопли, или изъ льна; а кто никогда не видѣлъ конопляной матеріи, тотъ приметъ такое платье за льняное.

75. Съ сѣменами конопли въ рукахъ скиновъ входятъ подъ войлоки шатра и тамъ бросаютъ сѣмена на раскаленные камни; отъ этого поднимаются такой дымъ и паръ, что никакая еллипсеа баня не превзойдетъ въ этомъ отношеніи скинской. Скиновъ наслаждаются такой баней и волятъ отъ удовольствія. Это замѣняютъ

для нихъ купанье; дѣйствительно, они вовсе не обмываютъ себя тѣла водою. Впрочемъ скинскія женщины подливаютъ воды къ перетираемымъ на твердомъ камнѣ кусочкамъ кипариса, кедра и ладана и вымазываютъ себѣ все тѣло и лицо получаемой такимъ образомъ густой массой, что придаетъ тѣлу пріятный запахъ: когда на слѣдующій день мазь отнимутъ, тѣло ихъ становится чистымъ и глинецвитымъ.

76. Подобно другимъ варварамъ скиновъ ревниво избегаютъ заимствованія чужеземныхъ учрежденій, какъ отъ остальныхъ скинскихъ народовъ, такъ въ особенности отъ еллиновъ; доказали это примѣры Анахарсиса и потомъ Скилы. Прежде объ Анахарсисѣ, который посѣтилъ многія страны, стужалъ себѣ славу великаго мудреца и потомъ вернулся въ землю скиновъ; на этомъ пути черезъ Геллеспонтъ онъ присталъ къ Кизвику и увидѣлъ тамъ устроенный кизикіянами чрезвычайно торжественный праздникъ въ честь Матери боговъ. При этомъ Анахарсисъ далъ обѣтъ Матери: если возвратится здоровымъ и благополучнымъ на родину, совершить такое же самое празднество, какое онъ видѣлъ у кизикіянъ, и установить всенощное бдѣніе. По возвращеніи въ Скионію, онъ удалился въ такъ называемую Гилею, что подлѣ Ахиллова Бѣга, изобилующую всевозможнымъ лѣсомъ; укрывшись сюда, онъ увѣшалъ себя изображеніями богини и устроилъ въ честь ея полное празднество съ литаврами въ рукахъ. Кто-то изъ скиновъ замѣтилъ Анахарсиса за этимъ празднествомъ и донесъ царю Савлю; тотъ самъ явился на мѣсто дѣйствія и, увидѣвши, что Анахарсисъ совершаетъ это празднество, умертвилъ его стрѣлою изъ лука. Если теперь спросить кого-нибудь изъ скиновъ объ Анахарсисѣ, онъ отвѣчаетъ, что не знаетъ его, и это потому, что Анахарсисъ путешествовалъ въ Елладу и позаимствовалъ чужеземные нравы. Отъ Тимны, довѣреннаго Аріаней-

ееса, я слышалъ, что Анахарсисъ былъ дядя по отцу скинскаго царя Иданеирса, сынъ Гнура, внукъ Лика и правнукъ Спаргапейееса. Если Анахарсисъ былъ дѣйствительно такого происхожденія, то значить онъ умеръ отъ руки брата, такъ какъ Иданеирсъ былъ сынъ Савліа, а Савлій былъ убійцею Анахариса.

77. Впрочемъ я слышалъ еще и другой разсказъ, сообщаемый пелопоннесцами, именно, что Анахарсисъ отправился къ еллинамъ по приказанію скинскаго царя и учился у нихъ, а по возвращеніи на родину будто бы объявлялъ отправившему его царю, что всѣ еллины, за исключеніемъ лакедемонянъ, трудомъ добываютъ себѣ всякія знанія, однако съ одними только лакедемонянами можно вести мудрыя бесѣды. Но разсказъ этотъ суежное измышленіе самихъ еллиновъ; во всякомъ случаѣ Анахарсисъ погибъ такъ, какъ о томъ сообщено выше.

78. Такъ кончилъ жизнь Анахарсисъ за то, что заметывалъ чужое и спонялся съ еллинами, а много лѣтъ спустя послѣ этого подобная участь постигла сына Аріапейееса, Скилу. У царя скиновъ Аріапейееса, кромѣ другихъ дѣтей, былъ сынъ Скила; онъ родился отъ женщины истринки, а ужъ вовсе не отъ туземки. Сама мать обучила его еллинскому языку и письму. Съ теченіемъ времени Аріапейеесъ умеръ, — онъ палъ жертвою коварства Спаргапейееса, царя агаеирсовъ, послѣ чего царскую власть наслѣдовалъ Скила, получившій также и жену покойнаго царя; имя ея было Опоа. Опоа эта была скионка; отъ нея у Аріапейееса былъ сынъ Оригъ. Царетвуя надъ скионами, Скила вовсе не любилъ скинскаго образа жизни, потому что вслѣдствіе полученнаго имъ воспитанія питалъ горавдо большую склонность къ еллинскимъ правамъ, и поэтому поступалъ такимъ образомъ: всякій разъ, когда съ скинскимъ войскомъ являлся въ городъ бори-

сеенитовъ, — эти борисеениты сами себя называютъ милетянами, — Скила оставлялъ свое войско въ предмѣстьѣ, а самъ входилъ въ городъ, велѣлъ запереть за собою ворота, снималъ съ себя скинское платье и одѣвался въ еллинское; въ такомъ видѣ онъ ходилъ по рынку безъ тѣлохранителей и безъ всякой свиты; у городскихъ воротъ стояла стража для того, чтобы кто-либо изъ скиновъ не увидѣлъ его въ такомъ платьѣ; онъ вообще жилъ по-еллински, между прочимъ по еллинскому способу совершалъ жертвоприношеніе богамъ. Спустя мѣсяцъ или больше онъ снова облачался въ свое скинское платье и удалялся изъ города. Продлѣвлялъ онъ это часто; сверхъ того построилъ себѣ домъ въ Борисеенесѣ и въ него ввелъ жену туземку.

79. Скилѣ суждено было погибнуть, и гибель постигла его по слѣдующему случаю: онъ возымѣлъ сильное желаніе быть посвящену въ таинства Вакхическаго Діониса, и вотъ въ то время, когда готовился принять посвященіе, случилось замѣчательнѣйшее чудесное знаменіе. Въ городѣ борисеенитовъ, о чемъ я упомянулъ немного выше ¹⁾, Скила имѣлъ обширный пышный домъ, вокругъ котораго стояли сфинксы и грифы изъ бѣлаго мрамора; въ этотъ-то домъ божество метнуло огненную стрѣлу, такъ что онъ весь сгорѣлъ. Скила однако не смутился этимъ и принялъ посвященіе. Съ своей стороны скины осуждаютъ еллиновъ за ихъ вакхическія празднества, замѣчая, что не подобаетъ выдумывать себѣ такое божество, которое повергало бы людей въ изступленіе. Когда Скила посвятилъ себя служенію Вакху, кто-то изъ борисеенитовъ обратился къ скинамъ съ слѣдующимъ насмѣшливымъ замѣчаніемъ: „вы смѣтаете надъ нами, скины, за то, что мы устроиваемъ вакханаліи, и что божество вселяется

1) IV, 78.

въ насъ, а вотъ теперь то же самое божество вселилось въ вашего царя: онъ совершаетъ вакханаліи, и божество повергаетъ его въ иступленіе. Если не вѣрите, ступайте за мною, я покажу вамъ⁴. Скиские старшины послѣдовали за Бориссенитомъ, который ввелъ ихъ тайкомъ на башню и тамъ посадилъ Скила появивша вѣстѣ съ праздничной толпой и совершалъ вакханаліи; при видѣ этого скиномъ сильно вознегодовали и, сошедши съ башни, рассказали видѣнное всему воинству.

80. Когда послѣ этого Скила возвратился на родину, скиномъ поставили надъ собою царемъ брата его, Октамасаду, сына Тересовой дочери, и вбунтовались противъ Скилы. Узнавши о томъ, что готовится ему и изъ за чего, онъ бѣжалъ во Фракію; Октамасада получилъ объ этомъ вѣстіе и собрался идти войною на Фракію. Когда затѣмъ онъ появился на Истрѣ, противъ него выступили фракіяне; бой долженъ былъ тотчасъ начаться, но Ситалка отправилъ къ Октамасадѣ глашатая съ слѣдующимъ предложеніемъ: „къ чему намъ испытывать другъ друга? Ты снѣ сестры моей и въ своей власти держишь моего брата. Возврати мнѣ его, а я тебѣ выдамъ твоего Скилу. Ни ты, ни я не станемъ подвергать наши войска опасности⁴. Вотъ что Ситалка сказалъ черезъ глашатая; дѣйствительно, бѣжавшій отъ него братъ скрывался у Октамасады. Октамасада принялъ предложеніе и за выданаго племянника по матери получилъ отъ Ситалки брата Скилу. Послѣ этого Ситалка съ братомъ удалился, а Октамасада велѣлъ тутъ же отрубить голову Скилѣ. Столь ревниво оберегаютъ скиномъ свои учрежденія и такъ караютъ виновныхъ въ ихъ нарушеніи и въ заимствованіи чужихъ обычаевъ.

81. Численность скиноевъ я не имѣлъ возможности узнать достоверно, но слышалъ объ этомъ два различ-

ныхъ мнѣніи: одно—что ихъ очень много, и другое—что собственно скиноевъ мало. Однако вотъ что мнѣ показали: между рѣками Бориссеносомъ и Гипанисомъ находится область по имени Эксампай. Относительно ея немного раньше и упоминалъ, что тамъ находится горькій источникъ, и что вытекающая изъ него вода дѣлаетъ воду Гипаниса негодной для питья¹⁾; въ этой области стоитъ мѣдный сосудъ, по величинѣ въ шесть разъ превосходящій ту чашу, что находится у входа въ Понтъ, на Фракійскомъ Боспорѣ, и что была поставлена сыномъ Клеомброта Павсаніей. Для невиданныхъ ея сообщу слѣдующее: мѣдный сосудъ у скиноевъ свободно вмѣщаетъ въ себѣ шестьсотъ амфору, а толщина его шесть пальцевъ. По словамъ туземцевъ, сосудъ сдѣланъ изъ наконечниковъ стрѣлъ, а произошло это будто бы такъ: однажды царь ихъ, по имени Арианта, пожелалъ опредѣлить численность скиноевъ и приказалъ, чтобы всѣ скиномъ доставили ему по одному наконечнику отъ стрѣлы; кто не доставитъ, будетъ казненъ смертию. Наконечниковъ стрѣлъ спесено было очень много, и царь рѣшилъ соорудить изъ нихъ памятникъ. Такимъ образомъ сосудъ этотъ сдѣланъ, по приказанію царя, изъ наконечниковъ стрѣлъ и поставленъ въ Эксампай. Вотъ что рассказывали мнѣ о численности скиноевъ.

82. Достопримѣчательностей страна эта не имѣетъ, за исключеніемъ развѣ очень большихъ многочисленныхъ рѣкъ. Впрочемъ можно упомянуть здѣсь еще объ одной достопримѣчательности въ Скиіи, помимо рѣкъ и обширности равнины, именно: на берегу рѣки Тиръ показываютъ ступию Геракла въ скалѣ, похожую на слѣдъ челоуѣка, но въ два локтя длины. Довольно объ

¹⁾ IV, 52.

этомъ; теперь я возвращусь къ разсказу, обѣщанному вначалѣ ¹⁾).

83. Между тѣмъ, какъ Дарій готовился къ походу на скивовъ и посылалъ вѣстниковъ къ народамъ съ приказаніемъ однимъ доставлять пѣхоту, другимъ флотъ, третьимъ перекидывать мостъ черезъ Фракійскій Боспоръ, сынъ Гистаспеса и братъ Дарія, Артабанъ, рѣшительно совѣтовалъ ему не ходить войною на скивовъ, напоминая при этомъ объ ихъ бѣдности. Однако Дарій не внялъ его благоразумнымъ совѣтамъ, и Артабанъ оставилъ брата въ покоѣ. Покончивши со всѣми приготовлениями къ походу, Дарій вышелъ съ войскомъ изъ Сузъ.

84. Въ это время пѣкій персъ Ойобазъ просилъ Дарія оставить при немъ одного изъ сыновей; ихъ у него было три, и всѣ выступали въ походъ. Дарій отвѣчалъ, что онъ любитъ его, Ойобаза, что просьба его скромна, и за это онъ оставитъ ему всѣхъ сыновей. Ойобазъ очень обрадовался этому въ надеждѣ, что сыновья будутъ освобождены отъ военной службы. Между тѣмъ Дарій велѣлъ находившимся при немъ лицамъ казнить всѣхъ сыновей Ойобаза. Такъ они были умерщвлены и остались на мѣстѣ.

85. Вышедши изъ Сузъ, Дарій прибылъ къ Халкедонѣ на Боспорѣ, гдѣ былъ положенъ мостъ, тамъ сѣлъ на корабль и отплылъ къ такъ называемымъ Кіанеямъ, которые по словамъ еллиновъ были нѣкогда блуждающими. Онъ сѣлъ на косъ и оттуда глядѣлъ на Понть, которымъ дѣйствительно можно было любоваться. Изъ всѣхъ морей это—наиболѣе достопримѣчательное. Въ длину оно имѣетъ одиннадцать тысячъ сто стадій, а въ ширину въ самой широкой части три тысячи триста, тогда какъ проходъ въ море имѣетъ въ шири-

ну всего четыре стадіи; это—устье моря, или шея, имеваемая Боспоромъ; тамъ, гдѣ положенъ мостъ, оно имѣетъ въ длину сто двадцать стадій. Боспоръ простирается до Пропонтиды, а Пропонтида, имѣющая въ ширину пятьсотъ стадій, въ длину тысячу четыреста,падаетъ въ Геллеспонтъ; этотъ послѣдній въ самомъ узкомъ мѣстѣ имѣетъ семь стадій ширины и четыреста длины. Геллеспонтъ называется въ то широкое море, которое называется Эгейскимъ.

86. Измѣренія эти я произвелъ слѣдующимъ образомъ: обыкновенно корабль проходитъ въ теченіе довольно длиннаго дня почти семьдесятъ тысячъ сажень, а за ночь шестьдесятъ тысячъ. Между тѣмъ отъ устья Понта до Фасида, что составляетъ длиннѣйшую часть Понта, плаваніе длится девять дней и восемь ночей, а это даетъ миллионъ сто десять тысячъ сажень, или одиннадцать тысячъ сто стадій. До Фемискиры, что на рѣкѣ Фермондѣ, отъ Синдикіи, — въ этомъ мѣстѣ Понть наиболѣе широкъ,—три дня и двѣ ночи плаванія, что составляетъ тридцать тысячъ триста сажень, или три тысячи триста стадій. Такимъ-то способомъ измѣрилъ я Понть, Боспоръ и Геллеспонтъ, и моря эти дѣйствительно таковы, какими я описалъ ихъ. Подлѣ того же самаго Понта лежитъ озеро, въ него изливающееся и равнѣ только немного меньшее Понта; называется оно Меоидою и матерью Понта.

87. Налюбовавшись моремъ, Дарій отплылъ обратно къ мосту, строителемъ котораго былъ саміинианъ Мандроклъ. Осмотрѣвши также Боспоръ, онъ велѣлъ поставить на берегу его два столба изъ бѣлаго мрамора и начертать на одномъ изъ нихъ асирійскими, а на другомъ еллинскими письменами имена всѣхъ народовъ, съ которыми онъ шелъ въ походъ, а онъ велъ съ собою всѣ подвластные народы. Въ войскѣ его съ конницей, но безъ флота, насчитывалось семьсотъ тысячъ

¹⁾ IV, 1.

человѣкъ, а кораблей собрано было шестьсотъ. Вплослѣдствіи византійцы перенесли эти столбы въ свой городъ и употребили ихъ на жертвенникъ Артемиды Ореосіи, за исключеніемъ впрочемъ одного камня, на которомъ были ассирійскія письма, и который покинули они подлѣ храма Діониса въ Византіи. Та часть Боспора, берега которой Дарій соединилъ мостомъ, занимаетъ, какъ мнѣ думается, середину между Византіей и храмомъ, что у входа въ Боспоръ.

88. Дарій остался доволенъ мостомъ и потому наградилъ строители его саміяннина Мандрокла всевозможными подарками, причемъ далъ всего по десяти. Часть этихъ подарковъ употребилъ Мандроклъ на картину, на которой изображены были цѣлый мостъ, Дарій, сидящій на высокомъ тронѣ, и все его войско въ моментъ переправы; картину эту онъ пожертвовалъ въ храмъ Геры съ такою надписью: „по соединеніи обильнаго рыбю Боспора Мандроклъ пожертвовалъ это Герѣ въ память о мостѣ; имъ стяжалъ онъ себѣ вѣнокъ, а саміянамъ славу, потому что исполненіемъ угодилъ царю Дарію“.

89. Таковъ былъ памятникъ, оставленный по себѣ строителемъ моста, а Дарій, одаривши Мандрокла, началъ переправу въ Европу, предварительно приказавши іонянамъ плыть вверхъ по Понту до рѣки Истра, а по прибытіи къ Истру ожидать его и положить мостъ черезъ рѣку; флотъ вели іоняне, эоляне и гелеспонтцы. Проплывши Кіанен, флотъ направился прямо къ Истру и потомъ поднялся вверхъ по рѣкѣ на два дня плаванія отъ моря; шею рѣки, тамъ, гдѣ она раздѣляется на рукава, онъ соединилъ мостомъ. Перешедши по мосту черезъ Боспоръ, Дарій двинулся далѣе черезъ Фракію, прибылъ къ истокамъ рѣки Теара и тамъ же теченіе трехъ дней стоялъ лагеремъ.

90. По словамъ окрестныхъ жителей, рѣка Теаръ

превосходить всѣ прочія рѣки по своимъ цѣлебнымъ свойствамъ вообще, а главное потому, что излѣчиваетъ чесотку у людей и лошадей. Источниковъ этой рѣки тридцать восемь; всѣ они вытекаютъ изъ одной и той же скалы; одни изъ нихъ имѣютъ холодную воду, другіе теплую. Пути къ этимъ источникамъ одинаковы по длинѣ отъ города Герея, что подлѣ Перинѳа, и отъ Аполлоніи, что на Евксинскомъ Понтѣ, каждый въ два дни. Теаръ изливается въ рѣку Контадесдъ, а Контадесдъ въ Агріану, Агріана въ Гебръ, а этотъ послѣдній въ море подлѣ города Эна.

91. У этой рѣки Дарій расположился лагеремъ и пользовался здѣсь довольствомъ, въ память чего велѣлъ поставить столбъ съ надписью: „изъ числа всѣхъ рѣкъ источники Теара доставляютъ пріятнѣйшую и здоровѣйшую воду; къ нимъ пришелъ во главѣ войска доблестнѣйшій и прекраснѣйшій изъ всѣхъ людей, Дарій, сынъ Гистаснеса, владыка персовъ и всего материка“. Такова была та надпись.

92. Отправившись отсюда, Дарій подошелъ къ другой рѣкѣ, по имени Артескъ, которая протекаетъ черезъ землю одрисовъ. Здѣсь онъ указалъ войску опредѣленную мѣстность и отдалъ приказаніе, чтобы каждый воинъ, проходя мимо этой мѣстности, положилъ по одному камню. Войско исполнило это приказаніе, благодаря чему Дарій, уходя далѣе съ войскомъ, оставилъ за собою огромныя кучи камней.

93. Прежде чѣмъ дойти до Истра, Дарій покорилъ, во-первыхъ, гетовъ, вѣрующихъ въ бессмертіе души. Дѣйствительно, еракіяне изъ Салмидесса, а также тѣ, что живутъ выше городовъ Аполлоніи и Месамбрин, именуемые кирманями и нисеями, сдались Дарію безъ боя. За то геты, изъ еракіянъ наиболѣе мужественные и справедливые, оказали сопротивленіе, но быстро были покорены.

94. Вѣра гетовъ въ божество души состоитъ въ слѣдующемъ: они убѣждены, что люди со смертію не умираютъ, но удаляются къ божеству Салмоксису; нѣкоторые изъ нихъ называютъ то же самое божество Гебелейвисомъ. Черезъ каждые четыре года на пятый они посылаютъ изъ своей среды по жребію одного человѣка въ качествѣ вѣстника къ Салмоксису; при этомъ даются ему порученія относительно того, что въ данное время наиболѣе для нихъ потребно. Вѣстникъ посылается такимъ образомъ: одни выстроиваются въ рядъ съ тремя метательными копьями въ рукахъ, другіе берутъ посланца къ Салмоксису съ обѣихъ сторонъ за руки и за ноги, подбрасываютъ его высоко въ воздухъ, такъ что онъ падаетъ на копья. Если проколотый человѣкъ умираетъ, то божество признается милостивымъ къ гетамъ; если же онъ не умираетъ, то гетамъ вѣнчать въ томъ самого вѣстника, считая его человѣкомъ почрочнымъ, и затѣмъ отправляютъ къ божеству другаго человека. Порученія даются ему еще при жизни. Эти же самые еракіяне пускаютъ стрѣлы въ небо противъ грома и молніи, сопровождая стрѣльбу угрозами божеству; никакого иного божества, кромя своего, они не признаютъ.

95. Какъ слышалъ я отъ еллиновъ, живущихъ по берегамъ Геллеспонта и Понта, этотъ самый Салмоксисъ былъ человѣкомъ, именно, рабомъ сына мнесархова Пноагоры на Самѣ; потомъ онъ сдѣлался свободнымъ, приобрѣлъ большое состояніе и вернулся снова на родину. Еракіяне глуповаты и ведутъ жалкую жизнь, а Салмоксисъ познакомился съ образомъ жизни іонянъ и съ такими нравами, которые для еракіянъ были слишкомъ утонченны, ибо онъ имѣлъ общеніе съ еллинами и съ мудрейшими изъ нихъ, Пноагорою; на родинѣ онъ устроилъ для себя залъ, въ которомъ радушно принималъ знатнѣйшихъ гражданъ и за обиль-

ными пиршествами училъ гостей, что ни онъ самъ, ни застольные товарищи его, ни потомки ихъ, даже самыя отдаленныя не умрутъ, но удалятся въ такую страну, гдѣ будутъ жить вѣчно и будутъ пользоваться всеми благами. Поступая и проповѣдуя такимъ образомъ, онъ тѣмъ временемъ соорудилъ для себя подземное помѣщеніе. Когда оно было совсѣмъ готово, Салмоксисъ удалился изъ среды еракіянъ, нисшелъ въ подземелье и тамъ прожилъ три года. Геты скучали и сожалѣли по немъ, какъ по умершемъ; но на четвертый годъ онъ явился къ еракіянамъ и такимъ способомъ внушилъ довѣріе къ тому, что проповѣдывалъ. Вотъ что, говорили мнѣ, сдѣлалъ онъ.

96. Что касается меня, то я и не отрицаю разсказовъ о немъ и о подземномъ помѣщеніи его, но и не слишкомъ довѣряю имъ; полагаю во всякомъ случаѣ, что Салмоксисъ этотъ жилъ за много лѣтъ до Пноагоры. Однако былъ-ли Салмоксисъ человѣкъ, или туземное божество гетовъ, довольно о немъ.

97. Итакъ геты, имѣющіе такія вѣрованія, были покорены персами и послѣдовали за остальнымъ войскомъ. Когда Дарій со всеми своимъ войскомъ пришелъ къ Истру, то послѣ переправы приказалъ іонянамъ разрушить мостъ и слѣдовать за нимъ вмѣстѣ съ воинами съ кораблей. Въ то время, какъ іоняне собирались исполнить приказаніе и разрушить мостъ, нѣкто Коесъ, сынъ Ерксандра, вождь мтиленянъ, спросилъ Дарія, угодно-ли ему будетъ выслушать мнѣніе человѣка, желающаго говорить, и обратился къ нему съ такою рѣчью: „ты готовишься, царь, вторгнуться въ такую страну, гдѣ не найдешь ни вспаханнаго поля, ни населеннаго города. Пускай этотъ мостъ остается нерушимъ на мѣстѣ, а стражами при немъ поставь тѣхъ самыхъ лицъ, которые соорудили его. Если мы найдемъ сквевовъ и предпріятіе наше кончится счастливо, у насъ

будеть обратный путь; если же мы не сможем найти ихъ, то по крайней мѣрѣ обратный путь для насъ обеспеченъ. Я не того боюсь, что скныи одолѣютъ насъ въ сраженіи, а скорѣе того, что мы не найдемъ ихъ и въ блужданіяхъ будемъ терпѣть невгоды. Могу сказать однако, что я предлагаю это не ради себя, не изъ желанія остаться здѣсь; я высказываю лишь мнѣніе, которое кажется мнѣ наиболее выгоднымъ для тебя, царь; самъ же послѣдую за тобою и не помышляю оставаться". Дарію очень понравилось это предложеніе, и онъ такъ отвѣчалъ Коесу: „любезный лесбиянищъ, когда благополучно возвращусь домой, ты явись ко мнѣ непременно, и я наградою отплатю тебѣ за твоей благой совѣтъ".

98. Послѣ этого царь завязалъ на ремнѣ шестьдесятъ узловъ, повалъ на совѣщаніе къ себѣ іонійскихъ тирановъ и сказалъ имъ: „прежде высказанное мною рѣшеніе относительно моста, іоняне, я отмѣняю; теперь возьмите этотъ ремень и поступите такъ: начиная какъ разъ съ того времени, когда я пойду на скыиовъ, развязывайте на ремнѣ каждый день по одному узлу; еслибы за этотъ промежутокъ времени и не явился назадъ и миновало бы число дней, обозначенное узлами, плывите обратно на родину; а до той поры оберегайте мостъ, приложите всѣческое стараніе къ защитѣ его и сохраненію въ цѣлости. Этимъ окажете мнѣ большую услугу". Дарій сказалъ это и немедленно двинулся дальше.

99. Передъ Скиеіей лежатъ Фракія, простирающаяся до моря. Скиеія начинается съ залива образуемаго Фракіей; здѣсь же входитъ въ Скиеію Истра, поворачивая на востокъ къ устью. Начиная отъ Истра я буду описывать съ цѣлью измѣренія приморскую часть собственно скыиеской земли. Эта, отъ Истра начинающаяся страна есть древняя Скиеія; она простирается на югъ

до города, именуемаго Каркинитидою. Слѣдующая за симъ страна у того же моря, гористая и выступающая въ Понтъ, занята народомъ тавровъ до такъ называемаго Суроваго полуострова, и по направленію къ востоку входитъ въ море. Съ двухъ сторонъ Скиеіи граничитъ моремъ, съ юга и съ востока, такъ же какъ и Аттика. Далѣе, если часть Скиеіи занимаютъ тавры, то вообразимъ себѣ, что подобно этому и въ Атикѣ на сунійской возвышенности жили бы не аоняне, по другой народъ, между деревнями Фориномъ и Анафлостомъ, причемъ мысъ выдавался бы еще больше въ море; я сравниваю это лишь по столько, по сколько позволительно малое сопоставлять съ большимъ. Такова Таврика. Впрочемъ для тѣхъ, которые не объѣзжали этой части Атики, я употреблю другой способъ объясненія, предполагая, что мысъ Япигія, начиная отъ гавани Брентесія до Тарента, отрѣзанъ и заселенъ не япигами, но другимъ народомъ. Хотя я упоминаю только эти двѣ страны, но можно бы назвать и много другихъ, на которыя походятъ Таврика.

100. За Таврикою, выше тавровъ и на побережьѣ восточнаго моря, живутъ уже скыиы, занимая земли на западномъ берегу Киммерійскаго Босфора и Меотидскаго озера вверхъ до рѣки Танаида, которая вливается въ уголь этого озера. Отъ Истра внутрь материка скыиы граничатъ прежде всего съ агаирисами, потомъ съ неврами, далѣе на востокъ съ андрофагами, наконецъ съ меланхленами.

101. Скиеія представляетъ собою четырехугольникъ, двѣ стороны котораго доходятъ до моря, причемъ линія, идущая внутрь материка, такой же длины, какъ и та, что тянется вдоль моря. Такъ, отъ Истра до Борисеенеса десять дней пути и столько же отъ Борисеенеса до Меотиды; съ другой стороны отъ моря внутрь страны до меланхленовъ, что живутъ надъ скыиами, двадцать

цать дней пути; дневной путь я определяю въ двѣсти стадій. Такимъ образомъ Скиѳія въ поперечникѣ имѣетъ четыре тысячи стадій; такой же даны и тѣ прѣмыя стороны ея, что идутъ внутрь материка. Таковъ объемъ этой страны.

102. На совѣтъ скиѳовъ порѣшили, что они одни въ открытомъ бою не въ состояніи отравить полчища Дарія, и потому разослали вѣстниковъ къ сосѣднимъ народамъ. Цари этихъ народовъ уже собирались для совѣщаній по случаю вторженія огромнаго войска; это были цари тавровъ, агаѳировъ, невровъ, андрофаговъ, меланхленовъ, гелонъ, будиновъ и савроматовъ.

103. Обычай тавровъ таковъ: въ жертву дѣвственницѣ богинѣ они приносятъ всякаго еллина, потерпѣвшаго кораблекрушеніе у береговъ ихъ или захваченнаго въ открытомъ морѣ, и поступаютъ при этомъ такъ: подлѣ предварительнаго освященія жертвы бьютъ ее по головѣ дубиной; по словамъ однихъ, тѣло жертвы бросаютъ внизъ со скалы, на которой помѣщается святилище, а голову насаживаютъ на колы; другіе относительно головы сообщаютъ то же самое, говорятъ однако, что туловище не сбрасывается со скалы, но закапывается въ землю. Сами тавры называютъ женское божество, которому приносятся такія жертвы, Ифигеніей, дочерью Агамемнона. Съ неприятелями, попавшими въ плѣнъ, они обращаются слѣдующимъ образомъ: каждый отрѣзываетъ неприятелю голову и уносить ее съ собой домой, потомъ натываетъ на длинный шестъ очень высоко надъ домомъ, большую часть даже надъ дымовою трубою; по словамъ тавровъ, это—стражи, поднимающіеся въ воздухъ надъ цѣлымъ домомъ. Живутъ тавры грабежомъ и войною.

104. Агаѳирсы напротивъ отличаются самыми мягкими правами и охотнѣе носятъ золотыя украшенія; женщинами агаѳирсы пользуются сообща съ тою

цѣлю, чтобы всемъ быть братьями между собою и родными и не возбуждать другъ въ другѣ ни зависти, ни вражды. Въ остальномъ по образу жизни они ходятъ на еракіянтъ.

105. У невровъ нравы скиѳскіе. За одно поколѣніе до похода Дарія зміи вынудили ихъ покинуть всю страну свою, именно: земля ихъ произвела множество зміи, а еще больше вторглось ихъ изъ верхнихъ пустынныхъ земель, пока наконецъ жители не были принуждены покинуть родину и не поселились вмѣстѣ съ будинами. Кажется, что люди эти колдуньи; по крайней мѣрѣ скиѳы и еллины, живущіе въ Скиѳіи, рассказываютъ, что ежегодно однажды въ годъ каждый невръ становится на нѣсколько дней волкомъ, а потомъ снова принимаетъ человѣчскій обликъ. Я не вѣрю этимъ рассказамъ, но такъ говорить, и рассказы удовольвряютъ клятвою.

106. Изъ всехъ народовъ андрофаги имѣютъ самыя дикіе нравы; нѣтъ у нихъ ни правды, ни закона. Андрофаги—кочевники, одѣваются по-скиѳски, но языкъ имѣютъ особенный; они одни изъ всехъ тамошнихъ народовъ употребляютъ въ пищу человѣчское мясо.

107. Меланхлены все носятъ черныя одежды, откуда и произошло ихъ наименованіе, а образъ жизни ведутъ скиѳскій.

108. Будины—народъ многолюдный, съ свѣтлоглубыми глазами и съ рыжими волосами. Въ землѣ ихъ есть деревянный городъ, по имени Гелонъ. Каждая сторона городской стѣны имѣетъ въ длину тридцать стадій; стѣна высока, вся изъ дерева, равно какъ и дома и храмы будиновъ. Тамъ есть святилища еллинскихъ божествъ съ кумирами, алтарями и храмами изъ дерева, а въ честь Діониса устроиваются тамъ каждые два года правднества съ оргіями. Первоначально гело-

ны были тѣ же еллины, удалившіеся изъ торговыхъ городовъ и поселившіеся среди будиновъ. Одни изъ нихъ говорятъ на скинскомъ языкѣ, другіе на еллинскомъ. Хотя будины ведутъ такой же образъ жизни, какъ и гелоны, но говорятъ на языкѣ особомъ.

109. Будины, туземцы въ этой странѣ, ведутъ кочевой образъ жизни и одни изъ тамошнихъ народовъ питаются основными пищами; гелоны напротивъ земледѣльцы, употребляютъ въ пищу хлѣбъ, занимаются садоводствомъ и не похожи на будиновъ ни сложениемъ, ни цвѣтомъ кожи. Впрочемъ у еллиновъ и будины называются гелонами, но это неправильно. Страна ихъ изобилуетъ разнородными лѣсами. Въ обширѣйшемъ изъ лѣсовъ находится большое озеро, окруженное болотомъ и тростникомъ. Въ озерѣ ловятся выдры, бобры и другія животныя съ четырехугольными мордами; кожи ихъ употребляются на опушку для кафтановъ, а дѣтородныя ядра считаются у будиновъ цѣлебными противъ маточной немочи.

✓ **110.** О савроматахъ рассказываютъ слѣдующее: когда въ сраженіи еллиновъ съ амазонками (амазонки у скивовъ называются „Ойорпата“, что въ переводѣ на еллинскій языкъ значитъ „мужеубійца“, именно: „ойоръ“ значитъ „мужъ“, а „пата“ убивать) на рѣкѣ Оермондѣ еллины одержали верхъ, они на трехъ судахъ отплыли оттуда обратно вмѣстѣ со всѣми, захваченными въ плѣнъ амазонками; однако въ открытомъ морѣ амазонки напали на мужчинъ и перебили ихъ; судовъ они не знали, не умѣли обращаться ни съ мачтами, ни съ парусами, ни съ веслами, а потому, перебивши мужчинъ, понеслись по волнамъ за вѣтромъ и прибыли къ Кремнамъ на Меотидскомъ озерѣ, — Кремны лежатъ въ землѣ свободныхъ скивовъ. Здѣсь амазонки сошли съ судовъ и пѣшкомъ дошли до обитаемой мѣстности; завладѣли первымъ попавшимся стадомъ лошадей,

если на нихъ верхомъ и занялись грабежомъ скинскихъ владѣній.

111. Скиевъ не могли объяснить себѣ случившагося, такъ какъ не знали ни языка амазонокъ, ни одежды и народности ихъ, и недоумѣвали, откуда онѣ; приняли ихъ за мужчинъ одинаковаго возраста и вступили съ ними въ бой. Въ сраженіи скиевъ овладѣли трупами амазонокъ и такимъ путемъ узнали, что это — женщины. Тогда на совѣтѣ скиевъ порѣшили ни въ какомъ случаѣ не убивать болѣе амазонокъ, но изъ своей среды отправить къ нимъ самыхъ молодыхъ приблизительно въ такомъ же числѣ, сколько было амазонокъ; юноши должны были расположиться лагеремъ по соседству съ ними и дѣлать все, что ни дѣлали бы вонтельницы; но если онѣ станутъ преслѣдовать ихъ, не сражаться съ ними, а убѣгать, пока тѣ не остановятъ преслѣдованія, тогда вернуться назадъ и по соседству снова расположиться лагеремъ. Такое рѣшеніе приняли скиевы изъ желанія имѣть отъ этихъ женщинъ дѣтей.

112. Отправленные юноши исполнили приказаніе, а амазонки, понявши, что тѣ пришли безъ всякаго злоумысла, оставили ихъ въ покоѣ; съ каждымъ днемъ оба лагеря сближались все больше. При этомъ ни юноши, ни амазонки не имѣли съ собою ничего, кромѣ вооруженія и лошадей, и потому подобно амазонкамъ добывали себѣ средства къ жизни охотой и грабежомъ.

113. Однажды въ полдень амазонки рассыпались по одной-по двѣ и отходили далеко другъ отъ дружки для удовлетворенія естественной потребности. Скиевъ это замѣтили и продѣлывали то же самое; а одинъ изъ нихъ подошелъ къ амазонкѣ, отдѣлившись отъ прочихъ; амазонка не оттолкнула его и доустала имѣть съ нею сообщеніе. Бесѣдовать съ юношей амазонка не могла, потому что они не знали языка другъ друга, и она сдѣлала ему знакъ рукою, чтобы онъ приходилъ на то же

самое мѣсто и завтра и приводилъ бы съ собою другаго, давая понять, что и ихъ будетъ двѣ, что она приведетъ съ собою еще одну женщину. Юноша послѣ этого ушелъ и все разсказалъ своимъ товарищамъ. На другой день онъ явился на условленное мѣсто вмѣстѣ съ другими юношей и нашелъ тамъ амазонку самъ-другъ въ ожиданіи ихъ. Когда остальные юноши узнали объ этомъ, они сблизились съ прочими амазонками.

114. Такимъ образомъ скифы и амазонки соединили свои лагери и жили вмѣстѣ, причемъ каждый юноша имѣлъ своею женою ту амазонку, съ которою впервые сообщился. Мушны не могли научиться языку женщинъ, но женщины выучились языку мушны. Когда мушны и женщины стали понимать другъ друга, мушны предложили амазонкамъ слѣдующее; „у насъ есть родные, есть и состояніе; мы не въ силахъ дольше вести такую жизнь, должны вернуться къ своимъ и жить съ ними; но женами нашими будете вы, а никакія другія женщины“. На это амазонки возражали: „ужиться вмѣстѣ съ вашими женщинами мы не могли бы; у насъ съ ними не одинаковыя нравы и обычаи: мы стрѣляемъ изъ луковъ, метаемъ копья, ѣздимъ верхомъ, а работамъ женскимъ не учились. Между тѣмъ ваши женщины совѣтъ не дѣлаютъ того, что мы здѣсь перечислили; напротивъ, онѣ постоянно сидятъ на своихъ повозкахъ и занимаются женскими работами, не охотятся и вообще нигуда не выходятъ. Поэтому мы не могли бы ладить съ ними. Но если вы хотите имѣть насъ своими женами и доказать честность, ступайте къ родителямъ, возьмите изъ ихъ состоянія вашу долю, возвращайтесь къ намъ и станемъ жить сами по себѣ“.

115. Молодые люди слѣдовали ихъ совѣту и согласно съ нимъ поступили. Получивши свою долю имущества, юноши явились обратно къ амазонкамъ, а жены

обратились къ нимъ съ такою рѣчью: „страхъ и ужасъ овладѣваетъ нами при мысли о томъ, какъ намъ жить въ этихъ мѣстахъ, гдѣ вы ограбили вашихъ отцовъ; а мы страхи вашей причинили большое разореніе; но если вы дѣйствительно желаете жить съ нами, снимемся отсюда, перейдемъ на ту сторону рѣки Танаиды и тамъ поселимся“.

116. Юноши и на это согласились, перешли Танаиду и удалились на три дни пути къ востоку отъ этой рѣки и на такое же расстояние къ сѣверу отъ озера Меотиды; пришли такимъ образомъ въ ту самую мѣстность, которую занимаютъ и теперь, и тамъ поселились. Съ того далекаго времени женщины савроматовъ ведутъ нынѣшній образъ жизни: вмѣстѣ съ мужьями и безъ нихъ ѣздятъ верхомъ на охоту и на войну и одѣваются такъ же, какъ и мужья ихъ.

117. Савроматы говорятъ языкомъ скинскимъ, но съ давняго времени искаженнымъ, такъ какъ амазонки недостаточно усвоили себѣ скинскій языкъ. Относительно брака соблюдается у нихъ слѣдующее правило: ни одна дѣвушка не выходитъ замужъ прежде, чѣмъ не убьетъ врага; нѣкоторыя женщины доживаютъ у нихъ до старости и умираютъ дѣвухами, потому что не въ состояніи были выполнить такого требованія.

118. Итакъ, къ собравшимся царямъ перечисленныхъ выше народовъ ¹⁾ явились послы съ извѣстіемъ, что персидскій царь покорилъ все своей власти на азіатскомъ материкѣ, положилъ мостъ на шеѣ Боспора и перешелъ на европейскій материкъ, здѣсь покорилъ орагинъ, соединилъ мостомъ берега рѣки Истра, вознамерившись все подчинить себѣ и по сю сторону рѣки. „Ни подъ какимъ видомъ не отдѣляйтесь отъ насъ и не дайте намъ погибнуть, но единодушно встрѣ-

¹⁾ IV, 202.

тимъ вторгнувшася врага. Не сдѣлаете этого, мы вынуждены будемъ покинуть нашу страну или же останемся и покоримся врагу. Въ самомъ дѣлѣ, что намъ дѣлать, если вы не поможете намъ? Впрочемъ и ваше положеніе отъ этого не улучшится. Персидскій царь пойдетъ на васъ такъ же, какъ и на насъ; ему мало будетъ покорить насъ, и потому онъ не оставитъ и васъ въ покоѣ. Важнымъ свидѣтельствомъ въ пользу нашего мнѣнія служить слѣдующее: еслибы персидскій царь предпринялъ походъ только съ цѣлью отмщенія намъ за прежнее порабощеніе персовъ, то ему слѣдовало бы все прочее оставить въ покоѣ и идти только въ нашу землю, и онъ объявилъ бы всѣмъ, что идетъ войною на скивовъ и ни на кого другаго. Между тѣмъ, перешедши на нашу материкъ, онъ немедленно занялся покореніемъ всѣхъ народовъ, попадавшихся ему на пути, и вотъ уже подчинилъ себѣ всѣхъ еракіянъ, въ томъ числѣ и сосѣднихъ съ нами гетовъ“.

119. Вслѣдствіе такого заявленія сошедшіеся цари стали совѣщаться между собою, и мнѣнія ихъ раздѣлились. Цари гелонъ, будиновъ и савроматовъ единогласно обѣщали помочь скивоамъ, напротивъ цари агаевировъ, невровъ, андрофаговъ, меланхленовъ и тавровъ дали такой отвѣтъ: „еслибы вы первые не напосили обиды персамъ и не начинали съ ними войны, то нынѣшнюю просьбу вашу и нынѣшнія ваши рѣчи мы признали бы правильными. Но вы безъ насъ вторглись въ страну персовъ и владычествовали надъ ними все время, пока угодно было божеству; теперь они по внушенію того же божества отмѣряваютъ вамъ равную мѣрою. Что касается насъ, то ни тогда мы не обижали этого народа, ни теперь не станемъ первые оскорблять его. Вотъ еслибы персидскій царь вторгся и въ нашу землю и первый обидѣлъ насъ, мы толе не остались бы въ покоѣ; пока же мы будемъ наблю-

дать и сидѣть спокойно на своихъ мѣстахъ; намъ кажется, персы явились не къ намъ, но къ виновникамъ нанесенной имъ обиды“.

120. Скиовъ выслушавъ отвѣтъ и, такъ какъ сошедшіе цари отказывали имъ въ союзѣ, рѣшили вовсе не давать настоящаго открытаго сраженія, но, раздѣлившись на два отряда, отступать съ своими стадами, засыпать попадающіеся на пути колодцы и источники и истреблять растительность. Къ одному изъ отрядовъ съ царемъ Скопасисомъ во главѣ присоединились савроматы; они должны были убѣгать, еслибы персидскій царь обратился на нихъ, прямо къ рѣкѣ Танапу вдоль озера Меотиды, и переходить въ наступленіе на персидскаго царя, если онъ обратится вспять. Это была одна часть населенія скиоскаго царства, расположившаяся на этомъ пути; двѣ другія части царственныхъ скивовъ, одна, большая, подъ начальствомъ Иданевреа, а другая подъ командою Таксакиса, соединились въ одномъ мѣстѣ въ союзѣ съ гелонами и будинами и также должны были идти впередъ персовъ на одинъ день пути, отступать передъ ними и вообще дѣйствовать согласно принятому рѣшенію. Прежде всего они должны были вторгнуться въ тѣ земли, которые отказали имъ въ союзничествѣ съ цѣлью втянуть и ихъ въ войну; если онѣ добровольно не пожелали вести войну съ персами, то должны воевать хоть поневолѣ; за симъ имъ слѣдовало вернуться обратно къ своимъ владѣніямъ и напасть на врага, если такъ рѣшено будетъ на совѣтѣ.

121. Порѣшивши все это, скиовъ вышли навстрѣчу даріеву войску, для чего послали впередъ наилучшихъ всадниковъ; всѣ повозки, на которыхъ жила ихъ дѣти и женщины, и весь скотъ съ ними они отравили заранѣе съ приказаніемъ двигаться неизмѣнно на сѣверъ; при себѣ они оставили лишь столько скота,

сколько требовалось для прокормленія; все остальное отправили впередъ.

122. Скиескій передовой отрядъ началъ на персовъ днѣ на три пути отъ Истра; эти скиены расположились лагеремъ на разстояніи одного дня пути отъ врага, причемъ уничтожали передъ собою всю растительность. Между тѣмъ персы, замѣтивши появленіе скиеской конницы, напали на нее и непрерывно ее преслѣдовали, а она все отступала; персы преслѣдовали одну изъ трехъ частей по направленію къ востоку и Танаиду. Когда скиены перешли рѣку Танаидъ, въ погоню за ними послѣдовали немедленно и персы, пока наконецъ не прошли землю савроматовъ и не достигли владѣній будиновъ.

123. На всемъ пути своемъ черезъ Скию и Савроматію персы не находили ничего для истребленія, такъ какъ страны эти были заранѣе опустошены; но вторгшись въ землю будиновъ, персы напали на деревянное укрѣпленіе, которое было совершенно покинуто будинами, и сожгли его. Заснѣ они продолжали путь все дальше по слѣдамъ неприятеля, прошли землю будиновъ и вступили въ пустыню. Въ пустынѣ этой все нѣтъ населенія; она расположена надъ страной будиновъ и тянется на семь дней пути. Надъ пустыней обитаютъ оксагеты, въ землѣ которыхъ берутъ начало четыре большихъ рѣки, протекающія черезъ владѣнія меотовъ и изливающіяся въ такъ навываемое озеро Меотиду; имена этихъ рѣкъ: Ликъ, Оаръ, Танаидъ и Свргсъ.

124. Пришедши въ пустыню, Дарій приостановилъ походъ и расположился съ войскомъ у рѣки Оара, затѣмъ воздвигъ восемь громаднхъ стѣнъ, на одинаковомъ разстояніи одна отъ другой, приблизительн стадій на шестьдесятъ; обломки этихъ укрѣпленій уцѣлѣли до моего времени. Пока Дарій занятъ былъ со-

оружіемъ, преслѣдуемые скиены обошли сверху эти земли и возвратились въ Скию. Такъ они совсѣмъ исчезли изъ виду и больше не показывались; тогда Дарій покинулъ на-половину воздвигнутыя стѣны, повернулъ назадъ и пошелъ къ западу; ему думалось, что это все скиены, и что они все еще убѣгаютъ на западъ.

125. Чрезвычайно быстрымъ маршемъ снова достигъ Дарій Скию и здѣсь повстрѣчался съ двумя другими частями скиеновъ; онъ гнался за ними, а скиены отступали передъ нимъ на одинъ день пути. Дарій преслѣдовалъ ихъ неотступно, а скиены согласно своему рѣшенію убѣгали въ земли народовъ, откававшихъ имъ въ союзы, прежде всего въ землю меланхленовъ. Вторгнувшись сюда, скиены и персы разорили народъ, а затѣмъ скиены двинулись во владѣнія андрофаговъ; разоривши и этотъ народъ, они отступили къ Невридѣ. По разореніи этой страны скиены бѣжали къ агаирусамъ. Агаирусы видѣли, какъ бѣжали отъ скиеновъ союзы ихъ, и какое разореніе терпѣли отъ нихъ, а потому до вторженія скиеновъ агаирусы отправили къ нимъ глашатая съ требованіемъ не преступать ихъ предѣловъ, такъ какъ въ случаѣ попытки вторженія скиеновъ непременно придется прежде всего выдержать битву съ агаирусами. Единновременно съ этими угрозами агаирусы послали войско къ границамъ для отраженія нападающихъ. Меланхлены, андрофаги и невры при вторженіи персовъ вмѣстѣ съ скиенами не обратились къ оружію, забыли объ угрозахъ и объятые страхомъ бѣжали все дальше къ сѣверу въ пустыню. Однако скиены подъ страхомъ угрозы не входили уже въ землю агаирусовъ и изъ Невриды повели персовъ за собою обратно въ свои владѣнія.

126. Такъ какъ все это длилось долго и не предвидѣлось конца странствованіямъ, то Дарій послалъ

всадника къ скинскому царю Иданаирсу съ слѣдующей рѣчью: „зачѣмъ ты, чуждакъ, все убѣгаешь, хотя можешь выбрать одно изъ двухъ: если ты полагаешь, что въ смяхъ противостать моему войску, остановись, не блуждай болѣе и сражайся; если же ты чувствуешь себя слабѣе меня, то также пріостанови твое бѣгство и ступай для переговоровъ къ твоему владыкѣ съ землею и водою въ рукахъ“.

127. Въ отвѣтъ на это царь скиновъ Иданаирсъ возражилъ: „вотъ я каковъ, персы. Никогда прежде я не убѣгалъ изъ страха ни отъ кого, не убѣгаю и отъ тебя, и теперь я не сдѣлалъ ничего новаго сравнительно съ тѣмъ, что обыкновенно дѣлаю въ мирное время. Почему я не тороплюсь сравниться съ тобою, объясню тебѣ это. У насъ нѣтъ городовъ, нѣтъ засаженныхъ деревьями полей, намъ нечего опасаться, что они будутъ покорены или опустошены, нечего поэтому и торопиться вступать съ вами въ бой. Еслибы вамъ крайне необходимо было ускорить сраженіе, то вотъ: есть у насъ гробницы предковъ; разойдите ихъ, попробуйте разрушить, тогда узнаете, станемъ-ли мы сражаться съ вами изъ за этихъ гробницъ, или нѣтъ. Раньше мы не сразимся, разъ это для насъ не выгодно. Относительно боя впрочемъ довольно. Владыками моими я почитаю только Зевса, моего предка, и Гистію, царицу скиновъ. Вмѣсто земли и воды я пошлю тебѣ такіе дары, какіе приличны тебѣ, а за то, что ты называешь себя моимъ владыкой, я распахучусь съ тобою“.

128. Таковъ былъ отвѣтъ, сообщенный глашатаемъ Дарію, и скинскіе цари пришли въ негодованіе, когда съ ними заговорили о порабоженіи. Ту часть скиновъ съ савроматами, которою командовалъ Скопасисъ, они отправили къ іонянамъ, сторожившимъ мостъ на Истрѣ, съ порученіемъ войти съ ними въ переговоры. Другіе,

оставшіеся на мѣстѣ скиновъ, рѣшили не водить болѣе персовъ, но нападать на нихъ всякій разъ, какъ только тѣ заняты будутъ добываніемъ продовольствія. Такъ скины впредь и поступали, подстерегая, когда воины Дарія выходили за хлѣбомъ. Что касается конницы, то скинская всегда обращала въ бѣгство персидскую; персидскіе всадники бѣжали до тѣхъ поръ, пока не наступали пѣхоты, которая и подкрѣпляла ихъ; догнавши конницу, скины поворачивали вспять изъ страха персидской пѣхоты. Подобныя нападенія скиномъ совершали и по ночамъ.

129. Покажется очень страннымъ, если я скажу, что помогало персамъ и вмѣстѣ препятствовало нападеніямъ скиновъ, именно: крикъ ословъ и видъ муловъ. Дѣло въ томъ, что въ скинской землѣ не водятся ни ослы, ни мулы, о чемъ сказано мною выше¹⁾; въ цѣлой Скииѣ вслѣдствіе холода нѣтъ вовсе ни ословъ, ни муловъ. Громкимъ рычаніемъ ослы разстраивали ряды скинской конницы; при всякомъ нападеніи на персовъ, когда скинскіе лошади слышали крикъ муловъ, онѣ пугались и встревоженныи обращались вспять, наострая уши, такъ какъ никогда раньше не слышали такихъ звуковъ и ничего подобнаго не видѣли. Впрочемъ обстоятельство это лишь короткое время помогало персамъ.

130. Какъ только скины замѣтили движеніе въ персидскомъ станѣ, они употребили слѣдующую хитрость для того, чтобы подольше удержатъ ихъ въ Скииѣ и заставить все это время терпѣть нужду во всемъ: нѣсколько разъ они покидали часть своего скота вмѣстѣ съ пастухами, а сами медленно переходили на другой пунктъ; тогда персы дѣлали набѣгъ, скотъ уводили съ собою и ликовали по случаю каждой добычи.

131. Случалось это много разъ, пока наконецъ Дарій не оказался въ затруднительномъ положеніи. Замѣтили это скинскіе цари и отправили къ Дарію глашатая съ подарками, состоявшими изъ птицы, мыши, лягушки и яяти стрѣль. Персы спрашивали посланца о значеніи подарковъ, но тотъ отвѣчалъ, что ему приказано только вручить дары и немедленно возвращаться, ничего болѣе; при этомъ онъ предлагалъ самимъ персамъ, если они догадливы, уяснить себѣ значеніе полученныхъ въ даръ предметовъ.

132. Персы стали послѣ этого совѣщаться. По мѣтнію Дарія, скиномъ отдавались ему сами съ землей и водой; заключалъ онъ такъ на томъ основаніи, что мышь водится въ землѣ и питается тѣмъ же плодомъ земнымъ, что и человекъ, лягушка живетъ въ водѣ, птица наибольше походить на лошада, а подъ видомъ стрѣль скиномъ передавали-де свою военную храбрость. Таково было толкованіе Дарія; но ему противорѣчило объясненіе Гобрин, одного изъ семи персовъ, ниввергнувшихъ мага; смыслъ даровъ онъ толковалъ такъ: „если вы, персы, не улетите какъ птицы въ небеса, или подобно мышамъ не скроетесь въ землю, или подобно лягушкамъ не ускачете въ озера, то не вернетесь назадъ и падете подъ ударами этихъ стрѣль“.

133. Такъ разгадывали персы смыслъ даровъ. Между тѣмъ одна часть скиноовъ, та, которая первоначально должна была стоять на стражѣ у озера Меотиды, а въслѣдствіи получила приказаніе отправиться для переговоровъ съ іонянами, прибыла къ мосту и заявила слѣдующее: „мы принесли свободу, іоняне, если вамъ угодно выслушать насъ. Мы слышали, что Дарій повелѣлъ вамъ сторожить мостъ только въ продолженіе шестидесяти дней и разрѣшилъ возвратиться на родину, если по простетіи этого времени онъ не явится обратно. Поступите же такимъ обра-

зомъ, и вы не провинитесь ни передъ нимъ, ни передъ нами: подождите здѣсь назначенное вамъ число дней, а затѣмъ возвращайтесь на родину“. Іоняне дали обѣщаніе сдѣлать это, и скиномъ послѣднню возвратились въ свою землю.

134. Между тѣмъ по отправленіи подарковъ персамъ оставшіеся въ своей землѣ скины, пѣшие и конные, выстроились противъ Дарія для боя; вдругъ черезъ ряды ихъ проскакала заяць; всѣ скиномъ замѣтили его и бросились за нимъ въ погоню. Когда въ станѣ скиноовъ раздались шумъ и крики, Дарій спросилъ о причинѣ такой тревоги среди непріятелей и, услышавши, что они гонятся за зайцемъ, обратился къ постояннымъ собесѣдникамъ своимъ съ слѣдующимъ замѣчаніемъ: „люди эти глядятъ на насъ съ большимъ пренебреженіемъ, и теперь для меня очевидно, что Гобрія вѣрно истолковалъ смыслъ ихъ подарковъ. Положеніе дѣла представляется для меня теперь такимъ же, какъ и для него, а потому слѣдуетъ хорошо обдумать, какимъ бы образомъ обезпечить наше возвращеніе“. „Бѣдность этого народа, царь“, отвѣчалъ Гобрія, „была мнѣ извѣстна достаточно еще раньше, по слухамъ; теперь на мѣстѣ я убѣдился въ томъ вполне, когда вижу, какъ они издѣваются надъ нами. Вотъ почему, я полагаю, слѣдуетъ поступить намъ такъ: какъ скоро наступитъ ночь, зажечь по обыкновенію огни, обмануть тѣхъ изъ нашихъ воиновъ, которые наименѣе способны къ перенесенію лишеній, и привязавши всѣхъ ословъ, уходить назадъ, пока скиномъ не приймъ еще на Истрѣ съ дѣлью разрушить мостъ, а іоняне не приймъ гибельнаго для насъ рѣшенія“. Таковъ былъ совѣтъ Гобрія.

135. При наступленіи ночи Дарій сталъ приводить этотъ совѣтъ въ исполненіе. Онъ оставилъ на мѣстѣ въ лагерѣ слабыхъ солдатъ, гибель которыхъ была для него наименѣе чувствительна, и велѣлъ тамъ же при-

вязать всѣхъ ословъ. Итакъ, люди были покинуты по причинѣ ихъ слабости, а ослы привязаны для того, чтобы рычать. Между тѣмъ Дарій дѣлалъ видъ, будто собирается съ отборной частью войска напасть на скиеовъ, и оставленные воины обязаны въ это время охранять лагерь. Дарій уговаривалъ оставленныхъ воиновъ стеречь лагерь, ведѣлъ зажечь огни и немедленно двинулся къ Истру. По уходѣ войска ослы рычали громче обыкновеннаго, скиеомъ слышали ословъ и были вполне увѣрены, что персы остаются на своихъ мѣстахъ.

136. На слѣдующій день покинутые персы увидѣли, что они отданы на жертву Даріемъ, простирали руки къ скиеамъ и обращались къ нимъ съ рѣчами, приличными ихъ положенію. Услышавши это, скиеи поспѣшно собрались вмѣстѣ, и два упомянутыхъ нами отряда, и тотъ третій, съ которымъ соединились савроматы, будины, гелоны, и пустились вмѣстѣ въ погоню за персами прямо къ Истру. Тогда какъ передское войско состояло большею частью изъ пѣхоты и не знало дорогъ, которыя къ тому же не были наѣзжены, у скиеовъ была конница, и они знали кратчайшіе пути; поэтому персы и скиеомъ миновали другъ друга, но скиеомъ достигли моста гораздо раньше персовъ. Узнавши, что персы еще не пришли, скиеомъ обратились къ іонянамъ, находившимся на корабляхъ, съ такою рѣчью: „назначенное вамъ число дней, іоняне, прошло, и вы поступаете неблагоприятно, оставаясь еще здѣсь. Если раньше вы оставались тутъ изъ страха, то теперь снимите мостъ, возвращайтесь поскорѣе на родину и наслаждайтесь свободой, за которую благодарите боговъ и скиеовъ. Вашего прежняго владыку мы сокрушимъ такъ, что ни на кого больше онъ не пойдетъ войною“. Въ отвѣтъ на это іоняне устроили совѣтъ.

137. По мнѣнію аеинянина Мильтіада, военнаго во-

ждя страны Херсонеса, что на Геллеспонтѣ, слѣдовало принять совѣтъ скиеовъ и возвратить свободу Іоніи; но милетянинъ Гистіей былъ противоположнаго мнѣнія, указывая на то, что въ настоящее время благодаря Дарію каждый изъ нихъ есть владыка государства. Напротивъ, если могущество Дарія будетъ сокрушено, ни онъ самъ и никто другой изъ тирановъ не будетъ болѣе царствовать ни въ Милетѣ, ни въ какомъ другомъ государствѣ, такъ какъ каждое государство предпочитаетъ народное управленіе единовластію тирана. Когда мнѣніе Гистіея было высказано, всѣ тираны, принимавшіе было прежде совѣтъ Мильтіада, присоединились къ мнѣнію противоположному.

138. Подали голоса и пользовались значеніемъ у персидскаго царя слѣдующія лица: тираны геллеспонтинъ Дафинсъ изъ Абида, Гиппоклъ изъ Лампсака, Герофантъ изъ Парія, Метродоръ изъ Прокопнеса, Аристагора изъ Кивика и Аристокъ изъ Византіи. Это были геллеспонтскіе тираны. Изъ Іоніи были: Страттисъ изъ Хіуса, Эакесъ изъ Сама, Лаодамантъ изъ Фокеи и Гистіей изъ Милета, тотъ самый, который высказался въ смыслѣ противоположномъ мнѣнію Мильтіада. Изъ волійскихъ тирановъ присутствовалъ здѣсь одинъ только достойный упоминанія, Аристагора изъ Куми.

139. Когда было принято мнѣніе Гистіея, тираны порѣшили дополнить его слѣдующими дѣйствіями и рѣшили: разрушить часть моста со стороны скиеовъ лишь на протяженіи выстрѣла изъ лука для того, чтобы казалось, будто они кое-что сдѣлали, тогда какъ на самомъ дѣлѣ не сдѣлано было ничего, а также для того, чтобы скиеомъ не вдумали прибѣгнуть къ силѣ и не возмыслили бы охоты перейти по мосту на ту сторону Истра, рѣшили также сказать скиеамъ, пока будетъ сниматься обращенная къ Скиеиѣ часть моста, что они сдѣлаютъ все, чего желаютъ скиеомъ. Вотъ какого

было добавочное рѣшеніе іонянъ. Тогда Гистіей отъ имени всѣхъ сказалъ скиоамъ: „вы, скионы, подайте намъ благой совѣтъ и явились во-время, и если отъ васъ мы получаемъ полезныя указанія, то и на нашей сторонѣ вы найдете готовность служить вамъ. Какъ видите, мы снимаемъ мостъ и прилагаемъ всѣ старанія къ тому, чтобы стать свободными. Пока мы разрушаемъ мостъ, вамъ слѣдуетъ розыскивать персовъ и нашедши отмстить имъ, какъ они того заслуживаютъ, и за насъ, и за себя“.

140. Скионы вторично повѣрили ¹⁾, что іоняне говорятъ правду, и повернули назадъ для розысканія персовъ, но совѣтъ не попали на ихъ дорогу. Виною тому были сами скионы, потому что они истребили на этомъ пути пастбища для лошадей и засыпали колодець; не сдѣлай этого, они бы легко отыскали персовъ, еслибы пожелали; теперь оказалось, они потерпѣли неудачу именно отъ той мѣры, какую находили наиболее для себя полезной. Дѣло въ томъ, что скионы искали враговъ въ той части своей земли, гдѣ имѣли пастбища для лошадей и воду, будучи увѣрены, что и враги отступаютъ по тѣмъ же дорогамъ. Однако персы шли обратно по проложеннымъ раньше слѣдамъ, и только такимъ образомъ добрались до переправы. Пришедши туда ночью и увидѣвши, что мостъ снятъ, они испытали сильную тревогу при мысли, что покинуты іонянами.

141. Въ свѣтъ Дарія былъ египтянинъ, обладавшій громовымъ голосомъ; онъ-то по приказанію Дарія сталъ на берегу Истра и повалъ Гистію изъ Милета. По первому зову Гистіей услышалъ его, доставилъ всѣ корабли для переправы даріева войска и снова навелъ мостъ. Такъ спасены были персы.

¹⁾ Срвн. IV, 134.

142. Тѣмъ временемъ скионы искали персовъ, но опять не нашли ихъ ¹⁾. Поэтому такъ оцѣниваютъ они іонянъ: если іоняне свободны, то они самые жалкіе трусы; но если смотрѣть на нихъ, какъ на рабовъ, они самые преданные и постоянные рабы. Вотъ какъ у скионовъ говорятъ объ іонянахъ.

143. На пути черезъ Фракію Дарій подошелъ къ Сесту, что на Херсонесѣ; отсюда самъ онъ съ флотомъ переправился въ Азію, а въ Европѣ оставилъ въ качествѣ полководца перса Мегабаа, которому Дарій въ присутствіи персовъ оказалъ нѣкогда слѣдующее отличіе: когда онъ собирался ѣсть гранатовыя яблоки и одно изъ нихъ разломалъ уже, братъ Артабанъ спросилъ его: что бы онъ желалъ имѣть въ такомъ множествѣ, въ какомъ содержитсяъ зерна въ гранатѣ? Дарій на это отвѣчалъ, что имѣть столько Мегабазовъ онъ предпочелъ бы обладанію Елладю. Такъ нѣкогда онъ почтилъ его въ присутствіи персовъ, а теперь оставилъ въ Европѣ полководцемъ во главѣ восьмидесяти-тысячнаго войска.

144. Этотъ самый Мегабазъ оставилъ по себѣ у геллеспонтянъ прочную память слѣдующимъ изреченіемъ: находясь однажды въ Византіи, онъ услышалъ, что жители Халкедона заняли было эту землю семнадцатью годами раньше византійцевъ; тогда Мегабазъ замѣтилъ, что все это время халкедоняне были слѣпы; въ противномъ случаѣ они не заняли бы худшаго мѣста, когда могли заселить лучшее. Итакъ, Мегабазъ оставленъ былъ полководцемъ въ землѣ геллеспонтянъ и занялся покореніемъ мѣстностей, враждебныхъ персамъ.

145. Въ то самое время, какъ Мегабазъ занятъ былъ этимъ, совершенъ другой большой походъ, на Ливію.

¹⁾ Срвн. IV, 136.

Прежде тѣмъ разсказать о причинахъ его, я сообщу слѣдующее: однажды потомки аргонавтовъ были вытѣснены изъ Лемна тѣми самыми пеласгами, которые похитили изъ Браврона аеонскихъ женщинъ, и отплыли въ Лакедемонъ; тамъ они поселились и зажгли огонь на Тайгетѣ. Лакедемоняне увидѣли это и обратились къ нимъ черезъ вѣстника съ вопросомъ: кто они и откуда. На вопросъ посла пришельцы отвѣчали, что они—миніи, потомки героевъ корабли Арго, что эти послѣдніе высадились на Лемпѣ и произвели ихъ на свѣтъ. Выслушавши разсказъ о предкахъ миніевъ, лакедемоняне послали къ нимъ вѣстника вторично съ вопросомъ: зачѣмъ они прибыли въ эту страну и зажгли огонь? Тѣ отвѣчали, что вытѣснены пеласгами и пришли къ родителямъ, желаютъ жить вмѣстѣ съ ними, пользоваться ихъ правами и имѣть свою долю въ ихъ землѣ. Лакедемоняне согласились принять миніевъ на тѣхъ условіяхъ, какія были имъ предложены, главнымъ образомъ потому, что тиндариды принимали участіе въ походѣ аргонавтовъ. Принявши миніевъ, лакедемоняне отвели имъ землю во владѣніе и раздѣлили ихъ на колѣна. Немедленно послѣ этого миніи стали жениться на лакедемонянкахъ, а своихъ женщинъ, привезенныхъ изъ Лемна, выдавали за лакедемонянокъ.

146. Немного времени спустя, миніи возгордились, требовали для себя доли участія въ царской власти и совершили различные нечестивыя дѣянія. Тогда лакедемоняне рѣшили перебить ихъ, и вотъ они схватили миніевъ и заключили въ тюрьму; если лакедемоняне рѣшали кого-либо казнить, то казнили всегда ночью и никогда днемъ. Когда они собирались перебить миніевъ, жены сихъ послѣднихъ, спартанскія гражданки и дочери знатнѣйшихъ спартацевъ, умоляли гражданъ допустить ихъ въ тюрьму и дозволить имъ переговорить съ мужьями. Тѣ разрѣшили имъ, потому что не

ожидали никакихъ козней со стороны женщинъ. Женщины однако, вошедши въ тюрьму, поступили слѣдующимъ образомъ: отдали мужьямъ все свое платье, а платье мужей надѣли на себя. Въ женскомъ одѣяніи миніи подъ видомъ женъ ихъ вышли изъ тюрьмы, спаслись бѣгствомъ и снова поселились на Тайгетѣ.

147. Въ то же самое время сынъ Автесіона, внукъ Тисамена, правнукъ Фереандра, праправнукъ Полиника, Фера готовился вывести колонію изъ Лакедемона. Фера былъ по происхожденію кадмеецъ, дядя по матери сыновей Аристодема, Еврисеенеса и Прокла. Во время несовершеннолѣтія ихъ онъ въ качествѣ опекуна былъ царемъ Спарты. Когда племянники выросли и приняли правленіе въ свои руки, Фера тяготился подчиненіемъ послѣ того, какъ самъ вкусилъ царской власти, и завидя, что не останется въ Лакедемонѣ, но возвратится къ своимъ единоплеменникамъ. Жили они на нынѣшнемъ островѣ Ферѣ, прежде именовавшемся Каллистою, и были потомками Мемблара, сына финикійнина Пойкилы. Сынъ Агенора Кадмъ въ поискахъ за Европой высадился на нынѣшней Ферѣ; поправилась-ли ему тамошняя земля, или по какому-нибудь другому побужденію, только извѣстно, что онъ оставилъ на островѣ вмѣстѣ съ нѣсколькими финикійцами родственника своего Мемблара. Они занимали островъ Каллисту въ продолженіе восьми поколѣній до того, какъ на Феру выселились колонисты изъ Лакедемона.

148. Къ этимъ-то островитянамъ прибылъ Фера съ толпою спартацевъ, членовъ колѣнъ, для того, чтобы жить на островѣ вмѣстѣ съ прежними поселенцами и не вытѣснять ихъ оттуда, ибо почиталъ ихъ своими родственниками. Но когда миніи бѣжали изъ тюрьмы и поселились на Тайгетѣ, а лакедемоняне задумали истребить ихъ, Фера упрашивалъ не проливать крови, обѣщая удалить миніевъ изъ этой страны. Ла-

кедемоняне приняли предложеніе, и Оера отплылъ съ тремя тридцативесельными судами къ потожкамъ Мембриара, но взялъ съ собою не всѣхъ мнїевъ, а только немногихъ. Большинство ихъ повернуло къ пароретамъ и кавконамъ, вытѣснило ихъ изъ ихъ земель, а сами они раздѣлились на шесть частей и основали тамъ слѣдующія поселенія: Лепрей, Макистъ, Фрикесъ, Пиргъ, Епій, Нудій. Большую часть этихъ поселеній разорили въ мое время елєяне. Самый островъ по имени вождя колоніи получилъ названіе Оеры.

149. Когда сынъ Оеры отказался ѣхать вмѣстѣ съ отцомъ, этотъ послѣдній замѣтилъ, что покидаетъ его какъ овцу среди волковъ; отсюда и произошло имя юноши Ойоликъ, возобладавшее надъ прочими его именами. У Ойолика родился Эгей, по имени котораго названо большое колѣно въ Спартѣ, Эгиды; у членовъ этого колѣна дѣти умирали въ раннемъ возрастѣ; когда по повелѣнію оракула они основали святилище Гринїамъ Лаія и Эдипа, дѣти стали выживать. То же самое случилось и на Оерѣ съ дѣтьми ея жителей.

150. До сихъ поръ согласны между собою рассказы лакедемонянъ и еерїанъ; дальнѣйшее я сообщу только со словъ еерїанъ. Сынъ Эсанїя Гриннъ, потомокъ упомянутаго Оеры и владыка острова того же имени, прибылъ однажды въ Дельфы съ гекатомбою по порученію роднаго города; за нимъ слѣдовалъ вмѣстѣ съ другими согражданами сынъ Полимнеста Баттъ, потомокъ одного изъ мнїевъ, Евфема. Когда Царь Гриннъ спрашивалъ божество о чемъ-то другомъ, пїоїя велѣла ему построить городъ въ Ливїи, на что Гриннъ отвѣчалъ: „я слишкомъ старъ, владыка, и мнѣ тяжело двинуться въ путь; прикажи это кому-нибудь изъ болѣе молодыхъ“. При этомъ онъ указалъ на Батта. Въ то время ничего болѣе не случилось. Возвратившись домой, они и не думали объ изреченіи оракула, потому что не знали,

гдѣ расположена Ливїя, и не рѣшались снаряжать колонию на угадъ.

151. Въ теченіе семи лѣтъ послѣ этого божество не посылало дожда на Оеру, такъ что засохли на островѣ всѣ деревья, кромѣ одного. Когда еерїане обратились съ вопросомъ къ оракуду, пїоїя приказала имъ вывести колонию въ Ливїю. Такъ какъ другаго средства избавиться отъ бѣды не было, то еерїане послали вѣстниковъ на Критъ узнать: не ходилъ ли кто-нибудь изъ критянъ, или изъ сожителей ихъ въ Ливїю. Вѣстники блуждали по острову, пока не пришли въ городъ Итанъ; тамъ они встрѣтились съ торговецемъ пурпуромъ по имени Коробїемъ, и узнали, что однажды онъ занесенъ былъ вѣтрами въ Ливїю и на ливїйскій островъ Платею. За вознагражденіе они склонили его отправиться вмѣстѣ съ ними на Оеру, а отъ Оеры отплыли сначала въ Ливїю нѣсколько человекъ на развѣдки. Съ Коробїемъ во главѣ они прибыли къ острову Платеѣ, гдѣ и покинули Коробїя съ продовольствїемъ на нѣсколько мѣсяцевъ, а сами послѣнно отплыли назадъ съ вѣстями объ островѣ для еерїанъ.

152. Такъ какъ еерїане не возвращались на островъ долѣе, нежели было условлено, то у Коробїя нещъ запасы истощились. Послѣ этого корабль, принадлежавшій самїянину Колею, на пути въ Эгипетъ, занесенъ былъ на этотъ самый островъ Платею, самїане узнали отъ Коробїя все дѣло и оставили ему съѣстныхъ припасовъ на дѣлшй годъ. Заснмъ они снялись съ острова и пустились въ море по направленію къ Эгипту, по восточнымъ вѣтрамъ были отнесены въ сторону; вѣтеръ не унимался, такъ что они перешли Геракловы Столбы и прибыли по указанію божества въ Тартесъ. Въ то время этотъ торговый пунктъ былъ еще нетрунутъ пикѣмъ, благодаря чему самїане по возвращеніи назадъ привлекли такую прибыль изъ продажи товаровъ, какъ

никто изъ еллиновъ, насколько мы знаемъ, за исключеніемъ, правда, Сострата, лаодамантова сына, изъ Эгиины. Съ этимъ послѣднимъ не можетъ поспорить никто. Десятину своей прибыли въ суммѣ шести талантовъ саміане употребили на мѣдную чашу, похожую на аргивскую; кругомъ она была украшена выдающимися надъ краями головами грифовъ. Чаша пожертвована въ храмъ Геры, а подставкою ей служили три колѣнопреклоненныхъ колосса изъ мѣди въ семь локтей вышиною. Прежде всего за это благодаріе у саміанъ возникла тѣсная дружба съ киренянами и ееріянами.

153. Оставивши Коробіа на островѣ, ееріане по прибытіи снова на Оеру объявили, что имъ заселенъ островъ подлѣ Ливіи. Оеріане послѣ того рѣшили послать туда же людей отъ всѣхъ семи мѣстностей, по одному изъ двухъ братьевъ, вытнущему жребій, а вождемъ ихъ и царемъ долженъ быть Баттъ. Такъ снарядили они два пятидесятивесельныхъ судна.

154. Это рассказываютъ одни только ееріане, въ остальномъ они согласны съ киренянами; только относительно Батта киреняне расходится съ ееріанями. Рассказъ ихъ таковъ: на Критѣ есть городъ Оаксъ, царемъ въ немъ былъ Етеархъ, имѣвшій дочь по имени Фрониму, и женившійся вторично, когда дочь осталась безъ матери. Вошедши въ домъ, жена пожелала быть Фронимѣ настоящей мачихой и потому стала причинять ей огорченія и строить всякія козни, наконецъ ввела на нее обвиненіе въ развратѣ и убѣдила въ томъ мужа. По наущенію жены Етеархъ совершилъ возмутительнѣйшій поступокъ относительно дочери, именно: былъ въ Оаксѣ торговый человекъ изъ Оеры Оемисонъ. Етеархъ вступилъ съ нимъ въ дружбу и обязалъ его клятвою оказывать ему всевозможныя услуги, въ какихъ бы онъ ни нуждался. Взявши такую клятву, Етеархъ

передалъ ему свою дочь съ порученіемъ увести ее съ собою и утопить въ морѣ. Однако Оемисонъ былъ возмущенъ такимъ обманомъ и кощунствомъ, порвалъ съ нимъ дружбу и поступилъ такъ: дѣвушку принялъ и отплылъ; вышедши въ открытое море, онъ рѣшилъ выполнить клятву, данную Етеарху, для чего крѣпко связалъ дѣвушку веревками, опустилъ ее въ море, потомъ снова вытащилъ и вмѣстѣ съ нею прибылъ на Оеру.

155. Оттуда взялъ Фрониму Полимнестъ, знатный ееріанинъ, и сдѣлалъ ее своей наложницей. Спусти нѣкоторое время, она родила ему сына, заикавагося и шепелявившаго, носившаго имя Батта, по словамъ ееріанъ, но, какъ мнѣ кажется, называвшагося иначе; въ Батта онъ былъ переименованъ лишь по прибытіи въ Ливію, въ силу полученнаго ими въ Дельфахъ изреченія оракула и согласно съ приобретеннымъ тамъ достоинствомъ. Дѣло въ томъ, что *баттои* (*battos*) ливіане называютъ цари, и мнѣ думается, что иноія въ своемъ изреченіи обращалась къ нему на ливійскомъ языкѣ въ увѣренности, что нѣкогда онъ будетъ царемъ въ Ливіи. Возмужавши, онъ тотчасъ явился въ Дельфы за совѣтомъ о своей рѣчи, и иноія дала такой отвѣтъ: „ты пришелъ сюда, Баттъ, изъ за твоей рѣчи; но владыка Фебъ Аполлонъ посылаетъ тебя въ богатую овцами Ливію, для основанія колоніи“; то же самое по еллински иноія сказала бы ему такъ: „ты пришелъ сюда, царь, изъ за твоей рѣчи“. „Я пришелъ къ тебѣ, владыка“, отвѣчалъ тотъ, „за совѣтомъ относительно моей рѣчи, а ты велишь мнѣ свершить другое, невозможное, — заселить Ливію; но гдѣ у меня для этого средства, гдѣ люди?“ Однако подобными вопросами онъ не выпудилъ оракула дать ему другое изреченіе. Оракулъ повторилъ сказанное раньше, и Баттъ, не дослушавши его до конца, удалился на Оеру.

156. После́ этого бѣдствіе посѣтило снова и самого Батта, и всѣхъ ееріянъ ¹⁾. Ееріяне не знали причины постигшаго ихъ несчастья и послали въ Дельфы спросить о ней. Пнеія отвѣчала, что они должны выѣхать съ Баттомъ основать Кирену въ Ливіи, и что послѣ этого послѣдуетъ облегченіе. Тогда ееріяне спарядили въ путь Батта съ двумя пятидесятивесельными судами. Но, приплывши въ Ливію, они не знали, что дѣлать, и вернулись назадъ въ Оеру. Однако ееріяне при ихъ приближеніи стрѣляли по нимъ и не дозволяли высадиться на сушу, приказывая плыть назадъ. Тѣ вынуждены были плыть обратно и отплыли, заняли островъ у береговъ Ливіи, называвшійся, какъ сказано и раньше ²⁾, Платеи; говорятъ, островъ этотъ такой же величавыи, какъ и городъ Кирена.

157. Жили они на островѣ два года, но не испытывали никакого улучшенія; тогда, покинувши одного на мѣстѣ, всѣ остальные ееріяне отплыли въ Дельфы, прибыли туда и обратились за совѣтомъ къ оракулу, указывая на то, что они живутъ въ Ливіи, но не испытываютъ отъ того никакого облегченія. Пнеія сказала имъ на это слѣдующее: „если ты, не будучи въ Ливіи, обильной овцами, знаешь ее лучше меня, посѣтившаго ее, то я очень дивлюсь твоей мудрости“. Выслушавши это, Баттъ и спутники его отплыли назадъ, такъ какъ божество разрѣшало имъ приостановить свои странствованія не раньше, какъ по прибытіи въ самую Ливію. Когда они прибыли на островъ и въяли оттуда покинутого ими товарища, то заселили въ самой Ливіи ту мѣстность, которая лежитъ противъ острова и носитъ имя Азирисъ; ее замыкаютъ съ двухъ сторонъ прекрасныя гѣсистыя холмы, а вдоль третьей стороны протекаетъ рѣка.

¹⁾ Срвн. IV, 133.

²⁾ IV, 151.

158. Мѣстность эту занимали они въ теченіе шести лѣтъ. На седьмомъ году ливіяне уговорили ихъ покинуть ее, обѣщая проводить ихъ въ лучшую область. Ливіяне подняли ихъ и повели дальше на западъ. Чтобы еллины на своемъ пути не замѣтили предестійшаго мѣста, — называется оно Ираса, — ливіяне провели ихъ черезъ эту мѣстность ночью и сообразно съ тѣмъ рассчитали часы дня. Они привели еллиновъ къ источнику, именуемому Аполлоновымъ, и сказали: „здесь, еллины, подобаетъ вамъ поселиться, потому что здѣсь лебо отверсто“.

159. При жизни основателя колоніи, Батта, царствовавшего сорокъ лѣтъ, и въ теченіе шестнадцати-лѣтняго царствованія сына его Аркесилая колонію занимали киреняне въ такомъ числѣ, въ какомъ они вышли для основанія ея первоначально. При третьемъ правителѣ колоніи, такъ называемомъ Баттѣ Счастливымъ, пнеія своими изреченіями побуждала всѣхъ еллиновъ плыть въ Ливію и селиться тамъ вмѣстѣ съ киренянами. Дѣйствительно, киреняне приглашали къ тому еллиновъ, обѣщая имъ участки земли. Изреченіе оракула гласило такъ: „кто прибудетъ въ достолюбезную Ливію позже, когда земля будетъ распределена, тотъ, увѣрю я, скоро покатится“. Въ Кирену собралась тогда большая толпа народа. Окрестныя ливіяне и царь ихъ Адикранъ, сильно тѣснимыя кругомъ въ своихъ владѣніяхъ, теряли много земли и подвергались обидамъ со стороны киренянъ, а потому обратились черезъ пословъ въ Египетъ съ предложеніемъ передаться египетскому царю Априю. Тотъ собралъ большое египетское войско и отправилъ противъ Кирены. Киреняне выступили въ походъ къ мѣстности Ираса, сравились у источника Фесты съ египтянами и одержали надъ ними побѣду. Дѣло въ томъ, что раньше египтяне не пробовали своихъ силъ въ борьбѣ съ

слинами и относились къ нимъ пренебрежительно; теперь они понесли такое поражение, что только немногіе изъ нихъ возвратились въ Египетъ. Египтяне вѣрили это Апрію въ вину и потому отложились отъ него.

160. У этого Батта былъ сынъ Аркесилай. Съ самаго начала своего царствованія онъ враждовалъ съ братьями до тѣхъ поръ, пока они не покинули его и не ушли въ другую часть Ливіи, и тамъ собственными силами основали городъ, который какъ тогда, такъ и теперь, называется Баркою. Вмѣстѣ съ основаніемъ города они подняли тамошнихъ ливіянъ противъ киренянъ. Послѣ этого Аркесилай началъ войну съ тѣми самыми ливіянами, которые приняли къ себѣ его братьевъ и вмѣстѣ съ тѣмъ возстали противъ него. Ливіане изъ страха передъ нимъ убѣжали къ восточнымъ ливіянцамъ. Аркесилай преслѣдовалъ бѣгущихъ, пока не достигъ мѣстности въ Ливіи, именуемой Лептономъ, гдѣ ливіане рѣшились напасть на него. Въ сраженіи они одержали полную побѣду надъ киренянами, такъ что на мѣстѣ легло семь тысячъ тяжело-вооруженныхъ киренянъ. Послѣ пораженія Аркесилай выпилъ яду и заболѣлъ, а потомъ былъ заданъ братомъ своимъ Галиархомъ; въ свою очередь Галиарха умертвила коварно жена Аркесилая, посвящая имя Ериксю.

161. Царство Аркесилая наследовалъ сынъ его Баттъ, хромой и кривоногий. Въ виду постигшаго ихъ несчастія киреняне послали въ Дельфы узнать, при какомъ образѣ правленія они будутъ жить наилучше. Въ отвѣтъ на это піонія велѣла имъ пригласить къ себѣ умпротворителя изъ Мантиицы Аркадской. Киреняне обратились къ мантиицянцамъ съ такой просьбой, и тѣ дали имъ знатнѣйшаго изъ гражданъ, Демонакта. Онъ прибылъ въ Кирену, узналъ все подробно и пре-

жде всего раздѣлялъ жителей ея на три колѣна, именно: одну часть составили ееріане съ зависящими отъ нихъ жителями, другую пелопоннесцы и критяне, а третью всѣ островитяне. Потомъ онъ выдѣлялъ дарю Батту въ собственность лучшіе участки земли и жреческія должности, а все остальное, чѣмъ владѣли прежде цари, сдѣлалъ общенароднымъ достояніемъ.

162. Въ такомъ положеніи были дѣла, пока жилъ Баттъ, а въ царствованіе сына его Аркесилая начались большія волненія изъ за царскихъ привилегій. Дѣло въ томъ, что Аркесилай, сынъ Батта Хромого и Феретимы, отказался подчиниться тому порядку, который установленъ былъ мантииццемъ Демонактомъ, и требовалъ возвращенія привилегій своихъ предковъ. Вслѣдствіе этого онъ возсталъ, потерпѣлъ поражение и бѣжалъ на Самъ; мать его спаслась бѣгствомъ въ Саламинъ, что на Кипрѣ. Въ Саламинѣ владичествовалъ въ то время Евелюонтъ, который пожертвовалъ въ Дельфы достойную вниманія куряльницу, находящуюся въ коринской сокровищницѣ. Къ нему-то явилась Феретима и просила войска, которое возвратило бы Кирену ей и сыну ея. Евелюонтъ предлагалъ ей все, только не войско. Она приняла подарки, замѣтивши, что и этотъ даръ хорошъ, но что было бы лучше, еслибъ онъ исполнилъ ея просьбу и далъ войско. Она повторила это при полученіи каждаго подарка; наконецъ Евелюонтъ послалъ ей въ подарокъ золотую прилку, веретено и въ добавокъ шерсть; когда Феретима снова сдѣлала то же самое замѣчаніе, Евелюонтъ возразилъ, что женщины одариваютъ такими предметами, а не войскомъ.

163. Въ это время Аркесилай общаніями земельныхъ участковъ привлекалъ всѣхъ на свою сторону и, когда собралось большое войско, отправился въ Дельфы спросить оракула относительно своего возвращенія. Піонія отвѣчала слѣдующее: „четыремъ Баттамъ и че-

тыремь Аркесилаемъ, на время восьми поколѣній, даруетъ вамъ Локсія владычество надъ Кирею: царствовать дольше онъ совѣтуетъ вамъ и не пытаться. Ты однако возвращайся домой и сиди спокойно. Если увидишь, что печка полна горшковъ, не выжигай ихъ, но оставь въ покой; а если важжешь печку, то не входи въ околицу: и самъ погибнешь, и погибнетъ лучший быкъ". Таковъ былъ отвѣтъ пней.

164. Аркесилай взялъ съ собою воинствъ, которыхъ навербовалъ на Самѣ, и возвратился въ Кирену; но съ достиженіемъ власти онъ забылъ объ оракулѣ и старался отомстить своимъ врагамъ за изгнаніе. Одни изъ нихъ окончательно покинули страну, другіе захвачены были Аркесилаемъ и отправлены для умерщвленія на Кипръ; но этихъ послѣднихъ вѣтеръ занесъ къ Книду, жители острова спасли ихъ и доставили на Феру. Наконецъ часть киренянъ скрылась въ обширной башнѣ частнаго лица Агломаха, а Аркесилай велѣлъ обложить башню дровами и поджечь. Только по совершеніи злодѣянія онъ уразумѣлъ смелъ изреченія, въ которомъ пней не совѣтовала ему выпалывать найденные въ печкѣ горшки, и сталъ добровольно держаться въ сторонѣ отъ города киренянъ, опасаясь предсказанной оракуломъ смерти, разумѣя подъ околицею Кирену. Женатъ онъ былъ на своей родственницѣ, дочери царя баркиянъ, носившаго имя Алазейръ; къ ней-то онъ и явился. Жители Барки и нѣкоторые изъ киренскихъ изгнанниковъ забили его на рынкѣ и убили, убили также и тестя его. Такъ исполнилась судьба Аркесилая, потому что онъ вольно или невольно поступилъ противно изреченію оракула.

165. Пока Аркесилай находился въ Баркѣ, самъ себя уготовляя бѣдствіе, мать его Феретима пользовалась почетомъ и вообще всѣми привилегіями сына въ Киренѣ, между прочимъ засѣдала и въ совѣтѣ; только

услыхавши о смерти сына въ Баркѣ, она бѣжала и скрылась въ Эгиптѣ; здѣсь услуги, оказанныя Аркесилаемъ Камбисѣ, послужили ей на пользу. Дѣло въ томъ, что Аркесилай передалъ Камбисѣ Кирену и уплачивалъ ему дань ¹⁾. По прибытіи въ Эгипетъ Феретима явилась въ качествѣ молищей о защитѣ къ Ариандѣ и убѣждала отомстить за нее, выставляя на видъ, что сынъ ея погибъ за расположеніе къ мидянамъ.

166. Этотъ Арианда былъ намѣстникомъ Эгипта, назначеннымъ еще Камбисомъ; впоследствии онъ погибъ за то, что стремился сравняться съ Даріемъ. Онъ слышалъ и видѣлъ, что Дарій возымѣлъ желаніе оставить по себѣ такой памятникъ, какого не сооружалъ еще ни одинъ царь, и сталъ подражать ему, за что и получилъ возмездіе. Дѣло въ томъ, что Дарій велѣлъ выплавлять золотой песокъ до возможно большей чистоты и изъ такого золота вычеканить монеты; бывшій въ то время правителемъ Эгипта Арианда то же самое дѣлалъ съ серебромъ, и теперь самое чистое серебро извѣстно подъ именемъ Ариандова. Дарій узнавъ объ этомъ, выставилъ противъ него другое обвиненіе, въ государственной измѣнѣ, и велѣлъ казнить.

167. Этотъ-то Арианда сжалился надъ Феретимой, предоставилъ въ ея распоряженіе все войско, что было въ Эгиптѣ, какъ сухопутное, такъ и флотъ, причемъ полководцемъ сухопутнаго войска назначилъ онъ Амасида изъ рода марафіевъ, а начальникомъ флота Вадреса изъ рода насаргадовъ. Прежде чѣмъ отправить войско, Арианда послалъ въ Барку глашатая узнать, кто убилъ Аркесилая; баркиане отвѣчали, что его убили они всѣ за тѣ многія бѣды, какія претерпѣли отъ него. По полученіи такого отвѣта Арианда отправилъ войско вмѣстѣ съ Феретимой. Это обстоятельство

¹⁾ III, 13.

выдавалъ онъ только на словахъ за причину похода; мнѣ же кажется, что на самомъ дѣлѣ онъ отправилъ войско для покоренія Ливіи. Въ Ливіи живетъ много различныхъ народовъ; только меньшая часть ихъ была покорна персидекому царю, большинству и знать не хотѣло Дарія.

168. Ливіане расположены въ слѣдующемъ порядкѣ: начиная отъ Египта первыми изъ ливіанъ живутъ адирмакиды, у которыхъ большая часть учрежденій египетскихъ, а одѣваются они совершенно такъ же, какъ и прочіе ливіане. Женщины ихъ носятъ на обѣихъ ногахъ мѣдныя браслеты; волосы носятъ онѣ длинныя, а когда поймаютъ вошь, то прежде кусаютъ ее, а потомъ бросаютъ вонъ; такъ дѣлаютъ они одни изъ всѣхъ ливіанъ. Равнымъ образомъ они одна показываютъ царю своихъ дѣвушекъ передъ вступленіемъ ихъ въ бракъ; какая изъ нихъ понравится царю, ту онъ и лишаетъ пединности. Адирмакиды занимаютъ пространство отъ Египта до гавани Плина.

169. Тотчасъ за ними слѣдуютъ гилигамы, занимающіе землю на западъ отъ адирмакидовъ до острова Афродисіады. На серединѣ этого пространства у берега Ливіи лежитъ островъ Платея, заселенный киренянами, а на сѣвѣ Мепелаева гавань и Азирисъ, гдѣ жили киреняне. Начиная отсюда, поивляется сильфій и растетъ на всемъ протяженіи отъ острова Платеи до устья Сиртиса. Учрежденія у нихъ такія же, какъ и у другихъ народовъ Ливіи.

170. Къ западу за гилигамами слѣдуютъ асбисты, ниже ихъ вдоль моря живутъ киреняне. Въ управленіи квадратами они не только не уступаютъ другимъ народамъ Ливіи, но далеко превосходятъ ихъ. Учрежденія свои асбисты заимствуютъ большею частью отъ киренянъ.

171. Далѣе съ запада къ асбистамъ примыкаютъ авсхисы. Они живутъ надъ Баркою и у Евсперидъ

спускаются до моря. Посрединѣ земли авсхисовъ живетъ небольшой народъ бакалы, спускающійся до моря подлѣ города Тавхиръ въ Баркейской области; у нихъ тѣ же учрежденія, что и у обитателей надъ Киреною.

172. Вслѣдъ за авсхисами на западѣ идутъ насамоны, народъ многолюдный; лѣтомъ они покидаютъ свои стада на морскомъ берегу, а сами поднимаются въ страну Авгилы для сбора палмовыхъ плодовъ; дѣйствительно, тамъ растутъ палмы гроздныя и въ большомъ числѣ, къ тому же всѣ плодовые. Они охотятся на саранчу, сушатъ ее на солнцѣ, потомъ перемалываютъ, мѣшаютъ съ молокомъ и такъ пьютъ. По обычаю, каждый изъ нихъ имѣетъ много женъ, но женщинами они пользуются сообща, поступаая при этомъ такъ же, какъ и массагеты¹⁾: желающій ставитъ передъ дверью палку и сообщается свободно съ женщиной. По другому обычаю, невѣста насамона, если онъ женится на первой женщинѣ, обходитъ всѣхъ гостей и сообщается съ ними, причемъ каждый сообщающійся съ невѣстой предлагаетъ ей взятый изъ дому подарокъ. Совершаятъ они клятву и гадаютъ слѣдующимъ образомъ: клятва произносится во имя тѣхъ лицъ, которыя, по ихъ мнѣнію, были честнѣйшими и доблестнѣйшими людьми; произносящіе клятву прикасаются къ могиламъ такихъ людей. Для гаданія они отправляются на могилы предковъ, произносятъ молитвы и тамъ же ложатся спать; что увидитъ гадающій во снѣ, тому онъ и слѣдуетъ. Договоры они заключаютъ такъ: одинъ изъ договаривающихся предлагаетъ другому напитокъ крови изъ его руки и пьетъ самъ изъ руки другаго; если нѣтъ при этомъ никакой жидкости, договаривающіеся поднимаютъ палецъ съ земли и ляжутъ ее.

173. На границѣ съ насамонами живутъ псыллы,

¹⁾ I, 216.

погибшие такимъ образомъ: однажды южный вѣтеръ высушил имѣвшіеся у нихъ водоемы, а вся страна, лежащая внутри Сиртиса, была безводна. Писали держали общій совѣтъ и выступили въ походъ противъ южнаго вѣтра,—говорю я со словъ ливіанъ; когда они вошли въ песчаную пустыню, подулъ южный вѣтеръ и засыпалъ ихъ пескомъ. Послѣ гибели ихъ страну заняли насамоны.

174. Выше насамоновъ, къ югу, въ странѣ обильной звѣрами, живутъ гарманты, избѣгающіе всякаго человѣка и общенія съ кѣмъ бы то ни было; у нихъ нѣтъ никакого военнаго оружія, и они не умѣютъ отражать врага. Они живутъ выше насамоновъ.

175. Ниже насамоновъ вдоль моря, къ западу отъ нихъ живутъ мака, которые низко стригутъ себѣ волосы на головѣ кругомъ, отпуская чубъ только на макушкѣ; для войны употребляютъ вмѣсто щитовъ кожи страусовъ. Черезъ землю ихъ протекаетъ рѣка Кинишъ, начинающаяся на холмѣ Харитъ и изливающаяся въ море. Холмъ Харитъ изобилуетъ рощами, тогда какъ остальная часть Ливіи, нами до сихъ поръ разсмотрѣнная, лишена деревьевъ. Отъ моря до этого холма двѣсти стадій.

176. Съ маками пограничны гинданы. Женщины ихъ носятъ вокругъ лодыжекъ множество кожаныхъ колецъ, какъ рассказываютъ, по такой причинѣ: послѣ каждаго сообщенія съ мужчиной женщина повязываетъ себѣ кожаное кольцо, и та, которая имѣетъ наибольшее такихъ колецъ, считается наилучшею, такъ какъ имѣла любовную связь съ наибольшимъ числомъ мужчинъ.

177. Лотофаги занимаютъ выдающийся въ море мысъ земли гиндановъ; они питаются только плодомъ лотоса. Плодъ лотоса по величинѣ почти такой же, какъ финишка, а по сладкому вкусу походитъ на плодъ пальмоваго дерева. Изъ этого же плода лотофаги готовятъ себѣ вино.

178. За лотофагами вдоль морскаго берега слѣдуютъ махліи, также употребляющіе въ пищу лотосъ, но меньше, нежели упомянутый выше народъ. Они доходятъ до большой рѣки, именуемой Тритономъ и изливающейся въ большое озеро Тритониду. На озерѣ есть островъ по имени Фла. Говорятъ, было изреченіе оракула, по которому островъ должны были заселить лакедемоняне.

179. Существуетъ и другой еще разсказъ слѣдующаго содержанія: по сооруженіи корабля Арго подъ Пеліемъ Ясонъ помѣстилъ на немъ гекатомбу и мѣдный треножникъ, обѣхалъ кругомъ Пелопоннесъ и рѣшился посѣтить Дельфы. Когда на пути онъ находился подлѣ Малей, его застигъ сѣверный вѣтеръ и отнесъ къ Ливіи; прежде чѣмъ увидѣть сушу, онъ попалъ на мели въ озерѣ Тритонидѣ и не зналъ, какъ выйти оттуда. Тогда явился Тритонъ и потребовалъ для себя отъ Ясона треножникъ, обѣщая за это показать имъ путь и невредимыми вывести ихъ изъ бѣды. Ясонъ согласился; тогда Тритонъ указалъ имъ выходъ между мелими, а треножникъ поставилъ въ своемъ храмѣ; съ того самаго треножника онъ нарекалъ предсказанія и открылъ Ясону и его спутникамъ предстоящую судьбу, именно: если кто-нибудь изъ потомковъ аргонавтовъ унесетъ съ собою треножникъ, то непременно соорудитъ въ окрестностяхъ озера Тритониды сто еллинскихъ городовъ. Выслушавши предсказаніе, тамошніе жители Ливіи скрыли треножникъ.

180. За махліями непосредственно слѣдуютъ авсен; какъ и махліи, они живутъ въ окрестностяхъ озера Тритониды; раздѣляютъ ихъ рѣка Тритонъ. Махліи отпускаютъ волосы на задней части головы, а авсен на передней. Ежегодно въ праздникъ Аяны дѣвушки ихъ раздѣляются на два отряда и вступаютъ между собою въ борьбу камнями и палками; это называютъ они

ископнымъ празднествомъ въ честь туземной богини, которую мы называемъ Аеиною. Если какая-нибудь дѣвушка умираетъ отъ раны, то полагаютъ, что она ложно имевалась дѣвственницей. Передъ боемъ дѣвушки поступаютъ такъ: та изъ нихъ, которая въ этомъ году всѣми признана красивѣйшей, облекается въ коринтскій шлемъ и въ полное еллинское вооруженіе, потомъ сажаютъ ее на колесницу и обвозятъ кругомъ озера. Какое вооруженіе надѣвали на себя тамошнія дѣвушки въ давнее время, до поселенія подлѣ нихъ еллиновъ, не могу сказать, но полагаю, что онѣ носили египетское вооруженіе, такъ какъ по моему мнѣнію и шить, и шлемъ перешли къ еллинамъ отъ египтянъ. Аеина, по словамъ ихъ, дочь Посейдона и Тритониды; посорившись изъ за чего-то съ отцомъ, она отдала себя въ собственность Зевсу, а Зевсъ принялъ ее какъ родную дочь. Таковъ рассказъ ихъ. Сообщеніе съ женщинами у нихъ смѣшанное, браковъ они не знаютъ и сообщаются какъ животные. Каждый мѣсяцъ муцины ихъ собираются въ одно мѣсто и, если ребенокъ какой-нибудь женщины пришелъ къ тому времени въ возрастъ, онъ считается сыномъ того изъ муцинъ, на котораго похожъ.

181. Нами перечислены приморскіе кочевые жители Ливіи. Надъ ними въ глубинѣ материка прострается Ливія, обильная дикими звѣрами, за нею лежитъ возвышенная песчаная полоса на семьсотъ протаженіи отъ египетскихъ Ѡивъ до Геракловыхъ Столбовъ. На песчаной полосѣ находится на разстояніи дней десяти другъ отъ друга куски соли въ видѣ большихъ комковъ, собранныхъ въ соляные холмы; на вершинѣ каждаго холма изъ поды соли бьетъ холодная сладкая вода, а вокругъ источника живутъ люди, крайніе обитатели Ливіи по сю сторону пустыни и по ту сторону обильной животными Ливіи. На разстояніи десяти дней пути отъ Ѡивъ

первые живутъ аммоніи; у нихъ есть святилище Зевса, происходящее отъ храма Зевса Ѡивскаго; дѣло въ томъ, что въ Ѡивахъ имѣется, о чемъ уже было сказано ¹⁾, изображеніе Зевса съ барашьей головой. У нихъ есть впрочемъ и другая вода ключевая; утромъ она теплая, ко времени посѣщенія рынка становится свѣжѣе, а въ полдень совсѣмъ холодна; въ эту пору жители поливаютъ ею свои сады. По мѣрѣ того, какъ день склоняется къ вечеру, холодъ мало-по-малу убавляется, пока наконецъ при солнечномъ закатѣ вода не становится опять теплою; съ этой поры теплота ея усиливается до полудни; тогда вода кипитъ, такъ что на поверхности поднимаются пузырьки; послѣ полудни до утра вода охладѣваетъ. За это источникъ зовется солнечнымъ.

182. За аммоніями, на той же песчаной полосѣ, также на разстояніи десяти дней пути, находится соляной холмъ съ водою, похожій на аммонскій, а вокругъ него живутъ люди. Мѣстность эта носитъ названіе Авгилъ. Сюда приходять насамоны для собранія пальмовыхъ плодовъ.

183. Въ десяти дняхъ пути отъ Авгилъ поднимается новый соляной холмъ съ водою и множествомъ плодовыхъ пальмъ, совершенно такой же, какъ и прежде упомянутые. На немъ живетъ очень большой народъ, гараманты; они насыпаютъ на соль землю и потомъ засѣваютъ. Отъ нихъ кратчайшій путь къ лотофагамъ, именно тридцать дней ходьбы. Въ странѣ гарамантовъ водятся задомъ пасущіеся быки; вотъ отъ чего это происходитъ: рога быковъ загнуты напередъ, и они пасутся отступая назадъ; идти впередъ быки не могутъ, потому что рога ихъ упирались бы въ землю. Во всемъ остальномъ они вовсе не отличаются отъ обыкновенныхъ быковъ, развѣ тѣмъ только, что кожа ихъ толще и гибче.

¹⁾ II, 42. 32.

Эти гараманты охотятся въ квадригахъ на пещерныхъ эеоповъ. Изъ всѣхъ народовъ, о которыхъ имѣются у насъ свѣдѣнія, пещерные эеопы отличаются самымъ быстрымъ бѣгомъ. Питаются они змѣями, ящерицами и другими подобными пресмыкающимися. Языкъ ихъ не походитъ ни на какой другой; они шипятъ какъ летучія мыши.

184. На разстояніи другихъ десяти дней пути отъ гарамантовъ слѣдуетъ новый соляной холмъ съ водою, и вокругъ него живетъ народъ по имени атаранты; они одни изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ людей не имѣютъ личныхъ именъ; всѣ вообще они называются атарантами, но отдѣльные лица никакихъ именъ не носятъ. Къ солнцу, когда оно грѣетъ чрезмѣрно, атаранты обращаются съ проклятіями и со всякими ругательствами за то, что жара его губительно дѣйствуетъ и на нихъ самихъ, и на всю страну ихъ. На такомъ же разстояніи отъ атарантовъ возвышается новый соляной холмъ съ водою; вокругъ него тоже живутъ люди. Непосредственно за холмомъ слѣдуетъ гора по имени Атлантъ. Гора эта узка и со всѣхъ сторонъ круга; говорятъ, она такъ высока, что нельзя видѣть вершины ея, потому что она вѣчно покрыта снѣгомъ, лѣтомъ и зимою. По словамъ туземцевъ, это столбъ, на которомъ опирается небо. По имени горы тамошніе жители называются атлантами. Рассказываютъ, что они не ѣдятъ ничего одушевленнаго и не видятъ сновъ.

185. Народы, живущіе на песчаной полосѣ до атлантовъ, я могу назвать по именамъ, а живущіе дальше мнѣ уже не извѣстны. Песчаный гребень тянется до Геракловыхъ Столбовъ и даже по ту сторону ихъ. На разстояніи десяти дней пути отъ атлантовъ находятся на этомъ гребнѣ соляныя копи, а подлѣ нихъ живутъ люди. Жилища у всѣхъ ихъ сооружены изъ соляныхъ глыбъ. Дѣло въ томъ, что эта часть Ливіи

не орошается дождями вовсе; при дождяхъ соляныя стѣпы не могли бы держаться. Выкапываемая здѣсь соль бываетъ бѣлаго и пурпурнаго цвѣта. По ту сторону песчанаго гребня, на югъ отъ него, въ глубинѣ Ливіи, лежитъ пустыня, безводная, лишенная звѣрей, бездождная и безлѣвая; влаги нѣтъ въ ней вовсе.

186. Такимъ образомъ отъ Египта до озера Тригониды живутъ кочевые ливіане, употребляющіе въ пищу мясо и пьющіе молоко; впрочемъ мяса коровъ они не ѣдятъ по той же причинѣ, что и египтяне, равно какъ не держатъ свиней. Киренскія женщины также считаютъ грѣхомъ для себя ѣсть коровье мясо во вниманіе къ египетской Исидѣ; въ честь ея они постятся и устроиваютъ празднества. Точно также баркійскія женщины не ѣдятъ ни свиного, ни коровьяго мяса. Таковы эти страны.

187. Къ западу отъ озера Тригониды нѣтъ болѣе кочевниковъ, и нравы тамошнихъ народовъ иные. Такъ, съ дѣтьми обращаются они иначе, нежели кочевники. Кочевые ливіане, всѣ-ли, навѣрное не знаю, во всякомъ случаѣ многіе изъ нихъ, поступають такъ: по достиженіи ребенкомъ четырехлѣтняго возраста они грязною шерстью овцы прижигаютъ ему ямки на темени, а иные народы припекають ямки и на вискахъ; дѣлается это съ тою цѣлью, чтобы въ дальнѣйшей жизни люди не страдали отъ жидкости, вытекающей изъ головы. Потому-то, по ихъ словамъ, они и пользуются наилучшимъ здоровьемъ. Дѣйствительно, ливіане здоровѣе всѣхъ извѣстныхъ намъ народовъ; не могу сказать достоверно, по этой ли именно причинѣ, но они здоровѣе всѣхъ. На тотъ случай, если съ ребенкомъ во время обжиганія сдѣлается конвульсія, употребляется слѣдующее средство: обливають ребенка кофейной мочей и этимъ его излѣчиваютъ. Впрочемъ, я говорю это со словъ ливіанъ.

188. Жертвоприношение совершается у кочевниковъ слѣдующимъ образомъ: вначалѣ отрѣзываютъ животному кусокъ уха и бросаютъ его черезъ жилище; затѣмъ шею жертвеннаго животнаго поворачиваютъ назадъ. Только солнцу и лунѣ приносятся жертвы веѣми ливіянми; обитатели окрестностей озера Тритониды чествуютъ жертвами главнымъ образомъ Аппу, а далѣе живущіе народы Тритона и Посейдона.

189. Отъ ливійскихъ женщинъ еллины заимствовали одѣяніе и эгиду Аенны на изображеніяхъ богини. Дѣйствительно, хотя платье ливіанокъ кожаное, а вишица бахрома ливійской эгиды состоитъ не изъ звѣй, а изъ кожаныхъ ремней, однако во всемъ остальномъ одѣяніе ливіанокъ и облаченіе Аенны одинаковы. Впрочемъ самое названіе свидѣтельствуетъ о томъ, что облаченіе Паллады заимствовано изъ Ливіи: ливійскія женщины носятъ поверхъ платья ковью шкуру безъ шерсти, окрашенную крапомъ и отдѣланную бахромой, а именемъ этихъ козвѣхъ кожъ (асеае) еллины называютъ свои эгиды. Равнымъ образомъ и полагаю, что и воля женщины при жертвоприношеніяхъ введены въ общай первоначально здѣсь, потому что у ливіанокъ они въ больномъ употребленіи и производятся съ большимъ искусствомъ. Наконецъ у ливіанъ научилъ еллины ѣздить четверней.

190. Покойниковъ своихъ кочевники хоронятъ такимъ же образомъ, какъ и еллины, за исключеніемъ насамоновъ; эти послѣдніе хоронятъ ихъ въ сидячемъ положеніи и очень заботятся, чтобы умирающій сидѣлъ прямо при послѣднемъ издыханіи, а не лежалъ навзничъ. Жилища ихъ подвижны и сколочены изъ асфодельевыхъ стеблей, связанныхъ между собою тростникомъ. Таковы ихъ нравы и обычаи.

191. Къ западу отъ рѣки Тритона на границѣ съ авсеими живутъ уже ливіане земледѣльцы, имѣющіе

постоянныя жилища; называются они максіями. Длинные волосы они носятъ только на правой сторонѣ головы, а на лѣвой стригутъ ихъ; тѣло окрашиваютъ сурikomъ. Они производятъ себѣ отъ обитателей Трои. Страна ихъ, равно какъ и остальная, западная Ливія гораздо богаче животными и лѣсами, нежели Ливія кочевниковъ. Восточная часть Ливіи, занятая кочевниками, низменна и песчана до самой рѣки Тритона, а начиная отсюда къ западу Ливія земледѣльческихъ народовъ гориста, изобилуетъ лѣсами и звѣрями. Здѣсь водятся огромныя звѣи, ужь, львы, слоны, медвѣди, рогатые ослы, люди съ песьими головами, люди безголовые съ глазами на груди, — такъ по крайней мѣрѣ рассказываютъ ливіане, — дикіе мушны и такіе же женщины и множество другихъ обыкновенныхъ животныхъ.

192. Такихъ животныхъ вовсе нѣтъ у ливіанъ кочевниковъ; за то у нихъ водятся антилопы-пигарги, гавели, буйволы, ослы не рогатые, но не пьющіе воды, потому оріи, изъ роговъ которыхъ изготовляются рукоятки для такъ называемой финкійской леры, — величиною это животное съ быка, — далѣе лисицы, гіены, дикобразы, дикіе бараны, диктіи, шакалы, пантеры, боріи, земноводные крокодилы локти въ три длиною, очень похожіе на ящерицъ, страусы и однорогія звѣи. Кромѣ этихъ животныхъ, тамъ водятся всѣ тѣ, что и въ другихъ странахъ, за исключеніемъ оленей и дикихъ кабановъ; впрочемъ олени и дикіе кабаны не встрѣчаются въ Ливіи вовсе. Водятся здѣсь еще тройкой породы мыши: одніе называются двуногими, другіе вегеріями, — ливійское слово, означающее холмы; третья порода — ежи. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ растеть сильфіи, водятся ласки, совершенно сходныя съ тартесскими ласками. Вотъ каковы животныя въ Ливіи на всемъ пространствѣ, о которомъ мы могли собрать свѣдѣнія.

193. Съ максими пограничны изъ ливійнъ завекъ, у которыхъ женщины возятъ на войну боевыя колесницы.

194. Съ завесами пограничны гванты, у которыхъ большое количество меда производится пчелами, а еще больше готовится искусственно особыми людьми. Все они красятъ себя тѣло сурикомъ и употребляютъ въ пищу обезьянъ, которыя въ чрезвычайномъ множествѣ водятся у нихъ въ горахъ.

195. Подлѣ гвантовъ, какъ сообщаютъ кароагенине, лежитъ островъ Киравись, узкій, но въ длину имѣющій двѣсти стадій, легко достижимый съ материка; изобилуетъ оливковымъ деревомъ и виноградной лозой. На островѣ есть озеро, изъ пла котораго туземныя дѣвушки добываютъ золотой песокъ съ помощью птичьихъ перьевъ, вымазанныхъ смолою. Вѣрно-ли это, не знаю; сообщаю, что слышалъ. Впрочемъ все возможно: вѣдь на Закинѣи я самъ видѣлъ, какъ изъ озера добывали смолу. Тамъ есть много озеръ; наибольшее изъ нихъ имѣетъ въ длину семдесятъ футовъ и столько же въ ширину; глубина его двѣ сажени. Въ это озеро опускаютъ шесть съ прикрепленной на концѣ муртовой вѣткой; на вѣткѣ они вытаскиваютъ смолу, имѣющую запахъ асфальта; она лучше перійской смолы. Засмѣ они выливаютъ смолу въ вырытый подлѣ озера прудъ; собравши ее тамъ въ достаточномъ количествѣ, разливаютъ изъ пруда по амфорамъ. Чтобы ни попало въ озеро, все скрывается подъ землей и потомъ снова появляется на морѣ, а море удалено отъ озера стадій на четыре. Такимъ образомъ правдоподобны и рассказы объ островѣ, что лежитъ подлѣ Ливіи.

196. Кароагенине рассказываютъ еще слѣдующее: есть въ Ливіи страна и народъ по ту сторону Гералловыхъ Столбовъ; приходятъ къ нимъ для торговли, кароагенине выгружаютъ свои товары изъ кораблей, раскла-

дываютъ ихъ рядомъ на морскомъ берегу, потомъ возвращаются на свои суда и разводятъ дымъ. Замѣтивши дымъ, туземцы подходятъ къ морю, за товары оставляютъ золото и удаляются обратно. Кароагенине выводятъ на сушу и разсматриваютъ, достаточно-ли оставлено золота за товары; если достаточно, то золото они забираютъ и отплываютъ; если же не достаточно, то снова всходятъ на корабли и тамъ выжидаютъ; туземцы опять появляются, прибавляютъ золота столько, чтобы удовлетворить кароагенинъ. По словамъ кароагенинъ, никогда одна сторона не обижаетъ другой: кароагенине никогда не прикасаются къ золоту прежде, чѣмъ по стоимости оно несравняется съ товаромъ; точно также туземцы уносятъ съ собою товары только тогда, когда золото взято кароагенинами.

197. Вотъ ливійскіе народы, которыхъ мы могли именовать. Большая часть этихъ народовъ ни теперь не признаетъ царя мидянъ, ни прежде не обращала на него никакого вниманія. О странѣ этой я могу сообщить еще, что она, насколько извѣстно, занята всего четырьмя народами, не больше. Изъ этихъ народовъ два туземныя, два вѣтъ; туземныя—ливіане и эоіоны; первые живутъ въ сѣверной, послѣдніе въ южной Ливіи. Напротивъ, финикіане и еллины—пришельцы.

198. Мнѣ кажется, что земли Ливіи до такой степени не хороша, за исключеніемъ Кинина, что она не можетъ быть даже сравниваема съ Азіей или Европой. Кининъ—такъ называется рѣка—по количеству производимыхъ имъ плодовъ Деметры есть благодатнѣйшая страна и не походитъ на остальную Ливію. Область эта имѣетъ черноземъ, обильно орошена источниками, вовсе не боится засухи, но и не страдаетъ отъ слишкомъ обильныхъ дождей; эта часть Ливіи орошается дождями умѣренно. По количеству собираемыхъ плодовъ она равняется Вавилоніи. Благодатна и та земля, ко-

торую владѣютъ Евеспериты; въ самые лучшіе годы она приносить самъ-сто, а земли кинипская самъ-триста.

199. Впрочемъ и киренская область, самая высокая въ кочевой части Ливіи, представляетъ три поры года, достойны удивленія. Прежде другихъ поспѣваютъ къ жатвѣ и уборкѣ плоды морскаго побережья. Когда они собраны, подоспѣваютъ среднія области, именуемыя холмами, что выше прибрежныхъ земель. По уборкѣ плодовъ съ средней полосѣ вѣютъ и ждутъ своей очереди плоды самой высшей части Ливіи. Такимъ образомъ, когда выпиты и съѣдены плоды первой уборки, къ тому времени появляются плоды уборки послѣдней, и потому собраніе плодовъ длится у киренянъ восемь мѣсяцевъ. Объ этомъ довольно.

200. Тѣ персы, которые были отправлены Ариандо изъ Эгипта въ помощь Феретимъ ¹⁾, прибыли въ Барку; осадили городъ и требовали выдачи виновныхъ въ убійствѣ Аркесіа. Такъ какъ вину приняло на себя все населеніе Барки, то требованіе персовъ было отвергнуто. Барку осаждали персы въ теченіе девяти мѣсяцевъ, выкопали подземные рвы, ведущіе къ акрополю, и жестоко штурмовали городъ. Подземные ходы открылъ кузнецъ съ помощью мѣднаго щита по слѣдующимъ признакамъ: внутри стѣны онъ кругомъ обносилъ своей щитъ и вездѣ касался имъ самой почвы города. Во всѣхъ мѣстахъ, которыхъ онъ касался, не слышно было ничего; мѣдъ щита звучала только тамъ, гдѣ проложены были ходы. Тогда баркіяне стали копать въ томъ мѣстѣ подземный ходъ съ противной стороны и убивали персовъ, запятыми прорытіемъ ходовъ. Такъ отысканы были подземные ходы; по приступу мужественно отражались жителями Барки.

201. Такъ тинудось долго, съ обѣихъ сторонъ гиб-

ло много воиновъ, персовъ не меньше чѣмъ баркіянь, пока предводитель тѣхоты Амасидъ не придумалъ слѣдующаго средства, убѣдившись въ томъ, что баркіяне могутъ быть взяты не силою, а хитростью: онъ велѣлъ вырыть ночью широкую канаву, положить черезъ нее тонкія бревна, а поверхъ бревенъ насыпать земли и сравнять ее съ остальной почвой. На слѣдующій день на разсвѣтѣ онъ пригласилъ баркіянь для переговоровъ; тѣ съ радостью приняли приглашеніе, потому что сильно желали заключить миръ съ противниками. Клятвенный договоръ заключенъ былъ на потаенномъ рвѣ на слѣдующихъ условіяхъ: клятва должна оставаться нерушимой до тѣхъ поръ, пока нерушимой остается земля эта, баркіяне обѣщали уплатить царю подобающую дань, а персы—не тревожить болѣе баркіянь. По заключеніи договора, скрѣпленнаго такою клятвою, баркіяне стали выходить изъ города, открыли всѣ ворота, а изъ неприятелей всякій желающій входилъ въ городъ. Тогда персы разломали потаенный мостъ и ринулись въ городъ. Мостъ разломали они для того, чтобы соблюсти клятвенный договоръ, заключенный съ баркіянами: договоръ останется нерушимымъ на все то время, пока земли останутся въ прежнемъ положеніи; такимъ образомъ съ разрушеніемъ моста договоръ переставалъ существовать.

202. Наиболѣе виновныхъ изъ баркіянь, выданныхъ ей персамъ, Феретима велѣла распять вокругъ стѣны, а женамъ ихъ отрѣзать груди и утнать ими кругомъ городскую стѣну. Остальныхъ баркіянь она отдала въ добычу персамъ, за исключеніемъ баттиадовъ и тѣхъ лицъ, которые были не виновны въ убійствѣ Аркесіа. Имъ-то Феретима и передала городъ.

203. Персы обратили въ рабство остальныхъ баркіянь и двинулись съ ними назадъ. Когда они подошли къ городу киренянъ, жители города во исполненіе какаго-то изреченія оракула дали имъ пропускъ черезъ

¹⁾ IV, 167.

городъ. На пути черезъ городъ начальникъ флота Бад-реесъ приказалъ брать городъ, но начальникъ пѣхоты Амасидъ не дозволилъ этого, такъ какъ, говорили оны, войско было послано противъ одного только салинскаго города. Вышедши уже изъ города и расположившись на холмѣ Зевса Ликейскаго, персы сожалѣли, что не завладѣли Киреною, вторично попытались было войти въ городъ, но киреняне не пустили ихъ. Въ то время ужасъ овладѣлъ персами, хотя никто не нападалъ на нихъ; они бросились бѣжать оттуда и оставились только на разстояннй стадій шестидесяти. Въ расположенный здѣсь лагерь явился вѣстникъ отъ Арианды съ приказаніемъ идти назадъ. Тогда персы спросили у киренянъ съѣстныхъ припасовъ и по полученіи ихъ удалились въ Эгипетъ. Однако по дорогѣ ливіане захватывали изъ за одежды и утвари всѣхъ замедлившихъ путь и оставившихся позади персовъ и убивали ихъ, пока остальные не прибыли наконецъ въ Эгипетъ.

204. Это персидское войско достигло въ Евесперидахъ наиболѣе отдаленнаго пункта Ливіи. Что касается обращенныхъ въ рабство бакріанъ, то изъ Эгипта они были отправлены далеко отъ родины къ персидскому царю, а царь Дарій далъ имъ для поселенія деревню въ области Бактріи. Деревнѣ этой также дали наименование Барки, которая существовала до моего времени въ Бактріи.

205. Однако и Феретима не кончила жизни благополучно. Вскорѣ послѣ расправы съ бакріанами и по возвращеніи изъ Ливіи въ Эгипетъ она умерла ужасною смертью: еще при жизни тѣло ея было съѣдено червями. И въ самомъ дѣлѣ, чрезмѣрное мщеніе людямъ ненавистно богамъ.

Такъ жестоко отмстила бакріанамъ Феретима, дочь Батта.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе	I—CLXIX
Книга первая	1—114

Введеніе и многочислая старина Лидія (гл. 1—5).
Исторія Лидіи отъ Креза: переходъ власти отъ гераклидовъ къ мермададѣ (6—13). Царствованіе Гипсеа, Ардиса, Садѣяты. Аліатты; отношенія ихъ къ салинамъ; случай съ Аріономъ 14—25. Крезъ, посѣщеніе его Солономъ (26—33). Домашній бѣдствія Креза; изытаніе оракуловъ (34—52). Приготовленія къ войнѣ съ персами; обращеніе къ аонпянамъ и спартанцамъ и дѣла сихъ послѣднихъ (53—70). Война съ персами, паденіе Сарды, пораженіе мидянъ персами; судьба Креза (71—94). Азія до господства персовъ: владычество ассирианъ, исторія мидянъ, Киръ до завоеванія Мидіи (95—129).
Покореніе мидянъ персами; нравы и обычаи персовъ (130—140). Города юнлянъ и юнлий (141—153). Завоеванія Кира на материкѣ и островахъ (154—177). Ассирія съ Вавилономъ, покореніе Вавилона, достопримѣчательности Ассиріи (178—200). Походъ на массагетовъ; гибель Кира; нравы массагетовъ (201—216).

Книга вторая	115—214
------------------------	---------

Походъ Камбисы въ Эгипетъ (1). Опытъ Псамметиха надъ дѣтьми; естественныя свойства Эгипта (2—18). Свойства рѣки Нила (19—34). Характеръ и нравы эгиптянъ; религіозныя вѣрованія ихъ и культы; зависимость эллиновъ отъ эгиптянъ (35—65). Священные животныя, другіе нравы эгиптянъ (66—85). Вальзамированіе (86—90). Еще бытовыя черты эгиптянъ (91—98). Исторія эгипетскихъ царей до Амасида; сооруженія ихъ; радѣльскіе эгиптянъ на классы (99—189).

Книга третья 215—302

Походъ Камбиса на Египетъ; союзъ его съ арабами и нравы этихъ послѣднихъ (1—9). Пораженіе эгиптянъ Камбисомъ (10—16). Неудачные походы Камбиса на кароагеныя, аммонитовъ и египетовъ (17—26). Неисполненія Камбисомъ (27—38). Судьба Поликрата самійскаго и война лакедемонянъ съ Самосомъ; судьба Перикла (39—60). Восстаніе маговъ противъ Камбиса, смерть Камбиса (61—66). Низверженіе маговъ и воцареніе Дарія (67—88. 118—119). Административное дѣленіе Персіи на сатрапін (89—98). Окраинныя земли (99—117). Гибель Поликрата (120—125). Гибель Оройты (126—128). Врагъ Демокедесъ (129—138). Война персовъ съ самитами (139—149). Вторичное завоеваніе Вавилона персами (150—160).

Книга четвертая 303—394

Скионы и Скионы; происхожденіе скионовъ (1—16). Народы Скионіи и сосѣдніе съ ними (17—36). Очеркъ Азійи и Евразіи (37—45). Продолженіе о Скионіи и скионахъ (46—82). Походъ Дарія въ Скионію (83—102). Обычаи тавровъ, агабирсовъ, невровъ, андрофаговъ, меланхленовъ, будиновъ, савроматовъ (103—117). Персидско-скионская война (118—144). Заселеніе острова Феры (245—249). Основаніе Карены и другихъ колоній въ Ливіи (150—165). Походъ персовъ въ Ливію (166—167). Народы Ливіи (168—199). Осада и взятіе Барки персами съ Феретимомъ во главѣ (200—205).

Другіе труды Ѡ. Мищенко.

- Описание трагедій Софокла. Киевъ. 1873. Ц. 40 к.
- Историко-литературное значеніе комедіи Аристофана „Облака“
Киевъ. 1873. Ц. 25 к.
- Описание трагедій Софокла съ сравнительно малю дѣйствитель-
ной жизни въ Афинѣхъ. Киевъ. 1874. Ц. 1 р. 25 к.
- Тарелки каменныя домашней рессублики съ Босфоромъ. Киевъ.
1874. Ц. 25 к.
- Божества Прометей въ трагедіи Эсхила. Киевъ. 1877. Ц. 25 к.
- Точность Страбона въ описаніи юнговъ. Перев. съ греческ.
съ предисловія и примечаній. Над. К. Т. Соловьевымъ.
Москва 1879. Ц. 10 р.
- Омелъ на исторіи рабства въ древней Греціи. Киевъ. 1881.
Ц. 2 р. 50 к.
- Будея Агилария. Идентична въ личномъ жребіи. Перев. съ франц.
съ предисловія. Киевъ. 1881. Т. I. Ц. 2 р. 50 к.
- Къ вопросу о древнихъ языкахъ. Киевъ. 1884. Ц. 25 к.
- Обзоръ греческой славности въ русской литературѣ 1883—83.
Киевъ. 1884. Ц. 50 к.
- Геродотъ. Исторія въ десяти книгахъ. Перев. съ греч. съ
предисл. и примечаній. Над. А. Г. Кузнецовъ. Т. I—II.
М. 1885—1886. Ц. 8 р. 50 к.
- Геродотъ. Много ли въ исторіи древне-славянской образован-
ности. Москва 1885. Ц. 60 к.
- Не въ силу строгій судъ надъ Геродотомъ. Москва 1886. Ц. 50 к.
- Фундиды. Перев. съ греч. съ предисловія, примечаній и указат.
Т. I—II. Над. А. Г. Кузнецовъ. М. 1887—88. Ц. 8 р. 50 к.
- Фундиды и его сочиненіе. I—II. Над. А. Г. Кузнецовъ. М.
1887—88. Ц. 3 р.